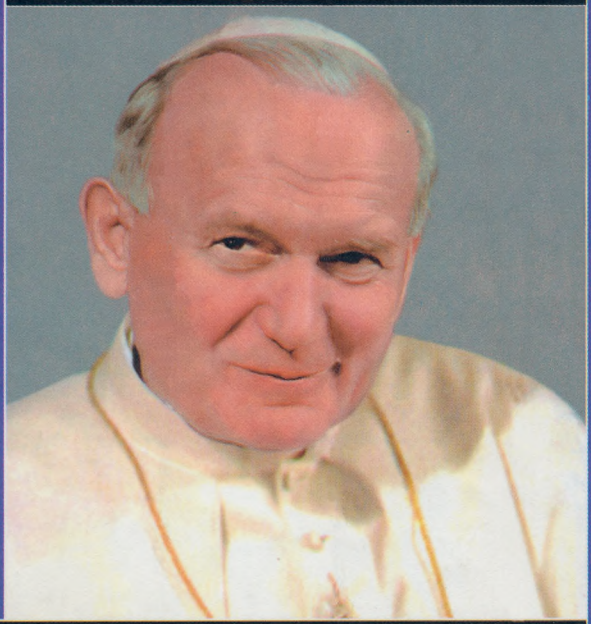
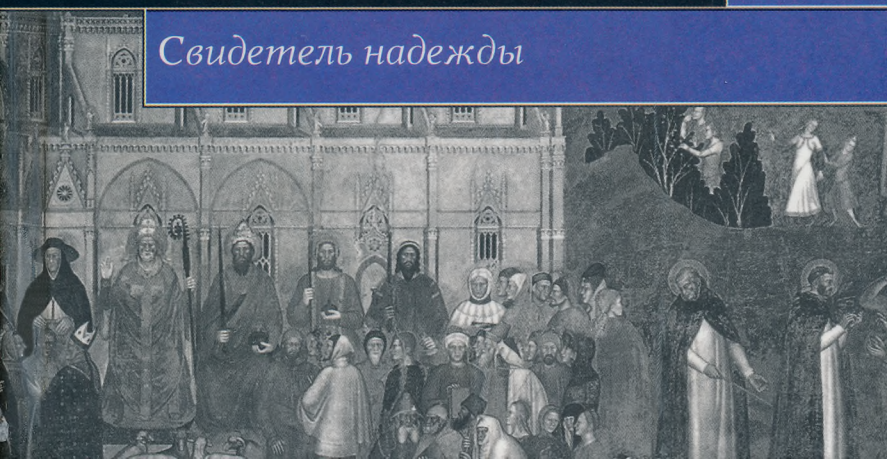
Джордж
ВЕЙГЕЛ

Иоанн Павел II

Книга 1

Свидетель надежды

Историческая библиотека

Джордж
ВЕЙГЕЛ

СВИДЕТЕЛЬ НАДЕЖДЫ

Иоанн Павел II

Книга 1

"Книжный мир экумены" © 2012

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2001

УДК 940.2
ББК 63.05(2)
В 26

Серия основана в 2001 году

George Weigel
WITNESS TO HOPE
THE BIOGRAPHY OF POPE JOHN PAUL II
1999

Перевод с английского А.А. Помогайбо (пролог, гл. 1-3), А.М. Фроловского (гл. 4-6), О.Л. Семченко (гл. 7-10), В.М. Заболотного (гл. 11-13), К.А. Криштофа (гл. 14-16), А.Г Жемеровой (гл. 17-20, эпилог).

Научный редактор А.В. Карельский

Серийное оформление С.Е. Власова

Печатается с разрешения Arnoldo Mondadori Editore S.p.A. и литературного агентства Permissions & Rights Ltd.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству АСТ. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

ISBN 5-17-005695-8

© George Weigel, 1999
© Перевод. А.А. Помогайбо, 2001
© Перевод. А.М. Фроловский, 2001
© Перевод. О.Л. Семченко, 2001
© Перевод. В.М. Заболотный, 2001
© Перевод. К.А. Криштоф, 2001
© Перевод. А.Г. Жемерова, 2001
© Оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2001

Джоан, Гвинет, Монике и Стивену

Пролог

АПОСТОЛ

По затемненным улицам Кракова, стараясь двигаться бесшумно, пробирались люди. Местом, куда они стремились, была маленькая квартирка в пригороде Кракова Денбники, в доме напротив расположенного на другой стороне Вислы древнего Вавельского замка. Сами же они были актерами и зрителями предстоящего спектакля. Этот темный вечер был 1181-м в той долгой непроглядной ночи, что царила в душе каждого поляка, и потому приходилось соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не попасться на глаза патрулям, строго следившим за соблюдением введенного оккупационными властями комендантского часа. Подпольный спектакль был актом неповиновения, и если бы задержали хотя бы одного из причастных к нему, все они могли попасть в лагерь смерти. В этот вечер, 28 ноября 1942 г., авангардная труппа «Театр восторга», стремящаяся создать «театр живого слова», в котором принципиально не использовались декорации и прочий реквизит, представляла свою версию эпической поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш».

Жалюзи на окнах были плотно закрыты, свет притушен. Представление началось. Однако те, против кого было направлено это театральное действо, все же дали о себе знать. Внезапно откуда-то извне к голосам актеров примешался голос репродуктора. Диктор читал последние сообщения о победах «непобедимого вермахта». Кое-кто, слушая репродуктор, опустил голову — бесцеремонный дребезжащий голос сводил на нет мимолетную попытку уйти от царящего за стенами дома террора. Голос казался отражением безнадежности положения собравшихся на представление.

Но двадцатидвухлетний актер, студент подпольной семинарии Кароль Войтыла, продолжал невозмутимо произносить сти-

хотворные строфы, не обращая внимания на помехи — словно стоя над временем, словно не допуская, что нацистские власти могут что-либо сделать с ним...

Почти через тридцать семь лет, 2 июня 1979 г., Кароль Войтыла снова обратился, но уже к другой аудитории — к самому большому собранию в истории Польши. Бывший актер говорил уже не в маленькой затемненной квартире — миллион его соотечественников собрался на огромной площади Победы и заполнил прилегающие к ней улицы. Но чем-то это выступление все же напоминало то, давнее. Снова Кароль Войтыла, ныне — Папа Иоанн Павел II, выступал против нарушений основных прав человека, поскольку на смену нацизму в подавлении свободы народа пришел коммунизм. И снова Войтыла шел не только против тех, кого принято называть властями, — он шел со словами правды, той правды, которая способна дать свободу в самом глубоком понимании этого слова: правды о назначении человека на Земле, когда-то поведанной миру Иисусом Христом, правды о чувстве собственного достоинства, о человеческом призвании.

И снова, как и тридцать семь лет назад, его слова были заглушены, но не дребезжащим голосом нацистского репродуктора, а спонтанно возникшим ритмичным скандированием слушавших его людей:

— Мы хотим Бога! Мы хотим Бога...

ДРАМА ЖИЗНИ

Жизненный путь Кароля Войтылы столь удивителен, что вряд ли даже самый изобретательный сценарист сумел бы сочинить нечто подобное.

Спустя всего несколько месяцев после обретения Польшей независимости в семье, проживавшей в маленьком провинциальном городке, родился мальчик, которого назвали Каролем. Мать Кароля умерла, когда мальчику не исполнилось и десяти, поэтому его воспитанием занимался отец — отставной офицер, очень набожный человек, истинный джентльмен старой закалки. Благодаря отцовскому воспитанию Кароль был первым учеником в городе, неплохим спортсменом и непременным участником любительских спектаклей. Влияние отца сказалось и в том, что одним из ближайших друзей Кароля стал сын главы местной еврейской общины.

Когда отец вышел на пенсию, Кароль переехал с ним в Краков, где поступил в основанный еще в средние века Ягеллонский университет. Однако надеждам проявить себя в мире науки или на театральных подмостках не суждено было сбыться: началась Вторая мировая война. Во время оккупации Кароль вынужден был работать каменотесом, взрывником и чернорабочим. В морозные зимние дни ему приходилось брести на работу в грубой одежде, которая не грела, и башмаках на деревянной подошве. Не принимая душой жестокость нацистской оккупации, Кароль присоединился к подпольному движению сопротивления посредством культуры, помогая в создании подпольного театра. После того как священник местного церковного прихода был отправлен властями в Дахау, Кароль предпринял первые шаги на пастырской стезе под руководством своего духовного учителя, вовлекшего Кароля в группу под названием «Живой розарий».

После смерти отца перед Каролем встал вопрос: какой путь избрать? Сцена или алтарь являются его истинным жизненным предназначением? В конце концов он выбрал подпольную семинарию. Немалую роль в этом выборе сыграло то, что семинарией руководил архиепископ Краковский — героическая личность, аристократ, осмелившийся угостить генерал-губернатора Ганса Франка — когда этот нацист захотел пообедать в доме епископа — «народной пищей», состоящей из черствого хлеба и эрзац-кофе. Тайно изучая — даже в перерывах во время работы на химическом заводе — философию и теологию, семинарист Кароль Войтыла рисковал тем, что мог быть расстрелян вместе со своими товарищами по учебе.

После Варшавского восстания нацисты попытались предотвратить возможность новых выступлений, арестовав всех молодых мужчин Кракова. Герой нашего повествования сумел избежать гестаповской облавы и через весь город пробрался в дом епископа, где и после восстания семинария продолжала свою работу, еще глубже уйдя в подполье. После освобождения страны Красной Армией Кароль был посвящен в сан священника и направлен в Рим для дальнейшего изучения теологии. После Рима Войтыла некоторое время знакомился с работой священнослужителей Франции и Бельгии, а затем вернулся домой, чтобы стать университетским священником. Ему пришлось с головой погрузиться в проведение служб и интенсивные дискуссии. Многие тысячи часов занимали исповеди — основная форма общения польских священников с их паствой. Молодой священник лишь изредка мог позволить себе отдых.

Получив вторую докторскую степень, Войтыла стал работать в единственном за «железным занавесом» католическом университете, ради чего приходилось тратить вечера на долгие переезды в поездах. Каждая его лекция привлекала столько народа, что люди стояли в проходах. Первая книга Войтылы привела в изумление не одного священнослужителя: в своей книге он называл человеческую сексуальность Божьим даром, которым создатель освящает мужа и жену. Когда правительство и Церковь не смогли договориться о том, кого назначить администратором епархии Краковского архиепископа, этот вопрос было решено поставить на голосование — и в результате был избран тридцативосьмилетний Войтыла. С 1962 по 1965 г. Войтыла посещает четыре сессии Второго Ватиканского Собора. Постепенно он становится лидером нового направления в католичестве — открытость современному миру. Он также превращается в главную фигуру мирной борьбы за религиозную свободу человека.

Назначенный архиепископом при энергичной поддержке коммунистического правительства Польши, он вызвал ужас у советских руководителей, которые, однако, лишь способствовали его назначению своими догматическими рассуждениями о религиозных свободах и прочих правах человека. Войтыла приступил к обязанностям, которые занимали столько времени, сколько, пожалуй, не занимает ни одна профессия в мире. Но тем не менее новый архиепископ — а затем, с сорокасемилетнего возраста, и кардинал — продолжал вести образ жизни, не характерный для обычных священников: ходил на лыжах, плавал на байдарке, проводил редкие свободные часы с далекими от религиозных дел людьми. Не оставлял Войтыла и активную интеллектуальную жизнь, проводя дискуссии в своей архиепископской резиденции и выступая с учеными записками на международных конференциях.

В возрасте пятидесяти восьми лет он стал 264-м епископом Рима[1], первым Папой-неитальянцем за 455 лет и первым Папой-славянином за все время существования этого поста. Глава КГБ Ю. Андропов предупреждал советское Политбюро, что появление Папы-поляка означает серьезную угрозу, — и то, что его предостережение было не пустым звуком, стало ясно, когда Папа в июне 1979 г. посетил свои родные места, начав тем самым революцию в сознании, в конечном счете ненасильственно разрушившую советскую империю

[1] Одно из названий титула Папы Римского. — *Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, примеч. пер.*

в центральной части Восточной Европы. Папа-славянин удивительнейшим образом смог вдохнуть новую жизнь в древний общественный институт папства. Он посетил едва ли не каждый уголок земного шара, активно использовал средства массовых коммуникаций, выпустил множество обращений,. которые затрагивают буквально каждый аспект человеческой жизни.

Его пытались убить; ему удалось улучшить отношения католической и иудаистской церквей; он заставил православных и протестантов поверить, что папство может служить всем направлениям христианства. Он выступил с проповедью перед подростками-мусульманами на забитом до отказа стадионе в Касабланке. Он был достаточно смел, чтобы обнародовать свое представление о супружеской близости как об отражении внутренней жизни триединого Бога. Стоило ему серьезно заболеть, как средства массовой информации во всем мире объявили, что Папа умирает и, хотя держится стойко, является уже человеком вчерашнего дня, но в последующие шесть месяцев он написал книгу, которая была переведена на сорок языков и стала международным бестселлером. Затем он собрал на свою проповедь самую большую аудиторию в человеческой истории — и это произошло на том континенте, куда христианство пришло позднее, чем на остальные. Он призвал деятелей Церкви очистить свое сознание на пороге нового тысячелетия. Ему принадлежит инициатива проведения больших международных встреч по проблемам народонаселения. Обращаясь в 1995 г. к Организации Объединенных Наций, Папа защищал всеобщность принципа прав человека, называя себя при этом свидетелем надежды, — и это несмотря на беспрецедентное обострение всеобщей озлобленности в конце двадцатого века. Двумя днями позже, во время мессы в Центральном парке, он попытался довольно достоверно изобразить Джека Бенни — и обычно скептичные нью-йоркские репортеры написали об этом с восторгом.

Если бы биография Папы, которую вы читаете, была не историей реального человека, а выдумкой, подавляющее число читателей сочли бы ее просто фантастичной. В самом деле, не кажется ли она вымыслом? Удастся ли нам заглянуть в душу удивительного человека, прожившего такую богатую жизнь и вместе с тем прилагающего все силы, чтобы поспеть в ногу со временем? Человека, который утверждает, что «в жизни нет места случайностям и совпадениям — все на свете диктуется замыслом Провидения».

ПАРАДОКС

Время пребывания в должности Папы Иоанна Павла II было одним из наиболее важных периодов за последние несколько столетий как для Церкви, так и для всего мира. Некоторые утверждают, что Иоанн Павел II является самым выдающимся Папой с шестнадцатого столетия, времени Реформации и Контрреформации. Именно благодаря Папе католическая Церковь нашла свое место в современном мире. Папа и Второй Ватиканский Собор определили основные направления, с которыми Церковь уверенно вступает в третье тысячелетие своей христианской истории.

К заслугам Иоанна Павла II можно отнести и то, что он является Папой, которого видело самое большое число людей в истории. Мало того, можно привести доказательства, что это человек, бывающий на людях чаще, чем любой другой из живущих на Земле. Правомерно и такое утверждение, что воочию его лицезрело больше людей, чем любого человека, когда-либо жившего на земле. Если прибавить к этому популяризацию его личности средствами массовой информации, то масштаб известности Иоанна Павла II оценить просто невозможно.

Однако существует некий парадокс: человек, которого видело самое большое число людей на земле, является в то же время наименее понимаемой фигурой двадцатого столетия. Об этом можно судить по тому, что суждения о нем и его делах, мягко говоря, противоречивы.

Десятки миллионов людей, многие из которых вовсе не являются католиками, считают его выдающейся фигурой нашего времени; защитником моральных принципов, неустанно борющимся за воплощение их в жизнь; человеком из той породы людей, которые помогли человечеству благополучно пройти через кровавые битвы многих столетий. С этой точки зрения Иоанн Павел II является паладином[1], борцом за человеческие свободы. Для многих Иоанн Павел II служит непререкаемым авторитетом и учителем. Многие — как в Церкви, так и вне ее — восхищаются его борьбой за права человека, поддерживают стремление понтифика наладить диалог со сторонниками иудаизма, высоко оценивают его приверженность миру — даже если и не согласны с его теологией и взглядами на проблемы морали.

---

[1] Паладин — здесь: человек, беззаветно преданный какой-нибудь идее.

* * *

Журнал «Тайм» назвал в 1994 г. Иоанна Павла II человеком года. Михаил Горбачев, от которого можно было бы ожидать отрицательной характеристики Папы, заявил, что Иоанн Павел II оказал неоценимую помощь в прекращении «холодной войны». Фидель Кастро в частной беседе заметил, что на первой же встрече он почувствовал себя с Иоанном Павлом II как с членом семьи. Те, кто работает с Папой ежедневно — даже несогласные с некоторыми из его решений или методами работы, — неизменно говорят о его глубокой набожности, доброте и удивительной способности буквально бесконечно выслушивать собеседника.

Тем не менее опытные журналисты, а также авторы исторических книг частенько отзываются о Папе в оскорбительном тоне. Один из литераторов, признавшийся, что ежедневно молит Бога, чтобы Иоанн Павел II был смещен со своего поста, обвинил его в создании тайной оси Рим — Эр-Рияд. По его утверждениям, Папа и мусульмане создали некий «Союз за отмену просвещения» для того, чтобы начать совместный джихад, «последнюю войну против неверных». Автор одной из биографий Папы считал, что стареющий понтифик является «человеком с растущей эмоциональностью и все увеличивающимся стремлением защищать лишь свое видение мира и свои методы лечения его болезней». Он изобразил Папу сердитым стариком, неспособным понять окружающий мир, который сам же Папа и помог сделать таким, каков он есть. Еще двое биографов утверждали в своей книге, что Папа «окружил Церковь колючей проволокой...» Один журналист с многолетним стажем писал: хотя «моя вера в Бога осталась неизменной... моя приверженность католичеству начинает слабеть, когда я внимательно рассматриваю краткий польский период в долгой истории Церкви». Лондонский «Индепендент», который в 1995 г. утверждал в редакционной статье, что Иоанн Павел II является единственным лидером всепланетного масштаба, через восемнадцать месяцев резко изменил свои оценки, заявив, что период правления Папы «характеризовался нетерпимостью... и носил авторитарный характер, что оттолкнуло от Папы многих католиков Запада». В печати (лондонская «Санди таймс») без ссылки на источники стали появляться не имеющие под собой основания слухи о неких намерениях Иоанна Павла II (к примеру, о якобы готовящейся новой догме, согласно которой Дева Мария также присутствует в освященных хлебе и вине при причащении).

Почему же эта самая часто встречающаяся на экранах личность никогда не была подробно изучена? Почему суждения о деяниях Папы столь сильно разнятся?

Этому есть несколько очевидных объяснений.

Во-первых, Папа Иоанн Павел II относится к тем людям, которые не стремятся выставлять личную жизнь на всеобщее обозрение. Только недавно он начал рассказывать в автобиографических воспоминаниях о годах юности и о становлении своих взглядов. Одной из причин его скрытности является мистицизм. Как и другие мистики, Папа считает совершенно невозможным описывать глубокие религиозные переживания, сформировавшие из него того человека, которым он является в настоящее время. Те, кому довелось слушать молитвы Папы Иоанна Павла II перед утренней мессой в его личной часовне, знают, что есть часть жизни Кароля Войтылы, в которой он общается исключительно с Богом, поверяя ему свои мысли, и сами могут видеть, что зачастую это общение Папы и Бога происходит без слов.

Во-вторых, Иоанн Павел II — человек польской культуры. Это создает определенные трудности для его понимания на Западе. Глубоко засевшие предубеждения многих западных интеллектуалов и политиков, связанные с плохим знанием географии и истории, мешают им видеть поляка в качестве опоры мировой интеллектуальной жизни. Само словосочетание «польский интеллектуал» для многих на Западе звучит непривычно. Поэтому то, что некогда было преимуществом Иоанна Павла II, — его происхождение с окраины славянских земель — довольно быстро стало основанием для различного рода обвинений. Как может какой-то поляк, славянин, человек из страны, которая надолго выпала из общего потока мировой истории, понимать такие вещи, как свобода, говорить о самых высоких устремлениях человеческого духа?

Плохое понимание фигуры Иоанна Павла II вызвано также традиционными скрытностью и подозрительностью, свойственными многим работающим в Ватикане, а также отношениям между Ватиканом и теми, кто изучает его работу. Привычка к осторожности, которая укоренилась у многих чиновников папского престола, порой просто безгранична. Имея дело с журналистами, писания которых отнюдь не относятся к основывающимся исключительно на фактах точным наукам, служащие Ватикана давно пришли к выводу, что молчание куда надежнее попыток разъяснить свою точку зрения. Результатом этого заключения стало то, что отношения папского престола со средствами массовой информации оставляли желать много лучшего — хотя положение

вещей стало гораздо позитивнее за время правления Иоанна Павла II. Добавьте к этому заключению еще и твердое убеждение современных журналистов, что все общественные деятели обязательно виновны, пока не доказано обратное. Хотя Папа Иоанн Павел II и стал неслыханно доступен для журналистов всего мира, в прессе регулярно появлялись заметки о его натянутых отношениях с другими служителями Ватикана.

Есть и еще одна причина. Иоанна Павла II воспринимали противоречиво потому, что он на самом деле соткан из противоречий. Его жизнь, его убеждения, его стремление учить были настоящим вызовом для своего времени — тогда как другие черты его личности этому времени достаточно хорошо соответствовали.

- В противовес господствующему ныне всеобщему стремлению к наслаждениям Папа настаивает, что путь к искуплению лежит через страдание и что выполнение долга, обязанностей является сердцевиной христианской религии.
- Тогда как современные интеллектуалы отрицают способность человека получать абсолютно достоверные знания об окружающем мире, Папа учит, что существуют универсальные истины, что человек способен их постичь и что постижение этих истин — его моральный долг.
- В наши времена, когда понятие «личность» имеет размытые границы, а природа человека (если она вообще существует) рассматривается как явление, формируемое культурным окружением, Папа защищает мысль, что некоторые черты человеческой природы остаются постоянными.
- При наличии культурной традиции, утверждающей, что счастье дается тем, кто имеет талант и возможность воплотить его в жизнь, Папа учит, что талантливый человек может найти счастье в добровольном служении, в поисках высшей правды и поисках любви.
- Вопреки стремлению рассматривать человека лишь по критерию его полезности Папа настаивает на том, что каждый человек имеет ценность в силу самого факта своего рождения.
- В эпоху, когда пропагандируется преследование исключительно собственных интересов, Папа учит, что человек должен почитать Бога и стремиться к святости не из-за того, что это может дать какую-то выгоду, а потому что это просто надо делать.
- В мире, в котором история трактуется как результат действия экономических интересов и политических сил, Папа защищает приоритет культуры и преобразующей мир силы человеческого духа.

Неудивительно, что многое из того, чему учит Папа Иоанн Павел II, противоречит взглядам, господствующим в современном мире. Но убеждения Папы — это не стремление встать на пути мирового движения с его тягой к свободе, не призыв к отходу назад и реставрации старого. Наоборот, здесь напрашивается противоположное заключение: «расхождения» Папы с существующими представлениями на самом деле служат все тем же целям достижения счастья и свободы.

Чтобы найти подтверждение этим словам, мы не будем использовать традиционные методы доказательств, а попытаемся взглянуть на Папу «изнутри», с точки зрения убеждений и пристрастий, которые сделали его тем, кем он является.

ВЗГЛЯД «ИЗНУТРИ»

В кратком авторском предисловии к пьесе «Брат Господа нашего» Кароль Войтыла написал, что попытки постичь любого человека недоступны истории. «История», понимаемая как совокупность документов, статистических данных и других материалов современной академической исторической науки, не может раскрыть самую сокровенную правду о человеке. Можно изучить много документов, даже очень существенных, но — что крайне важно — в них нельзя найти убедительный ответ на такие вопросы, как «Что *есть* он? Что *представляла собой* она?» Отзываясь на описания своей биографии, в которых основной упор делался на его государственную деятельность, Папа Иоанн Павел II заметил: «Они пытаются понять меня «извне». Но меня можно понять только «изнутри».

Что понимать под этим «изнутри»?

Здесь полезно вспомнить, что Кароль Войтыла рано повзрослел. Трагические события, пережитые в юности, могли привести его к заключению, что человеческое существование иррационально, даже абсурдно. Однако Войтыла пришел к совсем другим выводам. Начав самостоятельную жизнь при нацистской оккупации, он постепенно проникся мыслью, что кризис современного мира заключается в первую очередь в кризисе *идей*. История направляется культурой и идеями, которые воздействуют на культуру. Идеи, возникнув в голове, воплощаются в жизнь, и если *идеи* человека, весьма популярного в мире культуры, являются ложны-

ми, происходит одно из двух: либо культура теряет возможность претворять в жизнь самые сокровенные надежды человека, либо она служит разрушению.

Кароль Войтыла еще в молодости пришел к такому заключению, и дальнейший жизненный опыт лишь укрепил его в этой мысли. Ни один Папа до него не имел столь богатого опыта в решении проблем реального мира, мира обычных людей. Когда Войтыла посещал Люблинский католический университет, он познакомился с интеллектуальными основами современной цивилизации, его мысли получили глубокое философское обоснование. Тысячи часов, которые он провел, слушая исповеди; сотни часов, посвященных семинарам, книгам, лекциям, газетным статьям; пребывание на посту Папы, заставлявшее его размышлять чуть ли не о всех сторонах человеческой жизни, — все это не изменило его принципиального убеждения: все трагедии двадцатого столетия — нацизм, коммунизм, расизм, национализм и утилитаризм[1] — являются продуктами неверного представления о человеке.

В наше время прославляется гуманизм, и стремление к свободе считается самой благородной целью. Кароль Войтыла, прославляя то же самое, не рассматривает современные понятия гуманизма и свободы в качестве главных основ современной цивилизации. А вопрос о главных основах представляет интерес не только для философов; для миллионов это — вопрос жизни и смерти. Если точные цели гуманизма не определены, а свобода означает вседозволенность, эти понятия могут привести к каннибализму. Когда свободой злоупотребляют, появляется угроза анархии, и перед лицом этой анархии возникают демоны, каждый из которых обещает справиться с хаосом. Этот демон может объявить превосходство одной расы (Гитлер) или одного класса (Маркс) или же взять на себя претворение в жизнь утопических идей (Ленин). Каждый новый демон вписывает в историю все более кровавую главу, поскольку обладает все большей мощью благодаря техническому прогрессу человечества.

Еще в юные годы Войтыла стал раздумывать над вопросом: как человеку претворять в жизнь гуманистические принципы в эпоху, когда результаты технического прогресса угрожают самому существованию человечества? Со временем он пришел к определенным ответам на этот вопрос. Первым ответом стало убежде-

---

[1] Направление в этике, расценивающее все с точки зрения пользы.

ние, что человек *сам по себе* является существом моральным; мораль не закладывается культурным окружением; исторические условия также на мораль не влияют. Быть человеком — это значит быть проводником морали. То есть мы живем в обществе, само строение которого приводит к *драме* борьбы между человеком как «личностью для себя» и человеком как «личностью для других». Встретившись со злом, человек всегда должен с этим злом бороться, являясь «личностью для других», а не избегать этого зла, являясь «личностью для себя». Зло в окружающем мире часто проявляет себя в таких крайне бесчеловечных формах, как Холокост и ГУЛАГ. В ежедневной жизни зло предстает в эксплуатации одного человека другим — в экономике, в политике, в сексе. Но последнее слово всегда остается не за злом, поскольку человеку в драме его выбора между «личностью для других» и «личностью для себя» помогает пример Христа, чей приход в человеческий мир и противостояние смерти показывают, что с тьмой можно бороться, а не уходить, сдавшись, в мир иллюзий и фантазии.

По мнению Кароля Войтылы, главной истиной для человечества является надежда, основанная на вере в Христа.

АПОСТОЛ

Для того чтобы попытаться понять Кароля Войтылу «изнутри», надо рассматривать его, абстрагировавшись от обычных политических оценок «правый» или «левый». Категории «правый» и «левый» появились во времена Французской революции и господствуют в умах и по нынешний день. Они позволяют оценивать позиции политических партий, идеологические тенденции и политические вопросы, но совершенно не годятся при изучении личности Иоанна Павла II — как Папы и как человека. Папа не отвечает этой дилемме хотя бы уже потому, что его взгляды соответствуют разным оттенкам политического спектра. По этой причине об Иоанне Павле II отзываются и как об «убежденном консерваторе», и как о «либерале с социально направленной политикой».

Однако двух Войтыл — фундаменталиста в вопросах церковной доктрины и в то же время сторонника социального прогресса в политических и экономических вопросах — не существует. Есть

лишь один Кароль Войтыла — христианин, всецело убежденный, что христианская вера одухотворяет все его поступки. Его вера столь глубока, что делает его похожим на сектанта. Однако сам Иоанн Павел II считает, что именно христианский радикализм требует вести активный диалог с неверующими, а также с теми из верующих, кто придерживается иных теологических и философских взглядов. Этот диалог заставил его четко сформулировать ряд универсальных для всех культур моральных предпосылок свободы. Выступая в 1995 г. в Организации Объединенных Наций перед представителями крупнейших держав мира, он сказал: «Как христианин, я связываю свои надежды и помыслы с Иисусом Христом... [который] является для нас человеком, сделавшим из себя Бога[1]. Именно по этой причине надежды христиан, касающиеся судеб мира, распространяются на каждого отдельного человека. Потому, что фигура Христа излучает гуманизм, ничто истинно гуманное не может не тронуть сердце каждого христианина. Вера в Христа не означает нетерпимости к приверженцам других религий — напротив, она обязывает нас вести диалог на основе взаимного уважения. Любовь к Христу не отвращает нас от людей, придерживающихся других взглядов, — она учит нас чувствовать себя ответственными и за судьбы этих людей, всех без исключения...

Таким образом, радикализм христианской веры Кароля Войтылы проявляется в интересе ко всему, что происходит в мире, в заботе обо всех людях.

Здесь, наверное, следует прояснить значение слова «радикальный». Оно означает «более глубокий». Английское слово «radical» (как и французское, и испанское «radical», и итальянское «radicale») происходит от латинского «radix» — «корень». Таким образом, когда мы пытаемся рассмотреть деятельность Кароля Войтылы как «христианского радикала», мы должны понимать его радикализм как «простоту, противоположную сложности», — именно так описал термин «радикализм» американский философ Альфред Норт Уайтхед. Войтыла никогда не отрицал сложности и противоречивости условий, в которых живет человек в современном мире, но его, по-видимому, не пугает эта сложность. Ее можно преодолеть интеллектом, увидев, что некоторые вещи, воспринимаемые как сложные, разлагаются на простые, «истинные».

---

[1] В оригинале — «God made man» по аналогии с self-made man — человек, добившийся успеха своими собственными усилиями.

На молодого Кароля Войтылу большое впечатление произвели слова, что есть «путь еще превосходнейший» (1 Кор. 12.31) — путь христианской любви, который апостолы называли величайшим из духовных даров. Прочитав эти слова, Войтыла решил посвятить свою жизнь этому пути. «Путь еще превосходнейший» в конечном счете — это путь Христа, путь преображающей жизнь истины. Человеческое общество для Кароля Войтылы словно разделилось на тех, кто шел по «пути еще превосходнейшему» и хотел пройти его до конца, и на тех, кто о нем даже не ведал и кого можно было бы наставить на этот путь. Буквально все в жизни самого Кароля Войтылы было посвящено этому пути. Для него вера не была тем, чем можно заниматься между делом. Вера стала для Кароля Войтылы *всем*, вплоть до самых глубоких сторон его личности.

Столь глубокое восприятие веры может показаться удивительным, даже невероятным, учитывая время, в котором он жил, мир, в котором все было разделено: здесь — религия, там — политика; здесь — мораль, там — эстетика. Но радикализм Папы, «укоренение», стал тем основанием, которое позволило Иоанну Павлу II без страха показаться лицемером провозгласить: «Не бойтесь!» Его взгляды, сформировавшиеся в эпоху великих политических и интеллектуальных конфликтов двадцатого столетия, были воплощены в реальность самой жизнью Папы. Проповеди Папы раскрывают основания его бесстрашия. А эти основания кроются в убеждении, что Иисус Христос несет ответы на все вопросы человеческой жизни.

Говоря кратко: чтобы понять Папу «изнутри», надо понимать его как *апостола* христианской веры.

НЕОБЫЧНОСТЬ

Следует признать, что появление в конце XX в. такой фигуры, как Иоанн Павел II, было довольно необычно. Как-никак именно XX век стал свидетелем того, что наука отвратила человечество от религии, которая уже не могла выполнять роль опоры духовной жизни. Тем не менее на пороге нового тысячелетия мы видим, что общественной фигурой, вызывающей наибольший интерес в мире, человеком с наиболее ясным и разработанным мировоззрением по поводу будущего человеческого сообщества является именно убежденный христианин.

Большая часть современных людей полагает, что привязанность к Богу свидетельствует о незрелости человека, является препятствием для его свободы. Жизнь Кароля Войтылы в его бытность Папой говорит о том, что все обстоит иначе: человек, который встал на «путь еще превосходнейший» и духовно преобразовался в процессе движения по этому пути, способен изменить ход истории так, что человечество получает возможность обрести свободу.

То, что Папу Римского иногда называют — довольно удачно — христианским радикалом, в католической Церкви порой воспринимают с удивлением. И не потому, что история последних лет папской власти была связана со скандалами и мошенничеством, сравнимыми по масштабам разве что со скандалами эпохи Возрождения. С шестнадцатого столетия, с эпохи Контрреформации, жизнь Ватикана, самого древнего из мировых общественных институтов, протекала по шаблону, созданному в первую очередь для граждан Италии, поскольку именно они долгие годы доминировали в жизни города-государства. Многие блестящие и преданные вере итальянцы сделали немало, чтобы в шестнадцатом столетии спасти католицизм, — большинство из них позднее были причислены к лику святых. Среди этих людей были Карло Борромео, Роберто Беллармино и Антонио Гислиери, оставшийся в истории под именем Папы Пия V. Со временем сложившийся в Ватикане образ жизни стали трактовать как образ, завещанный самим Богом для правления Петра[1]. Такое представление стало доминирующим после того, как в 1870 г. была потеряна Папская область. Главной обязанностью Папы стали считаться управление работой папской Курии и контроль над отношениями Церкви с независимыми государствами на основе международного права.

Предполагалось, что Папа должен руководить ватиканской бюрократией, — однако бюрократия часто считала, что это она должна руководить Папой. На протяжении более четырех столетий управляющие папской Курией полагали, и не без оснований, что, как они говорили, «мы знаем, как это делать» и что разумному Папе следует придерживаться существующего образа действий. Все папы с этим в большей или меньшей мере соглашались, а среди этих людей часто были весьма умные и интеллигентные люди, искренне верящие в Бога. Но, соглашаясь следовать суще-

[1] Апостол Петр считается первым Папой.

ствующей в папской Курии традиции, они вместе с этим соглашались на принятый в Ватикане бюрократический и управленческий характер своей деятельности при совершенно недостаточной работе по распространению христианского учения.

Кароль Войтыла стал для Ватикана человеком из совершенно другого мира. Не все считали, что именно такой человек нужен на посту Папы. Но Войтыла был одним из самых динамичных, способных на нововведения и успешных в своей работе местных епископов. Таким его сделал христианский радикализм. Однажды Иоанн Павел II сказал, что если Святой Дух призвал епископа Краковского занять пост епископа Рима и главы Церкви, оказывающей влияние на весь мир, то, значит, что-то в его жизненном опыте является полезным для всех. Значит, на то воля небес, чтобы как Церковь, так и мир, увидели совершенно новый образ действий папской власти. И претворить этот новый образ в жизнь лучше всех смог именно Войтыла, наиболее своеобразная личность, продукт современного мира.

ВОПРОС ОБ УМЕСТНОСТИ

Поскольку Кароль Войтыла был в своем сердце апостолом христианской веры, может показаться, что история его жизни способна заинтересовать только христиан, причем исключительно католиков. Но мир воспринял Иоанна Павла II совсем не так, как многие предсказывали. Да и сам Иоанн Павел II считал, что он обращается не только к католикам, а ко всему миру, когда говорит о природе человеческой личности, о требованиях соблюдения морали в жизни человеческого общества, о значении человеческой истории и об уделе человека на Земле.

Все, о чем говорил Папа, было призвано направить людей на «путь еще превосходнейший», который стал путеводной звездой всей жизни Кароля Войтылы. Его проповеди совпали с триумфальным шествием свободы, которая часто служила в его речах синонимом демократии.

Спор о свободе, возникший почти три столетия назад под названием «права человека», когда-то считался не имеющим отношения к религии. Часто в этом споре выдвигалось следующее положение: демократия и личная свобода, которую демократия призвана охранять, являются благом, но не потому, что имеют

врожденное моральное превосходство над другими формами организации общества, а потому, что это самые «удобные» формы существования человека в мире, претерпевающем крупные, порой драматические изменения. Быть демократичным, терпимым к другим, корректным гораздо легче, чем непримиримым, злобным и агрессивным. Однако в нашем все более усложняющемся мире, когда расовые, этнические или религиозные конфликты приобретают крайние формы, на вопрос «Почему надо быть демократичным, терпимым, корректным?» — уже нельзя отвечать: «Потому что таким быть легче». Да, нужно быть демократичным, терпимым, корректным, но в силу моральных принципов. Именно мораль заставляет нас оставаться сдержанными и корректными, когда поведение противника в споре становится агрессивным. А с образцами агрессивного поведения мы сталкиваемся ежедневно во многом благодаря средствам массовой информации.

Похоже, в наше время человечество стремится повторить подвиг Прометея, похитившего священный огонь у богов. Люди хотят коренным образом изменить свою жизнь — но не на основе политических теорий, проповедующих господство одного класса или расы, а на основе научных достижений. Обостряется спор на тему «что есть человек», причем относительно таких моментов, о которых наши предки не могли и помыслить. Можно ли считать клонированного человека равноправным членом человеческого общества? Как рассматривать неспособных к производительному труду, психически больных, людей с тяжелыми физическими недостатками, престарелых, еще не рожденных? Если, раздумывая над этой проблемой, мы будем исходить лишь из вопроса «А чем эти неполноценные люди могут быть выгодны для нас?», то окажемся в совершенно новом мире вроде описанного Олдосом Хаксли[1] — и наступление тирании станет неизбежным.

В этой связи можно сказать, что мысли Иоанна Павла II о моральных основах свободного общества, базирующиеся на четком понимании природы и назначения человека, важны не только для католиков. Они могут быть интересны и для христиан других направлений, для иудаистов, мусульман, для приверженцев других крупнейших мировых религий и для «мужчин и женщин доброй воли» (как пишется в одном из его писем). Издревле при-

[1] Английский писатель, создатель антиутопии «Прекрасный новый мир» о стандартизированном технократическом обществе.

нято, что Папа Римский обращается ко всему человечеству. На земле мало уголков, жизнь которых не была бы в той или иной мере затронута Папой, и к которым бы он не обращался в своих выступлениях по поводу природы человека.

ШИРИНА КОЛЕИ

Современный человек уверен в своих силах как никогда раньше, но как никогда раньше мало времени уделяет он для формирования самого себя. Наша жизнь обычно протекает по накатанной колее: семья, образование, изучение языков, психология, национальная культура, дружба, отдых, различные хобби, формирование религиозных и философских убеждений. Каждый человек имеет свою колею; куда она поведет, зависит от обстоятельств. Но у одних эта колея шире, у других — уже. Чтобы понять Кароля Войтылу «изнутри», надо понять, что его жизнь течет по очень широкой колее.

Он интеллектуал, основательно изучивший богословие, и вместе с тем его глубоко трогает неискушенная вера простых людей.

Он никогда серьезно не изучал философию, хотя признанные авторитеты всего мира называют его глубоким философом.

На протяжении семидесяти лет в нем удивительнейшим образом сочетаются религиозный мистик и активный спортсмен.

Он соблюдает обет безбрачия, но у него есть собственные взгляды на человеческую сексуальность, в том числе и на восприятие этой стороны жизни женщинами.

С девятнадцати до пятидесяти восьми лет он жил при тоталитарном режиме и при этом сумел написать редкие по точности работы о культурных факторах, которые делают возможным существование демократии.

Он поляк, но прекрасно понимает евреев и иудаизм.

Он оказывает значительное воздействие на мировую жизнь — при том, что никогда не выказывал ни малейшего интереса к теориям управления и не появлялся на собраниях политиков.

Хотя он редко читает газеты, его не без оснований можно назвать одним из самых информированных людей планеты.

Он никогда не готовил себя к государственной деятельности, но является одним из самых влиятельных людей в мире.

Выдающийся учитель молодежи, он является самоучкой, получившим знания из жизненного опыта.

Он обладает способностью проникать взглядом в самую суть вещей; люди часто обращаются к нему за советом, но, несмотря на это, когда ему приходится быть советчиком или исповедником, Папа неизменно произносит фразу:

— Окончательное решение должны принимать вы сами.

Папа обладает способностью собирать самые большие аудитории в человеческой истории, но он никогда не прибегал для этого к популистской демагогии.

Своей апостольской любовью он напоминает апостола Иоанна, но по выполнению им обязанностей главы Церкви — как в вопросах управления, так и в юридических вопросах — его можно сравнить с апостолом Петром.

Все эти выдающиеся характеристики, словно разноцветные краски, составляют вместе яркую картину его личности. Многогранность Папы говорит, что невозможно понять Кароля Войтылу «изнутри», если пользоваться лишь политическими категориями «либерал» или «консерватор». Единственный верный подход к изучению этого человека заключается, как настаивает сам Войтыла, в том, чтобы воспринимать его как человека веры, как человека, религиозные убеждения которого сформировали его *личность*.

Вера, горящая в сердце Кароля Войтылы, дает надежду и всему человечеству.

Путь, по которому следует идти в XXI век, Папа Иоанн Павел II указывает не только католикам, но практически всем народам планеты. Изучая самые запутанные проблемы двадцатого столетия, Папа предлагает свои методы лечения самых тяжелых, неизлечимых, на первый взгляд, недугов человечества, призывает не бояться будущего — даже при том, что многие проблемы уходящего века способны просто свести с ума.

> «Одним из величайших парадоксов нашего времени является то, что человек, начавший период, который мы называем «современностью», в самоуверенном убеждении, что он достаточно зрел и способен сам решать свои проблемы, подходит к концу двадцатого столетия, боясь самого себя, боясь того, что он способен сделать, боясь будущего. В самом деле, вторая половина двадцатого столетия породила не возникавший ранее страх, что человечество прекратит свое существование...
>
> Для того чтобы обрести уверенность, что новое тысячелетие станет периодом основанного на подлинной свободе расцвета человеческого духа, люди должны научиться преодолевать в себе страх. Мы должны перестать бояться, мы должны

найти в своем сердце веру и надежду. Слово «надежда» обозначает не наивную уверенность, что будущее обязательно будет лучше, чем прошлое. Вера и надежда могут основываться лишь на деятельности сознающего свою ответственность человека. Вера и надежда растут постепенно в том уголке человеческого сознания, где «человек остается наедине с Богом» и убеждается, что он не оставлен в одиночестве перед загадкой существования, поскольку его окружает любовь Создателя».

Понять Папу «изнутри» значит осознать, что для него надежда на будущее человека основана на вере. И эта вера — не одна из предлагаемых человеку идей на рынке возможных истин. Эта вера, по мысли Папы, присуща миру. Эта вера захватила Кароля Войтылу еще в юности и указывала ему жизненный путь в зрелые годы. Эта вера — та правда, которую Кароль Войтыла считает себя обязанным рассказывать миру.

Как Кароль Войтыла пришел к пониманию этой правды, как углубил ее понимание, как научился рассказывать о ней и защищать ее, как проповедовал ее в свою бытность Иоанном Павлом II и что его деятельность может значить для католической Церкви и всего мира в двадцать первом столетии, рассказывается в этой книге.

ПРЕДМЕТ КНИГИ И АВТОР

Эта книга завершает собой двадцать лет моих исследований и работ, посвященных личности Иоанна Павла II. Я начал писать о Папе вскоре после его избрания — сначала в газетах и журналах, позднее в книгах. В одной из этих книг, «Последняя революция: Церковь сопротивления и крах коммунизма», впервые была обоснована мысль, что Папа Иоанн Павел II сыграл решающую роль в сокрушении европейского коммунизма. Эта книга стала поводом для моей первой личной встречи с Папой. Приехав в Рим для выступления по затронутым в ней вопросам, я получил возможность встретиться со Святым отцом, для чего он пригласил меня на мессу в свою личную часовню.

В течение последующих нескольких лет мне довелось не раз выступать в Риме с лекциями, а также бывать участником многочисленных конференций. Папа часто приглашал меня на свою

утреннюю мессу, на ленч или обед, которые он обычно проводил со своими американскими или польскими друзьями. Поздней осенью 1995 г. я побывал в Риме, чтобы отметить двадцатую годовщину своей свадьбы. В этой поездке впервые и возник вопрос — не написать ли мне биографию Святого отца. В декабре того же года я снова посетил Рим, чтобы выступить с речью на международной конференции, посвященной принятой Вторым Ватиканским Собором «Декларации по поводу свободы вероисповедания». Святой отец пригласил меня на обед вместе с другими своими друзьями. Поскольку Папа приветствует откровенный обмен мнениями, за столом завязалась свободная дискуссия. В ходе этой дискуссии снова всплыл вопрос о написании биографии. Где-то между жареным цыпленком и рюмкой доброго местного вина Папа дал мне понять, что он был бы признателен, если бы я принялся за эту работу.

В марте 1996 г. я отправился в Рим, чтобы обсудить со Святым отцом основные положения и механизм осуществления этого проекта. Папа согласился на мою просьбу регулярно посещать его для личных бесед и письменно отвечать на вопросы, которые я буду ему оставлять. Кроме того, я получил уверения, что официальные лица папского престола будут информированы о заинтересованности Святого отца в этой работе, благодаря чему я получу доступ к документам, которые помогут мне излагать факты максимально точно, а также к людям, которые могут оказаться полезными.

В то же время мы пришли к ясному пониманию, что документальная биография Папы будет исключительно моей работой. Хотя она будет создана человеком, который получит беспрецедентную возможность обращаться непосредственно к Папе, в нее не станут вносить какие-либо правки, даже если Святой отец окажется с чем-то не согласен. Как я имел возможность убедиться позднее, Иоанн Павел II слишком уважительно относится к мнениям других, чтобы позволить себе следить за чьей-либо работой. Мы оба с самого начала поняли, что, несмотря на сотрудничество в процессе реализации этого проекта, ответственность за его осуществление будет полностью лежать на мне[1].

[1] По мнению редактора, автор страдает рецидивами антикоммунизма и русофобии, что проявляется в замалчивании одних исторических фактов и выпячивании других. Такие тенденциозность и некомпетентность не присущи Папе, но лежат целиком на совести его биографа. — *Примеч. ред.*

Католики считают, что Святой Дух наделил епископа Рима непогрешимостью в вопросах веры и морали «ex catedra», но это не означает, что Папа не может ошибаться в вопросах подбора людей, в определении стратегии и тактики. Иоанн Павел II никогда не утверждал, что его суждения верны для всех случаев и во всех обстоятельствах. Как и всякого другого руководителя, его следует понимать лишь с учетом обстоятельств, в которых он высказывает суждение, и с учетом тех альтернатив, которыми он располагает во время принятия решения. Конечно, есть и отличие от многих других руководителей — в том усердии, с которым он исполняет свои исключительно важные обязанности, а также в его святости и набожности. В исторический период, когда на мировой арене появилось множество лидеров, не способных соответствовать важности своего поста, Папа Римский предстает большой фигурой не только в силу должности, которую занимает, но и в силу честности, прямоты и чистоты, которые признают за ним его самые придирчивые критики.

Мелчиор Кано, великий доминиканский богослов шестнадцатого столетия, на Тридентском Соборе, касаясь правления Папы, очень точно сказал, что «Петру не нужны наши лесть и ложь. Те, кто слепо, не стремясь постичь суть проблемы, защищают каждое решение Папы Римского, как раз и делают больше всех, чтобы подорвать авторитет папского престола. Они уничтожают основы Церкви, вместо того чтобы их укреплять».

Эти слова стали девизом предпринятого мной проекта.

1

СЫН СВОБОДЫ

Польша «Semper Fidelis»[1]

18 мая 1920 — в Вадовице родился Кароль Юзеф Войтыла; крещен 20 мая.

16–17 августа 1920 — вторжение Красной Армии в Европу оканчивается неудачей из-за «чуда на Висле».

15 сентября 1926 — Кароль Войтыла, Лолек, поступает в начальную школу.

13 апреля 1929 — умирает Эмилия Качоровская-Войтыла, мать Лолека.

Май 1929 — первое святое причастие.

Сентябрь 1930 — Лолек поступает в среднюю школу.

5 декабря 1932 — умирает Эдмунд Войтыла, старший брат Лолека.

Осень 1934 — Лолек начинает играть в местном театре.

Февраль 1936 — Кароль Войтыла начинает активно работать с режиссером авангардного театра Мечиславом Котларчиком.

3 мая 1938 — Кароль Войтыла конфирмован.

27 мая 1938 — Войтыла оканчивает среднюю школу, и ему поручают выступить с прощальной речью от имени выпускников.

Август 1938 — Лолек и его отец переезжают в Краков, где молодой Войтыла начинает активную студенческую жизнь в Ягеллонском университете.

Весна 1939 — Войтыла завершает неопубликованный сборник поэзии «Псалтырь эпохи Возрождения».

---

[1] Всегда верна (*лат.*); имеется в виду преданность католической Польши Риму.

Июнь 1939 — Лолек успешно сдает вступительные экзамены для дальнейшего изучения польской филологии.

Июль 1939 — Кароль Войтыла завершает военную подготовку в «Академическом легионе».

Марна, Танненберг и Верден[1], «Битва за Британию»[2] и Мидуэй[3], Сталинград и пляж «Омаха» для высадки в Нормандии[4] — именно эти сражения принято считать решающими битвами двадцатого столетия. Только поляки и профессиональные историки помнят битву на Висле в августе 1920-го, которую набожные поляки называют «чудом на Висле». Однако это сражение изменило очень многое в судьбах людей, в том числе и в судьбе трехмесячного ребенка по имени Кароль Юзеф Войтыла, родившегося в маленьком провинциальном городке Вадовице 18 мая того же года.

Летом 1920 г. чуть было не повторилась самая трагическая страница польской истории — потеря независимости. Первое с 1795 г. независимое польское государство могло быть задушено в колыбели — из Украины, сметая все на своем пути, двигалась на запад красная кавалерия под командованием Семена Буденного. В памяти поляков это наступление вызывало воспоминания о других вторжениях из степей на их землю, которые всегда являлись предшественниками национальных бедствий. Для Ленина, который хотел «прощупать Европу штыком Красной Армии», молодая Польская республика не имела какого-либо исторического или культурного значения. Она была лишь дорогой, по которой легионы «Красной Армии Троцкого» могли пройти маршем на Германию, вызывая революционные восстания по всей Европе[5]. Для того чтобы в корне пресечь любые попытки сопро-

---

[1] Места крупнейших битв Первой мировой войны.

[2] Воздушное сражение в начале Второй мировой войны, в ходе которого Германии не удалось добиться господства в воздухе, необходимого для высадки на Британские острова.

[3] Коралловый атолл в Тихом океане, место крупного сражения американской и японской армий во Второй мировой войне.

[4] Пляж «Омаха» — одно из мест высадки союзников; названиями американских штатов союзники кодировали места десантирования.

[5] Война началась со вторжения Польши в охваченную гражданской войной Россию, с оккупации части Белоруссии, Украины и захвата Киева.

тивления, был создан марионеточный Польский временный революционный комитет, который должен был взять в свои руки власть после, казалось, неминуемой победы Красной Армии. Комитет возглавлял Феликс Дзержинский[1], глава советской тайной полиции ЧК; этого человека в России боялись как никого другого.

Но маршал Юзеф Пилсудский, во многом определявший жизнь во Второй Польской республике с самого момента ее провозглашения и до своей смерти в 1935 г., не пожелал признать поражение своей страны. Разведывательная служба Пилсудского обнаружила большой разрыв между двумя корпусами армии Троцкого. Не медля, Пилсудский направил в этот разрыв лучшие дивизии, сняв их с фронта, где польские части были заняты в боях, чтобы тайно разместить их между советскими войсками. 16 августа поляки перешли в атаку, и к вечеру 17-го Красная Армия, начавшая 14 августа наступление на Варшаву, превратилась в толпу бегущих людей. Победа досталась полякам малой кровью: меньше чем 200 человек убитых.

В Европе в тот год боролись со страшной эпидемией гриппа и залечивали раны после Первой мировой войны. Мало кому тогда приходило в голову, что Красная Армия могла с такой же легкостью, как она бежала назад в Великороссию[2], дойти до Па-де-Кале. Ленин, однако, относился к тем немногим, кто понимал, что история сделала решительный поворот. В своей яростной речи на закрытом собрании коммунистических лидеров, состоявшемся 20 сентября, он погрузился в диалектические дебри, стараясь разъяснить, почему «польская война [была] самой важной поворотной точкой не только в политике Советской России, но также и в мировой политике». Германия, утверждал он, «бурлила». И «английский пролетариат поднялся на совершенно новый революционный уровень». Все было готово, созрело для того, чтобы просто прийти и взять. Но Пилсудский со своими поляками нанес «гигантское, неслыханное поражение» мировой революции. В конце своей речи Ленин поклялся: «...мы будем переходить с оборонительной тактики на наступательную снова и снова, пока

[1] «Польский революционный комитет» возглавлял Ю. Мархлевский, а Ф. Дзержинский был членом «Польревкома», как и Ф. Кон, Э. Прухняк и Ю. Уншлихт. Все члены «Польревкома» были уроженцами Польши, деятелями польского революционного движения.

[2] Великороссией до революции называлась часть России наряду с Малороссией, царством Польским и т.д.

не победим их окончательно»[1]. Но пока что натиск большевиков на запад был отбит.

Помимо всего прочего, победа Пилсудского означала, что Каролю Войтыле предстояло вырасти свободным человеком в независимой Польше, стать частицей первого за 150 лет поколения поляков, рожденных в свободном государстве. Опыт своего поколения Войтыла не сможет забыть никогда, этот опыт станет основой, на которой и он сам сумеет изменить историю XX века.

МЕСТО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Народ, к которому принадлежал Кароль Войтыла, некогда создал крупнейшую державу в Восточной Европе. Польско-литовский династический союз, возникший в 1386 г. при браке польской королевы Ядвиги и литовского герцога Владислава Ягайло[2], привел к возникновению огромного государства. После разгрома в 1410 г. в Грюнвальдской битве тевтонских рыцарей, самой крупной военной силы той эпохи, Польское государство в течение двухсот лет непрерывно расширяло свои границы. В годы, когда Колумб открывал земли Нового Света, Польское государство простиралось от Черного моря на юге до Балтийского на севере, от германских границ на Западе почти что до ворот Москвы на востоке. В те времена среди наций Европы одна лишь Франция по числу населения превосходила Польшу. Польские военные силы, и особенно знаменитая на весь мир тяжелая кавалерия, «крылатые гусары»[3] играли важную роль в мировой истории. В 1683 г. польские войска[4] под командованием короля Яна III Собеского остановили турецкое наступление на Европу в эпической «Битве за Вену». Собеский подарил Папе Иннокентию XI зеленое знамя пророка, отнятое у главного визиря турецкой ар-

---

[1] В Полном собрании сочинений В.И. Ленина выступление относится не к 20, а к 22 сентября. В нем дана совершенно другая трактовка событий.

[2] Владислав Ягайло (ок. 1350–1434) — великий князь Литовский в 1377–1392, король Польский с 1386 г.

[3] Названные так из-за прикрепленных к спине крыльев.

[4] Точнее — войска Речи Посполитой, объединенного польско-литовского государства, существовавшего с 1569 по 1795 г.

мии, сопроводив свой подарок словами: «Veni, vidi, Deus vicit» [«Пришел, увидел, Бог победил»].

Последующая польская история была уже не столь блистательна — если рассматривать лишь те события, которыми у историков обычно принято определять достижения народов. Но память о былых славе и величии продолжала гореть в сердце каждого поляка. Оставалась в этом сердце и убежденность, что Польша принадлежит к Европе.

Со времен сталинизма бытует мнение, широко распространенное и на Западе, что Польша принадлежит к Восточной Европе. Но поляки никогда не говорят так о своей стране. Польша для них является Центральной Европой, и по любой карте Европы можно легко убедиться в справедливости этих утверждений. Однако поляки считают, что они — центр Европы, не только в географическом, но и в культурном, и даже историческом смысле.

Конечно, Польша — славянская страна и говорит на славянском языке. Но тот факт, что поляки используют латинский алфавит, а не кириллицу, — это больше, чем орфографический курьез. Это указывает на то, к какой части Европы принадлежит польская культура.

На протяжении всей своей ранней истории Польша находилась в постоянном контакте с западноевропейскими цивилизациями. Более чем за сто лет до Ягеллонов[1], во время правления Пястов[2], на Западе можно было найти много польских ученых. Историк Мартин Поляк работал в Париже, а силезский философ Вителло был коллегой Фомы Аквинского[3]. Такие польские гуманисты, как Николай Коперник, Ян Косяновский и Ян Замойский[4], окончили университет Падуи, тогда ведущее учебное заведение Европы; в 1563 г. Замойский работал в Падуе ректором. Постоянное взаимодействие Польши с Западом происходило не только на интеллектуальном уровне. Краковский Главный рынок, самая большая рыночная площадь на континенте размером 650 на 650 футов, был местом пересечения маршрутов европейских торговцев и деятелей культуры. Здесь можно было купить практически любой товар, услышать речь почти на любом евро-

[1] Королевская династия, в Польше правила в 1386–1572.

[2] Пясты — династия князей (ок. 960–1025) и королей (в Польше правила с перерывами в 1025–1370).

[3] Фома Аквинский (1225 или 1226–1274), философ и теолог.

[4] Замойский, Ян (1542–1605) — великий коронный гетман с 1581 г., организатор военных походов против Русского государства. Основатель научного общества — Академии Замойской.

пейском языке, встретиться с жителем почти любой страны. Это не была жизнь на окраине Европы. Это была жизнь в самой гуще европейской цивилизации.

Но пребывание в центре Европы означало, что Польша находилась и в центре европейских конфликтов, в том числе религиозных, которые временами доходили до кровопролития. Польша не имела какого-то особого иммунитета к религиозным конфликтам, но нельзя не отметить, что она явила миру примеры удивительной веротерпимости. Ни один из европейских правителей периода религиозных войн не решился на заявление, подобное тому, что сделал глава Польши 28 января 1573 г.: ...мы, кто расходится между собой в вопросах религии, никогда не будем проливать кровь по поводу различий в нашей вере, по поводу принадлежности к церковным конфессиям, не будем карать друг друга путем конфискации имущества, публичного лишения чести, заключения в тюрьму или высылки...» Жизнь, конечно, оказалась сложнее. Выдающийся историк Польши Норман Дэвис утверждает, что, хотя формально в государстве и была провозглашена веротерпимость, у простых людей ее часто недоставало. Но все же, считает Дэвис, дух терпимости к другим религиям по большей части превалировал в Польше. Польша была «страной без костров». Здесь не проводилось кампаний по насильственному окатоличиванию, не было религиозных войн, аутодафе[1], Варфоломеевской ночи, Томаса и Оливера Кромвелей[2]. Учитывая то, что Польша была мировой державой, существовали пределы религиозной свободы, которые сейчас можно трактовать и как нарушения принципа терпимости, но эти «нарушения... были малы по сравнению с теми ужасами, которые происходили в других европейских странах»[3].

---

[1] Оглашение приговора и его исполнение (чаще всего — сожжением).

[2] Кромвель Томас (1485–1540) — лорд — главный правитель Англии при Генрихе VII, Кромвель Оливер (1599–1658) — деятель Английской буржуазной революции XVII в., в 1653 г. установил режим единоличной военной диктатуры. Оба отличались нетерпимостью к другим религиям. Оливер Кромвель, подавляя освободительное восстание ирландцев, уничтожил около пятой части населения Ирландии, исповедовавшей католичество.

[3] Автор игнорирует историю православных украинцев. Религиозные преследования заставили украинцев бежать в Россию в таком количестве, что на ее территории появилась так называемая слободская Украина, занимавшая значительную часть юга России. В период, предшествующий воссоединению Украины с Россией, войны с Польшей лишили Украину значительной части мужского населения.

КАТОЛИЧЕСТВО КАК ВЫБОР

Ни интеллектуальные, ни культурные, ни торговые, ни градостроительные и политические контакты не связали жизнь Польши с цивилизацией латинской Европы так, как это сделала католическая Церковь.

Начало польской истории обычно связывают с крещением в 966 г. князя Мешко I[1] из династии Пястов. То, что Мешко выбрал не восточное христианство, духовное руководство которого находилось в Константинополе, а христианство латинское, самым решительным образом определило судьбу Польши на многие столетия. Мотивы, которыми руководствовался Мешко, нельзя назвать свободными от корысти. Принимая христианство латинского образца, он получал возможность для политических маневров против устремлений Священной Римской империи[2]. Какими бы сложными ни были мотивы Мешко, принятое им христианство латинского образца крепко связало формирующуюся нацию с культурой Запада. Со временем полякам суждено было стать даже, возможно, самой католической нацией в мире.

Благодаря выбору Мешко население части славянских земель оказалось ориентировано на латинский Запад. Позднее выяснилось, что этот выбор сыграл уникальную роль в мировой истории. Поляки стали мостом между двумя частями европейской культуры, они могли «говорить на языке двух духовных миров». Польское католичество в сочетании с географическим местоположением страны придало польскому национальному характеру определенную широту[3].

Через всю историю Польши проходит ярая приверженность этой страны выбранной вере, преданность Риму, в которой, однако, нет ни капли угодничества, несмотря на то что сам Рим на протяжении многих столетий относился к полякам весьма неров-

---

[1] Мешко I (? — 992) — первый исторически достоверный польский князь, в правление которого начало складываться Польское государство.

[2] Священная Римская империя — государство, основанное в 962 г. германским королем Оттоном I, подчинившим часть Италии с Римом.

[3] Игра слов: Catholicity — католичество и catholicity — широта.

но. Поляки считают, что часто их не понимали и даже предавали, отказывая в поддержке. Самым ярким примером может служить восстание польских патриотов после последнего раздела Польши в 1795 г., когда эта страна исчезла с карты Европы. Патриоты, боровшиеся против ига оккупации, поддержки Рима не получили. Однако Рим мог и защищать. После третьего, последнего раздела Польши представитель Папы отказался покинуть свой пост, а много позднее, в 1920 г., архиепископ Ратти не оставил страну перед лицом приближения Красной Армии.

В Величке сохранилась соляная шахта — удивительное свидетельство связи польского католицизма с национальной польской историей. В этой шахте, расположенной неподалеку от Кракова, добывали соль со времен неолита, на протяжении примерно тридцати пяти столетий. На самом глубоком участке шахты, почти в 600 футах под землей, находится удивительнейший комплекс часовен, вырубленных в соли набожными шахтерами, — церковь Благословенной Кинги, жены Болеслава Бесстыдника, одного из краковских князей XIII в. При создании внутренних помещений церкви пришлось выбрать шесть тысяч кубических ярдов соли. С церковного свода спускаются пять огромных соляных канделябров. Когда на них зажигают свечи, создается впечатление, что вы находитесь внутри освещенного солнечными лучами бриллианта. Земли в районе Велички равнинные, открытые для вторжений с запада и востока; на протяжении многих столетий завоеватели совершали в этих местах опустошительные набеги. Стены шахты отражают свет фонарей, и этот блеск поражает тех, кто ожидает увидеть здесь лишь тьму. Шахта, уходящая в глубь польской земли, к церкви, воспринимается словно сердце великой духовной культуры.

СОСЕДИ

Однако не все признавали величие Польши. Наоборот, широко распространено мнение, что поляки сами по разным причинам заслужили свою несчастную судьбу. Но это не так. Бедствия Польше приносили не ее народ и не звезды. Бедствия приносили соседи[1].

[1] Крайне необъективное утверждение. — *Примеч. ред.*

На протяжении более чем тысячи лет поляки жили на гигантской равнине, соседствуя с многочисленными, агрессивными, обладающими значительным перевесом в вооружении народами. На западе это были немцы. Независимо от того, каким было их государство — тевтонский орден, вассал Священной Римской империи, Пруссия или «Тысячелетний рейх» Гитлера, немцы почти всегда были агрессивными. Германо-польская вражда достигла своего пика во время Второй мировой войны, когда нацисты решили вообще вычеркнуть польский народ из истории.

Однако настоящая, длящаяся долгое время антипатия поляков направлена на восток — на Россию и русских[1]. На протяжении сотен лет поляки считали русских «экзотическими дикарями, живущими за границами христианского мира». Разделы Польши восемнадцатого века усилили взаимную ненависть — тем более что российские власти стремились «обрусить» поляков, а поляки внесли свой вклад в исповедующие насилие тайные организации, которые в конечном счете и сокрушили царскую империю[2].

Исторические проблемы Польши, вызванные ее географическим положением, часто усугубляли бездарные политики. В концепции свободы, глубоко проникшей в Польшу через краковский Ягеллонский университет, чувствуется влияние философии Уильяма Оккама[3]. Она гласила: свобода — это возможность человека утверждать свои желания над желаниями других. Эта концепция сделала поляков «великими борцами за свободу», которые утверждали свою свободу над противником. Однако свобода «над» преобладала над свободой «во имя». Это привело, в частности, к тому, что, используя свое liberum veto[4], один-единственный дворянин мог заблокировать принятие какой-либо части обсуждаемого закона. Между 1652 и 1764 гг., когда сильное центральное правительство пыталось предпринять меры для защиты Польши от ее

---

[1] Утверждение, далекое от истины. — *Примеч. ред.*

[2] В отношении Польши, Литвы, Финляндии правительство России допускало широкую автономию. Не было русификации, религиозных гонений, крепостного права. — *Примеч. ред.*

[3] Оккам У. (ок. 1285–1349) — английский философ-схоласт, логик и церковно-политический писатель.

[4] Свободное вето (*лат.*) — право свободного протеста, существовавшее в польском сейме с XVI до конца XVIII в.

хищных соседей, сорок восемь из пятидесяти пяти сессий польского парламента, сейма, были распущены из-за того, что кто-либо провозглашал: «Nie pozwalam» [«Не согласен»].

Все же польская «дворянская демократия», демократическое правление многочисленного мелкопоместного дворянства, позволила Польше избежать крайностей королевского абсолютизма, хотя это и обернулось определенной анархией в польском варианте демократии. Желание мелкопоместного дворянства участвовать в управлении Польшей хорошо выражено в знаменитой фразе: «Nic o nas bez nas» [«Ничто о нас без нас»]. Этот девиз давал моральную санкцию на безответственное использование liberum veto в Польше восемнадцатого столетия. Однако в 1980-м лозунг «Ничто о нас без нас» стал одним из лозунгов «Солидарности» — профсоюза и политической оппозиции.

ДРУГАЯ ТРАКТОВКА «ИСТОРИИ»

Расположение Польши на пересечении путей из католической Европы в православную[1], ее география, повторяющиеся вторжения, оккупации, сопротивление и восстановление независимости сформировали у поляков общий взгляд на свою историю. Беспрецедентны были разделы Польши в 1773, 1793 и 1795 гг. Имеющее большое историческое значение государство умерщвляли «в холодной крови... увеча его, ампутируя его части и в конце концов разделив его полностью». Тем не менее польская нация пережила разрушение Польского государства, поскольку поляки верили, что мощь духа со временем возьмет верх над грубой силой. Нация, лишенная политического самоуправления, может сохраниться как народ через родной язык, литературу, музыку, религию — короче, через культуру. Культура, а не политика или экономика является движущей силой истории[2].

Сама история, если смотреть на нее с берегов Вислы, выглядит несколько иначе, чем ее принято трактовать в других странах.

[1] Польша граничит также с протестантскими Германией, Швецией, Эстонией. — *Примеч. ред.*

[2] Русские в отличие от немцев не преследовали польскую культуру. — *Примеч. ред.*

Хотя поляки и были романтиками, романтике «реальной политики» «крови и железа», что проложила путь фашизму и коммунизму и превратила Европу в кладбище, поддались немногие. Даже польский национализм с его патриотическим пылом никогда не превращался в узколобую ксенофобию. Тадеуш Костюшко сражался за независимость Польши от России под лозунгом «За вашу и нашу свободу». Поляки, погибшие под Монте-Кассино в 1944-м, думали так же. На их могиле в Италии[1] написано: «Мы — польские солдаты / За вашу и нашу свободу / Отдали свои тела земле Италии, / Наши души — Богу, / Но наши сердца принадлежат Польше».

Поляки весьма скептически относились к сторонникам революционного насилия, которое вошло в моду после 1789 г. В их политической ситуации — постоянной борьбе за выживание — не оставалось места для утопических мечтаний, а уж тем более — для попыток претворить их в жизнь. Относительный иммунитет поляков к этому вирусу характеризует их как нацию реалистов. Однако эти реалисты утверждали: реальность состоит не только в том, что в данный момент кажется реальным, к примеру, отсутствие независимого польского государства. Это была чисто польская оговорка, проявление непокорного польского характера. Эта непокорность сослужила полякам хорошую службу между 1795 и 1919 гг., в период «Вавилонского плена» или их «времени на кресте». Без этой непокорности польское государство могло бы больше никогда не появиться на политической карте Европы.

Вторая Польская республика — та Польша, в которой вырос Кароль Войтыла, — появилась в конце Первой мировой войны в тяжких родовых муках. У нового государства не было международно признанных границ. На территории, которая стала именовать себя Польшей, в обращении находилось семь разных валют. Суды решали дела по четырем различным юридическим системам. Промышленность была разрушена; половина подвижного состава, мостов и прочей транспортной инфраструктуры сгинула в пламени Первой мировой войны. К 1918 г. половина посевных площадей не возделывалась, а треть скота была конфискована армиями, которые воевали друг с другом в бассейне Вислы. Грипп косил людей направо и налево, голод охватывал город за городом — пока не стали приходить суда с продовольствием из Соединен-

[1] Польские войска под руководством генерала Андерса участвовали в военных действиях в Италии в составе союзных войск.

ных Штатов. Совсем мало поляков имели опыт государственного управления. Приверженность поляков к верховенству человеческого духа над всеми прочими определяющими историю составляющими подверглась в первые месяцы независимости новой страны жестокому испытанию.

Но, невзирая на все трудности, Польша стала реальностью, и поляки изменили ход мировой истории, сорвав поход Красной Армии на запад[1]. Благодаря этому Кароль Войтыла, родившийся 18 мая 1920 г., появился на свет в свободной стране, с надеждой смотрящей в будущее.

ДОМ

Вадовице, в котором провел свое детство Кароль Войтыла, — древний город, основанный в середине XIII в. Город расположен на реке Скаве у подножия Бескид. Церковный приход в Вадовице появился в 1325 г., в 1564-м, к концу династии Ягеллонов, Вадовице отошел к Польскому королевству, вместе с остальными городами герцогства Освенцим.

В 1819 г. Вадовице становится центром административного района Галиция и местопребыванием австро-венгерского гарнизона. В конце девятнадцатого и начале двадцатого века город прославился своей литературной и театральной деятельностью. Подобно большинству других галицийских поляков горожане Вадовице не держали в своем сердце какой-то особой нелюбви к империи Габсбургов, но они все же являлись польскими патриотами и потому приветствовали восстановление независимости Польши после Первой мировой войны. Люди старшего возраста, узнав об этом, решили, что страдания прошлого подошли к концу. Польша перестала быть «нацией в изгнании», мечущейся на перекрестках истории.

В большинстве своем горожане Вадовице были мелкими предпринимателями, юристами, торговцами, крестьянами, а также чиновниками местной администрации. В городе были лесопилка с паровым двигателем, два кирпичных завода и завод, где из костей животных, обработанных соляной кислотой, произво-

[1] Поляки связывают отступление Красной Армии с чудом, Божественным Промыслом, днем Успения Пресвятой Девы Марии. — *Примеч. ред.*

дили удобрение. После того как Польша вновь обрела независимость, бывшие казармы австрийцев заняли солдаты 12-го пехотного полка только что созданной Польской армии. Старшие офицеры новой армии сразу же стали столпами местного общества. На другом конце социальной лестницы Вадовице находились крестьяне — их одежды обычно выглядели весьма живописно на фоне скромных нарядов горожан. Тяжелая судьба тех, кто пытался заработать на жизнь, обрабатывая небогатые земли, служила неизменным источником вдохновения местных поэтов. Но при всей разнице социального положения имелось в городе и нечто, объединявшее всех: к примеру, Вавро — крестьянин, который был и философом, и скульптором. В его произведениях — каменных птицах, скорбных фигурах Христа, раках, что устанавливались у дорог, чувствовались и глубокая вера, и влияние местной культурной традиции, и крестьянское происхождение автора. Это бесхитростное художественное выражение души пользовалось популярностью у куда более образованных горожан, поскольку скульптор относился к своим работам очень серьезно. Пренебрежением, с которым современные художники и интеллектуалы относятся к выражениям религиозных чувств простого народа, Вадовице не отличался.

Вторая Польская республика была многонациональным государством; поляки составляли в ней шестьдесят пять процентов населения. В Вадовице это выражалось в первую очередь в том, что в городе проживало довольно большое число евреев, примерно две тысячи человек. По словам друга детства Кароля Войтылы, Ежи Клюгера, евреи Вадовице считали себя поляками. Через семьдесят лет после знакомства Иоанн Павел II вспоминал отца Клюгера, юриста и главу еврейской общины Вадовице, как польского патриота. Вадовице не испытывал каких-либо религиозных или национальных конфликтов — это было такое место, где к словам Адама Мицкевича о евреях как о старших братьях христиан католики относились вполне серьезно. Позднее Кароль Войтыла напишет, что он «живо [вспоминает] евреев, которые собирались каждую субботу в синагоге за нашей школой. Обе религиозные группы, католиков и евреев, объединяла... мысль, что они молятся одному и тому же Богу». Евреи Вадовице имели весьма весомые основания считать себя полноправными поляками. Некоторые из них воевали в Польском легионе Пилсудского, в котором отец Клюгера служил офицером, многие служили офицерами в новой Польской армии.

Военные вносили свой вклад в общую атмосферу терпимости в городе. На ежегодном полковом балу полковник, возглавлявший местный гарнизон, всегда начинал первую мазурку с матерью Ежи Клюгера. Местные священники также были приверженцами религиозной терпимости. Отца Леонарда Проховника, который служил в Вадовице с 1915 г. и в 1929 г. стал городским ксендзом, многие до сих пор вспоминают как человека, чья веротерпимость немало способствовала отсутствию в городе проявлений антисемитизма. Бабка Клюгера водила дружбу с некоторыми из священников местного прихода. Городовой отгонял прохожих, чтобы они не мешали, когда польский ксендз и эта почтенная матрона, оба туговатые на ухо, прогуливались вместе в тени берез и елей по городской площади, ведя долгий, обстоятельный разговор.

И географически, и в культурном смысле центром Вадовице был костел Святой Марии (официально называвшийся костелом Явления Благословенной Девы Марии). Он находился на главной городской площади и на протяжении более шестисот пятидесяти лет был частью городской жизни. Каждое воскресенье горожане и сельские жители, одетые в самые лучшие свои наряды, приходили сюда на мессу. Главка костела напоминала луковицу, а его внутренняя отделка была выполнена в стиле барокко. Высокий, тщательно выполненный центральный алтарь дополняли шесть маленьких алтарей, каждый из которых посвящался одной определенной молитве. В часовне для крещения, в которой на протяжении прошедших столетий были крещены многие тысячи младенцев, находилась одна из самых почитаемых польских икон — Черная Мадонна. Считалось, что эта икона была написана святым Лукой на столе, некогда принадлежавшем Святому семейству. На кафельном полу церкви стояли потемневшие от времени деревянные скамьи, на которых могли разместиться около двухсот прихожан. В церкви было много места и для тех, кто мог стоять, — и обычно эти места не пустовали.

Приходу повезло со священниками — это были набожные и весьма ученые люди. Ассистент отца Проховника, отец Эдвард Захер, был посвящен в духовный сан в 1927 г., после чего его послали в Рим для изучения теологии. Вернувшись в Польшу в 1929 г., он провел два года в Закопане в Татрах, а затем получил назначение в Вадовице, где преподавал катехизис и работал учителем Закона Божьего в двух местных средних школах. Неподалеку от города, на расстоянии небольшой пешеходной прогулки, располагался монастырь кармелитов, прибежище монахов одного

из самых суровых религиозных орденов. Наиболее заметной фигурой в монастыре был монах Рафаил Калиновский. За участие в освободительном восстании 1863 г. он был приговорен к смертной казни, но впоследствии казнь ему заменили восемью годами сибирской каторги. Вернувшись из Сибири, Калиновский несколько лет провел в Париже, где в возрасте сорока лет вступил в орден нищенствующих кармелитов. В 1907 г. он скончался в этом «монастыре на холме», как называли обитель кармелитов в Вадовице.

Примерно в шести милях от города по дороге на Краков находилось одно из самых крупных в Польше мест паломничества — Кальварья Зебжидовска, которой доведется сыграть большую роль в духовной жизни Кароля Войтылы. Кальварью как большой церковный приход под открытым небом начал воздвигать правитель Кракова, Михолай Зебжидовский. В 1600 г. он основал церковь Святого Креста на горе Зарек — согласно легенде после того, как его жене было видение Христа. Когда в октябре 1601 г. новая церковь была освящена, Зебжидовский решил построить рядом еще один храм — копию церкви Гроба Господня в Иерусалиме. Для этой цели он пригласил отца-францисканца и его братьев во Христе, которые, как предполагалось, должны были служить в храме. Замысел строительства возник после того, как, посетив Святую землю, этот дворянин обнаружил, что она удивительно напоминает его владения. Это навело его на мысль воздвигнуть на своих землях несколько церквей в память о страданиях, смерти и воскресении Христа. К 1617 г. было построено двадцать четыре церкви. Их связывал многокилометровый «путь Креста» — пешая дорожка через холмистую местность, воспроизводившая путь Христа на Голгофу.

«Голгофа Зебжидовского» скоро стала местом паломничества для католиков со всей Польши, особенно в Святую неделю, когда под открытым небом здесь разыгрывалось целое представление, на котором изображались страдания Христа. Представление порой собирало в Кальварью Зебжидовску до сотни тысяч паломников. Действие представления переходило от церкви к церкви и вызывало столь сильные эмоции, что многие из паломников чувствовали себя участниками драмы страданий и смерти Христа. Продолжавшийся несколько дней спектакль, изображавший страдания Христовы, игрался как местными актерами-любителями, так и профессиональными актерами, добровольно приезжавшими из различных городов, чтобы принять участие в действе, которое со временем стало главным национальным религиозным ри-

туалом[1]. Кальварья была расширена сыном Михолая Зебжидовского Яном, который после смерти отца в 1620 г. начал строить второй комплекс церквей, посвященный событиям из жизни Марии, Матери Христа. Празднование 15 августа дня вознесения Пресвятой Девы на небеса скоро стало еще одной датой, вызывающей наплыв паломников в Кальварью со всей южной Польши.

В начале двадцатого столетия в Кальварье Зебжидовской насчитывалось сорок пять церквей, двадцать четыре из которых составляли «путь Христа» и двадцать одна отмечала «путь Богородицы». Десять церквей, общих для обоих «путей», символизировали пересечение жизней Иисуса и Марии. Архитектура каждой церкви была очень тщательно продумана с той целью, чтобы ее внешний вид вызывал в памяти то событие, которому данный храм посвящен. Церковь, посвященная самому Христу, была создана в форме креста, а та, что посвящалась встрече Иисуса со своей Матерью на его пути к Голгофе, имела форму сердца. Это служило паломникам напоминанием, что отправляющийся на смерть Христос вручил попечение о своей Матери любимому апостолу, Иоанну, а значит, Он вручил заботы о Матери всем своим ученикам, которые отныне всегда могли найти место в сердце Марии. Но самым выразительным символом Кальварьи было то, что на пересечении пути, посвященного Христу, и пути, посвященного Его Матери, находился храм Вознесения Марии на Небеса. Такое расположение предвосхитило принятое на Втором Ватиканском Соборе решение, что Мария, первая последовательница учения Христа, стала и первой спасенной благодаря Христу, принесшему Себя в жертву.

---

[1] Разыгрывавшееся в Кальварье представление о страданиях Христа воспроизведено в кинокартине Кшиштофа Занусси «Из далекой страны». Сценарий был разработан по мотивам биографии Папы Иоанна Павла II. В начале фильма маленький мальчик, будущий Папа Римский, смотрит пьесу, изображающую путь Христа на Голгофу, которая разворачивается на заснеженных холмах Кальварьи Зебжидовской. Однажды вечером отец теряет его и отправляется искать, переходя от одной палатки к другой. Он находит сына в прокуренной палатке, где отдыхают актеры; человек, игравший утром Иисуса, пьет пиво. Мальчик смотрит на это широко раскрытыми от удивления глазами. Однажды Иоанна Павла II спросили, имело ли место такое событие в его жизни. Но прежде чем Папа успел ответить, его секретарь со смехом произнес: «Да, был piccolo Carlo (Маленький Карло (*ит.*), изумленный тем, что Иисус пьет пиво...» Святой отец улыбнулся, возможно, слегка печально, и сказал, что режиссер Занусси, его друг, допустил некоторые вольности относительно его биографии. — *Примеч. авт.*

КОРНИ

Кароль Войтыла-старший, сержант 56-го пехотного полка австро-венгерской армии, и его жена Эмилия обвенчались в 1904 г. в Вадовице. В этом городе, где они растили своих детей, у них не было ни единого родственника.

Кароль Войтыла-старший происходил из деревеньки Чанец, находившейся на месте нынешнего пригорода Бельско-Бяла, расположенного примерно в сорока милях к юго-западу от Кракова. В церковных записях крещений и венчаний Войтылы обычно записывались как «хортулани», мелкие крестьяне, хотя в церковных записях городка Бяла встречаются и Войтылы-торговцы, и даже Войтыла-бродяга и Войтыла-попрошайка. Однако родственные связи Войтыл городка Бялы с Иоанном Павлом II не установлены. Мацей Войтыла, дед Папы Римского, покинул Чанец и переехал в деревеньку Липник, где он был главой цеха портных, а затем — простым крестьянином. Кароль Войтыла, отец Папы, появился на свет в Липнике 18 августа 1879 г. Его матерью была Анна (урожденная Пжечек), дочь пекаря. Анна скончалась, когда Кароль был еще ребенком. Сестра Кароля, Стефания, родилась в 1891 г., во втором браке Мацея — с Марией Залевской, дочерью портного. Мацей Войтыла скончался в Липнике 23 сентября 1923 г., когда его внуку, будущему Папе Римскому, не было и трех с половиной лет.

Самые ранние записи относительно семьи Эмилии Качоровской-Войтылы также относятся к району Бельско-Бялы. Отец Эмилии, Феликс Качоровский, родился в Бяле 26 июня 1849 г. На хлеб он зарабатывал изготовлением седел. В 1875 г. он женился на Марии Шольц, третьей дочери сапожника. Эмилия, их пятый ребенок, родилась 26 марта 1884 г. Годом позже вся семья переехала в Краков, где родились еще четверо детей (один из них умер в младенчестве). Мария Шольц-Качоровская скончалась в 1897 г.; Феликс женился снова, усыновив четверых детей своей второй жены, Иоанны. Скончался он в 1908 г. Проживали Качоровские в доме 15 на Смоленской улице Кракова; Феликс занимался обивкой карет. Полагают, что Эмилия окончила восемь классов в школе, которой руководили сестры милосердия. Обладая слабым здоровьем, она все же нянчилась со своими младшими братишками и сестренками и помогала в домашних делах до самой своей свадьбы с Каролем Войтылой.

Старший сын Кароля и Эмилии, Эдмунд, которого в семье звали Мундек, родился 27 августа 1906 г. Видный молодой человек, запомнившийся многим своим редким обаянием, он легко схватывал знания и был прекрасным спортсменом. С 1924 по 1929 г. Эдмунд Войтыла учился в Ягеллонском университете в Кракове, где 28 мая 1930 г. получил степень доктора медицинских наук. После этого он занялся врачебной практикой в больнице Бельско.

Через несколько лет после рождения Эдмунда Эмилия родила дочь. Не сохранилось записей ни о ее рождении, ни о крещении, ни о смерти. Как вспоминают в Вадовице, девочка прожила всего несколько недель. Возможно, ее крестили в доме родители, что в особых случаях Церковь разрешает. По всей видимости, похоронена она была на местном кладбище, без надгробного камня, как было принято в то время.

С 1919 г. Кароль, Эмилия и Эдмунд жили в квартире на втором этаже дома, принадлежавшего Хаиму Бламуту. Тогда этот дом имел адрес: Рынок, дом 2, сейчас это Косцелна, 7. Напротив через улицу находился костел Святой Марии. В этом костеле военным капелланом, отцом Францишеком Заком, 20 июня 1920 г. был крещен Лолек — так называли Войтылу-младшего близкие и друзья. Полное его имя звучало как Кароль Юзеф, что было данью уважения Габсбургской монархии, которой служил его отец[1].

На детских фотографиях Лолек предстает полнощеким крепышом с широким славянским лицом. Фотография, на которой он снят с матерью, свидетельствует об их явном сходстве. В наше время можно услышать великое множество историй о молодом Кароле Войтыле, но совершено невозможно определить, где в них правда, а где благочестивые приукрашивания или просто вымысел. Утверждение, что, гуляя с коляской по Вадовице, Эмилия говорила соседям: «Знаете, мой Лолек однажды станет великим человеком», — повторяется столь часто, что его, по-видимому, можно считать истинным.

Кароль Войтыла-старший служил в Польской армии до самого ухода на пенсию в чине капитана. Произошло это приблизи-

---

[1] Папу Иоанна Павла II однажды спросили, дал ли ему отец имя Юзеф (польская форма имени Иосиф) в честь Пилсудского, основателя и главного героя независимой Польской республики. Секретарь Папы, монсеньор Станислав Дзивиш, рассмеявшись, сказал: «Франц Иосиф» (император Австро-Венгрии с 1848 по 1916). — *Примеч. авт.*

тельно в 1927 г. Пока Лолек рос, Эмилия, искусная рукодельница, шила на заказ, внося свой вклад в семейный бюджет. Квартира Войтыл была довольно скромной, но ее обстановка ясно говорила, что в квартире живут горожане из среднего класса. Дом представлял собой оштукатуренное бревенчатое здание — одно из нескольких, окружавших дворик, в котором Эмилия любила болтать с соседями, пока маленький Кароль играл в свои игры. Квартира состояла из кухни и нескольких комнат. Сохранившиеся по сей день мебель, фарфоровая посуда, ножи и украшения создают впечатление, что обитатели этого дома были основательными, набожными людьми, ведшими простой образ жизни, однако совсем не бедными. Пока в 1924 г. Эдмунд не уехал в Краков поступать в университет, квартира, по-видимому, была несколько тесновата. Но последовавшая за его отъездом смерть Эмилии сделала ее даже чересчур просторной.

Друг детства Кароля, Ежи Клюгер, вспоминал, как они с молодым Войтылой играли на городской площади, расположенной в одном квартале от их дома, когда им было «шесть или семь лет». Как-то раз они почему-то решили, что в ножнах городского полицейского Цьвенка деревянная сабля. Улучив момент, когда Цьвенк мирно подремывал на своем посту на площади, ребята решили проверить истинность своего предположения и попытались незаметно вытащить саблю. Но один из них потерял равновесие и упал прямо на перепуганного блюстителя порядка. Скорее всего служитель закона был гораздо сильнее раздосадован тем, что его разбудили, чем фактом покушения на символ своей власти. Когда друзьям надоедало играть во дворе или дома, они шли купаться на Скаву, а зимой катались на коньках и играли в хоккей на льду реки. Любили они ходить в походы. Но больше всего им нравилось играть в футбол. Паломники в Вадовице и по сей день могут видеть поле, на котором Лолек-вратарь демонстрировал свое мастерство, часто играя за команду, состоящую в основном из еврейских мальчиков.

15 сентября 1926 г. Кароль Войтыла поступил в первый класс местной начальной школы. Школа находилась на втором этаже здания ратуши, стоявшего на рыночной площади. От дома родителей до школы Лолеку была всего минута ходьбы. Классы были большими, в классной комнате сидели до шестидесяти учеников. Расписание включало в себя такие предметы, как польский язык, Закон Божий, арифметика, рисование, пение и, согласно таблице

успеваемости, «игры и упражнения» и «рукоделие». Лолек показал себя одаренным учеником с самого начала. Однако беззаботная жизнь, с которой обычно ассоциируется начальная школа, длилась недолго. 13 апреля 1929 г., когда Лолек заканчивал третий класс, его мать, здоровье которой было слабым, скончалась от болезни почек и врожденного порока сердца. Эмилия Качоровская-Войтыла, прожившая сорок пять лет, была похоронена 16 апреля на церковном кладбище после погребальной церемонии, проведенной ксендзом, отцом Проховником.

Много написано о том, как подействовала на маленького Войтылу смерть матери. К примеру, его приверженность образу Марии часто приписывают тому, что он был лишен материнской заботы. Некоторые даже высказывают мысль, что учение Папы о женщинах и Божественном Посвящении начало складываться после смерти Эмилии. Подобного рода предположения, частенько выдвигаемые психоаналитиками-любителями, не знакомыми с самим Папой, не имеют ничего общего с серьезными исследованиями жизни Войтылы. Увидевшие недавно свет автобиографические заметки Иоанна Павла II умалчивают о матери, за исключением замечания, что он «не может ясно оценить ее вклад» в развитие его религиозных чувств, «который, должно быть, был очень велик».

Хотя молчание Войтылы относительно матери, без сомнения, отражает его стремление оградить от других свою личную жизнь, оно может свидетельствовать и о том, что взрослый Кароль Войтыла сохранил о ней не очень много воспоминаний, ведь она умерла, когда ему было всего девять лет. В мире, где столь модно учение Фрейда, такое объяснение может показаться чересчур простым. Но если мы обратимся к образу Девы Марии в работе Микеланджело «Пьета»(«Оплакивание Христа»), то сразу бросится в глаза, что Мария не смотрит на своего умершего сына. Одним из объяснений подобного замысла скульптора принято считать, что Микеланджело не помнил, как выглядит взгляд матери, поскольку его собственная мать умерла, когда ему не было еще и шести. Но молчание Иоанна Павла II, как утверждал один из его помощников, говорит не только о довольно малочисленных воспоминаниях о матери. На столе в своей спальне, в Ватикане и в летней резиденции Кастель-Гандольфо Папа Иоанн Павел II держит маленькие фотографии родителей, снятые после их венчания. Именно такой он и помнит свою мать.

У Кароля Войтылы было много учителей в юности и в зрелые годы. Но самое большое влияние оказал на него отец.

Кароль Войтыла-старший, которого в Вадовице обычно именовали капитаном, был джентльменом старой школы, человеком, в котором в неразрывный сплав сливались ум, трудолюбие, надежность и самая важная его черта — честность. По словам Ежи Клюгера, Войтыла был справедливым человеком. Клюгер полагает, что свое чувство справедливости Кароль Войтыла-старший передал и сыну.

Проработав некоторое время портным, Войтыла на протяжении двадцать семи лет служил в армии Габсбургской империи, которая являлась, возможно, первым крупным многонациональным общественным институтом в современном мире. Поскольку офицерам приходилось иметь дело с людьми разных национальностей, они должны были свободно говорить на нескольких языках. Офицерский корпус, замкнутая некогда каста, к тому времени как Кароль Войтыла поступил на службу, принял в свои ряды много простых людей. Тогда как в остальной Европе царил антисемитизм, ярким выражением которого стало дело Дрейфуса, в составе офицерского корпуса Австро-Венгерской монархии было большое количество евреев. Судя по рапортам, сохранившимся в папках начальников Кароля Войтылы, Австро-Венгерская монархия отмечала и ценила личные свойства характера, чувство ответственности и честность.

Капитан не вел разгульный образ жизни, но и отшельником назвать его было нельзя. Ежи Клюгер считает, что он не был фамильярен, но не был и замкнут, скорее его манеру держаться можно назвать открытостью. Постороннему он мог показаться чересчур строгим воспитателем, однако на самом деле это была справедливая требовательность. Поскольку капитан окончил только среднюю школу, свои знания он приобрел самостоятельно. Владея немецким так же свободно, как польским, он дома учил Лолека немецкому языку — позднее Папа Римский будет говорить по-немецки с легким австрийским акцентом. Кароль Войтыла-старший был патриотом, совершенно свободным от ксенофобии; он прекрасно знал польскую литературу, с которой познакомил и сына. Капитан также давал Лолеку и Ежи Клюгеру частные уроки польской истории, иллюстрируя их чтением отрывков из поэтов, таких, как Циприан Норвид.

Кароль Войтыла вспоминает, что отец «часто молился». И вечерами, и ранним утром молодой Войтыла мог видеть отца коленопреклоненным, беззвучно повторяющим слова молитвы. Отец часто читал Библию вместе с сыном. Они регулярно молились с четками. Но как, помимо молитв, просвещал капитан сына в вопросах веры?

Следуя примеру тех, кто старается учить Слову Божьему, давая советы и наставления, капитан Войтыла говорил сыну, что Церковь — это больше, чем то, что человек видит своими глазами. «Тайна Церкви» имеет «невидимое измерение», она «больше, чем ее структура и организация», которые лишь «служат этой тайне». По свидетельству Кароля, именно отец внушил ему мысль, что религиозная жизнь человека связана в первую очередь с внутренним преображением.

Папа Иоанн Павел II писал, что в юности на него оказали большое впечатление слова Христа, обращенные к ученикам: «Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк. 12.32). Этот совет призывает не бояться того, что может вызвать страх, — наказание, ожесточение сердца. «Он не готовил их для легких успехов», — однажды сказал Иоанн Павел II. Здесь, по его мнению, и заключается суть Евангелия: «Евангелие не обещает легких успехов. Оно не предлагает каждому удобную жизнь. Оно требует от человека — и в то же время является большим обещанием, обещанием вечной жизни тому, кто обречен на смерть, обещанием посредством веры победы человеку, подвергающемуся множеству испытаний и неудач».

Требование и обещание; крест распятия перед обретением короны, искупление страданием — именно так Иоанн Павел II с юных лет понимает суть Евангелия. И в этом понимании сохранился неизгладимый отпечаток взглядов самого авторитетного его учителя в вопросах веры — отца, человека, с которым он совершил свое первое паломничество в Кальварью Зебжидовску год спустя после смерти матери.

В той части автобиографических воспоминаний, которая касается формирования его религиозного мировоззрения, Иоанн Павел II писал, что он «больше всех прочих» благодарен своему отцу. «Мы никогда не говорили о призвании священника, но его пример стал для меня примером учителя, учителя домашней семинарии». Этот отзыв тем более ценен, что его произнес человек, отмечающий пятидесятилетний юбилей своего посвящения в духовный сан.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Окончив начальную школу, осенью 1930 г. Кароль Войтыла поступил в Вадовицкую государственную среднюю школу Марцина, расположенную на улице Мицкевича. Поскольку капитан Войтыла после кончины Эмилии прожил в Вадовице год вдвоем с младшим сыном — Эдмунд заканчивал в Кракове изучение медицины, — у них выработался определенный распорядок, повторявшийся изо дня в день. Так как занятия в школе начинались в 8 утра, они рано вставали, потом молились и завтракали. Когда Кароль начал прислуживать в церкви, они часто присутствовали на проводимом в 7 часов утра богослужении в костеле Святой Марии. Утро Кароль проводил в школе, днем вместе с отцом обедал в расположенном около их дома баре, хозяйкой которого была пани Мария Банас; ее сын Богуслав был школьным другом Лолека, а муж — другом капитана. После обеда Кароль два часа играл, затем готовил уроки, вечером отец кормил его приготовленным им самим ужином. Иногда они прогуливались перед сном. Дружба с семейством Банас делала жизнь вдовца и его сына немного веселее, но ее омрачил один ужасный случай. Как-то, когда Каролю Войтыле было пятнадцать, местный полицейский сильно перебрал в баре Банасов после дежурства и решил безопасности ради отправиться домой, оставив свой пистолет в кассе бара. Но Богуслав Банас, решив поиграть, вытащил спрятанное оружие и направил на Кароля Войтылу со словами:

— Руки вверх или я стреляю!

По какой-то причине пистолет выстрелил. Пуля разбила окно, чудом не задев Лолека. Очнувшись от дремы, господин Банас ворвался в комнату, отнял у сына пистолет и вернул его в кассу. Никто не вспоминал потом об этом случае, но все знали: пуля прошла совсем близко.

В 1930 г. в Вадовице прибыл отец Казимеж Фиглевич, молодой священник, который должен был преподавать катехизис в начальной и средней школах. Его назначили ответственным за прислуживающих у алтаря мальчиков, помогавших священнику во время богослужений. Он помнит молодого Войтылу как «довольно высокого, но несколько неестественно прямого», «очень живого мальчика, очень одаренного, очень проницательного и очень хорошего», который прекрасно ладил как со своими друзьями, так и с учителями. Отец Фиглевич стал исповедником Лоле-

ка — именно ему молодой Войтыла признавался во всех своих прегрешениях и от него получал отпущение грехов. Они часто выходили побеседовать за стены церкви. Не прерывалась эта связь и после того, как отец Фиглевич был переведен в кафедральный собор Кракова. Когда Кароль учился в старших классах, отец Фиглевич приглашал его в Краков на торжественные службы Страстной недели. Эти службы, как позднее писал Иоанн Павел II, производили на него «огромное впечатление». Отец Казимеж Судер, познакомившийся с Каролем Войтылой в краковской семинарии уже после Второй мировой войны, считал, что отец Фиглевич был кумиром для будущего Папы. Он определенно повлиял на то, что впоследствии Кароль Войтыла выбрал именно стезю священника.

Заканчивая начальную школу, Лолек сблизился со своим братом, Эдмундом. Поскольку Эдмунд учился в Кракове, они редко виделись, но после того, как брат поступил на работу в больницу Бяльско, его визиты домой участились. Мундек часто брал младшего брата на футбольные матчи, иногда сажая его на плечи, чтобы тот мог лучше видеть. Лолек, со своей стороны, приезжал в больницу Бяльско и устраивал там «театр одного актера» для пациентов Мундека. Однако начавшаяся между братьями дружба длилась недолго, поскольку 5 декабря 1932 г. доктор Эдмунд Войтыла скончался, заразившись скарлатиной от одного из своих пациентов. Ему не было еще и двадцати семи. По всей видимости, для его отца и брата это был ошеломляющий удар. Отец Казимеж Судер считает, что Лолек был потрясен неожиданной смертью брата даже сильнее, чем смертью матери. Надпись на могильном камне краковского кладбища именует Эдмунда «жертвой его профессии, человеком, который отдал свою жизнь, служа человечеству». Соседи пытались утешить двенадцатилетнего Лолека, но тот решил, что брат принес себя в жертву Божьей воле.

Средняя школа, которую посещал Лолек, давала великолепное классическое образование. Главными предметами были латынь и греческий, в школе преподавали также польские язык и литературу, историю и математику. Войтыла начал изучать латынь, когда ему было тринадцать, — любовь к этому языку он пронес через всю жизнь. Изучать греческий он начал годом позже. На протяжении всех лет, проведенных в школе, Кароль Войтыла получал высшие отметки, хотя внеурочная деятельность занимала у него все больше времени. Он стал членом «Общества

Марии», содружества молодых людей, решивших посвятить себя воспитанию у собратьев по вере благоговейного отношения к Матери Христа. Там он познакомился с одним из священников этого общества, отцом Захером. Два последних года в средней школе Кароль был председателем «Общества Марии» — по решению большинства его членов. Летом 1937 г. он прошел обязательный курс военной подготовки в национальном кадетском лагере. Последний школьный год пришелся на подготовку к таинству конфирмации, которое Кароль Войтыла принял 3 мая 1938 г.

Вскоре после этого Вадовицкую среднюю школу Марцина посетил архиепископ Краковский, Адам Стефан Сапега. Войтыла, как первый ученик, должен был выступить с приветственным словом. Он произвел на Сапегу столь сильное впечатление, что спросил отца Захера, не думал ли тот, что стоит сделать молодого человека священником. Захер ответил, что вряд ли это возможно, — Войтыла хотел поступать в Ягеллонский университет, где надеялся посвятить себя литературе и театральному творчеству. «Жаль», — как утверждают, произнес архиепископ.

Однако эта встреча с архиепископом была не последней, Адам Стефан Сапега и отец Кароля оказали решающее влияние на выбор молодого человека, на формирование его личности и на дальнейшую судьбу.

ЖИВОЕ СЛОВО

Кароль, чьи тогдашние жизненные планы разочаровали архиепископа Сапегу, по его собственному признанию, в то время мало интересовался религией. Он был «всецело поглощен страстью к театру и литературе, особенно к драматическим произведениям». Эта страсть сформировалась благодаря домашнему чтению, школьным урокам да, собственно, всему укладу жизни города, где любили польскую романтическую литературу и драматургию. Всем этим Войтыла горячо интересовался и впоследствии.

Европу девятнадцатого столетия заполонила революционная литература. Но революционные произведения, написанные поляками, радикально отличались от других творений этого жанра. Можно сказать, что польские авторы стихов, повестей, драматических произведений и даже памфлетисты имели свой собственный взгляд на само понятие «революция». Для многих творцов

политических теорий девятнадцатого века континентальной Европы «революция» означала полный разрыв со старым, с традиционным укладом, который включал в себя христианство как институт, стоящий на страже существующего порядка вещей. Польский же романтизм, напротив, рассматривал революцию как возвращение утраченных ценностей — и это было принципиально важной идеей для формирования мировоззрения нации. Прошлое не должно быть отброшено — наоборот, его следует извлечь и использовать как инструмент национального обновления. Польский романтизм сравнивал католицизм с дрожжами, на которых вырос польский национальный характер. Быть революционером с этой точки зрения означало активно интересоваться христианской доктриной и ее моральным учением.

Интерес Кароля Войтылы к польскому романтизму, по всей видимости, зародился тогда, когда отец читал ему знаменитую трилогию Генрика Сенкевича, в которой храбрые рыцари скачут по степям старого Польско-Литовского государства в поисках славы, во имя защиты Веры и Отечества. Сенкевич не претендовал на звание литературного мастера, но он был превосходным рассказчиком, а придуманные им истории, относящиеся к эпохе былого польского величия, укрепляли в поляках дух в тяжкие времена раздела Польши, когда нация не видела для себя будущего. Почти с полной уверенностью можно сказать, что именно благодаря Сенкевичу Кароль Войтыла впервые узнал об исторической речи приора Августина Кордецкого, которую тот произнес перед защитниками монастыря на Ясной Гуре в Ченстохове, местопребывании иконы Черной Мадонны. Героическая оборона монастыря позволила отразить шведскую интервенцию 1655 г. — тяжелейшее испытание, которое вошло в польскую историческую память под названием «Потоп».

> «Должно быть, Бог и Его Святая Мать по своему умыслу пожелали ослепить врага... чтобы он зашел безрассудно далеко в своем беззаконии и алчности. Иначе мы бы никогда не осмелились поднять саблю в этом святом месте...
>
> Враг насмехается над нами и хочет унизить нас, спрашивая, осталось ли у нас хоть что-нибудь из наших былых доблестей. Я отвечу на это так: мы потеряли все, кроме двух вещей, и это — наши Вера и честь, которые мы готовы показать пред лицом Богоматери — а этого достаточно, чтобы восстановить все остальное... [Наши враги] понимают, кто здесь имеет преимущество... [И] если Бог не ослепил их умышленно, они ни-

когда не осмелятся напасть на Ясную Гуру. Поскольку этот день станет началом конца их превосходства и началом нашего пробуждения».

Великий популяризатор, Сенкевич сумел донести до массовой аудитории несколько ключевых идей польского романтизма, касающихся национальной истории: история имеет духовную основу; политический коллапс Польши вызван забвением национальных ценностей; восстановление польской независимости требует восстановления этих ценностей как фундамента нового польского государства. Приняв такое своеобразное видение истории, Кароль Войтыла мог углубить его в размышлениях над произведениями других великих писателей и поэтов польского романтизма, таких, к примеру, как Адам Мицкевич, Юлиуш Словацкий и Циприан Камиль Норвид.

Мицкевич (1789–1855) — поэт, драматург и политический деятель — являлся величайшей фигурой в польской литературе. Именно он стал основоположником польского романтизма. Родившись в Литве, он никогда не бывал ни в Варшаве, ни в Кракове. Скончался он в Константинополе. Но Мицкевича можно считать «посмертным ребенком» былого польско-литовского содружества. Бесспорный мастер именно польской литературы, он оставался для поляков непревзойденным большую часть девятнадцатого века. Интеллектуальная жизнь и литературная работа Мицкевича были полны страсти, в частности страсти в борьбе за независимость Польши. Он выразил свою страсть в виде ряда идей, выработанных на основе рационализма эпохи Просвещения и его антагониста — церковной проповеди покорности и смирения; на основе интуиции («правды сердца») приверженцев романтизма, с одной стороны, и присущего ортодоксальному христианству стремления к поиску объективной правды — с другой.

В эпических поэмах типа «Пан Тадеуш», фантастических поэтических драмах, подобных «Кануну Дня предков» (произведения, имевшего столь сильное воздействие на аудиторию, что царские цензоры время от времени запрещали его исполнение), и дидактических работах, подобных «Книге о польской нации и польских паломниках», Адам Мицкевич утверждал, что история имеет в своей основе духовное измерение, в котором страдание подготавливает душу к последующей славе. Такой мотив характерен для христианства — искупительное страдание как путь духовного воспитания; однако для Мицкевича искупительное страда-

ние распространялось не на отдельного человека, а на нацию в целом. Расчлененная Польша являлась для него мессией среди прочих наций, страдание страны на Голгофе должно было обновить весь мир и указать путь, отличный от западного материализма, — путь в новую, духовную свободу.

Мицкевич считал себя сторонником политического прогресса и с симпатией относился к евреям. Лозунг Французской революции «Свобода, равенство, братство» он трактовал в духе своего понимания христианства. Мицкевич считал, что Христос, «второй Адам», сделал всех людей равными независимо от того, как они относятся к Христу. В новом, преобразованном революцией мире путь к правде будут искать с помощью основанной на вере интуиции, а не путем интеллектуальных размышлений и не поисками изречений «мудрецов», коих объявляет по своей воле «мир силы».

Юлиуш Словацкий (1809–1849) соперничал с Мицкевичем за роль духовного лидера поляков, живших за пределами страны. Его драма «Кордиан», совершенно определенно направленная против «Кануна Дня предков» Мицкевича, является эпическим произведением на тему истории. Взгляд Словацкого на историю передается автором в ряде сцен, рисующих духовную эволюцию своего героя. Предлагая себя Богу во искупление грехов своей страны, герой «Кордиана» взбирается на вершину Альп, готовый погибнуть ради того, чтобы Бог изменил ход польской истории.

Словацкого очень интересовал вопрос — каким мир казался Адаму, первому человеку на Земле? Литературные работы Словацкого в какой-то мере служили попыткой представить себе, как возник мир и каким будет дальнейшая его судьба. Подобно другим деятелям польского романтизма, Словацкий верил в то, что разделенная, страдающая Польша играет уникальную роль в драме мировой истории. Взгляды Словацкого отличало убеждение, что «дух», некогда создавший мир и оказывавший влияние на каждую из сменяющих друг друга фаз истории, теперь находится в Польше — для того чтобы способствовать рождению человека, который поведет человечество из царства страдания к новому и лучшему будущему. В последний, мистический, период своей жизни Словацкий написал поэму о «Папе-славянине», который станет «братом для всего человечества». Но главной работой этого периода была незаконченная эпическая поэма «Король-Дух», «показывающая блуждания духа, который говорит с... вождями,

королями и святыми на протяжении многих столетий европейской цивилизации». В этой работе Словацкий наиболее сильно продемонстрировал мистическую сторону своих произведений. По словам Нобелевского лауреата Чеслава Милоша, «он придал историческим событиям космическое измерение и сумел увидеть в истории сверхчеловеческие, мистические силы, которые влияют на судьбы человечества». Созидательно провозглашенное «Слово» может повести историю в том направлении, в котором хочет устремить ее Дух[1].

Кароль Войтыла выучил наизусть «Пана Тадеуша» и участвовал в постановке «Кордиана», но наиболее сильное из всех польских поэтов влияние на него оказал Циприан Камиль Норвид (1821–1883), который, согласно Милошу, «вдохновляет стать Дон-Кихотом, рыцарем правды». «Человек рождается на этой планете для того, чтобы дать свидетельство истине», — пишет Норвид, повторяя слова Евангелия от Иоанна[2], и величайшей правдой, для которой каждый свидетель должен быть рожден, является, что «Христос вывел человечество из царства необходимости в царство свободы». Поэзия Норвида стала попыткой найти правду вещей посредством искусства. В своем творчестве Норвид сознательно отвергал принцип «искусства ради искусства».

Поэт много писал о добродетели физического труда и о необходимости ценить рабочих и их работу. Труд, считал Норвид, — это последствие первородного греха, человеческого падения, но «работа, производимая с любовью, является высочайшей формой проявления человеческой свободы» и служит искуплению за первородный грех. Вместе с тем Норвид критиковал грубый материализм в странах Запада, и особенно в Соединенных Штатах. Сам по себе технический прогресс не несет духовности; на этой основе не может возникнуть подлинная цивилизация, не может твориться подлинная история.

Традиции своей страны Кароль Войтыла постигал не только путем углубленного изучения литературной классики, но и в школе, и дома. Увлечение театром позволило ему еще глубже погрузиться в атмосферу польского романтизма.

---

[1] Здесь: намек на начальные строки Евангелия от Иоанна «В начале было Слово» (Ин. 1.1).

[2] По всей видимости, имеются в виду слова: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8.32).

Вадовице очень гордился как своей репутацией центра литературной культуры, так и тем, что в городе были профессиональный и любительский театры. Традиция, возникшая в период раздела Польши, — чтение поэтических произведений Мицкевича и Словацкого в частных домах и небольших театриках при школах и церквах, созданных специально для постановок классических польских пьес, буквально расцвела в короткий период существования Второй Польской республики. Во время учебы в школе Кароль Войтыла с головой погрузился в эту деятельность. В содружестве со средней школой для девочек Мосцицкой школа Войтылы осенью 1935-го поставила древнегреческую трагедию «Антигона». Войтыле довелось играть в паре с ведущей актрисой школы Мосцицкой Галиной Круликевич, дочерью Яна Круликевича, директора его школы с 1934 по 1938 г. Как-то раз Галина и Лолек попросили знаменитую актрису Казимежу Рыхтерову быть судьей на ежегодно проводившемся между школами поэтическом конкурсе чтецов, в котором оба они были главными претендентами на первый приз. Войтыла подготовил к конкурсу «Promethidion», прочитанный им в манере, призванной передать сдержанный характер и могучий интеллект автора. Галина же выбрала драматическую поэму. Победила Галина. (В бесконечных спорах, бывали ли у молодого Войтылы романтические увлечения, чаще всего упоминается имя Галины Круликевич. Галина, однако, отрицала серьезность их отношений — вплоть до самой своей свадьбы, которая состоялась годом позже. Иоанн Павел II писал в 1996 г., что, хотя у него было много знакомых среди девушек, с которыми он ходил в школу и играл в театре, особой дружбы он не завязывал, поскольку это могло стать эмоциональным препятствием для его поступления в семинарию.)

В 1937 г. две школы совместными усилиями поставили спектакль «Балладына», дивертисмент на тему польских легенд и пьес Шекспира «Сон в летнюю ночь», «Макбет», «Король Лир» и прочих. В одном спектакле Войтыле пришлось играть две роли, спешно заучив вторую за ночь, поскольку исполнитель роли был наказан за озорство и явиться на представление не мог. О том, насколько хорошо был поставлен спектакль — а также три последующих, созданных в 1937–1938 гг., — свидетельствует тот факт, что школьный театр Вадовице отправился в гастрольное турне, играя в любительских театрах региона и в Кальварье Зебжидовской.

Церковный приход выступил спонсором этих представлений. Под режиссерским руководством отца Захера Кароль Войтыла

играл графа Генрика — одного из двух героев написанной в традициях польского романтизма мистической драмы Зыгмунта Красиньского «Небожественная комедия», которую Сенкевич называл «высшим достижением славянского театра». В этой апокалиптической пьесе Красиньский выразил свою горечь по поводу того, каким путем пошла история, — путем рационалистической революции с резким акцентом на грубый материализм. По мысли Красиньского, грех, который совершило человечество, осуществив материалистическую революцию, может быть искуплен только Христом. То, что в Вадовице (при поддержке церковного прихода города) ставили пьесы, столь глубокие по мысли и использующие сложный символизм, само по себе свидетельствует о культурном климате города в те времена. То, что подросток мог играть роль графа Генрика, также дает пищу для размышлений.

В период своего увлечения театром Кароль Войтыла встретил Мечислава Котларчика.

Когда они познакомились, Котларчик преподавал историю в средней школе для девочек в Вадовице — в этом городе он проживал с самого рождения. Его отец был «фанатиком театра», способным «разбудить ночью всю семью, чтобы рассказать о пришедшей ему в голову театральной идее». Котларчик-старший руководил одним из вадовицких театров, в котором играл и его сын. Мечислав изучал в Ягеллонском университете особенности польской поэзии и писал докторскую диссертацию по театральной критике девятнадцатого века. У него был тайный замысел — использовать семейный театр как средство претворения в жизнь своих особых, порой радикальных, взглядов на театральные пьесы и их влияние на жизнь.

Хотя впоследствии эти взгляды подверглись определенному пересмотру, основные идеи Котларчика остались неизменными — и они возникли у него в основном еще во время пребывания в Вадовице. Как говорил много лет спустя один из студентов Котларчика, он «глубоко верил в Христа» и «был человеком, для которого существовал лишь театр». Драматические спектакли были самым важным в его жизни, поскольку они являлись «дорогой к совершенству», средством «донести слово Божие», правду о жизни. Он верил в силу слова, но считал, что слово призвано не только донести идею, но и вызвать эмоцию, которая была бы как всецело субъективна, так и всецело объективна — или истинна. В такой трактовке речь становится понимаемой, только когда существует

единство между тем, кто говорит, и тем, кто слушает. Задачей актера является достижение этого единства путем уменьшения в глазах зрителя роли своего личного «я» настолько, чтобы правда произносимого слова могла дойти до зрителя и вызвать у него эмоциональные переживания. Котларчик пытался создать «театр внутреннего слова», в котором сценарий, костюмы, игра актеров и прочие непременные составляющие театрального действа играли бы минимальную роль. Главное, что должно оказывать воздействие на зрителей, по мысли Котларчика, — это умение актеров отказываться от своего «я».

Актер, по Котларчику, должен выполнять функцию, подобную функции священника, — открывать людям средствами материального мира мир трансцендентной правды. Его «театр внутреннего слова» должен был показывать всеобщие истины и абсолютные моральные ценности, их применение к проблемам сегодняшнего дня, показывать неприкрашенную правду. Отправившись на Моцартовский фестиваль в Зальцбурге, этот «упрямый и фанатичный радикал», нашел, что создатели спектаклей слишком много внимания уделяют зрелищности и внешним деталям. Только когда абсолютный приоритет в театральном действе имеет «слово», этот театр можно считать близким к совершенству.

В 1936 г. Котларчик взял шестнадцатилетнего Кароля Войтылу, бывшего на двенадцать лет моложе его, под свою опеку. Лолек стал часто посещать его дом, где он и Галина Круликевич прошли уникальный курс обучения декламации стихов и чтения лекций. По словам сестры Котларчика, Мечислав часто разгуливал по комнате, цитируя стихотворения, Лолек же ходил следом, пытаясь, и часто не без успеха, читать стихи так, как это делал Котларчик. Иногда Котларчик устраивал представления, в которых участвовали Лолек и Галина.

К концу своей недолгой актерской карьеры (в которой ему доводилось временами быть директором любительского театра) Кароля Войтылу стали интересовать вещи, лежащие далеко за эстетическими и интеллектуальными устремлениями обычного местного театра. Теории Котларчика и увлечение польским романтизмом самого Кароля Войтылы зародили в нем интерес к проблеме взаимоотношений между эмоциями и интеллектом, между восприятием действительности человеком и реальной сутью вещей. Молодой Кароль Войтыла стал размышлять и о том,

как слово способно изменить историю — даже несмотря на колоссальные материальные этому препятствия.

Театр для Войтылы стал, помимо всего прочего, хорошим опытом жизни в коллективе, в группе, где каждый в чем-то ограничивал себя ради других. Здесь Войтыла мог увидеть, что коллектив талантливых людей является не просто арифметической суммой слагаемых. Интенсивные занятия театром, отчасти благодаря Мечиславу Котларчику, стали, возможно, первым шагом к пробуждению у Кароля Войтылы особого рода интуиции. Если драматическое произведение способно более полно выявить суть вещей, то, может быть, драматичность жизни человека способствует более глубокому пониманию жизни в целом? И всей окружающей реальности?

ALMA MATER: ЯГЕЛЛОНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

После смерти в 1935 г. Юзефа Пилсудского, главной общественной фигуры Второй Польской республики, антисемитизм стал проявляться более открыто. По всей стране начался экономический бойкот еврейских предприятий, который получил поддержку газет, а также политиков, стремящихся держать нос по ветру. Одна из актрис любительского театра Вадовице, Гинка Беер, вынуждена была уехать в Палестину после ряда выходок, которые заставили ее бросить медицинское учебное заведение в Кракове. Перед ее отъездом Лолек Войтыла и Ежи Клюгер нанесли ей визит.

— Разве вы не видите, что происходит с евреями в Германии? — спросила она. — Что-то вроде этого скоро будет и здесь. А я не могу больше терпеть все это... у меня такое чувство, что мне трудно дышать. Поэтому я решила уехать.

Они проводили Гинку до вокзала. Много лет спустя она вспоминала, что, когда она покидала Вадовице, Кароль Войтыла-старший сказал:

— Не все поляки — антисемиты. Ты знаешь, что я к ним не принадлежу!

Восемнадцатилетний Лолек был так расстроен, что не произнес ни слова.

В 1938 г. Ежи Клюгер заметил, что его отец добавил свою еврейскую фамилию к той, что была написана на табличке его

кабинета. Это ему пришлось сделать из-за нового дискриминационного закона, добавлявшего тягот еврейскому населению. Во второй свой год пребывания в средней школе[1] Лолек и Ежи увидели, что некоторые из их знакомых школьников присоединились к участию в антисемитских сборищах. В школе стали вспыхивать драки с мальчиками-евреями. Лолек защищал своих друзей, а во время горячих споров цитировал отца Проховника, который утверждал, что антисемиты — это антихристиане. Однажды вечером группа хулиганов устроила на рыночной площади шествие, выкрикивая: «Экономический бойкот — это акт патриотизма!» — и разбивая витрины магазинов.

На следующий день Гебхардт, учитель истории, строго следивший за дисциплиной, вошел в класс в необычайно скорбном расположении духа. В конце бестолково прошедшего урока, на протяжении которого он по большей части молчал, Гебхардт обратился к учащимся:

— Я надеюсь, никого из моих учеников не было среди хулиганов вчера вечером. Я обращаюсь к вам не как учитель истории, а как поляк. То, что случилось, не имеет ничего общего с традициями нашего Отечества. — Затем он зачитал манифест Адама Мицкевича от 1848 г., в котором говорилось об обете относительно еврейского старшего брата в вере Авраамовой и об обещании Польши дать равные права всем своим гражданам. В тот день капитан пришел встречать Лолека после школы. Хлопнув Ежи Клюгера по плечу, он сказал:

— Как себя чувствует твой отец? Пожалуйста, передай ему привет от меня. Ты ведь не забудешь, верно?

Кароль Войтыла, Ежи Клюгер и их школьные товарищи окончили среднюю школу 27 мая 1938 г. Именно Каролю Войтыле поручили выступить с прощальной речью от имени выпускников. Затем состоялся выпускной бал, в котором приняли участие и Кароль Войтыла, и Галина Круликевич. Прощаясь, выпускники не могли скрыть друг от друга плохих предчувствий. Летом Лолек отправился на «национальную службу» в Зубжыцу Горну, где он должен был принимать участие в строительстве железной дороги. Но позднее он вспоминал, что большую часть времени ему приходилось заниматься чисткой картошки.

---

[1] Срок обучения в начальной и средней школе здесь считается отдельно.

Тем же летом Кароль Войтыла и его отец покинули Вадовице и переехали в Краков, поскольку осенью Лолек намеревался поступить в Ягеллонский университет. Они жили в полуподвальном помещении дома, построенного братом Эмилии в конце Первой мировой войны; на двух верхних этажах жили две сестры Эмилии. Этот домик, располагавшийся в районе Денбники по адресу Тынецкая, 10, стоял на берегу Вислы, и с берега открывался прекрасный вид на Вавельский замок и собор. Вздымавшиеся к небу шпили собора казались растущими прямо из сердца Кракова — Старого города. После короткой прогулки можно было попасть на рыночную площадь Денбников. Поблизости от нее располагался костел Святого Станислава Костки, аскетическое, без особых украшений здание — единственный в Денбниках архитектурный эксперимент в стиле готики. Университет находился в двадцати минутах ходьбы через мост, Денбники и Старый город.

Но, несмотря на удобное месторасположение, квартиру Лолека его друзья часто называли «катакомбами». Вход располагался в торце дома и вел в коридор, разделявший квартиру пополам. Слева находилась комната Лолека, дальше шла комната его отца; направо была кухня, затем ванная комната. В квартире было темно и душно, зимой же старая, топившаяся углем плита давала тепла так мало, что комнаты не обогревались.

Кароль Войтыла, казалось, не обращал внимания на недостаток комфорта, поскольку привык к спартанской обстановке, к тому же все его помыслы были заняты интересной студенческой жизнью Ягеллонского университета. Основанный в 1364 г., университет был одним из признанных центров европейского образования. В 1413 г. ректор университета, Павел Влодковиц, отправился из Кракова в городской совет Констанце, чтобы выразить свои возражения по поводу насильственного окатоличивания язычников-литовцев. Именно в этом университете учился Коперник, сокрушивший космологию древнего мира. Университет выпустил несколько десятков поколений ученых, каждый из которых читал надпись над входом в большой зал «Plus ratio quam vis» [«Разум прежде силы»]. На протяжении шести столетий университет был местом пересечения дорог, которыми шли просветители, гуманисты и пропагандисты христианского учения. Как напишет много лет спустя Кароль Войтыла, здание университета вызывало у него с трудом сдерживаемые эмоции, даже по дорожкам он не мог ходить «без чувства благоговения».

В первый год в университете Лолек должен был изучать этимологию польского языка, фонетику, искусство выразительного чтения, а также художественный перевод. Он прослушал обзоры средневековой и современной польской поэзии, прошел вводный курс русского языка и обзор грамматики церковного старославянского языка, исторической основы современных славянских языков[1]. Чтобы продолжить обучение, студентам-филологам, к которым принадлежал и Кароль Войтыла, в конце первого года надлежало сдать два трудных экзамена — по польской грамматике и старославянскому языку.

Как много позже писал Кароль Войтыла, во время подготовки к экзаменам он начал понимать «более полно... что такое язык». До этого его восхищали польская литература и беллетристика. Сейчас же он начал улавливать что-то из «тайны самого языка», понял, что «без языка не может быть литературы»: то, что человек обладает языком, позволило ему создать свой мир, в том числе литературу. Начав путь к тому, чтобы впоследствии стать полиглотом, юный Войтыла поначалу был ошеломлен тем, как разнятся языки мира. Но это понимание воодушевило его на интенсивный поиск общего в структуре языков. Много лет спустя Войтыла скажет, что начинающий филолог «должен изучать лингвистику» как ученый.

Но Войтыла продолжал заниматься и театральной деятельностью. В конце 1938/39 академического года он играл Сагиттариуса в фантастической пьесе «Всадник лунного света», поставленной труппой экспериментального театра, которая впоследствии получит известность как «Студия 39». Пьеса, в которой участвовали персонажи знаков Зодиака, содержала сатиру на некоторых университетских деятелей, а также затрагивала местные темы; она была сыграна под открытым небом в одном из внутренних двориков. Среди зрителей представления был и ведущий польский актер Юлиуш Остерва. На него пьеса оказала столь сильное впечатление, что он пригласил игравших в спектакле студентов к себе домой и попросил их поддерживать с ним связь.

На протяжении этого года Лолек также несколько раз участвовал в поэтических чтениях. Он стал членом «Ученого кружка

---

[1] Старославянским принято называть болгарский язык средневековья, поскольку многие церковные обряды пришли из Болгарии. Славянские языки произошли от так называемого праславянского.

изучения Польши», студенческой организации, которая устраивала литературные чтения, обсуждала реформу образования, а также боролась за отмену ограничений для евреев на обучение в Ягеллонском университете. Он начал брать частные уроки французского; его друг Юлиуш Кыдрыньский, который вместе с Каролем принимал участие в театральной постановке, познакомил его с семьей Шкоцких, у которых снимала комнату пани Ядвига Левай, учительница французского — того языка, что жаждал изучить Лолек для продолжения своих литературных изысканий. Несмотря на столь напряженную жизнь, Кароль Войтыла продолжал писать стихи и стал работать библиотекарем на общественных началах.

В конце сентября 1938 г., перед самым началом занятий в Ягеллонском университете, Кароль Войтыла прошел шестидневную обязательную военную подготовку в Академическом легионе. 28 ноября, с усилением приготовлений Польши к предстоящим испытаниям, он получил письмо от супрефекта округа Вадовице, согласно которому Войтыла как студент университета освобождался от военного призыва. Но с февраля 1939 г. все кадеты Академического легиона были обязаны по вторникам и пятницам, с 8 до 9 часов вечера, заниматься в местном гимнастическом зале.

А положение во Второй Польской республике становилось все тревожнее. Еще осенью 1938 г. Ежи Клюгер, проучившись всего месяц, вынужден был оставить изучение технических дисциплин. Вспышка насилия против евреев вынудила его вернуться обратно в Вадовице; семья надеялась послать его на учебу в Англию. Лолек и его друзья, которых время и так заставило рано повзрослеть, стали еще серьезнее. В апреле 1939 г., на Святой четверг, он пришел в Вавельский собор для того, чтобы наблюдать, как архиепископ Сапега осуществляет древний ритуал омовения ног — в память о том, как Иисус прислуживал своим ученикам на Тайной Вечере. В мае он отправился в паломничество в Ченстохову, к месту поклонения Черной Мадонне, где ему довелось услышать немало тревожных слов о том, что растущая нацистская угроза очень напоминает шведский «потоп» 1655 г.

В середине июня Лолек успешно сдал два экзамена, что позволило ему продолжить изучение польской филологии. 24 июня 1939 г. он вместе с друзьями отпраздновал успешное завершение первого года обучения в доме своей университетской приятельницы Анны Навроцкой. Вечеринка прошла под музыку граммофона, с танцами и вином, но для Лолека и всех собравшихся

гораздо важнее была возможность поговорить. Ученая карьера молодых людей началась успешно, но существовало опасение, что в силу внешних обстоятельств она оборвется. И потому Войтыле пришлось еще раз пройти курс подготовки в Академическом легионе (фотография этого периода запечатлела его с ружьем, взятым на плечо, однако Кароль выглядит совсем не молодцевато). Немецкая армия усилила подготовку плана «Вайс». А в Москве начались немыслимые до того переговоры между двумя крупнейшими тоталитарными державами Европы.

СЫН СВОБОДНОЙ ПОЛЬШИ

Когда изучаешь молодые годы людей, которые впоследствии становятся великими, неизменно оказывается, что воспоминания о них друзей и знакомых проходят определенный отбор. Похоже, никто не может противостоять искушению увидеть черты характера, которые привели этих людей к славе, возникшие в самом юном возрасте, — и там же отыскать причины их последующего успеха. Но внимательное изучение воспоминаний о Кароле Войтыле убеждает в том, что он и в самом деле был идеальным сыном, другом и студентом.

Его интеллектуальная одаренность признавалась всеми; буквально через несколько часов общения люди понимали, что встретились с необычным человеком. Однако Кароль не кичился своими талантами. Не сохранилось свидетельств о том, что он вызывал у других зависть, — возможно, потому, что всегда был рад помочь тем, кто испытывал трудности. Кароль вырос в среде, где благочестие считалось нормой жизни, и если в чем-то его религиозные чувства были глубже, чем у его сверстников, то это считали не странностью, а достоинством.

Но Лолека нельзя было назвать и книжным червем. Он вел жизнь, свойственную всем молодым людям того времени, и имел множество друзей — как среди юношей, так и среди девушек. Заядлый спортсмен, он был способен проходить многие мили в поисках хороших лыжных маршрутов. Несмотря на ярко выраженную индивидуальность, он легко находил друзей, даже во время прогулок по городу. Обладая непревзойденным талантом подражательства, Кароль Войтыла передразнивал учителей, и его друзья находили это очень смешным. Он хорошо вписался в среду

крупного университета и большого, имеющего давние культурные традиции города.

Уважение и привязанность к отцу, тяжело переживавшему смерть жены и сына, были главным, что определило его моральные ориентиры. Многие считали капитана человеком, который стоически переносит выпавшие на его долю испытания, однако для Кароля отец был примером не стоика, а христианина — человека, чьи страдания подверглись преобразующему воздействию веры. Позднее Кароль вспоминал, что отец вел аскетичный образ жизни, но эта аскетичность не означала скупости, которой требовала жизнь на скромную пенсию. Это был христианский аскетизм, исходивший из того, что ценность человека определяется не его благосостоянием, а добродетелями, которые он сам выработал.

Общение с отцом сформировало у Лолека еще одно убеждение: глубокая набожность не является лишь женской чертой. Возможно, именно от отца Кароль перенял и свойственное ему стремление постоянно опекать кого-нибудь. Позднее эти черты получили у него теологическое обоснование: покровительство, отцовские чувства являются одним из способов проявления Божественной сути и отношений Бога с миром. Проявление отцовских чувств означает отказ от эгоизма: отцовство свидетельствует о том, что человек «побеждаем любовью». Любовь побуждает человека «дать рождение» в акте бескорыстного дарения самого себя, как напишет Войтыла в своей последней пьесе.

Кароль Войтыла был сыном своего времени, сыном той страны, в которой появился на свет. Те, кто учил его любить родину, ее историю, литературу, — учили этому без узости националистического взгляда на мир. Наоборот, полученный будущим Папой Римским в Польше опыт оказался полезен ему впоследствии для понимания места всех людей Земли в двадцатом столетии. И наиглавнейшим в этом опыте стало стремление к свободе, причем самым верным средством к достижению свободы, как решил будущий Папа Римский, является правда, а не сила официальных властей, как считают многие в мире. Человеческий дух, посвятивший себя правде, является самой несокрушимой силой. Для того чтобы понять это, надо было вырасти именно в свободной Польше.

Многие считали, что Кароля Войтылу ожидает большое будущее. Сам Кароль еще не был уверен, какой он выберет путь — языки, литературу или театр. Однако история — или, как считает он сам, Провидение — выбрала дорогу за него.

2

ИЗ ПОДПОЛЬЯ

«Третий рейх» против «Царства правды»

1 сентября 1939 — вторжением Германии в Польшу начинается Вторая мировая война.

6 сентября 1939 — 184 преподавателя Ягеллонского университета арестованы и отправлены в Заксенхаузен; Кароль Войтыла начинает подпольную учебу и участвует в движении сопротивления посредством культуры.

Февраль 1940 — Лолек знакомится с Яном Тырановским, который разъясняет ему суть мистицизма кармелитов и вводит в молодежную группу «Живые молитвы».

Великий пост 1940 — Войтыла пишет «драму из Ветхого Завета» «Работа».

Лето 1940 — Войтыла пишет пьесу «Иеремия» (народная драма в трех действиях).

Сентябрь 1940 — Кароль Войтыла начинает работать каменотесом на шахте Закжувек.

18 февраля 1941 — умирает отец Лолека, Кароль Войтыла-старший.

23 мая 1941 — гестапо арестовывает священников прихода, к которому относится Кароль Войтыла.

22 августа 1941 — Мечислав Котларчик открывает «Театр восторга».

Октябрь 1941 — Кароль Войтыла начинает работать на химическом заводе компании «Солвай».

1 ноября 1941 — Войтыла играет короля Болеслава Храброго в первой подпольной постановке «Театра восторга», «Короле-Духе» Словацкого.

Осень 1942 — архиепископ Краковский принимает Кароля Войтылу в подпольную семинарию и начинает изучать с ним философию.

29 февраля 1944 — Войтыла попадает в больницу после того, как его на улице сбивает немецкий грузовик.

Апрель 1944 — Ежи Захута, знакомый Войтылы по подпольной семинарии, арестован гестапо и расстрелян.

6 августа 1944 — архиепископ Адам Стефан Сапега организует подпольную семинарию в своей резиденции.

Январь 1945 — немецкие оккупанты покидают Краков; приходит Красная Армия.

1 ноября 1946 — Кароль Войтыла посвящен в духовный сан кардиналом Сапегой.

15 ноября 1946 — отец Войтыла отправляется в Рим для продолжения изучения теологии.

Лето 1947 — Войтыла посещает Францию, Бельгию и Голландию.

Июнь 1948 — Кароль Войтыла получает свою первую докторскую степень.

Высоко на Вавеле, горе, возвышающейся над древней столицей Польши, находится кафедральный собор Кракова. К северу от горы лежит Старый город с его огромной рыночной площадью, над которой высится костел Девы Марии. С его высокой башни каждый час дневного времени трубач возвещает наступление нового часа. Этот сигнал трубы особенный — он обрывается внезапно, в память о страже тринадцатого века, который предупредил о вторжении татар, но был убит попавшей в горло стрелой. К югу от собора располагается традиционный для польских городов еврейский квартал, Казимеж. Осенью 1939 г. его население еще ничего не знало о человеке по имени Оскар Шиндлер. К западу от Казимежа находилась Скалка, где святой Станислав, первый епископ Кракова, в 1079 г. пал от сабли короля Болеслава Храброго.

Вавельский собор — место коронации польских королей и погребения многих выдающихся политиков, деятелей польской культуры и религии — был на протяжении многих столетий центром духовной жизни Польши. С 1320 г., когда собор только начали возводить, его стенам довелось перевидать немало завоевателей. Татары и шведы опустошали окружающие земли, австрийцы лишали Старый город его укреплений и стен; захватчики много

раз выгоняли — с разной степенью жестокости — короля и королеву Польских из их замка, расположенного на вершине «польского Сиона». Но 1 сентября 1939 г., Вавельский собор ожидало нечто такое, чего на протяжении столетий еще ни разу не происходило под его готическими сводами.

Ранним утром 1 сентября Кароль Войтыла покинул свой дом в Денбниках на Тынецкой, 10, и отправился в собор. Этот день был первой пятницей месяца, и согласно католическому обычаю Кароль Войтыла шел к отцу Казимежу Фиглевичу, чтобы, как обычно, исповедаться и принять участие в церковной мессе. Войдя в полумрак утреннего собора, он прошел мимо гробницы короля Владислава Ягайло и серебряной раки, хранящей останки святого Станислава. Затем он миновал белый мраморный памятник Благословенной королеве Ядвиге, супруге и соратнице Ягайло в создании великого единого польско-литовского государства. Дальше, в северном нефе, покоились останки Ядвиги. Там же находился алтарь, перед огромным черным распятием которого молодая королева часто погружалась в молитвы. «Согласно традициям наших предков», — было написано на кресте: считалось, что с этого распятия Христос наставлял Ядвигу.

Но во время этой утренней мессы раздавались совсем другие звуки, далеко не столь благочестивые. Самым громким из них был пронзительный вой сирены воздушной тревоги. Он заглушал выстрелы зенитных батарей и взрывы бомб, сбрасываемых самолетами «Люфтваффе». Прихожане начали поспешно расходиться, но отец Фиглевич и его помощник отслужили мессу до конца, хотя и несколько быстрее, чем обычно. Когда святой отец замолчал, Кароль Войтыла обратился к нему — своему духовному учителю и хранителю самых сокровенных секретов:

— Я должен идти, мой отец остался дома один.

Когда он бежал назад по мосту через Вислу, самолеты «Люфтваффе» начали бомбить городские окраины.

ВЫКОВАННЫЙ В ОГНЕ

Вторая мировая война, которую поляки иногда называют войной, проигранной дважды, стала для Польши настоящей катастрофой. Шесть миллионов польских граждан из предвоенных 35 миллионов погибли в боях или были злодейски умерщвлены.

Другими словами, исчезло 18% населения страны. Нация подверглась настоящей децимации[1]. Именно в Польше разыгралось величайшее массовое убийство всех времен — Холокост. И все эти страдания, вся борьба в конце концов привели лишь к тому, что контроль над Польшей перешел в руки другого тоталитарного государства.

Пережитое в период оккупации оказало решающую роль в формировании личности будущего Папы Иоанна Павла II. Ужасы войны и встречи с верующими привели к тому, что Кароль Войтыла стал определенно склоняться к вере того толка, к которому принадлежали кармелиты. Они считали крест центром всей христианской жизни и даже центром всей человеческой истории. Именно во время оккупации — и частично из-за оккупации — Кароль Войтыла решил выбрать стезю церковнослужителя.

В его выборе сыграли свою роль примеры духовного мужества, проявленного носителями духовного сана с 1939 по 1945 г. Один из них, францисканец Максимилиан Кольбе, пожертвовал своей жизнью ради узника, с которым находился в бараке Освенцима, где заключенные умирали от голода. Другим таким человеком был архиепископ Адам Стефан Сапега, выразивший в свое время сожаление, что блистательный молодой человек из Вадовице собирается изучать филологию, а не теологию.

Вместе с тем оккупация дала Каролю Войтыле возможность познать, что такое физический труд. И именно эта работа подсказала Войтыле сюжеты для его первых литературных произведений. Позднее трудовой опыт Кароля Войтылы придаст определенную направленность доктрине католической Церкви всего мира. Но революция в церковной доктрине произойдет еще через сорок лет — сейчас же, в долгую ночь оккупации, он только начал свой путь к ней — с участия в сохранении культурных традиций своей страны.

Война стала испытанием огнем. Шестилетним испытанием неслыханной жестокостью, которой противостоял невиданный героизм. Как писал Иоанн Павел II в 1995 г., «полстолетия спустя народы, семьи и отдельные личности все еще хранят память об этих шести ужасных годах, память о страхе, насилии, ужасающей бедности, смертях; о трагедии разделения семей, об отсутствии всяких свобод и личной безопасности; о лечении ран, наносимых

[1] Децимация — казнь каждого десятого члена военного подразделения, проводимая в армии Древнего Рима за бегство, мятеж и т.д.

в почти непрекращающемся кровопролитии». Жизнь в этом сотворенном человеком аду могла навести на мысль об абсурдности человеческого бытия. Но Кароль Войтыла приходил к другим заключениям — и он быстро рос как человек, как мыслитель, как апостол.

ПОЛЯ СМЕРТИ

Послевоенная коммунистическая историография, слишком часто цитировавшаяся на Западе, обычно описывала Вторую Польскую республику как шутовское государство, возглавлявшееся фашиствующими полковниками. Правда, однако, гораздо сложнее.

Польское правительство в период между двумя войнами относилось к своим политическим оппонентам с такой суровостью, которую сейчас сочли бы недопустимой в любой развитой демократической стране. Тем не менее именно в 1920–1930-е гг. политические партии достигли своего расцвета и ко времени начала войны набрали наибольшую силу. Единственным исключением оказалась Коммунистическая партия Польши. Но она была ликвидирована по приказу из Москвы, а не польскими полковниками[1]. Попытки правительства ограничить деятельность прессы, как правило, терпели неудачу; юридическая система защищала свою независимость от государства, а суды обычно выносили непредвзятые решения; критики правительства на университетских кафедрах сохраняли свои посты. Таким образом, режим никак нельзя назвать фашистским.

В области культуры дело обстояло несколько хуже. Взгляды на польский национализм маршала Пилсудского, который доброжелательно относился к евреям, допускали культурные и религиозные различия. И все же многие считали, часто пытаясь претворить свои убеждения в жизнь силой, что в свободной Польше есть место только этническим полякам, католикам по вере. Среди тех, кто разделял это мнение, было много сельских священников. Эти взгляды получили весьма недвусмысленную поддержку,

[1] В 1938 г. по необоснованным обвинениям Коммунистическая партия Польши была распущена решением Исполнительного Комитета Коминтерна.

когда архиепископ Польши периода между двумя войнами, кардинал Августин Глонд, допустил в своем церковном послании классический антисемитский стереотип, утверждая, что «евреи борются против католической Церкви». Но отношение священников Вадовице к их знакомым евреям ясно показывает, что подобные мысли разделяли не все. Однако после кончины Пилсудского антисемитские настроения в стране стали постепенно нарастать. Весьма многочисленное украинское меньшинство в Польше периода между мировыми войнами также испытывало тяжелый гнет.

Помимо политических, этнических и религиозных раздоров, возрожденная Польша имела еще одну серьезную проблему — низкую культуру населения. Но правительству удалось резко сократить число неграмотных. Армия, в которой обязан был проходить службу каждый мужчина, стала прекрасной школой обучения технике. Польская интеллектуальная жизнь расцвела пышным цветом, особенно в области философии и математики. Искусство испытывало буквально творческий взрыв. Польские интеллектуалы-католики стали независимой культурной силой. Они-то и сформулировали позицию, которая послужила основой как польского мессианства, так и польского шовинизма и оказала впоследствии существенное влияние на культурную жизнь страны.

Страну надо оценивать, сравнивая ее с чем-то. В Польше в период между двумя войнами царили бедность, несправедливость, но они не идут ни в какое сравнение с голодом и массовыми расстрелами, которые сопровождали рождение и укрепление большевистского режима в Советском Союзе. Антисемитизм также был присущ не одной лишь Польше, о чем достаточно ясно свидетельствуют американские квоты для евреев в 30-х годах и история вишистской Франции. Хотя поляки и испытывали трудности с формированием стабильного правительства, они никогда не вели братоубийственной войны друг с другом, как это делали их испанские современники. А во время Второй мировой войны Польша была единственной оккупированной страной, в которой нацисты так и не смогли создать коллаборационистский режим. Все это говорит о том, что, несмотря на все свои трудности, Вторая Польская республика была достойна того, чтобы ее граждане защищали ее.

Тем не менее польскую международную политику в период между двумя войнами можно назвать полным провалом. Захват части чехословацкой территории нацистскими войсками свиде-

тельствует о полном непонимании ситуации в Европе[1]; польско-чехословацкий союз, будь он заключен перед Мюнхеном, мог бы повернуть историю совершенно в другом направлении. Но этого не произошло, в результате Польше пришлось в полной мере испытать последствия своего векового проклятия — неблагоприятного географического положения.

В марте 1939 г. Адольф Гитлер объявил верховному руководству своей армии, что наступило время для решения «польской проблемы» военным путем. 1 апреля он назначил дату вторжения на 1 сентября, а 28 апреля в одностороннем порядке денонсировал польско-германский договор о ненападении 1934 г. Окончательное решение о вторжении было принято 23 мая 1939 г., после того как польское правительство отказалось вопреки требованиям немцев присоединить к «Третьему рейху» вольный город Данциг (Гданьск), а также пересмотреть положение немецкого меньшинства в Польше. Все эти требования были лишь дымовой завесой. В доверительной беседе Гитлер признался:

— Не Данциг является главной причиной разногласий. Главной целью являются получение новых территорий для Германии на востоке и контроль над новыми источниками продовольствия и их охрана. Вопрос о существовании Польши больше не должен возникать вообще.

Не прошло и месяца с того дня, когда Гитлер принял свое решение, как командование вермахта предоставило фюреру оперативный план операции «Вайс» — план вторжения в Польшу с целью ее захвата. 15 августа, когда поляки праздновали Вознесение благословенной Девы Марии, отправляясь в паломничество в Кальварью Зебжидовску, в Ченстохову и другие святые места страны, немецкие железные дороги уже перешли на работу по мобилизационным планам.

---

[1] В 1938 г. Гитлер, используя предательскую политику Англии и Франции в Мюнхене, занял Судетскую область Чехословакии, где проживало много немцев. После этого Польша предъявила претензии на Тешинскую область Чехословакии и получила ее. При этом польское руководство не прислушалось к предупреждению СССР, что возможный ввод войск на территорию Чехословакии будет стоить Польше советско-польского договора о ненападении. За отторжением Тешинской области последовало провозглашение Словакией независимости, а затем оккупация Чехии немецкими войсками и превращение ее в протекторат.

Неделей позже министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп прибыл в Москву, чтобы заключить пакт о ненападении. Когда договаривающиеся стороны разделили карту Польши на две части, судьба Второй Польской республики была решена. Два вековых противника, став тоталитарными странами, обрели единство. Глубоко католическая страна должна была быть поглощена двумя самыми безбожными государствами. Давний германский девиз «Drang nach Osten» [«Натиск на Восток»] встретился с желанием Сталина иметь защитный барьер от мнимого, как он прекрасно понимал, германского «союзника». Тем временем западные союзники Польши не спешили с ее защитой. Британский премьер-министр Невилл Чемберлен заявил германскому правительству, что политика умиротворения, которую он проводил в Мюнхене за год до этого, оказалась неэффективной. Но эта скрытая угроза уже запоздала.

Не без греха оказался и польский план военных действий, план «Зет». Предполагая, что немецкие войска будут двигаться со стороны Силезии и Словакии, и отлично понимая, что в одиночку польским войскам вермахт не разгромить, поляки создали вдоль своих западных и южных границ полукруг из семи армейских групп. Предполагалось, что эти группы примут на себя первый удар, чтобы впоследствии медленно отходить во внутренние районы Польши, используя реки в качестве защитных барьеров против интервентов. План исходил из того, что Британия и Франция вторгнутся в Германию, в связи с чем немцам придется перебрасывать свои части на запад, где они и будут перемолоты. Затем наступит зима с ее холодами; тяжелая немецкая техника станет выходить из строя, благодаря чему польская армия сможет перейти в наступление, чтобы вместе со своими западными союзниками взять немцев в клещи.

Однако вскоре стало ясно, что польская армия совершенно не готова сдержать наступление. Убийственная комбинация германской бронетанковой техники, моторизованной пехоты и господства в воздушном пространстве самолетов «Люфтваффе» сделала постепенный медленный отход невозможным. Польский план войны, рассчитанный на мужество солдат, был перечеркнут новыми способами ведения боевых действий. Мало того, сама география страны с ее протяженной, лишенной гор равниной предоставила немецким генералам идеальный полигон для опробования ими тактики блицкрига. К тому же поляки никак не ожидали, что им

придется бороться на два фронта, на западе и на востоке, а такую возможность допускал пакт Молотова — Риббентропа.

В любом случае отказ союзников Польши, Англии и Франции выполнить свои обязательства сделал бы любые военные планы польского генерального штаба бессмысленными. По соглашению с британцами и французами поляки должны были любой ценой удерживать фронт на протяжении двух недель, давая Франции возможность «бросить 90 дивизий, 2500 танков и 1400 самолетов через совершенно незащищенный Рейн». Поляки продержались в два раза дольше, но, за исключением отвлекающих атак в тянущемся вдоль франко-германской границы Варндтском лесу, французская армия не сделала ничего, что имело бы хоть какое-то стратегическое значение, «в то время как военно-воздушные силы Великобритании занимались разбрасыванием над немецкими городами листовок»[1]. Предоставив Польшу своей судьбе, Великобритания и Франция лишили себя великолепного шанса покончить с гитлеровской агрессией без мировой войны.

Несмотря на это предательство, поляки внесли значительный вклад в победы союзников во время Второй мировой войны. Польские подразделения воевали вместе с британцами в Норвегии, а также с французами и британцами во Франции весной 1940-го. На долю поляков, которые сражались в британском небе, приходится двенадцать процентов побед в «битве за Британию» осенью того же года. 2-й польский корпус выиграл четвертое и заключительное сражения за Монте-Кассино в Италии. 1-й польский танковый полк обеспечил прорыв из Нормандии в августе 1944-го (в сражении за Фалэз-Поке польские солдаты пошли в штыковую против тех же соединений, с которыми боролись в Карпатах в 1939 г.). Польская разведка, сотрудничавшая с союзниками еще до начала войны, сумела добыть немецкую шифровальную машину «Энигма» и, по выражению секретаря Черчилля, с «огромным мужеством» доставила ее в Британию, что позволило англичанам расшифровывать немецкие военные распоряжения. Тех поляков, которые боролись рука об руку с союзниками, называли эмигрантами — особенно часто это слово можно было услышать после войны. Но по своей сути они были именно

---

[1] Согласно договору, англичане и французы должны были немедленно начать бомбардировки немецкой территории, но они этого не сделали. На пятнадцатый же день союзники обязаны были перейти в наступление.

поляками, насильно оторванными от родины и не имеющими возможности сражаться на своей собственной земле. Папа Иоанн Павел II однажды сказал о них:

— ...они исходили из того принципа, который исповедовали поляки в своей борьбе за независимость: «За вашу и нашу свободу».

Решающей датой стало 17 сентября 1939 г. Пока французы боязливо топтались за «линией Мажино», парализованные воспоминаниями о Первой мировой войне, Советский Союз вторгся в Польшу с востока. Демонстрируя удивительно гибкую мораль, которой всегда отличалась советская дипломатия, заместитель наркома иностранных дел Владимир Потемкин вызвал в Кремль посла Польши Вацлава Гжибовского, чтобы известить его, что «польско-германская война продемонстрировала полное банкротство Польского государства». Исходя из этого, Советский Союз счел себя обязанным перейти границу, чтобы «взять под защиту украинцев и белорусов, проживающих на польской территории». Что Сталин понимал под дружбой народов, стало ясно, когда продвигающиеся вперед советские войска начали расстреливать захваченных в плен старших польских офицеров. Это было мрачное преддверие расправы в катынском лесу в мае 1940-го, в ходе которой солдаты НКВД, предшественника КГБ, расстреляли более чем 10 000 польских офицеров, лишив будущую независимую Польшу военных лидеров[1].

В ночь с 17 на 18 сентября польское правительство покинуло страну, перебравшись на машинах через реку в Румынию. С правительством покинул страну и архиепископ кардинал Глонд. На следующий день главнокомандующий польской армией, маршал Эдвард Рыдз-Смиглы, последовал их примеру, вознамерившись продолжать военные действия с территории Франции. Результатом этого решения стало то, что польские войска больше не по-

[1] В книге «Мой отец — Лаврентий Берия» С. Берия пишет о 20 857 офицерах, категорически отрицая принадлежность к этому преступлению НКВД. Преступление было тем более чудовищно, что СССР не объявлял Польше войну, а командование польской армии отдало приказ не оказывать сопротивления Красной Армии, так что поляки не могли считаться даже военнопленными. Следует, однако, заметить, что во время «чуда на Висле» в 1920 г. много бойцов Красной Армии попали в плен, а затем таинственно исчезли. Это преступление польской стороной до сих пор не расследовано.

лучили ни одного приказа о сдаче — да о ней и речи не было. Варшава держалась до 27 сентября, сдавшись только после того, как «Люфтваффе» и артиллерия вермахта уничтожили водоснабжение города и когда иссякли запасы продовольствия. Однако сразу после взятия города немцы столкнулись с движением Сопротивления — упорным и яростным, тесно связанным с обосновавшимся в Лондоне законным польским правительством. 5 октября Гитлер присутствовал в Варшаве на параде победы германских войск. Под платформой, на которой он стоял, было заблаговременно заложено достаточно взрывчатки, чтобы ликвидировать и фюрера, и его окружение. Но заговор сорвался, поскольку оккупационные власти схватили человека, ответственного за детонаторы.

Произошел четвертый раздел Польши. Она снова исчезла с карты Европы, а ее народ начал отчаянную борьбу за свое существование. Но немцы не хотели оставить польскому народу ни единого шанса.

«ПОЛЬША ДОЛЖНА БЫТЬ СТЕРТА»

Западные историки Второй мировой войны обычно сосредоточивают свое внимание на «битве за Британию», североафриканской и итальянской кампаниях, на высадке союзных войск на берегу Нормандии и на последующем марше к Рейну, однако на самом деле решающие события войны разыгрывались в Восточной и Центральной Европе. На Восточном фронте немцы потеряли куда больше людей, чем на Западном, а без таких потерь в живой силе война на западе, без сомнения, носила бы совсем другой характер. Война, которую ослепленные бредовой расовой теорией нацисты вели против польского народа, отличалась исключительной жестокостью. Чтобы выполнить знаменитый совет, данный Руссо полякам: «Если вы не можете не дать себя проглотить, постарайтесь хотя бы не дать себя переварить», — народу Польши пришлось пройти через неслыханные испытания.

Восточные земли Польши отошли Советскому Союзу, тогда как центральная и западная ее части были разделены на две зоны германской оккупации. Одна зона была включена в состав «Третьего рейха», на территории другой было образовано «генерал-губернаторство», главой которого стал Ганс Франк, немедленно

обосновавшийся в краковском Вавельском замке. Правление закона — и даже чего-нибудь, отдаленно напоминающего закон, — исчезло; наступило мрачное царство террора.

Франк, откровенный бандит, мнивший себя интеллектуалом, входил в Вавельский замок через портал, на котором было написано: «Si Deus Nobiscum Quis Contra Nos?» [«Если Бог с нами, кто против нас?»]. Из резиденции королей он начал рассылать своим непосредственным подчиненным распоряжения, которые должны были показать полякам, что Бог больше не с ними:

> «Поляк не имеет никаких прав. Единственная его обязанность выполнять то, что ему говорят. Ему следует постоянно напоминать, что его обязанностью является повиновение.
>
> Главной целью нашего плана является скорейшее уничтожение неблагонадежных политиков, священников, а также лидеров, находящихся под их влиянием. Я откровенно признаю, что несколько тысяч так называемых важных поляков лишатся своих жизней, но вы не должны даже в отдельных случаях проявлять жалость, поскольку она может помешать вам в выполнении ваших обязанностей, имеющих целью торжество идей национал-социализма и полное подавление сопротивления польской нации.
>
> Все следы польской культуры должны быть ликвидированы. Те поляки, которые обладают нордической внешностью, будут увезены в Германию для работы на наших заводах. Дети с нордической внешностью должны быть отняты у родителей с целью воспитания из них германских рабочих. Остальные? Они будут работать. Они будут мало есть. И в конце концов они умрут. Их никогда больше не будет в Польше».

По словам генерал-губернатора Ганса Франка, наказанием за «преступления» или попытку сопротивления являлась смерть на месте или же отправка в концентрационный лагерь. «Преступлением» же могло стать даже то, что при встрече с патрулем прохожий не сошел с тротуара на мостовую. Люди должны были пытаться выжить на «диете», содержащей 900 калорий. Среднее и высшее образование отменялось. Поляков можно было учить считать лишь до тысячи, а читать — в том объеме, чтобы понимать простые распоряжения. Участие в культурной деятельности становилось тяжелейшим преступлением. Огромный краковский Словацкий театр был переименован в Штаатстеатр, посещать его могли только немцы. Исполнение Шопена и Шимановского было запрещено. Немцы приступили к систематическому уничтоже-

нию библиотек и прочих хранилищ исторической памяти поляков. В Кракове был уничтожен стоявший в Старом городе памятник национальному поэту Адаму Мицкевичу, так же как и монумент, посвященный победе польско-литовского войска над тевтонскими рыцарями в 1410 г. Выполненный Витом Ствошем огромный резной алтарь в костеле Девы Марии был разобран и отвезен в Нюрнберг.

Особенное внимание нацистские хозяева уделили католической Церкви, поскольку прекрасно понимали ее роль в национальной культуре, исторических традициях и самосознании поляков. Обезглавливание польского общества не могло быть осуществлено без обезглавливания Церкви. До войны Церковь процветала, владея более чем миллионом акров земли, располагая домами приходских священников, монастырями, больницами, сиротскими приютами, небольшими сельскохозяйственными и ремесленными производствами. Двадцать миллионов католиков относились к 5100 приходам, где служили 11 300 священников и почти 17 000 монахинь. Теперь католической Церкви предстояло показать, что она знает, что такое страдание.

В современном взгляде поляков на Церковь неизгладимый след оставило самоотверженное поведение духовенства во время войны. Помимо бессчетного числа прихожан 3646 польских священников попали в концентрационный лагерь, 2647 из них погибли. Из 1117 монахинь, попавших в заключение, 238 были замучены, 25 умерли в тюрьме от разных причин. Дахау, концентрационный лагерь близ Мюнхена, стал самым большим религиозным собором в мире: в нем было собрано 1474 польских священника и несколько сот духовных лиц из других оккупированных стран. Около 120 польских священников стали объектами преступных медицинских экспериментов. В конце 1939 г. были расстреляны священнослужители главного собора Пеплинской епархии. Епископ Михал Козал из города Влоцлавек погиб в Дахау в 1943 г. Там же в 1945 г. умер от тифа отец Хилари Павел Янушевский, бывший приор краковских кармелитов; он заразился, когда добровольно дежурил в больничном отделении лагеря. Другой краковский священник, Петр Даньковский, умер в 1942 г. в Страстную пятницу в Освенциме, распятый на бревне. Альфонс Мария Мазурек, приор монастыря Босоногих кармелитов в Черне, скончался 28 августа 1944 г., после того как его арестовали в монастыре и затем жестоко избили. Силезианец Юзеф Ковальский был арестован в мае 1941-го в Денбниках, в той же церкви, которую

посещал Кароль Войтыла. Его отправили в Освенцим, где за отказ втоптать в землю четки для молитв в ночь на 3 июля 1942 г. его утопили в испражнениях.

Сразу по прибытии в Быдгощ в самом начале войны немцы в качестве ответа на подпольное польское сопротивление приступили к казням священнослужителей. Священник в оккупированной Польше мог быть убит даже за то, что осмелился провести процессию вокруг церкви без разрешения. Стоящие вдоль дорог раки были разбиты. Немцы попытались ограничить использование польского языка даже в исповедальнях; один священник из Хойнице был так жестоко избит после того, как выслушал исповедь на польском языке, что позднее скончался в тюрьме. Ганс Франк закрыл собор в Вавельском замке, но позднее разрешил две службы в неделю; отец Фиглевич должен был проводить их под внимательным присмотром немецкой охраны. К концу войны примерно треть польского духовенства была либо расстреляна, либо замучена в концентрационных лагерях. И в большинстве случаев гибли самые просветленные, самые непокорные.

Деятельность католических молодежных групп была запрещена, поскольку эти группы, как правило, участвовали в польском движении Сопротивления. Ванда Полтавская, молодой курьер католического сопротивления, провела несколько лет в концентрационном лагере в Равенсбрюке, где людям, как подопытным свинкам, болезнетворные бациллы вводили в костный мозг. Но там ее сопротивление продолжалось, поскольку она обнаружила «самоотверженное мужество людей, которые действовали сегодня, так как знали, что завтра будут мертвы». Другие участники Сопротивления могли считать себя более удачливыми. Стефан Вышиньский, молодой священник, задержанный гестапо за участие в рабочем движении, после ареста смог остаться в живых; затем все годы войны он участвовал в движении Сопротивления. У него была подпольная кличка — Сестра Цецилия. О нем говорили: «Где сегодня Сестра Цецилия служит мессу?»

Жизнь в Польше между 1939 и 1945 г. была странной, даже абсурдной. Никто не мог сказать, доживет ли он до следующего года. В стране, где оккупанты развернули террор, вопрос стоял так: доживете ли вы до завтра. Если оккупанты могли ошибаться столько, сколько им заблагорассудится, поляк мог ошибиться только однажды. Всего через три месяца оккупации буквально каждый житель Польши пришел к подобному заключению. Получаемый рацион был явно недостаточен для выживания, поэто-

му все вынуждены были в той или иной мере преступать закон, торгуя на черном рынке. Когда в Польше узнали о поражении Франции, в Варшаве, Кракове и тех местах, где проживала польская интеллигенция, начались массовые самоубийства. Ждать помощи было больше неоткуда. Весны не будет. Зима, что опустилась на землю, не уйдет никогда. Польшу словно сковал ледяной панцирь.

РАБОЧИЙ

С началом военных действий Кароль Войтыла и его отец оставили свою квартиру в Денбниках и вместе с тысячами других поляков устремились на восток, держа в руках видавшие виды потрепанные чемоданы. Дороги были забиты беженцами, среди которых было много евреев — стариков поддерживали их внуки, грудных младенцев везли в колясках. Крестьяне гнали перед собой скот. Люди молились, пели, ругались. Никто не знал точно, куда идет, — все просто бежали от рвущегося вперед вермахта. Войтыла-старший, больной и слишком слабый для дальнего перехода, временами ехал на телеге или грузовике. Несколько раз Лолек и его отец вынуждены были спасаться в кюветах от немецких самолетов, обстреливавших колонну беженцев. Миновав Тарнув, они добрались до реки Сан, в 120 километрах от Кракова, и там узнали, что русские вторглись в Польшу с востока. Краков, даже оккупированный немцами, казался предпочтительнее, чем массовые расстрелы или высылка, которые обещало приближение Красной Армии. Даже под каблуком Ганса Франка Краков был домом. И потому они повернули назад.

По возвращении в Краков они увидели свисающий из-под свода Вавельского замка флаг со свастикой. За те недели, пока Войтылы не было в городе, немцы уже продемонстрировали жестокость своего правления. Специальные магазины «Nur für Deutsche» [«Только для немцев»] монополизировали всю мясную продукцию, свежие овощи, лучший хлеб, все масло. Покинув в первый раз после возвращения свои «катакомбы» в Денбниках, Лолек обнаружил, что, несмотря на мороз, поляки выстраиваются к четырем часам утра в очереди, чтобы купить черный хлеб. Но поначалу молодой человек с его далекими от мирской суеты помыслами воспринял возникшие трудности как малозначительные помехи. Пока что он совершенно не замечал наступления в Польше

царства террора. В середине сентября Войтыла писал Мечиславу Котларчику, который все еще оставался в Вадовице:

> *«Vita Cracoviensis»* [Краковская жизнь]. Только подумай, подумай! Она состоит из стояния в очереди за хлебом или (редко) экспедиций в поисках сахара. Ха! А еще в безнадежном желании раздобыть угля и что-нибудь для чтения. Для нас жизнь [когда-то] состояла из вечеров на улице Длуга, из возвышенных разговоров, из мечтаний и желаний. Мы мечтали по вечерам, до самой полуночи, но сейчас...

В письме Котларчику Лолек упоминает о своей попытке найти работу в Словацком театре на неполный рабочий день. Экспроприация немцами этого огромного здания для своих нужд быстро покончила с надеждами начать профессиональную театральную карьеру. Это был сильный удар, но свое подлинное лицо нацисты показали в начале ноября 1939 г., когда перешли к открытому террору. Согласно древней традиции Ягеллонский университет должен был открыть свои двери в октябре. Некоторые из его преподавателей, возможно, предчувствующие, что их ждет, начали занятия еще до начала учебного года. Студенты, среди которых был и Кароль Войтыла, записались на их осенние занятия. Но семестр продолжался очень недолго.

На 6 ноября обер-штурмбанфюрер СС Мюллер объявил свою лекцию для всех преподавателей и академического состава университета. Эта лекция должна была состояться в Шуйском зале университетского «Коллегиум Новум». Кое-кто заподозрил ловушку и не пришел, но 184 работника университета явились к назначенному часу. Когда вслед за Мюллером в зал вошел взвод солдат, присутствующие поняли, что их судьба решена. В результате Sonderaktion Krakau [Краковской специальной акции], как это называли эсэсовцы, в концентрационный лагерь Заксенхаузен были отправлены восемнадцать бывших или настоящих ректоров и пятьдесят деканов или их ассистентов. Многие из них в конечном счете погибли. Именно таким образом в одном из старейших университетов Восточной Европы нацисты осуществляли свою программу по обезглавливанию культуры. После ареста преподавателей немцы приступили к открытому грабежу университета, разрушению лабораторий и разгрому библиотек. За четыре дня до ареста профессоров Лолек писал Мечиславу Котларчику о своей мечте: создании «Афинской Польши», которую можно было бы сделать «более совершенной, чем Афины», при помощи

«необъятной безграничности христианства». Но теперь пылкие юношеские мечты приходилось держать при себе, доверяя их лишь друзьям по подполью.

К концу 1942 г. Ягеллонский университет предпринял отчаянную попытку уцелеть и стал восстанавливаться нелегально. В подпольном университете было пять факультетов и все отделения, которыми университет располагал перед войной. За три года существования подпольного университета 136 профессоров, рискуя жизнью, обучали 800 студентов (среди которых был и Кароль Войтыла) — часто по вечерам на частных квартирах. Атмосфера того времени сохранилась в памяти Юлиуша Кыдрыньского, чья семья все эти годы подвергалась постоянной опасности, поскольку именно в их квартире действовало отделение подпольного университета:

«Одно из занятий должно было состояться через час. По комнате было расставлено около тридцати стульев. Но внезапно явились гестаповцы. Они искали человека, которого, как они считали, мы могли знать. Увидев множество стульев, гестаповцы спросили, для кого они предназначаются. Моя мать сказала, что мы готовимся к вечеринке. Похоже, это их удовлетворило, поскольку они ушли. Но мы были близки к разоблачению... Если бы гестапо появилось, когда люди уже собрались... я бы сейчас не говорил».

А тем временем большинство поляков вели элементарную борьбу за выживание. Мечислав Малиньский, еще один житель Денбников, с которым Каролю Войтыле скоро предстояло встретиться, описывал жизнь в оккупированном Кракове в следующих мрачных тонах:

«Полицейские облавы, депортации в лагеря и отправка рабочей силы в Германию или в какие-то другие неизвестные места, побои эсэсовцев, расстрелы на улицах — все это стало частью каждодневной жизни... После наступления комендантского часа часто можно слышать выстрелы. Полиция задерживает людей, которые идут поздно вечером без пропуска, и стреляет, если они не останавливаются. Мы голодаем пять лет без перерыва, а каждую зиму отчаянно мерзнем».

Войтылы питались картошкой, приправляемой небольшим количеством лука и маргарина. Но кроме забот о хлебе насущном, Каролю следовало срочно получить где-то «Arbeitskarte», рабочую карточку — документ, дающий легальную возможность оставаться в Кракове. В генерал-губернаторстве каждый трудо-

способный мужчина от четырнадцати до шестидесяти лет должен был иметь работу. В противном случае его отправляли в концентрационный лагерь или расстреливали. На протяжении первого года Второй мировой войны Лолек работал посыльным на складе при ресторане. Эта работа была относительно легкой, и Войтыла мог продолжать учебу и театральные занятия, а также участвовать в движении сопротивления в области культуры, к которому он присоединился. Хотя другие «умирали от скуки», он написал Котларчику в конце 1939-го: «Я окружил себя книгами, зарылся в искусство и науку». Он также вплотную занялся французским. В это время он прочитал — или перечитал заново — Конрада, Словацкого, Мицкевича, Выспяньского, вдобавок к Библии, в которой он уделил особое внимание текстам, священным для иудеев[1].

Осенью 1940-го, когда нацисты стали ужесточать свои и без того жестокие порядки, Каролю Войтыле пришлось приняться за физическую работу в химической компании «Солвай», где он проработал четыре года. На протяжении первого ему приходилось ежедневно добираться пешком до принадлежавшей «Солвай» каменоломни в Закжувеке. Дорога занимала полчаса, но при минусовых температурах этот путь был столь тяжел, что коллега Войтылы, Юлиуш Кыдрыньский, мазал лицо мазутом, чтобы уберечься от обморожения.

В каменоломнях Закжувека, расположенных в нескольких сотнях футов под землей, добывали известняк, из которого в Борек-Фаленцки на заводе, принадлежавшем фирме «Солвай», производили соду. В морозную зиму 1940–1941 гг., когда температура опускалась до минус двадцати двух градусов по Фаренгейту (минус тридцать по Цельсию), Лолек на самом дне шахты забрасывал куски известняка в вагонетки. Иногда ему приходилось выполнять обязанности тормозного кондуктора. Весной он получил нечто вроде повышения, став помощником Францишека Лабуша, взрывника с многолетним стажем. Лабуш видел, что мирная жизнь совсем не подготовила Кароля Войтылу к трудностям работы в каменоломне, и, поскольку ему пришелся по сердцу этот молодой человек, он дал ему совет:

---

[1] Христианская Библия содержит Ветхий Завет и Новый Завет; иудеи не признают Нового Завета, их религиозными книгами являются первые пять книг Библии, так называемое Пятикнижие: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие.

— Кароль, ты должен стать священником. У тебя хороший голос, ты прекрасно поешь. Тогда с тобой все будет в порядке.

Благодаря работе в каменоломне Кароль Войтыла приобрел бесценный опыт для своих литературных, философских и теологических исследований, но все же этот труд был для него слишком труден и опасен. Бывший студент вряд ли годился в шахтеры, а начальство могло выразить свое сочувствие парню, лишь немного снизив норму. Однако и при меньшей нагрузке ему приходилось все так же разбивать каменные глыбы, а затем забрасывать их в вагонетки лопатой — час за часом. Рабочий день имел всего один перерыв — на завтрак. Еду рабочие приносили из дома, обычно она состояла из эрзац-кофе и грубого хлеба с вареньем. Лолеку и Кыдрыньскому иногда удавалось забираться в маленький закуток, где они соорудили печку, чтобы греться самим и подогревать кофе. Хотя им было разрешено прерываться лишь на пятнадцать минут в день, каждые два часа они прекращали работу, чтобы погреться. Руководство каменоломни, как позднее вспоминал Кыдрыньский, состояло из поляков — хороших людей, которые не подгоняли бывших студентов и сочувствовали тем, кто брался за любую работу, лишь бы избежать депортации в Германию.

Работа в Закжувеке начиналась очень рано, но зато заканчивалась в три часа дня, после чего Лолек, одетый в грубую полотняную одежду и башмаки, брел домой, держа в руках то, что удавалось раздобыть на каменоломне или в ее окрестностях, — уголь, несколько картофелин, иногда — капусту или горох. Жалкая зарплата каменотеса стала единственным источником семейного дохода с того времени, как оккупационные власти прекратили выплачивать капитану пенсию.

В октябре 1941 г. Кароль Войтыла был переведен на принадлежавший «Солвай» химзавод в Борек-Фаленцки. Ходить из Денбников пришлось чуть дольше, зато работа была несравненно легче. В Борек-Фаленцки Кароль работал в цехе очистки воды, часто в ночную смену. Между переносками корзин с известью на перекинутом через плечо деревянном коромысле можно было урвать немного времени на чтение. Заводские рабочие питались в приличной столовой, где в свою смену могли получить пол-литра супа и несколько унций хлеба.

Несмотря на порожденную страхом перед гестапо неразговорчивость, условия работы в Борек-Фаленцки требовали контактов с другими работниками. Иногда Кароль обсуждал различ-

ные религиозные вопросы с человеком по фамилии Манковский, членом Польской социалистической партии и убежденным атеистом. Бывшие товарищи Кароля Войтылы по работе в Борек-Фаленцки припоминают также, что иногда видели его стоящим на коленях, всецело погруженным в разговор с Богом и не обращающим внимания на шум и даже на насмешки. По пути домой Кароль часто останавливался помолиться в церкви в Подгурже, где проводили службы священники церкви Спасения. Когда Войтыла работал в ночную смену, он мог присутствовать на утренней мессе. «Именно там, — вспоминал он тридцатью годами позже, — я получал силы, которые помогли мне пережить трудные годы оккупации».

Длинные ночные смены в Борек-Фаленцки способствовали размышлениям. Тогда Кароль Войтыла и стал приходить к переоценке культа Марии, особенно характерного для польского католицизма. Позднее Войтыла писал, что в юности он стремился несколько «дистанцироваться» от какой-либо привязанности к Марии для того, чтобы «больше сосредоточиться на личности Христа». Но во время работы на химзаводе он познакомился с трудами святого Луи Гринон де Монфора, французского священника восемнадцатого века. Именно из них Войтыла узнал, что «истинная преданность Марии» всегда связана с Христом. Мария была первым его учеником, а ее согласие: «Да будет Мне по слову твоему» [Лк. 1.38] сыграло уникальную роль в воплощении Сына Божьего, что вообще сделало возможным христианство. Чтобы стать учеником Христа, надо уподобиться Марии, подготовить себя к тому, что надо всецело посвятить себя воле Божией. Истинный культ Марии должен вести к более глубоким отношениям с Христом, а тем самым — и со Святой Троицей. Почитание Марии является особым путем в «тайны воплощения и искупления».

Каменоломня в Закжувеке и завод «Солвай» ввели Кароля в мир, о котором он до этого не знал, — мир промышленных рабочих, «работников», как их называют в Польше. Люди, с которыми ему пришлось иметь дело, — от взрывника Лабуша до рабочих цеха по очистке воды, понимавших, что учеба тоже является работой, и покрывавших его, чтобы он мог читать без страха быть замеченным начальством, — принадлежали к совершенно другому кругу, чем его вадовицкие знакомые, однокашники по университету или актеры-любители. Хотя среди них попадались и сложные люди, Войтылу поражало прежде всего их внутреннее

чувство достоинства, проявлявшееся в дружелюбии, желании помочь другим, несмотря на все тяготы своего собственного положения. О рабочем классе можно прочитать много всяких теорий; благодаря четырем годам, которые Кароль Войтыла провел, разбивая известняковые плиты в Закжувеке и таская корзины с известняком в Борек-Фаленцки, он познакомился с этими людьми, с «их жизнью, с их семьями, узнал их интересы, их человеческую ценность».

Приобретая подобный опыт, молодой каменотес начал задумываться о значении самого труда. Католическое образование утверждало его в мысли, что тяжелый труд является одним из наказаний за первородный грех, одной из кар, которые унаследовали дети Адама и Евы за их неповиновение Богу. Однако собственный опыт работы в каменоломне привел Кароля Войтылу к противоположному заключению. Работа со всеми ее трудностями и тяготами является частью созидательной стороны Бога, поскольку она затрагивает самую суть человеческой жизни на Земле. Пятнадцатью годами позднее Войтыла попытается выразить мысли, навеянные опытом работы в шахте в Закжувеке, в поэтической форме:

Слышишь — там, вдалеке, молотков перезвон улетает
удар за ударом.
Я впускаю их в душу, они там звенят и бесценным
мне кажутся даром.
Слышишь — ток был включен, он прервал камнепад,
и внезапно все кажется тихо.
В этот миг я постиг, чем велик человек, — тем,
что рук его дело велико.
Эти мысли растут во мне день ото дня...

Конечно, его взгляды на труд не выражаются одним этим стихотворением, написанным в 1956 г. Навеянное воспоминаниями о тяжком труде, оно в целом посвящалось противоборству «любви» и «гнева», которое — на взгляд уже взрослого Войтылы — составляет «суть» труда. Труд как вид деятельности присущ исключительно человеку. Работает только человек, животное лишь суетится. Мы работаем потому, что любим — наши семьи, наших детей, всех, для кого работаем и кто от этой работы зависит. Наша работа — это своего рода поединок с неподатливым материалом. В этой борьбе рождается то, что Войтыла описывает как

...чувство ярого гнева,
что мешает вдохнуть,
что способно отбросить вспять реки.

«Гнев», кроме неподатливости материала, вызван также эксплуатацией и бесправием рабочих. В физическом труде «любовь» и «гнев» неразделимы, и поэтому каждый, желающий стать рабочим, должен быть готов к этой двойственности, к «оси из любви и гнева», на которой труд покоится. Противоборство этих двух полюсов является частью «внутренней структуры» мира. Другими словами — «такова жизнь».

Понимание жизни и ее значения у каждого человека всегда глубоко индивидуально, но даже люди, которые трагически гибнут на работе (подобно товарищу Кароля, погибшему в каменоломне, что стало для Войтылы «громадным потрясением»), — это не просто работники, поскольку любой из них, при всей уникальности пути каждого, «своими трудами меняет себя, обращаясь моделью вселенной, но вселенной такой, где вверху лишь любовь — и где книзу направлен ум гневный». Вот этот-то двойственный характер физического труда, по мнению Войтылы, придает работнику значимость и коренным образом отличает его от простой единицы оборудования.

ИДУЩИЙ К ДУХОВНЫМ ВЕРШИНАМ

Мистицизм[1] представляет собой религиозный опыт, непреодолимо притягательный для многих, но в полной мере фактически мало кому доступный. Мистики иногда пишут о своих религиозных переживаниях, но полностью посторонним никогда не раскрываются. К примеру, посвященные в самый высший уровень мистического знания у кармелитов утверждают, что словами о Боге не может быть сказано вообще ничего.

Шел второй год оккупации Кракова. Кароль Войтыла все чаще стал задумываться над религиозными проблемами. Толчком к этому послужила жестокая борьба оккупационных властей против католических польских священников.

[1] Мистицизм — учение, исходящее из того, что подлинная реальность недоступна разуму и постигается лишь интуитивно-экстатическим способом.

Церковным приходом святого Станислава Костки в Денбниках руководили салезианцы, члены религиозного братства, основанного святым Джованни Боско. Салезианцы были очень деятельной организацией; основной упор в своей работе они делали на молодежь. Рискуя жизнью, святые отцы с первых лет оккупации стали проводить подпольные семинары по катехизису по программам начальной и средней школ. Немцы постоянно лишали приход священников, а 23 мая 1941 г. оставили только двоих, отправив всех остальных в концлагерь, где одиннадцать человек, включая ксендза, отца Яна Шверца, погибли. Поскольку работу с молодежью проводить было уже невозможно, салезианцы предприняли попытку посвящать в священнический сан мирян, которые могли бы работать с молодежью. Наиболее значительных успехов в обучении добился человек по имени Ян Тырановский, «духовный альпинист», как назвал его однажды исповедник.

Родившийся 9 февраля 1901 г., Ян Тырановский окончил начальную школу и, намереваясь стать бухгалтером, проучился несколько лет в школе бизнеса. Но его живой характер не соответствовал выбранной профессии, поэтому Тырановский, повторив путь своего отца и деда, изучил портновское ремесло, чтобы принять участие в семейном бизнесе. Это был человек среднего роста, с густыми волнистыми волосами, висячими усами, неизменно элегантно одетый.

Болезненный и чрезмерно застенчивый, Тырановский был обречен на довольно одинокую жизнь. В 1935 г. этот набожный человек услышал проповедь в костеле Святого Станислава Костки, а точнее, слова одного из отцов-салезианцев: «Быть святым совсем нетрудно». Мысль эта запала Тырановскому в душу. С этого момента портной из Денбников принялся всерьез изучать религиозные вопросы. Он даже дал обет безбрачия — несмотря на матримониальный интерес к нему одной из прихожанок этой же церкви. Ко времени прихода оккупантов Тырановский уже довольно давно размышлял над религиозными вопросами и регулярно молился — даже строже, чем того требовали церковные установления. Человек пунктуальный, Тырановский записывал прекрасным, почти каллиграфическим почерком все результаты размышлений в блокноты. Но изучением молитв и церковными обрядами он не ограничивался. Тырановский разрабатывал собственные идеи, считая, что в молитве человек должен избавить себя от мыслей и образов, получая своего рода освобождение.

Кароль Войтыла познакомился с Яном Тырановским в феврале 1940 г., по всей видимости, на одной из субботних встреч, на которые собиралась молодежь прихода. Тырановский, имевший внушительную библиотеку по духовным вопросам, самоучкой получивший обширное образование и прочитавший несметное количество книг по католическому пониманию духовности, быстро стал одним из главных действующих лиц в проводившихся в стенах церкви дискуссиях. Молодежи из Денбников его знания поначалу могли показаться чересчур книжными, поскольку Тырановский любил цитировать по памяти, но тем не менее портной-мистик, самостоятельно изучивший психологию, все же сумел убедить молодых людей, что его точка зрения — не книжные абстракции, а результат личного каждодневного опыта. И этим он завоевал сердца слушателей. После того как в мае 1941 г. гестапо забрало почти всех священнослужителей, оставшиеся члены братства салезианцев из прихода святого Станислава Костки попросили Тырановского собрать группу молодежи и вести в ней занятия. Так появился «Живой розарий», в котором Кароль Войтыла стал одним из первых учеников[1].

«Живой розарий» Яна Тырановского состоял из нескольких молодежных групп, каждую возглавлял самый старший член группы, лично получавший духовные наставления и инструкции от мистика-портного. Со всеми участниками «Живого розария» Тырановский встречался каждое третье воскресенье месяца, но, когда было нужно, член любой группы мог обратиться к нему лично. По мере прихода в «Живой розарий» новых членов создавались новые группы, их руководителями назначали учащихся из уже существовавших групп. Раз в неделю Тырановский читал у себя на квартире часовую лекцию для руководителей групп, знакомя их как с основами духовной жизни, так и с методами систематического изучения и улучшения каждодневного бытия. Подход Тырановского к внутренней жизни человека имел апостольское измерение. Овладение способностью ощущать присутствие Бога, учил он своих юных подопечных, должно вести к тому, чтобы

[1] В христианской символике белая роза, королева всех цветов, служила символом того, что Дева Мария — королева всех святых. Встречалось и название «Роза таинства». От «Розы таинства» появилось слово «розарий», которым в католической церкви называются молитвы, посвященные жизни Христа и Марии, сами четки, которые используют, чтобы лучше их помнить, а также молитвы с четками.

человек начинал жить для других. Члены «Живого розария», как братья во Христе, дали обет помогать друг другу во всех жизненных обстоятельствах — и они выполняли его (Кароль Войтыла, к примеру, учил Мечислава Малиньского латыни, познакомившись с ним в «Живом розарии»), обсуждая даже вопросы семейной жизни.

К сорок третьему в «Живом розарии» насчитывалось уже около шестидесяти членов — самому младшему было четырнадцать. Все они делились на четыре группы, глава каждой, так называемый «вдыхатель жизни», среди которых был и Кароль Войтыла, отчитывался непосредственно перед Тырановским. Все обучение велось подпольно, поскольку немцы с особым подозрением относились к молодежным кружкам, опасаясь, что на их основе могут возникнуть группы сопротивления. Однажды гестаповцы явились на квартиру Тырановского прямо во время собрания «Живого розария». Никто не знает, что сказал им портной, но, по всей видимости, ему удалось убедить нежданных гостей, что ничего противозаконного не замышляется.

Все же по-своему эти собрания были противозаконны. В группах «Живого розария» активно обсуждались способы преобразования послевоенной Польши в христианское общество. Часто споры принимали резкие формы, когда в дискуссии принимали участие бойцы партизанских групп, выступавшие за вооруженное сопротивление немцам. Временами, как вспоминал Мечислав Малиньский, кто-то из членов «Живого розария» исчезал «в лесах»; иногда он ненадолго появлялся, потом снова исчезал — теперь уже навсегда.

Для молодого Кароля Войтылы и его друзей из первых групп «Живого розария» Тырановский был человеком, в котором удивительным образом сочетались личная набожность и апостольское рвение; он вел жизнь, «совершенно неизвестную нам раньше». К нему притягивала его способность личным примером «придавать форму душам». «Религиозные истины» преподносились «не запрещением [или] ограничением», а через обучение «жизни, исполненной милосердия, благодаря которому человек принимает участие в жизни Бога». Учить этому молодых людей с их юношеской смесью самоуверенности и сомнений в себе было делом нелегким. И личный пример играл роль не менее важную, чем проповеди. Как позднее писал Кароль Войтыла, жизненный путь Тырановского «показал мне, что человек может не только говорить о Боге, но и жить с Богом в сердце».

Тырановский был для всех главным учителем. В его характере присутствовала «какая-то удивительная непреклонность», которая частенько порождала трения между ним и его учениками. Но эта непреклонность была вызвана лишь глубиной его преданности Христу, что, собственно, и являлось, главной целью обучения.

Руководство одной из групп «Живого розария», ответственность за пятнадцать жизней сыграли большую роль в становлении характера Войтылы. Оказала на него влияние и глубокая набожность Яна Тырановского, не получившего религиозного образования мирянина, по сути, выполнявшего апостольскую миссию. Благодаря этому примеру Кароль Войтыла укрепился в мысли, что святость не является уделом одних лишь священников. Тесно общаясь с Яном Тырановским, «имевшим глубоко личный опыт общения с Богом», как говорил впоследствии Иоанн Павел II, нельзя было не прийти к выводу, что святость присуща не только деятелям Церкви. Тырановский помог значительно углубить молитвенные познания Кароля. Именно он научил его молитвенно ощущать присутствие Бога, дабы это присутствие одухотворяло каждую сторону жизни, каждый ее миг, а не только чувствовалось во время молитвы.

Но самой серьезной заслугой Тырановского, оказавшей значительное влияние на всю жизнь Кароля Войтылы, было то, что он познакомил своего подопечного с работами святого Иоанна Креста, испанского реформатора Церкви шестнадцатого века, принадлежавшего к ордену кармелитов. В 1926 г. Церковь провозгласила этого человека «доктором Церкви» (присвоение этого звания является высшей степенью признания заслуг в развитии богословской науки). Портной, по всей видимости, чувствовал, что стихи испанского мистика придутся по сердцу молодому Войтыле, и он оказался прав. Стихи заставили Кароля внимательно изучить главные теологические труды святого Иоанна — «Восхождение на гору Кармель», «Непроглядная ночь души», «Духовный гимн» и «Живое пламя любви».

Мистицизм кармелитов проповедует обретение духовности через уход от мира. «Непроглядная ночь» является средством очищения, благодаря которому душа обретает способность достичь единства с Богом. Человек способен приблизиться к Богу, только если стремится к этому совершенно бескорыстно. В «непроглядной ночи» человеку кажется, что вокруг нет ничего — даже Бога. «Непроглядная ночь» подобна пребыванию Иисуса в пустыне или на кресте. Чтобы погрузиться в нее, человек должен отбросить все страхи и окунуться в полную пустоту; лишь пройдя сквозь нее он может об-

рести мистическую общность с самим Богом, лично почувствовать его присутствие, а не воображать себе Божественный лик или выдвигать свои предположения относительно Всевышнего. Согласно этой духовной традиции живой, любящий Бог недоступен для постижения нашими органами чувств; его невозможно представить в воображении, невозможно создать относительно него какую-либо теорию. Бога можно узнать только в себе, оставив все попытки «постигнуть» его, что является актом совершенной любви.

Подобные взгляды резко противоречили нацистской идеологии воли к власти. На Кароля Войтылу, жившего в оккупированной стране, не могла не произвести глубокого впечатления столь полная и самозабвенная отдача себя на милость Христа, пропагандируемая Яном Тырановским. Со временем подобный взгляд будет характерен для его собственных учеников.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ КУЛЬТУРУ: «ТЕАТР ВОСТОРГА»

Познавая тяготы физического труда и предпринимая первые шаги в религиозном мистицизме, Кароль Войтыла в то же время снова занялся театральной деятельностью, причем с еще большим энтузиазмом, чем раньше.

Ни Кароль, ни его друзья не желали мириться с мыслью, что немцы могут уничтожить польскую культуру. Наоборот, действия нацистов, стремившихся обезглавить Польшу, вселяли в молодых авторов и актеров страстное желание противодействовать этому. В октябре 1939 г., всего через несколько недель после бегства к восточной границе Польши, Кароль вместе со своими товарищами по учебе в Ягеллонском университете Юлиушем Кыдрыньским и Тадеушем Квятковским, а также влюбленной в театр ученицей средней школы Данутой Михаловской стали собираться в доме Кыдрыньских, чтобы читать произведения польских авторов. Два месяца спустя Кароль написал свою первую пьесу «Давид», которая впоследствии была утеряна. Мечислав Котларчик через много лет вспоминал, что это была «драматическая поэма или драма, частично на библейские темы, частично написанная на основе сюжетов польской истории», в которой начинающий драматург «обнажил много проблем своей души».

Через некоторое время Кароль Войтыла создал две пьесы, сюжеты которых были подсказаны Библией. Пьеса «Иов», написанная летом 1940 г., являлась размышлением на тему правосудия — эти размышления были вызваны опытом жизни при оккупации. Сюжет довольно точно воспроизводил историю Иова, но страдания библейского персонажа явно олицетворяли страдания поляков под нацистским каблуком. Пьеса в какой-то мере несла на себе отзвук польского романтизма с его традиционным сравнением расчлененной Польши, «Христа среди наций», со страдающим на кресте Христом.

Летом 1940 г. двадцатилетний Войтыла, увлеченно изучающий Пятикнижие, завершил пьесу «Иеремия». Сюжет пьесы также был взят из Библии, но действие происходило в Польше конца шестнадцатого столетия; иезуитский проповедник Контрреформации Петр Скарга рассуждал о национальной душе. Войтыла проводил параллель между яростными проповедями Скарги по поводу необходимых нации изменений с проповедями библейского пророка Иеремии, призывавшего жителей царства Иудиного к покаянию. «Иеремия» оказался заметно совершеннее «Иова». В этом произведении был удачно сделан переход от библейских времен ко времени Скарги, а библейский материал умело сплетался с проповедями иезуита. В целом пьеса «Иеремия» была продолжением поисков Каролем Войтылой ответа на вопрос «*Почему* Польша страдает?»

Неослабевающий интерес Кароля к театру использовал знаменитый польский актер и режиссер Юлиуш Остерва, которому немцы запретили заниматься своей профессией. Как и для Мечислава Котларчика, для Остервы театр был не только местом работы, но и призванием. Во времена Второй Польской республики он создал театральную труппу «Редута», которая была призвана донести польскую классику до массовой аудитории. Актеры труппы жили единым сообществом на манер монастырского и были глубоко преданы идеалам, провозглашенным польской романтической литературой девятнадцатого столетия. Познакомившись с Остервой через Юлиуша Кыдрыньского, Войтыла скоро обнаружил, что его незаметно вовлекли в несколько проектов этого актера, включая переводы классики мировой драматургии на современный польский язык. В этих переводах Каролю немало помогло классическое образование, полученное в Вадовице. Он делал перевод «Эдипа» Софокла с древнегреческого, сам же Остерва работал над собственными переводами «Антигоны» и «Гамлета».

Позднее Остерва поставил с Каролем и его друзьями спектакль, премьера которого состоялась в квартире Кыдрыньских на третьем этаже дома номер 10 по улице Фелицьянек. Это было второе действие пьесы Стефана Жеромского «Дудочка», посвященной любви и долгу. Войтыла играл роль сельского учителя, Данута Михаловская — жены учителя, за которой ухаживает другой мужчина — того изображал Кыдрыньский.

Но после постановки «Дудочки» Остерва, похоже, утратил интерес к Кыдрыньскому, Войтыле и их друзьям. Как видно, трудности постановки пьесы, которую просмотрело всего тридцать человек, остудили желание ветерана сцены руководить подпольным театром. Возможно, сыграли свою роль и трения, неизбежные между молодежью и этим повидавшим жизнь человеком. К тому времени как Остерва решил покинуть Краков, Кароль уже «не был от него в восторге». Устремления Остервы не совпадали с теми исследованиями внутреннего духовного мира, которыми занимались Кароль и его друзья.

Отъезд Остервы, однако, создал некоторый вакуум, но в июле 1941 г., месяц спустя после того как Гитлер вторгся в Советский Союз, этот вакуум был заполнен — и даже с лихвой. В Краков прибыл Мечислав Котларчик. Жизнь в Вадовице (который, как и Освенцим, переименованный в Аушвиц, был присоединен к «Третьему рейху») стала чересчур опасной для столь выдающегося интеллектуала, как он. Поэтому Мечислав вместе с женой перебрался в квартиру Войтылы в Денбниках[1]. Хотя у Котларчика много вре-

[1] В середине декабря в квартире на Тынецкой, 10, появился еще один беглец из Вадовице — Мария, младшая сестра Мечислава Котларчика, которой тогда было всего шестнадцать лет. Ее семья боялась, что Мария не вынесет полурабского труда, если ее пошлют в Германию. Поэтому темной ночью девушку переправили через реку Скава и привезли в Краков на поезде. Мария жила у Войтылы и Котларчика до августа 1942 г., пока тетушки Войтылы, владелицы дома, опасающиеся, что в гестапо могут узнать о проживании нигде не зарегистрированного жильца, не предложили ей переехать в другое место. Мечислав Котларчик взял ее в Крощенко, где она могла получить удостоверение личности, что в Кракове для беженцев из рейха было невозможно. Кароль Войтыла не был согласен со своими тетками и сказал Марии, что если она хочет, то может остаться. Через пятьдесят лет после этих событий Мария Котларчик-Швикла вспоминала, что в «катакомбах» она «не чувствовала страха». Как она считала, эта квартира больше напоминала театр с его постоянными репетициями и чтением стихов. Ее брат дал ей список книг, чтобы она не потратила этот год зря. — *Примеч. авт.*

мени отнимала работа вагоновожатого, он все еще горел мыслью воплотить в жизнь свою идею «театра слова». Эта новая форма театрального представления являлась в своей основе артистическим экспериментом, но Котларчик считал, что она могла бы служить «протестом против истребления польской национальной культуры на ее собственной земле, формой подпольного движения Сопротивления против нацистской оккупации». Как вспоминал впоследствии Папа Римский, то, что в дальнейшем стало известно под названием «Театр восторга», «появилось в той комнате», что была предоставлена беженцу Котларчику Каролем Войтылой.

Организационное собрание прошло 22 августа 1941 г., на квартире Денбовских по адресу Коморовскего, 7. Котларчик изложил свои идеи группе, состоявшей из Кароля Войтылы, Галины Круликевич (перебравшейся осенью 1940 г. в Краков с запасами картошки и капусты и собиравшейся заплатить ими за проживание), Тадеуша Квятковского (участвовавшего в подпольной издательской деятельности, будущего мужа Галины), Юлиуша Кыдрыньского, Дануты Михаловской, хозяев квартиры с их дочерями Кристиной и Иреной, а также некоторых других. Котларчик дал понять, что это будет в основном его предприятие и руководствоваться оно будет его идеями. Как через полвека будет вспоминать Данута Михаловская, свои принципы Котларчик защищал с упрямством осла и фанатизмом, по сравнению с которым «фанатизм Савонаролы был ничто». Истовость, с которой Мечислав Котларчик претворял в жизнь свои принципы, без сомнения, притягивала к нему людей, но уверенность, что только он один должен определять общий путь, вела к разногласиям. Особенно разнились его взгляды со взглядами Юлиуша Кыдрыньского, и, поскольку оба они были людьми волевыми и упрямыми, их дороги впоследствии не могли не разойтись.

Хотя Кыдрыньский вскоре покинул группу, к 22 августа Котларчик подобрал труппу, которая составляла ядро «Театра восторга» на протяжении всего периода войны. Кроме самого режиссера, в нее входили Кристина Денбовская, Галина Круликевич, Данута Михаловская и Кароль Войтыла. Тадеуш Осташевский, жених Кристины, скульптор по профессии, стал художником-декоратором. За исключением Мечислава Котларчика, всем актерам будущего театра было около двадцати лет.

Репетиции проводились по средам и субботам во второй половине дня — после работы и перед началом комендантского часа. Молодые актеры иногда проводили репетиции в «катакомбах» в

Денбниках, временами при свете свечей, поскольку электричество отключалось. По дороге на Тынецкую, 10, каждый видел все удлиняющиеся объявления о массовых расстрелах; такая судьба была бы уготована и им, попадись они в руки оккупантов.

Первое произведение труппы увидело свет на квартире семьи Шкоцких, которые дружили с Каролем Войтылой еще со времени первого года его обучения в Ягеллонском университете и с которыми Кароля познакомил Юлиуш Кыдрыньский. Это была сценическая версия «Короля-Духа» Словацкого, которую они играли четыре раза начиная с 1 ноября 1941 г. — дня Всех святых по литургическому календарю. Каролю Войтыле досталась роль короля Болеслава Храброго — того самого, который приказал убить святого Станислава. Получив поддержку Котларчика (хотя на это не соглашались остальные), Войтыла придал своей роли — роли злодея — новое прочтение, играя короля, который годы спустя после своего преступления раскаивается в содеянном.

В 1942–1943 гг. актеры «Театра восторга» много работали. В феврале 1942 г. появился еще один спектакль, основанный на поэме Словацкого «Бенёвский». За ним в марте последовал поэтический цикл Яна Каспровича «Гимны», превращенный в оратории, посвященную крестным мукам. Затем увидел свет «Час Выспяньского», созданный из отрывков трех пьес Выспяньского. Этот спектакль был показан четыре раза, один раз — в присутствии Юлиуша Остервы, который заявил, что пьеса произвела на него большое впечатление. Подобный монтаж из нескольких поэм, «Час Норвида», выдержал три представления, а «Пан Тадеуш» Мицкевича увидел свет дважды. Последней постановкой «Театра восторга», в которой принял участие Кароль Войтыла, был «Самуэль Зборовский»; Кароль играл главную роль — польского дворянина шестнадцатого века, восставшего против установлений своего времени. Премьера состоялась 16 марта 1943 г., пьеса игралась три раза.

Учитывая обстоятельства, в которых им пришлось работать, в том числе и необходимость постоянно менять место репетиций, чтобы избежать подозрений гестапо, интенсивность творческой деятельности «Театра восторга» можно назвать исключительной: семь пьес и двадцать два представления, более сотни репетиций, которые проходили подпольно. Были подготовлены еще три пьесы, которые, однако, не увидели свет — среди них «Камо грядеши» Сенкевича и адаптация дантовской «Божественной комедии». Для всех членов этой уникальной труппы подпольная театраль-

ная деятельность была не простым времяпрепровождением, средством спастись от скуки. По словам Дануты Михаловской и Галины Квятковской, каждый молодой актер был твердо убежден, что он участвует в подпольном движении Сопротивления. Их общая цель была сформулирована твердо и ясно: «Спасти нашу культуру от оккупации», помочь своему народу восстановить душу, что было необходимой предпосылкой для политического возрождения.

Помимо того, что театр дал Каролю Войтыле друзей на всю жизнь, он помог сформироваться его характеру, причем в различных аспектах.

Хотя Котларчик и был чересчур придирчив, но именно он отшлифовал дикцию Кароля, его чувство аудитории, четкость в расчете времени. Молодой человек, который мог спокойно продолжать чтение стихотворных строк «Пана Тадеуша», когда в его речь вмешивался дребезжащий голос громкоговорителя, был способен держать себя в руках перед аудиторией практически в любой ситуации. Темы, которые подвергались исследованию во «внутреннем театре» Котларчика, углубили восприятие Каролем польской романтической традиции, в то же время освободив его от некоторых мессианских излишеств. «Театр восторга» отнюдь не случайно столь большое место во время оккупации уделял Словацкому. Этот поэт, который стремился переделать Польшу «словом», через много лет после своей смерти зародил в Котларчике убеждение, что настоящее драматическое произведение воплощается не театральными эффектами, а тем, как слово произнесено и как воспринимается. Такой подход оказал тем более сильное впечатление на Кароля Войтылу, что он и сам стал приходить к мысли, что слово способно изменить этот основанный на силе мир — если только слово освещает точные факты и произнесено ясно, честно и достаточно энергично.

Таковым был философский подтекст деятельности «Театра восторга», который перекликается с представлениями Священного Писания о появлении мира от Слова, от «Логоса», «которое было у Бога и которое было Бог» (Ин. 1.1–3). Котларчик смотрел на само театральное действие как на религиозный ритуал. Согласно его взглядам, человек идет в театр не просто для того, чтобы развлечься. И именно поэтому Котларчик скрупулезно разрабатывал такой метод постановки драматических произведений, который бы создавал в его «Театре восторга» атмосферу литургии,

вызывающую у зрителей недостижимые в обычной жизни чувства, в том числе и горячий патриотизм.

Слово правды, произнесенное публично, в почти литургической атмосфере, было тем противоядием, которым «Театр восторга» боролся против навязываемой оккупационными властями лжи. Правда была орудием борьбы против зла. В это верили Котларчик и все актеры «Театра восторга», именно этим они жили. Вера и опыт, полученные в подпольном театре Каролем Войтылой, оставили неизгладимый след в его душе. Все это позднее пригодилось, когда ему, уже на сцене другого рода, придется бороться с другой формой тоталитаризма.

Можно иногда слышать предположение, что, встретившись с царящим в оккупированной Польше ужасом, Кароль Войтыла погрузился в религиозный квиетизм[1]. Но факты говорят об обратном. Некоторые молодые поляки выбрали вооруженное сопротивление или подпольный саботаж; существует масса свидетельств: Кароль Войтыла тоже выбрал путь сопротивления — сопротивления через культуру, через силу слова, будучи убежден, что «слово» (или, как пишут христиане, «Слово») является осью, вокруг которой вращается мир. Те, кто не может прийти к пониманию выбора, который сделал Кароль Войтыла, обычно не могут понять и это суждение о Слове и словах.

РАСКАИВАЮЩИЕСЯ ПОЛИТИКИ

«Театр восторга» был частью широкого движения подпольного культурного сопротивления, известного, как УНИА [«Союз»], членом которого был Кароль Войтыла. УНИА возникла в результате слияния трех подпольных организаций, состоящих из членов запрещенных оккупационными властями католических молодежных групп, к ней также присоединилось общенациональное движение «Католическое действие». Новая организация строилась по территориальному признаку; существовало и отделение краковского региона. В УНИА можно было попасть только по рекомендации одного из ее членов. После проверки кандидата местным руководством УНИА новый член принимал торжествен-

[1] Квиетизм — религиозное учение, доводящее идеал пассивного подчинения воле Божией до требования быть безразличным к собственному спасению.

ную клятву соблюдать принципы организации и правила конспирации.

УНИА пыталась воплощать в жизнь христианские моральные устои и применять католическую социальную доктрину к общественной жизни во время, когда «общественной жизни» для поляков не существовало. Название организации — «Союз» — символизировало видение послевоенной Польши как государства, в котором национальные, религиозные, социальные различия будут преодолены путем принятия всем обществом двух принципов: политика и экономика должны подчиняться всеобщему закону морали — единственному законному источнику публичной власти; свободные индивидуумы должны считать общее благо главным приоритетом своей общественной жизни.

В каком-то смысле УНИА была попыткой сформулировать политические принципы, которые бы прекратили разброд в умах, превращавший польскую общественную жизнь на протяжении нескольких веков в настоящий бедлам и делавший Польшу столь слабой перед лицом ее врагов. Кроме этого, УНИА являлась своего рода попыткой заложить основы будущего польского государства, с тем чтобы его законы, экономическая и общественная жизнь были основаны на положениях католической социальной доктрины, наиболее детально разработанных папами Львом XIII и Пием XI: поддержка семьи как базовой единицы общества; борьба с присущим тоталитаризму явлением, когда общественные решения принимаются бедными слоями общества (а не имеющим полномочия от всего общества в целом государства); «самоуправление», как УНИА называла католический персонализм[1], делающий основной упор на чувство собственного достоинства отдельного человека, существа, созданного по образу и подобию Божию. Эти принципы, как надеялись лидеры УНИА, служили хорошей базой для создания демократического государства и барьером как против радикального индивидуализма, с одной стороны, так и против присущего тоталитаризму унижения личности — с другой.

УНИА имела и военное крыло, насчитывавшее 20 000 человек, многие из которых воевали в подпольной Армии Крайовой во время Варшавского восстания в августе 1944 г. УНИА поддер-

[1] Персонализм — направление в философии, признающее личность первичной творческой реальностью, а весь мир — проявлением творческой активности «верховной личности» — Бога.

живала и другие формы сопротивления оккупационному режиму. Ее «Совет помощи евреям», имевший кодовое название «Зегота», снабдил фальшивыми документами 50 000 евреев, спасавшихся от «окончательного решения еврейской проблемы» по гитлеровскому образцу. «Совет» прятал от нацистских палачей в Варшаве 2500 еврейских детей, а также предоставлял регулярную денежную помощь приблизительно 4000 человек.

Однако в первую очередь УНИА была инструментом идеологического и культурного сопротивления попыткам нацистов стереть Польшу с карты и вычеркнуть польский народ из истории. УНИА поддерживала подпольный Институт Центральной Европы, в котором проводились серьезные научные исследования, выступала спонсором ряда исследователей, изучавших культуру, проблемы труда, а также молодежные и женские проблемы. «Союз культуры», который финансировало это движение, в свою очередь, поддерживал многие группы, посредством культуры оказывавшие сопротивление нацистам. Эти группы проводили лекции, дискуссии, публиковали подпольную газету «Культура завтрашнего дня», а также «Библиотеку члена Союза», состоящую из произведений, которые систематически уничтожались оккупационными властями. УНИА оказывала поддержку подпольным театрам, в том числе и «Театру восторга», поскольку одно время Мечислав Котларчик был ее членом.

УНИА начала делать первые шаги к тому, что последующие поколения будут называть «гражданским обществом», когда Польша еще находилась под игом тоталитаризма. Провозглашенные ею принципы «самоуправления» и «союза» являлись попыткой примирить любовь поляков к свободе («Ничто о нас без нас») с принятой в католичестве идеей общности, исходящей из идеи общего для всех Бога. История по воле Сталина разбила надежды членов УНИА относительно послевоенного устройства Польши. Но идеи общности людей, мечты о справедливом современном мироустройстве, о воссоздании европейского сообщества остались в душе Кароля Войтылы на всю жизнь.

СЕМИНАРИСТ В ПОДПОЛЬЕ

Гибель людей в оккупированном Кракове была делом вполне обыденным. Отметивший свой двадцатый год рождения Кароль Войтыла успел перевидать таких случаев с избытком. Множество

убитых попадалось ему по дороге на Тарнув, куда он двигался с беженцами. Его преподаватели, люди высокой культуры и яркой индивидуальности, были арестованы и отправлены в концентрационный лагерь. Гестапо забрало приходских священников в Денбниках, многие из них впоследствии были казнены. Еврейское население Кракова непрерывно сокращалось по мере того, как евреев сгоняли в гетто, где они погибали тысячами, отправляли в концентрационные лагеря или посылали в находящийся неподалеку от города рабочий лагерь «Плашув», где некоторым из них удалось спастись, попав в список, который сейчас называют «списком Шиндлера».

Единственным якорем в этих бушующих неспокойных волнах для Кароля Войтылы был его отец, капитан, который, однако, слабел день ото дня. Конечно, Лолек имел массу друзей, посвящал много времени учебе и работе в подпольном театре, обрел нового духовного наставника в лице Яна Тырановского, но отец был последним членом его собственной семьи и той ниточкой, что связывала с тем безмятежным прошлым, которое теперь казалось сказочным сном. Отец и сын по-прежнему жили в квартире на Тынецкой, и Войтыла-старший присутствовал на подпольных представлениях и чтениях стихов своего сына. С работы в каменоломнях Закжувека Лолек возвращался домой с Юлиушем Кыдрыньским. Мать Юлиуша часто угощала его ужином и давала что-нибудь с собой для капитана, который с Рождества 1940 г. уже не поднимался с постели.

День 18 февраля 1941 г. начался так же, как и другие дни этого периода. После работы Кароль задержался, как обычно, у Кыдрыньских, чтобы взять ужин и кое-какие лекарства для отца. Затем он по морозу поспешил к себе в Денбники с сестрой Юлиуша Кыдрыньского Марией, которая хотела подогреть капитану еду. Войдя в «катакомбы», Мария отправилась прямо на кухню, а Кароль пошел к отцу, чья комната находилась слева, в конце темного коридора. Капитан был мертв.

Мария Кыдрыньская вспоминала, что Кароль Войтыла рыдал, проклиная себя за то, что его не было в тот момент, когда скончался отец. Затем он побежал в костел Святого Станислава Костки за священником, который немедленно прибыл, чтобы совершить над умершим соответствующий церковный обряд. Лолек провел всю ночь на коленях у кровати отца в молитвах или беседах с Юлиушем Кыдрыньским, который пришел специально,

чтобы побыть с ним; осиротевший молодой человек позднее говорил:

— Я никогда прежде не чувствовал себя таким одиноким. — Не помогло даже присутствие друга.

Отец Фиглевич отслужил 22 февраля погребальную мессу на кладбище Раковице, а на следующий день, который выдался столь же морозным, отставной капитан Войтыла был похоронен в той части кладбища, где хоронили военных. Кыдрыньские, считая, что осиротевшему в двадцать один год[1] Войтыле будет поначалу трудно жить одному, предложили Каролю остаться с ними. Кароль согласился. Обратно в свою квартиру в Денбниках он вернулся в конце лета 1941 г., когда Мечислав и София Котларчики покинули Вадовице и перебрались в Краков. Юлиуш Кыдрыньский потом вспоминал, что, живя у них, Кароль предавался глубоким размышлениям, а иногда молился, лежа ничком на полу, раскинув руки, словно распятый.

В католичестве священничество считается не профессией, а призванием, ответом на зов Божий, на его приглашение «стать Иисусом Христом». Священничество — это своего рода талант, очень трудный, сам Святой Дух совершенствует его, и это совершенствование не сводится к психологическим категориям. То, что Кароль Войтыла остался сиротой еще до того, как ему исполнился двадцать один год, определенно способствовало тому, что он распознал зов Бога. Но прошло почти полтора года, прежде чем Кароль принял уже вполне определенное решение. Это говорит о том, что окончательный шаг дался ему не без борьбы. Много лет спустя, описывая это время друзьям и коллегам, он часто рассказывал о процессе постепенного прояснения его мировоззрения, или «внутреннего просветления». На протяжении 1941 и первой половины 1942 г. Кароль Войтыла, на которого произвело сильное впечатление как унижение человеческого достоинства во время оккупации, так и героизм, который этому противостоял, начал чувствовать в себе «прогрессирующее отчуждение от своих прежних представлений». Удел священника казался ему самым подходящим способом противостоять унижению человеческого достоинства гнетом жестокой идеологии.

---

[1] Ошибка автора. Каролю Войтыле исполнилось к этому времени лишь 20 лет.

Были и другие обстоятельства. Может, и случайные, но они также способствовали окончательному выбору. Капитан и Лолек никогда не обсуждали возможность призвания священника для Кароля, но позднее Войтыла стал считать частые отцовские молитвы и его поистине Христову самоотверженность «чем-то вроде домашней семинарии». То же самое можно было сказать о рабочих в каменоломнях и на химзаводе «Солвай», о героических салезианцах из церковного прихода в Денбниках, о «Живом розарии» и Яне Тырановском, о постоянном руководстве отца Фиглевича.

Учителя и сверстники в Вадовице и Кракове уже говорили Каролю, что его истинное призвание — алтарь. Но он никогда не принимал этого всерьез. Теперь у него стала созревать мысль, которая со временем перешла в глубокую убежденность: все совпадения, что направляли его на путь церковнослужителя, были не совпадениями, а проявлениями общего замысла Провидения. Он остался сиротой накануне совершеннолетия; судьба одарила его умом и интересом к миссии священника; во время оккупации он пережил тяжелые испытания. Даже люди, оказавшие значительное влияние на его жизнь, стали казаться Войтыле теми, кто указывал ему на путь священника. Молодой человек колебался в своем выборе не долго. Весна и лето 1942 г. прошли в раздумьях, но в результате он сделал выбор.

Осенью 1942 г. Кароль Войтыла вошел в построенное в семнадцатом веке здание на Францишканьской, 3, расположенное в нескольких кварталах от рыночной площади Старого города. В этом доме располагалась резиденция архиепископа. Кароль попросил выслушать его как кандидата в священники. Ректор семинарии, отец Ян Пивоварчик, принял его, и с этого дня Кароль начал новую, двойную жизнь.

В первые же дни оккупации гестапо попыталось взять семинарию под контроль, чтобы лишить ее преподавателей университетского уровня и превратить это учебное заведение в обычную религиозную школу. Но семинария с согласия архиепископа Сапеги проигнорировала распоряжения властей. Тогда гестапо запретило принимать новых семинаристов. В ответ на это архиепископ стал принимать новых учеников под видом «секретарей прихода», приписывая их к различным местным церковным приходам, тогда как они подпольно обучались в Кракове. Гестапо начало проводить облавы. Однажды было арестовано пять семи-

наристов — одних немедленно расстреляли, остальных отправили в Освенцим.

После этого архиепископ принял решение полностью перевести семинарию в подполье. Кандидатов набирали тайно. Они должны были продолжать подготовку, не говоря никому о своем новом занятии. Обучаться семинаристы могли только в свободное время, лишь изредка появляясь перед преподавателями для сдачи экзаменов. Предполагалось, что после завершения курса обучения они будут посвящены в духовный сан, конечно, если до этого их не схватит гестапо.

Кароль Войтыла попал в первую десятку выбранных для столь необычной формы обучения — подготовки священников в подполье. Он продолжал работать в Борек-Фаленцки. Ночные смены позволяли ему читать всю ночь напролет, не привлекая чьего-либо внимания. Но вместе с тем Кароль продолжал участвовать в спектаклях «Театра восторга», хотя Мечислав Котларчик наверняка был предупрежден, что у его юного ученика отныне мало времени и не следует понапрасну растрачивать его в бесконечных репетициях, многочисленных представлениях и ненужных переделках сценария.

Котларчик энергично выступил против выраженного Каролем Войтылой желания стать священником и «несколько дней пытался его переубедить». Котларчик отнюдь не был настроен против Церкви — наоборот, сам был истовым католиком. Однако в его представлении именно театр стоял во главе служения Богу и Польше. Галина Круликевич вспоминала, насколько ошеломляющим оказалось решение Войтылы, ведь «все думали, что он станет актером. Но мы также знали о его благочестии и поняли, что именно в этом его истинное призвание». Но смирились с этой мыслью все не скоро. Друзья Войтылы мобилизовали Тадеуша Кудлиньского, с которым Кароль был знаком еще со студенческой театральной труппы Ягеллонского университета, для продолжавшегося всю ночь (в течение всего комендантского часа) спора с глазу на глаз. Кудлиньский, как утверждают, пытался убедить Кароля остаться «в миру», используя в качестве аргумента библейскую притчу о талантах: если Бог дает человеку талант актера, то нельзя отказываться от развития этого дара, поскольку это означает зарыть его в землю. Когда и этот аргумент не возымел действия, Кудлиньский прибег к любимому поэту юного семинариста, Норвиду, который сам использовал слова Священно-

го Писания о том, что нельзя «держать свет под спудом». Кароль изменить свое решение отказался. Он уже сделал выбор.

Однако самые серьезные проблемы у Войтылы в начале его подпольной учебы были не с коллегами по «Театру восторга», а с философией, и особенно — с метафизикой. В те времена, как и сейчас, интеллектуальная подготовка семинаристов включала курс философии. Одной из книг, которые Каролю предписывалось прочитать, была «Метафизика» Казимежа Вайса, написанная в 1926 г. сухим, сложным, очень абстрактным слогом в духе неосхоластики начала XX в. Кароль Войтыла, поклонник изящной словесности, раньше с подобными текстами не сталкивался, и книга совершенно его огорошила. Но, как писал он позднее, «через два месяца, что я продирался через эти дебри, я вдруг начал понимать, что получаю твердое основание под то, что раньше лишь чувствовал и переживал... То, чему меня научили моя интуиция и мои органы чувств, получило солидное подтверждение».

Оберегая страницы «Метафизики» от брызг жидкой извести на химической фабрике в Борек-Фаленцки, Кароль Войтыла получал надежную прививку от инфекции радикального скептицизма. Именно в этой книге он нашел «новый мир сущего», созданный вокруг классического убеждения, центрального в философии Аристотеля и Фомы Аквинского, что мир постижим. Это убеждение стало фундаментальным принципом, на основе которого Войтыла мог строить свою собственную философскую систему. Суровые реальности войны говорили об абсурдности окружающего мира, но благодаря «Метафизике» Войтыла мог поставить первый камень в философском обосновании реализма — постижимость мира, которая позволяла ему противостоять радикальному скептицизму и его неизменному спутнику — моральному релятивизму.

Скоро реальность самым грубым образом заявила о себе рабочему-семинаристу. 29 февраля 1944 г., возвращаясь домой после двойной смены из Борек-Фаленцки, Кароль Войтыла был сбит немецким грузовиком. Пани Юзефа Флорек, вагоновожатая, увидев его тело на дороге, выскочила из трамвая, который вела, и, подбежав к лежащему, обнаружила, что он без сознания. Оградив пострадавшего от дорожного движения, она остановила проезжавшую мимо машину. Оттуда выбрался немецкий офицер и попросил ее принести воды из ближайшей канавы. Они промыли грязной водой лицо Войтылы; убедившись, что лежащий еще жив, офицер остановил проезжавший мимо грузовик с бревнами и приказал водителю отвезти пострадавшего, все еще находившего-

ся в бессознательном состоянии, в местную больницу. Когда Кароль наконец очнулся, он обнаружил, что голова и туловище у него перебинтованы, а одна рука — в гипсе. У юноши оказались сильнейшее сотрясение мозга, многочисленные порезы и травма плеча. Следующие две недели он провел в больнице, восстанавливая силы и надеясь на милость Провидения. То, что он выжил, показалось ему подтверждением правильности решения посвятить себя призванию священника.

Продолжая жить двойной жизнью, Кароль часто заходил в резиденцию архиепископа, чтобы участвовать в утренних мессах, — он стал делать это регулярно после инцидента с грузовиком. Однажды — это было в апреле 1944 г. — его товарищ по подпольной семинарии и постоянный участник месс Ежи Захута не пришел на Францишканьскую, 3. После мессы Кароль отправился к Захуте узнать, что случилось. Оказалось, что того прошлой ночью забрало гестапо. Почти сразу после этого имя Ежи Захуты появилось в вывешиваемом гестапо расстрельном списке. Одного взяли, другой остался. Это Войтыла тоже счел не случайным совпадением.

Через четыре месяца, 1 августа, в столице Польши вспыхнуло восстание — отчаянная попытка подпольной польской Армии Крайовой избавить Варшаву от немцев и создать независимое польское правительство до того, как в столицу войдет Красная Армия. После двух месяцев непередаваемо яростных боев, включавших рукопашные сражения за каждую скамью в соборе святого Иоанна, город пал, Красная Армия тем временем неподвижно стояла за Вислой, ничего не предпринимая: пусть лучше немцы истребляют Армию Крайову, чем делать это самим[1]. По личному

[1] Часто встречающееся мнение, используемое в пропагандистских целях, но совершенно не соответствующее фактам. Все воспоминания очевидцев говорят об обратном. Немецкий генерал Г. Гудериан в книге «Воспоминания солдата» писал: «...у командования 9-й немецкой армии создалось впечатление, что попытки русских захватить Варшаву внезапным ударом с ходу разбились о стойкость немецкой обороны, несмотря на восстание поляков, которое, с точки зрения противника, началось преждевременно». Гитлеровский генерал Типпельскирх писал: «Восстание вспыхнуло 1 августа, когда сила русского удара уже иссякла...» 1-я Польская армия, форсировавшая Вислу, столкнулась с сильной обороной и после ряда контратак противника вынуждена была отойти. Советские войска в ходе боев за Варшаву понесли большой урон и потеряли 300 танков. Успешно форсировать Вислу и войти в Варшаву удалось лишь в январе 1945 г. Подробное описание ситуации вокруг Варшавы дано в книге К.К. Рокоссовского «Солдатский долг».

распоряжению Гитлера Варшава была сровнена с землей. Не осталось ничего выше двух футов.

День 6 августа, когда в церквах служили литургии, посвященные Преображению Господню, стал в Кракове «черным воскресеньем», поскольку гестапо проводило облавы по всему городу, арестовывая молодых людей, чтобы не допустить ничего подобного Варшавскому восстанию. Архиепископ Сапега немедленно созвал всех учащихся подпольной семинарии, чтобы укрыть их в своей резиденции. Мечислав Малиньский, который к этому времени тоже учился в семинарии, тем утром отправился с группой подростков в поход. Возвращаясь назад, они увидели гестаповскую облаву и поспешили скрыться. Вечером Малиньский, надежно спрятав своих подопечных, прокрался через поля и соседские сады к себе домой в Денбники, где с радостью нашел семью в добром здравии. Однако ранним утром всех перепугал стук в дверь. К счастью, это оказался священник из епархии архиепископа, передавший распоряжение Сапеги прибыть в этот же день в его резиденцию. Прибыв на место, Малиньский первым делом спросил:

— Кароль Войтыла здесь?

Кароля не забрали буквально чудом. Во время проходившей накануне облавы гестапо тщательно обыскало первые два этажа дома на Тынецкой, 10. Кароль, притаившись за закрытой дверью в своей полуподвальной квартире, молился об избавлении от угрозы; его сердце колотилось от страха. Едва немцы, ничего не найдя, ушли, Ирена Шкоцкая вызвалась помочь Лолеку пройти через город к резиденции архиепископа, шествуя на квартал впереди в качестве разведчика. Как только Войтыла появился у архиепископа, его переодели в сутану — в случае обыска Сапега намеревался сказать гестаповцам, что все собравшиеся у него молодые люди являются его секретарями.

Но и в этом убежище нельзя было считать себя спасенным. Отдел труда в ведомстве Ганса Франка начал интересоваться, куда делся рабочий, который перестал появляться на предприятии в Борек-Фаленцки. По просьбе архиепископа отец Фиглевич нанес визит директору завода и попытался узнать, что надо сделать для того, чтобы Войтыла исчез из списка рабочих. Директор не дал никакого определенного ответа, но с этого времени поиски «работника» Войтылы прекратились. Много позднее Войтыла скажет: власти «были неспособны найти мой след».

Отец Станислав Смоленьский стал духовным наставником юных семинаристов, а отец Казимеж Кусак читал им лекции. Отец Пивоварчик, который принял Войтылу в подпольную семинарию, возглавил церковный приход. Архиепископ Сапега стал ректором. Ежедневно общаясь с архиепископом, Кароль Войтыла со временем хорошо узнал человека, который станет для него образцом руководителя Церкви на более чем полстолетия.

«НЕПОКОРЕННЫЙ КНЯЗЬ»

Адам Стефан Сапега был отпрыском дворянской польско-литовской династии. Свою церковную деятельность он начинал в Риме, где служил секретарем Папы Пия X, который 17 декабря 1911 г. лично посвятил его в епископы в Сикстинской капелле, подарив ему при этом небольшой золотой нательный крест. Сапега «принадлежал к людям железной воли», был лидером, личные качества которого — такие как чувство достоинства и сила характера — вызывали уважение и создавали ему авторитет. Прибыв в 1912 г. на место, где он должен был вступить в должность, Сапега прямо с железнодорожной станции направился в приют для бедных, предпочтя осмотр приюта торжественной встрече, которую хотела устроить ему знать. Местное дворянство было весьма недовольно подобным поступком. Принадлежащий к династии потомственных священников, предком которых был злодейски умерщвленный святой Станислав, Сапега наполнил новым смыслом традиционное представление, что епископ Краковский — это «defensor civitatis», высший «защитник народа».

Князь-архиепископ, как его называли, не был в особой чести у церковных властей в правление Пия XI. Когда будущий Папа после Первой мировой войны был папским нунцием в Польше, они с Сапегой не раз вступали в словесные баталии, не желая уступать друг другу. Во время понтификата Пия XI Сапега отказался от красной кардинальской шапки, которую до него носили Албин Дунаевский и Ян Пузына. За неделю до смерти в феврале 1939 г. Пия XI Сапега, ссылаясь на свой преклонный возраст (ему было семьдесят два) и плохое здоровье, обратился к Папе с письменной просьбой об отставке. В те времена просьбы подоб-

ного рода были крайней редкостью. Но на это письмо ответа не последовало — Папа скончался. Тогда Сапега, посетив Рим в апреле того же года, обратился с той же просьбой к только что избранному Пию XII. Но Пий XII ответил отказом, поскольку считал политическую ситуацию чересчур неопределенной, а положение вещей — нестабильным, чтобы можно было позволить предпринимать столь серьезные шаги. Сапега вынужден был остаться на своем посту.

Скоро он стал «некоронованным королем Польши». Иоанн Павел II называл его «непокоренный князь», «настоящий pater patriae»[1] нации, которую пытались уничтожить[2].

Официальный глава Церкви, кардинал Глонд, бежав в сентябре 1939 г. с польским правительством, прожил на юге Франции с осени 1940 г. до февраля 1944 г., когда был арестован гестапо и отправлен в Виденбрюк в Вестфалии. Из лагеря его 1 апреля 1945 г. освободили американские войска. За время войны Адам Стефан Сапега сильно постарел, но, несмотря на это, лишь укрепился духом, став ключевой фигурой в католическом сопротивлении нацистским оккупантам. По древней польской традиции глава Польской Церкви был Interrex[3] между днем смерти одного польского короля и избранием его наследника. Архиепископ Сапега фактически носил титул верховного правителя Польши на протяжении более чем пяти лет — он был единственным законным правителем в стране, управляемой захватчиками. Свою роль Сапега принял на себя без колебаний.

Ганс Франк, желавший, судя по всему, придать законный вид своему правлению, несколько раз намекал, что приглашение посетить резиденцию архиепископа он бы принял благосклонно. Сапега в конце концов пригласил его и усадил хозяина оккупированной Польши напротив себя во главе стола, предназначенного для официальных приемов. Затем был подан обед: черный

---

[1] Отец отечества (*лат.*).

[2] «Непокоренный князь» — титул одного из героев пьесы Юлиуша Словацкого — адаптации написанной в XVII в. драмы Педро Кальдерона де ла Барки, в которой говорится о мученичестве принца Фердинанда Португальского, погибшего потому, что он отказался сдать христианский город мусульманам в обмен на свою жизнь. — *Примеч. авт.*

[3] Interrex — верховный правитель государства во время междуцарствия.

хлеб, испеченный с добавлением желудевой муки, варенье из свеклы (сахарной для сладости и красной — для цвета), эрзац-кофе. Когда Франк с изумлением перевел глаза со стола на хозяина, тот спокойно объяснил, что по продовольственным карточкам, раздаваемым немецкими властями, он не может позволить себе ничего другого, поскольку отлично знает, что приобретение продуктов на черном рынке противозаконно. Что ответил на это Ганс Франк, история умалчивает. Похоже, на повторное приглашение он уже не намекал.

На то, что все безоговорочно признавали авторитет Сапеги, безусловно, оказали влияние его аристократическое происхождение и благородная осанка, но не только это притягивало к нему людей, оказавшихся в отчаянных обстоятельствах. Каждый вечер в 9 часов семинаристы видели князя-архиепископа идущим в одиночестве в свою часовню, где он проводил час. Все понимали, что архиепископ говорит о своих проблемах с Богом.

А проблемы были в высшей степени прискорбными. Священников либо арестовывали, либо отправляли в концентрационный лагерь, либо убивали. Церковные приходы участвовали в попытках помочь узникам нацистских трудовых лагерей едой. Следовало как-то защищать людей, исчезавших за дверями гестапо, разместившего свою штаб-квартиру прямо напротив резиденции архиепископа. Требовалось помочь тем семьям, которые потеряли кормильцев. Также требовалось оказать содействие еврейской общине Кракова, по просьбе которой Сапега посещал Ганса Франка по меньшей мере дважды. Архиепископ распорядился выдавать удостоверения о крещении евреям, чтобы помочь им избежать Холокоста. Требовалось успокоить многих родителей и супругов. Все это Сапега делал сам, поскольку был совершенно лишен связи с Римом. Однако дважды, когда для этого выдавалась возможность, архиепископ пытался предупредить Ватикан о планах нацистов уничтожить евреев и польскую нацию.

И в то же самое время, в самый мрачный период оккупации, Адам Стефан Сапега думал о будущем. Член реформистского крыла в польском руководстве, Сапега перед войной закрыл несколько старых церковных приходов и создал новые, призванные быть ближе к людям. Он участвовал в реформе семинарий, настаивая на более углубленном изучении теологических дисциплин. Когда война стала близиться к концу, Сапега начал разрабатывать принципы новой католической газеты «Тыгодник повшехны» [«Мир за неделю»], редактором которой должен был стать молодой жур-

налист-мирянин Ежи Турович. Архиепископ назначил одного из лучших священников-интеллектуалов своей резиденции, отца Яна Пивоварчика, бывшего ректора семинарии, «духовным наставником» газеты.

Но важнее этого для Сапеги было убеждение, что возрождение польского католицизма после войны требует большого числа хорошо образованных и способных к переменам священников. Именно поэтому он рисковал жизнью, создавая подпольную семинарию в первые же годы оккупации и потому решительно предоставил под подпольную семинарию свою собственную резиденцию после «черного воскресенья» 1944 г. И ученики, и их учителя шутили в это время, что они — «под домашним арестом». Приходилось вести спартанскую жизнь. Каждый семинарист имел свою собственную койку, из всей прочей мебели был только общий стол. То немногое из личного имущества, что они взяли с собой, хранилось в чемоданах под их кроватями в комнате, которая когда-то предназначалась архиепископом для переодевания.

На своей первой встрече с семинаристами архиепископ объявил, что не намерен ждать, когда немцы позволят вновь открыть семинарию. Он сам станет ректором. Если их раскроют, то кара неизбежна, но будь что будет.

— Мы вверяем себя в руки Божественного Провидения, — завершил он свою речь. — С нами ничего не может случиться.

Для человека его происхождения и его положения Сапега был на редкость доступен своим ученикам. Он часто появлялся во время отдыха, посещал семинаристов, старался на протяжении дня поговорить с каждым из них. Семинаристы, со своей стороны, получали возможность лучше узнать человека, который должен был посвятить их в сан. Они могли лично убедиться в его глубокой набожности — как в ежевечерних молитвах, совершающихся в полном одиночестве, так и в долгих размышлениях, которым он предавался после утренней мессы.

Под руководством отцов Смоленьского и Кусака подпольная семинария Сапеги работала по полному дневному графику. Семинаристы вставали в шесть часов утра для часовой личной молитвы. В семь проводилась месса, за которой следовал завтрак. Затем с четверти девятого до полудня шли занятия, еще в одной комнате для переодевания. В полдень студенты и преподаватели прерывались для чтения «Angelus» (Богородичной молитвы) и исповеди. За этим следовали ленч и отдых в саду архиепископа. В середине дня семинаристы отправлялись в часовню на пятнад-

цатиминутную молитву перед причастием; после причастия начинались индивидуальные занятия. В половине седьмого отец Смоленьский и архиепископ Сапега обычно проводили занятия на духовные темы. На ужин собирались в семь вечера, затем следовала вечерняя молитва, а в четверть девятого — личная молитва. Раз в неделю все студенты исповедовались; каждый из них был свободен в выборе исповедников, выбирая их из числа преподавателей или священников, приходивших в резиденцию архиепископа со стороны. Академический год начинался с трехдневного уединения, интенсивного периода молитв; на это время учеба — занятия обычно вел отец Смоленьский — временно прекращалась. Еще одним периодом уединения был Великий пост; небольшие периоды уединения имели место на протяжении всего года. Чтобы обогатить курс обучения, приглашались внештатные преподаватели. Юлиуш Остерва давал студентам подпольной семинарии уроки дикции и объяснял, как следует произносить молитвы. Такой курс, читаемый мирянином, был значительной новацией, если учитывать обычные отношения священников и мирян.

Много позднее Папа Иоанн Павел II как-то задумчиво заметил, что ему так и не довелось учиться в настоящей семинарии, поскольку помешали война и то, что происходило впоследствии, однако, как выяснилось, подготовка «под домашним арестом» на Францишканьской, 3 оказалась достаточной, чтобы Кароль Войтыла впоследствии уверенно мог выполнять свои обязанности. Его товарищи по обучению вскоре отметили как его интеллектуальные способности, так и набожность. Князь-архиепископ сам быстро признал одаренность молодого человека из Вадовице, который, как считал Сапега, точно определил свой жизненный путь.

ПОТЕРЯВШИЕ ДВАЖДЫ: КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ОККУПАЦИЯ ПОЛЬШИ

В то время как 1-й Украинский фронт двигался на запад мимо Дембицы и Тарнува, немцы лихорадочно готовились к эвакуации из Кракова. Заложив взрывчатку, в ночь с 17 на 18 января 1945 г. немцы покинули город, взорвав мост в Денбниках. Взрыв был такой силы, что взрывной волной выбило окна в резиденции ар-

хиепископа. На следующий же день семинаристы принялись приводить в порядок здание на Францишканьской, 3. Вслед за тем они отправились заявлять свои права на здание старой семинарии, расположенное рядом с Вавельским замком, только что покинутое эсэсовцами. Здание выглядело так, словно пережило катастрофу. Окна были разбиты, черепичная крыша рухнула, центральное отопление не работало. Бывшие узники эсэсовских застенков пытались согреться, разжигая костры прямо в комнатах. Хуже всего выглядели туалеты, заваленные грудами замерзших экскрементов, которые требовалось отскрести и вывезти. Кароль Войтыла и Мечислав Малиньский добровольно взялись за эту неприятную работу, после которой перетаскивание черепицы на крышу показалось им отдыхом.

Молодые семинаристы, пережившие оккупацию, возможно, думали, что скоро произойдет возвращение к нормальной жизни в свободной и независимой Польше. Впрочем, их иллюзии, если они и были, развеялись довольно скоро. Второй раз на протяжении Второй мировой войны Польша была принесена в жертву тоталитарной державе.

Находящееся в Лондоне польское правительство в изгнании не имело никакого влияния на решение будущего своей страны. В июле 1944 г. контролируемый Москвой Польский комитет национального освобождения, получивший на Западе название «Люблинский комитет», подписал с СССР соглашение, которое предоставляло советской стороне полный контроль над законом и порядком в тылу рвущейся вперед Красной Армии. Это соглашение привело к повторению первых дней нацистской оккупации — чиновники изгонялись со своих мест (часто по обвинению в сотрудничестве с оккупантами), а подразделения движения Сопротивления либо распускались, либо присоединялись к дружественным Советам группам. Те, кто отказывался повиноваться, были расстреляны.

То, что разворачивалось в первые дни новой оккупации, происходило в новых границах. На Тегеранской и Ялтинской конференциях западные союзники согласились передвинуть границы Польши примерно на 150 миль на запад на карте Европы. Вильно[1] и Львов теперь должны были войти в состав Советского Союза, точнее — в состав Литвы и Украины. Бреслау, Штеттин и Данциг были «возвращены» от Германии и отныне получали на-

[1] Вильнюс.

звания Вроцлав, Щецин и Гданьск. Во вновь образованной Польской Народной Республике осталось чуть больше половины земель, которые были у нее между мировыми войнами; территории, утраченные новой Польшей (примерно 108 000 квадратных миль), оказались намного больше приобретенных (примерно 61 000 квадратных миль)[1]. Перемещение Польши на запад на протяжении четверти столетия служило причиной многих проблем между приверженцами польского католицизма и Ватиканом и заложило основу для грубейшего преследования католиков, очутившихся на территории Литовской и Украинской Советских Социалистических «республик».

Война резко изменила демографическую ситуацию в Польше, и исключением здесь не стала ни одна социальная группа. Интеллигенция, включая церковных иерархов, понесла тяжелейший урон. Почти все польские евреи стали жертвами Холокоста. В результате утраты Польшей восточных земель и изгнания немцев с «возвращенных» территорий, составивших теперь западную часть новой Польши, новое государство стало самой «польской» (и католической) Польшей во всей истории страны.

Судьба у новых правителей была нелегкой. Существовавшая между двумя мировыми войнами Коммунистическая партия Польши (КПП) досаждала Москве своей неспособностью завоевать симпатии поляков и размытостью идейных установок. В 1938 г., во время «великой чистки» в Советском Союзе, Сталин уничтожил примерно 5000 членов КПП; остальные, по всей видимости, погибли в ГУЛАГе. После немецкого вторжения в СССР в 1941 г. Сталин, однако, решил, что в восстановленной Польше будет коммунистическое правление, и для этой цели была создана Польская рабочая партия. Владислав Гомулка, избежавший сталинской чистки КПП из-за того, что он в то время был посажен в тюрьму своим собственным правительством, стал первым секретарем[2]. Хотя Гомулка жестко придерживался коммунистической идеологии, он был по-своему польским патриотом и весьма нервно реагировал на вмешательство советского империализма в «польскую дорогу к социализму». По этой причине в 1948 г. он

---

[1] Часть «утраченных» польских территорий была захвачена у России в 1920 г. и являлась белорусскими и украинскими землями. Еще в 1920-м белорусское и украинское население оказывало активную поддержку Красной Армии в ее борьбе с Польшей.

[2] Генеральным секретарем ЦК ПРП (Польской рабочей партии).

был сменен на своем посту Болеславом Берутом, твердолобым сталинистом, не вызывавшим никаких возражений в Кремле. К середине 1948 г. восстановленная Польша была аккуратно встроена в советскую внешнюю империю, а ее министром обороны стал один из старших офицеров Красной Армии[1], полный решимости сохранить мост, ведущий к оккупированной советскими войсками зоне Германии. Новая Польша представляла собой государство с официальной идеологией, которая никогда не принималась польским народом и служила исключительно интересам безопасности Советского Союза. Оно было продуктом Красной Армии и малодушия политики западных государств. Слово «освобождение» применительно к Польше 1945 г. было эвфемизмом[2].

Все происходящее на его глазах произвело сильное впечатление на Кароля Войтылу. Ялта стала для него чем-то большим, чем грубой правдой. Ведь Польша, которой полагалось бы считать себя одной из победительниц во Второй мировой войне, снова проиграла. Ялта оказалась триумфом фальшивого и бесчеловечного торжества силы над моральными принципами, нарушением тех обязательств, которые западные союзники давали Польше перед войной и во время войны. Те, кто объявлял себя борцами за свободу, снова закрыли глаза, как только еще раз столкнулись с тоталитарной державой. Вторая мировая война окончилась не установлением свободы и восстановлением прав наций, а распространением коммунистического тоталитаризма на более чем половину Европы и на другие части мира. Ялта была вопиющей несправедливостью, и на подобном основании надежный мир существовать не мог. Политика — даже мировая политика — не может строиться только на силе. В ней должна участвовать и мораль.

В то время как Польшу заковывали в коммунистические кандалы — Сталин однажды назвал подобный процесс «надеть на корову седло», — князь-архиепископ Сапега, одетый в потрепан-

---

[1] Имеется в виду маршал К.К. Рокоссовский.

[2] Эвфемизм — замена резкого выражения на более мягкое, деликатное. Следует заметить, что взгляды автора в данном вопросе не совпадают со взглядами Иоанна Павла II, поскольку во время первого же своего визита в Польшу Папа Римский посетил памятник советским воинам. Это было данью благодарности Красной Армии, которая при освобождении Польши потеряла 400 000 человек, тем самым сохранив польский народ от уничтожения.

ные старые пальто и шляпу, регулярно заглядывал на кухню своей резиденции для того, чтобы убедиться, что сильно нуждающиеся доктора, юристы, преподаватели и другие профессионалы высшего уровня «освобожденного» Кракова получают свой суп. Этот суп действительно был вполне съедобен.

AD ALTARE DEI[1]

Несмотря на всю трагедию и иронию «освобождения» Польши, жизнь в Краковской семинарии постепенно возвращалась в нормальное русло. Ягеллонский университет перестал быть подпольным. Кароль Войтыла завершал третий год обучения в то время, как на западе завершалась Вторая мировая война. Он был избран вице-президентом университетского студенческого «Общества братской помощи» — организации, которая помогала распределять западную помощь обнищавшему студенчеству. Обыкновение Войтылы довольствоваться крайне малым производило большое впечатление на его товарищей по семинарии. Новый свитер, присланный ему Мечиславом Котларчиком, он подарил бродяге, который подошел к нему и назвал по имени.

После летнего отдыха, проведенного в пригороде Кракова в церковном приходе Рациборовице, Кароль осенью 1945 г. приступил к четвертому году изучения теологических дисциплин. Это был последний год перед посвящением в духовный сан. Одновременно он начал работать ассистентом преподавателя на теологических курсах для студентов. Среди его профессоров был грозный отец Игнаций Ружыцкий. Этот весьма требовательный преподаватель заметил, что его лучший ученик пишет мелким почерком «К Иисусу через Марию» или «Иисус, Мария и Иосиф» наверху каждой страницы и каждого документа, которые он представлял на рассмотрение. Эту привычку Кароль приобрел несколькими годами раньше, и она осталась у него на всю жизнь. Ружыцкий поддержал интерес Войтылы к личности Иоанна Креста. Кароль, со своей стороны, продолжал самостоятельно осваивать испанский язык, для чего приобрел немецко-испанский словарь. Его целью было чтение кармелитов-мистиков в оригинале.

[1] На алтаре Бога (*лат.*).

Некоторое время Кароль раздумывал, не поступить ли ему в монастырь ордена Босоногих кармелитов в Черне, чтобы полностью отрешиться от мира. Однажды в 1945 г. он решил посоветоваться по этому вопросу с князем-архиепископом. Тот отрезал:

— Сначала ты должен закончить то, что начал.

Слова Сапеги покончили с сомнениями. Через полвека после этого случая Иоанн Павел II скажет, что, несмотря на горячий интерес к Иоанну Креста, «я не думаю, что у меня было сильное желание стать одним из кармелитов».

Вскоре после войны Кароль узнал о самопожертвовании отца Максимилиана Мари Кольбе в Освенциме, в бараке, где заключенных морили голодом. Этот мученик, отдавший жизнь ради спасения другого узника — имеющего детей женатого человека, — стал образцом для Войтылы, который решил, что будет «alter Christus», «еще одним Христом», посвятит всего себя без остатка служению другим людям. Это был идеал, к которому в Краковской семинарии пытались привести каждого ученика посредством общего чтения вслух «литании Господа нашего Иисуса Христа, Священника и Жертвы». Это был ключевой элемент воспитываемой в семинаристах набожности, основанный на новозаветном послании «К евреям». Краковская литания включала в себя восемь молитв Иисуса Христа как искупительной жертвы. Благодаря этим молитвам семинарист должен был умереть как личность, направленная только на удовлетворение своих потребностей, должен был научиться дарить себя, приносить в жертву. Этот принцип должен лежать в основе жизни любого человека, посвятившего себя христианскому учению, а особенно в основе жизни священника. Идея принесения себя в качестве дара будет постоянно возникать в работах Кароля Войтылы на протяжении всей его жизни и станет одной из основных концепций в его философии человеческой личности и в философии человеческой морали.

СВЯЩЕННИК

18 февраля 1946 г. Папа Пий XII назначил Адама Стефана Сапегу кардиналом. Когда новый кардинал в марте вернулся в Краков, его поезд встречали все семинаристы. Героя оккупации они чествовали тем, что подняли автомобиль нового «князя Церкви» на руки и понесли по улицам Кракова — прямо к костелу

Девы Марии на рыночной площади Старого города. На проводимом в семинарии праздновании назначения Сапеги кардиналом Кароль Войтыла декламировал по памяти проповедь отца Кайсевича — польского национального героя девятнадцатого столетия. Эта проповедь касалась религиозного смысла понятия «патриотизм» — такой выбор наверняка был не случаен.

В конце июня — начале июля 1946 г. Войтыла успешно сдал экзамены по Священному Писанию, догматическому богословию, теологии морали, церковному канону и катехизису. Теперь он полностью завершил курс обучения, достаточный, чтобы получить право быть посвященным в духовный сан.

Кардинал Сапега, желавший, чтобы его самые одаренные священники повидали Рим, решил, что Каролю следует провести исследования, которые дали бы ему возможность получить степень доктора теологии, в Папском Атенеуме[1] Святого Фомы Аквинского, известном во всем мире как «Ангеликум». Такой курс обучения можно было пройти, если бы удалось попасть на осенний семестр 1946 г. Но, чтобы успеть к этому сроку, кардинал сначала должен был срочно посвятить Кароля Войтылу в соответствующий священнический сан.

Весь октябрь 1946 г. стал месяцем интенсивных приготовлений к этому посвящению. После шестидневного уединения, когда Кароля посещал только отец Смоленьский, духовный глава семинарии, Кароль, торжественно приняв обет безбрачия и обязавшись ежедневно молиться по католическому требнику, 13 октября был посвящен в сан подьячего самим князем-кардиналом. Неделей позже, 20 октября, после трехдневного уединения, архиепископ[2] посвятил Кароля в дьяконы. Затем последовало шестидневное уединение, необходимое для подготовки к посвящению в сан, которое должно было состояться 1 ноября. Этот день совпадал с праздником Всех святых и пятой годовщиной первого представления спектакля «Театра восторга» «Король-Дух». Пока велась подготовка к посвящению в духовный сан, Станислав Старовейский, еще не получивший посвящения молодой семинарист, которого Сапега тоже посылал в Рим для прохождения полного курса теологических наук, приобрел билеты и паспорта на себя и на своего друга Войтылу, чтобы тот мог полностью посвятить себя уединению.

[1] Атенеум — название литературных и научных обществ.

[2] Имеется в виду Сапега, поскольку пост кардинала и архиепископа можно занимать одновременно.

Утром 1 ноября 1946 г. Кароль Войтыла, единственный в этот день кандидат на посвящение в сан, проследовал в личную часовню архиепископа в его резиденции на Францишканьской, 3. Архиепископ своим примером когда-то повлиял на образ мышления молодого Войтылы. Согласно церковной теологии теперь архиепископу предстояло оставить неизгладимый след в душе Кароля актом посвящения в сан. Священничество, как понимали его и прелат[1], и ординанд[2], важно не тем, что человек *делает*, а тем, кем человек *является*. Крещение Войтылы в Вадовице делало его христианином. То, что должно было произойти в часовне архиепископа, делало его христианским священником.

Начав мессу с текста из Священного Писания, кардинал Сапега сел на складное кресло — небольшой переносной трон — перед алтарем. Кароль опустился перед ним на колени, облаченный в альбу, длинную белую рубаху с поясом, орарь и епитрахиль. На его левой руке висела сложенная риза, в правой горела белая свеча. После того как руководители семинарии официально подтвердили, что Кароль Войтыла достоин посвящения в духовный сан, к нему обратился сам кардинал, обязавший его быть «совершенным в вере и своих действиях... быть твердым как в добродетели любви к Богу, так и в добродетели любви к ближнему». После этого Кароль распростерся ниц на полу, раскинув руки в стороны, символизируя крест. В это время над ним произносили литанию и святцы — этим Церковь на земле просила Церковь на небесах способствовать тому, чтобы кандидат в священники был посвящен в сан.

В конце литании Кароль поднялся и стал на колени перед кардиналом Сапегой, который молча возложил руки ему на голову. Это был главный момент в обряде посвящения. Призвав силу Святого Духа низойти на ординанда, кардинал снова опустился на стул, взялся за свисавший с левого плеча Кароля конец епитрахили, перебросил его на правое плечо и перекрестил ему грудь, сказав:

— Возьми ярмо Господа, ибо Его ярмо сладко и Его бремя легко.

После этого кардинал облачил Кароля в ризу, верхнюю одежду священника во время проведения месс, говоря при этом:

---

[1] Здесь: тот, кто посвящает.

[2] Тот, кого посвящают.

— Возьми эту священническую одежду, что обозначает благодать; ибо Господь способен дать тебе возрастание благодати и возрастание Его совершенных деяний.

После прочтения древнего церковного гимна, обращенного к Святому Духу, — «Veni Creator Spiritus», кардинал снова сел на складное кресло, а Кароль стал на колени для священнического помазания. Кардинал помазал Каролю ладони — сначала крестнакрест, а затем полностью, произнося слова молитвы:

— Благослови, Господи, освятить и почтить эти руки помазанием и нашим благословением.

Затем кардинал свел руки Кароля вместе, и один из его помощников связал их куском белой ткани. Сапега взял в руки кубок, наполненный вином и водой, и дискос, на котором лежала гостия. Кароль протянул связанные руки перед собой, и кардинал вдвинул кубок и покоящийся на нем дискос между пальцев Кароля так, что они могли касаться обоих священных предметов. При этом кардинал произносил слова:

— Получи силу для того, чтобы предложить жертву Богу, чтобы проводить мессу, как для живых, так и для мертвых, во имя Господа.

После того как руки Кароля были освобождены, он передал зажженную свечу кардиналу, как было положено по обету. Месса продолжалась, но теперь в ней участвовал уже отец Кароль Войтыла. Центральным актом богослужения кардинала Сапеги был древний обычай обмена поцелуями в знак мира, а также присоединение новообращенного священника к кардиналу в принятии Тела и Крови Христовой в церемонии Святого Причастия. После Причастия кардинал Сапега снова опустился на складное кресло перед алтарем и, возложив руки на коленопреклоненного Кароля, произнес слова молитвы:

— Получи Святой Дух; те грехи, что ты простишь, простятся; и те грехи, что ты оставишь, останутся.

Подвернув заднюю полу ризы, а затем спустив ее вниз, он произнес:

— Бог одевает тебя в одеяния невинности, — после чего попросил Кароля пообещать отныне почтительно относиться к себе, своему епископу и его преемникам, повиноваться своему епископу и его преемникам. После того, как Кароль произнес:

— Promitto [Я обещаю], — кардинал и Кароль снова обменялись поцелуями мира.

Затем кардинал, облаченный в митру, держа в руке пастырский посох, встал перед Каролем и трижды его благословил, говоря при этом:

— Благословение Бога Всемогущего, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, нисходит на тебя: теперь ты можешь благословлять как священник и можешь предлагать искупительные жертвы за грехи и защищать людей перед Всемогущим Богом, которому принадлежат слава и честь, и мир без конца.

В конце церемонии посвящения кардинал, опустившись в складное кресло в последний раз, обратился к новому священнику краковского архиепископства со следующими словами:

— Дражайший наш сын возлюбленный, внимательно размысли над обрядом, который ты прошел, и над тем бременем, которое легло на твои плечи. Стремись вести святую и Богоугодную жизнь, радуй Всемогущего Бога тем, что ты можешь взрастить в себе Его милосердие, которое Он и Его милость подарили тебе. Став священником, ты должен отслужить после первой своей службы еще три: одну во имя Святого Духа, одну во имя благословенной Марии — вечной девственницы, а третью — за тех верующих, что ушли от нас. Помолись и за меня Всемогущему Богу.

Кардинал завершил церемонию словами из Евангелия от Иоанна:

— «И Слово стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу как Единородного от Отца».

Кароль ответил:

— Амен.

2 ноября согласно католическому литургическому календарю проводится торжественная служба, посвященная Всем Душам. В этот день возносятся молитвы по усопшим. В день Всех Душ священникам разрешается проводить три службы, поэтому у отца Кароля Войтылы была не одна, а целых три «первые службы» на следующий день после посвящения в духовный сан. Он отслужил их в оформленной в романском стиле подземной часовне Святого Леонарда в Вавельском соборе. Эта небольшая часовня, сооруженная близ королевских гробниц еще в одиннадцатом веке, была одной из древнейших и наиболее почитаемых частей собора. Только что посвященный в духовный сан священник выбрал ее для своих первых месс, «чтобы выразить мою особую духовную связь с историей Польши» и воздать должное усопшим королям и ко-

ролевам, епископам, кардиналам и поэтам, погребенным в соборе, «которые сыграли крайне важную роль в моем становлении как христианина и как патриота».

В окружении нескольких друзей и незримом присутствии короля Яна III Собеского, короля Михала Корыбута Вишновецкого, князя Юзефа Понятовского и Тадеуша Костюшко, облаченный в приличествующее дате черное одеяние, отец Войтыла отслужил три мессы за упокой души своих родных — матери, брата и отца. Главой церемоний («manuductor», или «направителем рук», как его называли в те дни) был его старый наставник, отец Фиглевич, который руководил проведением всего ритуала. При алтаре служил его друг Мечислав Малиньский, который также представлял Яна Тырановского, девятый месяц находившегося в больнице. Тяжелая болезнь на следующий год оборвет его жизнь. Отец Войтыла был первым из десяти священников, делавших первые шаги по пути веры именно в «Живом розарии» портного-мистика. Родственников представляла одна лишь Мария Вядровская, старшая сестра Эмилии и крестная мать ординанда. Полагалось отпечатать традиционные карточки посвященного в духовный сан, которые потом раздавались друзьям и семье, но такой возможности пока не было. Каждую карточку отец Войтыла писал сам от руки: «Fecit mihi magna... Краков, нояб. 1, 1946... «Сотворил Мне величие Сильный», строка из Магнификата Марии (Лк. 1.49).

В следующие суматошные дни отец Войтыла провел службы в костеле Святого Станислава в Денбниках и в своем родном церковном приходе в Вадовице. В нефе Вавельского собора, где покоились останки святого Станислава, он отслужил мессу для своих друзей и коллег по «Театру восторга», а также для нескольких оставшихся в живых членов УНИА, которая в то время подвергалась активному давлению со стороны новых коммунистических властей. 11 ноября Кароль Войтыла в первый раз крестил. Это была Моника Катажына Квятковская, грудная дочь его друзей Тадеуша Квятковского и Галины Круликевич. Вечером он нашел время, чтобы посетить спектакль «Театра восторга», однако не смог присутствовать на юбилейной встрече своей старой труппы. Строки из его письма Мечиславу Котларчику отражают взгляды только что посвященного в сан священника: «Может быть, так угодно Богу, чтобы я не мог прийти на юбилейную встречу. Как

мне теперь представляется, я должен участвовать в вашей деятельности, но как священник должен участвовать в жизни в целом, являясь скрытой движущей силой. Да, скрытой, несмотря на то что священник видим и в таком качестве выполняет свои основные обязанности. Скрытые силы обычно производят самые сильные действия...

ОБУЧЕНИЕ В РИМЕ

Войтыла и Старовейский покинули Краков 15 ноября и отправились в Катовице, где им предстояло сесть на поезд, следующий в Париж. Это была первая поездка молодых священников за пределы Польши. Кароль Войтыла видел за окном вагона места, которые он прежде знал только по книгам: Прага, Нюрнберг, Страсбург. В Париже их принимала польская семинария, расположенная на рю де Ирландэ. Почти сразу по прибытии они пересели на поезд, следующий в Рим, и до места назначения добрались в конце ноября. Несколько недель они жили у палатинских священников на виа Петтинари, пока для них готовилось постоянное жилище в Бельгийском коллеже. Князь-кардинал пожелал, чтобы его подопечные жили именно там. В первое же воскресенье они отправились в собор Святого Петра, где Папа Пий XII, восседая на складном троне, «sedia gestatoria», в нише огромной базилики, проводил церемонию канонизации.

Ректор восстановленной Краковской семинарии отец Кароль Козловский говорил молодым священникам, что в Риме важно не только учиться, но и «узнать сам Рим», и Войтыла воспользовался этим советом. Хотя жизнь в послевоенном Риме нельзя было назвать комфортной, но город был уже приведен в порядок для привлечения туристов. Той сутолоки и дорожных пробок, которыми славится Рим в наши дни, тогда еще не было, и любой гость города мог прогуливаться или ездить на мотоцикле везде, где ему заблагорассудится. Переселившись в Бельгийский коллеж, Войтыла посетил катакомбы[1], церкви, кладбища, музеи и

[1] В находящихся под Римом катакомбах добывали камень для строительства; позднее, во время преследований, там проводили свои службы первые христиане.

парки столицы христианского мира. Войтылу сопровождали его друзья по учебе, которые хорошо знали как достопримечательности Рима, так и их историю.

Бельгийский коллеж, в котором Войтыле довелось прожить два года, погрузил его в живую интеллектуальную атмосферу, полную споров о «nouvelle theologie», «новой теологии», о которой говорили доминиканцы Мари Доменик Шеню и Ив Конгар, а также иезуиты Жан Данилу и Анри де Любак, которые впоследствии сыграют важную роль во Втором Ватиканском Соборе. Вызывало споры и появление во Франции и Бельгии «священников-рабочих». Кардинал Эммануэль Суар, архиепископ Парижский, считая свою страну несущей особую миссию, активно поддерживал эксперимент со священниками-рабочими. Войтыла часто беседовал в коллеже с отцом Жозефом Кардийном, основателем бельгийского движения «Молодые рабочие-христиане», которое еще с 20-х годов пыталось донести Евангелие до каждого рабочего места. Ректором Войтылы был отец Максимилиан де Фюрстенберг, который, как и Кардийн, позднее будет назначен кардиналом Папой Павлом VI.

Коллеж был небольшим, постоянно в нем находились двадцать два священника и семинариста, проходивших курс обучения. Из двадцати двух человек пятеро были американцами. В этом многоязычном окружении Войтыла получил возможность улучшить свой французский и попрактиковаться в немецком — оба эти языка он изучал на родине, — а также начать изучать итальянский и английский. Хорошая компания отвлекала Войтылу от физических тягот его жизни. В те времена коллеж размещался в красивом четырехэтажном здании с садом, но интерьер самого здания оставлял желать много лучшего. Зимой там было очень холодно, летом нестерпимо жарко. Обстановка комнат, в которых жили студенты, была очень скромной: рабочий стол, стул, кровать и умывальник. Душ установили только в 1947 г. Первая ванна в доме была поставлена британскими солдатами в конце войны. Пища, как позднее вспоминали жившие в коллеже, «была очень скудной и не особо вкусной».

Но месторасположение коллежа на Квиринале, однако, было очень удобным. От него можно было очень быстро дойти до «Ангеликума». По дороге на занятия Войтыла иногда заходил в церковь Сант-Андреа дель Квиринале, где хранились останки свято-

го Станислава Костки, иезуитского послушника и святого покровителя польской молодежи, в честь которого был назван приход в Денбниках. Там Войтылу изумило большое число семинаристов из Германии, бросающихся в глаза своими красными одеяниями. Немцы молились у могилы польского святого:

— В сердце христианского мира и в сиянии святых люди разных народов должны идти вместе, как и предначертано, забыв трагедию войны, которая оставила в нас столь глубокий след, чтобы создать неразделимый мир.

Получив представление об интернациональном характере Церкви, Войтыла тем не менее продолжал держаться своих корней, читая каждый день Евангелие на польском языке. Евангелие от Иоанна он порой читал вслух, словно это была ритмическая поэма.

Во время каникул Войтыла совершил несколько поездок по Италии — либо с коллегами по Бельгийскому коллежу, либо со Станиславом Старовейским. В пасхальные каникулы 1947 г. они посетили на юге Италии Сан-Джованни Ротондо, а также исповедались знаменитому капуцину стигматику[1] падре Пио, который оказался «очень простым исповедником, ясным и кратким». Огромное впечатление на юных священников падре Пио оказал своей мессой, на которой, как вспоминал впоследствии Папа Иоанн Павел II, этот стигматик «физически страдал». Неаполь, Капри, Монте-Кассино, Ассизи и Субьяччо, где возник орден бенедиктинцев и, таким образом, все западное монашество, тоже были в числе их поездок. Позднее, когда они приехали в Париж, Войтыла изумил Старовейского замечанием, что парижское метро является превосходным местом для размышлений.

Летом 1947 г. Старовейский и Войтыла путешествовали по Европе на средства, предоставленные им кардиналом Сапегой. Они познакомились с рабочими-священниками во французской столице и обсудили их попытку донести Евангелие до рабочего постхристианской эпохи. Эту попытку Войтыла позднее называл «крайне важной»; на эту тему он написал свою первую статью в «Тыгодник повшехны». Затем два молодых поляка провели несколько дней в Голландии, где на них произвели большое впечат-

[1] Стигматик — человек, у которого регулярно появляются раны на руках и ногах, в тех местах, куда вонзались гвозди, пригвождавшие к кресту Иисуса Христа.

ление «задор Церкви... активность ее организаций, живая духовная жизнь общин». Но большую часть каникул поляки провели в Бельгии, где Войтыла взял на себя труд посетить польских шахтеров-католиков, работавших близ Шарлеруа. Эта миссия заняла у него месяц — проведение богослужений, слушание исповедей, обучение катехизису, посещение шахтеров и их семей. Неизменное гостеприимство шахтеров каждый раз напоминало ему его собственную работу в каменоломнях в Закжувеке и на химзаводе «Солвай».

В Рим они вернулись в конце октября 1947 г., задержавшись по пути в Арсе, городе, где жил святой Жан Мари Вьянни, легендарный кюре XIX в. Посвященный в сан, несмотря на неважные знания латыни и посредственную грамотность, кюре из Арса приобрел небывалую популярность в качестве исповедника. Ему приходилось тратить до восемнадцати часов в день для того, чтобы выслушивать исповеди и давать ответы тем, кто приходил к нему со всей Франции. Именно в Арсе Кароль Войтыла пришел к убеждению, что он должен добиться такой же популярности у своих прихожан. Кроме того, на опыте Вьянни он понял, что таинство епитимьи[1] также является необходимой составляющей христианской жизни. Путешествуя, Кароль заметил растущий разрыв между Европой кафедральных соборов и той Европой, которая быстро теряла веру в христианство — как по своей воле, так и по воле коммунистических властей, приобретших после войны большую силу. Этот разрыв, решил Войтыла, может быть ликвидирован, только если решительно увеличится число мирян, обратившихся к Евангелию.

Один из таких мирян, живший в Польше, был смертельно болен. Ян Тырановский провел в больнице ровно год, тяжело страдая от недуга, который сначала сочли туберкулезом, затем — заражением крови, а в конце концов выяснилось что это рак, давший обширные метастазы. Ему ампутировали руку, и Ян Тырановский не смог присутствовать на похоронах собственной матери. Его по очереди посещали члены «Живого розария», и каждый день наносил визиты священник. Свою болезнь Тырановский принимал без жалоб, сам пытался утешать остальных, а в последний свой час попросил прощения у тех, кого он, возможно, как-то обидел. Его смерть в марте 1947 г. могла послужить

[1] Епитимья — искупительное наказание в виде поста, длительных молитв и т.д., налагаемое священником на верующего.

примером достойного ухода из жизни: он умер, улыбаясь своим друзьям, с крестом на груди. Из-за нехватки средств, дальнего расстояния и большой загруженности Кароль не смог приехать на похороны своего учителя. Он в это время штудировал труды тех самых кармелитов, об учении которых впервые ему рассказал портной-мистик.

Вернувшись в Рим, Кароль Войтыла должен был в первую очередь завершить свою докторскую диссертацию. В июле 1947 г. он успешно сдал экзамен на звание лиценциата[1] теологии, получив сорок баллов из сорока возможных. Теперь для получения степени доктора ему требовалось только представить диссертацию — ее первые наметки Кароль сделал еще в Кракове под руководством отца Ружыцкого.

Писать диссертацию Войтыле довелось в период интенсивного брожения в интеллектуальных кругах католической Церкви. Во многих европейских семинариях и общеобразовательных школах предпринимались попытки совместить классическую церковную философию и теологию, основные положения которой были сформулированы еще святым Фомой Аквинским, с современными течениями мысли. Однако управляемый доминиканцами «Ангеликум», где проходил обучение Войтыла, твердо встал на защиту неосхоластики, формы томизма, которая разрабатывалась с середины девятнадцатого века по двадцатый специально как альтернатива современным философским методам. Интеллектуальный климат «Ангеликума» гораздо менее располагал к новациям, чем другие европейские образовательные центры. Но хотя его профессора и не славились оригинальными идеями, они давали своим студентам фундаментальные знания основ церковной теологии. Те, кто подобно Каролю Войтыле окончил «Ангеликум», позднее внесли оригинальный и творческий вклад в теологические исследования — но делали это на основе хорошего владения базовыми теологическими знаниями. Они знали ту традицию, которую позднее стали критиковать и старались усовершенствовать. «Ангеликум» дал те основы, которые было совершенно необходимо освоить, прежде чем пытаться что-либо критиковать.

---

[1] Лиценциат — первая ученая степень в ряде стран Западной Европы и Латинской Америки, присваивается на 3—4-м году обучения.

Самой выдающейся фигурой среди преподавателей «Ангеликума» в те времена, когда Войтыла заканчивал работу над докторской диссертацией, был отец Режинальд Гарригу-Лагранж, признанный знаток традиционной неосхоластики. В конце 40-х, уже после того, как Войтыла завершил свою работу и вернулся в Польшу, Гарригу вступил в яростный теологический спор, который в конечном счете привел к выпуску Папой Пием XII энциклики[1] «Humani Generis» и к его резкой критике некоторых исследовательских работ того времени в области теологии. Однако не стоит считать Гарригу противником традиционных представлений. Отец Гарригу-Лагранж был твердым традиционалистом по вопросам философии и догматической теологии, но он также проявлял большой интерес к мистической традиции и в особенности — учению святого Иоанна Креста. Глубоко обеспокоенный послевоенным положением Церкви, он пытался отыскать новый взгляд на духовность европейских священников — Европы, в которой христианство начало уходить в прошлое. Путь к этому он видел в возрождении мистической традиции, и в этом аспекте Гарригу в какой-то степени можно назвать реформатором. Но взгляды Гарригу не влияли на тот учебный курс, который он читал. Его студенты с большим уважением относились к энциклопедическим знаниям своего учителя. По субботам в полдень он вел семинар, посвященный духовности, на который мог прийти любой студент. Некоторые из священников, обучавшихся в «Ангеликуме», избрали его своим исповедником, а это, возможно, высший комплимент, который один священник может сделать другому.

Отец Гарригу-Лагранж помогал Каролю Войтыле подготовить тезисы его докторской диссертации, в которой исследовалось понимание веры святым Иоанном Креста. Иоанн Креста, мистик из ордена кармелитов, стал первой ниточкой, протянувшейся от почтенного французского доминиканца к молодому польскому священнику. Войтылу также привлекали работы Гарригу по вопросу духовности священников, особенно тем, что в них выдвигалось требование изучения мира. Гарригу и Войтыла, однако, смотрели на святого Иоанна Креста с разных точек зрения. Для

[1] Энциклика — послание Папы ко всем католикам или католическому духовенству по вопросам вероучения, нравственности или общественно-политическим проблемам.

Войтылы, как и для Яна Тырановского, писания этого испанского кармелита были ценны тем, что передавали мистический опыт. Для Гарригу Иоанн Креста был теологом-вольнодумцем, чью доктрину веры следовало примирить с христианской теологией, как ее сформулировал Фома Аквинский. Столкновение мнений породило немало интересных мыслей, которые стали частью диссертации Войтылы, написанной на латыни и озаглавленной «Doctrina de fide apud S. Ioannem a Cruce» [«Доктрина веры согласно святому Иоанну Креста»].

В своей диссертации Войтыла подчеркнул личный характер общения человека с Богом. В этом общении верующий преодолевает границы своего физического существования в такой форме, которая делает его наиболее правдивым и в которой он получает наиболее точное представление о себе. Это взаимодействие с живым Богом доступно не только мистикам. Оно является центральным вопросом жизни каждого христианина. Мистический опыт выявляет важные моменты, дающие знания о дороге к Богу и о природе нашего единения с Богом. Он учит, к примеру, что высшая мудрость, которой мы можем достигнуть, заключается в познании, что нам не дано «объективизировать» наше знание о Боге, поскольку мы не в состоянии прийти к пониманию Бога в той мере, как можем прийти к пониманию какого-либо объекта (дерева, мяча, автомобиля). Напротив, мы можем узнать Бога так, как узнаем другого человека, через взаимное «дарение себя друг другу». Точно так же как два любящих человека приходят к жизни «внутри» друг друга без потери своей индивидуальности, Бог начинает жить внутри нас, когда мы начинаем жить как бы «внутри Бога», без радикальной разницы между Создателем и теми созданиями, которые он потерял[1]. Именно так Войтыла интерпретировал знаменитые слова святого Иоанна Креста, что христианин в своей жизни должен стать «Dios par participation» [«Богом через участие»].

Диссертация Войтылы имела еще три вывода. Первый гласил, что, поскольку Бог не может быть постигнут, как какой-либо объект, существует предел в постижении тайны Бога. Рассудок может постичь бытие Божие, но земной разум не в состоянии знать все атрибуты Бога, о которых говорит Библия. Второй вывод гласил, что единение с Богом достигается через веру. Вера не позволяет «охватить» нашим умом, кем является Бог, поскольку

[1] В результате грехопадения.

это значило бы, что вера является понятием более высокого порядка, чем Бог. Напротив, то, что мы пытаемся постичь Бога посредством веры, учит нас: эта «невоплощаемость» Бога в понятия нашего мира свидетельствует, что существует измерение Бога как «Бога-в-себе». По этой причине мы можем говорить о Боге как о «субъекте» и о нашем личном единении с Богом. Третьим выводом было утверждение, что мистическое единение в отличие от эмоционального «высокого» единения является опытом единения «бытия внутри», в котором в конечном счете преодолевается условность нашего плотского существования.

В диссертации Войтылы также выражено убеждение, что человек в единении с Богом сохраняет личностные, присущие одному ему свойства. Получая опыт глубоко личного единения с Богом, человек должен наслаждаться свободой, поскольку подлинные отношения взаимного самодарения могут быть достигнуты только добровольно. Следствия, которые возникают из этих отношений, не являются чем-то вроде вывода из алгебраических уравнений. Следствия такого рода вырастают из человеческого сердца; они могут быть описаны в принятых у людей понятиях, хотя в конечном счете их язык — это язык молитв. Но тем не менее это самые ценные следствия.

Мистицизм, который использует внутренний, не выражаемый словами личный диалог с Богом, находится не где-то на периферии человеческой цивилизации. Он является главным средством для изучения человеческой личности, и сложность этого процесса единения с бесконечным составляет суть драмы человеческой личности. Мы не можем в полной мере знать других, пока не узнаем их как личностей, призванных к единению с Богом. Идея Бога является частью нашего понимания человеческой личности, и те, кто хочет лишить человека Бога, лишают его самых глубоких и наиболее истинных человеческих черт. Делая подобные заключения, Войтыла определил рубежи, которые он на протяжении сорока лет будет защищать от коммунизма, борясь с ним за душу Польши.

В своем отзыве на диссертацию Гарригу критиковал Войтылу за то, что тот не использовал слова «божественная сущность» [object] Бога. Можно предположить, что в этом вопросе автора диссертации его руководитель убедить не смог. Как бы там ни было, остается фактом, что Войтыла отказался использовать по отношению к Богу слово «объект» [object], даже если оно имело в

словосочетании «божественная сущность» другое значение. И это был не просто вопрос словоупотребления, формулировок, интеллектуальных категорий, которые он исследовал в «Ангеликуме» на протяжении двух лет. Тот томизм, который Кароль изучал в Кракове и «Ангеликуме», и его глубинные философские убеждения, что человеческий разум способен постичь суть вещей посредством надлежащим образом организованного отражения мира, дали ему интеллектуальный фундамент. Но это был всего лишь фундамент. А фундаменты создают для того, чтобы на них что-то строить.

УРОКИ

14 июня 1948 г. отец Кароль Войтыла сдал экзамены на степень доктора, получив при этом высшие оценки. Тезисы его диссертации экзаменаторы оценили восемнадцатью баллами из возможных двадцати. Защита диссертации получила самую высшую оценку — пятьдесят баллов из пятидесяти возможных. Несмотря на эти достижения, отец Войтыла не был удостоен докторской степени, поскольку правила «Ангеликума» требовали, чтобы диссертация была опубликована до присуждения степени. Молодой польский священник денег на публикацию не имел, поэтому по возвращении в Польшу представил диссертацию на факультет теологии Ягеллонского университета. После ее рассмотрения и положительного по ней решения в декабре 1948 г. Войтыле присвоили степень доктора теологии.

Прощание с «Ангеликумом» летом 1948 г. и приезд в Польшу стали завершающей точкой в приготовлениях Кароля Войтылы к той жизни, к которой, как ему казалось, он был предназначен.

Жизненные обстоятельства заставили его рано повзрослеть. Когда-то молодой Войтыла собирался вести христианскую жизнь как простой мирянин, и духовное призвание было осознано им сравнительно поздно, а потому, став священником, он отлично представлял, как живут простые люди. Польский патриот, он, как и его отец, был совершенно чужд ксенофобии. Он знал об особых культурных и интеллектуальных связях между своей страной и всемирной Церковью. Он был уверен, что его находящаяся под тяжким гнетом страна, дважды за шесть лет преданная Западом, в

будущем сможет многое тому же Западу предложить. Он хорошо знал тоталитаризм «изнутри». Как он говорил позднее:

— Мне пришлось пережить то же, что и моим соотечественникам, — унижение в руках зла.

Но тем не менее он нашел дорогу, которая подняла его выше унижения и отчаяния. Эта дорога привела Кароля к алтарю, где он обязался посвятить себя служению людям.

Он был, как вспоминал его исповедник, человеком, «который легко любил». Эта способность любить, как и все полученные им знания, будет теперь подвергнута проверке жизнью приходского священника в Польской Народной Республике.

3

«НАЗЫВАЙТЕ МЕНЯ ВУЕК»

Быть священником

15 июня 1948 — отец Кароль Войтыла возвращается в Польшу после завершения курса обучения в Риме.

28 июля 1948 — Войтыла переезжает в Негович, куда его назначают священником прихода.

26 декабря 1948 — факультет теологии Ягеллонского университета присуждает Войтыле докторскую степень.

6 марта 1949 — Кароль Войтыла публикует свое первое, посвященное французским священникам-рабочим эссе в «Тыгоднике повшехны».

17 марта 1949 — отец Войтыла переводится в церковный приход Святого Флориана в Кракове на должность университетского священника.

Зима 1949–1950 — Войтыла организует курсы для супружеских пар и завершает пьесу «Брат Господа нашего».

7 мая 1950 — поэтический цикл Войтылы «Песнь о блеске воды» публикуется под псевдонимом в «Тыгоднике повшехны».

2 февраля 1951 — начинает создаваться «Родзинка» — «маленькая семья» студентов.

4 мая 1951 — «маленький хор» Войтылы, состоящий из студентов университета, впервые исполняет григорианскую «Missa de Angelis».

Апрель 1952 — отец Кароль Войтыла получает от своих молодых друзей прозвище Вуек [Дядя].

Август — сентябрь 1953 — «Шродовиско» [«окружение»] отца Войтылы в первый раз предпринимает поход в горы и в первый раз совершает поход на байдарках.

Ноябрь 1957 — поэтический цикл Войтылы «Каменоломня» публикуется под псевдонимом в журнале «Знак».

23 марта 1958 — поэтический цикл Войтылы «Профили киринийцев» публикуется под псевдонимом в «Тыгоднике повшехны».

Декабрь 1960 — пьеса Войтылы «Ювелирная лавка» публикуется под псевдонимом в журнале «Знак».

«Назаретские сестры», заведовавшие расположенным на Варшавской улице Кракова общежитием женщин-католичек, всегда запирали общежитие на ночь. Однажды субботним вечером 1952 г., пришедшимся на канун Пасхи, ответственная за жилье сестра открыла дверь, чтобы выпустить пятерых воспитанниц — Дануту Скрабянку, Олу Кобак, Дануту Мотовскую, Ванду Щпак и Эльжбету Яцуньскую — в темноту улицы. Их подруга, Тереза Скавинская, пригласила девушек в Закопане, расположенный к югу от Кракова город в Татрах, чтобы показать поля цветущих диких крокусов. Это незабываемое красочное зрелище могло внести хоть какое-то разнообразие в тусклую серость городской жизни сталинистской Польши.

Предполагалось, что воспитанницы незаметно проскользнут через город на вокзал, где их встретят студенты Краковского политехникума, с которыми девушки познакомились во время своей христианской деятельности. Вместе с университетским священником они должны были отправиться ночным поездом в Закопане, чтобы провести следующий день, любуясь усыпанными крокусами полями. Но когда девушки появились на станции, студентов нигде видно не было. На платформе стоял лишь какой-то молодой человек; они узнали его только тогда, когда он подошел ближе. Это был священник их прихода, которого они впервые увидели в потрепанной старой одежде. Спустя какое-то время наконец прибежал один из молодых людей и сообщил, что остальные не придут. Им перенесли время экзамена, и к нему приходится готовиться.

Девушки оказались в затруднительном положении. Общежитие было заперто, и потому вернуться обратно они не могли. А ночная поездка со священником для пяти незамужних девушек казалась совершенно невозможной. Помимо вопроса о приличиях, мешал этому и введенный коммунистическим режимом порядок, запрещавший священникам работать с группами молодежи. Но когда к перрону подошел поезд, священник просто произнес:

— Входим.

В поезде до Закопане никто не проронил ни слова. Поезд был переполнен. Если бы они обратились к человеку в обычной одежде со словом «отец», это вызвало бы общее удивление и могло заинтересовать шнырявших повсюду работников секретных служб. Прибыв на горный курорт, путешественники первым делом отправились на службу в местную часовенку, а затем прошли к дому Терезы Скавинской, чтобы ее отец, художник, проводил их полюбоваться крокусами.

Зрелище оказалось очень живописным, оправдав все ожидания. Однако, возвращаясь назад, Данута Скрабянская задумалась, как им следует обращаться к священнику на обратном пути, чтобы не выдать или не скомпрометировать его. Собравшись с духом, она высказала свои мысли вслух и смущенно спросила, не согласился бы он временно назваться каким-нибудь вымышленным именем. Священник не колебался ни секунды. Вспомнив самый знаменитый роман трилогии Генрика Сенкевича, отец Кароль Войтыла ответил своим спутницам:

— Зовите меня дядя.

ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА

Кароль Войтыла принял сан и начал служение в исторической обстановке, беспрецедентной даже для столь древнего учреждения, каким была епархия Кракова. В истории епископского престола со времен святого Станислава не было ничего подобного тому, что происходило в сталинский период в послевоенной коммунистической Польше.

Каждый день служителям Церкви приходилось вспоминать насмешливый вопрос Сталина на Потсдамской конференции: «Сколько у Папы дивизий?» Коммунистическому режиму было недостаточно контролировать все стороны политической и экономической жизни Польши. Имелась еще и программа преобразований в области культуры, включавшая внедрение атеистической идеологии и переписывание польской истории заново. Все это немало способствовало усилению националистических чувств среди католиков.

Находясь в Риме, отец Войтыла пропустил хаос, сопровождавший приход к власти коммунистов, прибывших сразу вслед за

наступавшей Красной Армией. Пока новые власти вводили новый порядок по советскому образцу (путем, помимо прочего, ложного обвинения польских патриотов в сотрудничестве с нацистами), польскому народу приходилось возрождать свою страну из руин. За исключением Кракова, в руинах лежали все города[1]. Требовалось разобрать завалы, похоронить десятки тысяч мертвецов, построить заново здания, замостить дороги, восстановить водоснабжение, канализацию, подачу электроэнергии. Произошло грандиозное переселение, поскольку полтора миллиона поляков с территорий предвоенной Польши, оказавшихся в СССР, были переселены на «исконные территории» на западе, с которых выселили множество немцев. Еще 2,2 миллиона поляков вернулись в страну из концентрационных и трудовых лагерей бывшего рейха. В Кельце в 1946 г. произошел еврейский погром, по всей видимости, подстрекавшийся коммунистами. Кроме этого, в лесах и горах на протяжении двух лет шла яростная партизанская война, ведущаяся различными группами сопротивления, отказывавшимися сдаться контролируемому Советами режиму. Вторая мировая война продолжалась в Польше примерно до середины 1947 г. Вскоре после этого были организованы «выборы» в сталинском духе, призванные продемонстрировать поддержку народом нового режима.

К июлю 1948 г., когда Войтыла вернулся в Краков, где он должен был ожидать назначения в приход, в Польше уже наступила некоторая стабильность — хотя и в сталинистском духе. Двадцативосьмилетний священник вернулся туда, «где все еще напряженно ждали утреннего стука в дверь, где тюрьмы были набиты битком и многих узников избивали, где за всеми следила секретная полиция и где Великим Учителем были не Христос или Будда, а одержимый манией величия сын грузинского сапожника, уничтоживший миллионы людей». Именно таким был тот мир, в котором отец Кароль Войтыла начинал свою священническую службу.

И именно в этом мире Церковь более тридцати лет оказывала сопротивление. Борьбой руководил бывший священник-подпольщик Стефан Вышиньский, действовавший в годы войны под псев-

---

[1] Разрушение польских городов осуществлялось по плану уничтожения центров славянской культуры. Взрывы в Кракове были предотвращены советской разведгруппой, чья история легла в основу фильма «Майор «Вихрь».

донимом Сестра Цецилия. Отец Вышыньский вернулся в семинарию во Влоцлавеке в 1945 г. в надежде продолжить карьеру преподавателя, однако папский престол имел на него другие планы. В марте 1946 г. Папа Пий XII назначил Вышыньского епископом Люблинским. Он покинул семинарию во Влоцлавеке в тот самый день, когда пятеро его коллег-священников вернулись из Дахау. В епископский сан он был посвящен в монастыре на Ясной Гуре в Ченстохове 12 мая 1946 г. Но его пребывание в Люблине оказалось недолгим. Через два года, 12 ноября 1948 г., Пий XII назначил епископа Вышыньского, которому в то время исполнилось сорок семь лет, архиепископом Гнезнинским и Варшавским и Примасом Польши.

Новый Примас первым делом внимательно изучил положение, в котором находилась Польская Церковь, и ее отношения с паствой. Во время Второй мировой войны, считал он, Польская Церковь показала, что она знает, что такое страдания и смерть. Теперь ей предстояло убедить паству, что она знает, как следует жить. Потери, понесенные Церковью во время оккупации, означали, что она не способна выстоять в прямой конфронтации с новыми коммунистическими властями. Столкновение было неизбежным, но противоборство следовало вести искусно, в твердой уверенности, что Церковь, а не партия, является истинным защитником польского национального духа. Но первостепенной своей задачей Вышыньский считал восстановление церковной организации и духовное обновление страны в целом, в котором большую надежду он возлагал на традиционный для Польши культ Девы Марии. У Вышыньского вызывало сомнение, что интеллектуалы — особенно те, кто находился под воздействием западноевропейской интеллектуальной мысли, — могут оказать существенный вклад в это духовное обновление. Но при всей своей подозрительности к людям, живущим в мире абстрактных теорий, Вышыньский, детально изучивший и долгое время пропагандировавший католическую социальную доктрину, являлся выдающимся социальным и экономическим реформатором. К тому же он был польским патриотом; его глубокие исторические исследования имели целью воспрепятствовать поглощению своей страны гигантским соседом на востоке.

Польский католицизм к концу 1940-х имел почти тысячелетнюю национальную и религиозную историю. Церковь прекрасно знала преходящую природу всех политических режимов. А в конце 1940-х в ней к тому же стало расти осознание того, что ее

мировоззренческие противники — Гитлер и Сталин — сами способствовали упрочению позиций Церкви. Жертвы и героизм духовенства во время нацистской оккупации придали Церкви авторитет в глазах общества. «Передвинув» Польшу на запад на карте Европы, Сталин тем самым создал самое польское и самое католическое государство за всю польскую историю. В первые же годы коммунистического режима Церковь и ее лидеры пришли к пониманию, что самой насущной целью является сохранение самой Церкви и оживление ее деятельности, сопротивление попыткам коммунистических властей вмешиваться в церковную жизнь в тех формах, которые не были бы официально одобрены обеими сторонами. Решительный же вызов режиму должен быть отложен на более поздний срок.

Все это, как считал отец Кароль Войтыла, требовало новой системы отношений между польским католическим духовенством и мирянами. Польские священники должны были выполнять определенные обязанности перед Церковью, но Церковь сама по себе не должна была быть их исключительным предназначением. Для того чтобы сохраниться, ожить, утвердить себя как независимая сила в новой Польше, Церковь должна была доказать, что благочестие и профессиональный долг священников нужны им не для самих себя, а для верующих.

СЕЛЬСКИЙ ВИКАРИЙ

Первым назначением Войтылы стал в 1948 г. пост викария (второго священника прихода) в костеле Успения Девы Марии в Неговиче, деревне у подножия Карпат, расположенной в пятнадцати милях на восток от Кракова, по дороге мимо соляной шахты в Величке. Хотя кардинал Сапега обычно всегда посылал вернувшихся после учебы священников в небольшие приходы, чтобы дать им возможность немедленно погрузиться в работу, похоже на то, что выбор Неговича был не случаен; кардинал Сапега очень уважал ксендза Казимежа Бузалу. Возможно также, что князь-кардинал думал подкормить на деревенской пище свежеиспеченного доктора теологии, который в Риме совсем исхудал.

Так или иначе, но отец Войтыла отправился к месту назначения. Доехав до Гдува на автобусе, он на тряской телеге добрался до деревни Маршовице, а там возница показал ему короткую до-

рогу в Негович через поля. Наступало время жатвы, и новый викарий «брел по полям, на которых урожай был наполовину сжат, наполовину все еще колыхался под ветром». Дойдя до прихода, Войтыла встал на колени и поцеловал землю — об этом обычае он вычитал из книг про кюре из Арса. Посетив деревянный костел и поклонившись его святыням, отец Войтыла вошел в здание церковного прихода и представился ксендзу. Ксендз дружески приветствовал Кароля и показал ему предназначавшиеся для него апартаменты.

По сравнению с ними спартанская обстановка Бельгийского коллежа казалась почти роскошью. В деревне не было ни электричества, ни водопровода, ни канализации. Недавнее наводнение нанесло серьезный ущерб окружающим полям и дорогам. Между лип бродили коровы и куры. Отец Войтыла распаковал свои небогатые пожитки, познакомился с другим помощником ксендза, отцом Казимежем Киубой, и приступил к работе.

Главной его обязанностью стало религиозное образование. Путешествуя на телеге по пяти близлежащим сельским школам, он преподавал Слово Божие детям, которые по возрасту должны были посещать начальную школу. Его бывшие прихожане обычно вспоминают Кароля Войтылу читающим книги в телеге по дороге на очередной урок. Ученики в деревенских школах ему попадались разные. Как он писал позднее, «некоторые вели себя хорошо и не шумели, другие были очень живыми». Но принимали его неизменно доброжелательно, и то, что люди в страду предлагали священнику гужевой транспорт, красноречиво свидетельствует об отношении крестьян к религиозному образованию своих детей. Симпатию небогатых прихожан вызвало и то, что новый викарий прибыл почти без пожитков. Во время Рождества Кароль пробирался сквозь сугробы от дома к дому, чтобы распевать рождественские гимны, облаченный в сутану и изрядно потрепанное пальто.

Отец Войтыла еще в Арсе дал себе зарок не ограничиваться проведением служб, а добиваться того, чтобы к нему шли исповедоваться. Именно в исповеди, говорил он приехавшему к нему Мечиславу Малиньскому, священник и мирянин достигают глубин своего человеколюбия. Во время исповеди священник может помочь человеку за ширмой более глубоко постичь христианский смысл его неповторимой жизни. Священник, не выслушивающий исповеди, — это что-то вроде канцелярского служащего или бюрократа. (Вскоре после прибытия в Негович молодого викария

попросили рассказать группе местных священников о том, что он видел во Франции и Бельгии. Отец Войтыла опоздал, поскольку задержался на исповеди. Священники по возрасту старше Войтылы были недовольны этой непунктуальностью. Но их настроение быстро переменилось, когда Войтыла раздал им продукты, которые вручили ему прихожане. Продукты были обычной платой за службы.)

Скоро все убедились в милосердии нового викария. Решив жить скромно, отец Войтыла отдавал все, в чем сам не нуждался. Когда одна пожилая женщина пожаловалась на то, что ее ограбили, он отдал ей подушку и одеяло, которые только что подарили ему прихожане, несмотря на недовольство последних. Сам же отец Войтыла продолжал спать на незастеленной кровати.

Неговичские прихожане вскоре убедились, что новый помощник их ксендза — человек большого размаха. Весной, когда прихожане принялись обсуждать, как следует отметить пятидесятилетнюю годовщину посвящения отца Бузала в духовный сан, самые смелые высказывали мысль покрасить ограду вокруг костела, убрать мусор в округе и тому подобное. Отец Войтыла же заметил, что самым лучшим подарком для ксендза стала бы постройка нового костела; прихожане могли бы собрать деньги на материалы и воздвигнуть костел общими усилиями. Ошеломленные поначалу предложением, прихожане в конце концов согласились. Этот кирпичный костел сохранился до сегодняшнего дня — первая из церквей, что были построены по инициативе Кароля Войтылы.

Молодой викарий также стал проводить венчания и крестины. За несколько месяцев своей службы в Неговиче он обвенчал тринадцать пар и окрестил сорок восемь человек. Хотя неговичские жители были простыми крестьянами, новый священник не допускал по отношению к ним никакого высокомерия. Он создал театральный клуб и поставил в нем пьесу «Долгожданный гость», где сам сыграл главную роль бродяги, который оказывается Христом. Верный памяти Яна Тырановского, он организовал в своем приходе группу «Живого розария», уделяя много времени воспитанию в этой группе хороших лидеров. Однако на дворе был сорок восьмой год, и не все удавалось так просто. Работа викария с молодежью, включая песнопения в поле, создание дискуссионных групп, участие священника в спортивных мероприятиях, привлекла внимание местных коммунистических ищеек. Когда они попытались запугать одного из молодых прихожан, Войтыла по-

советовал ему ничего не бояться — «они рано или поздно отвяжутся».

Негович, как впоследствии вспоминал Кароль, был «удивительной общиной», но пост сельского священника был не той должностью, на которую кардинал Сапега столь долго готовил отца Войтылу. В марте 1949 г., через восемь месяцев после своего прибытия, викарий Неговича был переведен в Краков, в приход Святого Флориана. Этот приход был совершенно иным. Именно здесь Кароль Войтыла разработает свои методы работы и завяжет дружеские связи, которые не прервутся на протяжении более полувека.

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ СВЯЩЕННИК

Костел Святого Флориана был расположен в пяти минутах ходьбы от краковского Старого города. Путь к нему проходил мимо Флоряньских ворот — сооружения XIII в., представляющего собой навесную башню со 130 бойницами (последний остаток городских укреплений), и площади Яна Матейки, где располагалась Краковская академия гуманитарных и математических наук. Любой приехавший в город в 1949 г. сразу замечал, что исчез величественный монумент, посвященный победе короля Владислава Ягелло над тевтонскими рыцарями, воздвигнутый в 1910 г. на средства пианиста, композитора и большого патриота своей страны Игнация Яна Падеревского. Нацисты, которых оскорбляла сама мысль, что славяне могли победить немцев, во время оккупации разрушили этот монумент. В ста ярдах — или около того — за местом бывшего памятника располагался костел Святого Флориана. Это большое здание в стиле барокко было возведено дворянской семьей Потоцких. Костел сильно пострадал во время войны, но сразу же после окончания военных действий его восстановили.

В сорок девятом этот церковный приход был одним из самых оживленных в городе. Сюда приходили преуспевающие горожане и ведущие представители краковской католической интеллигенции. Среди тех, с кем предстояло работать отцу Войтыле, были священник, монсеньор[1] Тадеуш Куровский, и три его помощни-

[1] Титул представителя католического духовенства.

ка, отцы Чеслав Обтулович, Юзеф Розвадовский и Мариан Яворский, который вскоре стал для новоприбывшего близким другом.

Войтыла прибыл в костел Святого Флориана во времена, когда коммунистический режим пытался установить контроль над Церковью. В 1947 г. коммунисты создали движение «Мир», чтобы объединить в едином блоке католических священников, лояльных государству. В августе 1949 г. правительство приняло постановление, посвященное охране свободы совести, однако на самом деле контроль над деятельностью Церкви лишь усилился. В следующем году католические школы, движение за социальные реформы «Католическое действие» и многие другие католические организации были объявлены вне закона, и государство забрало себе несколько сотен католических образовательных и благотворительных учреждений.

В апреле 1950 г. Церковь подписала с властями соглашение, состоящее из девятнадцати пунктов. В Риме его восприняли с сожалением, считая, что были сделаны слишком большие уступки. Подписанный документ признавал верховенство Папы в ведении церковных дел — таких, как назначение епископов и разрешение массовых церковных мероприятий (к примеру, паломничества) за пределами церковных зданий. Разрешались и монашеские ордена, хотя коммунистические власти пошли на это с крайней неохотой. Церковь получила право проводить уроки Слова Божьего в школах, иметь свои часовни в больницах и тюрьмах, издавать независимые журналы, назначать приходских священников и определять состав учащихся семинарии. Сохранялся Католический университет в Люблине — единственное подобного рода учреждение во всем советском блоке. В обязанности Церкви вменялось побуждать паству участвовать в социалистических преобразованиях и выступать против «враждебной Польской Народной Республике деятельности». Как оказалось, это соглашение просуществовало недолго. Но пока оно длилось, Церковь получила возможность передохнуть и обрести опору, с помощью которой она впоследствии смогла вступить в противоборство с властями.

Этой опорой станет и новое поколение поляков. А пока кардинал Сапега предпринимал решительные действия для поддержки католических священников в Ягеллонском университете. Священники традиционно проводили службы в университетском костеле Святой Анны, расположенном на расстоянии броска камня

от «Коллегиум Маиуса» на краковской Старой площади. Отец Ян Петрашко из костела Святой Анны оказался на редкость искусным в привлечении в свою церковь студентов и представителей краковской интеллигенции — столь искусным, что количество священников требовалось увеличивать. Принимая это во внимание, князь-кардинал назначил отца Войтылу в костел Святого Флориана, который был вторым по числу прихожан-студентов — как Ягеллонского университета, так и Краковского политехникума, а также Академии изобразительных искусств и других высших учебных заведений, создававшихся в это время. Войтыла, который уже взял в обыкновение работать по шестнадцать — восемнадцать часов в день, энергично принялся за эту непростую работу. Довольно скоро у него появились свои прихожане, которых привлекала, как выразился один из них, «естественность» нового священника, что выгодно отличало его от запуганных режимом преподавателей университетов и отчужденных от паствы, замкнутых на церковных делах священников, которых они знали прежде.

Во время работы в костеле Святого Флориана отец Войтыла стал инициатором целой серии нововведений в проведении служб, в организации церковной жизни, а также культурных и интеллектуальных мероприятий. Они значительно изменили характер служб студенческих церквей Краковского архиепископства. Однако все это происходило в то время, когда просталински настроенные правители Польши начали пункт за пунктом нарушать подписанное прежде соглашение, пытаясь переписать заново польскую историю и изменить саму польскую культуру.

С учетом идеологического климата в университетах и проводимого властями в жизнь воинствующего атеизма существенно важным в борьбе за студенчество было привлечь его интеллектуально. Войтыла, который сразу начал посещать студенческие общежития и столовые, быстро установил множество контактов, что позволило ему организовать проводимые по четвергам конференции по двум основным темам — «Существование Бога» и «Духовный характер человеческой личности». На этих конференциях осуществлялось систематическое, шаг за шагом, изучение христианской доктрины. Целью изучения было не заучивание строк из катехизиса, которые противоречили положениям коммунистической пропаганды; отец Войтыла стремился показать, что именно Церковь, Евангелие дают более глубокие ответы на вечные вопросы человеческого бытия, чем те ответы, что можно услы-

шать от проводников официальной государственной идеологии. Другими словами, не говоря об этом прямо, Войтыла противопоставил марксизму христианский гуманизм. Тексты его лекций, написанные очень сжато, почти конспективно, тайно перепечатывались, размножались на ротаторе и нелегально распространялись. Помимо этих лекций, Войтыла создал учебную группу, в которой читал «Summa Theologiae»[1] святого Фомы Аквинского на латыни — языке оригинала.

И проповеди нового священника вызвали интерес не только среди студентов, но и среди краковской интеллигенции. Яцек Возняковский, видный историк искусства, вынужденный в те времена вести противоборство с коммунистами, препятствовавшими получению им степени доктора, вспоминал первые проповеди Войтылы как несколько перегруженные философией. Но молодой священник охотно слушал критику и скоро перешел на более доступный язык. Возняковский считал Кароля Войтылу, с которым дружба связала его на многие годы, очень интеллигентным человеком, легко понимающим, чего от него ожидают, и гибко меняющимся в соответствии с этими ожиданиями. Другим дружественно настроенным критиком стала графиня Потоцкая, чья семья помогла воздвигнуть костел Святого Флориана. Послушав проповеди, она дала молодому священнику совет: во время его выступлений слушатели должны выражать свое мнение, задавать вопросы и даже критиковать. Отец Войтыла взял этот совет на вооружение.

На Марию Свежавскую, супругу философа Стефана Свежавского и племянницу князя-кардинала, богослужения Войтылы оказали столь сильное впечатление, что она попросила его преподавать катехизис двоим своим дочерям и стать их исповедником. Отец Войтыла стал заходить в дом Свежавских. Для священников того времени подобные уроки были обычным делом. Он «никогда» не приходил вовремя, как вспоминала впоследствии пани Свежавская, но она прощала его из-за на редкость глубоких бесед, которые он проводил в своем приходе. Именно такой формы постижения католицизма — через интеллект — она желала для своих дочерей. Стремление дать детям хорошее религиозное образование возникло у пани Свежавской не в последнюю очередь из-за засилья в общественной жизни Польши коммунистической пропаганды. Так что пани мирилась с тем, что урок, за-

[1] «Сумма теологии» (*лат.*).

планированный на восемь вечера, начинался в половине одиннадцатого.

Ежи Янек, только что получивший степень доктора физических наук, был еще одним интеллектуалом, который стал другом Войтылы, сначала заинтересовавшись его проповедями. Побывав на нескольких проповедях, Ежи после одной из них подошел к Войтыле и пригласил на лыжную прогулку, чтобы познакомиться поближе. Войтыла принял предложение, и с этого времени начались их затянувшиеся на полвека споры по проблемам физики, химии, астрономии и прочих точных наук.

Освоившись в костеле Святого Флориана, Войтыла начал расширять круг знакомств, не ограничиваясь рамками своего прихода и обществом университетских священников. София Морстинова, которую Яцек Возняковский вспоминал как «предельно откровенную, фанатичную пожилую женщину», была хозяйкой литературного салона, в котором критика никогда не воспринималась как личное оскорбление. Она пригласила отца Кароля Войтылу на один из своих вечеров. Войтыла прибыл в сутане и, казалось, чувствовал себя в незнакомом обществе неловко. Но он произвел на всех благоприятное впечатление, рассказывая о поездке во Францию с присущим ему сочетанием застенчивости и интеллигентности.

Еще во время учебы отец Кароль Войтыла жадно впитывал новые идеи относительно ритуала церковной службы; сейчас же в костеле Святого Флориана он получил возможность воплотить их в жизнь. Он создал группу для обсуждения работ австрийского теолога Пия Парша, разъяснявшего богатый по значению смысл церковного ритуала тем католикам, которые считали его слишком оторванным от нужд сегодняшнего дня. В те времена, когда традиции церковного песнопения сохранялись главным образом в монастырях, Войтыла начал организовывать церковный хор и принялся учить хористов григорианскому пению, чтобы они могли исполнять песнопения, используемые во время церковных богослужений. Он предложил своим ученикам пользоваться на службах католическими служебниками, чтобы присутствие на мессах было более осмысленным. Войтыла начал проводить службы с «диалогами», и его ученики отвечали на вопросы, на которые обычно отвечают мальчики, прислуживающие при алтаре. Памятуя о времени и месте, когда Войтыла применял нововведения по вовлечению мирян в ритуал церковной службы, его начинания можно считать очень смелыми.

Вотыйле на его поприще пригодился и театральный опыт. Во время Великого поста он поставил в своей церкви цикл средневековых мистерий на библейские темы. Актерами были молодые прихожане и студенты университета. Выступая режиссером-постановщиком пьес, Войтыла познакомился с молодыми людьми — Петром Малецким и Данутой Плебаньчик, которые стали его друзьями на всю жизнь. Он возобновил связи с «Театром восторга», стал посещать его спектакли — благо, что театр находился неподалеку от прихода, — участвовал в проводимых после спектаклей дискуссиях. Доводилось ему и благословлять своих бывших коллег, когда они венчались, и проводить мессы во время годовщин театра. Когда «Театр восторга» в 1950 г. перебрался в новое здание, власти не допустили официального освящения театра. Отец Войтыла все же провел неофициальную службу, вознося безмолвную молитву, пока памятные документы торжественно закладывались в основание нового здания.

Возможно, самые большие разногласия между коммунистическим режимом и Церковью заключались во взглядах на семейную жизнь, поскольку коммунисты понимали, что мужчины и женщины, преданные своей семье, представляют угрозу коммунистическому обществу. Свободное время, распорядок рабочего дня и часы обучения в школе были организованы таким образом, чтобы максимально отделять родителей от детей. В малогабаритных квартирах могли разместиться только маленькие семьи, так что завести много детей было проблемой[1]. Работа была организована в четыре смены, чтобы члены семьи реже виделись. Рабочий день начинался в 6 или 7 часов утра, чтобы детей, не достигших школьного возраста, приходилось отводить в принадлежащие государству детские сады и ясли. Как средство контроля за рождаемостью были разрешены аборты.

Хотя силы были неравны, отец Войтыла и его коллеги — священники костела Святого Флориана решили использовать возможности церковного прихода для того, чтобы противостоять давлению государственной машины. К примеру, семинары для мальчиков, прислуживавших при алтаре, всегда проходили в присутствии родителей. Таким образом семьи могли проводить время совместно. Это позволяло работать с молодыми прихожанами

[1] В Польше периода социализма были самые многочисленные семьи в Европе, ныне рождаемость резко упала.

без риска быть обвиненными в создании не одобренных официальными властями католических молодежных групп. Войтыла не просто старался приспособить традиционные структуры к новым обстоятельствам — он шел много дальше. Угроза христианскому укладу семейной жизни со стороны режима не имела аналогов, потому требовались и не имеющие аналогов инициативы церкви.

В 1950 г. в костеле Святого Флориана Войтыла начал воплощать в жизнь первую в истории Краковского архиепископства программу подготовки пар к вступлению в брак. В те дни католическая пара встречалась со священником перед бракосочетанием только для того, чтобы обсудить саму церемонию и пройти необходимые формальности. Войтыла создал целую программу, которая готовила молодые пары к бракосочетанию по христианскому обряду и семейной жизни, прививая им религиозное мировоззрение, давая теологическое образование, откровенно объясняя трудности, которые возникают в семейной жизни и воспитании детей, и подсказывая способы преодоления этих трудностей. В 1951 г. князь-кардинал, помимо прочих обязанностей, добавил Каролю Войтыле должность священника в часовне для работников городского здравоохранения. Войтыла воспользовался случаем, чтобы привлечь докторов и сиделок к участию в его семейной программе. Сейчас в таком предложении нет ничего удивительного, для тех же времен это был смелый шаг.

В работе с молодыми парами отец Войтыла не стеснялся затрагивать проблемы, которые, казалось бы, не должны занимать священника. На одном из занятий он обычно говорил семейным парам: «Сексуальная энергия является даром Божиим. Человек может посвятить свою энергию исключительно Богу, приняв обет безбрачия. Он может предложить ее другому человеческому существу, зная, что предлагает ее *личности*. Не следует изменять своим избранникам. Кроме того, необходимо помнить, что находящееся рядом человеческое существо надо любить, нельзя причинять ему вред. Только личность может любить личность. Любить — это значит беспокоиться о другом, жертвуя собой ради блага другого. Результатом такой самоотдачи становится новая жизнь. В этом смысле любовь и желание неразделимы. Если мы будем уважать желание, вызванное любовью, в любви не будет насилия...»

За двадцать восемь месяцев работы в костеле Святого Флориана отец Кароль Войтыла благословил 160 новобрачных — в среднем он благословлял одну пару в неделю. Его долгие беседы со

вступающими в брак людьми оставляли неизгладимое впечатление. Похоже, что «молодые люди всегда ищут в любви красоты». Может, жизнь оборачивается иначе, но «в глубине своего сердца люди все еще желают красивой и чистой любви». Университетский священник во время своего пребывания в костеле Святого Флориана «учил любить человеческой любовью», как писал Кароль Войтыла сорок лет спустя.

Наиболее долгосрочным результатом работы в костеле Святого Флориана для Кароля Войтылы стала дружба, которую он завязал с молодыми мирянами. Она основывалась на общих личных, духовных и интеллектуальных интересах и часто длилась более полувека. Именно эта дружба являлась главным в его стиле работы.

«ШРОДОВИСКО»

Папы — предшественники Иоанна Павла II, вспоминая о годах, которые сформировали их как священнослужителей, обычно вспоминают учебу в академии, труднодоступную школу в Риме для церковных дипломатов или же свои первые опыты работы в качестве преподавателей семинарии. Но Папа Иоанн Павел II буквально в каждом рассказе о начале своей карьеры подчеркивает важность времени, проведенного в «моем "Шродовиско"».

Словом «Шродовиско» Войтыла начал пользоваться в 60-х. Так называлась группа, объединявшая примерно 200 мужчин и женщин. В этой группе было много семейных пар, которые приходили даже со своими внуками. Она начала формироваться в то время, когда Войтыла еще работал в костеле Святого Флориана. Слово «шродовиско» точно перевести нелегко. Буквально оно означает «среда», но Иоанн Павел II предпочитает более «душевный» вариант — «окружение». В любом случае, независимо от перевода, «Шродовиско» означало сеть из нескольких групп молодых людей, а также семейных пар, с которыми работал отец Войтыла. Все началось с молодежной группы, которая называла себя «Родзинка», что переводится как «маленькая семья». Другая группа назвала себя «Пачка». Когда появилось название «Шродовиско», это было уже сообщество групп, ведущих интеллектуальные беседы. Молодежь и люди постарше во время отпусков предпринимали совместные путешествия. Именно работа в этой основанной на дружбе группе, название которой перевести так

сложно, сыграла решающую роль в формировании тех идей, которые впоследствии немало помогут Каролю Войтыле в его служении, сделают его епископом и в конечном счете Папой.

«Родзинка», «маленькая семья», ставшая первым звеном будущего «Шродовиско», возникла вечером 2 февраля 1951 г. Это было Сретение, праздник Входа Младенца Иисуса в Храм. По польскому обычаю это последний день, когда исполняются рождественские песнопения. Данута Скрабянская, студентка литературного факультета, жила в женском общежитии, которым заведовали «Назаретские сестры». Общежитие было расположено всего в одном квартале от костела Святого Флориана. Данута и ее друзья и раньше видели «молодого, бедно одетого, набожного священника», которому, как оказалось, поручили в этой церкви работу со студентами. Он предложил девушкам принять участие в создании церковного хора, и они согласились поговорить об этом. Взбираясь по каменной лестнице из двадцати трех ступенек вверх на хоры костела Святого Флориана, они сначала увидели пару стоптанных ботинок, затем потертую сутану и лишь потом лицо молодого священника, который радостно поздоровался с каждой из них, а затем запел рождественский гимн. Когда они закончили пение рождественских гимнов, священник попросил их остаться и с увлечением стал рассказывать о григорианском пении. Потом он пригласил девушек на свою шестичасовую утреннюю мессу, что должна была состояться в следующую среду. Они пришли на мессу, чтобы на ней петь, и в этом им помогли молодые люди из близлежащего Краковского политехникума, которых молодой священник также пригласил для участия в хоре. В эпоху сталинизма приходилось быть осторожным во всем. Молодые люди не спрашивали друг у друга фамилий, поначалу они не знали и имени священника. Между собой они называли его Садок — по имени таинственного героя двух романов Владислава Грабского «В тени церкви» и «Исповедальня». Герой романов ищет Бога, а во второй книге решает принять сан.

Скоро хор стал постоянным участником служб в костеле Святого Флориана, а 4 мая 1951 г. — праздничный день для церковного прихода — впервые была исполнена григорианская «Missa de Angelis». Хор пел по средам утром, а по четвергам в восемь часов вечера участники хора приходили в костел на конференции, на которых шло обсуждение столь глубоких философских проблем, что студенты захватывали с собой словари, чтобы справиться о значении того или иного термина. Но, несмотря на все

трудности, они регулярно продолжали посещать конференции. Общение с Садоком было столь интересным, что они не хотели терять с ним контакт.

Через некоторое время эта группа молодых людей, насчитывавшая чуть меньше двадцати человек, стала проводить встречи не только в церкви, но и на квартирах (где они наконец узнали имена друг друга). Желая претворить свои убеждения в жизнь, они начали посещать слепых и больных, не получавших государственной помощи. Но главным, что связывало этих людей, были молитвы, особенно молитвы, исполняемые во время литургии. Отец Войтыла старался не слишком сильно занимать своих подопечных пением в церкви и позволял им не присутствовать, когда его певчим требовалось отметить какую-нибудь особую дату своей жизни. В дни именин (согласно польскому обычаю верующие празднуют их вместо дня рождения) он служил мессу для каждого из них, а также принимал участие в домашних празднованиях. Как и студенты всего мира, студенты его прихода боялись экзаменов. Отец Войтыла проводил с ними мессу в утро перед экзаменом, а вечером присоединялся к празднованию по случаю успешной сдачи. Скоро между студентами, которые называли свою группу «Родзинка», начали завязываться дружеские отношения.

Число последователей обаятельного отца Войтылы быстро росло. Многие стали приводить своих родственников. Отец Войтыла сам предлагал приводить новых людей, особенно молодежь, которая, как он считал, нуждалась в друзьях. Дружеская атмосфера, откровенность, с которой проводились дискуссии, являли разительный контраст с атмосферой университета и политехникума, где никто не мог говорить свободно из-за страха, что на него донесут. Помимо этого, участие в жизни «Родзинки» было альтернативой духовной пустоте коммунистического общества. После поездки на поля цветущих крокусов близ Закопане на пасхальной неделе 1952 г. молодые люди стали называть Войтылу Вуек, «дядя» — что-то вроде подпольной клички эпохи сталинизма.

В прежние времена задачей священника было проведение церковных служб для студентов. Войтыла расширил круг своего служения, сделав студентов не только непосредственными участниками церковного ритуала, но и помогая им в различных житейских ситуациях Войтыла считал, что священник не должен ограничивать себя богослужениями и выслушиванием исповедей. По его мнению, священник должен также принимать непосредственное участие в жизни молодых прихожан.

«Родзинка» и другие молодежные группы, которые возглавлял Войтыла, фактически являлись подпольными. Это было что-то вроде движения Сопротивления, создававшего островки свободы в море тоталитаризма. Молодые люди из группы Вуека не считали себя героями Сопротивления, но то чувство свободы, которым заражались они и их друзья, изменяло всю их жизнь. Дануте Скрабянской начальство не разрешило проводить исследования, которые дали бы ей возможность претендовать на степень магистра, только потому, что она жила в общежитии, руководимом монахинями. Когда власти объявили общежитие своей собственностью и попытались изгнать монахинь, Данута и ее друг по совету Войтылы отправились в Варшаву просить, чтобы сестер не изгоняли. Этот смелый поступок мог стоить Дануте звания бакалавра. Когда Станислав Рыбицкий, еще один студент, не получил разрешения продолжать учебу из-за своей веры, он пришел к Войтыле, и тот сказал:

— Знаешь, если кто-то любит науку, наука придет к нему.

Один из членов «Шродовиско» говорил:

— Мы могли жить более свободно потому, что были внутренне свободны.

Осенью 1951 г. Войтыла должен был закончить приготовления к получению второй докторской степени, а потому был переведен из костела Святого Флориана в принадлежащее Церкви здание на Канонича, 21, расположенное в Старом городе. Но его группа, которая вскоре получит название «Шродовиско», продолжала расширяться. Многие давние члены «Родзинки» помогали Войтыле в службах в костеле Святой Катерины в Казимеже. Он стал проводить их после переезда на улицу Канонича ежедневно в шесть утра. Но связь с костелом Святого Флориана не прерывалась. По первым пятницам каждого месяца Вуек служил там мессу для студентов, а участников «Родзинки» или своего «маленького хора» брал на загородные экскурсии.

Поскольку студенты, которых Вуек впервые встретил в костеле Святого Флориана, уже завершали образование и начинали профессиональную жизнь, интеллектуальные споры в возглавляемых Войтылой группах усилились. Вокруг Ежи Янека возникла группа физиков; благодаря им Войтыла получал представление о состоянии точных наук. Вместе с тем и Янека обогащало общение с Войтылой — его очень заинтересовали «метод постижения мудрости», который ему не преподавали,

философия, а особенно метафизика[1] «когда человек мог говорить связно и последовательно обо всем», от лыжных палок, что они несли с собой, до Бога.

На одной из состоявшихся в 1953 г. лыжных прогулок, а затем на экскурсии, совершенной в этом же году во время летнего отпуска, они решили перенести свою дискуссию в широкую аудиторию. Янек обратился к знакомым ученым, и они начали регулярно встречаться с Войтылой. Первым их совместным проектом стало чтение Фомы Аквинского и обсуждение его взглядов на природу применительно к тому, чем ученые ежедневно занимались в своих лабораториях и студенческих аудиториях. Войтыла, формально не имевший высшего образования, тем не менее обладал, как выразился Янек, «природным даром понимать физику» и был способен «переводить» научные идеи на свой собственный философский лексикон. Физики проявили большой интерес к предложенной Войтылой методике проведения дискуссий, но Войтыла имел что предложить людям и с куда более практическим складом ума. Вторая созданная им группа состояла по преимуществу из инженеров. Помощь в ее создании оказали Станислав Рыбицкий, один из первых членов «Родзинки», и молодой человек по имени Ежи Цесельский.

Молодежь интересовали не только научные дискуссии, и скоро в «Родзинке», которая все увеличивала число своих членов, чтобы чуть позднее превратиться в «Шродовиско», начались свадьбы. Шестеро первых членов «Родзинки» вступили в брак. Войтыла сам проводил венчание, предложив парам перед этим провести какое-то время в уединении для размышлений и молитв. Однако он не стеснялся высказать свое сомнение, если считал желание вступить в брак поспешным. Когда Тереза Миенсович сообщила Вуеку, что желает вступить в брак с Петром Малецким (первый прислуживавший Войтыле мальчик при алтаре, затем участник его пьесы-«мистерии», а позднее — физик-исследователь, называвший себя «enfant terrible «Шродовиско»), Войтыла возразил: не рано ли ей, в двадцать лет, вступать в брак? Они обсудили это, и Тереза сумела его убедить.

Любовь для Кароля Войтылы была одной из самых глубинных, истинных черт человеческой натуры — но только такая любовь, которая означает самоотдачу, а не самоутверждение. В декабре 1950 г. он пишет об этом члену «Шродовиско» Терезе Гейдель:

---

[1] Философское учение о сверхчувственных (недоступных опыту) принципах бытия.

Дорогая Тереза.

Люди думают, Вуек хотел бы, чтобы все переженились. Но по-моему, это ложное впечатление. Моя самая главная задача не в этом. Каждый... живет в конечном счете для любви. Подлинная способность любить достигается не интеллектом, она принадлежит к глубинной природе человеческой личности. Не случайно главнейшей заповедью является — возлюби. Истинная любовь заставляет нас выходить за пределы личных стремлений, поддерживать других, посвящать себя какому-нибудь человеку, народу и, в первую очередь, Богу. Супружество имеет смысл... если оно предоставляет человеку возможность для такого рода любви, если оно вызывает способность и необходимость любить именно так, если оно вытаскивает человека из оболочки индивидуализма (в его самых разных проявлениях) и эгоцентризма. Недостаточно просто хотеть принять такую любовь. Надо знать, как ее дать, и поэтому часто человек еще не готов ее получить. Чтобы она стала истинной, любви надо помогать — и много раз...

Вуек.

Через месяц в новом письме Терезе Гейдель Войтыла продолжает свои «размышления вслух» о природе любви.

Дорогая Тереза.

Перед тем как уехать в Варшаву, я должен сказать тебе несколько вещей (чтобы обдумать их с тобой вместе). 1) Я не хочу, чтобы ты думала, что жизнь заставляет меня расставаться со стремлением к тому, что лучше, более полно и зрело, и направляет к тому, что не так хорошо, не так зрело, не так привлекательно. Я убежден, жизнь является постоянным стремлением к тому, что лучше, совершенней, — если нет застоя *внутри* нас. 2) В результате долгого опыта и долгих размышлений я пришел к убеждению, что (объективной) начальной точкой любви является понимание, что во мне нуждается какой-то другой человек. Человек, который *объективно* нуждается во мне, для меня, *объективно,* является человеком, в ком больше всего нуждаюсь я. Это — одно из проявлений глубокой жизненной логики, а также — веры в Создателя и Провидение. 3) Системы ценностей у всех людей свои, и они выступают в разных конфигурациях. Очень важно *увидеть* те ценности, которых не видят другие, и *поддержать* их. Но еще большим достижением является способность помочь человеку *проявить* те ценности, которые без вашей поддержки погибли бы. Аналогично мы можем помочь и самим себе проявить наши собственные ценности. 4) Вот о чем я хотел тебе написать. Не думай, что я как-то хочу преградить тебе путь. Я хочу, чтобы ты шла своим путем.

Вуек.

После свадеб настало время появляться детям, Войтыла перед крещением просил каждую молодую маму посвятить некоторое время воспоминаниям. После крещения он навещал крещеного ребенка у него дома. Этой практике он неизменно следовал всю свою жизнь в Кракове, несмотря на то что это не входило в его обязанности.

— Он всегда находил время, — вспоминала Тереза Малецкая. — Он считал, что крестить — это еще и приходить домой, говорить с семьей, благословлять спящего в кроватке ребенка. Мы не просили его делать это; он сам этого хотел.

Вуек учил молодые пары, что сексуальное выражение их любви, освященной узами брак, прекрасно, свято и даже отражает образ Бога. Его взгляды на брак были результатом серьезных размышлений, дискуссий «с серьезными людьми, которые давали себе время подумать». То, что другие порой рассматривали как героизм или жертвенность со своей стороны (к примеру, периодическое воздержание в соответствии с ритмом естественного планирования семьи), он считал просто разумным и правильным. Как показывают его письма к Терезе Гейдель, свои взгляды Войтыла никому не навязывал. Он был советчиком, который заставлял своих друзей задумываться над определенными проблемами, — но только советчиком.

ЕВАНГЕЛИЕ В БАЙДАРКЕ

«Шродовиско» Кароля Войтылы отличало и то, что его участники проводили много времени на открытом воздухе. Это было еще одним из нововведений Войтылы, поскольку до него священники не проводили свои отпуска с молодежью и семейными парами. Вуек, пристрастившийся к походам еще со своей молодости в Вадовице, на природе чувствовал себя лучше, чем дома. Среди его юных друзей было много заядлых лыжников и байдарочников. И потому священник, желающий быть ближе к своей пастве, уезжал вместе с ней в горы и на озера.

Лыжная вылазка с Ежи Янеком в январе 1953 г. была первой в цепи поездок, которые совершались ежегодно, пока Войтыла жил в Кракове. Кароль любил лыжные путешествия, прекрасно ходил на лыжах, а на крутых склонах совершал головокружительные спуски. В августе того же 1953 г. Станислав Рыбицкий, Здзис-

лав Гейдель и Ежи Цесельский организовали первый для «Шродовиско» летний маршрут, по Бещадам — горам в юго-восточной Польше, где до Второй мировой войны проживало значительное число украинцев. В 1945–1947 гг. многие крестьяне этого района заплатили своими жизнями за желание не быть «ни под Гитлером, ни под Сталиным»[1]. В путешествии приняли участие шестнадцать молодых людей. Тем, кто появился первый раз, было предложено называть Войтылу Вуек, поскольку режим все еще не разрешал священникам заниматься с молодежными группами. Молодежь села на поезд, который должен был за восемь часов довезти всех до Устжыки-Горне на самом юго-востоке страны, где Вуек провел богослужение «в поле» для членов «Шродовиско». На следующий день они с рюкзаками на плечах отправились к Устжыки-Горне, который некогда был украинским овцеводческим регионом. На ночь группа остановилась в брошенном, состоящем из одной комнаты доме овцевода, поскольку у них не было хороших палаток и спальных мешков; старые одеяла и рюкзаки были единственными спальными принадлежностями. Миновав несколько огромных кладбищ и сожженных дотла деревень — молчаливых свидетелей отчаянных сражений, которые велись здесь шестью годами раньше, они остановились на ночь в амбаре, бывшем некогда украинской церковью. Кое-кто выразил пожелание отменить обычную вечернюю молитву вокруг костра и помолиться в индивидуальном порядке, уютно устроившись в сене. Но Станислав Рыбицкий — не Вуек — возразил на это:

— Тех, кто молится лежа, Бог слушает во сне.

Когда группа возобновила путь по этой суровой земле, Здзислав Гейдель горько произнес:

— Вуек, когда станешь Папой Римским, ты должен выдать нам всем индульгенцию за то, что мы шли с тобой по этой дороге такой безлунной ночью.

При всем своем юношеском желании держаться вместе участники похода, однако, с пониманием относились к тому, что после дня ходьбы с рюкзаком, разговоров, пения и шуток их Вуек

---

[1] Гитлера и Сталина в 1947 г. на юго-востоке Польши не было. Много украинцев в указанный период погибло от рук польского населения, колоссальное число было выселено в СССР официальными польскими властями, за чем последовала депортация поляков из СССР в Польшу. В советской же Западной Украине действительно проводились широкомасштабные операции против украинских националистов с использованием тяжелой артиллерии.

уходил в самый конец процессии на час или два ради уединения для молитв.

Через месяц, в сентябре 1953 г., состоялся первый байдарочный поход членов «Шродовиско». Он положил начало ежегодной традиции, которой Войтыла будет усердно следовать до августа 1978 г. Идею совместных байдарочных походов выдвинул Ежи Цесельский, брызжущий энергией инженер. С Войтылой он познакомился еще в костеле Святого Флориана, и с тех пор у них завязалась тесная дружба. Скоро все увидели и признали само собой разумеющимися особо тесные дружеские отношения между Вуеком и Ежи Цесельским. Профессиональный инструктор по лыжному спорту, байдарочному туризму и плаванию, Цесельский благодаря своему энтузиазму и желанию обучать всему, что знал, являлся лидером, на которого никто не мог обижаться.

Вскоре многие члены «Шродовиско» стали проводить отпуска на байдарках вместе с Войтылой. После того как Цесельский научил его управляться с веслом, Вуек стал постоянно плавать на двухместной байдарке, так что любой мог присоединиться к нему во время путешествия — для бесед и духовных наставлений. Однажды — это было в 1955 г. — байдарочники приняли участие в международных соревнованиях на реке Дунаец, несущей свои воды сквозь величественное ущелье на польско-словацкой границе. На Сромовице-Нижне байдарка Вуека получила повреждение, но затонула только на финишной линии в Щавнице. Согласно одному — весьма благочестивому — воспоминанию, не промок только католический требник.

Когда дети членов «Шродовиско» уже достаточно подросли, чтобы принять участие в путешествии на байдарках, Вуек взял в обыкновение разделять трапезу каждый день с новой семьей, на протяжении путешествия уделяя внимание всей группе. Между «супружескими командами» и «молодежными командами» стали организовываться игры в футбол. Вуек, бывший вратарь из Вадовице, играл за ту команду, в которой недоставало игроков. Вечерами у костра взрослые обсуждали книги или, несколько лет спустя, энциклику Иоанна XXIII «Pacem in Terris».

В конце 1951 г. Войтыла покинул костел Святого Флориана ради должности, которая позволила бы ему претендовать на докторскую степень[1], то есть перестал быть приходским священником в том смысле, в котором эту должность обычно принято по-

[1] Имеется в виду вторая докторская степень.

нимать. Но Войтыла считал, что священник без паствы — это полный абсурд. «Шродовиско» стало его церковным приходом без церкви.

— Вуек был одним из нас, — вспоминал его друг Габрель Туровский, — но в то же время для людей, отдыхавших с ним, он был пастырем.

То ли для того, чтобы объяснить свои непонятные для церковников нетривиальные формы общения с паствой, то ли для того, чтобы привлечь новых людей в свою группу, Войтыла в 1957 г. принял предложение редактора польского религиозного журнала «Homo Dei» [«Человек Бога»] написать статью о том, как он и его молодые друзья совершают путешествия по горам и рекам Польши. Однако и в это дело Кароль вовлек другого человека — Ежи Цесельского.

Основной идеей статьи было мнение, что обязанность священника помогать Богу присутствовать в этом мире не может быть в полной мере реализована одним лишь проведением церковных служб. Помимо проведения служб, «священник должен жить среди людей, быть с ними вместе во всем, кроме греха». Совместное проведение отпусков предоставляет такую возможность. Ежедневная месса приобретает особое значение, когда она проводится во время путешествия. «Природа, а не только мастерство человека становится участником действа, во время которого вспоминают о самопожертвовании Сына Божьего». На утренней мессе можно предложить поразмышлять над какой-нибудь темой, чтобы на вечерней мессе к ней вернуться. Каждая экскурсия, писал он, превращается в «хорошо подготовленную импровизацию», в которой священник готов — и желает — говорить обо всем — «о фильмах, о книгах, о чей-либо работе, о научных исследованиях, о джаз-банде...» Была ли эта «пастырская деятельность» среди молодых мужчин и женщин, отправлявшихся отдыхать, «компрометацией» духовенства (как некоторые, очевидно, полагали)? Нет, определенно работа Войтылы была формой работы священника, способом направления других на путь к Христу.

«Молодой инженер» (как Цесельский подписал эту статью) рассказал о растущей группе, заметив при этом, что в атеистическо-светском окружении, в котором священники вынуждены постоянно находиться, они несут особую ответственность перед теми, кто хочет «осознанно вести жизнь современного католика». Есть много людей, которые заняты своей профессией, семьей или ведут напряженную интеллектуальную жизнь. Они знакомятся друг

с другом благодаря церкви или встречам в городе. «Но только во время экскурсий мы живем полной жизнью. Священники могут помочь нам взглянуть на наши проблемы с другой точки зрения». В конце статьи он отдает должное неназванному им Вуеку, говоря, что он научился «смотреть на все вещи в духе Евангелия».

В Польше — как и везде — коммунизм намеренно поощрял разделение общества и отчужденность его членов, что облегчало политический контроль и упрощало задачу формирования «нового, социалистического человека». Если юные друзья Войтылы считали, что «живут полной жизнью», когда он с ними, это могло означать только то, что стратегия участия священника в делах его паствы и его постоянных призывов «рассматривать все вещи в духе Евангелия» стала полностью оправдавшей себя альтернативой искусственно созданной и грубо претворявшейся в жизнь политике властей коммунистической Польши.

ПОСТОЯННАЯ ОТКРЫТОСТЬ

В воспоминаниях членов «Шродовиско» о Вуеке постоянно присутствуют две характеристики. Первая, по словам Терезы Малецкой, — это «постоянная открытость»: «Мы чувствовали себя с ним совершенно свободно, без какой-либо неловкости. Его присутствие даже подталкивало как-то себя проявить. Когда он бывал среди нас, возникало чувство, что никакие трудности не страшны... Мы считали, что можем обсуждать с ним любые проблемы; мы могли говорить абсолютно обо всем». Вторая замечательная характеристика тесно связана с первой. «Он прекрасно умел слушать, — говорил Станислав Рыбицкий. — Какая бы тема ни затрагивалась: религия, каждодневная жизнь, работа, дети, — он всегда проявлял интерес».

Открытость и умение внимательно слушать собеседника сочетались в нем с глубоким уважением к свободе других. Доктор Рыбицкий вспоминает, что в то время, как «я часами говорил с ним, [я] никогда не слышал, чтобы он сказал: «Я советую тебе... Он только проливал свет [на проблему]. Но потом всегда говорил: «Это должен решить ты сам». Короче говоря, он мягко подталкивал людей к самостоятельному решению.

Отношения Вуека с членами «Шродовиско» были одновременно и доверительными, и сдержанными. Не было предмета,

который нельзя было затронуть в разговоре с ним. Друзья Кароля Войтылы уважали его как священника, всецело преданного делу Церкви. И в пеших походах, и во время путешествий на байдарках он делал то же, что и все, включая перетаскивание байдарок и захоронение мусора. Но вместе с тем он оставался каким-то особенным, и все уважали эту особенность. Он не был «приятелем», оставаясь при этом близким другом, и ни он, ни окружающие не допускали фальшивой фамильярности. Все называли его Вуек, «дядя», но обращались к нему не на вы, а на ты — на эту форму переходил он сам, когда узнавал человека ближе. Станислав Рыбицкий описал стиль Войтылы следующим образом: «Сегодня многие священники стараются вести себя с детской непосредственностью. Мы же пытались вести себя, как он».

Хотя Войтыла, казалось, полностью избавился от свойственного интеллектуалам стремления доминировать, способность озадачивать острыми вопросами делала его центром любой дискуссии. Темы, которые обсуждались в «Шродовиско», были серьезными, но они посвящались не политическим вопросам, а касались обычно морального выбора, который часто приходилось делать людям, жившим при коммунистическом режиме: хищения с работы, мелкое мошенничество при бездарной бюрократической системе управления и так далее. Часто участники дискуссий относились к своим коллегам много суровее, чем, по мнению Войтылы, следовало. Дискуссии порой переходили в споры, но никогда в серьезные разногласия.

Впрочем, отнюдь не все время было посвящено откровенным разговорам на серьезные темы. У Вуека была уникальная память, так, он пел песни до самого конца, когда все остальные уже замолкали, потому что не могли вспомнить слова. Своей памятью Войтыла не раз приводил других в смущение. Идя по тропинке, Вуек мог процитировать наизусть стихотворение или длинный отрывок прозы, а потом задать вопрос:

— Кто это написал?

Литературу он знал великолепно и не стеснялся высказывать резкое мнение по поводу какого-нибудь известного писателя. Когда Данута Рыбицкая наконец получила возможность поступить в аспирантуру, один из ее преподавателей, Казимеж Выка, принадлежавший к католикам — сторонникам существовавшего режима, однажды сказал, что Войцех Жукровский, автор «Каменных табличек», был «католическим автором». Это определение

пани Рыбицкая передала Войтыле, который к тому времени уже стал епископом.

— Нет, он просто писатель, который исповедует католицизм, — ответил Вуек.

Хотя в классе бросать вызов преподавателям не принято, неустрашимая пани Рыбицкая высказала мнение епископа.

— Кто вам это сказал? — спросил профессор.

— Епископ Войтыла, — ответила она.

— Тогда он прав, — сказал профессор, — он знает литературу и веру.

Стратегия «сопровождения», проводившаяся Войтылой, была попыткой установить новый тип отношений между священником и паствой, при котором общение носит постоянный характер и священник может составить мнение о человеке, пришедшем к нему за наставлением. «Сопровождение» осуществлялось путем совместных путешествий с молодыми людьми, помощи в формировании их личности, в постоянном общении с ними и знакомстве с их проблемами. Как позднее писал один из его коллег, Войтыла «стремился разделять с людьми их проблемы; он всегда был открыт для живого человеческого общения».

Войтыла считал, что, проводя отпуск подобным образом, он как священник продолжает быть «alter Christus», «последователем Христа». Это было еще одним способом выражения его преданности духовности, символизируемой крестом Распятия. Так же, как и Создатель, Христос сам сопровождает человека в самой крайней из всех экстремальных ситуаций — в смерти — благодаря Своему собственному божественному решению стать Искупителем. Именно это символизируется крестом Христа. Этот крест словно благословлял Войтылу в его стратегии «сопровождения».

Частные исповеди священнику — одно из таинств католической Церкви, которые некатолику понять трудно. В протестантских направлениях покаянным признаниям «живому, восставшему Христу» не придается столь серьезного значения. Неверующего может даже удивить, что самые сокровенные секреты раскрываются совершенно постороннему человеку. Как и другие католики, Кароль Войтыла считал, что таинство исповеди или, как его сейчас называют, таинство примирения, было введено самим Христом (2. Кор. 5.18–21). Быть исповедником, по мысли Войтылы, — это переживать драму жизни другого человека.

По свидетельству тех, кто у него исповедовался, Войтыла был «чудесным исповедником». Исповедь могла продолжаться час,

иногда дольше. Каждая исповедь предполагала обмен мнениями между двумя личностями, а «не массовое отпущение грехов». Войтыла поощрял исповедующихся к полному самораскрытию; это было еще одним проявлением «открытости личного пути», способности священника Войтылы «постичь жизненный опыт других людей». Однако то, что священник предлагал исповедующимся самим принимать решение, не было уверткой.

— Он не настаивал на определенном решении, — вспоминал позднее один из его прихожан, — но требовал, чтобы решение все же было принято.

Он считал, что истину человек может отыскать лишь в себе самом, и только помогал в этом поиске.

Целью исповеди, по мнению Войтылы, является не просто психологическое освобождение от тяжести чувства вины. Истинная цель заключается в освящении всей жизни, которая не может быть разложена на два ящика с надписями «Религия» и «Все остальное». Кроме того, освящение, достигаемое через регулярные исповеди и продолжительные беседы, в которых обозревается вся жизнь человека во всех ее измерениях, должно вести к полной ясности. Исповедующийся должен получить полное представление о себе самом и о том, как следует поступать в той или иной ситуации. Не карьера является главным в жизни. Жизнь должна соответствовать призванию человека, и одной из привилегий исповедника является возможность подсказать, к какому призванию Бог призывает того или иного человека. Однажды Войтыла сказал Дануте Рыбицкой: живет ли человек в монастырской общине, один или в семье, «он всегда живет для конкретной задачи».

Роль исповедника накладывала на Кароля Войтылу обязанность быть проводником Евангелия. Теологические знания позволяли ему профессионально относиться к таинству исповеди. Хотя через исповедь человек получал прощение Бога, судьей грехов выступал священник, то есть бремя правильного суждения по поводу чужих грехов он нес на своих плечах.

Войтыла, по единодушным отзывам, был весьма требовательным исповедником, но в особом смысле. Роль исповедника в драме человеческой жизни заключается в помощи брату во Христе и ближнему — в объяснении духовных истин, упрочении христианских убеждений, расширении понимания своего внутреннего мира, а совсем не в том, чтобы сделать список моральных запретов еще длиннее. Следование моральным законам не явля-

ется чем-то труднодостижимым, но вместе с тем они и не устанавливаются произвольно. В какой-то мере эти законы имеют драматический характер, поскольку человеческая жизнь — это драма человека, раздираемого между ролями «человека для себя» и «человека для других». Исповедник должен быть советчиком для тех, кто вступил на дорогу добродетели. Эта идея была высказана еще Фомой Аквинским. И спустя много лет ее претворял в жизнь Кароль Войтыла, обогативший обычную теологическую и пастырскую практику познаниями, почерпнутыми во время работы в любительском театре и занятий психологией.

БОГАТСТВО ДРУЖБЫ

Члены «Шродовиско» были для Вуека мостом в мир, в котором обычные люди жили своей повседневной жизнью, пытаясь при этом неизменно поступать, как это подобает настоящим католикам. Знакомство с реальной жизнью, начавшееся в каменоломне в Закжувеке и на заводе «Солвай» в Борек-Фаленцки, благодаря «Шродовиско» углубилось и расширилось.

— Он жил нашими проблемами, — вспоминал Станислав Рыбицкий. — Он знал жизнь с нашей стороны — стороны людей, которые должны работать, чтобы зарабатывать на жизнь.

Сеть из нескольких групп, которая в конечном счете и стала «Шродовиско», возникла в то время, когда Войтыла с головой ушел в творческую деятельность. В первую очередь это было связано с исследованием, предпринятым им после получения докторской степени, а также с началом преподавания в Католическом университете в Люблине, к которому он приступил в 1954 г. И исследование, и преподавательский труд взаимно подстегивали друг друга. «Шродовиско» в некотором смысле являлось для Войтылы одним из объектов его размышлений.

— Мы были экспериментальным полем для воплощения его идей, — говорила Данута Цесельская. — Мы были заняты своими собственными проблемами, жизнью своих семей, карьерой, а он как бы изучал нас. Но я не стала бы кичиться, что он учился у нас; это был взаимный обмен.

О тех идеях, что Вуек опробовал в «Шродовиско», можно судить по пяти темам, которые он исследовал в 1954 г.

● Жизнь не делится на серьезную и фривольную, истинную и неправильную. Следует противиться современной тенденции разбивать жизнь, а также считать вопрос об истине второстепенным. «Метод Царства Божия есть метод правды». По этой причине «человек должен быть готов войти в согласие с истиной всецело».

● Христианство не было создано лишь ради ризницы или храма и не является какой-то абстракцией. «Царство Божие, провозглашенное Христом, — это не просто теория... но призыв к действию».

● Иисус Христос не был Богом, притворяющимся человеком; Иисус Христос был воплощением Бога, полностью вошедшим в драму человеческого существования. «Один человек ощутил мощь святости Бога — Иисус Христос. Он нес груз человеческих грехов и удерживал свою ношу перед лицом Бога. Знание о грехе, с одной стороны, и святость Бога, с другой, вовлекли Его в пожертвование Себя и в достижение союза с Богом. Это объясняет тайну Гефсиманских садов и Голгофы...»

● «Самореализация» через использование другого для любви неприемлема. Любовь является ДАРЕНИЕМ себя другому, для блага другого и получения другого как дара.

● Смертельный парадокс нашей эпохи заключается в том, что, несмотря на громогласно провозглашаемый гуманизм, именно в наше время человеческая личность обесценена тем, что стала экономической единицей, идеологической категорией, представителем класса, расы или нации.

Вы уже велики, говорил Вуек своим молодым слушателям, ибо вы — создания Божии. Любой, кто пытается обесценить вас, унижает вас. На вопрос, чем отец Войтыла столь привлекал молодых людей, Тереза Малецкая ответила просто:

— Он — хороший человек.

Его способность убеждать других в их способности творить добро была частью этого магнетизма.

ЭССЕИСТ-НОВИЧОК

В начале 1949 г. Ежи Турович, худощавый редактор краковской католической газеты «Тыгодник повшехны», принял посетителя — молодого священника, вернувшегося после продолжительной учебы в Риме. Этот священник, отец Кароль Войтыла,

которого Турович видел еще во время войны исполнявшим одну из ролей в подпольном «Театре восторга», принес статью, написанную им по поводу своей «Mission de France» [«Французской миссии»] и повествующую о движении священников-рабочих в этой стране. Турович принял его вежливо, но уклончиво. Местные священники приносили ему много статей, и число отвергнутых нельзя было назвать малым. Турович уже привык не ожидать многого от местных священников. Но, начав читать рукопись Войтылы, он заинтересовался, а затем пришел в восторг. «Mission de France» появилась 6 марта 1949 г. на первой полосе «Тыгодника повшехны». Для начинающего эссеиста это был весьма престижный дебют.

Князь-кардинал Адам Сапега, понимая, что будущее польской Церкви требует от католицизма более весомого, более интеллектуального вклада в национальную культуру, задумал «Тыгодник повшехны», еще когда оккупанты железной хваткой держали Краков. Кардинал назначил отца Яна Пивоварчика, бывшего ректора семинарии и одного из самых выдающихся священников своего архиепископства, «духовным наставником» нового издания, ответственным за теологические и моральные вопросы и общие еженедельные обзоры. Возможно, сама идея издания «Тыгодника повшехны» принадлежала Пивоварчику. Он когда-то был главным редактором краковской ежедневной утренней газеты «Глос народу» [«Голос народа»], которую архиепископство взяло себе, когда владевшая этой газетой христианско-демократическая партия распалась незадолго до Второй мировой войны. Помощником Пивоварчика в газете «Глос народу» был молодой журналист по фамилии Турович, ставший главным редактором после того, как весной 1939 г. Пивоварчика перевели в один из приходов. Пребывание Туровича в редакторах длилось меньше двух месяцев. Ганс Франк не собирался разрешать в своих владениях католическую газету. Теперь, при энергичной поддержке всего проекта со стороны кардинала, Туровича пригласили возглавить газету.

Положение с католической прессой в управляемой коммунистами Польше было непростым. Существовали три группы. К первой принадлежала официальная церковная пресса, спонсируемая, контролируемая, редактируемая и издаваемая учреждениями канцелярии архиепископа или религиозными орденами. Качество этих изданий было невысоким. Вторую, которую Турович вообще не считал «католической прессой», составляли журналы и газеты, издававшиеся «Миром» и подобными симпатизирующи-

ми режиму группами. Церковь отказывалась признавать эти журналы истинно католическими и не рекомендовала своим прихожанам их читать. Наконец, существовали католические издания, обычно редактировавшиеся мирянами, но признаваемые истинно католическими епископами, которые приставляли к этим изданиям своих «духовных наставников». Эти помощники зачислялись в штат, но ответственность за редакционную подготовку полностью лежала на плечах редактора-мирянина.

Благодаря высоким литературным достоинствам и способности живо реагировать на интеллектуальные проблемы «Тыгодник повшехны» стал лучшей газетой в управляемой коммунистами Польше, наиболее надежным источником неотфильтрованной информации и наиболее открытой, интересной трибуной для обсуждения социальных событий. Серьезность поднимаемых в нем вопросов и его воздействие на литературные круги Польши, как католические, так и некатолические, были быстро оценены режимом, и «Тыгоднику повшехны» стали чинить препятствия. Цензоры сокращали статьи, тираж газеты менялся произвольно, поскольку именно государство владело полиграфическими мощностями. Коммунистов выводило из себя еще и то, что, пользуясь неумением властей найти общий язык с мыслящей интеллигенцией, газета привлекла к работе такого выдающегося историка искусства, как Яцек Возняковский, и блистательного молодого живописца (позднее ставшего ректором краковской Академии изобразительных искусств) Станислава Родзиньского, чьи религиозные и политические убеждения лишали его возможности работать в государственных университетах.

Читатели «Тыгодника повшехны» увеличивали тираж тем, что передавали газету из рук в руки, — это свойство газеты составило бы честь любому западному журналу 1950—1980 гг. Передаваемая друг другу газета играла в кругах интеллигенции важную роль на протяжении многих лет, соединяя инакомыслящих интеллектуалов-католиков с их некатолическими сотоварищами. Наряду с ежемесячным журналом «Знак» эти два издания служили интеллектуальной связью между польским католицизмом и католицизмом мировым. Именно на страницах «Знака» Кароль Войтыла и многие другие впервые познакомились с переводом работ Анри де Любака, Ива Конгара, Карла Ранера и других теологов, сыгравших главную роль в деятельности Второго Ватиканского Собора. «Тыгодник повшехны» был, по воспоминаниям Туровича,

единственной католической газетой в коммунистическом мире, которая занималась теологией серьезно.

Некоторые польские епископы — и их было немало — считали «Тыгодник повшехны» опасно независимой и «либеральной»; временами газета вызывала зубную боль у Примаса, кардинала Вышыньского. Несмотря на некоторые трения, «Тыгодник повшехны» являлся островком честности в болоте коммунистической и соглашательско-католической журналистской лживости. Вопросы культуры и интеллектуальной жизни рассматривались в ней так же серьезно, как и вопросы Церкви, — общественность отмечала это особо и считала бесценной редкостью среди публикаций в Польше того времени.

«Mission de France», первое эссе Войтылы для этой газеты, было детальным и сочувственным исследованием движения рабочих-священников как ответа Церкви на отчаянное положение послевоенного католицизма, бывшего постоянным предметом интереса польских католиков-интеллектуалов.

Франция, писал Войтыла, его поразила. Несмотря на высокоразвитую церковную культуру, страна погружается в постхристианское язычество. Где, спрашивается, можно найти «точку соприкосновения» между двумя этими феноменами? Войтыла нашел ответ на свой вопрос в недавно созданной концепции «Mission de France», выдвинутой в книге аббата Годена, чья книга «Франция: страна миссии?» вызвала слезы у архиепископа Парижского, кардинала Эммануэля Суара. Приходской священник Годен переселился в типичный дом для рабочих в пригороде Парижа, где жил как обычный прихожанин «в полном личном соответствии с Евангелием». Годен считал, что путем к обновлению Французской Церкви является обращение ее «теоретических богатств» в «ценности апостольской деятельности».

Годен обнаружил в городах то же, что другие находили в сельских районах, — «территории, на которых абсолютно отсутствует христианство», где жизнь «больше не имеет никакой связи с христианской религиозной традицией... В таком окружении дети, увидев тело на кресте, спрашивают: "Кто это?"» Именно такого результата, без сомнения, желали для своей страны новые коммунистические хозяева Польши.

Самые отважные, стремящиеся к переменам лидеры Французской Церкви «смотрели в глаза реальности». Они считали, что церковь должна «преобразовать себя в сообщество, способное показать неверующим вокруг, что Евангелие имеет отношение к

реальной жизни». Священники и преданные Церкви миряне должны жить в «духе бедности и самоотдачи» в новых приходах священников-рабочих, воплощающих идею «Mission de France», и священники должны принимать участие в физическом труде. Это не только возвращение к традициям святого Павла, писал Войтыла, но и возвращение идеи, что священник — «это человек, который посвящает вместе с Христом — и посредством Христа — все свои усилия, весь свой труд Отцу на небесах».

На Войтылу большое впечатление произвела жизнь сообщества священников-рабочих («великолепная помощь для приобретения личного опыта священничества во всей его полноте») и их приверженность методу убеждения. Эти новые апостолы Франции не считали что-либо раз и навсегда доказанным и не навязывали свои убеждения. Они лишь «стремились убеждать». Войтыла с похвалой отозвался о реформах в проведении церковных служб, включая проведение месс в виде диалогов, которые благодаря активному участию прихожан делали мессу инструментом «христианской инициации». Наконец, Войтыла специально отметил особую работу, проводимую с новообращенными (или со вновь обращенными из тех, кто сбился с пути) мирянами, проводимую сторонниками идеи «Mission de France». Миряне, считал он, «ответственны за социальную реализацию и продолжение тайны Воплощения». И, осуществляя эту задачу, они не становятся представителями «сопротивления, оппозиции» — напротив, их «деятельность позитивна», она является попыткой создания «нового типа христианской культуры».

Второе эссе отца Войтылы в «Тыгоднике повшехны» было посвящено памяти Яна Тырановского. Называлось оно «Апостол». В последующие годы Кароль Войтыла писал для «Тыгодника повшехны» и «Знака» статьи по христианской антропологии, о супружеской чистоте и по другим вопросам. В 1957—1959 гг. он по просьбе Туровича создал серию из двадцати статей под названием «Основы этики». Возможно, это была самая обширная попытка до провозглашения его Папой Римским объяснить серьезные философские и теологические вопросы читателям-неспециалистам таким образом, чтобы это было и захватывающе, и давало пищу для ума. Излагая основы христианского и теологического подхода к проблемам морали, Войтыла затронул некоторые наиболее спорные вопросы, возникающие в дискуссиях между христианами и неверующими. Есть ли общие моральные ценности у приверженцев обоих лагерей? (Да, естественные моральные законы.) Явля-

ются ли моральные законы исключительно человеческой прерогативой? (Нет, Нюрнбергский суд продемонстрировал, что существуют трансцендентные моральные законы.) Является ли этика, построенная на религиозных принципах, препятствием для взросления человека? (Нет, потому что предоставление себя на Божий Суд становится побудительным толчком к тому, чтобы человек стал относиться к жизни серьезно.) «Тыгодник повшехны» был не только литературной отдушиной для юного священника-эссеиста; коллектив газеты стал частью его социального и интеллектуального окружения. Он мог поговорить на теологические и духовные темы с интеллектуалами, которые, как и он, посвятили себя Церкви, но не принимали духовный сан. Кароль Войтыла подружился с семьей Туровича, однако даже через несколько десятков лет дружбы и сотрудничества они не допускали никакой фамильярности друг с другом. Редактор всегда звал Войтылу «отец» (никогда «Кароль»), а Войтыла всегда называл Туровича на польский манер «пан Ежи» или «пан доктор Ежи». Отец Войтыла принимал участие в проводимых время от времени «Тыгодником повшехны» редакционных вечеринках и завязал отношения с персоналом — достаточно прочные, чтобы они в случае разногласий выдерживали серьезные споры. Можно сказать, что для обеих сторон эти отношения были продуктивными и счастливыми.

ДРАМАТУРГ И ПОЭТ

Литературная деятельность Кароля Войтылы в первые двенадцать лет его пастырского служения переживала расцвет. Война, жизнь в управляемой коммунистами стране, растущий опыт пастырской работы и новые обязанности — все это давало обильную пищу для его поэтических и драматических работ. Для своих литературных публикаций Кароль Войтыла избрал два псевдонима — Анджей Явень (обычная в Неговиче фамилия) и Станислав Анджей Груда. Этим он хотел, как считал Ежи Турович, четко разделить чисто литературную работу и публицистику по вопросам религии, морали, веры, церковным проблемам — эти статьи он всегда печатал под своим подлинным именем. Также он, по всей видимости, полагал, что его литературные работы должны быть оценены читателями по чисто художественным достоинствам,

безотносительно к тому, какие заслуги имеет автор; не должны были эти труды вызывать удивление и в церковных кругах.

Писатели создают свои творения по целому ряду причин. Пьесы и стихотворения Войтылы служили выражением его убеждения, к которому он пришел давно и в котором жизнь его лишь укрепляла: реальность не может быть изучена с помощью какого-либо одного инструмента. Даже став профессиональным философом, преподавателем этого предмета и профессиональным исследователем в проведении философских изысканий, Войтыла продолжал пребывать в убеждении, что одной из слабых сторон современной интеллектуальной жизни является бытующее мнение, что существует только один рациональный путь к постижению реальности. Такой подход Войтыла считал и крайне самонадеянным, и просто неверным. Человек за свою долгую историю накопил множество методов, которыми может пользоваться. Литература — в данном случае пьесы и стихотворения — иногда способна добраться до истины там, где философские или теологические методы бессильны. Подобно многим философам двадцатого столетия, Войтыла полагал, что язык — как технический, так и литературный — слишком ограничен, чтобы отражать или передавать реальность адекватно. Таким образом, литературная деятельность Войтылы была не просто хобби, но и еще одним способом «присутствовать» в жизни других людей — посредством диалога.

«БРАТ ГОСПОДА НАШЕГО»

Кароль Войтыла начал писать свою первую зрелую пьесу «Брат Господа нашего», когда ему было двадцать пять, — в последний год обучения в Краковской семинарии. Его давно интересовала жизнь Адама Хмеловского, «брата Альберта», одной из самых интригующих фигур в современной польской культурной и религиозной жизни. Войтыла впервые узнал о нем во время учебы в Ягеллонском университете, а с его жизнью познакомился более полно во время войны.

Родившийся в 1845 г. в южной Польше Адам Хмеловский был воспитан родственниками, поскольку его собственные родители умерли. Два года он проучился в сельскохозяйственной школе. В семнадцать лет Адам стал участником антирусского восстания

1863 г. В одном из сражений его ранило, и ему ампутировали левую ногу ниже колена. Операция проводилась без анестезии. После подавления восстания Хмеловский какое-то время посещал художественную школу в Варшаве, а затем отправился в Париж и Мюнхен. Став художником, он в 1870 г. устроил в Кракове выставку своих работ, вызвавшую немало споров. Хмеловский критически относился к господствующей в Польше того времени тенденции ограничиваться такими темами, как национальные сражения. Такой «историзм», считал он, является разновидностью национальной «истерии» и не дает польской живописи возможности затрагивать «всемирные» проблемы.

В 1880 г. Хмеловский попытался вступить в орден иезуитов, но через шесть месяцев нервное истощение заставило его покинуть орден. Продолжая разрабатывать современный стиль живописи, он стал францисканским миссионером, оставаясь, однако, мирянином. По приезде в Краков в 1884 г. он стал тяготиться богемной жизнью. Считая, что муниципалитет недостаточно заботится о бедных, Хмеловский принялся помогать бездомным. В августе 1887 г. он обрядился в холщовое рубище и принял имя «брат Альберт». Годом позже он постригся в монахи, дав обет кардиналу Альбину Дунаевскому, тоже бывшему участнику войны за независимость. Основав «Альбертовское братство», а через несколько лет «Альбертовское сестричество», Хмеловский посвятил остаток своей жизни бедным и бездомным, сам проживая в полной нищете. Брат Альберт скончался в день Рождества в 1916 г. Адам Стефан Сапега присутствовал на его похоронах среди большого числа священнослужителей — как из города, так и из округи, — мэра Кракова и представителей буквально всех социальных слоев. Самую знаменитую картину Хмеловского «Ecce Homo»[1] (не закончена, как не закончены буквально все из сохранившихся его работ) можно видеть в Альбертинском монастыре в Кракове. Копии этих картин есть в церквах и домах по всей Польше.

Пьесы Кароля Войтылы не являются пьесами в общепринятом смысле этого слова, и «Брата Господа нашего» определенно нельзя назвать обычной биографической драмой, хотя сюжет довольно точно отслеживает судьбу Адама Хмеловского. Как образец «внутреннего театра» Котларчика — Войтылы, эта пьеса является попыткой передать драму брата Альберта, пытающегося определить свое жизненное предназначение и следовать ему. Глав-

[1] «Се человек» (*лат.*).

ное «действие» пьесы происходит в сознании Адама Хмеловского, который постепенно «становится» братом Альбертом.

Драматический накал пьесы заключается в преодолении главным героем собственного «эго» и превращении себя в дар. Хмеловскому нелегко дались расставание с комфортной жизнью художника и переход на путь служения людям в условиях крайней бедности. Но у пьесы «Брат Господа нашего» есть и еще один уровень. Через внутреннюю духовную борьбу брата Альберта Войтыла проявляет проблему революционного насилия. Вернувшись в Польшу, ставшую придатком коммунистической сверхдержавы, он нашел, что эта проблема подразделяется на две. Как следует оценивать марксистскую критику современного индустриального общества? И как человек может в одиночку ответить тирании? Последний вопрос вставал перед Войтылой и во время оккупации, и в тех обстоятельствах, в которых Польша оказалась в 1948–1950 гг.

Эти вопросы в «Брате Господа нашего» затрагивались в драматическом противостоянии между Адамом и неким персонажем, названным Чужестранец. Было много предположений по поводу того, кто же выведен под этим именем. Папа Иоанн Павел II подтвердил, что под видом этого персонажа подразумевался Ленин — в соответствии с легендой, что Хмеловский и Ленин, возможно, встречались в Закопане, когда последний в 1912–1914 гг. проживал в Кракове и его окрестностях.

Разногласия между Адамом и Чужестранцем, на первый взгляд, касаются тактических вопросов. Чужестранец бросает обвинение, что «апостолы благотворительности», подобные Хмеловскому, на самом деле являются врагами бедных. Но между двумя этими революционерами идет и более глубокая борьба — за души. Оба человека выступают за перемены, за заботу о бедных и бездомных, но ослепленный своей идеологией Чужестранец — он не лишен привлекательности и определенно отличается интеллектом — характеризует своих последователей только ограниченными категориями: «люмпен-пролетариат», неспособный на революционные действия, «рабочие», движущая сила истории — и так далее, в том же духе.

На самом же глубинном уровне сюжет пьесы «Брат Господа нашего» касается понимания свободы, а в более широком смысле — понимания смысла человеческого бытия. Адам, выражая мысли автора пьесы, не отрицает ни несправедливость общества, ни законность возмущения этой несправедливостью. Тем не менее он

приходит к убеждению, что истинные социальные преобразования достижимы только через крест, который «преобразует человеческое падение в благо, а его рабское положение — в свободу». Кульминационным моментом пьесы являются слова умирающего брата Альберта, которые он говорит, когда в городе вспыхивает восстание рабочих:

> Да ладно. Ты знаешь, что гнев должен привести к взрыву, тем более если он велик.
>
> *(Замолкает.)*
>
> И он будет длиться, поскольку он справедлив.
>
> (*Он еще глубже погружается в свои мысли. Затем добавляет одну фразу, как бы про себя, хотя все слушают его внимательно.*)
>
> Однако знаю наверняка, что я выбрал более великую свободу.

Это вовсе не пассивное непротивление перед лицом несправедливости и тирании; пьеса не задается целью доказать, что есть только два пути — уступить несправедливости или вооружить священников ружьями. Брат Альберт выбирает третий путь: служить бедным, привнося изменения в культуру, которые спустя какое-то время должны привести к изменениям в политике. Этот смысл хорошо уловили коммунистические власти Польши, пытавшиеся выбросить из пьесы последнюю строчку про «более великую свободу», когда в 1980 г. эта пьеса была наконец поставлена в Кракове.

Примерно за двадцать пять лет до того, как возникло выражение «теология освобождения», Кароль Войтыла предпринял первую попытку такого освобождения пьесой «Брат Господа нашего». Пьеса утверждала, что во всем мире именно Церковь является истинным местом свободы, будучи свидетелем мессианского освобождения, предвещанного Исайей, освобождения, которое истинно освободит людей в самой глубине их человеческой природы. Брат Альберт защищал не Церковь как таковую, а человеческое достоинство посредством Церкви и те истины, которые она несет. По сравнению с Лениным он действительно выбрал «более великую свободу».

Иногда считают, что в «Брате Господа нашего» Кароль Войтыла благожелательно оценивает некоторые аспекты марксизма или по крайней мере марксистской критики современного индустриального общества. Это довольно спорное утверждение. Марк-

сизм выявил ряд несправедливостей, которые были характерны для раннего промышленного капитализма. Но это была не единственная критика социоэкономической ситуации: Папа Лев XIII в энциклике 1891 г. «Rerum Novarum» жестко выступил в защиту прав рабочих; эта энциклика положила начало современной католической социальной доктрине. Кроме того, как это достаточно ясно видно в «Брате Господа нашего», Войтыла решительно отверг марксистскую концепцию человеческой личности, понимание ею динамики истории и насильственную стратегию социальных изменений. Войтыла признает, что гнев, вызванный несправедливостью, имеет право на выражение, но это вряд ли можно считать поддержкой марксистского анализа условий жизни при капитализме. «Более великая свобода», выбранная братом Альбертом, была свободой, которую Чужестранец, под которым подразумевался Ленин, называл обманом бедных. Кароль Войтыла никогда не сомневался, что правда за братом Альбертом, а не за Лениным.

«ЮВЕЛИРНАЯ ЛАВКА»

В «Брате Господа нашего» вопрос о человеческом призвании рассматривался на примере исторической личности, чья драма во многом напоминала драму самого Войтылы; этот герой олицетворял для него образец выполнения пастырского долга. Пьеса стала своего рода выражением благодарности брату Альберту. «Ювелирная лавка» же в поэтической форме воплотила размышления о таинстве брака и явилась в некотором смысле благодарностью «Шродовиско». Но, кроме этого, в пьесе получили дальнейшее развитие размышления Войтылы о борьбе человека с собственным «эго» ради превращения самого себя в дар людям, о построении жизни, делающей человека достойным быть образом и подобием Бога.

В мастерски написанной «Ювелирной лавке» повествуется об истории трех супружеских пар. Андрей и Тереза прожили вместе совсем недолго. Андрей погиб на войне, оставив Терезу одну растить маленького сына, Христофера. Стефан и Анна благополучно пережили войну, но их брак трансформировался во взаимное безразличие, а затем — во враждебность. Любовь умирает потому, что Стефан воспринимает ее как нечто само собой разумеющее-

ся, устоявшееся. Анна же желает более совершенной любви. Отношения супругов отражаются на их дочери, Монике. Христоферу, сыну Терезы, нелегко расти без отца. Полюбив друг друга, Христофер и Моника привносят в свои взаимоотношения груз и боль семейных историй. Они воплощают надежду на искупление за накопленное за многие годы зло, на искупление за себя и за своих родителей.

Войтыла доброжелательно и трезво оценивает поступки своих героев. Пьеса явно написана человеком, хорошо представляющим супружескую жизнь «изнутри» — насколько только может представить ее себе священник, давший обет безбрачия. «Ювелирная лавка» была опубликована в 1960 г. в декабрьском выпуске «Знака» под псевдонимом А. Явень, и ни один читатель не смог бы определить, что автор пьесы — священник. Пьеса явно была написана не сентименталистом, а реалистом, который видел в любви надежду.

На протяжении всего действия Войтыла мягко внушает, что любовь и преданность не могут быть сведены к одним лишь эмоциям. Единственным надежным фундаментом и любви, и верности служит человеческая способность постичь моральную суть вещей. Брак не является институтом, в котором эмоции включаются при встрече и выключаются при расставании. Брак — это событие в жизни двух людей, преобразующее их в дар друг для друга. Эта трансформация остается с человеком, даже когда первоначальные эмоции угасают. Необходимо очищать свои чувства и трансформировать их со временем в более основательную, дарящую себя любовь. Когда Анна, решив, что ее терпение иссякло, пытается продать свое обручальное кольцо ювелиру, тот берет кольцо, кладет его на весы и затем произносит:

> Это кольцо ничего не весит,
> Стрелка не отклонилась от нуля,
> И я не могу заставить ее показать
> Хотя бы миллиграмм.
> Должно быть, ваш муж жив,
> В таком случае ни одно из ваших колец, взятых
> отдельно,
> Не будет влиять на стрелку — только оба вместе
> покажут вес.
> Мои ювелирные весы имеют такое свойство,
> Что они измеряют не металл,
> А все человеческое существо и его судьбу.

Фокусируя внимание на дарящей себя любви, как фундаменте неразрывного брака, Войтыла делает серьезную теологическую заявку: брак является началом нашего понимания внутренней жизни Бога, Троицы, состоящей из дарящих себя индивидуумов, индивидуальность которых реализуется в даре абсолютной самоотдачи. Брак, предположил Войтыла, является присущим человеку опытом, через который человек начинает понимать Бога. Здесь он далек от того понимания брака, которое было принято у католиков перед Вторым Ватиканским Собором, как inter alia[1], «средство» для сладострастия. Дарящая себя любовь и дарящая жизнь функция брака для Войтылы являются отражением внутренней жизни триединого Бога и способом влияния Бога на мир через Воплощение его Сына.

Публикацию «Ювелирной лавки» в рождественском выпуске «Знака» некоторые из друзей «А. Явеня» восприняли с изумлением. «Мы читали о себе», — вспоминал Станислав Рыбицкий. Был «целый раздел, где я словно слышала Стасека», — вспоминала его жена Данута, которая, кроме этого, узнала в пьесе знакомые черты своих друзей из «Родзинки». В начало пьесы попал инцидент с Рыбицким во время разбивки лагеря, когда крик совы в ночи приняли за крик потерявшего дорогу путника. Андрей, делая предложение Терезе, говорил: «Ты не хотела бы стать моим пожизненным компаньоном?» Эту фразу Войтыла позаимствовал у Ежи Цесельского, который именно так называл свою жену Дануту. И Адам, таинственный «случайный собеседник», которого Анна встречает за дверями ювелирной лавки, определенно напоминает отца Кароля Войтылу, друга и исповедника, который «точно знал, как мы жили», «сочувствовал любви пар и любви родителей к своим детям» и жил проблемами своих друзей.

Как позднее вспоминал Папа Иоанн Павел II, он переработал для пьесы некоторые «ситуации, которые могли узнать только их непосредственные участники». Ни один из персонажей пьесы точно не воспроизводил реального человека, но характер Моники (что интересно — Моникой звали первого ребенка Галины Круликевич) был основан на чертах человека, которого автор пьесы знал лично. Войтыла обладал сверхъестественной способностью полностью воспроизводить разговор, который слышал десятилетиями раньше. Этот дар он использовал в «Ювелирной лавке»,

[1] Между прочим.

что придало большую достоверность поэтическим монологам. Однако слова своих друзей и исповедующихся Войтыла использовал вовсе не для того, чтобы продемонстрировать уникальную память. Он стремился обосновать теологическое в своей основе утверждение, что жизнь его друзей, столь похожая на жизни других людей, на самом деле является демонстрацией великой драмы греха и искупления. В этой драме любовь земная уступает «давлению реальности» и гибнет, если не совершенствуется и не обретает единения с Любовью небесной. Человеческая драма «играется» в рамках божественной пьесы, где Бог выступает как автор и как главное действующее лицо, как созидатель и как искупитель.

ПОЭЗИЯ

Еще в начале своего пастырского пути Кароль Войтыла обнаружил, что аппарат философской науки может ограничивать и даже мешать человеку в осмыслении им его опыта. Литература в некоторых важных аспектах является более гибким инструментом для исследования самых потаенных глубин человеческого существования. Исходя из этого, Войтыла убедил своего коллегу по Католическому университету в Люблине Стефана Савицкого внимательно прочитать «мрачную прозу» современных писателей, такую, как «Чума» Камю и «Власть и слава» Грэма Грина. Как и драматургия, поэзия давала Войтыле возможность «предстать другим» в рассуждениях о жизненных истинах.

Его поэзия не проста — и в оригинале, и в переводе. К тому же в его стихах слышен «голос» самого Кароля Войтылы, отражены его особый взгляд на человеческие взаимоотношения, сложная духовная борьба и собственный мистический опыт. Написанные телеграфным, порой эллиптическим стилем[1], эти стихи часто имеют резкие переходы от сугубо конкретного к абстрактному. Они также демонстрируют поразительную способность освещать изнутри мысли и поступки другого человека — к примеру, рабочего завода, выпускающего современное вооружение:

---

[1] Эллипс — пропуск элемента высказывания, обычно легко восстанавливаемый по смыслу.

Я не могу изменить судьбу Земли, не я начинаю
войны.
Я не знаю — работаю ли я с Тобой или против Тебя.
Я не грешу.
И меня тревожит, что я ничего не могу и что я не
грешу...
Я подготавливаю фрагменты несчастья,
Но я не схватываю целое, судьба человека выше
моего воображения...
Но достаточно ли этого?

А вот какими словами самарянка, которую Иисус встретил у колодца в Сихаре, выражает смысл их встречи:

Он без труда заставил меня покраснеть,
Зажег во мне стыд и мысли, которые я сдерживала
столь долго,
Как если он уловил ритм биения в моих висках,
И внезапно вызвал во мне это великое изнеможение...
И с такой заботой...

Иногда тщательно обдуманные, иногда торопливо написанные на полях официальных бумаг, а затем отправленные «как есть» в «Тыгодник повшехны» (где редактор публиковал стихи в том виде, в каком они поступали), стихотворения Войтылы были просто способом выражения им своих идей или опыта. Иногда именно стихи становились для него наилучшим средством выражения своих мыслей, временами они являлись чем-то вроде молитвы. Поэтического выражения требовали, по словам Войтылы, как его общение с исповедующимися, так и положение доверенного лица молодежи во время путешествий или же такие выдающиеся события, как Второй Ватиканский Собор или празднование тысячелетия польского христианства.

Хотя произведения Войтылы довольно точно следуют традиции современной ему религиозной поэзии, они выглядят как советы — и даже в такой форме в них звучит ярко выраженная гуманистическая направленность. В них редко можно найти проклятия или восхваления; чаще всего они носят описательный характер. Другими словами, в стихах нет «стихотворной апологетики христианства». Тем не менее эти стихи отражают христианский взгляд на человеческие судьбы. Возражая стремлению рассматривать жизненный путь как сравнительно ровную дорогу, где дос-

таточно лишь соблюдать правила движения, Войтыла безжалостно обнажает драматический конфликт, который может быть обнаружен в судьбе почти каждого человека. Он не говорит об этом прямо, но подсказывает читателю, что перед любым человеком в современном мире стоит выбор «между обязанностями и потерей [человеком] его гуманистических черт». Для человека этот выбор является и ужасным, и волнующим, поскольку здесь мы имеем дело со священным. Этот выбор, по мнению Войтылы, неизбежен, если мы хотим жить полной, зрелой жизнью, в соответствии со своим чувством достоинства и в согласии с остальными людьми:

> ...Тебе бы лучше идти по воде! Иди по воде, не бойся за ноги — волны обнимут их так, что ты не утонешь.
>
> И тогда придет Он, и его груз ляжет на твои плечи. И, чувствуя это, ты, трепеща, проснешься.

ЗАНЯТЫЙ ОТШЕЛЬНИК

Для молодого священника отец Кароль Войтыла вел исключительно насыщенную жизнь, богатую дружеским общением, занятиями, литературным творчеством и интеллектуальными размышлениями. Эта насыщенная жизнь являла разительный контраст с его личным аскетизмом.

У него никогда не было счета в банке, он не выписал ни одного чека, никогда не имел личных денежных средств. Спал Войтыла на полу, поскольку приучал себя к самодисциплине и самоограничению. Обладание вещами не значило для него ничего, кроме, возможно, снаряжения для лыжных и туристических походов, которым снабжали его друзья по «Шродовиско». Мечислав Малиньский, также ставший священником, однажды в день ангела Войтылы отобрал у своего друга старую ржавую бритву и подарил новую. Малиньский был уверен, что, если он не выбросит старую бритву, Войтыла отдаст новую кому-нибудь, как он поступал с большинством подарков. Войтыла постоянно ходил в старой сутане и потрепанных ботинках. Малиньский вспоминал, что, встретив этого священника на улице, любой мог принять его за нищего бродягу.

Биограф, желающий описать жизненный путь Войтылы, сразу отметит, что критических и нелестных отзывов, которые так

любят современные читатели, найти невозможно. Еще более удивительным является то, что при всей интеллигентности, творческой продуктивности и выдающихся успехах на пастырском поприще Войтыла никогда не вызывал зависти со стороны других деятелей Церкви. По словам Мечислава Малиньского, Войтыла «не обсуждался» в клерикальных кругах Кракова, в частности «из-за того, что его экстраординарность далась ему нелегко, совсем нелегко». Единственное, на что жаловались, — это на его обыкновение жить по своим собственным часам, устанавливаемым по «стандарту времени Войтылы». Он почти всегда опаздывал на встречи и собрания, надолго задерживаясь на своих предыдущих встречах или же будучи не в силах оторваться от жадного, почти непрерывного чтения.

Он любил свое призвание священника, но тем не менее большую часть времени тратил на мирян, хотя можно сказать, что и это тоже было частью его священнической деятельности. Те, кому довелось подружиться с ним, оставались его друзьями навсегда — и всегда он был для них доступен. Яцек Возняковский вспоминает его как человека, который умел с помощью интуиции «читать в душах». Такая способность может сделать человека очень опасным для других, по крайней мере она дает возможность, используя демагогию, манипулировать чужими жизнями. Но воспитавший себя в аскетизме и интенсивных молитвах, Войтыла вместо этого стал очень популярным исповедником, а также вполне профессиональным поэтом и драматургом.

Середина 50-х была, возможно, самым трудным периодом для католической Церкви в коммунистической Польше. Конституция Польской Народной Республики 1952 г. провозгласила отделение Церкви от государства. Режим стал оказывать все больше давления на католическую печать и закрыл для молодежи семинарии. Большое число священников вновь подверглось аресту (в том числе и отец Тадеуш Куровский, наставник Войтылы по костелу Святого Флориана); другие были обложены тяжелыми налогами. Ассоциация «священников-патриотов», союзная «Миру», набросилась на епископов и потребовала отстранения Примаса. Епископ Чеслав Качмарек из Кельце был арестован, допрошен и приговорен к двенадцати годам тюремного заключения после классического сталинистского показательного суда.

Конфронтация достигла своего апогея в мае 1953 г., когда правительство объявило, что государство отныне будет само назначать и снимать епископов и ксендзов, и потребовало от всех

священников принятия клятвы на верность Польской Народной Республике. Возглавляемые кардиналом Вышыньским, епископы выступили против. В своей яростной проповеди в кафедральном соборе Святого Иоанна в Варшаве Примас бросил перчатку:

— Мы учим прихожан отдавать кесарево кесарю, а Божие Богу. Но когда кесарь усаживается на алтарь, мы отвечаем кратко: он так делать не должен.

После этого епископы провели в Кракове встречу под председательством Вышыньского. Участники сделали эпическое заявление, в котором защищалась независимость Церкви. Заявление завершалось словами: «Нам не позволено возлагать принадлежащее Богу на алтарь кесаря. «Non possumus!» [«Мы не можем!»]». Режим определил это заявление как государственную измену (официально это звалось «покушением на Конституцию»). В ночь с 25 на 26 сентября 1953 г. кардинал Вышыньский был арестован и содержался под стражей — сначала в бывшем монастыре на северо-западе, затем в монастыре на юге.

Он был освобожден в 1956 г., когда режим, возглавляемый Владиславом Гомулкой, перед угрозой советского вторжения, призванного предотвратить восстания и волнения, снова пригласил его в Варшаву. Вышыньский потребовал отмены декрета 1953 г., освобождения из тюрьмы епископа Качмарека, восстановления католической прессы, установления порядка в управлении Церковью и создания новой смешанной комиссии из представителей правительства и епископата. Гомулка согласился. Вышыньский — отныне всемирно известная личность, чей профиль появился в журнале «Лайф» как символ сопротивления коммунизму, — вернулся в Варшаву и начал воплощать в жизнь разработанную в период заточения и рассчитанную на девять лет программу обновления Церкви «Великая Новена», призванную подготовить Польскую Церковь к празднованию в 1966 г. ее тысячелетия.

Согласно всем отзывам, отец Кароль Войтыла не интересовался политическими событиями, происходившими в Польше в 1950-е годы. Единственной газетой, которую он читал, был «Тыгодник повшехны», и его совершенно не интересовало, кого назначали и снимали в Политбюро или среди местных партаппаратчиков. Но было бы ошибкой полагать, что он считал, что Церковь должна безропотно страдать, не оказывая сопротивления. Подобно многим другим польским священникам, он фактически участвовал в движении сопротивления коммунизму тем, что помогал растить поколение поляков, которые могли противопоставить

коммунистической «культуре лжи» правду своих религиозных и нравственных убеждений. Его литературные творения никогда не были прямо направлены против коммунизма. Он совсем не обязан был это делать. Но читатель прекрасно понимал, что представления Войтылы о человеческой жизни и человеческом достоинстве не пересекаются с официальной идеологией.

Он был человеком со своим внутренним миром и оставлял кое-что исключительно для себя — там, где вел наиболее интенсивный разговор с Богом. Вместе с тем он пытался внести свой вклад в общественную жизнь города, который успел полюбить. Его частная жизнь и жизнь, посвященная Церкви, представляли собой неразрывный сплав, сконцентрированный не только на защите церковных институтов (чем занимается большинство священников), но и на защите личного достоинства человека. Подобно брату Альберту, Кароль Войтыла считал, что Церковь призвана быть защитником человеческой личности против преследований и унижения. И — как это понимал еще брат Альберт — именно поэтому Церковь является истинной территорией свободы.

4

ВИДЕТЬ ВЕЩИ ТАКИМИ, КАК ОНИ ЕСТЬ

Становление философа

1 сентября 1951 — начало академического отпуска отца Кароля Войтылы.

Октябрь 1953 — Войтыла начинает читать лекции по социальной этике в Ягеллонском университете.

Январь 1954 — факультет теологии Ягеллонского университета присуждает Каролю Войтыле вторую докторскую степень.

12 октября 1954 — отец Войтыла получает назначение на кафедру философии Люблинского католического университета (ЛКУ).

1954–1955 — Войтыла читает лекции на тему «Деяние и моральный опыт» для студентов ЛКУ, проводит дискуссии по философии этики Макса Шелера, Иммануила Канта и Фомы Аквинского.

28–30 мая 1955 — Кароль Войтыла принимает участие в международных соревнованиях по гонкам на байдарках по Дунаю.

1955–1956 — в цикле лекций для старшекурсников ЛКУ на тему «Добродетель и человеческие ценности» Войтыла рассматривает этические воззрения Платона, Аристотеля, святого Августина, Фомы Аквинского, Канта и Шелера.

5–10 марта 1956 — отец Войтыла выступает перед выпускниками учебных заведений со своей ежегодной проповедью в краковском костеле Святого Флориана.

1956–1957 — лекции в ЛКУ на тему «Норма и счастье» с критикой философской этики Дэвида Юма и Джереми Бентама.

1 декабря 1956 — Кароль Войтыла получает должность профессора кафедры философии ЛКУ.

1957–1958 — в новом цикле лекций Войтыла уделяет особое внимание этике взаимоотношения полов. Цикл был продолжен в 1958/59 учебном году.

1960 — ЛКУ издает книгу Кароля Войтылы «Любовь и ответственность».

1960–1961 — Последние университетские лекции Войтылы. Тема — «Теория и методология этики».

Осенним днем 1955 г. в дверь дома № 3 по улице Мицкевича вошел тридцатипятилетний священник. Его темно-зеленое пальто, надетое поверх поношенной сутаны, было сшито из ткани, очень напоминавшей ту, что обычно идет на одеяла. На голове вместо положенной по сану черной шляпы была обычная кожаная кепка. В общем, одежда вошедшего разительно отличалась от принятой в преподавательской среде. Однако человек пришел именно для того, чтобы провести занятие по курсу католической этики.

В выделенном для его семинаров актовом зале он небрежно бросил пальто на спинку стула, прошел на сцену и начал говорить, расхаживая взад-вперед Казалось, он не читает лекцию, а просто рассуждает, собирая в единое целое факты из повседневной жизни и теологические постулаты. К некоторым сложным вопросам он возвращался по нескольку раз, рассматривая их то под одним, то под другим углом зрения, незаметно подводя к верному решению. Время от времени он ненадолго замолкал и смотрел в зал, чтобы убедиться в том, что его понимают. Студенты из Кракова, Ченстоховы и Силезии, пришедшие на семинар, сидели, затаив дыхание, будто загипнотизированные его манерами. Он не только одевался совсем не так, как другие профессора факультета. Необычной была у него сама манера преподавания. Он не просто старался передать им знания, а всякий раз как бы приглашал их совместно заняться исследованием той или иной проблемы.

В тот день речь шла о закреплении материала, который они недавно проходили, скорее всего о личном и общественном благе или о проблеме взаимоотношения социальных классов. На таких называемых коллоквиумами занятиях этот преподаватель старался сделать все от него зависящее, чтобы каждый студент изложил

свою собственную точку зрения по данной теме. Сделать это порою было нелегко — жизнь в те годы больше располагала к скрытности, чем к откровенным высказываниям. Но на сей раз ни к каким особым приемам прибегать не потребовалось. Двадцатилетний Ромуальд Валдера с нетерпением ждал момента, когда ведущий завершит вступительное слово. За время учебы на юридическом факультете Ягеллонского университета он успел проникнуться марксистскими идеями и считал своим долгом отстаивать их правоту и на этом коллоквиуме. Со свойственной юности безапелляционностью он принялся оспаривать тезисы преподавателя и разоблачать социальное учение клерикалов в целом. Его изобилующая марксистской терминологией страстная речь казалась в этих стенах столь странной и чуждой, что сидящие рядом испугались за товарища. Кто-то, пытаясь успокоить распалившегося оратора, дернул его за рукав.

— Остановись! Тебя же выгонят! — прошептал кто-то еще.

Преподаватель выслушивал тирады Валдеры, невозмутимо расхаживая по своему обыкновению по сцене, заложив руки за спину и чуть склонив голову.

Наконец молодой человек высказал все, что накипело у него за последнее время, и опустился на свое место, вытирая выступивший на лбу пот. В зале наступила полная тишина. Отец Кароль Войтыла на мгновение замер, затем вышел на середину сцены и произнес фразу, поразившую всех присутствующих и, наверное, больше всего самого Ромуальда Валдеру.

— Господа, то, что вы сейчас услышали от вашего коллеги, со всей очевидностью доказывает, что он начинает мыслить как теолог, — сказал он и принялся один за другим разбирать высказанные аргументы. Ни разу не повысив голос, он отвечал на самые острые вопросы. Постепенно в разговор стали включаться студенты. Они говорили о самом наболевшем: об условиях, в которых вынуждены жить многие люди, о состоянии, в котором оказалось польское государство, о Боге. Священник-преподаватель вновь заходил по сцене, внимательно слушая и терпеливо разъясняя точку зрения католической Церкви на каждую из волнующих студентов проблем.

По окончании занятий отец Войтыла попросил Ромуальда Валдеру задержаться, и они еще долго беседовали в коридоре вдвоем. Священник понимал, какое смятение творится в душе молодого человека, и постарался ему помочь. Полученный тогда урок

терпимости и доброты запомнился Ромуальду Валдере на всю жизнь. И четверть века спустя, когда уже ему как священнику пришлось столкнуться с революционной горячностью нового поколения, он старался вести себя так, как его университетский наставник.

ИЗМЕНЕНИЕ ПЛАНОВ

23 июля 1953 г. скончался «непокоренный князь» кардинал Стефан Сапега. Окруженный множеством свечей гроб с его телом стоял в Вавельском кафедральном соборе. Священнослужители со всей страны, сменяя друг друга, отдавали долг памяти епископу, сумевшему провести их сквозь мрачные годы оккупации. Именно этот человек, рукоположивший Кароля Войтылу, был для него образцом служения Богу. И сейчас, вглядываясь в лицо умершего, отец Войтыла чувствовал себя, как в тот день, когда стал сиротой. Кардинал Сапега был захоронен в мраморном склепе, расположенном напротив саркофага святого Станислава, также неустанно отстаивавшего права католической Церкви и боровшегося против вмешательства в ее дела мирских владык.

Найти преемника кардинала Сапеге на место архиепископа Краковского оказалось делом крайне сложным. Согласно достигнутой с коммунистическим правительством договоренности польский епископат (на практике — Примас Вышыньский), проконсультировавшись со Святым Престолом, должен был согласовать предложенную кандидатуру с государственными органами. Полномочий назначать епископов у властей, таким образом, не было, но они могли наложить вето на решение Церкви. Это право и было использовано в Кракове. Святой Престол выдвинул в качестве преемника Сапеги архиепископа Евгениуша Бажака. Власти были категорически против. Ватикан продолжал настаивать на своем, и в конце концов архиепископская кафедра в Кракове оставалась вакантной целых двенадцать лет. Впрочем, так обстояло дело с официальной точки зрения государственных органов. Для Церкви Евгениуш Бажак де-факто был архиепископом Краковским.

Папа Иоанн Павел II, вспоминая о Евгениуше Бажаке, говорил о нем как о человеке, «прожившем драматическую жизнь», исполненную трагических событий. Родившийся в 1890 г., Бажак был назначен архиепископом католиков латинского обряда Львова 22 ноября 1945 г., практически в тот самый день, когда этот старинный галицийский город, став Львівом, вошел в состав Украинской Советской Социалистической Республики. Интернированного, а затем высланного из собственной резиденции советскими властями архиепископа кардинал Сапега пригласил к себе в Краков.

Сама жизнь распорядилась так, что Бажак оказался рядом с Сапегой в годы сильнейшего сталинского давления на Польскую Церковь. В этот, как охарактеризовал его один из служивших тогда в Кракове священников, «труднейший период, когда вмешательство приобрело самый радикальный характер», коммунисты даже пытались назначать своих ставленников в качестве помощников священнослужителей. Архиепископ Бажак решил, что в столь тяжелых обстоятельствах его долг заключается в том, чтобы непреклонно «стоять» там, куда он был поставлен, подобно скале защищая священные институты от проникновения чуждых течений. К его несчастью, этому в определенной мере мешало дружеское расположение Сапеги, который, будучи, по определению Иоанна Павла II, «настоящим владыкой», считал естественным не отказывать себе в удовольствии общения с близкими ему священниками и мирянами. О Евгениуше Бажаке Папа вспоминал как «о прекрасном, добросердечном человеке», который как должное воспринимал то, что современники называли его «излишне строгим и сухим». Главным для него было показать, что он никогда не станет игрушкой в руках режима. Напряженность, которая часто возникала в его отношениях с окружающими, объяснялась именно стремлением постоянно демонстрировать свою жизненную позицию. Это был нелегкий путь. По свидетельству коллег, его никогда не видели праздным или расслабленным ни в архиепископской резиденции, ни в канцелярии. Но они же говорят о необычайной теплоте и по-настоящему дружеском расположении, с которыми он всегда встречал гостей, приезжавших к нему из Львова.

Именно архиепископ Бажак и предложил викарию костела Святого Флориана вернуться к академической жизни и написать работу на соискание второй докторской степени, что дало бы тому

право преподавать в высших учебных заведениях. Сам отец Кароль Войтыла встретил предложение, которое, судя по всему, было оговорено с кардиналом Сапегой еще при жизни последнего, без энтузиазма. Его деятельность в качестве стажера-священника костела Святого Флориана развивалась весьма успешно, к тому же он добавил к ней служение на ниве заботы о здоровье рабочих. Но Бажак настаивал. С 1 сентября 1955 г. он отправил Кароля Войтылу в двухгодичный академический отпуск для завершения работы над диссертацией. Чтобы молодому священнику было легче работать, а как подозревают некоторые, еще и для того, чтобы отрезать ему пути к отступлению, архиепископ распорядился о переезде отца Войтылы из пастырского дома при костеле Святого Флориана в принадлежащее Церкви здание по адресу улица Канонича, 21, известное как Деканский дом. Расположенное на одной из самых респектабельных улиц Кракова, это здание получило свое название потому, что именно в нем жили когда-то каноники Вавельского собора. Теперь соседом Войтылы был пожилой отец Игнаций Рожицкий, бывший его наставником в Краковской семинарии. Начинающему философу, формально числившемуся помощником настоятеля костела Святого Флориана, предоставили комнату на втором этаже, служившую ему и спальней, и кабинетом. Помещение в двадцать квадратных футов отапливалось изразцовой печуркой, возле которой обычно стояли лыжи молодого священника. На мраморной столешнице письменного стола стояла старенькая пишущая машинка «Ремингтон». Вот, пожалуй, и вся обстановка.

Зная, что отец Войтыла способен работать за троих, архиепископ Бажак сразу намекнул, что не будет возражать, если тот во время академического отпуска не оставит и пастырского служения. Молодой священник в сопровождении своего «маленького хора» из членов «Родзинки» ежедневно служил мессы в костеле Святой Екатерины. Кроме того, он периодически читал проповеди в костеле Святого Флориана и занимался со студентами множеством других дел. Четвертую неделю Великого поста он обязательно проводил в своем бывшем приходе, а в первую пятницу каждого месяца служил мессу для студентов в университетской церкви Святой Анны. Но при всем этом, в соответствии с указанием архиепископа Бажака, основной деятельностью отца Войтылы оставалась подготовка научной работы на соискание профессорского звания.

ИССЛЕДОВАНИЕ СУЩНОСТИ ВЕЩЕЙ

Приступая к выполнению поручения архиепископа, Кароль Войтыла уже имел свою точку зрения на исследуемую проблему. «Борьба» с метафизикой Вайса на химическом заводе «Солвай» убедила его в том, что каждый, кто желает исследовать тот или иной вопрос до конца, понять его во взаимодействии с другими проблемами, должен очистить суть от всего наносного и поверхностного, а сделать это можно только с помощью истинной веры в Бога. Объективную реальность можно взвесить на весах мысли. Мысли свойственно извлекать суть вещей, подобно тому как стальная стружка извлекается магнитом из кучи мусора.

От этого выстраданного убеждения относительно «объективной» реальности мира Войтыла не отходил и по мере дальнейшего углубления в философские вопросы. Когда он занялся непосредственно этикой, это помогло ему прийти к еще одному выводу: именно через «объективную» реальность мира раскрываются такие важнейшие духовные понятия, как добродетель, стремление к счастью, моральный долг и цель жизни. Он также подошел к пониманию того, что реальность и ее взаимосвязь с внутренней духовной жизнью не совсем адекватно воспринимаются в современном мире. Аристотель и Фома Аквинский вполне обоснованно строили свою философию на фундаменте космологии. Но, двигаясь к понятию личности от общей теории мироздания, они почти не коснулись проблемы свободы человека.

Некоторые мыслители вообще начали трактовать учение о внутреннем мире человека как нечто изобретенное в сугубо прагматических целях. С этим Войтыла согласиться не мог. Он полагал, что философы, используя в своих рассуждениях разные точки зрения, в принципе должны преследовать одну цель: проникнув в суть окружающего, помочь человеку понять, как он должен себя вести. Собственный опыт внутренней жизни, постоянная борьба между «Я, каков я есть» и «Я, каким я должен быть», и есть та сцена, с которой неизбежно заявляют о себе самые главные вопросы морали: о добре и зле, целомудрии и долге. С этого и следует начать размышления о философских основах морали. Но возможно ли, изучая этику, оттолкнувшись от анализа внутреннего человеческого опыта, не оказаться в ловушке известного солипсического парадокса: думать о том, что думают, когда думают о том, что думают? Может ли современный человек избежать тупи-

ка радикального скептицизма, отрицающего саму возможность понять *что-либо* через веру?

Сконструировать философскую модель внутренней жизни человека — так теперь понимал Кароль Войтыла задачу, которая смутно замаячила перед ним еще во время его ранних научных занятий и о необходимости решения которой настойчиво говорил его опыт пастырского служения. Именно этому и была посвящена диссертация. По совету своего бывшего наставника и нынешнего соседа отца Рожицкого он решил начать с изучения трудов немецкого мыслителя Макса Шелера — не удастся ли найти подход к решению поставленной проблемы в выработанной Шелером философии нового типа? Вскоре выяснилось, что ответа на последний вопрос в философии Шелера нет. Но само понимание этого стало своего рода поворотным моментом в интеллектуальном развитии Войтылы. Так что Шелер сыграл достаточно важную роль в его жизни.

Макс Шелер родился в 1874 г. и, прожив не очень продолжительную, но весьма бурную жизнь, умер в 1928 г. Многие современники почитали его настоящим гением. Но в то же время в немецких академических кругах он считался отступником и изгоем. Основания для разного рода толков и подозрений давали и его еврейские корни, и переход в католицизм, и произошедший позже отход от Церкви. Как бы там ни было, Шелер был одним из тех немецких мыслителей, которые смогли вдохнуть в католическую философию новую жизнь, образовав сразу же после Первой мировой войны в Мюнхене кружок единомышленников-интеллектуалов. Членами этого кружка были также Дитрих фон Хилдебранд и Эдит Штейн, одно время жившие во Львове и имевшие непосредственное отношение к польской философской школе. Первоначально центром этой группы мыслителей был Эдмунд Гуссерль (1859–1938), сформулировавший философский метод, получивший название феноменология. Но, как полагали Шелер, Ингарден, фон Хилдебранд и Штейн, Гуссерль впоследствии отказался от своих изначальных воззрений, которые могли бы стать инструментом новой философии, способной соединить теоретические построения с объективной реальностью. Считая своим долгом пройти до конца по пути, который оказался не по силам основоположнику теории, каждый из этих мыслителей занялся разработкой одного из вопросов, поставленных Гуссерлем. Несмотря на сложность анализа и терминологии феноменологов, разобраться в основных положениях этой философии было не

так трудно. А тому, кто хочет понять, как мыслил тогда Кароль Войтыла, сделать это просто необходимо.

По сути, феноменология — это попытка «вернуть философии целостность, вновь повернуть ее к повседневным вещам, конкретным понятиям и опыту, который каждый из нас черпает в своей реальной жизни». Ранний Гуссерль и его последователи полагали, что философы отходят от реальной жизни двумя путями. Материалисты принижают духовный опыт человека, сводя его к «считыванию информации, чувственным ощущениям, химическим нервным реакциям и т. д.». Идеалисты же, пытаясь свести все к идеальным типам, формам и категориям, постепенно скатываются в мир абсолютных абстракции и субъективизма. Чтобы понять суть этих двух столь различных философских направлений, можно рассмотреть самую обычную ситуацию из реальной жизни, например, встречу юноши и девушки. Материалист, обратившись к этой теме, будет анализировать химические реакции, которые происходят у девушки в мозгу, когда она смотрит на юношу, слышит обращенные к ней слова, чувствует его прикосновения. Находящийся под влиянием Иммануила Канта идеалист может впасть в другую крайность, начав опасаться, что девушка нарушает второй категорический императив — другой человек не может быть средством достижения цели.

Феноменолога же интересует все происходящее в целом: физиологические, физические аспекты, равно как моральные и этические воззрения, которыми руководствуется девушка. Как все это взаимодействует? Что ее сердце подсказывает разуму и наоборот? И что может дать этот девичий опыт для понимания состояния человека как такового? Установка на рассмотрение всех процессов в целостности и стремление проникнуть в реальную сущность вещей и привлекли Кароля Войтылу. В своей диссертации он попытался разобраться, можно ли построить прочный фундамент философии морали на базе шелеровской феноменологии этики.

Первый вопрос, на который призвана ответить любая система взглядов на мораль: «Почему то или иное хорошо?» Сколь бы разнообразны ни были ответы, в принципе они сводятся к двум: традиционалистскому — «потому что именно так принято поступать» или авторитарному — «потому что так велит мне поступать Господь (мама, закон)». Не следует ли из этого, что моральный выбор является результатом не только личных убеждений и предпочтений? Почему современный человек считает себя связанным

какими-то моральными обязательствами и говорит: «Я обязан был поступить так», вместо: «Я предпочел поступить так». Как удается обществу диктовать нам то, как мы должны в нем жить, если никто не знает даже, откуда это «должны» исходит, и каждый приписывает авторство кому-то или чему-то другому, но не себе?

Вопросы эти были актуальны не только для коммунистической страны. Новая культура, развиваясь по обе стороны «железного занавеса», сталкивалась с одним и тем же основополагающим вопросом: «Могут ли люди найти общий язык, говоря о морали?» Войтыла надеялся, что Шелер поможет ему отыскать подход к этой проблеме, поскольку решение ее вписывалось в «назревшую великую попытку поиска новых направлений философской мысли». То, что предстояло сделать, напоминало работу на руднике, только добывать следовало свежие мысли и знания. Как вспоминал впоследствии Папа Иоанн Павел II, «прежде, чем приступить к философскому и теологическому анализу воззрений Шелера, пришлось в буквальном смысле слово за словом перевести множество его трудов».

Это была нудная и тяжелая работа, особенно вначале. Зашедшему как-то на Канонича, 21, Мечиславу Малиньскому Войтыла пожаловался:

— Смотри, какой объемный труд мне нужно просмотреть... Смогу ли? Мой немецкий далек от совершенства, а здесь столько технических терминов, которые я вообще с трудом понимаю. Знаешь, что я, пожалуй, сделаю?.. Переведу-ка всю книгу целиком, слово за словом... Что еще остается?

Сама эта деталь многое дает для понимания подхода Войтылы к научным занятиям. Рассматривая Шелера как потенциального гида по миру новейшей философии, он был готов работать день и ночь, чтобы ознакомиться с воззрениями этого мыслителя на языке оригинала. Кстати, судя по всему, именно Шелер помог ему избавиться от соблазна поискать ответы в неосхоластике отца Режинальда Гарригу-Лагранжа.

В диссертации Войтыла не ограничился критикой философских методов, с которыми ознакомился. Свою недюжинную энергию он направил на изнурительную борьбу с устаревшими направлениями католической мысли. Некоторые формы неосхоластики могли превратиться в серьезное препятствие для встречи католической мысли с современной философией. Войтыла попросту обошел этот барьер, восприняв у неосхоластов то единственное, что выдержало проверку временем, — их убежденность, что фи-

лософия должна изучать вещи и явления такими, какие они есть на самом деле. Молодой священник был готов воспринять современную философию в ее собственном самоопределении и не раз говорил годы спустя, что преодоление второго категорического императива Канта сыграло «необычайно важную» роль в его становлении как мыслителя. О том, как далось ему это «преодоление», говорит хотя бы то, что Кароль Войтыла, уже будучи Иоанном Павлом II, услышав имя немецкого философа от одного из гостей, не сдержался и воскликнул:

— Кант, Mein Gott! Кант!

В анализ взглядов Шелера он привнес свою собственную интуитивную «феноменологию», основанную на опыте духовника, учителя, писателя. Ему удалось выйти на путь выработки философии, в которой, как впоследствии говорил сам Войтыла, «соединялись воедино оба направления»: метафизический реализм Аристотеля и Фомы Аквинского и обращение Макса Шелера к реальному человеческому опыту.

Шелеровский персонализм спас философию морали от сухих абстракций кантианской этики, отстояв пафос, экстаз и, можно сказать, сам дух человеческой жизни. Именно это больше всего и привлекало в нем Кароля Войтылу. Молодой священник был согласен с Шелером и в том, что составной частью интуитивного понимания человеком истинной природы вещей является врожденное понимание морали, некое «знание, исходящее от сердца», но при этом знание вполне реальное. Шелеровский тщательный анализ связанных с моралью чувств, особенно сопереживания и сострадания, оказался крайне важен для выхода современной философии из плена солипсизма, поскольку именно сочувствие и сопереживание предполагают обязательное взаимоотношение с другими людьми. Пожалуй, больше других Войтылу заинтересовала попытка Шелера выстроить фундамент общей морали на основе анализа выбора, который постоянно делает человек в реальной жизни, а не на отвлеченных абстракциях кантовской системы. Войтыла попытался ответить на вопрос, может ли шелеровский (а в более широком смысле феноменологический) философский метод как таковой дать для современной христианской философии то, что дал Фоме Аквинскому Аристотель.

Ответ молодого священника был, по сути, отрицательным. Любое действие, продиктованное моралью, действительно является естественным актом, продиктованным условиями реальной жизни. Но с тем, каким образом нравственный выбор формирует

личность человека, Шелер, как показал Войтыла, разобраться не смог. В шелеровской системе мораль каким-то образом все равно оказывалась выведенной за пределы внутреннего мира человека. Критиковал Войтыла и тенденцию Шелера излишне преувеличивать влияние чувств на сознание и поступки, что значительно сужало понимание человеческой личности. Люди, с которыми Войтыла встречался, разговаривал, которым ему приходилось помогать в их внутренней борьбе, состояли отнюдь не из одних эмоциональных переживаний, и жизненный опыт их зиждился не только на чувствах.

Это была специфическая критика взглядов Макса Шелера. Главные выводы, сделанные в научных тезисах «Оценка возможности разработки учения о христианской этике на основе философской системы Макса Шелера», стали основой для будущего философского проекта самого Войтылы. Феноменология, утверждал он, является важным инструментом оценки человеческого опыта. Однако, чтобы не погрязнуть в солипсизме, под нее должна быть подведена общая теория природы вещей, непременно реалистическая и способная помочь людям понять истинную суть окружающих их явлений. Крайне важно, подчеркивал Войтыла, чтобы люди захотели понять, что такое нормы морали, и жить в соответствии с ними. Ведь если не осознавать, что каждый раз приходится выбирать между добром и злом, а считать, что все зависит от чьих-то предпочтений, тогда в общем-то все равно, что выбрать, и понятия правильного выбора в принципе не существует. Это, в свою очередь, может еще более усугубить драматическое противоречие между свободой личности и ее зависимостью от общества и даже лишить человека самого главного, что отличает его от животного.

Изучение трудов Шелера стало для Кароля Войтылы первой серьезной попыткой связать реалистический объективизм философии, которую он изучал в семинарии, с новейшими философскими течениями, делающими упор на человеческий опыт и субъективизм личности. Поиск взаимосвязей, синтез и «мирное разрешение противоречий» стали лейтмотивом тезисов Войтылы и всех его более поздних научных работ, позволив ему оперировать понятиями «томизм» и «феноменология», рассуждать о любви и ответственности, свободе и самоограничении, а еще позже — о демократии и общественной морали, рынке и солидарности. Этот подход проявился и в пастырском служении Войтылы, и в его убежденности, что, встречаясь со

священником, любой человек должен чувствовать в нем носителя мудрости. Открытость и готовность довести свою точку зрения до каждого оказались теми инструментами, которые позволяли разобраться в философских взглядах отца Кароля Войтылы даже тем, кто не имел какой-либо специальной подготовки. Когда говорят о других философах, обычно вспоминают цитаты из их трудов. Когда речь заходит о работах Кароля Войтылы, всегда говорят о его человеческих качествах.

Видимо, на воззрениях будущего Папы отразилась и его любовь к размышлениям над Священным Писанием. Особенно часто он перечитывал Евангелие от Иоанна, те стихи, где описывается, как Иисус после чуда умножения хлебов говорит своим ученикам: «Соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало» (Ин. 6.12). Так и фрагменты человеческой жизни можно собрать в нечто целое, а значит, и фрагменты знаний и опыта, из которых складывается понимание человеком жизни. Такой подход помогает преодолеть посеянный интеллектуалами нового времени скептицизм, подойти к синтезу их лучших идей и тем самым пробудить стремление к восстановлению доверия и единства. Именно этот метод, по мнению Войтылы, позволяет изучать человеческое бытие во всех его драматических коллизиях, не отбрасывая достижения великих умов, заложивших интеллектуальные основы нашей цивилизации, а опираясь на них.

Научные тезисы, подготовленные Каролем Войтылой, были представлены для оценки профессорам отцам Александру Усовичу и Владиславу Вичеру из Ягеллонского университета и Стефану Свежавскому из Люблинского католического университета. Все трое единодушно признали работу достойной докторской степени, и 30 ноября 1953 г. их заключение было утверждено на специальном заседании научного совета факультета теологии. Официальный процесс признания Войтылы полноправным членом теологического факультета завершился чтением лекции «Анализ акта веры с точки зрения философии внутренних ценностей», в которой со всей очевидностью проявился его интерес к наследию святого Иоанна Креста и Макса Шелера. Вторая докторская степень была присуждена ему факультетом теологии Ягеллонского университета в 1954 г. Однако еще до того, как он получил звание доцента — самое скромное в иерархии университетских преподавательских титулов, коммунистические власти Польши начали сворачивать деятельность факультета.

Как бы то ни было, блестящая защита научной работы предполагала, что Кароль Войтыла должен начать преподавательскую карьеру в университете. Это и предопределило то, что он оказался участником одного из самых смелых научных предприятий нашего века, история которого может показаться неправдоподобной. Речь идет о небольшом, но весьма активном университете в старинном городе Люблине[1].

[1] Карьера Кароля Войтылы как преподавателя высшего учебного заведения началась в октябре 1953 г. чтением курса католической социальной этики на факультете теологии Ягеллонского университета. В начале 1954 г. деятельность факультета была приостановлена властями, но Войтыла продолжал читать свой курс в быстро созданной школе теологии семинаристам, для которых был сохранен университетский уровень преподавания данного предмета. Как и в Ягеллонском университете, лекции читались два раза в неделю.

Войтыла занялся именно социальной этикой, можно сказать, случайно. До него этот предмет в течение многих лет преподавал отец Ян Пивоварчик, отличный специалист, автор двухтомного труда, посвященного этой теме. Получив в 1953 г. неожиданное для себя назначение, Войтыла воспользовался заметками, которые подготовил его предшественник для своих лекций, слегка их изменив. Занимая незначительную должность на факультете и будучи самым молодым преподавателем, он посчитал себя не вправе корректировать одного из самых ведущих польских специалистов по социальной этике. Поэтому речь шла о незначительной редактуре под свою манеру изложения и добавлении примеров из современной жизни. По сути, это был тот же курс, который читал Пивоварчик. Но именно копии заметок Пивоварчика, отредактированные Войтылой, впоследствии были кем-то перепечатаны, размножены методом самиздата и получили широкую известность среди интеллигенции под названием «Католическая социальная этика». Эту книгу условно можно считать развернутым представлением социальной доктрины Польской Католической Церкви, какой она была в 1951 г. Некоторые издания также содержат интересные сведения о состоянии польской духовной жизни тех лет. Войтыла бесстрашно, порою даже довольно грубо критикует взгляды коммунистов на природу и сущность человека, а также их политические и экономические идеи. Но поскольку Войтыла не считал себя специалистом в области социальной этики, он не пытался привнести какие-либо новые теоретические воззрения. Тем не менее работа «Католическая социальная этика» дает весьма полное представление о дискуссиях по этой проблеме, будораживших польскую интеллигенцию в период между Второй мировой войной и Вторым Ватиканским Собором. Но главная ее ценность, пожалуй, заключается в том, что именно она позволяет понять, с чего началось становление социальной доктрины Папы Иоанна Павла II. — *Примеч. авт.*

ЛЮБЛИНСКИЙ ПРОЕКТ

Люблинский католический университет (ЛКУ) был основан в 1918 г. отцом Иджи Радзишевским. Как ни странно, одним из тех, кто поспособствовал ему в этом, был Ленин, который как раз в момент создания ЛКУ дал разрешение на передачу Польше библиотеки и оборудования Петроградской католической академии теологии. В 1938 г. ЛКУ получил статус государственного университета Республики Польской. Однако в годы немецкой оккупации он был закрыт, ряд его преподавателей были казнены, а многим другим пришлось пройти через тюремное заключение и пытки. Тем не менее статус государственного учебного заведения, который официально никогда не отменялся, видимо, помог пережить время торжества сталинизма в Польше. Это был единственный католический университет за «железным занавесом», сохранявшийся в этом качестве на протяжении всего периода «холодной войны».

Преподаватели и студенты ЛКУ постоянно ощущали давление коммунистического режима. Конфронтация приобретала то более мягкие, то жесткие формы, но никогда не прекращалась. С 1953 по 1956 г. были закрыты три факультета: юридический, социологический и педагогический. Даже после 1956 г., в период «оттепели», связанной с пребыванием у власти правительства Гомулки, число студентов искусственно ограничивалось, выпускникам, желающим продолжить научную карьеру в других университетах, чинились всяческие препятствия, а издание каждой подготовленной в ЛКУ научной работы превращалось в настоящую проблему. Но такая ситуация, направленная на изоляцию учебного заведения, сыграла и положительную роль — в университете вырабатывалась самостоятельная позиция по ключевым вопросам современности. В то время, когда очень многие влиятельные европейские интеллектуалы заигрывали с марксизмом, ЛКУ отстаивал непреходящее достоинство личности, боролся с агрессивным вторжением в ее права, демонстрируя, что именно католическое вероучение является самой надежной опорой в этой борьбе.

Коммунисты, позволявшие существовать ЛКУ, хотя и не забывали напоминать о себе постоянным давлением, относились к этому рассаднику чуждой идеологии не слишком серьезно. Для них католический университет был чем-то вроде интеллектуаль-

ного зоосада. «Они, — как писал профессор Стефан Свежавский, — просто не допускали мысли, что в этом осколке средневековья может появиться что-то новое. Власти рассматривали ЛКУ как некое подобие хасидского гетто». Возможно, сохраняя университет, коммунисты преследовали и еще одну цель — создать новый инструмент для проникновения «прогрессивных» идей в мир католической Церкви. Кстати, эту версию подтверждает то, что именно рядом с ЛКУ был открыт Университет имени Марии Склодовской-Кюри, ученой, получившей Нобелевскую премию за открытие радия. Но, как бы там ни было, преподаватели и студенты ЛКУ, а в особенности философского факультета, придерживались совершенно иной точки зрения на то, зачем они собрались в его стенах.

Открывая в 1946 г. факультет философии, правительство попыталось хотя бы отчасти утолить жажду философских знаний, которую явно проявляла польская интеллигенция. После войны и немецкой оккупации польская культура столкнулась с совершенно особой интеллектуальной ситуацией. Уже в первые послевоенные годы в аудиториях Ягеллонского университета, в которых читались лекции по философии, было трудно найти свободное место. Теперь же в ЛКУ и подавно. Даже на занятиях по такой отвлеченной философской дисциплине, как метафизика, для пришедших со стороны оставались только стоячие места, да и студентам приходилось зачастую сидеть на полу и подоконниках. Пережившие оккупацию и живущие в Польше времен сталинизма преподаватели и студенты ощущали истинную жажду философских знаний.

Каждый познавший жестокость оккупантов и лицемерие коммунистов почти неизбежно задавался вопросом, ответ на который искали еще античные философы: что же такое человеческое существо? Почему одни сносят все покорно, как вьючные животные, а другие проявляют чудеса героизма? Как расценить то, что одни предпочитают заботиться только о себе и в случае угрозы с легкостью предают лучших друзей, а другие оказываются способными на самое высокое благородство, жертвуя жизнью ради спасения порою совсем незнакомых людей. Что же такое человеческая природа, и можем ли мы познать законы ее развития? Что за удивительная смесь материи и духа образует то, что мы называем человеческой личностью? Чем отличается человек от других существ, обладающих развитой системой чувств? В чем смысл, назначение и цель жизни? Вот такие проблемы, о которых вели

напряженные споры философы со времен древних греков, с необычайной остротой зазвучали в стенах Люблинского католического университета в конце 1940-х — начале 1950-х годов.

Придя к выводу, что корни кризиса современной философии следует искать в ошибочных построениях, копившихся веками, ученые ЛКУ разработали собственную оригинальную схему исследований. Они попытались найти ключевые взаимосвязи трех крупнейших разделов философии: метафизика (общая теория, ищущая пути к познанию сути вещей и явлений) и антропология (проблемы естественного развития и высшего предназначения человека) должны были сойтись в этике, ищущей ответ на вопрос: как нам должно поступать? Философы ЛКУ предпочли этот путь еще и потому, что понимали особую важность этических проблем в новой политической ситуации. Коммунизм, с их точки зрения, представлял собой не просто одну из безуспешных из-за своей ограниченности попыток увидеть истинную природу вещей, но и жестокую карикатуру на гуманизм. Тоталитаризм коммунистической политики, по сути, освобождал людей от необходимости делать самостоятельный выбор, от ответственности и в конечном счете от их человеческой сущности.

Коммунизму и материализму в его теоретическом и политическом выражении следовало противопоставить цельное учение о гуманизме, позволяющее судить о внутреннем мире человека и моральной мотивации его поступков. Чтобы не загнать себя в замкнутый круг размышлений: «что думают, когда думают о том, что думают», — сразу было решено не углубляться в решение частных задач. Была поставлена грандиозная цель: не более не менее как критически переосмыслить направление, по которому пошла философская мысль начиная с эпохи Просвещения. Больше того, особую остроту проекту придавало намерение ученых дать бой марксизму по вопросу, заявленному марксистами как окончательно решенный: что такое свобода человеческой личности?

Все это было сформулировано четверкой совсем молодых людей, которые стали профессорами ЛКУ главным образом потому, что старые преподаватели были изгнаны по настоянию польских последователей сталинского коммунизма. Состав этого философского квартета был следующим: Ежи Калиновский — декан философского факультета, специалист в области логики и философии права, Стефан Свежавский — последователь экзистенциального томизма Жака Маритена, занимавшийся историей

философии, отец Мечислав Альберт Кронпек — доминиканец, специалист по метафизике, и отец Кароль Войтыла как специалист по этике. Позже к ним присоединились знаток античной философии отец Мариан Курджалек и Станислав Каминьский, специализирующийся в эпистемологии — теории познания. Они были очень разными людьми, с разными интересами, увлекающиеся разными аспектами философии. И тем не менее им удалось достичь, как позже говорил Стефан Свежавский, «редкого, исключительно плодотворного» согласия в совместной работе.

Начали с античных философов — сторонников радикально реалистических взглядов на мир и возможность познания его человеком. Если мышление и свободу выбора человека загнать в какие-то рамки, диктуемые условиями современной ему жизни, считали члены группы философов ЛКУ, миром начнет править некая грубая сила, истина начнет измеряться не сутью вещей и явлений, а взглядами властей. Суть этого императива реалистической философии очень хорошо отражена в польской шутке времен коммунистического правления: «"Скажи-ка мне, сколько будет дважды два?" — спрашивает партийный босс. "А сколько надо?" — не задумываясь отвечает подчиненный». Политические воззрения философов Люблинского университета позже очень четко выразила «Солидарность» в своей избирательной листовке: «Чтобы Польша была Польшей, дважды два всегда должно равняться четырем». Другими словами, человек может быть свободным только тогда, когда царствует истина, а мерилом истины является реальная суть вещей и явлений.

В качестве отправной точки исследований молодые мыслители избрали особенности современной им жизни. Четкое осознание реального человеческого опыта, считали они, даст более значительные результаты, чем углубление в космологию (общую теорию мироздания), с которой начинали философы античности и средних веков, равно как и неосхоласты, которых Войтыла изучал в «Ангеликуме». Поскольку человек является единственным существом, осознающим свое бытие и вообще интересующимся этим фактом, постольку и осмысление всего следует начинать с людей, «представляющих собой неповторимое единство, каждая частичка которого уникальна и никогда с самого дня мироздания не повторяла другую». На это утверждение и следовало опереться в своих поисках. Принятие возможности понять суть природы вещей через анализ человеческого опыта может стать мостом, соединяющим мирскую науку и религиозную философию и од-

новременно вывести современную философскую мысль из плена солипсизма. Кроме того, это было очень важно для борьбы с марксизмом.

Естественно, при таком подходе за рамками исследования неизбежно останутся, например, те вопросы, в которых физики разберутся лучше. Дело философов — самые ключевые. Каково предназначение человека? На чем зиждется наша история? Дают ли понимание о ее ходе рассуждения на базе материалистической и политической терминологии, или для этого требуется нечто гораздо большее?

Еще одним важным условием совместной работы, о котором сразу договорились философы ЛКУ, было то, что любые их исследования не должны выходить за рамки реальности и здравого смысла. Это другие мыслители могли пользоваться экономической, интеллектуальной и политической свободой для спекуляций на тему абсурдности жизни. Молодые ученые Люблинского университета, прошедшие школу духовного сопротивления нацизму, позволить себе такой роскоши не могли. Им приходилось смотреть фильмы о нюрнбергских съездах гитлеровской партии, на протяжении долгих пяти лет они были среди непосредственных объектов фашистской пропаганды, они познали жестокость оккупации. Пройдя через это, они прекрасно понимали, куда способны завести человеческую историю ничем не связанные материальные силы. Но, беря на вооружение метод здравого смысла, философы ЛКУ понимали и то, что следует сделать все возможное, чтобы не запутаться в не имеющих конца и начала рассуждениях по принципу, который годы спустя польский философ Войцех Шадый очень четко определил как «ловушку рефлексии». Вместо этого их мысли должны быть направлены на решение конкретных проблем: как подобает поступать людям в разных ситуациях.

Наконец было решено, что в научной работе следует придерживаться принципа единства времени. Иначе трудно абстрагироваться от влияния жизненных обстоятельств, и возникала опасность сузить рамки исследования современными условиями. Помочь могла история философии, утверждающая, что прошлое никогда полностью не устраняется настоящим.

Для взявшихся за этот философский проект идеи не были чем-то вроде интеллектуальных игр. Они понимали, что мысль может творить и добро, и зло. Трагическая история двадцатого века со всей очевидностью показала, как искаженные теорети-

ческие взгляды на личность, общество и предназначение человека оборачиваются горами трупов и морями крови. Помочь людям узнать истину о самих себе было просто необходимо. Молодые ученые ЛКУ видели путь к этому в постановке достижений современной науки на проверенный временем фундамент философских традиций. Они верили, что, если это удастся, ужасы нашего столетия не повторятся.

Это была группа людей, связанных не только общими научными воззрениями, но и личной дружбой. Стефан Свежавский знал Кароля Войтылу задолго до того, как прочитал его диссертацию о Шелере. Он и его жена Мария познакомились с ним в краковском костеле Святого Флориана. Практически не было ни одного торжества в доме Свежавских, на котором бы не присутствовал этот молодой священник, ставший катехизатором и духовником обеих их дочерей. Кароль Войтыла был знаком и с научными работами Свежавского, с особым интересом прочитал его книгу «Бытие», и они часто вели долгие философские споры. (Получивший должность в ЛКУ профессор Свежавский в течение долгого времени ездил в Люблин из Кракова или Варшавы, так как по непонятным причинам администрация университета не могла предоставить ему положенную по статусу квартиру, — еще одна прекрасная иллюстрация отношений коммунистических властей к этому учебному заявлению.) Довольно тесно сошелся Войтыла и с семьей Калиновских, став даже крестным отцом дочери Ежи. Дальние прогулки пешком и на лыжах, которые очень любили Кароль и Ежи, как известно, способствуют укреплению дружбы куда больше, чем совместное сидение в кабинетах.

В общем, в ЛКУ постепенно сложилась редкая для подобных учебных заведений группа преподавателей-друзей, ученых-единомышленников. Во время практически каждой поездки Кароля Войтылы в Люблин они собирались вместе и обсуждали проект, который все больше и больше увлекал их. Безусловно, особая роль в этом принадлежала декану Калиновскому. Именно он, по определению Иоанна Павла II, сумел организовать группу людей, которые, оставаясь независимыми и самостоятельными, «нашли в себе мужество» учиться друг у друга тому, что каждый мог дать для сегодняшнего дня и для будущего.

Однако все это вовсе не означало, что молодые ученые были согласны друг с другом абсолютно во всем. Между ними порою вспыхивали весьма жаркие споры. Сказывались теоретические расхождения и личные качества, в частности взрывной характер

отца Кронпека. Неослабевающий интерес Кароля Войтылы к работам философов-модернистов вызывал недоумение у его более традиционно настроенных коллег. Не раз заставляли их хмурить брови его стиль рассуждений и манера преподавания. Он, как вспоминал позднее один из его лучших студентов, работал и преподавал «по-крестьянски», почти не пользуясь какими-либо заметками. Войтыла торопился сам найти подход к познанию сути вещей и порой мало заботился о научном аппарате своих исследований в виде выверенных цитат и до конца отшлифованных формулировок каждого тезиса. При этом в нем совершенно отсутствовала покровительственная фамильярность, столь распространенная в профессорской среде европейских университетов.

Да, среди преподавателей философского факультета ЛКУ имелись разногласия, в определенной степени даже недовольство друг другом и соперничество. В этом нет ничего особенного. Ведь работали там не ангелы, а люди. Удивляет не это, а смелость их намерений. Впрочем, поначалу проект был воспринят как простая попытка найти свое место в сложившихся обстоятельствах. Его широта, смелость и способности исполнителей пролить свет на закономерности человеческого существования в различных условиях оказались в центре общественного внимания позже, когда профессор Войтыла рассказал о сути задуманного на одной из встреч с читателями польских философских журналов.

ПРОФЕССОР

Сам Стефан Свежавский феноменологией интересовался постольку поскольку. Его интерес к современной философии ограничивался лишь лингвистическим анализом. Тем не менее, когда он учился во Львове, одним из его преподавателей был известный феноменолог Роман Ингарден. Оказавшись в числе трех экспертов, которым было предложено дать оценку научным тезисам Войтылы о Максе Шелере, Свежавский сразу понял, какие возможности дало бы привлечение к люблинскому проекту успешно постигающего философскую премудрость молодого священника. В сентябре 1954 г. во время прогулки по расположенным южнее Кракова холмам, в которой участвовала и его жена Мария, он «настоятельно предложил» Войтыле перейти на философский факультет ЛКУ. Отец Кароль, видимо, уже настроившийся на то,

что будет преподавать в Кракове, поначалу отказывался. Но Свежавский решительно настаивал, и уже менее чем через месяц совет преподавателей ЛКУ проголосовал за назначение отца Кароля Войтылы на должность доцента философии этики. Вскоре решение было одобрено и архиепископом Бажаком. Войтыла начинает ездить на работу из Кракова в Люблин. А еще через два года, после перевода доминиканца отца Феликса Беднарского в «Ангеликум», Войтыла сменяет его на посту профессора кафедры этики философского факультета ЛКУ. В этом качестве ему предстоит проработать целых двадцать два года.

Став доцентом ЛКУ, Войтыла продолжал читать лекции семинаристам и окормлять верующих в Кракове. В Люблин он ездил через каждые две недели в течение учебного года и, чтобы сэкономить время, пользовался ночным поездом, прибывающим на вокзал рано утром. Его спутником в этих поездках часто бывал профессор индуистской философии отец Франтишек Токарш. Молодой священник произвел на этого профессора такое впечатление, что тот, оказавшись однажды в епархиальной канцелярии Кракова, заявил:

— Сделайте его епископом. Он мудр, благочестив, добр. Проснувшись утром, я выхожу покурить и вижу, что он уже молится. Когда возвращаюсь, он опять молится.

Сказался ли вырвавшийся у Токарша совет на дальнейшей карьере Кароля Войтылы или нет, об этом история умалчивает. Зато доподлинно известно, что эти два человека со столь разными философскими пристрастиями стали друзьями.

Помещение, в котором останавливались не имеющие в Люблине квартир преподаватели, комфортабельностью не отличалось. По сути, это была просто большая квартира с единственным постоянным жильцом — обитавшим на кухне молодым ассистентом профессора литературы Стефаном Савицким. Квартира была поделена на несколько «апартаментов» — трех-, двух- и однокомнатных. Между приезжающими профессорами нередко вспыхивали споры за право поселиться в однокомнатном номере без соседей. Войтыла в них никогда не участвовал. Однажды, когда ему вовсе не хватило кровати, он, ни слова не говоря, улегся спать на столе.

Поезда есть поезда. И Войтыла, как ни торопился, нередко опаздывал на лекции. Извиняясь перед студентами, он обычно шутил, что виной тому его привычка жить «по краковскому, а не люблинскому времени». Свое жалованье он анонимно переводил

в специальный фонд, созданный в университете для помощи студентам, испытывающим трудности с оплатой обучения. Те, кто учился в ЛКУ в середине пятидесятых, хорошо помнят, как Войтыла прогуливался по университетскому городку в старом пальто и потертой кепке. Вспоминают и то, что в перерывах между занятиями он имел обыкновение молиться в университетской часовне. Впрочем, это ему удавалось редко. Он был невероятно популярен среди студентов и никогда не отказывал никому, кто хотел с ним поговорить вне учебной аудитории. Студентам очень нравилось его умение переводить сугубо теоретический материал на конкретные примеры из современной жизни. Его талант проникать в самую суть явлений буквально зачаровывал. К тому же, как ни один другой профессор ЛКУ, он умел мгновенно находить общий язык с любым своим учеником. Дело было, видимо, в том, что каждый из них интересовал его не только как студент, но и «как личность». Именно этим объяснит впоследствии «гипнотическое» воздействие профессора этики на себя и своих товарищей один из тогдашних студентов ЛКУ. Кроме того, Войтыла не забывал и о своих обязанностях священника. Он исповедовал студентов и никогда не отказывал в совете тем, кто искал у него поддержки в своих духовных проблемах.

Вводный курс по философии этики он читал без конспекта. Говорил медленно, иллюстрируя сказанное жизненными ситуациями, хорошо знакомыми слушателям. Женщина, страдающая, чтобы родить ребенка, солдаты, жертвующие собой, чтобы защитить других; священник, дающий обет безбрачия, чтобы показать возможность абсолютно чистых отношений между мужчиной и женщиной, — вот примеры, каждодневно подтверждающие ключевое, по убеждению Войтылы, понятие этики личности — потребность человека в служении другим. То, что «закон дара» изначально присущ человеку, и старался доказать с помощью философии молодой преподаватель. Не получая, а только осознанно отдавая что-то другим, человек испытывает истинное наслаждение. Здесь, по мнению Войтылы, лежат основы любых, а не только христианских, этических норм. Универсальные требования морали предопределяют поступки каждой человеческой личности. Ведь только во взаимоотношении с другими человек осознает себя личностью. Подлинное существование человека возможно лишь в сосуществовании и обязательно предполагает следование определенным правилам контактов с себе подобными.

Помимо вводного, Войтыла вел также курс философии для студентов старших курсов, которые обучались по пятилетней программе, дающей право на получение звания магистра. Эти «монографические», как называли их студенты, лекции были гораздо сложнее, поскольку предполагали знакомство с трудами представителей всех основных направлений западной философской мысли — Аристотеля, святых Августина и Фомы Аквинского, Канта, Юма, Бентама и, конечно же, Макса Шелера. Читая их, Войтыла пользовался записями. Но он не просто читал принесенный конспект, а старался прежде всего продемонстрировать студентам широту свободной философской мысли. Цитаты в его устах как бы оживали, философы прошлого спорили друг с другом, приглашая к размышлениям всех присутствующих. Порою не только студенты, но и сам лектор замирал, «пораженный красотой зачитываемого им текста».

Даже по заголовкам лекций можно понять, что в них Войтыла пытался соединить философский реализм (анализ сути вещей) с философией человеческого сознания. Его лекции — это попытка представить объективную реальность во всей ее широте и богатстве и доказать, что западная философская мысль уходит с правильного пути, когда пытается познать мир, отказываясь воспринимать его таким, каков он есть на самом деле. В 1954–1955 гг. Войтыла читает лекции «Деяние и моральный опыт», блестяще раскрывая в них свое понимание «структуры» морального действия и того, как в них проявляется жизненный опыт человека. Он дискутирует с Максом Шелером, Иммануилом Кантом и Аристотелем. Итогом дискуссии является собственная его максима: «Именно такие моральные ценности, как честность и мужество, проявляясь в поступках, формируют честную и мужественную личность человека».

В лекциях, прочитанных в последующие два года, значительно расширяется количество используемого материала. Они охватывают практически всю двухтысячелетнюю историю западной философии. В 1955–1956 гг. Войтыла обращается к теме «Добродетель и человеческие ценности», рассматривая вопросы объективной оценки нравственности действия и восприятия личностью этических норм в процессе совершения нравственных поступков. В 1956–1957 гг. Войтыла посвящает свои лекции «Норме и счастью». И в них он вновь возвращается к стандартам морали, доказывая, что они формируются в результате «опыта ощущения счастья», который приобретает человек, совершающий правильные

поступки. В 1957/58 и 1958/59 учебных годах молодой профессор в серии лекций «Любовь и ответственность» раскрывает этические проблемы взаимоотношения полов. В 1960/61 г., правда, его «монографические» лекции носят более общее название «Теория и методология этики». Дело в том, что уже за год до этого исполнение пастырских обязанностей в Кракове не позволило ему вести занятия со студентами старших курсов. И, сделав еще одну попытку, в 1961 г. Войтыла из-за недостатка времени отказался от них окончательно.

Помимо основных обязанностей на факультете, профессор Войтыла вел также семинар по философской этике для наиболее способных студентов, которые собирались писать диссертации на степень доктора. Эти занятия не прерывались даже тогда, когда его нагрузка на священническом поприще существенно увеличилась. Кандидаты в доктора приезжали к нему в Краков. Эти семинары давали Войтыле возможность начать подготовку молодых людей, которые в будущем могли бы развить его философские взгляды, и он очень дорожил этим.

Занятия с будущими докторами Войтыла часто проводил на открытом воздухе, на склонах холмов или на горных лугах, сидя на каком-нибудь упавшем дереве. Он, по единодушному признанию студентов, был великолепным педагогом, никогда не пытавшимся навязать свою точку зрения. Войтыла видел свою задачу в том, чтобы научить будущих ученых самостоятельному философскому мышлению, побуждая участника семинара комментировать работу, которую тот в данный момент читал или писал. В этих занятиях блестяще проявился его талант преподавателя и священнослужителя, равно как и поражающая присутствующих способность делать два дела одновременно. Когда семинары проводились в резиденции архиепископа Краковского, профессор Войтыла молча слушал доклады и выступления, просматривая текущую корреспонденцию. Но когда подходило время подвести итоги, он делал это мастерски, вникая в самую суть каждого из затронутых вопросов.

На этих семинарах Войтыла-философ отрабатывал и очищал от лишнего избранный им особый феноменологический метод философской работы. Большинство философов работают прямолинейно, как бы поднимаясь по ступенькам: ставится проблема, рассматриваются или предлагаются различные пути ее решения, а затем каждое решение, одно за другим, проверяется логикой. В конце концов делается заключение о том, какое из них является

правильным. Войтыла направлял (и, естественно, направляет) свои мысли не по прямой линии, а как бы по кругу, точнее, по виткам спирали, все глубже и глубже вникая в проблему. Начинал он тоже с определения проблемы. Например: что побуждает человека совершить благородный поступок? Но затем принимался рассматривать ее под различными углами зрения и в разных проекциях. В итоге, возвращаясь на исходную позицию, он и его ученики узнавали об интересующем их вопросе немного больше. Потом его вновь начинали рассматривать с разных сторон, но теперь речь шла, соответственно, о более глубоких анализах и выводах. Этот процесс повторялся множество раз, и окончательное заключение делалось тогда, когда проблема оказывалась рассмотрена абсолютно со всех сторон. Этим же методом Войтыла воспользовался и для ведения семинаров, проявляя при этом блестящие способности к анализу и мгновенному выделению различий в подходе к рассматриваемому вопросу того или иного участника. Участвовали все, и всем было необычайно интересно. Но если изложить на бумаге все, о чем говорилось в ходе такого семинара, то получилось бы, наверное, довольно тяжелое для восприятия философское эссе.

Непосредственную помощь Войтыле в его научной работе оказывали и сами участники семинара. Когда он стал епископом, а тем более архиепископом Краковским, времени на чтение вновь издающейся философской литературы у него практически не осталось. И будущие доктора с удовольствием просматривали книги и статьи, которые могли бы заинтересовать учителя. Сделанные ими письменные обзоры обсуждались затем на семинарах. Студенты также выделяли наиболее примечательные, на их взгляд, места в книгах и статьях и приносили их учителю. Войтыла както пошутил, что это, видимо, был единственный в истории ЛКУ случай, когда профессора учили его ученики, а не наоборот.

Споры с профессором на семинарах докторантов не просто разрешались, но всячески поощрялись. Причем дебаты эти порою бывали весьма горячими. В их ходе нередко звучали значительно расходящиеся с точкой зрения руководителя высказывания и прямая критика в его адрес. Однако при этом никто и никогда не сбивался на фамильярность. Отношение к Войтыле его ближайших учеников-последователей, будучи почти дружеским, всегда отличалось подлинным уважением. Студенты гордились близостью с профессором, человеческим и деловым качествам которого искренне стремились подражать.

Войтыла продолжал следить за своими питомцами и после того, как они защищали диссертации. По мере сил он всегда старался помочь им получить достойную их способностей преподавательскую работу. Впрочем, одна из самых первых попыток такого рода, несмотря на все его старания, провалилась. Речь идет о сестре-урсулинке Софии Здыбицкой, прошедшей студенческий и аспирантский курсы философии у Войтылы. Пораженный ее искренним интересом к философии религии, он считал, что она сможет стать отличным преподавателем. По его настоянию София была зачислена в состав сотрудников ЛКУ, став первой монахиней, удостоившейся такой чести. Но подобный «сверхфеминизм» встретил неожиданное сопротивление. Настоятельница монастыря сестры Софии наотрез отказалась благословить ее на этот вид служения. Разрешение было получено лишь несколько лет спустя от преемницы упрямой настоятельницы.

Когда Кароль Войтыла говорил о том, что аспиранты учат его самого, это была не просто шутка. Он действительно не только преподавал в ЛКУ, но и сам учился там многому. Благодаря своим коллегам, прежде всего Стефану Свежавскому, он впервые познакомился с работами Этьена Гилсона, исторически переосмыслившего учение Фомы Аквинского, и неотомизмом в толковании католической социальной этики Жака Маритена. В том числе с аргументами последнего в защиту демократии, как современной государственной системы, максимально отражающей основные интересы человеческой личности. Именно Свежавский посоветовал Войтыле почитать изданную в 1936 г. работу Маритена «Интегральный гуманизм», оказавшую впоследствии огромное влияние на ход Второго Ватиканского Собора при выработке им взгляда Церкви на современный мир.

Наиболее способные и близкие Войтыле студенты и участники «Шродовиско», играли роль своеобразного катализатора развития его философских мыслей. В 1957 г. профессор проводит каникулы со студентами философского, филологического и медицинского факультетов на Мазурских озерах, на северо-востоке Польши. Он обсуждает с молодыми людьми план книги о проблемах этики взаимоотношения полов и супружества и там же начинает писать ее. Эта книга станет основой для курса лекций «Любовь и ответственность», которые он будет читать на протяжении следующих двух лет. Наброски книги были розданы всем желающим из приехавших с ним на озера. Каждый день один из студентов представлял доставшуюся ему главу, а все остальные

обсуждали затронутые в ней вопросы, оспаривая или поддерживая предложенные подходы к их решению. Как вспоминают сами студенты и друг Войтылы Ежи Галковский, профессора интересовали не только теоретические рассуждения молодежи о его книге. Прежде всего он хотел знать, имеет ли написанное им практическое значение для их жизни.

Именно об этом Войтыла подолгу обстоятельно беседовал с отдыхавшими вместе с ним молодыми людьми. Стиль его общения не позволял сбиться на фривольности и пустословие. Но при этом отец Войтыла мог запросто присоединиться к студентам, поющим веселые молодежные песни, включая знаменитый «Гимн пессимистов» с его более чем смелыми и провокационными словами. Не много пастырей рискнули бы задорно подтягивать, например, такое:

— Даже миряне не могут остановить священников, разрушающих то, что создал Бог.

ОТВЕТСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Философская деятельность Кароля Войтылы, равно как поэтическая и драматическая, была неразрывно связана с его пастырским служением. Он оставался священником и тогда, когда начал читать лекции студентам, и тогда, когда занял профессорскую кафедру. Итоги его интеллектуального труда отражали, а во многом и базировались на опыте окормления человеческих душ. В книге «Любовь и ответственность» эта взаимосвязь разных составляющих его жизни проявилась со всей очевидностью. В ней на языке философии было высказано то, что он как драматург показал в «Ювелирной лавке». Это лишний раз подтверждает убежденность Войтылы в том, что существует масса методов, чтобы проникнуть в суть вещей и явлений.

«Любовь и ответственность», как считает автор, появилась на свет прежде всего потому, что он сам «как священник испытывал потребность в такой книге». Его большой опыт священнослужителя, постоянно участвующего в подготовке к обряду венчания и исповедующего молодых людей, подсказывал, что позиция Церкви по вопросам этики взаимоотношения полов нуждается в переосмыслении и развитии. Вступающие в брак молодые люди нуждаются не просто в наставлениях, а в торжественном провозглашении и

освящении их нового положения и вытекающих из него прав, включая право на секс.

Берясь за работу над книгой «Любовь и ответственность», Войтыла неизбежно выходил на одну из самых взрывоопасных проблем современной католической жизни. Отвергая учения гностиков и манихеев об изначальной греховности этого мира, раннее христианство заняло принципиальную позицию, заключающуюся в том, что секс нельзя рассматривать исключительно как зло. Но под влиянием святого Августина, а точнее, некоторых толкователей его трудов, взгляды католической Церкви на этику взаимоотношения полов все-таки сохранили определенный налет манихейства. Включив венчание в число семи таинств и уча, что основными его субъектами являются сами новобрачные, а не священник, Церковь фактически признала законный брак в качестве угодного Небу служения. Но в то же время проповедовалось учение о «конечной цели» и истинном предназначении семейной жизни, которое могло быть использовано (и часто использовалось) для осуждения плотской любви как таковой. Первым и основным назначением супружеской жизни (а значит, и сексуальных отношений) согласно ему являлось продолжение человеческого рода — рождение детей. Таким образом, чувственная составляющая жизни супругов изначально принижалась, рассматриваясь как «общая их дань плотской страсти». Церковные законы считали сексуальные отношения чем-то обобщенно-отвлеченным, а не личным. В итоге это привело к взгляду на секс скорее как на нечто не совсем приличное, чем как на проявление любви. Занимая столь ограниченную позицию, Церковь оказалась не готова ответить на вызов вспыхнувшей в развитых странах после Второй мировой войны сексуальной революции с ее призывом к «истинной свободе личности». По существу, именно это привело в XX в. к одному из тяжелейших кризисов католичества, мучительным дебатам о допустимости предупреждения беременности. Для разрешения этого кризиса, собственно, и пришлось созвать Второй Ватиканский Собор.

В коммунистических странах эти общие проблемы усугублялись еще и весьма специфическим подходом властей к вопросам морали и супружеской верности. Видимо, искупая проявленную к Церкви терпимость, режим Гомулки решил нанести удар по самым основам католических норм, приняв в 1956 г. закон о легализации абортов. Более того, чтобы отвлечь молодежь от Церкви, правительство финансировало создание многочисленных мест

отдыха, в которых царила почти полная сексуальная вседозволенность. Постоянные нападки коммунистов на «клерикальную» сущность традиционной семейной жизни нанесли и еще один удар по нравственным устоям: если Церковь рассматривала рождение ребенка как награду за праведную жизнь, то теперь беременность превращалась в рядовую проблему, которую каждая пара могла решить по своему усмотрению. Свой «научный» вклад вносил и материализм, окончательно девальвируя моральную духовную составляющую отношений мужчины и женщины.

Таким искусственно создающимся условиям жизни и пытались противостоять Войтыла, его ученики и молодые друзья, связанные узами брака. Его изучение теологии и философии, равно как опыт исповедника и духовника, подводило к убеждению, что только интерпретированные должным образом нормы церковной этики отношений между полами могут дать следующим им людям ключ к счастливой семейной жизни. Понял он также и то, что духовный наставник должен «не инструктировать или запрещать, но помочь разобраться обращающимся к нему с их проблемами. Его задача дать правильное толкование и разъяснить» этические нормы любви и супружеского благочестия, которые Церковь черпает непосредственно в Новом Завете. Но он осознавал и то, что выросшие в современном культурном климате мужчины и женщины способны воспринять эти правила только в том случае, если поймут, что именно в них заключены фундаментальные духовные истины и именно на них базируется путь к подлинному человеческому счастью. «Это счастье персонифицируется, а духовные истины обеспечивают правильные отношения с другой личностью через «диктат любви», поскольку именно любовь является особым даром, данным людям». Таким образом, считал Войтыла, легче всего воспринять моральные нормы отношений между полами через понятия «любовь и ответственность». Именно в любви проявляются высшие формы ответственности личности: ответственности за другое человеческое существо перед Богом. С этой позиции и были поставлены вопросы, на которые он намеревался ответить в книге. Могут ли мужчина и женщина оставаться ответственными в любви при том, что в их сексуальных отношениях сосредоточивается и находит выражение свобода, исконно присущая каждой личности? Каким образом наша любовь становится подлинно человеческой любовью?

Отправным пунктом размышлений об этике сексуальных отношений стала «субъективная норма» — собственная интерпрета-

ция Войтылой второго императива Канта. Войтыла утверждал, что моральный императив личности заключается в осознании невозможности манипулировать другими личностями, «используя» их. Это и есть фундамент духовной свободы, поскольку предполагает возможность взаимодействия с другими людьми, не принижая их достоинства. Ведь такое принижение будет неизбежным, если рассматривать их в качестве инструмента для тех или иных манипуляций. По мнению Войтылы, полностью изжить «потребительское отношение» возможно лишь тогда, когда две совершенно свободные личности объединяются во имя стремления делать добро, которое они понимают одинаково. Я могу сказать, а вы можете согласиться с тем, что я не «использую вас», а вы меня, только тогда, когда моя свободная воля и ваша свободная воля направляются на достижение чего-то, что, по нашему обоюдному убеждению, является благом и что мы оба воспринимаем как добро. В этом соединении двух свободных личностей и есть суть любви. В любви, следовательно, и проявляется субъективная норма поведения всех видов человеческих отношений. Любовь — абсолютный антипод потребления.

Максима «любить, а не использовать» является важнейшим инструментом в понимании нравственных отношений мужчины и женщины. Тот (та), кто воспринимает свое влечение к женщине (мужчине) как обычную физиологическую потребность, а личную свободу как лицензию на ее удовлетворение, неизбежно опускается на животное восприятие мира. Он (она) заведомо ограничивает себя, не принимая во внимание тот основополагающий для внутренней жизни человека и очевидный с моральной точки зрения факт, что искомое удовлетворение практически полностью зависит от другого человека. Я не могу добиться даже того, что предназначено мне судьбой, воспринимая другого исключительно как объект собственных наслаждений, поскольку тем самым отталкиваю его от себя. Таким образом, добиться цели я могу только, «воспринимая другую личность как абсолютно свободную и согласившись в чем-то зависеть от нее».

Мораль превращает секс из обычного, достаточно случайного действия в нечто выражающее внутренний мир и чувства человека. Совокупление как обыденное действие обесчеловечивает, дегуманизирует секс. Секс как самовыражение двух личностей — абсолютно человеческое и гуманное явление.

Ключом к пониманию философии взаимоотношения полов является выведенное Войтылой с помощью феноменологическо-

го анализа работ Фомы Аквинского различие между «духовным актом» и «актом телесным». «Акт телесный» совершается прежде всего в силу инстинктов. Секс, как «акт телесный», практически ничем не отличаясь от вязки животных, базируется на инстинктах и обезличен. «Духовный акт» обязательно включает внутреннюю оценку человеком своего действия и тем самым отражает внутреннюю сущность его личности. В «духовном акте» выражается свободно выработанное понимание того, что является благом. Любовь, таким образом, относится в первую очередь к «духовным актам», а следовательно, ее нельзя низводить до простого влечения к другому человеку. Влечение, не подкрепленное внутренними самооценками, унижает того, на кого направлено, превращая его в объект инстинктивного физического вожделения.

Подлинным объектом полового акта, если он совершается как «духовный акт», является не *тело*, а *личность*. А истинная цель секса заключается в углублении взаимосвязи между двумя личностями путем взаимного дарения друг другу удовольствия. Но добровольная отдача себя другому является одновременно и самым верным путем к самопознанию, поскольку, даря себя любимому человеку, я начинаю понимать, кто есть я сам. Таким образом, сформулированный Войтылой при анализе моральных основ человеческой жизни «закон дара» нашел блестящее подтверждение при философском исследовании этики отношения полов.

Кроме того, более гуманистический подход к этой проблеме, выразившийся в восприятии секса как акта самодарения, позволил Войтыле преодолеть ограничение, заложенное в утверждении о «конечных целях» брака — источнике ожесточенных дискуссий среди теологов, специализирующихся на вопросах католической морали. Вместо подхода к семейной жизни как к инструменту воспроизводства рода или утешения плотских чувств супругов он поставил в центр ее любовь. Именно любовь соединяет стремление иметь ребенка и взаимное сексуальное влечение супругов в нечто единое, имеющее бесспорную моральную ценность.

Книга «Любовь и ответственность» стала подлинным противоядием от остатков манихейской ереси и наметила четкие контуры гуманистического, учитывающего ценность личной свободы ответа на вопросы, поставленные сексуальной революцией. Войтыла анализировал проблему секса без тени жеманства или раздражения. В его подходе к супружеской жизни не чувствовалось ни фальшивой романтизации, ни желания уйти от «неприличий» с помощью разного рода абстракций, что было присуще

многим теологам. В «Любви и ответственности» прямо заявлено, что сексуальность человека не зло, а благо, поскольку сексуальное влечение подталкивает мужчину и женщину к браку. А семейная жизнь — это трудная, но в конечном счете очень нужная школа, в которой мы учимся «терпению, преданности и жертвенности, то есть тем качествам, без которых немыслима жизнь. В семье мы познаем фундаментальный закон жизни — закон обретения себя в самоотдаче».

Необходимость целомудрия, с этой точки зрения, вытекает не из запретов, придуманных другими людьми. В супружеской верности проявляется «целостность любви», то единственное, что дает возможность любить другого человека как личность. Целомудренная сексуальная любовь позволяет достичь экстаза в первоначальном греческом смысле этого слова — выйти за пределы своего *Я*. Ведь целомудренная любовь подразумевает добровольное сдерживание своих эмоций, следовательно, своего *Я* во имя другого. Мы становимся по-настоящему свободными существами только тогда, когда в состоянии принести себя в дар другому. Мы свободны, поэтому можем свободно любить и любить истинной любовью. Свобода, а не запреты, согласно Войтыле, определяет рамки сексуальной этики.

Уже первое издание «Любви и ответственности», увидевшее свет в 1960 г., вызвало недоумение у некоторых представителей Церкви, не понимавших, как такую книгу мог написать человек, уже в течение двух лет носящий сан епископа. Войтыла вспоминал, что после переиздания книги в 1965 г. против него резко выступил отец Анри де Любак, один из тех, кто яростно защищал сохранение в решениях Второго Ватиканского Собора шестой главы «Сексология и мораль». Де Любак утверждал, что еще в начале шестидесятых слышал от многих, что касаться вопроса предназначения секса и взаимного удовлетворения мужа и жены вообще недостойно священника, а тем более епископа. Войтыла был с этим в корне не согласен. Ведь если священники и епископы не смогут говорить со своей паствой откровенно на самые злободневные темы, они попросту потерпят фиаско в своем пастырском служении. То, что этого не поймут ханжи и лицемеры, печально. Но это их проблемы.

«Любовь и ответственность» — книга именно об ответственности и любви, а не о проблемах контрацепции. Вопросы супружеской верности, целомудрия и этики взаимоотношения полов рассматриваются в ней с позиций философского персонализма и

возможности использовать выводы, к которым подводит такой анализ, для защиты истинного христианского гуманизма от псевдогуманистических ценностей новейшего времени. Тайна человеческой личности заключается в том, что драма, которую каждый из нас переживает в течение всей своей жизни, представляет собой борьбу между стремлением к истинной любви и ее отрицанием. Взаимное дарение себя друг другу в communio personarum[1], сообществе личностей, и создает те подлинно гуманные рамки — моральные устои, которые должны являться отправным пунктом в подходе к вопросу об ограничении рождаемости.

Войтыла своим анализом подтвердил правильность учения Церкви о том, что единственно моральный путь к ограничению рождаемости следует искать в приспособлении к естественному циклу способности женщины забеременеть, а не в механических или химических средствах предохранения. Он прекрасно понимал, что такое естественное планирование семьи требует от супругов большой силы воли, порою буквально героических усилий, но считал его единственным методом, объективно и непосредственно отвечающим высоким стандартам человеческого достоинства. Естественно, что согласиться с этим захотят далеко не все. Однако пропаганда этого метода в сочетании с более широкой концепцией ответственной любви и самодарения наряду с признанием секса в качестве неотъемлемой составляющей супружеского служения могла побудить современных людей прислушаться к мнению Церкви на проблему планирования семьи. Тем более что для тех, кто вырос в современной культурной обстановке, понятие «естественное» практически подменяет мораль и даже обретает некий сакральный смысл.

«Любовь или ее отрицание», — вот, по убеждению Войтылы, тот пункт, в споре о котором позиции сторонников сексуальной революции весьма слабы. Ведь совершенно неожиданным для них самих результатом этой революции, обещавшей полное освобождение представителям обоих полов, явилось низведение женщины до примитивного объекта вожделения мужчины. Католиче-

[1] Communio personarum — латинский термин, который Войтыла предпочитает эквивалентам на польском и других языках, как наиболее точно передающий его мысли о проявлении «закона дара» в любви: человеческое существо не может стать до конца человеком, не отдавая себя другому, ибо именно в таком добровольном акте самодарения, несмотря на кажущуюся парадоксальность этого, человек и обретает себя как личность. — *Примеч. авт.*

ское учение о супружеском целомудрии и необходимости именно через призму этого понятия рассматривать различные методы ограничения рождаемости не воспринималось людьми, для которых секс был естественным, не противоречащим их представлениям о правильной жизни понятием. «Любовь и ответственность» явилась попыткой придать моральный смысл сексуальным устремлениям мужчин и женщин, которые, вступая в диалог с автором, были готовы впустить его в свою жизнь в качестве «духовного наставника и наперсника». Но результат проявился далеко не сразу, причем не только в силу естественной ограниченности числа людей, знакомящихся с любым философским произведением. Мешали и другие события, в центре которых Каролю Войтыле предстояло оказаться в самом недалеком будущем.

5

НОВАЯ ПЯТИДЕСЯТНИЦА

Ватикан II [1] *и кризис гуманизма*

4 июля 1958 — Папа Пий XII называет отца Кароля Войтылу епископом — помощником главы Краковской епархии.

28 сентября 1958 — Кароль Войтыла проходит обряд посвящения в епископы.

25 января 1959 — Папа Иоанн XXIII объявляет решение о созыве Второго Ватиканского Собора.

24 декабря 1959 — епископ Кароль Войтыла начинает служить праздничные рождественские мессы вне храма.

30 декабря 1959 — Войтыла представляет назначенной Папой комиссии по подготовке Ватикана II эссе о кризисе гуманизма.

16 июля 1962 — епископ Войтыла избирается исполняющим обязанности главы администрации Краковской епархии.

11 октября 1962 — начало работы Ватикана II.

7 ноября 1962 — выступление епископа Войтылы на Соборе по поводу литургической реформы.

21 ноября 1962 — Войтыла участвует в дебатах Собора о Богооткровении.

3 июня 1963 — кончина Папы Иоанна XXIII, наследником которого 21 июня провозглашается Павел VI.

Осень 1963 — епископ Войтыла активно участвует в дебатах Собора о Церкви как «Народе Божием».

Ноябрь 1963 — Войтыла публикует под псевдонимом в «Знаке» цикл стихотворений «Церковь», посвященный Ватикану II.

---

[1] Одно из названий Второго Ватиканского Собора. — *Примеч. ред.*

5–15 декабря 1963 — поездка Войтылы в Святую Землю.

30 декабря 1963 — Папа Павел VI назначает Кароля Войтылу архиепископом Краковским.

Март 1964 — архиепископ Войтыла по случаю своего вступления в должность выступает с пастырским посланием, делая в нем особый упор на свое понимание ответственности.

25 сентября 1964 — Войтыла призывает Ватикан II уделить больше внимания религиозной свободе.

8 октября 1964 — Войтыла принимает участие в разгоревшихся на Соборе дебатах о служении мирян.

21 октября 1964 — архиепископ Войтыла выступает на Соборе по вопросу о диалоге с современным миром.

8 декабря 1964 — Войтыла делает один из своих многочисленных докладов о II Ватиканском Соборе для краковчан в костеле Святой Марии.

Январь — апрель 1965 — архиепископ Войтыла работает в Арицци и Риме в подкомиссии по подготовке проекта документа II Ватиканского Собора «Церковь в современном мире».

Февраль 1965 — Войтыла публикует статью о Соборе в «Тыгоднике повшехны».

Апрель 1965 — архиепископ Войтыла делает более подробный разбор «изнутри» происходящего на Соборе в очередной статье, опубликованной в «Тыгоднике повшехны».

Июнь 1965 — Войтыла под псевдонимом публикует в «Знаке» новый поэтический цикл — «Святые места».

22 сентября 1965 — архиепископ Войтыла излагает на Соборе свой взгляд на проблему ответственности и религиозной свободы.

28 сентября 1965 — Войтыла выступает перед участниками II Ватиканского Собора с речью, посвященной христианскому подходу к «миру» и проблеме современного атеизма.

18 ноября 1965 — Польская и Немецкая Церкви обмениваются посланиями о примирении.

1969 — Польское теологическое общество публикует работу Войтылы «Личность и действие».

В начале августа 1958 г., в то самое время, когда его друзья Станислав и Данута Рыбицкие ожидали появления на свет своего первенца, отец Кароль Войтыла отправился на северо-восток Польши в двухнедельное «Шродовиско» — байдарочный поход по реке Лыне. В первый же день флотилия байдарок, собранная

«адмиралом» Здзиславом Гейделем, проплыла миль пятнадцать или около того. На привале путешественники занялись каждый своим делом: отдыхали, играли в футбол, беседовали у разожженного на берегу костра. Гейдель оставил в Кракове четкое расписание похода, поэтому родственники, друзья и все желающие могли при необходимости отправлять его участникам письма на адрес почтовых отделений по маршруту следования. 5 августа, как раз в тот день, когда родился Станислав Рыбицкий-младший, Войтыла получил предписание срочно прибыть в Варшаву на доклад к Примасу Польши кардиналу Вышыньскому.

В путь отправились две байдарки: в одной Вуек (так называли Войтылу близкие друзья), во второй — Здзислав Гейдель и Габриель Туровский. Тот самый иммунолог Туровский, которого друзья прозвали Гапа [Болван], поскольку именно в такой роли он представал перед сотрудниками госбезопасности, регулярно вызывающими его для бесед после отказов от участия в ежегодной первомайской демонстрации. Троица довольно быстро добралась до места, где реку пересекала дорога, ведущая к ближайшей железнодорожной станции Олштынек. Пока Войтыла и Туровский прятали лодки под мостом, «адмирал» Гейдель отправился наверх и принялся «голосовать» едущим в сторону Олштынека машинам. Остановился грузовик, везущий молоко. Водитель согласился взять пассажиров, если те оплатят бензин. Вуек забрался в кузов и разместился среди бидонов. По прибытии на железнодорожную станцию он первым делом отправился в туалет, где переоделся в сутану и, как вспоминает Туровский, «вышел из мужской комнаты вновь в обличье священника».

Кардинал Вышыньский сообщил представшему пред ним отцу Каролю Войтыле ошеломляющую новость: 4 июля Папа Пий XII присвоил ему титул епископа Омбийского и назначил помощником архиепископа Бажака, апостольского администратора Краковского архиепископства. Войтыла, словно во сне произнеся положенные в таких случаях слова о готовности принять сан, вышел из кабинета Примаса и направился прямо в расположенный неподалеку монастырь урсулинок. Постучав в дверь обители, он тихо попросил открывших ему сестер отвести его куда-нибудь, где можно спокойно помолиться. Сестры, хотя и не знали Войтылу, выполнили его просьбу незамедлительно — видимо, роль пропуска сыграла сутана незнакомца. Но, проводив его в часовню и оставив одного, монахини через некоторое время на всякий случай вернулись и заглянули внутрь, чтобы узнать, что там про-

исходит. Священник, распростершийся перед дарохранительницей, почти не шевелился. Подумав, что он исполняет какую-то возложенную на него епитимью, сестры решили не мешать. Но и вернувшись через несколько часов, они увидели Войтылу распростертого в той же позе перед Святыми Дарами.

— Уже довольно поздно, — решилась прервать молитву одна из сестер. — Может быть, отец хочет поужинать?

— Не беспокойтесь, — ответил незнакомый священник. — Мой поезд до Кракова отходит после полуночи. Позвольте мне еще побыть здесь. Мне необходимо очень о многом поговорить с Господом...

Но беседовать с Богом вечно было нельзя, отцу Войтыле следовало торопиться на встречу с архиепископом Бажаком, которому, судя по всему, было много чего сказать новому епископу. Встретившись с ним, Войтыла попросил дать ему еще немного времени, чтобы вернуться на реку и отслужить воскресную мессу для своих друзей. Гейдель и Туровский встретили его в том же месте — у моста, где останавливался грузовик, подвозивший их до Олштынека. И в лагерь они поплыли на тех же байдарках. Ошеломленные новостью о высоком назначении Войтылы, друзья даже не знали, как его теперь следует называть.

— Не волнуйтесь, — успокоил он их, — Вуек всегда останется Вуеком.

НАСЛЕДНИК АПОСТОЛОВ

Итак, в тридцать восемь лет Кароль стал самым молодым епископом в Польше.

Его назначение породило множество слухов о плане продвижения понравившегося священника, якобы разработанном кардиналом Сапегой, который четко исполнял затем архиепископ Бажак. На самом деле подобные вещи абсолютно не в обычаях Церкви, и вряд ли нечто подобное могло прийти в голову Сапеге или Бажаку. Другое дело, что князь-кардинал был высокого мнения об отце Кароле Войтыле и вполне мог упоминать об этом в разговорах с оказавшимся в изгнании архиепископом Львовским. Ведь Сапега возводил молодого священника в сан и соответственно помогал ему в первое время советами. В свою очередь, архиепископ Бажак мог просто обратить внимание на молодого профессо-

ра, который, разрываясь между Краковом и Люблином, продолжал неукоснительно исполнять возложенные на него пастырские обязанности. Войтыла теперь регулярно служил в возвышавшемся над рыночной площадью Старого города костеле Святой Марии, но при этом начатая еще в годы учебы деятельность в костеле Святого Флориана процветала и даже расширялась. Он активизировал свои контакты с медицинскими работниками, что, помимо всего прочего, давало ему много пищи для размышлений о том, каких именно перемен ждут от Церкви миряне. Над этой проблемой он раздумывал постоянно, как только представлялась такая возможность. Евгениуш Бажак, много повидавший в жизни, не мог не оценить редкое сочетание ума, благочестия, пастырского рвения и внутренней собранности, свойственное Войтыле. Однако это вовсе не означает, что такой консервативный и суховатый человек, как архиепископ Бажак, безоговорочно принимал своеобразный стиль поведения отца Войтылы. Ведь даже менее строгих служителей церкви порою настораживали некоторые «фривольности» молодого коллеги. Но Евгениуш Бажак, для которого предложение покататься на лодке с молодежью прозвучало бы примерно так же, как призыв отправиться на Луну, сумел разглядеть в Войтыле главное — самим Богом данный талант пастыря.

Видимо, архиепископ, которому в середине пятидесятых пришлось провести три года под домашним арестом, угадал в Войтыле представителя сил, способных в обстановке окончания «гомулкинской оттепели» 1956 г. бороться с коммунизмом. Войтыла, конечно, не агитировал против правительства на улицах, но его преподавательская и пастырская деятельность способствовала становлению нового поколения молодых людей, твердо верящих в католические ценности и способных благодаря этому организовать культурное сопротивление распространению марксистских идей, а в более широком плане — воспрепятствовать окончательной узурпации власти в стране Польской объединенной рабочей партией[1]. «Освобождение через искупление», о котором отец Войтыла говорил в 1957 г. на конференции медиков-католиков, должно

[1] Далее автор ошибочно будет называть правившую в Польше партию коммунистической, хотя правильно именно это название. ПОРП была создана в 1948 г. в результате объединения «на основе принципов марксизма-ленинизма» Польской рабочей партии и Польской социалистической партии. — *Примеч. ред.*

было помочь человеку обрести то положение в мире, которого он достоин. Последнее было как раз тем, чем соблазнял коммунизм, — высвобождение сил, самой природой заложенных в человеке, и превращение его в подлинного царя мира, в котором он живет. Таким образом, Войтыла проявил себя как великолепный проповедник и евангелист, способный вступить в спор с одним из самых главных аргументов противника и противопоставить ему более сильный и человечный. Он блестяще доказал на конференции, что подлинную свободу человек может обрести только в «союзе с Богом», а главная задача Церкви — помочь ему в этом.

31 августа, сразу же после крещения Станислава Рыбицкого-младшего, кандидат в епископы впервые участвует в собрании польского епископата, состоявшемся в Ченстохове, а затем на пять дней уединяется в бенедиктинском монастыре в Тынеке, чтобы подготовиться к вступлению в новый сан. В процессе организации самой церемонии выявились некоторые разногласия. Кароль Войтыла хотел, чтобы на ней присутствовал «литургический комментатор», который разъяснял бы значение всех многочисленных обрядов и латинских молитв, составляющих длительный ритуал хиротонии. Архиепископ Бажак не видел необходимости в таком нововведении. Тогда Войтыла сам перевел правила ведения церемонии на польский язык и призвал в помощь целый эскадрон прихожанок, вызвавшихся вручную изготовить брошюры с этим переводом и затем раздать их всем, кто придет на службу.

В праздник святого Вацлава, 28 сентября 1958 г., Кароль Юзеф Войтыла проследовал в Вавельский кафедральный собор на церемонию, по окончании которой он должен был стать епископом. Ее сакральный смысл, согласно учению Церкви, заключается в передаче человеку Благодати Божией на пастырское служение во всей его полноте и превращение его тем самым в продолжателя дела апостолов Иисуса Христа. Несмотря на пасмурную, дождливую погоду, собор был переполнен. Пришли многочисленные друзья Войтылы, его коллеги по преподавательской деятельности и, конечно же, все участники «Шродовиско».

Отец Войтыла замер перед архиепископской кафедрой. Восседающий на троне Евгениуш Бажак дал сигнал, и церемония началась. Прежде всего был зачитан апостольский мандат — благословение Папы на проведение обряда возведения в сан нового епископа. (Кстати, это был последний подобный документ, под-

писанный Папой Пием XII — через двенадцать дней в течение девятнадцати лет занимавшего Престол святого Петра понтифика не станет.) Затем Бажак задал кандидату в епископы вопросы, связанные с пониманием церковного служения и готовности к нему. Конечно, никто не сомневался в глубокой вере Войтылы. Но такова традиция, идущая от первых христианских общин: вступающий в священный сан должен публично заявить о своей преданности канонам веры перед людьми, которым он будет служить и которыми будет управлять. Только после этого начинается церковная служба, включающая обряд посвящения.

Зазвучали строки Священного Писания, отец Войтыла распростерся ниц на полу алтаря, и находящийся неподалеку хор запел литанию Святых. Когда звуки литании смолкли, Войтыла приблизился к сидящему теперь на епископском кресле Бажаку и опустился перед ним на колени. В наступившей в храме полной тишине архиепископ Бажак с помощью двух ассистирующих ему епископов положил на склоненную шею Войтылы раскрытое Евангелие — символ уз Божиих. Затем все трое один за другим опустили руки ему на голову. Архиепископ прочел начало молитвы о посвящении, прося Господа ниспослать благодать на нового епископа через «таинство святого миропомазания».

Вслед за этим один из ассистирующих священников покрыл голову посвящаемого длинным белым полотном, а Бажак встал на колени и запел великий гимн «Veni Creator Spiritus», славящий Духа Святого. Хор подхватил гимн. Бажак вновь сел на епископское кресло и совершил обряд святого миропомазания: изобразил смазанными миром пальцами воображаемый венец над головой Войтылы, а затем крест на митре. При этом он читал молитву:

— Да произойдет помазание и освящение сей головы с благоволения Небес и в соответствии с желанием понтифика.

Он трижды благословил Войтылу, омочил его руки миром с хлебными крошками и продолжил чтение молитвы о посвящении, прося Господа дать новому епископу «неусыпную заботу о пастве, пылкий дух, смирение, любовь к ближним и правде. Чтобы эти дары никогда в нем не оскудели, и ни лесть ни страх не могли сбить его с праведного пути».

Бажак еще раз помазал руки нового епископа и обвязал их белым полотенцем. Потом он вручил ему материальные символы нового сана — епископские посох и перстень, произнося напутствие:

— Сие кольцо — символ верности дается тебе, чтобы главным украшением твоим оставалась непоколебимая вера. Да станет оно символом того, что ты обручаешься с Господом и его Святой Церковью отныне и вовеки веков.

Сняв Евангелие с шеи епископа Войтылы, Бажак коснулся священной книгой его связанных рук и возгласил:

— Вооружись Святым Евангелием и иди окормляй им людей, доверившихся тебе, ибо Господь соизволил открыть Свое благоволение в тебе. Да будет воля Его ныне и присно и вовеки веков.

— Амен, — произнес новый епископ и обменялся поцелуями мира с архиепископом Бажаком и двумя другими рукополагавшими его в сан епископами.

Епископ Войтыла омыл руки, и служба пошла обычным путем с чтением положенных в этот день по уставу евангельских текстов и молитв. Затем архиепископ Бажак произнес проповедь. Когда начался традиционный сбор пожертвований, новый епископ преподнес возведшему его в сан три символических подарка: две горящие свечи, два ломтика хлеба и две небольшие чаши вина. Свечи несли недавний «байдарочный адмирал» Здзислав Гейдель и Мариан Войтович, ставший впоследствии первым священником в организованной Альбертом Хмеловским общине. Хлеб — Станислав Рыбицкий и согласно старинному краковскому обычаю — представитель городской гильдии булочников. Вино — Ежи Цесельский и товарищ Войтылы из Вадовице — Збигнев Силковский.

По окончании мессы архиепископ Бажак возложил на голову коленопреклоненного Войтылы епископскую митру. И в этот момент в церемонию вмешалась сама природа — затянувшие небо тучи на мгновение рассеялись, и ворвавшиеся сквозь окна собора солнечные лучи позолотили фигуру только что посвященного в сан епископа. Бажак усадил его на епископское кресло. Войтыла сидел на нем уже в полном облачении: в митре, с посохом в руках и епископским кольцом на пальце, а вставшие рядом архиепископ и участвовавшие в церемонии епископы запели древний христианский гимн «Te Deum», славящий Бога. Когда вступил хор, новый епископ Кароль Войтыла поднялся и пошел вдоль рядов заполнивших собор верующих, благословляя их. В этот момент церемония была слегка нарушена — кто-то, скорее всего один из знакомых Войтылы по работе на солвайском заводе, выкрикнул:

— Лолек, теперь никому не позволяй снять тебя!

Это, как писали в отчетах, было «непроизвольным проявлением симпатии, соединявшей нового епископа и его паству».

Кароль Войтыла избрал девизом для своего епископского герба латинское изречение: «Totus Tuus» [«Полностью ваш»], которое в слегка видоизмененном виде впервые встретил в молитве святого Луи де Монфора к Деве Марии, когда на химическом заводе «Солвай» ночами при тусклом свете свечи изучал религиозную литературу.

САМЫЙ МОЛОДОЙ ПОЛЬСКИЙ ЕПИСКОП

Надо сказать, что не все считали назначение Кароля Войтылы на пост епископа целесообразным. Профессор Ягеллонского университета Адам Ветулани, например, неоднократно говорил, что очень переживает за «священника-ученого». «Понимаешь ли ты, что происходит? — писал он Каролю. — Ты — образованный человек, доцент и вдруг... государственный деятель!» Ветулани, поддразнивая своего младшего друга, после возведения в новый сан обращался к нему исключительно так: «Епископ-доцент Кароль Войтыла». Расстроенный профессор писал, что, конечно, не вправе вмешиваться и не может что-либо изменить, но хотел бы, чтобы Войтыла подумал «только об одном: хватит ли у него сил и времени как следует исполнять обязанности, которые он добровольно возложил на себя ранее и к исполнению которых готовился много лет, упорно работая над собой?»

Но волнения профессора Ветулани были напрасными. Епископ Войтыла остался действующим преподавателем ЛКУ. Появляться в университете он, правда, стал реже. Однако семинары для докторантов продолжались теперь порою по нескольку часов, что вполне компенсировало сокращение их количества. «Монографические» лекции для студентов старших курсов Войтыла читал до 1961 г. Не прекратился в ЛКУ и вводный курс философии — его вели ученики Войтылы, за работой которых он внимательно следил.

При этом и все многочисленные обязанности, связанные с его новой должностью, он с первых же дней исполнял ревностно и четко. Как епископ, он постоянно должен был посещать находившиеся под его попечением дома престарелых и приюты. Он очень много ездил по епархии, освящая здания, рукополагая ди-

аконов и протодиаконов, проводя обряды конфирмации глухонемых детей, присутствуя в качестве доверенного лица архиепископа Бажака на разного рода заседаниях и встречах, совершал торжественные службы и специальные памятные мессы для представителей различных групп интеллигенции: медиков, юристов и т. д.

Епископские обязанности Войтыла никогда не рассматривал как административные. Для него епископское служение в первую очередь заключалось в наставлении паствы, молитвах за нее и вместе с ней. В этой своей апостольской деятельности во время служения в Кракове он был поистине неутомим. В марте 1959 г., например, он служит мессу по случаю юбилея редакции «Тыгодника повшехны» и выступает с проповедями перед горными инженерами, сиделками, учителями, юристами и медицинскими работниками. Такой темп жизни, видимо, оказался тяжелым даже для него. Врачи подозревают у Войтылы мононуклеоз. Для более точного диагноза требуется сложный анализ крови с биопсией костного мозга. Епископ соглашается. После болезненной процедуры врач приносит ему извинения за причиненное беспокойство. А Войтыла шутит, в свою очередь извиняясь перед доктором за то, что тому пришлось «затратить так много усилий, чтобы проникнуть в слишком прочную кость».

Именно в период перед и сразу после возведения в епископский сан Войтыла касается в своих лекциях и проповедях новых тем, о которых скоро заговорит весь католический мир. Так, на коллоквиуме, организованном в 1958 г. для медиков, он выделяет мысль о «безграничной вере Бога в возможности человека». Самым лучшим подтверждением этого, по убеждению Войтылы, явилось Воплощение Господа, через рождение на Земле Сына Господня. В конце того же года, выступая на встрече с католической молодежью, он учит, что «молитва является проявлением подсознательного понимания человеком великой тайны, которая заключена в мире», а отказываясь от диалога с Богом, мы лишаем себя возможности познать всю глубину окружающего нас мира. Во время Великого поста 1960 г. епископ Войтыла произносит проповедь перед преподавателями колледжей в Лодзи. Он учит, что ощущение Благодати Божией есть «высшее наслаждение, доступное человеку», и что «Церковь — не некая организация, основанная Иисусом Христом, а живое Тело Богочеловека».

Изменилось положение Войтылы в церковной иерархии, но все остальное осталось прежним. К сожалению, это касалось и

позиции властей. Они по-прежнему с достойной лучшего применения настойчивостью чинили всевозможные препятствия церковному служению в Ягеллонском университете и медицинских учреждениях. 11 октября 1959 г. епископ Войтыла должен был отслужить мессу по случаю начала нового учебного года в студенческой церкви Святой Анны, но власти категорически запретили давать об этом какие-либо сообщения. Единственное небольшое объявление было вывешено в притворе самой церкви. И тем не менее в день службы церковь была заполнена до отказа, а группа преподавателей, включая грозного профессора Адама Ветулани, проигнорировав все запреты и угрозы, демонстративно восседали непосредственно у алтаря. Несколько месяцев спустя, в феврале 1960 г., епископ Войтыла посетил женскую санаторную лечебницу, организованную на улице Зелна монахинями албертинками. После этого, как отметила в своем дневнике начальница лечебницы, представители властей открыто высказали свое недовольство и принялись чинить всяческие препятствия ее деятельности. Но все эти проявления противоборства с режимом можно счесть мелочами по сравнению с одним поистине знаменательным мероприятием, непосредственным организатором и участником которого был Войтыла. То, что произошло 24 декабря 1959 г., попортило немало крови партийным бонзам разного ранга. В поселке Нова Гута под Краковом, который уже при своем создании задумывался властями как образцовый рабочий поселок нового типа, а потому в отличие от всех других подобных населенных пунктов там не построили ни одного церковного здания, состоялась рождественская месса на открытом воздухе. Служба под звездами, служба для тех, кому было некуда больше идти в эту морозную рождественскую ночь, как писал впоследствии проводивший ее Кароль Войтыла, поразительным образом напоминала об обстоятельствах другой ночи, опустившейся на Землю около двух тысяч лет назад.

При всей своей загруженности новый епископ находил время и для отдыха. Ежегодно в конце июля — начале августа он, как и прежде, отправлялся с друзьями в двухнедельный поход на байдарках. Зимой, как только выдавалась возможность, катался на лыжах. Кароль Войтыла очень любил Рождество и всегда с радостью участвовал в традиционных «облаточных празднованиях», когда друзья собирались вместе и, распевая старинные песни, дарили друг другу кусочки рождественских облаток. Многие фольклорные облаточные песни Войтыла знал наизусть и пел их с боль-

шим удовольствием. Отличные отношения сложились у него и с актерами «Театра восторга». 19 сентября 1961 г. он лично отслужил в Вавельском соборе торжественную мессу по случаю двадцатилетия театра. Более того, в «Тыгоднике повшехны» было опубликовано под псевдонимом его эссе «День памяти основоположников и двадцатая годовщина».

VICAR CAPITULAR[1]

В ночь с 14 на 15 июня 1962 г. скончался архиепископ Бажак. 15 июня епископу Войтыле уже пришлось заменить усопшего на церемонии возведения в сан новых священников. 19 июня он обращается к собравшимся на похороны архиепископа с щедро украшенной цитатами из Библии проповедью. Говоря о характере Бажака, Войтыла утверждает, что в числе основных его черт были благородство и кротость, чего, к сожалению, не заметили многие современники, обращавшие внимание прежде всего на суровость усопшего владыки.

Покойный архиепископ подобно доброму пастырю из евангельской притчи не только заботился о своем стаде, защищал и оберегал его. Он пускался на поиски каждой заблудшей овцы, «а найдя ее, возвращал в стадо. И ликовал, и радовался этому...»

Краковский клир и прихожане похоронили архиепископа Бажака, приехавшего в их город после изгнания из Львова, в Вавельском соборе в приделе епископа Зебжидовского, возле большого черного креста, у которого молилась королева Ядвига. На его надгробной плите был увековечен титул, который коммунисты так и не позволили ему носить при жизни: «Архиепископ Краковский».

Через неделю епископ Войтыла, направлявшийся на встречу со своими бывшими студентами, остановился по дороге в одном из расположенных к северу от Кракова приходов и совершил там торжественную мессу. Дело в том, что местный священник был арестован по абсурдному обвинению: за «нелегальное богослужение», которое он провел в одном из строящихся позади прихода зданий, не принадлежащих церкви. Личное служение мессы епископом именно в этом месте было явным проявлением солидар-

[1] Капитулярный викарий (*лат.*).

ности с прихожанами и их репрессированным пастырем. Он еще не знал, что очень скоро борьба против притеснений священнослужителей войдет в непосредственный круг его обязанностей. 16 июля Митрополичье собрание, состоящее из представителей высшего клира Польши, назначило епископа Войтылу капитулярным викарием, то есть временным главой администрации Краковского архиепископства. Эти полномочия он должен был исполнять до избрания и вступления в должность преемника архиепископа Бажака, а если учитывать официальную точку зрения — кардинала Сапеги. Это был весьма смелый шаг и проявление очень большого доверия к недавно рукоположенному молодому епископу. Войтыла понимал и ценил это. Однако и верность ранее сформулированному принципу «Вуек всегда останется Вуеком» он подтвердил практически незамедлительно — через две недели после нового назначения Кароль Войтыла отправился в ежегодный двухнедельный байдарочный поход со своими молодыми друзьями и членами их семей. Впрочем, главной темой всех разговоров в этом походе был Второй Ватиканский Собор, о созыве которого Папа Иоанн XXIII объявил в 1959 г. Вуек доказывал, что это событие станет водоразделом в истории католической Церкви.

Подготовка Собора заняла несколько лет. Его открытие состоялось только в октябре 1962 г., как раз в то время, когда Войтыла был настолько занят делами епархии, что не смог поехать в Рим. Городские власти попытались отобрать у епархии здание на улице Июльского манифеста, в котором располагалась Краковская семинария, и передать его под Высшую школу педагогики. Войтыла узнал об этом во время очередной поездки по сельским приходам из сообщения Митрополичьего собрания. Он немедленно вернулся в Краков и, ко всеобщему удивлению, сразу же попросил приема у секретаря городской партийной организации. Поступок неординарный, ведь это была первая встреча такого рода. В конце концов было решено, что Высшая школа педагогики разместится на третьем этаже, а первые два этажа и контроль за зданием в целом сохранятся за семинарией. Причем такое положение должно было сохраняться только до лета 1979 г., после чего, как было оговорено, будущие педагоги покинут помещение.

Задерживало Войтылу в Кракове и обстоятельство личного плана. Он был очень обеспокоен состоянием здоровья доктора Ванды Полтавской, психиатра, оказавшего ему существенную помощь при написании работы «Любовь и ответственность». Ди-

агноз, поставленный этой женщине врачами, звучал как приговор — конечная стадия рака. Войтыла направил личное письмо итальянскому капуцину стигматику отцу Пио с просьбой помолиться за больную. Вскоре доктора Полтавскую стали готовить к операции, и ей была сделана рентгеноскопия. К невероятному удивлению врачей, раковая опухоль на рентгеновском снимке отсутствовала. Кароль Войтыла не сомневался, что это следствие чудесного воздействия заступничества отца Пио за больную перед Господом — еще одно свидетельство наличия чего-то великого, лежащего за пределами привычного нам мира.

Со срочными делами было покончено. Можно было ехать в Рим. Вечером 5 октября 1962 г. епископ Кароль Войтыла отслужил прощальную мессу в Вавельском соборе. По его воспоминаниям, в этот вечер он был «полон самых возвышенных чувств», «сердце буквально трепетало при мысли о том, что предстоит проделать путь от могилы святого Станислава к надгробию святого Петра».

Хотя Войтыла и говорил неоднократно друзьям, что II Ватиканский Собор станет редким по важности событием, предвидеть всего он, конечно же, не мог. Еще никому не дано было знать, какое огромное значение будет иметь Собор для переосмысления Римско-Католической Церковью своей роли, для ее борьбы за выживание в странах Центральной и Восточной Европы, оказавшихся под контролем коммунистов, для сближения с современным миром и, наконец, для будущего самого епископа Омбийского, исполняющего обязанности главы Краковского архиепископства.

УЛОВКА ВАТИКАНА II

Вселенских Соборов в истории католической церкви насчитывается всего двадцать один. Такие съезды епископов всего мира с присутствием епископа Рима проводились в Малой Азии, в Северной Италии, Франции, Германии и самом Риме. Самый непродолжительный длился несколько месяцев, самый долгий — восемнадцать лет. Вселенские Соборы формулировали церковные догматы, согласовывали и письменно закрепляли Символ Веры, осуждали ереси, определяли процедуру церковных таинств, свергали императоров и пытались преодолеть раскол, ища пути вос-

соединения различных ветвей христианства. Но вне зависимости от того, чем, каким образом и как долго они занимались, практически каждый Вселенский Собор обострял разногласия, и несогласные с принятыми решениями созывали свой альтернативный Собор.

Когда Папа Иоанн XXIII 25 января 1959 г. ошеломил Церковь и весь мир известием о своем намерении созвать новый Вселенский Собор, унаследовавший после его смерти папский престол и через тринадцать лет непрерывных споров и разногласий доведший все-таки это мероприятие до успешного завершения кардинал Джованни Баттиста Монтини собрал близких друзей и сказал: «Этот состарившийся ребенок не понимает, какое осиное гнездо он собирается взбудоражить». Многие считают Монтини излишне осторожным человеком. Но это его высказывание оказалось пророческим.

Новый Собор согласно планам Папы Иоанна XXIII должен был стать беспрецедентным в истории Церкви. Итогом работы всех предыдущих были выработка общего подхода к принципам вероучения, формулирование канонов, официальное принятие или отрицание тех или иных доктрин. Сделать это было нелегко, но четкие задачи играли роль, схожую с ролью ключа в нотном стане. Папа Иоанн XXIII хотел, чтобы созываемый им Собор носил не юридический или догматический характер, а стал чем-то вроде коллективного пастыря и проповедника, способного вывести паству из затруднительного положения, в котором она оказалась. Папа мечтал об откровенном обмене мнениями между епископами всего мира, в ходе которого произошло бы нечто похожее на то, что произошло с апостолами Иисуса Христа в день Пятидесятницы. Собор, по его замыслу, должен был усилить христианскую веру, вдохнув в нее новую живую энергию. С него предполагалось начать диалог о современности, никого не осуждая, но возвращаясь к чистому стилю евангельских посланий. Как было сформулировано во всемирно известной теперь фразе, Собор «должен был открыть Церкви окно в современный мир».

Приступать к такой сложной задаче, не подобрав предварительно «ключи» для ее настройки, было крайне рискованно. Очень многие центры науки и интеллектуальной мысли того самого мира, которому собиралась открыться Церковь, отнюдь не спешили навстречу, а, наоборот, закрывали не только двери, но и окна перед любой идеей, связанной с трансцендентностью. Католицизм был в значительной мере отрезан от общехристианского

экуменического движения. На религиозную жизнь католической Церкви все еще бросал тень кризис модернизма, разразившийся в конце XIX — начале XX в. Под влиянием атеистов с их собственной агрессивной теорией освобождения оказались миллионы людей. К тому же в самой Церкви имелись весьма различные взгляды на возможность серьезного диалога с современным миром. Ряд представителей высшего католического духовенства были убеждены, что возможность Церкви влиять на светские политические силы утрачена во времена Французской революции и попытки ее восстановить неизбежно приведут к еще большему ослаблению позиций христианства. Другие с не меньшей горячностью доказывали, что именно христианское понимание достоинства человека и данного ему свыше предназначения позволит вывести модернистские искания свободы из блуждания в области разрушительных идей в конструктивное русло. Начать открытый разговор о сути религии, ее догматических основах, задачах и отношении к тварному миру для такого древнего института, как Церковь, с этой точки зрения, является величайшим проявлением веры во всесилие Духа Святого, способного в любой ситуации вывести на путь истинный.

Широко известна версия, согласно которой Папа Иоанн XXIII пошел на уловку, заставив провести четкое обозначение позиций хороших «либералов» и плохих «консерваторов». В результате, хотя консерваторы и остались на своих позициях, выиграли первые. Такая смахивающая на рассказы о борьбе вигов и тори интерпретация хода Второго Ватиканского Собора содержит в себе значительную долю истины. Дело в том, что высшая церковная администрация в лице Римской Курии задолго до нашего времени начала подсознательно отождествлять свои собственные интересы с интересами Церкви в целом и это часто проявлялось в ее позиции. Католики согласно известному афоризму Папы Иоанна XXIII из его открытого обращения к Собору слишком часто пытались улучшить современность с помощью осуждения и слишком редко вспоминали при этом о сострадании. Церковная наука, ее трактовка библейских текстов, равно как отношение Церкви к вопросам культа и современной жизни, явно нуждались в совершенствовании. Очевидно было и то, что стремление к развитию встречало сопротивление, причем порою прямое и весьма жесткое, со стороны тех представителей высшего духовенства, которых вполне справедливо называли антимодернистами. Обе

имеющиеся в Церкви политические линии, конечно же, не могли не проявить себя в ходе Собора, участники которого начали явственно делиться на различные «лагеря», или партии. Собор составляли люди, а принятие решения множеством людей всегда является процессом политическим, предполагающим наличие фракций. Все это и выразилось в вышеупомянутой версии, хотя сам Папа, услышь он ее, безусловно, стал бы утверждать, что она не отражает самой главной, ключевой сути Собора.

Кароль Войтыла старался лично присутствовать на каждой сессии Ватикана II и часто говорил, что очень многим обязан этому форуму. По его мнению, «каждому, кто в нем участвовал, Собор дал уникальный, ни с чем не сравнимый опыт». Это было время «великого духовного обогащения», причем в масштабах «всего мирового сообщества». Собор принес «великие дары своим участникам, Церкви и человечеству в целом». Это было собрание, «пронизанное Святым Духом», событие, в котором «с особой ясностью» вновь проявилось обещание, данное Иисусом Христом своим ученикам: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мт. 28.20). Личное отношение к Собору, чувство ответственности и верность тому, чему научил его этот форум, Кароль Войтыла доказал делом, став одним из тех, кто приложил все силы, чтобы донести дух Собора до каждой епархии католического мира.

Свою точку зрения на значение Ватикана II Кароль Войтыла многократно подтверждал, будучи архиепископом Краковским. Верность ей сохранил он, и став епископом Рима. Войтыла всегда настаивал на том, что рассматривать Второй Ватиканский Собор следует прежде всего как великое событие духовной жизни — «акт любви», свершившийся вопреки столь свойственной нашему веку людской ненависти, как попытку «обогатить» представления Церкви о вере, показать христианам жизненный путь, ведущий «все к большему и большему приближению к Божественной истине». Любая иная интерпретация Собора, с точки зрения Войтылы, неизбежно приведет к выхолащиванию самой сути этого события. Это убеждение отнюдь не следствие отсутствия опыта или наивности Кароля Войтылы. Он был одним из активных участников четырех сессий (или, как их часто называют, периодов работы) Ватикана II и входил в группу, которая занималась редакцией проектов официальных документов для очередных заседаний. Уже одно это позволяло многое узнать о закулисной стороне работы форума, который его польские коллеги обычно называли

«Vaticanum Secundum» («Второй Ватиканский»). И тем не менее Войтыла всегда настаивал (и настаивает), что понять значение Собора во всей его полноте и правде можно, лишь рассматривая его не как политическое, а как крупное религиозное событие, главным действующим лицом которого был Святой Дух, а не какая-либо группа церковных деятелей. Это очень важно. Каждому, кто хочет понять епископа Войтылу и Папу Иоанна Павла II, обязательно придется постараться увидеть «суть» Второго Ватиканского Собора такой, какой видел ее он.

СЫН СОБОРА

Кароль Войтыла не выезжал за пределы Польши с момента завершения учебы в Риме в 1948 г. С учетом этого можно, видимо, говорить, что именно Ватикан II позволил Каролю Войтыле переосмыслить понятие «*Вселенская* Церковь», воочию убедиться в его совершенно конкретном практическом смысле. Приезжая каждую осень на двухмесячные сессии Собора из страны, готовящейся отметить тысячелетие своего крещения, он встречал в Риме епископов, представлявших церкви, которым не было еще и ста лет. И при этом они весьма энергично и с глубоким пониманием судили обо всех проблемах. Все это было столь интересно и необычно, что порою, как он сам говорил, вдохновляло выразить свое впечатление поэтически (на обратной стороне одного из официальных рабочих документов Собора). Позже эти поэтические опыты были отправлены в редакцию «Тыгодника повшехны». Очень глубокий след оставил в его душе, в частности, первый обстоятельный разговор с африканцами, в ходе которого выяснилось, что они подошли к тем же самым истинам, что и он, хотя шли совершенно другим путем.

О, конечно, это ты, мой дорогой брат. Я ощущаю в тебе
твою огромную страну,
В которой высыхают реки... поскольку солнце там горячо,
как железо в плавильном горне.
Но я чувствую, что думаешь ты о том же, о чем и я,
И даже, если мысли наши различны, мы взвешиваем их
на одних и тех же весах — весах истины.

О, какая это радость, что на одних и тех же весах мы можем
взвесить мысли,
Которые горят в твоих и моих глазах.
Ведь пусть и по-разному мы мыслим, но мыслим мы
об одном и том же.

Помимо приобретения новых знакомых среди ведущих деятелей католической Церкви, участие в Ватикане II дало Каролю Войтыле возможность встретиться с некоторыми старыми друзьями. Особенно примечательной была одна встреча, позволившая как бы перенестись на двадцать лет назад. Это была встреча с Ежи Клюгером, школьным товарищем из Вадовице, с которым они в последний раз виделись в самом начале войны. Как оказалось, Ежи осел в Риме, где работал инженером. Просматривая однажды газету, он неожиданно наткнулся на информацию о выступлении на Ватикане II епископа Войтылы из Кракова. Клюгер немедленно позвонил в Польский колледж в Риме, в котором останавливался Войтыла во время сессий Собора, и попросил соединить его с этим епископом. Войтылы не было на месте, но, как только ему сообщили о звонке, он немедленно связался со школьным другом и предложил, не откладывая в долгий ящик, приехать к нему. Клюгер позвонил в двери Польского колледжа спустя ровно столько времени, сколько понадобилось, чтобы пробиться через «чистилище» перегруженных транспортом римских улиц. В первые мгновения встречи друзья буквально не могли вымолвить ни слова, просто стояли и смотрели друг на друга. Затем обнялись. Когда наконец заговорили, Клюгер, не зная, как обращаться теперь к ставшему архиепископом другу, попытался было величать его «Ваше преосвященство».

— Что это за «преосвященство»? — перебил его Войтыла. — Зови меня по-прежнему — Лолек...

Во время работы Собора Войтыла успевал осмотреть многие любимые им достопримечательности и открыть для себя новые исторические места. Причем эти экскурсии не ограничивались Римом. В частности, он с радостью принял предложение войти в состав делегации епископов, которая должна была подготовить намеченное на 1964 г. паломничество Папы Павла VI в Святую Землю. В декабре 1963 г. Войтыла в течение десяти дней мог ходить по дорогам, по которым некогда бродил Христос, отдыхать на склонах холмов, на которых Божественный Учитель произносил свои проповеди, возносить молитвы на месте распятия Бого-

человека. Он вошел в «избранное число» епископов, которые начали путешествие из Египта и тем самым повторили путь «исхода Богоизбранного народа к Земле обетованной, описанный в Ветхом Завете». В письме краковским священникам из Вифлеема он сообщает, что по просьбе долгое время находившегося в Иерусалиме францисканского монаха польского происхождения «польский епископ спел несколько рождественских хоралов на родном языке» на том самом месте, где родился Христос. Епископы пешком взошли на иерусалимскую Храмовую гору, «священную для любого христианина», поскольку на ней стоял «храм Бога истинного, который Сын Божий называл домом Отца Своего» и который «неоднократно посещался Спасителем во время его земной жизни». Мистическое безмолвие пустыни произвело глубокое впечатление на Войтылу и его спутников. Здесь с особой ясностью ощущалось, что Господь, возжелав спасти людей, вошел в их мир и произошло это в определенное время и в определенном месте. Как написал в своем стихотворении Кароль Войтыла, «Ты ищешь людей повсюду / но, чтобы искать повсюду, / все равно надо остановиться в каком-то месте, / И именно это место было избрано Тобой».

Прогулки по галилейскому побережью, откуда некогда апостол Петр отправился «улавливать человеков», были еще одним сильным впечатлением. Участие в Соборе усилило понимание Войтылой значения для Церкви Престола святого Петра и Папского служения. Ему довелось лично видеть Папу Пия XII, но это было давно, когда он смотрел на мир глазами молодого студента католического учебного заведения. По крайней мере человек, поставивший его на пост епископа, казался невероятно далеким и недосягаемым. Только поработав рядом с Иоанном XXIII, а затем с Павлом VI, проводя ежедневно многие часы в базилике Святого Петра, всего в нескольких сотнях ярдов от надгробия апостола, он постепенно начал постигать, что означает Престол святого Петра для Церкви и какие великие силы требуются от взошедшего на него человека. Это свое понимание он также выразил в стихотворении:

В этом месте ты обретаешь твердую почву,
Здесь столько стен и колонн...
Но если ты не заблудишься среди них,
то найдешь то, что ищешь, —
Согласие и смысл жизни.
Ведь это Она руководит тобой.
Она присутствует не только
в этом ожившем здании. Она — в нас.

В тех, кто осознает свою немощь и слабость, но идет вперед.
Здесь ты, святой Петр. Ты, решивший стать Каменным Полом,
чтобы они могли пройти над тобой.
Пока они просто идут вперед, не зная куда, но ты знаешь, что они
должны прийти туда, куда направляешь их ты.
Ты знаешь, что только этот путь ведет туда, где многие становятся
одним, где брезжит свет и мысли мудрости родятся.
Ты захотел быть тем, кто служит почвой, как та скала, что служит
пастбищем овец, чья пища Крест Святой.
Как та скала, что тоже стала каменным подножием
для самого великого из храмов.

Участие во Втором Ватиканском Соборе значительно укрепило Кароля Войтылу в понимании Рима как центра, объединяющего многообразные составляющие Вселенской Церкви. Но это отнюдь не означало, что он заразился так называемым «вирусом Romanita» — отождествлением Рима и Церкви. По единодушному утверждению всех встречавшихся с ним тогда, он занимал довольно критическую позицию по отношению к любым проявлениям такой точки зрения. Войтыла никогда не забывал, что представляет Краковскую епархию, и каждую из четырех своих осенних поездок в Рим старался использовать для решения каких-либо ее проблем. В мае 1963 г., в перерыве между первой и второй сессиями, Войтыла торжественно открыл в Вавельском соборе мемориал в честь Рафаэля Калиновского и Адама Хмеловского (брата Альберта) — «польских мятежников», участвовавших в восстании 1863 г. Тем самым был сделан шаг к официальному признанию их святости. Прибыв на вторую сессию Собора, Войтыла собирает подписи польских епископов под прошением о беатификации (причислении к лику блаженных) брата Альберта. А затем вместе с другими сторонниками канонизации Хмеловского уговаривает префекта Священной Конгрегации обрядов кардинала Аркадио Ларраона лично заняться этим вопросом. Вслед за этим настала очередь умершей в 1938 г. в Кракове в довольно молодом возрасте сестры Фаустины Ковальской. Убеждение в «Божественной милости», ниспосланной свыше этой загадочной женщине, было распространено по всей Польше, но ряд членов Римской Курии относились к написанным ею работам с явным недоверием. Выполняя просьбу прихожан Краковского архиепископства о беатификации сестры Фаустины, Войтыла лично проводит канонический разбор ее наследия и добивается постановки вопроса на рассмотрение.

Стремление архиепископа Войтылы укреплять связи между Римом и Польшей проявилось и в его постоянных посещениях Польского колледжа — своего рода общежития для польских семинаристов и священников, обучающихся в Риме. Во время одной из встреч его спросили напрямую, зачем было собирать Вселенский Собор, не поставив перед ним четких задач. Архиепископ ответил, что Папа Иоанн XXIII проявил себя в этом решении как человек, способный очень тонко чувствовать задачи, которые ставит современная ему жизнь. Именно это позволило ему осознать всю пагубность «суперсовременных» учений, которые по сути своей направлены на «искоренение культуры». Отсюда и возникла мысль о необходимости обновления Церкви на иных основах, с тем чтобы она смогла выполнить свою задачу проповеди Евангелия поколению людей, во многом отличающихся от своих предков и существенно испорченных технологическим веком. А еще одной важнейшей целью, которую ставил перед собой Папа, созывая Собор, является та, которая существовала всегда, — единство христиан.

Следует сказать, что самому Войтыле работа на Ватикане II очень многое дала и в плане его развития как философа. Присутствие на дебатах по двум основным каноническим постановлениям Собора — о Церкви и о Божественном Откровении, а тем более непосредственное участие в разработке одного из самых конструктивных его документов, касающегося пастырского взгляда на роль Церкви в современном мире, было чем-то вроде теологической докторантуры. Как он сам подчеркивал позже, именно «эта школа вскормила окончательное понимание им Церкви». Впрочем, это не мешало ему говорить, что позиции II Ватиканского Собора в проблемах отношения к личности человека были бы намного сильнее, если бы зиждились на более крепком философском фундаменте. Что это за фундамент, Войтыла постарался показать в одном из своих главных философских трудов — «Личность и действие».

К моменту завершения Собора в 1965 г. молодой епископ, который в 1962 г., в начале его работы, приехал в Рим как мало кому известный капитулярный викарий Краковского архиепископства, стал одним из самых известных церковных деятелей мира. Причем это никоим образом не ущемляло значение Примаса Польской Церкви кардинала Вышыньского. Войтыла получил известность не как претендент на какие-то новые должности, а как человек, умеющий неординарно мыслить и отстаивать свои взгляды.

ОТПРАВНОЙ ПУНКТ

11 октября 1962 г. произошло событие, которое вскоре вошло во все кинохроники мира. Папа Иоанн XXIII в окружении разодетых с ренессансной пышностью членов своего двора проследовал в центральный придел базилики Святого Петра, чтобы открыть Второй Ватиканский Собор. Целая армия рабочих перестроила неф базилики, превратив его в огромный зал проведения официальных заседаний главного католического собрания. На возвышавшихся ярусами с двух сторон от центра местах восседали более двух тысяч прибывших на него епископов. Уже одна эта цифра свидетельствовала о том, что Церковь за последние 90 лет значительно выросла, по крайней мере количественно, — все участники проходившего с 1869 по 1870 г. Первого Ватиканского Собора без труда размещались по одну сторону нефа. В соответствии со своим возрастом и почти столь же скромным положением в церковной иерархии капитулярный викарий Краковской епархии епископ Омбийский сидел у самой двери, почти в пятистах футах от высокого алтаря. Тем не менее Кароль Войтыла уже успел внести заметный вклад в событие, которое только еще должно было начаться.

В июне 1959 г. созданная Папой Иоанном XXIII комиссия по подготовке Собора разослала всем католическим епископам, главам религиозных орденов и преподавателям теологических факультетов послание с предложением высказать свои пожелания относительно его повестки дня. Ответы большинства епископов не выходили за рамки волновавших их текущих церковных дел. Епископ Кароль Войтыла направил в комиссию целое эссе, причем представлявшее его не столько как человека, озабоченного проблемами Церковного Устава, сколько как мыслителя. Вместо того чтобы высказаться по поводу того, какие реформы следует провести внутри Церкви, он предложил взглянуть на проблемы католичества совсем с другой стороны. Он задавался вопросом о том, каковы современные условия человеческой жизни. Указывал на важность понимания того, что хотят услышать от Церкви люди XX века.

Главное, вокруг чего вращаются все остальные проблемы, — это личность человека. Личность мыслящего существа, живущего в материальном мире, но душой ощущающего сильнейшую потребность в тайне, объединяющей его самого со всеми другими

людьми. Существа, чье подлинное личное достоинство является результатом внутренней духовной жизни, в которой проявляются милость Господня и сам образ Его. Мир людей хочет услышать от Церкви, что она думает о личности человека и условиях ее развития. Особенно это важно сейчас, когда появилось множество версий ответа: «научная, позитивистская, диалектическая», — каждая из которых претендует на то, что именно она указывает путь к свободе личности. По прошествии почти двух тысяч лет со дня начала истории христианства мир спрашивает Церковь: что же такое христианский гуманизм и в чем его отличие от других трактовок гуманизма, во множестве появившихся в последнее время? Что Церковь может противопоставить охватившему современный мир «отчаянию всех и каждого в отдельности, усомнившихся в надобности своего существования»?

Кризис, в котором оказался гуманизм в середине XX в., породившего в гордыне своей собственный «гуманизм», писал Войтыла, вот та проблема, в которой спокойно и без спешки должен разобраться Собор. Церковь существует не ради себя самой. Цель ее существования — спасение мира. Тот мир, который, вновь и вновь оказываясь в плену учений, обещающих человеку свободу в материальных аспектах жизни, теряет свою гуманную сущность и ведет к деградации.

Сквозь призму этого фундаментального кризиса нашего века Войтыла предлагал рассматривать и другие ключевые вопросы, поставленные в повестку дня Собора. Так, проблема объединения христиан (если сводить ее обсуждение не к поиску того, что их разъединяет, а того, что могло бы всех соединить), по сути, сведется к провозглашению общепонятных принципов человечности — христианского гуманизма. Жаждущий правды, образованный мирянин с нетерпением ждет, когда же идеи христианского гуманизма проникнут повсюду, «особенно в те места, в которых духовенство не может справиться со своей собственной миссией». Одухотворение современной культуры через прививку ей христианского гуманизма требует пастырей, способных понять, что «все происходящее в мире имеет свою внутреннюю ценность и должно быть принято ими, даже если речь идет о явлении, внешне весьма далеком от религии».

Освящение всех сторон жизни, предположил Войтыла, могло бы в большинстве случаев происходить незаметно. Просто, постоянно соприкасаясь с культурной или производственной жизнью общества, священник должен представлять «духовные цен-

ности таким образом, чтобы живущие в этот материалистический век люди могли понять и принять их». Это, в свою очередь, предъявляет новые повышенные требования к духовным учебным заведениям — «семинарии должны стать не просто школами, дающими профессиональные знания и навыки, а подлинными академиями жизни». Из них должны выходить люди, способные на равных разговаривать с мирянами, уровень образования которых неизмеримо вырос за последние годы. Отсюда вытекает и то, что евангелическая деятельность священнослужителей и мирян, равно как и пропаганда Церковью идей христианского гуманизма, принесет более внушительные результаты, если мессы и другие церковные обряды будут проводиться на понятном всем присутствующим языке.

Направленные в комиссию по подготовке Собора предложения Войтылы отражали весь опыт, накопленный им в первые четыре десятилетия его жизни: опыт жизни при нацистской оккупации, режиме польских последователей Сталина; то, что он узнал, учась в религиозных учебных заведениях и используя полученные там знания на практике; его попытки высказать свое восприятие «непостижимого присутствия Бога в мистическом таинстве внутренней жизни человека» в стихах, пьесах и философских эссе. В его суждениях о соотношении божественного и мирского в человеке чувствовалось влияние Мечислава Котларчика и «Театра восторга». То, что он почерпнул во время своего общения с молодыми семейными парами, угадывалось в его тезисе «о служении мирян», благодаря которому, по его убеждению, идеи христианского гуманизма могут проникнуть туда, куда не способны донести их служители Церкви. Кое-кто из его друзей говорил даже, что расслышал «всплески байдарочных весел на Мазурских озерах», когда узнал об одной из предложенных Войтылой поправок к Церковному Уставу. Ведь предлагалось считать «присутствие на мессах, отслуженных у переносного алтаря, полностью соответствующим правилам праздничных и воскресных дней» и, соответственно, требование получения специального разрешения на это не обязательным.

Но важнейшей и даже, если так можно выразиться, пророческой в его предложениях подготовительной комиссии была настойчиво повторяющаяся мысль о том, что в эпицентре обсуждений Собора должен оказаться вопрос о потребности мужчин и женщин нашего века в гуманизме. До, во время и после Собора было много разговоров о необходимости правильного «прочтения знаков, кото-

рые подает нам время». Тридцатидевятилетний польский епископ именно так и поступил. Он как бы указал перстом на глубочайшую рану современности, предложив взяться за ее лечение с помощью предельно доступной проповеди Евангелия.

РАБОЧИЙ ПРОЦЕСС

На Втором Ватиканском Соборе выработался свой, абсолютно специфический жаргон, правда, в значительной мере базировавшийся на официальном языке церковного общения — латыни. Присутствующих епископов называли не членами или участниками, а отцами собора. Входили они не в зал заседаний, а в аулу и предъявляли при этом не пропуск, а паспорт. Если кто-то хотел выступить, он просил не слова, а разрешения вмешаться. Во время подготовки к своему вмешательству можно было обратиться к перитусу (а не к эксперту в той или иной области теологии), в обязанность которого входила помощь в отшлифовке аргументов и латинского языка выступления. Брошюры с проектами документов Собора непременно именовались фасцикулами. При голосовании отцы Собора должны были писать в бюллетенях не «да» или «нет», а «Placet» [«Вызывает одобрение»], «Non placet» [«Не вызывает одобрения»], «Placet iuxta modum» [«Вызывает одобрение, но требует уточнений»]. Модераторы (четверка ведающих процедурными вопросами) должны были даже по внешнему виду отличаться от двенадцати председателей Собора, функции которых за все четыре года так до конца и не прояснились.

Но значительная часть реальной работы делалась в ходе неформальных встреч и разговоров, которые происходили повсюду. Такой разговор мог, например, начаться в кофейне, устроенной для участников Собора в базилике Святого Петра, и его тут же подхватывали в «Кафе неудачника» или баре «Митцва». Завтракали, обедали и ужинали, а также проводили некоторые семинары там, где останавливались епископы: в отелях, национальных представительствах или гостиницах для обучающихся в Риме семинаристов из той или иной страны. Имелось, естественно, и много других мест, где можно было обсудить вопросы, о которых было трудно, а порою и невозможно поговорить в ауле.

Такие встречи стали самым главным источником информации и способом обсуждения различных точек зрения на происхо-

дящее. Об их влиянии на принимаемые решения говорит уже то, что многие называют их «вторым, неформальным Собором». Правда, потом, вспоминая о Ватикане II, некоторые его участники стали весьма критически отзываться об этих неформальных обсуждениях. По их мнению, епископы, ученые-теологи и знатоки Библии серьезно рисковали своей репутацией, пытаясь параллельно с официальными церковными властями выработать (а некоторые считают, что и выработав) подходы к христианскому учению. Следует, видимо, все-таки признать, что большинство епископов, участвовавших во «втором, неформальном Соборе», включая Кароля Войтылу, просто пытались воспользоваться возможностью пополнить свои знания, а вовсе не замышляя что-то перевернуть в Церкви. Помочь разобраться в этом, видимо, лучше всего может поистине исторический первичный отчет Ватикана II, включающий все официальные устные и письменные обращения к коллегам отцов Собора и 16 официальных документов, в которых в той или иной степени были учтены высказанные предложения. Епископ (к третьей сессии архиепископ) Войтыла выступал на всех четырех сессиях. Изучение текстов его выступлений лучше всего позволяет составить представление о его взглядах на все, что происходило на этом форуме.

На первой сессии, осенью 1962 г., епископ Войтыла принимает активное участие в оживленной дискуссии по вопросу понимания Церковью соотношения источников Божественного Откровения — Священных Писания и Предания. Это была одна из проблем, имеющих очень важное значение для экуменического движения. Классическая максима в подходе к ней, родившаяся во времена Реформации, гласит: «Sola Scriptura» [«Только Писание»]. Войтыла в своих выступлениях призывал пересмотреть сам подход к вопросу. Он предложил рассматривать и Писание, и Предание как одну из форм самовыражения Бога, а не спорить о том, насколько полно отражается «откровение» в тех или иных библейских текстах и их толкованиях. И в этом еще раз проявился его личный подход к вопросу о понимании Церковью Бога и Божественного присутствия в тварном мире.

Когда на той же сессии начались дебаты об обновлении обрядов богослужения, Войтыла выступил с короткой, но яркой речью, в которой привел примеры из собственного пастырского опыта. В частности, он убедительно доказал, что новшества, введенные в обряд крещения, побуждают родителей и крестных настойчивее приобщать детей к вере. Его участие в дискуссии о

природе и миссии Церкви представлено письменным вмешательством, в котором Войтыла призывает занять более «персонализированную и пастырскую» позицию в подходе к спасению душ человеческих. На его взгляд, это в большей степени соответствовало бы и цели, которую преследовал, инициируя Собор, Папа Пий XII, всегда рассматривавший Церковь как мистическое Тело Христово. Более того, Войтыла считал, что мысль об особом служении мирян должна нагляднее отражаться во всех церковных документах. Это законная «потребность» современных мужчин и женщин, удовлетворение которой усилит «чувство ответственности перед Церковью» в католическом обществе в целом. Войтыла поддержал позицию других польских иерархов, настаивавших на выработке особого документа, выражающего общий взгляд на Пресвятую Деву Марию. Данное предложение было отвергнуто по теологическим и экуменическим причинам, но было решено, что позиция Собора по этому вопросу найдет отражение в «Догматических правилах Церкви». Таким образом, вопрос все-таки обсуждался, и Войтыла выступал всякий раз, как только затрагивалась данная проблема. Он делал упор на важность восприятия Церковью «материнства» Девы Марии, материнской любви, через которую сыны и дочери Церкви приобщаются к Христу. Такой взгляд, подчеркивал молодой епископ, поможет правильно отредактировать многие другие документы Собора, в которых «Церковь предстает скорее в роли учителя, а не матери своих чад».

Осенью 1963 г., в ходе работы второй сессии Собора, епископ Войтыла принимает самое непосредственное участие в дебатах о сути взгляда на Церковь как «народ Божий». Он предлагает подходить к этому как к некому таинству, связанному с Боговоплощением. Церковь представляет собой «народ Божий» постольку, поскольку обязана своим основанием «сверхъестественному воплощению Бога в человека». В этом заключается ее уникальность по сравнению с любым другим институтом. Из этого же вытекает ее основная задача в мире — научить своих чад, что есть истинное служение, и тем самым подготовить их к конечному пункту человеческой истории, когда Бог будет всем во всем. В письменном выступлении на той же дискуссии Войтыла с философских позиций доказывает, что «конечная причина», предопределившая создание Церкви, есть Святость. Каждый принявший крещение становится служителем Святости. И сохранение Святости в мире является не прерогативой священников и иерархов Церкви, а высшим предназначением каждого, кого Христос «освятил исти-

ной», с тем чтобы «послать в мир» (Ин. 17.18–19). Святость, к которой призываются христиане, писал Войтыла, имеет тот же смысл, что и присутствие в «Великой Святой Троице» самого Господа.

В третьей и четвертой сессиях Войтыла участвовал уже не как молодой, не имеющий епархии епископ, а как архиепископ Краковский. Соответственно возрастают количество его письменных и устных выступлений и круг проблем, которые в них затрагиваются. На третьей сессии он выступает с письменным обращением «от имени польского епископата» о месте положений, касающихся Святой Марии, в готовящихся «Догматических правилах Церкви». Вскоре он подкрепляет его собственным письменным «вмешательством», в котором аргументированно доказывает целесообразность перемещения главы, посвященной Святой Марии. Вместо того чтобы заключать документ, настаивает он, данная глава должна находиться в его начале, сразу же за первой — «Тайна Церкви». Ведь подобно тому, как Дева Мария, став Матерью Христа, вскармливала его, она продолжает и теперь окормлять Его мистическое Тело — Церковь.

Не менее активно участвует Войтыла в развернувшихся на третьей сессии дебатах по проекту постановления об апостольском служении мирян. Он горячо отстаивает обновленный вариант документа, в котором четко указывается, что апостольский долг каждого христианина и его ответственность перед Церковью предопределяются самим крещением, а не являются следствием его присоединения к какому-то особому миссионерскому сообществу. Не в церковной социологии, а в базовых теологических понятиях христианских таинств следует искать причину возникновения в душах живущих мирской жизнью людей стремления подражать апостолам. Архиепископ подчеркивал, что принятие постановления в новой редакции будет крайне важно для исправления неправильного понимания самого слова «церковь». Ведь даже многие верующие, произнося его, имеют в виду не себя и окружающих людей, а исключительно священников, монахов и епископов. В этом вмешательстве Войтылы с особой силой прозвучал призыв к «внутрицерковному диалогу», в ходе которого представители клира и прихожане «совершенно откровенно и открыто обсудили бы волнующие их духовные проблемы». Такой диалог станет серьезным стимулом к оживлению евангелической деятельности самой Церкви. Ведь способность Церкви исполнять свою миссию в мире во многом зависит от того, как эта миссия

выполняется внутри ее самой, или, другими словами, от желания и способности членов Тела Христова обогащать друг друга ради общего спасения. Войтыла также предпринял значительные усилия, чтобы подчеркнуть в касающихся мирян документах Собора совершенно уникальную роль, которая принадлежит в апостольской деятельности молодежи. Кстати, именно в ходе этой дискуссии польский архиепископ обратил на себя всеобщее внимание, оказавшись единственным, кто призвал судить о решениях Собора и женщин. Каждое его выступление начиналось словами: «Venerabiles Patres, Fratres et Sorores...» [«Уважаемые отцы, братья и сестры...»]

Разъясняя свои взгляды в письменном вмешательстве, сделанном в ходе дебатов по упомянутому документу, Войтыла особо подчеркивал, что курс на оживление апостольской деятельности мирян вовсе не означает попытку превратить прихожан в неких новых «квазисвященников», призванных заняться внутренним обустройством Церкви. Объект апостольского служения мирян не Церковь, а мир, где производятся культурные и материальные ценности. Не обошел Войтыла и свой опыт общения с друзьями из «Тыгодника повшехны» и «Театра восторга». В одном из выступлений он говорил о том огромном вкладе в дело евангелизации культуры, который способны внести только артисты и писатели: «...они не просто учат, они могут, доставляя удовольствие людям, незаметно настроить их сердца и мысли на поиск высшей истины».

Рассказ о третьей сессии Ватикана II будет заведомо неполным, если обойти мысли Кароля Войтылы о свободе религии, которые выражены в двух письменных и одном устном обращении к участникам дискуссии по этой проблеме. Чтобы лучше понять их значение, попробуем прежде ответить на вопрос: почему именно проблема религиозных свобод вызвала на Соборе одну из самых горячих дискуссий?

Дело в том, что среди отцов Собора имелось несколько кардинально разнящихся точек зрения на эту проблему. Одни занимали философскую позицию, которая основывалась на изначальной для Церкви логике рассуждений. «Ошибка не имеет прав» на развитие, говорили они. Признание этой истины государством послужит к всеобщему благу, следовательно, соглашение с ним должно строиться на признании истинности католической религии и предоставлении ей привилегированного положения в обществе. Другие, в частности горячий французский миссионер

Марсель Лефевр, были убеждены, что даже такое минимальное признание католической Церковью свободы религий является поощрением радикальной секуляризации, то есть той самой политики, которая нанесла столь огромный ущерб во время Великой Французской революции. Третьи в принципе были согласны с тем, что религиозная свобода стала объективной реальностью, но опасались последствий официального признания этого факта. Их страшило, что, встав на такой путь, Церковь вынуждена будет признать, что нередко совершала в прошлом ошибки, а это чревато самыми непредсказуемыми последствиями для католической доктрины в целом. Этот страх очень часто перевешивал даже собственный здравый смысл.

Другой подход к данной проблеме тоже представляло несколько групп епископов. В первую входили отцы Собора из Соединенных Штатов, жившие в стране, где католицизм процветал, несмотря на законодательное закрепление в ее Конституции «разделения» Церкви и государства. Они были убеждены, что опыт такой организации по крайней мере не менее важен, чем той, которая некогда существовала в Европе и зиждилась на альянсе трона и алтаря. Довольно близко примыкали к ним епископы из Западной Европы: по теологическим и политическим соображениям они предпочитали держаться в стороне от тех, кто открыто выказывал ностальгические настроения по старинным порядкам. Наконец, имелась группа епископов из стран Восточной Европы: многие из присутствовавших успели побывать под домашним арестом и даже в тюрьмах. Они считали, что более четкое признание на Соборе религиозных свобод поможет им в борьбе с коммунистами.

К моменту включения Войтылы в обсуждение этого вопроса на третьей сессии заявление по поводу свободы религии предполагалось включить в качестве приложения к «Постановлению об экуменизме». В первом же выступлении 25 сентября 1964 г. архиепископ Краковский предложил рассматривать вопрос о свободе религии не только как экуменический, но одновременно и как проблему взаимоотношений Церкви и государства. Переходя от рассмотрения экуменического аспекта вопроса к политическому и наоборот, он сумел выработать во многом новую позицию, основные элементы которой вошли в подготовленную в следующем году «Декларацию о религиозной свободе».

Вопрос о религиозных свободах, начал он, затрагивает самую сердцевину диалога Церкви и мира, поскольку именно через него

проявляется отношение Церкви к личности и месту человека в мире. Поэтому крайне важно рассматривать понятие «свобода» во всей полноте его многогранной ценности, а не принижать его до нейтрального, индифферентного права выбора. Истинная свобода, подчеркивал архиепископ Краковский, всегда существует ради, а не против чего-то. Из этого следует, что истинная свобода — это свобода истины. Ведь только живя в истине, человек может быть до конца свободен.

Такое понимание свободы, в свою очередь, предполагает как минимум два вывода, касающихся общества. Во-первых, раз теологические проблемы не входят в компетенцию государства, то, следовательно, разрешение или запрещение тех или иных религиозных институтов в принципе не является его функцией. Во-вторых, теоретический тезис коммунистов об «отчуждении» религии противоречит практической враждебности созданных ими государств Церкви, то есть налицо некий юридический нонсенс. Собор, предложил Войтыла, должен заявить, что полную всеобъемлющую истину следует искать не в отчуждении человека от религии, являющемся, по сути, проявлением недоверия к личности, а в признании его права самому делать те или иные выводы.

К тому моменту, когда Войтыла включился в дебаты о религиозных свободах, основные споры велись вокруг проблемы Церковь — государство: одни участники дискуссии считали необходимым окончательно освободить Церковь от стремления к организации по принципу «алтарь и трон», их оппоненты были убеждены, что признание религиозных свобод усилит безразличие к религиозным проблемам, а затем и к враждебности государства по отношению к Церкви. Войтыла постарался представить вопрос в личностном контексте. Он доказывал, что признание превосходства человека над другими тварными существами, выраженное в провозглашении свобод, позволяет ему «повернуться лицом» к Богу. Вмешательство архиепископа Краковского было прекрасным примером яркой защиты религиозных свобод с помощью новых аргументов, не раздражающих сторонников противоположных точек зрения, но и не оставляющих их равнодушными.

Голосование по этой проблеме в результате закулисной деятельности противников ее рассмотрения на третьей сессии так и не состоялось. Но в повестке дня заключительной, четвертой сессии Ватикана II, состоявшейся в сентябре 1965 г., вопрос о религиозных свободах стоял в числе первых. Архиепископ Войтыла,

как один из инициаторов принятия «Постановления о религиозных свободах» (сейчас известного под несколько измененным латинским названием «Dignitatis Humanae»), выступил в первый же день начала дискуссии с речью. Он вернулся к высказанному на предыдущей сессии тезису о соотношении свободы и истины, постаравшись представить его в еще более четком и ярком виде. Недостаточно просто сказать «я свободен», подчеркивал он, к этому необходимо добавить «я отвечаю за свои действия». Это и есть суть доктрины, на которой базируются живые традиции Церкви. Подвиги ее мучеников и исповедников наглядно свидетельствуют, что именно осознание ответственности является кульминацией свободы, в которой она проявляется с наибольшей полнотой.

Вскоре, видимо, упреждая возможные утверждения оппонентов о том, что предложенная трактовка отражает лишь прагматические, сугубо мирские цели принятия документа, Войтыла подготовил письменное вмешательство, усилив упор на теологический аспект проблемы. Религиозные свободы, доказывал он, следует рассматривать как одно из проявлений Господней воли по отношению к миру и человеку. Значит, в рассматриваемом документе положение о религиозных свободах должно быть представлено в виде «доктрины, прежде всего касающейся духовного мира человека, но весьма созвучной его повседневным потребностям». А формулировка духовных истин и является задачей Собора. Если эти истины совпадают с тем, что диктуют внешние обстоятельства, как это, видимо, происходит, когда религиозные свободы начинает защищать государство, то это можно только приветствовать. Но мир хочет узнать от Церкви нечто большее, чем ему уже известно. Ему нужен документ, который выражал бы взгляд Церкви на эту проблему как на проблему духовную.

В конце концов отцы Собора согласились принять предложенную редакцию текста «Dignitatis Humanae» — документа, бесспорно, оказавшего влияние на весь ход истории XX в. В нем записано:

> Ватиканский Собор заявляет, что каждый человек имеет право на свободу религиозных убеждений. Это право означает признание иммунитета каждого человека против принуждения со стороны отдельных личностей, социальных групп и любых организаций, с тем чтобы за исключением строго регламентированных случаев никто не мог быть принужден по-

ступать вопреки своим религиозным убеждениям в своей личной или общественной деятельности, индивидуально или вместе с другими. Отцы Собора заявляют, что религиозные свободы основываются как на признании достоинства человеческой личности, открытом в слове Божием, так и на здравом смысле как таковом. Право человека на свободу религиозных убеждений должно быть признано и закреплено обществом в качестве одного из основных гражданских прав.

Наряду с другими в «Dignitatis Humanae» вошел и целый ряд положений, предложенных непосредственно архиепископом Войтылой. Например, о том, что уважение к «достоинству личности подразумевает самообязательство искать истину, особенно истину религиозную», а зная истину, жить в соответствии с ней. Взятое на себя обязательство поиска истины не может быть выполнено, если человек не имеет возможности «наслаждаться внутренней психологической свободой, не опасаясь, что кто-то попытается заставить мыслить по-иному». Таким образом, именно свобода позволяет и найти истину, и жить в соответствии с ней.

Нашла в документе отражение и точка зрения Войтылы на признание религиозной свободы: именно этот шаг в значительно большей степени, чем многое другое, может способствовать сохранению католических ценностей, поскольку в нем сокрыт заложенный в основание Церкви замысел Божий.

> Одна из основных истин, данная католической Церкви и постоянно раскрываемая ее Отцами в проповедях, заключается в том, что принятие человеком веры в Бога может произойти только на абсолютно свободной основе. Как всякий естественный акт, принятие веры является абсолютно свободным. Человек, искупленный из плена первородного греха Христом Спасителем и призванный через Иисуса Христа стать сыном Божиим, может полностью проявить свою преданность явившему себя миру по замыслу Отца Богочеловеку только совершенно осознанно и свободно.

В документе есть строки, адресованные тем правительствам, под властью которых были вынуждены жить архиепископ Войтыла и его коллеги из ряда стран Восточной и Центральной Европы. В нем высказывается осуждение любых режимов, которые «пытаются препятствовать своим гражданам, желающим посвятить себя

профессиональному служению избранным ими религиям, затруднить деятельность различных религиозных институтов, а тем более непосредственно угрожать им». Имелся и вполне четкий пассаж, направленный против группировок, подобных польскому «Миру», которые доказывали, что повышенное внимание к «второстепенному», вопросу о религиозных свободах в частности, мешает решению главной задачи — обеспечению мира во всем мире. Отцы собора признали, что «стремление к установлению и развитию мирных гармоничных отношений между людьми» является естественной потребностью человека и именно поэтому «свобода религиозных убеждений должна быть повсеместно закреплена в законах». Ведь подлинный мир возможен только в условиях подлинной свободы.

ЦЕРКОВЬ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Наряду с активным участием в дискуссии по проблеме религиозной свободы и не менее интенсивной работой по выработке теологического взгляда на служение мирян архиепископ Краковский внес существенный вклад в подготовку одного из важнейших документов Второго Ватиканского Собора, который в конечном итоге получил название «Пастырская конституция о Церкви в современном мире». «Схема XIII», как именовали этот документ в течение первых трех сессий Собора, была задумана Папой Иоанном XXIII и двумя кардиналами: Бельгийским — Львом Иосифом Суененсом (одним из четырех модераторов Собора) и Миланским — Джованни Баттиста Монтини (ставшего между первой и второй сессиями Папой Павлом VI). И Иоанн XXIII, и оба кардинала, разрабатывавшие, а затем представлявшие проект «Схемы XIII», видели ее главное назначение в том, чтобы показать, что последователи Христа живут теми же «радостью и надеждой, горем и страданиями» (как говорится в окончательном тексте документа), что и весь остальной мир, у них те же стремления и та же боль. Церковь существует в мире и ради мира, поэтому «все печали мира отражаются искренней болью в сердцах христиан». Кароль Войтыла, предложивший проанализировать на Соборе кризис современного мира, естественно, поддержал «Схему». Он был убежден, что сделать подобное заявление крайне важно для Собора.

Обсуждение «Схемы XIII», получившей после Собора большую известность, как «Gaudium et Spes» [«Радость и Надежда»], по словам, с которых она начиналась, развивалось не менее драматично, чем дебаты о религиозных свободах. В октябре 1964 г., на четвертой неделе работы третьей сессии Собора, Римская Курия попыталась исключить этот документ из повестки дня, так же как это было сделано с «Постановлением о свободе религии». Даже многие сторонники документа признали тогда, что проект нуждается в серьезной доработке, но попытка отсрочить его обсуждение провалилась. Безусловно, большую роль сыграла поддержка Папы Павла VI. Именно благодаря ей 20 октября, как раз в тот день, когда ежедневную мессу для отцов Собора отслужил архиепископ Краковский, началась дискуссия о роли Церкви в современном мире.

Выступавший 21 октября Войтыла принимал самое непосредственное участие в подготовке двух меморандумов состоявшейся ранее конференции польских епископов по «Схеме XIII», а потому имел теперь возможность отстаивать документ от лица всего польского духовенства, представители которого признали его «особую своевременность». Люди доброй воли во всем мире с нетерпением ожидают, говорил архиепископ, что им скажет Собор, и отцы Собора не имеют права разочаровать их. Это тем более важно, что есть немало тех, кто кричит о неспособности Церкви сказать что-либо важное современному миру. Собор обязан дать ответ и на это. Более того, следует учитывать, что современный мир не однороден, он состоит как бы из «нескольких миров», а значит в документе необходимо учесть интересы не только жителей развитых индустриальных стран Западной Европы и Северной Америки.

Затем последовало изложение основных принципов, на которых могло бы основываться принятие документа. Предлагалось отказаться от стремления придать ему «нарочито религиозный смысл», превратив в некий «плач об ужасающем состоянии мира». Ни в коем случае не может он походить и на монолог судьи или ментора. Сам текст документа должен быть составлен таким образом, чтобы каждому было ясно, что Церковь стремится вступить в «диалог с миром», с помощью которого надеется «найти подходы к единственно верным решениям самых трудных проблем современной жизни». При его составлении следует воспользоваться опытом лучших учителей, которые применяют эвристический метод, «позволяя» ученику почти самостоятельно подойти

к верному решению. Церковь предлагает помощь современному миру, и целесообразность принятия этого предложения можно доказать, лишь выдвигая понятные аргументы, а не читая мораль и нотации. В подкрепление данной позиции архиепископ Войтыла представил до конца третьей сессии от имени польского епископата более восьмидесяти поправок к проекту «Схемы XIII».

К 14 сентября 1965 г., дню созыва четвертой сессии, проект документа был подготовлен уже в новой редакции. Он и лег в основу постановления «Gaudium et Spes», окончательное принятие которого тем не менее потребовало еще трех заседаний специально созданной в начале 1965 г. редакционной подкомиссии. Подкомиссия состояла из епископов и перитусов (в качестве одного из которых был привлечен профессор Стефан Свежавский). Архиепископ Войтыла был активным участником всех трех заседаний, работая в одной из групп подкомиссии вместе с архиепископом Габриелем Мари Гарроне, теологом-доминиканцем Ивом Конгаром и учеными-иезуитами Анри де Любаком и Жаном Даньелу. Де Любак, вспоминая «тяжелые роды известной «Схемы XIII», подчеркивал, что он «работал плечом к плечу» с архиепископом Краковским и что «уже после первых же встреч убедился в высочайших человеческих качествах этого священнослужителя». Симпатия была взаимной. Совместная работа над «Схемой XIII» стала началом настоящей дружбы Войтылы и де Любака. Молодой архиепископ не раз подчеркивал большое значение поддержки, оказанной ему этим известным ученым-теологом, который перед Собором подвергался довольно суровой критике со стороны Рима. Кстати, другой их коллега по редактированию «Gaudium et Spes», француз-доминиканец отец Конгар, тоже вызвал немало нареканий Римской Курии в пятидесятые годы за свои работы о природе Церкви и экуменизме. Для нас Конгар интересен еще и тем, что именно ему принадлежат наиболее подробные и достоверные письменные свидетельства о деятельности Кароля Войтылы в подкомиссии. Конгар вел дневник. 2 февраля 1965 г., находясь в Арицци, он, например, записал следующее:

> На дневной встрече мы обсуждали вторую главу. Запомнились несколько замечаний, сделанных епископом Войтылой. «Здесь дается, возможно, и правильная, но сугубо индивидуальная точка зрения на проблемы и вопросы, выдвинутые новой ситуацией в мире... — сказал он. — А между тем современный мир уже дал свои версии ответов на эти вопросы. Мы

не можем просто не замечать их, тем более что они идут вразрез с ответами, даваемыми Церковью. В предложенном же тексте нет даже краткого обзора ответов, которые даются миром, соответственно отсутствует и всякая попытка дискуссии по проблемам, возникшим вследствие появления этих неправильных ответов».

Войтыла производит очень сильное впечатление. Он сразу выделяется на фоне всех других. Его личность обладает каким-то даром вдохновения, чудесной силой, убежденностью пророка, и в то же время от него веет миром и душевным спокойствием. Человеку, обладающему таким редким набором качеств, невозможно сопротивляться.

Дебаты по «Gaudium et Spes» возобновились в среду, 22 сентября 1965 г. А в четверг, 28 сентября, архиепископ Войтыла выступил с речью, которую многие считают одной из самых ярких и знаменательных на Ватикане II. «Пастырская конституция» в новой редакции, сказал он, это не заявление или доктрина, а скорее размышление, и это правильно. Ведь оно посвящено прежде всего человеческой личности, тому, как понимают ее место среди всего остального, составляющего мир, сам человек и общество.

«Церковь предлагает миру нечто свое, совершенно особое, и за тем, чтобы эта уникальность ее точки зрения была ясно выражена, нам следует проследить с особой тщательностью. Мы должны показать, что Церковь в диалоге с миром всегда рассматривает историю сквозь призму спасительного дара — Креста Христова. То, что Господь явился в тварный мир, чтобы собой искупить его грехи, — продолжил архиепископ, — раз и навсегда закрепилось в христианском подходе к миру». Поэтому мир для Церкви не может быть чем-то посторонним, так же как «создание» и «Богоявление» не может быть чем-то чуждым миру, его истории и его устремлениям. История творения и искупления мира Богом и есть история человечества в подлинном ее понимании. Показывать миру его историю в этом свете и тем самым стараться изменить его в правильном направлении и есть самая великая служба, которую Церковь может сослужить миру.

Войтыла соглашался с теми, кто доказывал, что не все в мире имеет непосредственную связь с Церковью. Многочисленные встречи в Кракове с учеными убедили его, что не существует «католической химии» или «христианской физики». Есть просто химия и просто физика, обладающие собственными законами и истинами. И все же эти истины непременно связаны с той глав-

ной, которая известна Церкви, — правдой о Воплощении Бога ради искупления человечества. Таким образом, Войтыла как бы предвидел появление высказываний о том, что в диалоге Церкви с миром спрашивающей стороной является мир, а Церковь должна лишь отвечать на поставленные вопросы. Об ошибочности подобной точки зрения, которую через некоторое время будет особенно рьяно отстаивать Всемирный совет церквей, архиепископ Краковский говорил уже на Ватикане II. Настоящий диалог может быть лишь двусторонним, говорил Войтыла. Если Церковь открывается для современного мира, то она вправе потребовать, чтобы и мир открылся для познания тайны, которую Церковь готова подарить ему.

Далее Войтыла перешел к вопросу о пастырском отношении к атеизму, являющемуся, на его взгляд, неотъемлемой частью проблемы церковного «диалога со всеми». Надо понять, подчеркивал он, что атеист страшно одинок. Ведь отделение от Бога неизбежно порождает пустоту в собственной душе. Ощущение одиночества и страха и подталкивает многих современных мужчин и женщин «к поиску псевдобессмертия в общественной жизни». Поэтому диалог Церкви с атеистами не следует строить на обмене доказательствами, подтверждающими или опровергающими наличие Бога. Это должен быть откровенный разговор о «внутренней свободе» человеческой личности. В таком разговоре Церковь могла бы показать атеисту путь избавления от чувства одиночества и отчужденности. Ведь освободиться от этого груза можно, лишь отказавшись от своей искусственной отчужденности от Бога.

Как раз в этом месте речь Войтылы прервал ведущий заседание модератор — кардинал Мюнхенский Депфнер:

— Завершайте, Ваше преосвященство, выделенное вам время истекло.

Поклонившись ему, архиепископ Войтыла перешел к завершающей части вмешательства, постаравшись в максимально сжатой форме выразить свой личный взгляд на проблему: чем ближе подходит человек к Богу, тем ближе он к пониманию истины мира и глубин своей человеческой сущности. Христианская вера это не уход от действительности. Христианская вера — это освобождение человека в самом полном смысле этого слова. Такую свободу и должна предложить Церковь «современному миру».

«Пастырская конституция о Церкви в современном мире» — «Gaudium et Spes» займет очень важное место и в последующих

размышлениях и поступках Кароля Войтылы. Он продолжил работу по улучшению его текста, постоянно отстаивая жизненную важность этого новаторского документа, повлиявшего, по его глубокому убеждению, на многие события конца двадцатого столетия. Неудивительно, что два абзаца из этого постановления чаще выдержек из любых других документов Ватикана II цитируются в его обращениях, сделанных уже в качестве Папы.

Первый, обозначаемый обычно, как «Gaudium et Spes» 22, он назвал «теологической осью» Собора. «Только понимание главного таинства мира дает возможность открыть для себя сокровенную тайну самого человека... [и] эта истина принадлежит не только христианам, но всем людям доброй воли, чьи сердца стремятся к добру». Гуманизм в высшей своей форме проявился в явлении в мир Христа, Который не удалился от мира, но отдал ему Себя, показав, что́ есть истинное достоинство человека и в чем заключается его великое предназначение.

Абзац «Gaudium et Spes» 24, дополняющий этот христианский взгляд на антропологию, можно считать осью философских и моральных размышлений Собора. «Человек способен полностью осознать собственную личность, лишь искренне отдавая себя». Другими словами, закон самодарения является фундаментом для понимания драматической коллизии развития человека. Поступки, соответствующие этому закону, есть единственный путь от духовного отчуждения и одиночества к пониманию человека во всей его полноте. Эта истина была открыта христианам крестным путем Христа, и испытать ее плодотворное влияние Церковь призывает весь современный мир.

ОТ ПЕТРА К СТАНИСЛАВУ

Участие во Втором Ватиканском Соборе Кароль Войтыла рассматривал не как какую-то дарованную ему лично привилегию, а как еще одну возможность послужить людям. С первых же дней работы Собора он старался сделать все возможное, чтобы поляки узнали как можно больше о том, что на нем происходит, и почувствовали свою причастность к этому великому международному событию. По завершении каждой сессии он устраивал открытые лекции и конференции для священников Краковского архиепископства, семинаристов, студентов и представителей интеллиген-

ции, на которых подробно рассказывал об увиденном в Риме. Во время работы Собора он постоянно направлял священнослужителям письма, в которых разъяснял свою точку зрения по обсуждаемым в данный момент проблемам. Каждый раз перед тем, как отбыть в Рим, Кароль Войтыла обязательно лично служил мессу, в конце которой произносил посвященную Собору проповедь. (В ходе такой проповеди, произнесенной 10 сентября 1964 г. в Вавельском соборе, он честно признался, что очень тревожится «за судьбу «Схемы XIII».)

И тем не менее его беспокоило, что возможность посещать подобные мероприятия имеют в основном лишь жители Кракова. Участвовать же в обсуждении происходящего на Соборе, по его убеждению, должна вся епархия. Частично решить эту задачу он сумел, организовав во всех ее приходах и монастырях специальные дни служб, посвященных Ватикану II, таким образом, что ежедневно в одной из церквей епархии молились об успехе этого форума. Но и этого, с точки зрения епископа, было недостаточно. Постоянно доносить до паствы свежую информацию из Рима можно было только с помощью средств массовой информации. Зная, что контролируемая государством польская пресса относилась к церковным делам если не враждебно, то в лучшем случае безразлично, Войтыла начал искать альтернативные каналы связи с соотечественниками.

Уже 24 ноября 1962 г., спустя шесть недель со дня открытия Собора, он выступает в передаче Польской службы Ватиканского радио, призывая относиться к форуму, на котором он присутствует, прежде всего как к выдающемуся духовному событию. В ходе второй сессии он дважды участвовал в передаче. 19 октября 1963 г. в программе, посвященной 600-летию Ягеллонского университета, Войтыла напомнил слушателям, что закрытый властями теологический факультет «имеет все основания для полноправного участия» в жизни университета и культурной жизни Польши в целом. 25 ноября он говорил о роли мирян в Церкви и вне ее. Многие ждали, что он воспользуется этой проблемой, чтобы показать идеологические позиции различных групп отцов Собора. Войтыла предпочел дать своего рода урок христианского гуманизма, высказав предположение, что «все происходящее в мире во многом зависит от верующих мирян, ибо именно они могут самыми незаметными на первый взгляд аспектами своей жизни показывать, что Христос несет людям Истину и Любовь». Церковная роль мирян, как подчеркнул далее епископ, «заключается

в завершении миссии Христа, Сына Божия в мире, целью которой является спасение этого мира». Поступая в соответствии с этой великой задачей, следует «отстоять мир во всех его аспектах и проявлениях, ради Отца Небесного. Но на пути к этому нужно решить, возможно, не менее высокую задачу — отстоять во имя Бога самого человека.

19 октября 1964 г., находясь на третьей сессии Собора, архиепископ Войтыла говорит по радио о достоинстве человеческой личности. Заметив, что среди официальных документов Собора нет специально посвященного этому вопросу, он объяснил это тем, что «отношение к человеческой личности глубоко отражено в самом учении Церкви». 20 октября 1965 г., во время работы четвертой сессии, Войтыла принимает участие в организованной Ватиканским радио дискуссии о религиозных свободах. Он напоминает, что свободу религиозного выбора еще в XV в. отстаивал ректор Краковской академии Павел Владкович, который на XVI Вселенском Соборе в Констанце резко выступил против пункта о насильственном крещении язычников.

Много писал Войтыла о Соборе и в «Тыгоднике повшехны». В марте 1964 г. он выступает в этом издании с анализом периодически вспыхивающей дискуссии о природе епископата и роли епископов в жизни Церкви. Спор шел о «коллегиальности» (то есть о том, как делится ответственность по управлению Церковью между коллегией епископов, являющихся преемниками дела апостолов, и наследующими Престол святого Петра папами). Архиепископ Краковский предлагает сместить акценты дискуссии: заняться не столько административной стороной проблемы, сколько теологической — как усилить роль епископской коллегии в решении задач укрепления и единства Церкви. Вопрос не в том, кто управляет, а в том, «как сделать так, чтобы собрание епископов ассоциировалось с единством Церкви, а не со все более заметными различиями в ее рядах».

В феврале 1965 г. появляется статья Войтылы «Собор и труд теологов». Основываясь на опыте своей совместной работы с консультантами над проектом «Gaudium et Spes» в ходе последней сессии, он доказывал неправильность взгляда на теологию как просто одну из форм «религиозных исследований». Истоки теологии в Богооткровении, а посему главная ее задача — донести открытые Богом тайны людям. Выполнить эту миссию теология может через диалог со всеми другими составляющими интеллектуальной жизни общества. С этой точки зрения Войтыла предла-

гал подходить и к отношению теологии с естественными науками. Как и сам Собор, писал он, теология должна сосредоточить внимание «на проблемах современного мира», и в первую очередь на кризисе гуманизма. Как сделать так, чтобы современные мужчины и женщины были одновременно «человеколюбивыми, прагматичными и свободными»? Вот в чем, на его взгляд, заключается главный вопрос, на который призваны ответить и теология, и епископы.

Два месяца спустя после публикации этой статьи архиепископ Краковский обращается с открытым письмом к редакторам и сотрудникам «Тыгодника повшехны», в котором суммирует свои выводы о значении Ватикана II, сделанные в ходе подготовки к его четвертой, завершающей сессии. Очень важно попытаться взглянуть не только на внешнюю, но и на внутреннюю сторону работы Собора. Извне этот форум зачастую выглядит, как некое политическое мероприятие, призванное выяснить, какая группа церковных деятелей будет играть ведущую роль в католической жизни в ближайшем будущем. Но, если пресса хочет донести до людей подлинную историю Ватикана II во всей ее полноте, таким поверхностным взглядом ограничиваться нельзя. Необходим еще и «взгляд изнутри».

При таком взгляде сразу же обнаружится «персонализм» Собора. Второй Ватиканский Собор, возможно, самый «личностный» из всех бывавших ранее. Упор в работе Собора на человеческую личность прослеживается и в «Dignitatis Humanae», и в «Gaudium et Spes». И это не «заигрывание» с современным миром, не уступка субъективизму или релятивизму. Истина и свобода имеют неразрывную внутреннюю связь, и признание религиозных свобод означает одновременно и призыв к усилению чувства ответственности людей. Полная свобода в поиске истины немыслима без внутреннего обязательства относиться к этому поиску серьезно. А почувствовав взаимосвязь свободы с долгом и истиной, человек подходит и к пониманию взаимосвязи между Творцом и его творением.

Безусловно, в деятельности Ватикана II присутствовал и политический аспект. На нем выступали, дискутировали и голосовали как на любом другом собрании, призванном выработать какие-то обязательные для многих решения. Но присутствовало и нечто другое, более глубокое, что не так заметно на первый взгляд. Отцы Собора постоянно общались между собой, и даже тот, кто ни разу не выступал официально, участвуя в этих разговорах,

происходящих и в ауле, и вне ее, так или иначе оказывал влияние на выработку решений. Так что даже тщательный анализ выступлений и результатов голосования дает далеко не полное представление о реальном развитии Собора.

«То, что точки зрения отцов Собора порою весьма существенно расходятся, безусловно, важно», — писал далее архиепископ, но, чтобы понять суть происходящего, надо помнить о совершенно особой роли Церкви, о том, что она, по сути, не является политическим институтом. Организация работы епископов прежде всего призвана продемонстрировать «истинный плюрализм: уважение к взглядам и личному опыту каждого из присутствующих, признание права на их выражение и особую духовную жизнь, понимание, что каждый живет в своем собственном, отличном от других окружении и в условиях, воздействующих на его понимание проблем». Задача Собора в том и заключается, чтобы, преодолев эти различия, противоречия и оппозиционность, найти в многообразии нечто общее, единое для всех.

Нечто подобное, предположил Войтыла, можно, видимо, сказать и об имевшей место на Соборе дискуссии о «руководстве». Руководить, с точки зрения Церкви, означает служить. Поэтому вступление на любой церковный пост отнюдь не должно подразумевать приобретение каких-то привилегий или усиление личного влияния. Более того, когда в ходе этой дискуссии была затронута проблема полномочий «епископской коллегии», комментаторы вынуждены были сделать заключение, гласившее, что невозможно подойти к истине, пытаясь сгладить противоречия между Папой и епископами. Этих противоречий на самом деле не существует. Все дела Церкви в равной степени касаются и епископов, и Папы. Те, кто пытается разделить полномочия, видимо, находятся под влиянием модной на Западе теории «разделения властей». Но эта модель не является моделью пастырского духовного руководства.

В письме Войтылы к сотрудникам «Тыгодника повшехны» содержится и одно интересное предупреждение. Архиепископ мягко советует своим друзьям постараться раскрывать духовный смысл Собора глубже, чем это делают их западные коллеги-журналисты. Он подчеркивает: суммируя собственный опыт участия в Ватикане II, он все больше убеждается, что в своей первооснове это прежде всего *религиозный* опыт. Войтыла писал это сразу же после того, как прошел через все коллизии борьбы за принятие «Gaudium et Spes». Он лучше очень многих других был осведом-

лен о политических аспектах мероприятий, подобных Второму Ватиканскому Собору, и влиянии на ход их работы личных качеств участников. Тем более примечательно, что он продолжал настаивать, что его оценка произошедшего на Соборе, пусть она и покажется кому-то поверхностной, является верной: Дух Святой начал подготавливать свою Церковь к жизни в новых условиях третьего тысячелетия. Через понимание этого, а не через стремление разгадать какие-то интриги епископов и тайный смысл их догматических споров можно понять истинный смысл этого великого события.

ЗАЩИТА ОСНОВ

Даже такой заинтересованный и внимательный слушатель, как Кароль Войтыла, не мог часами неподвижно сидеть в ауле Собора, вникая в смысл бесконечной латинской риторики. Несколько десятилетий спустя Папа Иоанн Павел II чуть смущенно признался:

— Знаете, а ведь многие части будущих книг и несколько стихотворений я написал во время сессий Собора.

Пожалуй, именно по этим стихам лучше всего судить о его душевном состоянии и личных впечатлениях того времени. Не меньшую ценность представляют его философские размышления в ауле Собора, нашедшие впоследствии выражение в новом научном проекте — работе, озаглавленной «Osoba y czyn» [«Личность и действие»].

Сама идея, как он признался позже, первоначально была подсказана ему монсеньором Станиславом Чаротским, который, прочитав «Любовь и ответственность», сказал:

— После этого вам просто необходимо написать книгу непосредственно о человеке.

Эта фраза запомнилась. Правда, как считает сам Войтыла, книга «Личность и действие» получилась не совсем такой, как задумывалась изначально. Хотелось, писал позднее Папа Иоанн Павел II, попытаться детально разобраться во взаимосвязи ряда философских проблем, включая те, что были поставлены в аристотелево-томистской «философии бытия» и «философии сознания», которую он сам анализировал в диссертации о Шелере (другими словами — разработать взаимосвязи между истиной,

заключенной в самой природе вещей, и нашим личным субъективным восприятием этой истины). Один из самых известных учеников Войтылы, отец Тадеуш Стышень, который читал третий вариант рукописи «Личности и действия», утверждает, что работа представляет собой попытку аргументировать замену постоянно стимулирующего философскую мысль декартовского постулата «Cogito ergo sum» [«Мыслю, следовательно, существую»] новой максимой: «Conosco ergo sum» [«Понимаю, следовательно, существую»]. Такой переход освобождает философию от пут бесконечного размышления о размышлении и помогает заняться тем, что действительно нуждается в осмыслении и осознании.

И все же лучше всего книгу Войтылы можно понять, если рассматривать ее сквозь призму Второго Ватиканского Собора как попытку автора дать наиболее полное, интеллектуально выверенное и вместе с тем общедоступное описание философской базы выработанного на Соборе учения о свободе и ее прямой связи с истиной. Как и в любом комплексном явлении, в Ватикане II можно выделить сразу несколько основных граней. Для теологов самыми важными являются две догматические конституции, в которых выражен обновленный взгляд на Церковь и Богооткровение. Для миллионов простых католиков, для которых Церковь — это прежде всего воскресные мессы, основным документом Собора, бесспорно, является «Догматическая конституция о Святой Литургии». Но если рассматривать Собор прежде всего как попытку ответа Церкви на кризис гуманизма, кризис столь серьезный, что не будет преувеличением считать его кризисом всей современной цивилизации, то самыми главными, несомненно, являются предложения отцов Собора миру, изложенные в «Декларации о религиозных свободах» и «Пастырской конституции о Церкви в современном мире». Именно это, по мнению Войтылы, и требует философского осмысления.

Собор во всеуслышание заявил, что люди, а точнее — человек как личность, имеют право на свободный религиозный выбор и это право человека неотделимо от добровольно взятого на себя обязательства стремиться к истине, и не просто стремиться, но искать истину в самом конечном ее выражении. Такая истина и была явлена Богом в его человеческом Самовоплощении. Войтыла считал крайне важным показать, что в бесконечном поиске человеком смысла жизни проявляется его исконное стремление к добру, а ищущий добро рано или поздно ощущает потребность понять, что же есть добро на самом деле. Таким образом, чем более свободен человек, тем сильнее его потребность узнать, что

такое «добро» в самом объективном смысле этого понятия. А ответ на этот вопрос, по сути, аналогичен объекту его главного поиска, поскольку добро и есть истина.

«Gaudium et Spes» — «Пастырская конституция о Церкви в современном мире» — таким образом, показывает, что именно через глубинные богатства, заложенные в каждой личности, лежит путь к удовлетворению стремления человечества к свободе и одновременно к созданию цивилизации, основанной на справедливости и мире. Во время завершения работы над «Личностью и действием» Войтыла писал отцу Анри де Любаку:

> Свободные моменты выпадают мне сейчас крайне редко, и, естественно, каждый из них я стараюсь посвятить той работе, которая ближе всего моему сердцу. Это поиск метафизического смысла и тайны личности. Мне кажется, что эта проблема лежит в основе всех современных споров. Беда нашего мира заключается именно в деградации, можно даже сказать в распылении, уникальных свойств, заложенных в каждом человеке. И корни этого зла следует искать скорее в метафизике, нежели в морали. С этой дезинтеграцией личности, стремление к которой является сутью атеистических теорий, мы обязаны бороться. И оружием в этой борьбе должна стать не бесплодная полемика, а обращение к самим этим глубинным тайнам человеческой души...

«Личность и действие» — это не дебаты с другими философами, придерживающимися иных взглядов. В книге практически отсутствуют обычные для научных работ сноски, цитаты из произведений и разбор взглядов других философов. Но это вовсе не означает, что труд легок для чтения. Скорее наоборот. Первую редакцию книги Войтыла дал прочитать одному из своих любимых учеников — отцу Стышеню. Вскоре они оба отправились в туристическую поездку в Татры. Там архиепископ и попросил своего молодого друга откровенно высказаться о книге. Ответ был не из приятных:

— Для первой редакции вполне приемлемо. Но было бы неплохо перевести кое-что с польского на польский, чтобы читатели типа меня могли полностью понять написанное.

Среди молодых священников одно время даже ходила шутка — первым испытанием, через которое предстоит пройти в Чистилище согрешившим при жизни служителям Церкви, отныне станет чтение «Личности и действия» от корки до корки. Такое восприятие, безусловно, имело под собой почву. Причин тому несколько.

Сам стиль размышлений Войтылы — как бы возвращаться по кругу к одной и той же проблеме — довольно тяжел для восприятия при чтении. К тому же сказалось и то, что столь сложная и многогранная работа писалась из-за отсутствия времени практически урывками. Не ясно и то, подходит ли вообще форма научного труда для воплощения авторского замысла. Очень внимательный исследователь поэтических произведений и пьес Войтылы, Анна Каронь-Островская, например, утверждает, что ответ на последний вопрос может быть только отрицательным. Свою точку зрения она объясняет тем, что в глубинной природе окружающих нас вещей и явлений есть нечто, не подлежащее переложению на язык аналитических рассуждений[1].

«ЛИЧНОСТЬ И ДЕЙСТВИЕ»: ОСНОВАНИЕ СОЛИДАРНОСТИ

«Личность и действие», по сути, была попыткой Кароля Войтылы вывести свой интеллектуальный проект на новый уровень, создав методику философского осмысления человеческой личности, позволяющую читателям его работ быть одновременно и собеседниками автора. Хотя чтение книги требует серьезного уровня

---

[1] «Личность и действие» в значительной степени можно считать так и не оконченной частью философской симфонии Кароля Войтылы. Через тридцать лет с момента появления этой работы так и не была издана ее первая авторская версия на польском языке, которая могла бы считаться эталонной. Но при этом увидели свет второе и третье польские издания, подготовленные учениками и коллегами автора по научной работе и потому не полностью соответствующие первоначальному варианту. В третье издание, например, были дополнительно включены несколько статей Войтылы на темы, пересекающиеся с рассматриваемыми в книге. Затем появились немецкое (1981), итальянское (1982), испанское (1982) и французское (1983) издания, которые, с определенными допущениями, можно считать соответствующими оригиналу. Перевод же на английский язык и изданная на нем версия представляются достаточно спорными.

Появление английского издания связано с именем Анны Терезы Тименецкой — бывшей студентки Романа Ингардена, живущей в Бостоне и весьма известной своей активностью в феноменологических кругах. С Войтылой она познакомилась, когда редактируемый ею феноменологический ежегодник решил опубликовать несколько его статей. Кстати, эти публикации сыграли положительную роль в плане роста известности Войтылы среди философов разных стран. Когда доктор Тименецкая прочитала «Личность и действие» в самом

подготовки, в принципе она представляет собой приглашение к разговору. Войтыла рассказывает о своем понимании окружающего человека мира и спрашивает, совпадает ли его восприятие с личным опытом читателя.

Начинается работа с пространного и очень насыщенного введения, в котором Войтыла рассуждает о самой природе человеческого опыта. Затем он переходит к тому, как размышления о мире и о себе помогают человеку осознать себя личностью. Бесспорно, многое происходит по воле случая. Но опыт подсказывает: очень часто происходящее зависит от того, что я принимаю то или иное решение, а затем выполняю его. И чем глубже я понимаю это, тем яснее воспринимаю себя не как некую игрушку собственных страстей и эмоций, а как личность, самостоятельный субъект действия или, пользуясь термином классической философии, его «эффективную причину». Постепенно приходит понимание, что в жизни не так уж и многое происходит просто так. Я в большей мере объект, чем субъект действия. Я могу сделать так, что мой замысел осуществится. Ведь я по собственной воле принимаю решения, а затем сам, абсолютно добровольно их выполняю. Именно поэтому я и есть *некто*, а не *нечто*.

первом варианте, работа произвела на нее очень сильное впечатление. Но для того чтобы текст мог быть переведен на английский язык, он, по ее мнению, нуждался в определенной переработке. Кардинал Войтыла согласился и вместе с Тименецкой довольно долго и упорно трудился над улучшением изложения. В результате получился текст, уже заведомо отличавшийся от первоначального. Его-то и перевел, а затем послал в США Анджей Потоцкий. Согласно утверждению ряда лиц, близких к изданию книги в Америке, полученный перевод был еще раз доработан самой Тименецкой. Она постаралась облегчить перегруженный терминами язык работы, но при этом, намеренно или нет, привнесла в нее некоторые свои суждения, не всегда полностью совпадающие с мыслями автора. Все это вышло на поверхность уже тогда, когда Войтыла был избран Папой и не имел времени сверять с оригиналом сотни страниц английского текста. Поэтому была создана комиссия для проверки и исправления подлежащего публикации на английском варианта, подготовленного доктором Тименецкой. В состав комиссии вошли отец Стышень, старинный друг Войтылы отец Мариан Яворский и доктор Анджей Полтавский (живущий в Кракове философ, муж Ванды Полтавской). Но Тименецкая наотрез отказалась допустить к корректуре книги кого-либо, кроме самого Войтылы. Более того, она заявила, что издавать работу следует немедленно, воспользовавшись выгодным с точки зре-

Доказав это, Войтыла переходит к более сложной категории — моральному действию, в котором человеческая личность преодолевает свою замкнутость. В основе осознания человеком своей индивидуальности, утверждает он, лежит ощущение свободы, которое мы получаем, совершая подлинно «человеческие поступки». Выбрать один образ действия (например, вернуть данные мне взаймы деньги), а не другой (придумать какой-нибудь предлог и не отдавать долг) меня заставляют не внешние обстоятельства (опасение суда) и не внутреннее неудобство (чувство вины). Я абсолютно свободно совершаю правильный поступок. Этим выбором я свободно связываю себя с тем, что считаю добром и правдой. Здесь, указывает Войтыла, очень хорошо видно, как личность расширяет свое индивидуальное бытие. Чувствуя себя свободным и подтверждая это добровольным выбором добра и правды, я выхожу за пределы собственного *Я*. Таким образом, в свободе сужается разрыв между тем, каков я есть, и тем, каким мне следует быть.

Согласно одному из современных толкований, свобода — это полная независимость от всех и вся. Я есть *я*, потому что *я* делаю только то, что хочу. Войтыла категорически не согласен с этой точкой зрения. Самоограничение, а не самоутверждение, считает

ния рекламы моментом избрания автора Папой Римским. При этом она утверждала, что у нее имеется договоренность с автором об издании книги как «базового варианта, улучшенного в сотрудничестве с Анной Терезой Тименецкой». Неясно, правда, почему в книге появились две новые главы, одна из которых помечена как «не правленая». Как бы то ни было, Тименецкая, несмотря на сопротивление многих учеников и коллег Войтылы, все-таки осуществила свой план. Это привело к затянувшемуся на годы спору между имеющим официальные права на издание всех трудов Войтылы, в том числе тех, которые были написаны до того, как он стал Папой, издательством Святого Престола «Libreria Editrice Vaticana» и выпустившим английский вариант «Личности и действия» голландским издательским домом «Reidel». В конце концов было достигнуто соглашение о новом выпуске английского издания в исправленном варианте. Но оно так и не осуществилось. Доктор Тименецкая продолжала настаивать, что подлинником является лишь ее вариант, а добавления и исправления каких бы то ни было «студентов» Войтылы не могут быть приняты. Сам автор, чье удивительное безразличие к судьбе своего труда можно было сравнить разве что с еще более поражающей окружающих

он, является признаком истинной свободы человека. Но самоограничение — это не насилие над своей природой и не подавление ее, а обдуманное и свободное сравнение своих мыслей и поступков с тем, как должен вести себя человек, понимающий суть вещей и явлений. Эмпирики пытались найти «центр», исходную точку в понимании человека, в физических и химических законах, в соответствии с которыми развиваются происходящие в его теле процессы. Идеалисты-кантианцы видели ее в некоем отвлеченном духе, формирующем структуру человеческого сознания. Войтыла, с необычайной легкостью и изяществом анализируя аргументы тех и других, убедительно доказывает, что не в отвлеченном духе и не в законе развития и старения тела человека лежит центр формирования его личности, а в моральных поступках, через которые человек и осознает себя человеком. Ибо именно в моральных поступках разум, душа и тело проявляются как единое целое, и совершающий их человек осознает себя цельной личностью.

Человек живет не в одиночку, а совместно со множеством других людей. Поэтому далее в «Личности и действии» анализируется моральный поступок человека во взаимосвязи с действиями «всех прочих». Поступки окружающих, собственно, и форми-

---

душевной щедростью, говорил лишь, что следует проявить снисходительность к доктору Тименецкой хотя бы потому, что именно она была инициатором самой идеи перевода книги на английский язык.

Кстати, уже заголовок версии, предложенной Тименецкой, в определенном смысле раскрывает суть проблемы. Изданная ею работа называется «The acting person» («Действующая личность»), в то время как «Osoba y czyn» правильнее перевести как «Person and act» [«Личность и действие»]. Последнее словосочетание более точно передает постоянно ощущаемую человеком напряженность между его личными внутренними убеждениями и объективной реальностью мира, в котором он живет, то есть как раз то, смысл чего и пытается раскрыть Войтыла. В словосочетании же «Действующая личность» чувствуется упор на субъективистские, феноменологические проблемы, которые у Войтылы играют второстепенную роль. Именно за смещение акцентов больше всего и критиковали вариант, подготовленный Тименецкой. Надо сказать, что название книги во всех других иностранных переводах в гораздо большей степени соответствует польскому «Osoba y czyn»: немецкий — «Person und Tat»; итальянский — «Persona e atto»; испанский — «Persona y accion»; французский — «Personne et acte». — *Примеч. авт.*

руют то нравственное пространство, в соприкосновении с которым человек осознает свою человеческую сущность, а его личность, преодолевая свою ограниченность, как бы растет и становится осязаемой. Здесь философская антропология вплотную приближается к вопросу, на который пытается дать ответ социальная этика. Как совершенно свободные личности могут и должны жить вместе? Нетрудно догадаться, что Войтыла не стал искать ответ ни в индивидуализме, ни в коллективизме. Радикальный индивидуализм был для него неприемлем уже потому, что именно во взаимодействии с другими, как говорилось выше, человеческая личность развивается и перерастает сама себя. Коллективизм же по своей сути ограничивает свободу личности, а тем самым и ее развитие. Войтыла предлагает поискать истину во взаимозависимости личного и общего блага.

Разрабатывая свою теорию «соучастия», Войтыла рассмотрел четыре типа «отношений» к жизни в обществе. Два из них — «конформизм» и «невмешательство» — вряд ли могут приблизить к по-настоящему гуманному обществу. «Конформизм» непродуктивен, поскольку в принципе означает отказ от свободы. «Прочие» *Я* настолько доминируют над моим собственным, что моя личность растворяется в них. «Невмешательство» способно завести в ловушку, из которой очень трудно выбраться: отделяя себя от «других», я рискую в конечном итоге перестать различать собственное *Я*, превратить его в иллюзию. Третий тип отношений с обществом — «оппозиция» (или «сопротивление») в этом плане более соответствует жизни в обществе, но только в том случае, если это сопротивление несправедливым обычаям или законам происходит ради высвобождения всего человеческого, что есть во всех его членах. Наконец «солидарность», когда персональные свободы используются каждым во имя блага общества, а общество оберегает и поддерживает каждого, помогая развиваться и совершенствоваться его личности. Этот тип отношений в наибольшей степени соответствует потребностям человека и общества, поскольку «позволяет человеку во всей полноте осознать свою личность через признание полноты личности всех других».

Когда Войтыла писал об этом в «Личности и действии», он еще не знал, что именно понятие «солидарность» превратится в один из лозунгов, под которым произойдет одна из самых драматических перемен в истории XX в.

КРИЗИС И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Профессиональные ученые не могут не чувствовать актуальности философского проекта Кароля Войтылы, хотя на то, чтобы оценить его во всей глубине, конечно же, потребуется время. На людей, пусть и не занимающихся философией профессионально, но ценящих умение мыслить неординарно и смело, наверняка произведет большое впечатление сама попытка как-то соединить образовавшийся еще в семнадцатом веке разрыв между миром, который мы хотели бы понять, и мыслительными процессами, направленными на постижение этой задачи. Сами по себе философские открытия, однако, никогда не были конечной целью Войтылы. Научная работа представлялась ему лишь частью его апостольского и пастырского служения. Поэтому, оставив профессиональные оценки его труда признанным философам, имеет смысл рассмотреть ее именно с такой точки зрения.

Первым достоинством данной работы тогда, бесспорно, будет то, что автору удалось показать ключевую роль «закона дарения» в жизни человека и человечества. Войтыла доказал, что искать то, что он позже назовет «преддверием надежды», следует не столько в будущем, сколько в том, что совершается с нами постоянно, — в драматической борьбе, в которой *Я*, какое оно есть, уступает *Я*, каким ему следует быть. Разрешается это извечное противоборство в самоотдаче. Объяснение Войтылой «закона дарения» способно увлечь любого, кто попытается вникнуть в его аргументы. Тот, кто внимательно изучит их, обязательно поймет связь закона с более всеобъемлющей концепцией добра, признав которую, уже не увлечешься менее значимыми составляющими «социальной конструкции», предлагаемыми в качестве основы другими теориями.

Вторая бесспорная удача Войтылы как пастыря, занявшегося интеллектуальной деятельностью, является следствием многогранности его характера и интересов. Ему удалось обобщить свой опыт литератора и драматурга в строгом философском анализе и показать подлинную «драматургию» жизни. Люди — не продукт неких случайных космических явлений, и их поступки — не результат биохимических реакций или взаимодействия внешних исторических событий. Так же как в пьесах главными являются положительные герои, так и в реальной жизни следующий моральным нормам человек способен стать главным действующим лицом, творцом обстоятельств, а не их объектом или жертвой.

Крайне важен и представленный Войтылой критический взгляд на утилитаризм, который все более проявляется в современной культуре в виде взаимоотношений людей, основанных на пользе, которую можно из них извлечь в финансовом, социальном, политическом плане или в плане удовлетворения сексуальных потребностей. Войтыла категорически отрицает такой подход, доказывая, что подлинно человеческие отношения могут быть построены только на основе правды и добра, что в стремлении к красоте таких отношений раскрывается желание человека быть человеком. Наконец, Войтыла доказывает, что принятие моральных истин, включая «закон дарения», не ограничивает нашу свободу и творческий потенциал. Наоборот, именно принятие истины делает нас свободными. Ведь только в этом случае наша свобода не будет растрачена впустую, а приведет нас к счастью.

Один из самых известных комментаторов данного философского проекта — итальянский философ Рокко Буттиглионе обращает внимание на «скрытые теологические тенденции», которые проявляются в персонализме Войтылы. Он пишет, что «Личность и действие» лишь по избранному методу анализа является философским трудом, по духу же это попытка развить христианское учение. Именно триединство Бога — «сообщество», каждый из членов которого, полностью отдавая себя другим, не теряет, а только усиливает свою индивидуальность, с наибольшей убедительностью подтверждает справедливость «закона дарения» и истинность взгляда на свободу как на свободу посвятить себя другим. Таким образом, философская деятельность Войтылы, как и все другое, чем он занимался в жизни, по сути, является одной из составляющих постоянного диалога с Богом, молитвенного обращения к Нему. И с годами «теологические тенденции» его философских работ будут раскрываться все в большей и большей степени.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

7 декабря 1964 г., за день до закрытия Второго Ватиканского Собора, «Dignitatis Humanae» и «Gaudium et Spes» были торжественно обнародованы, и это был один из самых счастливых моментов в жизни архиепископа Кароля Войтылы. В этот же день

произошло еще одно очень значительное событие — Папа Павел VI и Святейший Патриарх Афинагор объявили об отмене взаимного анафематствования (отлучения от Церкви), произведенного Папой и Патриархом Константинопольским в XI в., то есть был сделан серьезный шаг к восстановлению единства западной и восточной ветвей христианства. Для Войтылы и других польских епископов завершение Собора запомнилось также тем, что именно в этот момент они направили историческое послание епископату Германии о прощении и примирении.

Польша в 1966 г. готовилась отметить тысячелетие принятия христианства, на празднование, посвященное этой дате, Примас Вышыньский планировал пригласить Папу, епископов и виднейших деятелей католической Церкви со всего мира. В последние недели работы Собора польские епископы подготовили пятьдесят шесть посланий с приглашением принять участие в торжествах к иерархам Церкви разных стран, большинство из которых тогда, естественно, находились в Риме. 18 ноября было составлено послание к церковным иерархам Германии, в подготовке текста которого Войтыла принимал самое непосредственное участие (о том, что такой документ готовится, он еще ранее сообщил немецким епископам). Главной темой послания было подробное изложение взгляда на сложнейшую и во многом трагическую историю взаимоотношений между Польшей и Германией. Польские епископы перечисляли многочисленные жертвы, которые понес польский народ в результате вторжений со стороны Германии, но вместе с тем признавали, что и поляки на протяжении веков причинили немало страданий немцам. Заканчивалось послание так: «Мы прощаем и просим прощения у вас».

Помимо оздоровления обстановки между иерархами двух национальных церквей перед празднованием тысячелетия принятия Польшей христианства, послание польских епископов преследовало и более узкую и конкретную цель. Предполагалось, что оно поможет урегулировать ситуацию с польскими епархиями, в которые вошли «вновь обретенные» Польшей после Второй мировой войны территории. Ватикан к тому времени не признал их переход под юрисдикцию польских иерархов, поскольку новые границы между Польшей и германскими государствами, с его точки зрения, еще не были до конца демаркированы. При этом дух послания позволяет расценивать его как великолепный образец подлинно христианского жеста и конкретного выражения

внутреннего смысла Ватикана II. Ведь на нем было заявлено намерение Церкви выступить в качестве умиротворителя. А выполнить такую роль, не добившись прочного примирения в собственных рядах, попросту невозможно. Послание возвестило о желании польских епископов избавить мир от одной из давних проблем, постоянно порождавших враждебность между нациями, которые перешли в современный мир из глубины веков. Таким образом, оно было конкретным воплощением высказывания Папы Иоанна XXIII о «лекарстве прощения». Оно и было именно таким лекарством, способным залечить одну из самых глубоких ран Церкви.

Правительство Польши, естественно, имело несколько иную точку зрения на этот документ. Более того, власти решили использовать его в качестве того долгожданного «клина», который можно вбить между простыми поляками и Церковью. Полностью публиковать послание было запрещено. Но при этом в прессе была развернута беспрецедентная кампания против епископов под рубрикой «Мы не забыли и не забудем». Она возымела действие. Многие польские католики, даже относящиеся к режиму без особых симпатий, были шокированы самой мыслью о том, что после всех страданий, которые принесли им на протяжении истории немцы, можно попросить у них прощения. По возвращении из Рима архиепископ Войтыла почти сразу же собрал для обсуждения проблемы своих близких друзей, в том числе участников «Шродовиско», и многие из них весьма критически высказались о послании. А ведь разговор в узком кругу близких по духу людей совсем не то, что публичное обсуждение, да еще тогда, когда в число оппонентов входят государственные чиновники.

Развивая антиепископскую кампанию, власти инициировали «Открытое письмо рабочих Краковского химического комбината архиепископу Каролю Войтыле», которое было опубликовано 22 декабря 1965 г. в ежедневном издании «Краковская газета». Это был явный образец коммунистической пропаганды. Подписавшие его (естественно, не без настоятельной рекомендации властей) рабочие Солвайского завода заявляли, что «глубоко шокированы» переговорами архиепископа с немецким клиром и его стремлением «единолично решать вопросы, затрагивающие жизненные интересы всей нации». «Никто не давал польскому епископату право на выражение точки зрения от имени Польши по вопросам... которые являются компетенцией совсем других ин-

ститутов», — подчеркивалось в письме. Единственным органом, «уполномоченным делать заявления от имени поляков, является правительство Польской Народной Республики». И, будто желая рассеять последние сомнения в своей идеологической подоплеке и в том, кто являлся его подлинным автором, письмо декларировало, что «разговоры о прощении просто немцев вообще не имеют смысла. Непосредственная вина за развязывание Второй мировой войны и бесчеловечный курс немецкого государства лежит не на них, а исключительно на германском империализме, фашизме, черты которых унаследовала Федеративная Республика Германия». В заключение «рабочие» заявляли о своем полном неприятии «недостойного гражданина поведения» архиепископа Войтылы, которое тем более непонятно «нам, что в годы нацистской оккупации он работал на нашем предприятии».

Верный своему принципу при любой возможности разъяснять людям христианскую точку зрения, архиепископ Войтыла в канун Рождества пишет ответ. Публиковать его власти запретили. Но, размноженный «самиздатом», он широко разошелся по стране.

Заметив, что он получил копию так называемого «письма рабочих» уже после того, как оно было опубликовано в «Краковской газете», архиепископ с большой теплотой вспоминает о тех временах, когда он работал в шахте Закжувека и на химическом заводе в Борек-Фаленцки. Эта работа была «лучшей школой жизни», позволившей приобрести «бесценный опыт» общения с людьми, и, возможно, лучшей подготовкой к исполнению нынешних обязанностей. Люди, имеющие такой опыт, вряд ли бы смогли написать опубликованное в прессе письмо и высказать в адрес архиепископа обвинения, подобные содержащимся в нем. «Внимательное его прочтение» дает основание предположить, что написавшие его просто не знакомы с тем, что они осуждают, — ни с посланием польских епископов, ни с ответом немецких церковных иерархов. Ведь любой прочитавший эти документы не мог бы не обратить внимания на три важнейших обстоятельства. Во-первых, на то, что оба послания полностью отвечают принципам христианской этики, изложенным в Евангелии. Во-вторых, тот ужас и жертвы, которые понес польский народ от рук немцев, не отрицаются. Наоборот, о них говорится довольно четко и однозначно. В ответном послании епископы Германии «признают эти обвинения во всей их тяжести и просят прощения за прегре-

шения немецкого народа прежде всего у Господа, а затем и у нас». Только в свете этого и следует рассматривать слова польских епископов о том, что мы прощаем и просим о прощении сами. Это полностью соответствует букве и духу Евангелия. Ведь не может быть, чтобы во всей долгой истории столь сложных и напряженных отношений Польши и Германии мы были совершенно безгрешны. Разрядить напряженность может именно взаимное христианское прощение. Наконец, в-третьих, польские епископы самым непосредственным образом отстаивают позицию Польши в вопросе о «вновь обретенных территориях». И немецкие иерархи в ответном послании признают, что «нынешнее поколение поляков имеет основание считать эти земли своей родиной».

Заключение письма Войтылы пронизано духом христианского гуманизма, следовать которому он призывал во время работы в комиссии по подготовке Ватикана II, а затем настаивал на нем и который лег в основу его работы «Личность и действие»: «Мы работали рядом в годы оккупации. Нас многое объединяло тогда, и прежде всего — уважение к человеку как таковому, его убеждениям, индивидуальности и достоинству. Этому уважению я в значительной мере научился у рабочих завода «Солвай»; но именно этого уважения, которое я считаю фундаментом всех человеческих отношений, я, к сожалению, и не увидел в вашем письме...»

Следуя основанной им несколько лет назад традиции, полуночную рождественскую мессу архиепископ Кароль Войтыла отслужил под открытым небом в Новой Гуте, а утреннее богослужение провел в более интимной обстановке — в часовне архиепископской резиденции. Среди приглашенных в часовню преобладали его бывшие коллеги по работе на заводе «Солвай» и члены их семей. Еще одна примечательная месса в те рождественские праздники состоялась в краковском костеле Девы Марии на рыночной площади Старого города. Проповедь, произнесенная Войтылой по ее завершении, была полностью посвящена Второму Ватиканскому Собору, тому, что сам ход этого крупнейшего события явился подтверждением таинств, на которых зиждется современная история. В заключение, обращаясь к многочисленным прихожанам, он подчеркнул, что никто не в силах повернуть историю вспять и одно из доказательств тому — провал попыток властей превратить Новую Гуту в некую внецерковную территорию. Войтыла сообщил, что по дороге, соединяющей мемориалы святых Ста-

нислава и Петра, по которой он отправился в путь в 1962 г., на этот раз он вез камень, взятый по благословению Папы с могилы святого Петра. Этот камень ляжет в основание храма, который будет построен в Новой Гуте.

Таким образом, была обозначена новая линия противостояния с властями. Весьма интенсивная борьба за свободу вероисповедания будет вестись с переменным успехом еще на протяжении целых тринадцати лет. Но Польская Католическая Церковь уже имела в ней мощную опору — провозглашенный во всеуслышание Собором взгляд на свободу вероисповедания, как на одно из основных прав человека. На этом фронте, как и на многих других, Войтыла мог теперь пользоваться теми документами, которые во многом благодаря ему были освящены Собором и, соответственно, подлежали воплощению в жизнь.

6

НАСЛЕДНИК СВЯТОГО СТАНИСЛАВА

Бенефиции Собора в Кракове

8 марта 1964 — возведение Кароля Войтылы в сан архиепископа.

Май 1964 — Войтыла под псевдонимом публикует в «Знаке» эссе «Размышления об отцовстве».

7 мая 1965 — архиепископ учреждает в своей епархии ежегодный День страждущего.

1966 — празднование тысячелетия принятия Польшей христианства.

Апрель 1966 — в «Знаке» выходит поэма Войтылы «Пасхальные бдения», подписанная псевдонимом.

28 июня 1967 — Папа Павел VI производит Кароля Войтылу в кардиналы.

31 августа 1967 — коммунистические власти Польши закрывают «Театр восторга».

14 октября 1967 — кардинал Войтыла закладывает фундамент костела в Новой Гуте.

Февраль 1968 — краковская комиссия теологов выступает с меморандумом «Основная доктрина Церкви о принципах супружеской жизни».

Август — сентябрь 1969 — поездка кардинала Кароля Войтылы по Канаде и Соединенным Штатам Америки.

Осень 1969 — Войтыла основывает в архиепископстве Институт исследований семьи.

11 сентября — 28 октября 1969 — кардинал Войтыла принимает участие в работе международного епископского синода в Риме.

1970 — Войтыла пишет «Источники обновления» — развернутый обзор документов Второго Ватиканского Собора.

16–17 декабря 1970 — в Люблинском католическом университете проводится дискуссия о работе Войтылы «Личность и действие».

30 сентября — 6 ноября 1971 — Войтыла участвует в епископском синоде, посвященном проблеме исполнения пастырских обязанностей в свете стремления к справедливости в мире.

24 декабря 1971 — Кароль Войтыла служит первую после вступления в сан кардинала полуночную рождественскую мессу на поле в Местжейовице.

8 мая 1972 — открытие Краковского синода.

16 августа 1972 — кардинал Войтыла проводит службу в лагере движения «Оазис» на горе Блищ.

Февраль 1973 — Войтыла представляет Польскую Католическую Церковь на Международном евхаристическом конгрессе в Мельбурне (Австралия).

16 апреля 1974 — кардинал Войтыла бросает вызов коммунистическим властям Чехословакии, выступая на похоронах кардинала Стефана Трохты в Литомержице.

27 сентября — 26 октября 1974 — Войтыла назначен «информатором» Синода епископов, обсуждающего вопросы евангелизации.

Май 1975 — публикация в «Знаке» цикла стихов Войтылы «Размышления о смерти» под псевдонимом.

7–13 марта 1976 — кардинал Войтыла произносит проповеди на церемонии вхождения в Великий пост перед Папой Павлом VI и членами Римской Курии.

13 июля — 11 сентября 1976 — поездка Войтылы в США. Участие в Международном евхаристическом конгрессе в Филадельфии.

15 мая 1977 — кардинал Войтыла освящает костел в Новой Гуте.

30 сентября — 29 октября 1977 — Войтыла участвует в работе епископского синода, посвященного религиозному образованию.

25 мая 1978 — кардинал Войтыла выступает перед десятками тысяч паломников, собравшихся в Краков на ежегодную процессию Тела Христова, с речью, в которой отстаивает необходимость соблюдения в Польше основных прав человека.

8 марта 1964 г. в 9.45 главный ризничий Вавельского собора взял в руки серебряный ковчежец с мощами святого Станислава

и торжественно проследовал через огромный неф этого величественного сооружения, направляясь к его западным вратам. Согласно обычаю на церковном дворе за этими вратами ожидал человек, готовящийся принять сан архиепископа. Кароль Юзеф Войтыла в соответствующем случаю торжественном облачении склонил голову, поцеловав ковчег со святыми останками своего предшественника — первого епископа Краковского, и пошел по ступенькам храма. Церемония возведения его в сан архиепископа началась. У церковных врат его встречали сверкающие золотом и драгоценными мехами средневековых одеяний представители высшего духовенства — члены Собрания святого Станислава. Один из каноников приветствовал вошедшего пышной речью, в которой кратко излагалась вся история Краковской епархии. По ее окончании настоятель вручил Войтыле ключи от собора. Вступающий в сан архиепископа пошел вперед, останавливаясь для совершения кратких молитв у гробницы святого Станислава, великого Черного креста Благословенной королевы Ядвиги и дарохранительницы. Это был тот же путь, который Кароль Войтыла проделал в этом соборе четверть века назад, незадолго перед тем, когда летчики «Люфтваффе» сбросили первые бомбы на историческую столицу Польши.

Подойдя к алтарю, будущий архиепископ опустился на переносной трон, и епархиальный канцлер торжественно вначале полатыни, а затем по-польски зачитал папскую буллу о назначении Кароля Юзефа Войтылы правящим архиепископом Кракова. Архиепископ поднялся, поцеловал алтарь, и участвующие в церемонии епископы возвели его на кафедру — место старшего епископа в Вавельском соборе. К сидящему на троне главе епархии по очереди начали подходить для принесения присяги верности ее епископы, члены Собрания святого Станислава, священнослужители, преподаватели духовных учебных заведений, главы религиозных общин и, наконец, семинаристы. Вспоминают, что практически для каждого Войтыла сумел найти особые слова благодарности.

Затем сорокатрехлетний архиепископ, семьдесят шестой глава епархии от ее основания во времена правления королевской династии Пястов, обратился ко всем присутствующим с проповедью, в которой постарался раскрыть значение только что произошедшего для них и для него самого.

Он говорил о том, что в Вавельский собор невозможно входить без благородного трепета и благоговения. Ведь этот храм

является мистическим хранилищем «исторического прошлого Польши», прошлого, без которого у народа нет будущего. Войтыла признался, что всякий раз, оказываясь здесь, он ощущал в себе зарождение чего-то нового и прекрасного. Это чувство, как он смиренно надеется, поможет ему соприкоснуться с самой великой и глубокой тайной — тайной, каковой является сам Господь. Архиепископ поведал собравшимся, что самым страстным его желанием является такое служение миру, которое хоть отдаленно напоминало бы то великое служение, которое явил своим явлением в мир Единосущный Сын Божий.

Кароль Войтыла сказал, что считает себя прежде всего сыном Церкви, «выносившей и взрастившей его, как мать вынашивает и взращивает сына». Но, оставаясь любящим и преданным сыном Церкви, в этот день, будучи возведен в сан архиепископа, он вошел и в число ее отцов. «Петр устами Папы Павла VI сказал мне: «Окормляй паству мою...» В этих словах заключены огромная сила и руководство к действию. Ведь и сам Христос сказал апостолу Петру, а через него и всем его наследникам, вплоть до Папы Павла VI то же: «Паси агнцев Моих» (Ин.21.15). Таким образом, возлюбленные мои, я с трепетом стою на пороге принятия того великого звания, которое заключено в понятии «пастырь Божий». И уверенность придает мне только то, что я по праву стою здесь, что я взошел на этот путь через дверь, приоткрытую пастырям самим Христом через святого Петра...»

Цель своего служения главой одной из поместных церквей Войтыла видел прежде всего в объединении созидательных усилий всех ее членов. «Быть пастырем, как мне кажется, может только тот, кто знает, что ждет от него его паства, умеет принять то, что может дать каждый из ее членов, и объединить эти дары в нечто целое, направленное на всеобщее благо...»

Каждое действие епископа, направленное на координацию и объединение верующих его епархии, можно расценивать по главному критерию — свидетельствует ли оно о гуманной сути личности человека, его отношений с Богом и его данном свыше достоинстве, то есть о том, что проявилось в явлении Иисуса Христа. Те, кто в 1964 г. считал, что правит Польшей, разрабатывали пятилетние планы. Архиепископ Краковский не нуждался в столь подробных схемах действия. Он собирался заняться «простыми и исконно свойственными» человеку вещами. Ведь человеку исконно присуще то, что дал ему Господь. Эти дары хранятся в глубине души каждого, а потому воспринимаются просто и естественно и

не требуют особых программ. Все, что нам нужно, «это проявить чуть-чуть больше рвения и готовности в следовании изначально данной нам Господом программе и ее интерпретации для конкретных потребностей современности...» Второй Ватиканский Собор начал этот процесс обновления, но «для большинства из нас его постановления остаются обычными документами, периодически принимаемыми иерархами Церкви. Поэтому я вижу одной из основных своих задач на ближайшее время доведение истинного значения Собора до каждого прихожанина нашей епархии, чтобы мы все вместе могли заняться воплощением решений Собора в жизнь...

Еще раз подчеркнув, что единственной «программой», которой он руководствовался и собирается руководствоваться впредь, является Святое Евангелие, архиепископ удалился в ризницу, чтобы переодеться для мессы. Когда он вновь предстал перед присутствующими в соборе, на нем была расшитая золотом риза — дар супруги короля Стефана Батория королевы Анны Ягелло главе Краковского архиепископства. Первым обладателем митры, которая украсила голову нового архиепископа, был его предшественник Анджей Липский, занимавший этот пост в XVII в. Утверждение штата епархиальных епископов произошло во времена правления Яна Собеского. Потир предстоящей мессы был изготовлен в годы правления династии Ягеллонов. И одеяние епископов, и весь строй церемонии, бесспорно, являлись неким посланием из прошлого к современным людям. Причем посланием, суть которого мог уловить каждый: все вы, созерцающие этот древний обряд епископского посвящения и участвующие в нем, являетесь наследниками великих традиций. В этих традициях — правда о вашем прошлом. Эти традиции могут послужить лучшим инструментом для построения достойного вас будущего, общества свободных мужчин и женщин, получивших в крещении высшую свободу, которую не в силах отобрать никто и никогда, — свободу детей Божиих.

НЕОЖИДАННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Социологи, занимающиеся процессами, происходящими в структурах власти, с полным правом могли считать произошедшее блестящим подтверждением принципа непредсказуемости

результатов. Некоторые эксцентричные теологи видели в этом доказательство того, что Дух Святой, помимо всего прочего, обладает и чувством юмора. Ясно одно — назначению Кароля Войтылы на пост главы Краковской епархии в значительной степени способствовали именно те люди, которые вскоре очень сильно пожалели об этом.

Архиепископ Евгениуш Бажак умер 15 июня 1962 г. Решение о возведении Войтылы в сан архиепископа было подписано Папой Павлом VI 30 декабря 1963 г., а обнародовано 19 января 1964 г. То, что краковский архиепископский престол целых восемнадцать месяцев оставался вакантным, явилось результатом еще одного тупика в отношениях с правительством Польши, а произошло это из-за соглашения, заключенного Примасом Вышыньским. По достигнутой в 1956 г. договоренности с властями Примас должен был сообщать имя избранного Святым Престолом (естественно, с учетом мнения самого Вышыньского) кандидата в епископы в соответствующие государственные органы. В течение трех месяцев со дня такого сообщения правительство могло наложить вето на решение об избрании. Если этого не происходило, Примас имел право публично объявить имя нового епископа или архиепископа. Официально лицом, занимающимся в правительстве подобными делами, считался сам премьер-министр, но на практике решение зависело от Зенона Клишко, второго человека в Коммунистической партии. Клишко занимал пост маршала (спикера) Сейма — полностью зависящего от коммунистов Парламента Польши. Что еще более важно, он был главой идеологического аппарата партии и отвечал за защиту коммунистической идеи от чуждых влияний.

Поздней осенью 1963 г. к заместителю редактора «Тыгодника повшехны» отцу Анджею Бардецкому зашел непростой посетитель — глава допущенной в Сейм католической мини-фракции из пяти человек профессор Станислав Стомма. После короткого обмена приветствиями профессор прямо сказал, что хочет поговорить, но предпочел бы сделать это, прогуливаясь по Посадкам — бульвару, окружающему краковский Старый город, где можно было не опасаться полицейских «жучков», которые скорее всего имелись в кабинетах редакции. Отец Бардецкий согласился, и, как только они вышли, Стомма сообщил о разговоре, который недавно состоялся у него с самим Зеноном Клишко. Речь шла о тупике, в который зашел поиск кандидата на пост главы Краковского архиепископата. Клишко, никогда не упускавший возможности

продемонстрировать свою значимость, не скрывал, что именно он «зарубил» за прошедшие полтора года семь предложенных кандидатов и был весьма горд этим. Но главное прозвучало позже. «Я жду Войтылу, — неожиданно заявил Клишко, — и пока не получу его, на любое другое предложение будет налагаться вето». Стомма, по его словам, поблагодарил партийного идеолога за оказанное доверие, с трудом сдерживая смех. Войтыла был именно тем кандидатом, который более чем устраивал его самого, членов его католической группы в Сейме и священников, подобных отцу Бардецкому.

Но почему Клишко и, как понимал Стомма, члены Политбюро Польской коммунистической партии сделали ставку на Войтылу? Как могли эти искушенные в политике люди так ошибиться в оценке молодого епископа?

Возможно, именно возраст сыграл решающую роль. Седовласым старцам из коммунистического руководства сорокадвухлетний человек казался почти мальчиком с не сформировавшимися взглядами, а потому вполне пригодным для разного рода манипуляций. К тому же они считали Войтылу человеком, практически не интересующимся политикой, естественно, в том плане, как политику понимали они сами. Он и в самом деле представлялся многим неким интеллектуалом, мыслящим довольно абстрактными философскими понятиями и не очень приспособленным к практической жизни. Такой вполне мог удовлетвориться расплывчатыми заверениями со стороны властей. Подобная комбинация личных качеств и возраста вполне могла натолкнуть Клишко и его товарищей на мысль о возможности использовать Кароля Войтылу в качестве очень подходящей фигуры в игре, направленной на достижение их стратегической цели: расколоть иерархию Польской Католической Церкви, оттеснить от реального руководства ею Примаса и тем самым ослабить религиозное влияние на массы.

В то же время сейчас, спустя тридцать пять лет, кажется невероятным, что столь искушенные партийные товарищи могли пройти мимо очевидных фактов, опровергавших точку зрения на Войтылу как на потенциально послушного исполнителя планов властей. Их к тому времени было более чем достаточно. Кароль Войтыла демонстрировал явную способность увлекать религиозными идеями молодежь. Общеизвестны были его связи в «Театре восторга», вокруг которого объединялось немало довольно подозрительных для режима личностей. Более того, Войтыла во время

попытки конфисковать в 1962 г. у архиепископата здание Краковской семинарии, доказал умение добиваться своего в переговорах с представителями властей. Через год, когда городская администрация попыталась отобрать одно крыло краковской Силезской семинарии, он действовал еще жестче. Епископ заявил, что в случае изгнания семинаристов из принадлежащего им здания он будет стоять вместе с ними на улице, и выселение не состоялось. А его ночные рождественские мессы в Новой Гуте? Разве они не доказывали, что Войтыла не из тех, кто безропотно подчиняется внешним обстоятельствам? Вряд ли могли партийные идеологи не обратить внимание на его произнесенную там в январе 1963 г. проповедь о «внутренней свободе человека». Ведь она, по сути дела, открыла серию мероприятий в честь не слишком приятной для властей даты — столетней годовщины восстания поляков против царской России. И Войтыла на этом не остановился. Через пять месяцев он, открыв мемориал участникам этого восстания Калиновскому и Хмеловскому в Вавельском соборе, фактически провозгласил их святыми. При этом, обращаясь к присутствующим, он заявил, что, несмотря ни на какие трудности, эти люди смогли «прорваться из подполья к свободе». Одно это должно было бы послужить предупреждающим сигналом для коммунистов.

Когда задумываешься над тем, почему ни эта церемония, ни многие другие факты культурного сопротивления Войтылы не насторожили Зенона Клишко и его товарищей, невольно приходишь к выводу, что они оказались пленниками своей же собственной идеологии и пропаганды. «Культурное сопротивление» не представлялось им опасным. Ведь жаргон ортодоксальных марксистов трактует мыслительную деятельность как «надстройку», нечто эфемерное и преходящее, а следовательно, не имеющее реальной силы[1]. С этой точки зрения вполне можно позволить по-юношески горячему капитулярному викарию произнести проповедь о «сверхъестественной ответственности епископа за народ Божий», которая проявилась в служении святого Станислава, с готовностью пожертвовавшего жизнью за паству свою. Можно закрыть глаза и на то, что Войтыла призывает студентов почаще задумываться о своем жизненном предназначении и регулярно

[1] Автор не знаком с практикой и теорией коммунистического строительства. Коммунисты не были ни дураками, ни наивными людьми. В данном случае — это скорее Промысел Божий. — *Примеч. ред.*

являться на исповедь. Все это — тот же «опиум для народа», только предназначенный для слишком ретивых представителей краковской интеллигенции. А раз так, то почему бы не позволить именно этому молодому священнику делать все, что он делает сейчас, и на посту правящего архиепископа Краковского архиепископата. По меньшей мере это поможет безболезненно для власти «спускать пар». Кроме того, имеется вполне реальная надежда на то, что удастся подтолкнуть этого «наивного юношу» на участие в борьбе между отдельными группами польских епископов. Вступив в нее, он наверняка запутается, что даст возможность коммунистам использовать его в маневрах, направленных на ослабление позиций Примаса Вышыньского.

А что думал о Войтыле сам Вышыньский? Считал ли и он молодого епископа несобранным, увлеченным абстрактными идеями интеллектуалом, который мог стать объектом манипуляции для коммунистов? То, что Войтыла стал восьмым (по некоторым данным, седьмым) кандидатом, предложенным Вышыньским на пост главы Краковского архиепископата, позволяет предположить, что Примас считал его слишком молодым и не имеющим достаточного опыта для исполнения таких обязанностей. Каких-либо противоречий между Вышыньским и Войтылой за несколько лет, прошедших со дня возведения последнего в сан епископа, не наблюдалось. Но капитулярный викарий был известен своей поддержкой «Тыгодника повшехны», а у Примаса были определенные проблемы со слишком независимо мыслящей редакцией этого издания. Вряд ли симпатии Вышыньского могла повысить и активная реформаторская деятельность Войтылы на Втором Ватиканском Соборе. Дело не в самих реформах. К ним Примас относился в принципе положительно. Но при этом кардинал считал, что западные реформаторы совершенно не понимают ситуацию, сложившуюся в Польше, и их усилия поэтому особой пользы Польской Церкви принести не могут. Все это, конечно, предположения. Но то, что Вышыньский практически не знал Войтылу, можно считать достоверным фактом. Когда Примаса вскоре после церемонии возведения Войтылы в сан архиепископа попросили рассказать о новом главе Краковской епархии, тот задумался, а потом произнес всего одну фразу:

— Он — поэт.

Как бы там ни было, в декабре 1963 г. профессор Стомма вновь появился в офисе «Тыгодника повшехны» и пригласил отца

Бардецкого прогуляться с ним по краковским Посадкам. Там он рассказал, что Зенон Клишко только что сообщил о получении от Примаса представления о назначении на пост архиепископа Краковского Кароля Войтылы. Стомма и Бардецкий были довольны. Радовались в тот момент, судя по всему, также и Зенон Клишко, и его соратники по партии.

Аббат расположенного неподалеку от Кракова Камалдолесского монастыря отец Петр Ростворовский, который в то время отбывал наказание в гданьской тюрьме за помощь в незаконном переходе границы гражданам Чехословакии, рассказал весьма примечательный случай. Новость о назначении Кароля Войтылы сообщил ему представитель тюремной администрации. Радость, звучавшая в его голосе, не оставляла сомнений в том, что товарищам коммунистам известие пришлось по душе.

— Очень хорошая новость, — повторил он несколько раз аббату.

Однако уже через четыре месяца тот же тюремщик, встретившись с аббатом, резко изменил свою точку зрения.

— Войтыла надул нас! — кричал этот верный слуга режима.

Видимо, можно согласиться с выводом отца Бардецкого, который расценил происшедшее с Войтылой как еще одно доказательство способности Святого Духа направлять мысли человеческие в нужное русло и осуществлять свою волю через смертных незаметно для них самих.

«МОЙ ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ КРАКОВ»

Кароль Войтыла прожил в Кракове ровно сорок лет, из которых четыре года был викарным епископом, два — фактическим главой епархии и четырнадцать лет — правящим архиепископом.

Он, бесспорно, был польским интеллигентом, а Краков является общепризнанным интеллектуальным центром и культурной столицей Польши. Войтыла — патриот своей страны, и город, где он жил, был своего рода хранилищем истории его народа. История борьбы поляков за свою свободу жила в величественных соборах, ее можно было изучать по старинным дворцам, учебным заведениям, костелам и даже обычным домам, возле которых молодой священник проходил ежедневно. Он был писателем, а

Краков — колыбель польского книгоиздательства, город, в котором была напечатана самая первая книга на польском языке. В общем, Краков был его городом. И по восприятию мира, и по убеждениям Войтыла был истинным краковчанином. А это, помимо всего остального, означает и то, что он был европейцем, живущим в самом сердце Европы.

Его становление как священника, а затем и епископа проходило в городе, явившем миру великие образцы церковного служения. В Кракове жил святой Станислав — недосягаемый пример для подражания всем наследовавшим ему епископам. Здесь в XVI в. Петр Скарга читал свои знаменитые проповеди, призывая к обновлению нации через духовное возрождение. Здесь же в 1863 г. сражались повстанцы Дунаевского и Пузины, ставшие впоследствии епископами и кардиналами. Краков был городом брата Альберта и созданных им общин готовых на полное самопожертвование людей, городом загадочной сестры Фаустины Ковальской, чьи боговдохновенные пророчества поражают до сих пор. В Краковской епархии служил «непокоренный князь» Адам Стефан Сапега, из нее шагнул в бессмертие, добровольно приняв голодную смерть в бараке Освенцима, отец Максимилиан Кольбе. Незримое присутствие этих великих людей почти физически ощущалось в Кракове. Живя здесь, Кароль Войтыла особенно ясно чувствовал взаимосвязь святых деяний тех, кто служил его землякам в прошлом, и интеллектуальной жизнью настоящих католиков, живущих сегодня.

Человек, которому в шестидесятые суждено было стать архиепископом Краковским, выразил свои чувства в пастырском послании верующим жителям епархии в канун Великого поста 1964 г. (Как и все другие пастырские послания того времени, официально издать этот документ не удалось. Его перепечатывали с копии на копию монахини, вкладывавшие в обыкновенные пишущие машинки по шесть листов через копирку. Распространялось послание из рук в руки по приходам. Даже просто воспользоваться услугами почты было рискованно.)

Быть архиепископом Краковским, писал Войтыла, означает прежде всего «огромную ответственность» не только перед современниками, но и перед «вечной памятью великих людей», живших в епархии до нас. И преодолеть страх перед такой огромной ответственностью возможно только с помощью «абсолютной веры в милосердие Господа нашего Иисуса Христа и его Пресвятой

Матери», искренней надежды на людей, которым собрался служить. Жизнь человека не бессмысленна, ибо есть Господь, «который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1Тим. 2.4). В этой евангельской строке — и одно из основных понятий, на которых строится Церковь, и цель ее служения. Церковь призвана помочь людям осознать свое великое назначение и стать достойными его. И Кароль Войтыла, как их епископ, призванный заниматься решением этой задачи «во имя всеобщего блага», убежден, что не сможет справиться, если каждый «не возьмет на себя часть той ответственности, которая возложена на всех нас самим Богом».

Кароль Войтыла, в 1967 г., когда ему было всего сорок семь лет, возведенный Папой Павлом VI в кардиналы, отличался от других церковных иерархов не только возрастом. Он был первым за всю тысячелетнюю историю Краковской епархии епископом, не принадлежащим к высшему сословию. Однако это не помешало ему стать одним из лучших правящих архиепископов своего времени.

ПРИОРИТЕТЫ

Все, кому довелось работать с кардиналом Войтылой, отмечают его весьма своеобразный и при этом эффективный подход к проблемам и их решению. Каждый раз он призывал задуматься прежде всего над двумя вопросами. Первый: какая из открытых людям истин веры может помочь понять суть данной проблемы? После того как ответ на этот вопрос был получен, ставился второй: кого мы должны убедить (или просветить), чтобы он нам помог? Войтыла понимал, что является руководителем очень крупной организации, причем организации уникальной, отличающейся от любой другой. Он был не просто руководителем, а церковным руководителем, а это значит, что и действовать он мог исключительно как руководитель Церкви, а не другого, пусть в чем-то и схожего, социального института.

Понимание этого отражалось в манере его руководства и принятия ежедневных решений. После утренней мессы и завтрака архиепископ удалялся в свою часовню, и все знали, что беспокоить его там нельзя. Оставшись один, он проводил два часа, рабо-

тая за маленьким столом, стоящим всего в нескольких ярдах от того места, где кардинал Сапега рукоположил его в священники. Он читал, писал и думал перед дарохранительницей, стоящей в небольшом углублении алтаря. Говорят, что теологи делятся на тех, кто занимается своей наукой, сидя в кабинетах, и тех, кто познает ее истины, стоя на коленях. Нечто подобное можно сказать о епископах и руководителях епархий. Кароль Войтыла, бесспорно, относился к тем, кто управлял епархией (равно как занимался философией и теологией) «на коленях». Даже свою кабинетную работу он старался построить так, чтобы ощущать присутствие Господа.

Перед принятием наиболее сложных решений архиепископ Краковский обычно приходил к Кальварье Зебжидовской. Часто видели, как он прогуливается там, молитвенно перебирая четки и размышляя о делах епархии. По пятницам Кароль Войтыла, как правило, покидал архиепископскую резиденцию, в которой находился его рабочий кабинет, и шел пешком по улице Францишканьской к знаменитой францисканской базилике — месту, где перед женитьбой на королеве Ядвиге принял крещение Владислав Ягеллон. Пройдя под витражом, созданным его другом драматургом Станиславом Виспианьским, он входил в боковую часовню и молился перед четырнадцатью крестами.

В стиле и методах руководства епархией Кароля Войтылы, бесспорно, ощущалось влияние князя-кардинала Адама Сапеги. Золотой нагрудный крест Войтыла постоянно носил на простой черной сутане. Каждый, кто приходил в большой кабинет архиепископа Краковского, не мог не обратить внимания на фотографии Сапеги. Однако многое из того, чему Войтыла научился у своего предшественника, требовалось приспособить к новым условиям. За двенадцать лет, прошедших со дня кончины князя-кардинала, епархия изменилась; количество верующих католиков в ней достигло весьма внушительных размеров: полтора миллиона. Помимо обычных прихожан, в это число входили 1520 священнослужителей (771 непосредственно приписанный к епархии и 749 орденских пастырей), 1500 братьев (не имеющих священного сана членов католических орденов) и 191 учащийся духовной семинарии. На протяжении всех четырнадцати лет пребывания на посту руководителя столь многочисленной общины Кароль Войтыла следовал семи главным принципам, в которых, бесспорно, отразилось его понимание Церкви и ее назначения.

Благодаря демографической ситуации и, в не меньшей степени, мудрому руководству кардинала Вышыньского польские католики пользовались гораздо большей свободой в отправлении религиозных обрядов, чем их единоверцы в соседних Литве, Чехословакии или Украине, на которых то и дело обрушивались репрессии властей. Но граждане свободного мира вряд ли бы согласились, что в Польше соблюдается право на свободу вероисповедания. Польским иерархам удалось достичь с коммунистическими властями негласного соглашения о невмешательстве. Но до того, чтобы отвечать критериям религиозных свобод, сформулированным Вторым Ватиканским Собором, Польше было весьма и весьма далеко.

История Краковского архиепископата накладывала на ее епископа особую ответственность. Быть продолжателем дела святого Станислава означало следовать древним традициям, согласно которым епископ являлся defensor populi (защитником народа) и defensor civitatis (защитником города) в самом непосредственном понимании этих словосочетаний. То, что кардиналу Сапеге удавалось справляться с этой ролью во время нацистской оккупации и в первые годы коммунистического правления, было просто чудом. Но так было. И теперь настал черед Кароля Войтылы защищать город и его жителей. Бороться пришлось не столько с прямыми репрессиями (хотя и с ними приходилось периодически сталкиваться), сколько с возведенным в ранг государственной политики желанием оторвать польский народ от христианской культуры, которая, собственно, и являлась до сих пор питательной средой его развития. Во время епископского служения Войтылы эта борьба велась прежде всего вокруг двух конкретных пунктов: строительства церковных зданий и публичного распространения католического учения. Рост числа католиков символизировали ежегодные процессии Тела Христова, которые тоже приходилось отстаивать.

С 1962 (когда Войтыла стал капитулярным викарием) по 1978 г., в Краковской епархии было создано одиннадцать новых приходов и десять «пастырских центров» (неких промежуточных инстанций между созданием общины верующих и регистрацией ее как церковного прихода). И бороться пришлось буквально за образование каждого.

Согласно действующим законам приход не мог быть официально зарегистрирован, а церковное здание построено без специального разрешения властей. Имелось и препятствие, вытекающее из религиозных канонов, — приход мог создаваться только при действующей церкви. Таким образом, затягивая с выдачей разрешений на строительство культовых зданий, государственные органы достаточно эффективно тормозили процесс образования новых католических приходов, а следовательно, и расширения влияния Церкви в целом. Войтыла выработал довольно изощренную, но весьма эффективную стратегию, позволяющую преодолевать сопротивление властей и обходить канонические запреты. В среднем во время епископства Войтылы ежегодно подавалось около тридцати заявлений о разрешении строительства культовых зданий. Было негласно решено, что, если такое заявление не рассматривалось, на следующий год его подавали снова. В результате количество подобных заявлений увеличилось до пугающих бюрократию размеров. А епископу это давало возможность выдвигать не «крамольное» требование открыть новую церковь, а вполне невинное — удовлетворить указанную в заявлении просьбу или дать официальный отказ. Стратегическая линия подкреплялась тактикой «свершившегося факта», на который государственный орган просто не мог никак не прореагировать. Церковные каноны не запрещали священникам посещать верующих, так же как и верующим молиться вне церкви. Этим и воспользовались прихожане епархии. Незаметно, но настойчиво — из двери в дверь, из дома в дом — осуществлялась евангелизация того или иного населенного пункта. А когда община де-факто уже существовала, правительственным чиновникам говорили: «Посмотрите, приход уже практически существует, но людям негде молиться. Для них необходимо построить храм».

Одной из самых примечательных страниц этой борьбы, бесспорно, является история строительства церкви в Новой Гуте — поселке в пригороде Кракова. Построен он был уже при коммунистическом правительстве, а потому, естественно, культовых зданий в нем не предусматривалось. Поселок, который правильнее назвать небольшим городком, представлял собой скопище огромных жилых домов — в некоторых из них было по 450 квартир. Причем планировка их была такова, что навестить соседа, живущего за стеной, в трех-четырехквартирном модуле, из которых состояли здания, было не просто. Для этого надо было спуститься по лестнице или на лифте на первый этаж, выйти из зда-

ния, войти в другой подъезд, а затем на лифте, если он работал, а чаще пешком вновь подниматься вверх, до того этажа, где проживал нужный вам человек Недаром эти квартиры полушутя называли «ящиками для хранения человеческих чувств». Здесь действительно было сделано все, чтобы чувства эти хранились отдельно друг от друга. Церковь как место, где люди могли бы собраться вместе без надзора властей, в таком новом коммунистическом городе была ни к чему.

Борьба за строительство храма приобрела здесь, таким образом, символический смысл борьбы за души жителей Новой Гуты. Костел был возведен в одном из районов поселка — Бенчице, на том самом поле, на котором с 1959 г. Войтыла регулярно служил ночные рождественские мессы. На то, чтобы добиться разрешения на строительство «культового здания современной архитектуры» (архитектор хотел, чтобы оно напоминало «ковчег», в котором королева Польши Мария спасала своих подданных), ушли годы. Но 13 октября 1967 г. оно все-таки было дано. А уже на следующий день, 14 октября, кардинал Кароль Войтыла возглавил церемонию закладки фундамента, лично начав долбить киркой грунт под траншею для его первой секции. Именно в эту траншею был затем уложен камень с гробницы святого Петра, врученный Войтыле Папой Павлом VI. Над возведением костела в течение десяти лет добровольно трудились польские рабочие и граждане целого ряда других европейских стран. Для украшения ее фасада на польском побережье было собрано два миллиона отполированных морем камней. Величественную фигуру Христа для внутреннего убранства храма отлили рабочие сталелитейного завода Новой Гуты, носившего, между прочим, имя Ленина. Дарохранительницу, выполненную как модель Солнечной системы, подарили верующим Новой Гуты их австрийские единоверцы из епархии Санкт-Пёлтен. Один из камней этого великолепного сосуда был доставлен с Луны и вручен американскими астронавтами Павлу VI. Колокола для храма прислали голландцы. Костел был освящен кардиналом Каролем Войтылой 15 мая 1977 г. На церемонию освящения, символизирующую начало новой страницы истории рабочего поселка, приехали паломники из Австрии, Чехословакии, Венгрии, Югославии, Германии, Голландии, Португалии, Италии, Канады, Соединенных Штатов, Англии, Финляндии и Франции.

— Отныне это не город, где живут люди, которые предоставлены самим себе, с которыми могут делать все что угодно, —

подчеркнул в произнесенной на церемонии освящения нового храма речи кардинал. — Теперь здесь живут не просто члены общества, подчиняющегося законам производства и потребления. Отныне это город детей Божиих... Храм был необходим уже для того, чтобы показать это им самим и подчеркнуть это перед всеми другими...

Строительство костела стало самым известным фактом борьбы за Новую Гуту. Однако еще более жесткую форму борьба приняла в другом районе этого рабочего городка — Местжейовице.

В 1970 г., как вспоминает Иоанн Павел II, к нему на прием пришел отец Юзеф Кужея и практически с порога решительно заявил: «Нам в Местжейовице нужна церковь. И я готов ее построить, если даже меня засадят за это в тюрьму». Кардинал Войтыла дал согласие, и отец Кужея начал работать. Те, кто помогал ему в этом, утверждают, что отца Кужею трудно было назвать великолепным проповедником. Говорил он не очень гладко, да и пел плохо. Но зато этот крупный тридцатилетний мужчина с открытым отзывчивым сердцем был из тех, к кому всегда подсознательно тянутся люди. Он купил свободный участок земли в Местжейовице и построил на нем маленький домик, больше напоминавший сарай для хранения садовых инструментов, чем церковь. Но священник соорудил в этом домике алтарь и начал ходить из дома в дом, беседуя с соседями и приглашая их стать членами новой общины. К тому времени борьба за создание Арочной церкви была практически выиграна, и линия противостояния Церкви и властей в Новой Гуте переместилась в Местжейовице. Туда, чтобы поддержать усилия отца Кужеи, кардинал Войтыла перенес свои рождественские мессы в чистом поле. В канун Рождества 1971 г. он произносит проповедь, лейтмотивом которой стали слова из Евангелия от Луки: ...не было им места в гостинице». (Лк. 2.7.) Перед тысячами людей, собравшихся на рождественскую мессу, глава епархии произнес горячую речь в защиту отца Кужеи.

— Священник, который окормляет паству свою под открытым небом, не имея ничего, кроме вашей добровольной поддержки и солидарности, не может преследовать какую-то личную цель или выгоду. Чего же он хочет? Прежде всего, конечно, проповедовать Евангелие, доносить до людей правду Господа нашего. Но ведь это именно те истины, которые должны находить отзыв в душе каждого человека. Можно сказать, что, проповедуя истины, доставшиеся нам от Господа, он призывает людей следовать ос-

новополагающим правилам морали. Разве это не нужно жителям Новой Гуты? Неужели кто-то всерьез думает, что живущим в новом городе можно обойтись без морали?.. И разве желание побудить людей жить по-человечески не совпадает с интересами народа, а следовательно, и государства? А раз так, то такого священнослужителя нельзя наказывать. Наоборот, он заслуживает всяческого поощрения.

Однако представители государственной власти, как вскоре выяснилось, придерживались диаметрально противоположной точки зрения. Сотрудники польских спецслужб ни на минуту не оставляли без внимания активного священника. Польская служба безопасности — «Sluzba Bezpieczeństwa» устраивала провокации на улицах, в доме, где жил отец Кужея, в его деревянной часовне. Измученный постоянными неприятностями, отец Юзеф умер в тридцать девять лет 15 августа 1976 г., на следующий день после того, как польские католики отметили тридцать четвертую годовщину кончины от голодной смерти в бункере Освенцима Максимилиана Кольбе. Церковь, которую начал строить Юзеф Кужея, была освящена Папой Иоанном Павлом II в 1983 г. в честь святого Максимилиана Кольбе.

Еще одним аспектом деятельности Церкви, на котором сфокусировалась борьба за религиозную свободу, стал ежегодный крестный ход со Святыми Дарами, который традиционно проводился в Кракове в конце весны — начале лета. Власти старались этот обычай искоренить, глава епархии Войтыла делал все от него зависящее, чтобы сохранить его в первозданном виде.

До войны участники этого грандиозного католического крестного хода — процессии Тела Христова, во главе которой шел архиепископ Краковский с драгоценной золотой дарохранительницей в руках, выходили из Вавельского собора, следовали по улицам Старого города к Главному рынку. По периметру рыночной площади размещались переносные алтари. Подходя к ним, процессия останавливалась, и архиепископ произносил проповеди. В годы нацистской оккупации Ганс Франк, конечно же, запретил столь массовое шествие. Коммунисты, придя к власти, запрет отменили, но маршрут крестного хода был значительно сокращен. Участники процессии Тела Христова получили право выйти из Вавельского собора и обойти двор королевского дворца. Но выходить на городские улицы было нельзя. После многочисленных протестов верующих епархии указанный режим был слегка смягчен. Участникам крестного хода позволили спускаться с

Вавельского холма, пройти два квартала Гродской улицы, свернуть на Посельскую, чуть-чуть пройти по ней, затем, опять свернув, пройти два квартала Страшевской улицы и вернуться на Вавельский холм. Маршрут все равно остался чересчур коротким, но вдоль него уже можно было поставить выносные алтари. Произнесение с них проповеди перед десятками тысяч участвующих в процессии верующих превращалось в религиозное событие общенационального масштаба. Именно здесь, полагают многие, Кароль Войтыла получил признание как подлинный лидер католиков Польши. Особенно большой резонанс вызвало его решение не отказываться от традиционной проповеди перед участниками процессии Тела Христова в 1970 г., вскоре после расстрела властями демонстрации рабочих Гданьской верфи.

Войтыла всегда считался человеком, который при необходимости в любой момент мог произнести интересную и актуальную проповедь. Но он понимал, что выступления в ходе краковской процессии Тела Христова требовали особого ораторского дара, умения увлечь своей речью огромное количество людей. Поэтому он старался говорить здесь как можно проще и понятнее, учась науке сопротивления посредством культуры у Мечислава Котларчика. Вспоминают, что он говорил ровно, но настолько убедительно, что запоминалось чуть ли не каждое слово. Архиепископ старался превратить крестные ходы в то, чем они и должны были быть, — в нечто возвращающее краковчан к истокам их культуры и напоминающее о гражданских правах и обязанностях.

В июне 1970 г., когда участникам процессии впервые разрешили сойти с Вавельского холма, Войтыла с четвертого выносного алтаря говорил о том, что польский народ невозможно отделить от религиозных традиций.

— Мы — граждане своей страны, жители своего города. Но мы также и народ Божий, обладающий особыми христианскими чувствами... Право на них — наше неотъемлемое право, и мы будем добиваться его соблюдения. Оно столь же естественно, сколь естественно наше присутствие здесь. Мы настаивали и будем настаивать на этом!

В 1972 г. в проповеди, произнесенной с установленного на Вавельском холме первого алтаря, Войтыла охарактеризовал краковский крестный ход как «процессию, неразрывно связанную с нашим городом, всей нашей историей». При этом он смело напомнил властям:

— Мы ждем...

В 1974 г., выступая перед десятками тысяч заполнивших улицы Кракова сограждан, кардинал подчеркнул:

— Мы пришли сюда не откуда-нибудь издалека. Это наш город!

Он напомнил тогда и о бесконечных отсрочках в выдаче разрешений на строительство церквей. Неужели «программа социалистического общества предполагает, что люди в течение многих лет должны проводить канун Рождества под открытым небом», чтобы участвовать в обряде, право на который гарантировано им Конституцией?

— Если это не часть программы построения социализма, то тогда какой программы?

В 1975 г. во время процессии, которой все еще было запрещено выходить на Рыночную площадь, кардинал вновь говорил с первого выносного алтаря. В его проповеди все явственнее звучали ноты редкого для этого вида публичных выступлений сарказма:

— Я все больше склоняюсь к мысли, что подобные акции, как ни странно, не способствуют процессу нормализации отношений между государством и Церковью.

В 1977 г. во время первой остановки процессии он прямо предупреждает власти, что в мире в целом и польском обществе в частности «увеличивается количество информации о правах человека», все больше людей начинает понимать, что «их соблюдение обязательно». Завершающее выступление с четвертого алтаря начиналось как покаяние:

— Я прошу прощения у Господа нашего за то, что сегодня я мало говорил о Нем. Впрочем, это не совсем так. Я говорил о наших проблемах, а самая главная из них — чтобы каждый имел возможность понять, что Господь жив. Он живет в таинстве Святого Причастия, присутствует в повседневной жизни человека...

Иногда говорят, что Кароль Войтыла в борьбе за право строительства церковных зданий и проведения краковского крестного хода в его изначальном виде уделял слишком много внимания какому-то определенному месту. Это и так и не так. Он действительно старался сосредоточивать усилия на «определенном месте», но не в географическом смысле этого слова. Важно, чтобы церковные здания и процессии играли роль прежде всего в борьбе за душу человека и его права. Люди имеют право исполнять религиозные обряды в соответствии со своими традициями и убеждениями, ибо, как заявил Войтыла 25 мая 1978 г. в обращении к

участникам очередной процессии Тела Христова, «нация должна знать правду о самой себе». Таким образом, вопрос о местах возведения церквей и проведения процессий являлся конкретным проявлением еще более серьезной проблемы — имеет ли польский народ возможность сохраниться в рамках так называемой «Народной республики» как народ христианский. Стратегическая задача, которую поставили перед собой польские коммунисты, по сути, заключалась в низведении католичества до чего-то подобного устаревшим фольклорным обрядам. Кардинал Войтыла боролся за живую Церковь, за ее право служить обществу, доносить до людей правду о жизни человека и данном свыше каждому существу достоинстве. В обществе, признающем это, тоталитаризм невозможен по определению.

СЕМИНАРИЯ И ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Вторым приоритетным направлением пастырской деятельности кардинала Войтылы была подготовка священников для Краковского архиепископата. Улучшение системы обучения семинаристов и обеспечение молодым священнослужителям возможности продолжить образование постоянно находились в центре его внимания.

Так получилось, что именно Войтыла оказался последним ученым, которому теологический факультет Ягеллонского университета успел присвоить докторскую степень. Поэтому несправедливость решения властей о закрытии в 1954 г. этого факультета он ощутил с особой остротой. Но это была, конечно, не просто обида одного из бывших питомцев учебного заведения за свою альма-матер. Войтыла лучше многих других понимал, что закрытие факультета — это еще одна попытка переписать историю Польши и умертвить ее историческую культуру. Вместе со своим официальным статусом факультет теологии терял библиотеку, помещения и многое другое. Его профессора оказывались практически в полной зависимости от государственных чиновников. Более того, правительство получало формальное право запретить упоминания о факультете теологии в газетах, других периодических изданиях, справочниках и путеводителях по Кракову.

Отсутствие теологов, по сути, означает невозможность подготовки будущих священнослужителей. Понимая это, руковод-

ство епархии вскоре после закрытия факультета сформировало с помощью его профессуры отделение теологии в Краковской семинарии. Государство попыталось приостановить этот процесс, лишив выпускников отделения возможности получать дипломы, подтверждающие образование. Но Святой Престол предоставил семинарии право выдавать дипломы о теологической подготовке, признававшиеся всеми католическими учебными заведениями.

Таким образом, главные проблемы были разрешены. Однако это не означало, что справедливость восторжествовала. Войтыла постоянно возвращался к данному вопросу, характеризуя решение о закрытии теологического факультета как акт вандализма. Вновь и вновь он требовал восстановить факультет теологии в Ягеллонском университете в том виде, в каком он существовал до ликвидации. Параллельно он вел соответствующую работу в Риме и добивался предоставления в 1974 г. теологическому отделению Краковской семинарии статуса Папского факультета. Это позволило создать в Польше фонд поддержки католического образования, гарантированный от экспроприации со стороны властей. В 1976 г. Войтыла осуществляет еще один свой план — в Кракове создается отделение философии. Не забывает кардинал и о самой семинарии, стараясь всячески расширять ее деятельность и привлекать к ней молодежь. В частности, при семинарии организуются курсы подготовки к вступлению в брак, к работе которых привлекаются врачи, психологи и просто люди, имеющие опыт счастливой семейной жизни.

Кардинал Войтыла заботился не только о том, чтобы будущие священники получали за время учебы необходимую теоретическую подготовку. Не менее, а, может быть, даже более важно, с его точки зрения, было сделать их настоящими пастырями прихожан. Ключом к успеху в этом, по убеждению Войтылы, служили чистота самого священника и внимательное отношение к душевному состоянию прихожанина. Став главой епархии, он не прервал регулярных встреч с участниками своего семинара и прекрасно знал, кто из них сможет стать настоящим священнослужителем. Войтыла продолжал следить за деятельностью молодых священников и после их выпуска из семинарии. В первые годы их служения он встречался с большинством из них, старался побеседовать в неофициальной обстановке, с некоторыми даже катался на лыжах с гор. Но где бы эти встречи ни происходили, епископ старался показать, сколь важна углубленная молитва к Богу и в личной жизни священника, и в его пастырской деятельности.

Для укрепления дисциплины молодых священников епископ использовал собственные, весьма своеобразные методы. Вспоминают, например, такой случай: один из подчиненных Войтыле пастырей совершил нечто, что в церковных кругах принято называть «серьезным проступком». Епископ, естественно, был вынужден пригласить его для беседы. Разговор был долгим, но, к удивлению провинившегося викария, кардинал лишь вскользь касался тяжести проступка и практически не упоминал о наказании, которое должно за это последовать. По окончании беседы Войтыла неожиданно пригласил его в свою часовню и стал там искренне, отбивая низкие поклоны, молиться. Викарий вспоминает, что ему стало не по себе и больше всего хотелось немедленно вернуться в свой приход и делом искупить грех. Наконец кардинал поднялся с колен и произнес:

— Не могли бы вы меня исповедать.

Они прошли в исповедальню, и ошеломленный молодой пастырь выслушал исповедь своего епископа.

Заметных успехов удалось добиться Войтыле и в плане привлечения молодежи в семинарию. Число учащихся в ней увеличилось со 191 в 1962-м до 250 в 1978 г. Соответственно возросло и количество епархиальных священников — с 771 до 956 человек. А ведь это происходило в годы, когда иерархи стран Запада били тревогу по поводу резкого снижения тяги молодежи к церковному служению и нежелания активно исполнять его многими, уже имеющими священный сан. Конечно, в коммунистической Польше, где существовал небольшой островок религиозной свободы, профессия священника могла обеспечить сравнительно надежный заработок. К тому же она всегда была своего рода пропуском, позволяющим выходцам из семей рабочих и крестьян стать полноправными представителями среднего класса. Бесспорно и то, что призывы епископа и приходских священников к поступлению в духовные учебные заведения попадали на благодатную почву естественного стремления молодежи к свободе и не загнанной в официальные рамки культурной жизни. Но ведь правда и то, что при правящем в те годы коммунистическом режиме профессия священника требовала от тех, кто относился к своему долгу серьезно, настоящего мужества. Одно из многочисленных тому подтверждений — судьба отца Юзефа Кужеи. К тому же власти старались возвести на пути к получению священного сана множество препятствий. Например, семинаристов посреди курса обучения забирали в армию, где всяческими способами старались

отбить у них охоту к продолжению занятий. Любой учащийся семинарии и теологического факультета ощущал недовольство правительственных чиновников практически постоянно. Так что добиться количественного и качественного улучшения подготовки священников кардиналу Войтыле было в тех условиях весьма непросто. Конечно, это нельзя считать исключительно его заслугой. Но то, что он сыграл здесь далеко не последнюю роль, очевидно.

СЛУЖЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

Став архиепископом Краковским, Кароль Войтыла, к удивлению многих, довольно легко сумел найти общий язык с теми независимо мыслящими людьми, которые считали, что призваны к служению людям самим Богом, но в рамках официальных церковных институтов чувствовали себя стесненно. Деятельность подобных харизматических личностей серьезно настораживала многих церковных иерархов. Войтыла с первых же дней руководства епархией начал прилагать усилия к тому, чтобы сгладить напряженность в отношениях харизматических лидеров и созданных ими организаций со структурами официальной Церкви.

Одним из наиболее заметных харизматических лидеров того времени был отец Францишек Блахницкий, привлекший всеобщее внимание своей активной общественной деятельностью. К тому моменту, когда Кароль Войтыла возглавил епархию, Блахницкий был уже одной из центральных фигур молодежного движения «Свет и жизнь», из которого вырос еще один проект — «Оазис». Быстрый рост популярности «Оазиса», лидером которого стал тот же Блахницкий, объяснялся простой и привлекательной для молодежи целью этого движения. Оно занялось организацией летних лагерей отдыха для юношей и девушек. Войтыла впервые встретился с Блахницким еще в середине пятидесятых в Люблинском католическом университете, где тот в университетской часовне пытался делом доказать необходимость литургических реформ. Став архиепископом, Войтыла приложил немало усилий, чтобы оградить Блахницкого от нападок. И причиной тому было, конечно, не давнее знакомство. Новый руководитель епархии сразу оценил, каким серьезным вызовом режиму, старающемуся оторвать польских юношей и девушек от семейных тради-

ций, является то, что делает Блахницкий со своими молодыми последователями.

У Блахницкого, как и большинства подобных ему харизматических лидеров, имелись определенные заблуждения. Но Войтыла всячески покровительствовал этому человеку, которому, как он сказал позже, «Польша в значительной мере обязана спасением своей молодежи». Блахницкий работал с молодежью не только в «оазисах», которые были задуманы, как альтернатива безнравственности, царившей в государственных молодежных лагерях. Участники движения «Свет и жизнь», по сути, занимались выработкой польского варианта теологии освобождения, призывая соотечественников отказаться от страха, самодовольства и бросить властям вызов праведной жизнью. «Если значительное число поляков найдут в себе мужество не лгать самим и разоблачать лицемерие других, — настаивал Блахницкий, — наше общество уже станет свободным».

Не одобряя явно неосмотрительные поступки, которые порою совершал Францишек Блахницкий, Войтыла в целом разделял его понимание ситуации. Тем более близка ему была избранная Блахницким тактика пастырской деятельности — сопротивляться навязываемым властями принципам жизни, уча молодежь жить «в полном соответствии с христианскими убеждениями». Естественно, что режиму «оазисы» и встречи участников движения «Свет и жизнь» понравиться не могли. Членам и организаторам движения пытались всячески мешать. Представители властей, например, могли совершенно неожиданно нагрянуть в лагерь «Оазиса» с проверкой и, придравшись к какой-нибудь мелочи, намекнуть на целесообразность его закрытия. Параллельно с этим велась соответствующая «разъяснительная работа» с теми, кто сдавал земли под лагеря «Оазиса». В этих условиях была крайне важна уже сама демонстрация поддержки альтернативных объединений молодежи. Понимая это, Войтыла постоянно посещал летние лагеря «Оазиса», служил там мессы, общался с отдыхающими в них юношами и девушками. Даты таких поездок заранее не афишировались, и в результате создалась ситуация, когда ретивые коммунисты, затеявшие провокацию против очередного «оазиса», рисковали столкнуться в нем с главой Краковской епархии.

16 августа 1972 г. кардинал Войтыла отправился в «оазис», расположенный к югу от Кракова, на горе Блищ в Бескид-Сондецком районе, где отдыхали около семисот молодых людей. Пред-

полагалось, что кардинал и его секретарь поднимутся туда пешком по живописной лощине, у входа в которую его встретят сопровождающие из лагеря. Но примерно на полпути к «оазису» небо стало заметно темнеть, и послышались отдаленные раскаты грома. Войтыла, обращаясь к проводникам, пошутил:

— Теперь я знаю по крайней мере трех сумасшедших: первый — я сам, второй — мой секретарь, а третий — это тот, кто настаивает, чтобы наша встреча состоялась непременно наверху.

Он предложил «третьему сумасшедшему» — отцу Блахницкому, спуститься, пока не поздно, вниз и отслужить мессу в расположенном там костеле. Блахницкий только рукой махнул, уверяя, что гроза пройдет стороной. Но он ошибся, и мессу пришлось служить под проливным дождем, установив походный алтарь на выступе скалы и прикрыв двумя зонтами, чтобы хотя бы в центре его не образовывалась лужа. В конце концов все-таки решили спуститься вниз к костелу, а вскоре туда подтянулись и другие обеспокоенные непогодой и отсутствием гостей и провожатых отдыхающие «оазиса». Состоялся долгий и очень интересный для всех участников разговор. Молодые люди рассказывали, как сильно изменило их жизнь участие в движении. А в заключение кардинал горячо поблагодарил их, сказав, что именно такая деятельность является примером живого воплощения в Польше решений Второго Ватиканского Собора.

«Оазис» и «Свет и жизнь» явились для Войтылы и его коллег рожденными самой жизнью примерами молодежных движений, которые вполне могли действовать даже в условиях официального запрета на создание новых «католических организаций». Были и другие. Еще будучи священником в костеле Святого Флориана, Войтыла организовал семинар для мальчиков-алтарников и их родителей. Когда он стал епископом, этот опыт распространился по всей епархии. Очередным примером «неформальной организации», приобщающей молодежь к христианству, стали и приходские хоры. Кроме того, Войтыла выступил с призывом к католической молодежи взять на себя заботу о заброшенных еврейских кладбищах, чтобы «сохранить память обо всем, что было разрушено в Польше, и о том, из-за чего эти разрушения стали фактом истории страны». Вообще, как говорил впоследствии один из епископов — помощников Войтылы, в те годы неожиданно выяснилось, что для неформальной деятельности Церкви имеются поистине «грандиозные возможности». Требовались только воображение и крепкие нервы. У Войтылы было и то и другое плюс врожденное умение вдохновлять своими идеями

окружающих. Это выделяло его среди многих других польских епископов и позволяло превращать помощников в настоящих соратников. Он готов был помочь в выращивании любых цветов, даже самых экзотических и, на первый взгляд, странных. Условие здесь было одно: признание выведшими их садовниками основных католических догматов и готовность принять помощь церковных властей.

СЛУЖЕНИЕ СЕМЬЕ

Активный интерес к проблемам семейного долга и подготовки к вступлению в брак Войтыла начал проявлять еще молодым служителем костела Святого Флориана. Ежи Цесельский и другие молодые мужчины и женщины, которым он помог тогда подготовиться к семейной жизни, равно как и многие его друзья по «Шродовиско» — Габрель Туровский, например, — впоследствии стали застрельщиками программы, охватившей с начала шестидесятых годов всю епархию. Войтыла, прекрасно осознававший, какую угрозу для моральных устоев общества представляет политика властей в отношении семьи, став епископом, делал все от него зависящее, стараясь ослабить ее вредные последствия. Он прилагал немало сил к тому, чтобы проверенными им самим методами приобщения молодежи к семейным ценностям могли воспользоваться в любом уголке архиепископства. Помогать ему добровольно вызвались множество священников и мирян.

В 1967 г. по инициативе Войтылы непосредственно при резиденции архиепископа организуются курсы подготовки к вступлению в брак. К работе этих курсов были привлечены тридцать священников и шестьдесят мирян. Программа курсов была весьма насыщенной и разнообразной. Слушатели изучали теологию, философию и медицину под руководством известных специалистов. Сам кардинал тоже регулярно читал лекции. В 1969 г. курсы были преобразованы в епархиальный Институт исследований семьи, одной из задач которого стала организация научных конференций по вопросам теологии брака, сексологии, воспитания детей и помощи в преодолении постабортных стрессов. Институт стал научным и образовательным центром секции пастырской заботы о семье — с 1968 г. одного из подразделений епархиальной администрации.

В 1970 г. институт, получивший к тому времени статус филиала Папского факультета теологии, начал претворять в жизнь программу подготовки инструкторов — специалистов, владеющих методикой подготовки молодежи к вступлению в брак. Курс был рассчитан на два года. Пройти его могли семинаристы, священники и миряне (как мужчины, так и женщины). Каждые два года институт выпускал двести пятьдесят таких инструкторов. В результате специалисты по проблемам семьи и брака должны были появиться в каждом приходе. Кардинал лично беседовал с каждым выпускником, подчеркивая тем самым каноническую важность семьи и, соответственно, миссии, которую берет на себя инструктор. К 1974 г. практически каждый приход епархии был обеспечен инструкторами. И тогда кардинал поставил новую задачу — добиться, чтобы каждая готовящаяся к венчанию пара прошла двухмесячный курс подготовки к семейной жизни. С 1975 г. по решению Польского епископата срок такой подготовки увеличивается до трех месяцев. В том же 1974 г. кардинал основал фонд помощи незамужним беременным женщинам, которые не желали делать аборт, а решили воспитывать своих детей самостоятельно. Войтыла сам объехал несколько женских монастырей, убеждая монахинь взять на себя заботу об этих будущих матерях в период беременности и помочь им подготовиться к непростому служению матери-одиночки.

ДИАЛОГ С ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ

Католическая интеллигенция встретила возведение Войтылы в епископское достоинство с воодушевлением. Кардинал Войтыла, со своей стороны, рассматривал интеллигенцию в качестве одной из основных опор своей епископской деятельности. Он был убежден, что именно эти люди смогут использовать достижения польской и мировой культуры для развития и претворения в жизнь тех гуманистических идей, которые во многом благодаря его усилиям оказались в центре внимания Второго Ватиканского Собора.

Это было не лучшее время для краковской католической интеллигенции. Деятельность ее представителей постоянно наталкивалась на разного рода препятствия со стороны властей. Даже если человеку, осмелившемуся публично объявлять себя католи-

ком, удавалось подготовить и защитить диссертацию, стать преподавателем он мог лишь в считанном количестве учебных заведений. Церковь помогала таким людям в устройстве на работу (в частности, в «Тыгоднике повшехны»). Но существовала еще и проблема воинственной массовой культуры, направленной на то, чтобы, по образному выражению одного художника, «содрать со всех и каждого остатки религиозных убеждений».

В том, что это не удалось, есть бесспорная заслуга «Тыгодника повшехны» и «Знака», ставших альтернативным центром объединения интеллигенции, способной противостоять культурной экспансии коммунистов. Значение твердой поддержки газеты, журнала и их сотрудников со стороны кардинала Войтылы трудно переоценить.

В отличие от некоторых коллег-епископов, относящихся к интеллигенции со значительной долей настороженности, Кароль Войтыла всегда рассматривал ее представителей как своих друзей и союзников. Абсолютно современные манеры, склонность к литературной деятельности и при всем том убежденность настоящего христианина, соединяясь в этом человеке, порождали нечто подобное магнитному полю, притягивавшему к нему молодых интеллектуалов еще в костеле Святого Флориана. С того времени как Войтыла занял высокий церковный пост, сила этого поля не уменьшилась, наоборот, его привлекательность стала еще заметнее.

В Польше принято отмечать «День облаток», когда собирается компания или друзья просто заходят в гости, чтобы подарить полученные на Рождественской мессе освященные облатки. Войтыла, воспользовавшись этим старинным христианским обычаем, начал в такие дни приглашать представителей интеллигенции к себе домой. Во время этих встреч велись долгие непринужденные разговоры, которые вряд ли были бы возможны в другой обстановке. Каждый год в рождественские праздники Войтыла устраивал «дни облаток» для представителей различных профессий: юристов, врачей, медицинских сестер, писателей, артистов. После короткой молитвы, напоминающей ту, что ежедневно читают члены католических семей перед едой, ломались облатки, и начинался свободный обмен мнениями по интересующим всех проблемам. Присутствие кардинала естественно придавало таким встречам особую остроту, тем более что хозяин умел создать совершенно непринужденную обстановку. Устраивая облаточные праздники, архиепископ Краковский отнюдь не собирался заниматься религиозным просвещением неверующих или сбившихся

с правильного католического пути интеллектуалов. Но просветительский эффект они тем не менее имели. Их участники лично убеждались в несостоятельности утверждений правительственных идеологов, постоянно доказывавших, что христианская вера чужда интеллектуальным исканиям и только мешает им. Всерьез относиться к таким рассуждениям после дружеской беседы с кардиналом в его гостиной было просто невозможно.

В 1976–1977 гг. Войтыла расширяет свою программу содействия развитию интеллектуальной жизни в Польше, включая в нее контакты с представителями диссидентского «Комитета защиты рабочих» — (КЗР). С лидером КЗР Яцеком Куронем, исключенным в 1964 г. из партии, Войтылу познакомил Богдан Цивиньский — активист католического движения, имеющий обширные связи в этой нерелигиозной организации. Позже состоялась продолжительная встреча с представителями КЗР на квартире Цивиньского в Варшаве. Проходила она, как вспоминает Цивиньский, в привычной для подобных мероприятий тех дней обстановке — «полиция стояла буквально под дверями». Кардинал и лидеры КЗР обсуждали сложившуюся в стране политическую ситуацию. Куронь и его товарищи характеризовали ее как ухудшающуюся (сам Цивиньский говорит, что уже тогда считал ее «стабильно плохой»). Рабочие, полагали руководители КЗР, уже готовы начать более активную борьбу, но на полное, а тем более скорое изменение сложившегося в стране статус-кво между политикой и экономикой они тогда еще не рассчитывали. Для Войтылы контакты с диссидентами типа Куроня были прежде всего одним из аспектов его пастырской программы. Он понимал, что встречается с представителями интеллигенции левых взглядов, порвавшими с коммунистами из-за постоянного нарушения последними прав человека, и пытался донести до них свою точку зрения на эту проблему. Таким образом, в ходе подобных встреч кардинал не только обогащал свои знания о положении в стране, но и создавал еще одно звено в цепочке сопротивления посредством культуры.

МИЛОСЕРДИЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Социолог Родни Старк утверждает, что триумф первоначально небольшой и малозаметной «секты последователей Иисуса» в

Римской империи во многом объясняется наличием в ее религиозном учении доктрины о необходимости заботиться о каждом больном, старике, слепом, умственно неполноценном и сироте. Выполняя завет своего Учителя заботиться даже о самом последнем из братьев своих, христиане сумели создать движение, обещавшее людям более человеческий образ жизни и потому привлекавшее тысячи и тысячи новых последователей. Христианские общины всячески поощряли милосердие своих членов и в результате смогли создать невиданную ранее по масштабам сеть благотворительных учреждений: больниц, пансионатов для престарелых, домов инвалидов и матерей-одиночек, клиник и заведений для немощных и умственно отсталых людей.

В коммунистической Польше от всего этого практически ничего не осталось, поскольку принятый в 1950 г. закон запрещал деятельность любых благотворительных организаций под патронажем католической Церкви. Но если правительство не позволяет Церкви иметь благотворительные организации и заведения, решил Войтыла, то следует наладить в церковных общинах жизнь в духе евангельских заветов — помешать этому не может никто. С 1963 г. по всей епархии начинают создаваться «приходские бригады милосердия», включающие как постоянных членов — «защитников прихода», так и привлекаемых время от времени добровольцев. Перед этими бригадами была поставлена задача: наладить помощь всем больным и нуждающимся, проживающим на территории данного прихода, включая, на чем особенно настаивал Войтыла, последователей других конфессий и неверующих. Участники бригад организовывали сбор продуктов и одежды для нуждающихся, дежурили у постели больных, посещали одиноких, стараясь скрасить их жизнь. К этой деятельности привлекались практически все организации прихода: члены совета, хористы, мальчики-алтарники, псаломщики, молодые люди из «Оазиса» и члены их семей. Велась она в тесном взаимодействии с другими приходами и нецерковными объединениями, такими, как, например, польский Красный Крест, ставящими перед собой сходные задачи.

В 1965 г. архиепископ Войтыла создает при духовном управлении епархии, помимо уже существовавших подразделений, занимающихся попечением о глухих и слепых, секцию «пастырского служения милосердия», перед которой была поставлена задача организации духовного отдыха для тяжелобольных и детей-

сирот. Сотрудники секции во взаимодействии с сельскими приходами организовывали двухнедельный отдых для проживающих в Кракове больных, сирот и пожилых людей (в годы правления коммунистов Краков снискал дурную славу города с вредным воздухом из-за выбросов в атмосферу побочных продуктов сталелитейного производства завода в Новой Гуте). Епархиальные округа (объединение из десяти и более расположенных по соседству приходов) финансировали паломнические поездки больных в Кальварью Зебжидовску и другие святые места Польши. Ослабленным людям в таких поездках помогали студенты колледжей, семинаристы и монахини. Епархиальное управление даже начало издавать специальный информационный листок «Полезная любовь» (впоследствии «Апостольство любви»), регулярно рассказывающий членам «бригад милосердия» об опыте и новых инициативах их коллег из других приходов. Войтыла требовал, чтобы в каждом приходе были организованы курсы для занимающихся благотворительной деятельностью и тех, кто собирался к ним присоединиться. В их задачу входило укрепление духовных сил первых и обучение необходимым навыкам вторых. Слушатели курсов и занялись организацией оздоровительных выездов нуждающихся горожан в сельскую местность. Войтыла регулярно посещал отдыхающих и служил для них специальные мессы. В ходе пастырских поездок по приходам он теперь обязательно навещал больных, проводил в местной церкви молебен об их выздоровлении и встречался с членами местной «приходской бригады милосердия». Кардинал всячески поддерживал возникшую в период между двумя мировыми войнами традицию ежегодно проводить в Польше Неделю милосердия. Более того, во время этой недели он стал выступать с обращениями, в которых ставил перед верующими епархии какую-нибудь особую задачу на следующий год. Так, 1968 г. был посвящен пожилым людям, 1969-й — работающим матерям, 1970-й — попавшим в беду детям и так далее.

7 мая 1965 г. по инициативе архиепископа Войтылы был проведен День страждущего, который с тех пор становится ежегодным. Посвященные ему памятные обращения и пятнадцать ежегодных пастырских посланий к немощным были направлены на вовлечение часто оказывающихся вне общества больных в полноценную жизнь. Кардинал призывал страждущих по возможности участвовать в жизни архиепископата и таким образом Польской и вселенской Церкви. Он подчеркивал, что и во время болезни,

как и в любой другой период жизни, люди должны думать о своем христианском долге.

Будучи человеком, чей интеллект и пастырские чувства целиком направлены на служение другим, кардинал Войтыла понимал, что центрами религиозной жизни являются не административные управления епархии, а ее приходы. Именно поэтому он проводил массу времени в длительных поездках, постоянно напоминая верующим, что приходская община — это не объединение католиков, в силу случайных обстоятельств живущих в географической близости друг от друга, а тот образ жизни, который в документах Второго Ватиканского Собора назвали «земной святостью».

Обычно, приехав в тот или иной приход, он оставался там на несколько дней. Отслужив мессу для всех членов прихода, он, как правило, проводил конфирмацию приходской молодежи. Старался он отслужить и специальную мессу для недавно обвенчавшихся молодых людей, благословляя при этом каждую пару персонально. Кроме того, Войтыла встречался со священниками прихода и живущими на его территории монахинями и учителями-католиками. Если там имелось кладбище, кардинал его обязательно посещал, справлял вместе с прихожанами поминальные часы, молясь за упокоение душ всех усопших и освящая новые могилы. В программу визитов входили также встречи с различными группами мирян, во время которых обсуждались проблемы, связанные с их работой, учебой и благотворительной деятельностью. По воспоминаниям участников таких встреч, Войтыла умел создать настолько непринужденную и заинтересованную обстановку, что длившиеся порою многие часы разговоры о весьма серьезных вещах пролетали совершенно незаметно.

Верующие епархии, конечно, понимали, сколько времени и сил тратит кардинал на встречи с ними, и чувствовали, что делает он это не только в силу должностных обязанностей. Войтыла стремился внедрить свое понимание христианского долга в каждый приход. Поездки по епархии и личные встречи с прихожанами были в этом незаменимы. Как сказал Войтыла в проповеди, прочитанной в 1976 г. в Римской Курии по случаю вхождения в Великий пост, посещение любого прихода дает уникальную возможность открыть специфическое проявление Духа Святого, дарованного каждому христианину при крещении.

АРХИЕПИСКОП НОВОГО ТИПА

Официальным центром епископской деятельности Кароля Войтылы был дворец, расположенный на Францишканьской, 3, в двух кварталах от огромной рыночной площади Старого города. Кабинеты сотрудников епархиального управления находились на первом этаже, личные апартаменты архиепископа, включающие его квартиру, молельню, кабинет и комнаты для приемов, — этажом выше. Войтыле они были знакомы еще со времен учебы в подпольной семинарии. Это были помещения с высокими потолками, на старинных паркетных полах которых была расставлена массивная деревянная мебель, а на окрашенных в мягкие пастельные тона стенах висели портреты краковских епископов и картины на сюжеты из истории Польши. Все это вместе призвано было говорить о солидности и могуществе располагавшегося здесь церковного владыки. Но апартаменты самого Кароля Войтылы были невелики. Состояли они всего из трех комнат: крошечной прихожей, почти таких же размеров личного кабинета и спальни, размеры которой позволяли вместить односпальную кровать, три шкафа, письменный стол и старый легкий стул. Над дверью, ведущей из прихожей в кабинет, висел портрет святого покровителя Войтылы Карло Борромео — блестящего пастыря-теолога, обеспечившего в XVI в. проведение «Тридентского собора» в Милане[1]. Кровать архиепископа Краковского покрывало видавшее виды одеяло, на котором лежала вышитая народными узорами подушка. Из фотографий в спальне находились только несколько снимков родителей Войтылы. Молельня, в которую вела большая каменная лестница с первого этажа, была по его распоряжению немного переоборудована — в ней соорудили отдельный алтарь и поставили простое распятие, хорошо знакомое Войтыле со времен учебы в подпольной семинарии.

Вставал архиепископ в пять или в половине шестого утра и первые два часа нового дня проводил один в молитве. Затем следовала общая месса с его секретарями и служащими епархиального управления (иногда на ней присутствовали и гости). После

---

[1] Борромео, Карло (1538–1584) — кардинал, архиепископ Миланский, один из лидеров Контрреформации в Италии, убежденный сторонник реформ в церковной жизни, инициатор выработки катехизиса и учреждения семинарий, автор теологических и литературных сочинений. Канонизирован в 1610 г. — *Примеч. ред.*

нее Войтыла завтракал на кухне и удалялся на два часа в молельню, где ежедневно работал с девяти до одиннадцати. Время с одиннадцати до часа дня было зарезервировано для приемов, причем кардинал считал себя обязанным принять каждого посетителя. Предварительной записи на прием не существовало. Любой пришедший к одиннадцати часам мог быть уверен, что увидит главу епархии. Войтыла выходил к гостям, приветствовал каждого и выяснял цель прихода, с поразительной точностью запоминая ответы. Затем он удалялся в кабинет и вызывал посетителей по одному или группами. Поскольку кардинал стремился поговорить со всеми, кто к нему пришел, ленч, к которому его ожидали в половине второго, часто начинался в два, а то и в четверть третьего. Суп остывал, и сидящие за столом помощники уже начинали беспокоиться, когда Войтыла появлялся в столовой и шутливо говорил:

— Кардинал прибыл на ленч в час тридцать. Похоже, ваши часы спешат.

Войтыла никогда не придавал большое значение пище, но вкус у него был отменный, и монахини, которые стряпали для него, славились умением приготовить лучший в Кракове бигос — традиционное польское жаркое.

Послеобеденное время и вечера также были расписаны по минутам: архиепископ принимал различных людей, посещал районы Кракова и его пригороды, читал и изучал различные документы. Телевизора у него не было, но он регулярно во время утреннего бритья слушал по маленькому приемнику передачи Польской службы радиостанции «Свободная Европа». Чтобы не терять время в ходе многочисленных поездок, Войтыла распорядился установить на заднем сиденье своего автомобиля лампу и нечто подобное письменному столу, благодаря чему по дороге на ту или иную встречу он мог читать и писать.

Его энергия поражала окружающих, и многие всерьез полагали, что она неистощима. Но сам Войтыла всегда очень четко рассчитывал темп работы и поэтому никогда не тратил на какое-то дело больше времени, чем требовалось. Очень помогала и свойственная ему редкая способность делать два дела одновременно — вести семинар и просматривать почту, например. К тому же, как он сам говорил, восстановить силы ему помогал активный отдых: лыжи зимой и прогулки на байдарке летом. Однако все, кто с ним работал, называют другой главный источник его сил и энергии — постоянные молитвы.

Войтыла вел очень простой и непритязательный образ жизни, и это был его абсолютно осознанный и добровольный выбор. У него никогда не было каких-либо личных фондов и даже счета в банке. Он полностью довольствовался тем, что предоставляла на содержание своего архиепископа епархия. Если во время его поездки по приходам священник или прихожанин вручал ему ценный подарок или деньги, он даже не распечатывал конверт, а в тот же самый день передавал его какому-нибудь нуждающемуся.

Сотрудников епархиального управления при Кароле Войтыле находилось не так много. Главными его помощниками были четыре епископа. Юлиуш Гроблицкий занимал эту должность при архиепископе Бажаке. Трое других — Ян Петрашко, Станислав Смоленьский и Альбин Малысяк — стали епископами-помощниками, когда епархию возглавил Войтыла. Петрашко был на девять лет старше своего архиепископа Именно он, будучи еще молодым священником студенческой церкви Святой Анны, организовал нечто похожее на то, что впоследствии развилось в знаменитое «Шродовиско». Иоанн Павел II всегда вспоминает о нем как «о великом проповеднике и учителе» и считает, что канонизация этого «глубоко верующего человека» является лишь вопросом времени. Смоленьский во время войны, когда молодой Кароль Войтыла жил в гардеробной кардинала Сапеги, уже занимал должность духовного руководителя Краковской семинарии. Старше своего начальника был и четвертый епископ-помощник Альбин Малысяк, родившийся в 1917 г. Следующими по рангу в управлении являлись генеральные викарии, исполнявшие согласно каноническим правилам функции заместителей епископов, курирующих конкретные сферы управления епархией. Кроме них, в управлении постоянно работали еще два епархиальных канцлера: один следил за соблюдением церковных правил, в сферу деятельности второго входили юридические проблемы, отношения с гражданскими властями, финансовые и административные вопросы.

Коллеги Войтылы по работе в епархиальном управлении говорят о его особом стиле руководства. Он управлял епархией примерно так, как вел семинарские занятия со своими учениками. Архиепископ, а затем кардинал Войтыла никогда не пытался заниматься мелкими управленческими проблемами. За них были ответственны подчиненные, и в рамках возложенных на них функций он предоставлял им полную свободу действий. Когда требо-

валось принять политическое решение, он внимательно выслушивал всех, очень осторожно высказывая свою точку зрения, стремясь добиться консенсуса. Но окончательную формулировку устраивающего всех решения он писал сам и делал это блестяще.

Войтыла полностью доверял своим помощникам, а потому всегда прислушивался к критическим замечаниям с их стороны. И они, чувствуя это, всегда были откровенны со своим начальником. Как-то, уже в последние годы пребывания на посту архиепископа, Войтыла направил отцу Анджею Бардецкому подготовленный для заседания Польского епископата проект документа о секуляризации. Бардецкому документ не понравился, и он отправил его назад со множеством замечаний; некоторые из них, как он потом признался, были сделаны в «грубоватой форме». Спустя какое-то время архиепископ вызвал священника и сказал:

— Полагаю, ты должен знать, Анджей, что этот текст писал лично я. Но ты прав, это не лучший проект. Видимо, я был очень утомлен, когда работал над ним.

По словам Бардецкого, невозможно представить, чтобы какой-либо другой епископ, узнав о столь резко негативной оценке своей работы одним из подчиненных, даже не намекнул о правилах субординации.

Но Войтыла умел и отстаивать собственное мнение перед сотрудниками своей администрации. Вспоминают такой случай, произошедший в период, когда возникла определенная напряженность между варшавской резиденцией Примаса и краковским Папским теологическим факультетом. Пытаясь отстоять свою точку зрения во время обсуждения какой-то связанной с этим проблемы, один из младших сотрудников управления — отец Тадеуш Перонек разгорячился и в заключение своей речи произнес:

— Ваше преосвященство, вы должны сделать это.

— Я не должен, — ответил кардинал.

— Но вы могли бы... — поправился рассерженный Перонек.

— Я не могу, — спокойно возразил кардинал.

— Можете! — продолжал настаивать молодой священник.

Войтыла неожиданно поднялся, снял нагрудный крест, отложил его в сторону и произнес:

— Итак, здесь управляете вы...

Ошеломленный отец Перонек замер на месте, забыв обо всех своих аргументах.

И все же, когда это было возможно, Войтыла всегда предпочитал обсуждать проблемы, а не выносить собственное реше-

ние в качестве окончательного. Вскоре после Второго Ватиканского Собора состоялось совещание краковских священнослужителей, на котором обсуждались предложения по обновлению обряда литургии. Речь зашла о том, обязательно ли, как этого требует польский обычай, принимать Святое Причастие, опускаясь на колени, или, в соответствии с последними веяниями, можно при этом стоять. Дискуссия сразу же разгорелась довольно жаркая, и обстановка накалялась все больше и больше. Все ждали, что скажет кардинал. Но он молчал, слушая, что говорят другие. Наконец, когда выступавшие слегка утомились, а эмоции поутихли, Войтыла поднялся, прошел на сцену и произнес:

— Как мне кажется, право на существование имеют обе точки зрения.

Сказать, какая из них, на его взгляд, более правильная, он отказался, поскольку это означало бы поддержку одной из сторон. Его убежденность в том, что даже в таком вопросе допустим плюрализм мнений, в конце концов погасила страсти и примирила разгоряченных пастырей.

Были, конечно, такие проблемы, которые, по его убеждению, обсуждению не подлежали. Чаще всего они касались взаимоотношений с властями. Здесь Войтыла забывал свой «семинарский стиль» руководства и сначала действовал, а уж потом говорил. Так было с созданием новых приходов, когда он заявлял об их фактическом существовании, чтобы добиться разрешения на строительство церкви. Существует и множество других примеров подобного образа действий главы Краковской епархии. Один из самых известных — установка памятника кардиналу Сапеге. Отлитая по распоряжению Войтылы бронзовая статуя пылилась в здании епархиального управления много дней, а разрешения на ее установку в Кракове все не поступало. В конце концов терпение Войтылы лопнуло, и он решил поставить ее перед зданием своей резиденции. Отдавая распоряжение об установке памятника, он мотивировал это тем, что сооружен он будет на земле, принадлежащей Церкви, а следовательно, специального разрешения властей не требуется. Статуя была водружена на постамент. В одну из суббот мая 1976 г. с памятника сняли покрывало, и он предстал во всем своем величии. Народу собралось немного — за неделю до этого власти запретили печатать набранное уже приглашение на церемонию открытия. Но и это Войтыла сумел использовать в интересах Церкви — краковская курия направила городским чиновникам еще одно заявление с просьбой разрешить установку

статуи кардинала Сапеги на улице Францишканьской, то есть там, где она уже стояла. Через несколько дней разрешение было дано.

Пожалуй, самой распространенной формой давления на священнослужителей со стороны правительства в Польше являлись непомерные налоги. Однажды к Войтыле пришел настоятель одного из приходов и рассказал, что при всем желании не в состоянии выплатить сборы, наложенные на него государством. Он просил у кардинала совета, что ему следует делать. Ответ был неожиданным — отправляться в тюрьму. Священник послушался. Но в тот день, когда он входил в кабинет тюремного начальника, Войтыла прибыл в его приход. Выступая перед несколькими тысячами собравшихся у местной церкви людей, кардинал объяснил, что произошло, и заявил, что до освобождения их пастыря принимает на себя исполнение его обязанностей. Священник был выпущен из тюрьмы немедленно.

Манера Войтылы вести внутренние дела епархии и общаться с правительственными чиновниками удивляла даже его ближайших помощников. Порою казалось, что он совершенно не анализирует свои поступки и не беспокоится о том, повлияют ли они на выполнение поставленных целей. То, что при этом у него все получалось, некоторые относили на счет его организаторских способностей. Но можно рассудить и по-другому: Войтыла является настоящим религиозным лидером, и его организаторские способности развились именно потому, что этого требовало пастырское служение. Цели, которые он ставил перед собой как пастырь, Войтыла всегда выполнял и, бесспорно, всегда искал кратчайшие пути к их реализации.

ВЫПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ ВАТИКАНА II И КРАКОВСКИЙ СИНОД

Уезжая на Ватикан II, Войтыла, конечно же, увозил в душе своей Краков и его историю. И в Риме он думал не только об обсуждающихся вопросах, но и о том, как перенести на родину сам дух Собора. Еще задолго до его окончания он решил организовать в Кракове синод. Решение это было вызвано не только желанием выполнить свой долг перед Вторым Ватиканским Собором, необходимость в чем он, по собственному признанию, ощущал постоянно. За ним угадывалось и нечто другое.

Идея созвать синод в своем городе вызревала у архиепископа Краковского постепенно. Скорее всего она зародилась в 1966 г. во время общенационального празднования тысячелетия принятия Польшей христианства, в котором он, как и все верующие его епархии, естественно, участвовал. Организовать торжества по случаю «Великой Новены» задумал еще кардинал Вышыньский в середине пятидесятых, находясь под домашним арестом. Он понимал, что именно участие в таком грандиозном событии должно помочь полякам возвратиться к вере, вспомнить о своем героическом прошлом и тем самым преодолеть постыдную политику польских сталинистов, старавшихся замалчивать все связанное с историей борьбы за независимость их родины. По окончании празднеств архиепископ Краковский пришел к выводу, что настала пора задуматься о будущем, а именно это и сделал Второй Ватиканский Собор.

Во второй половине 1970 г., когда Войтыла закончил обзор документов Собора «Источники обновления», решение было принято окончательно: чтобы приобщить епархию к духу Ватиканского Собора, следует провести нечто подобное в самом Кракове. Лучшая форма — синод епархиальных священнослужителей, являющийся, по сути, Собором местной Церкви. Поводом для его созыва могли стать торжества по случаю приближающегося девятисотлетия кончины святого мученика Станислава. Следовательно, завершить синод было бы неплохо к этим торжествам, то есть в 1979 г. Станислав был епископом Краковским в течение восьми лет. Примерно столько же, по мнению Войтылы, должен продолжаться и синод, а значит, его подготовительные заседания необходимо начать в 1971 г. Он знал, что епархиальные синоды, как правило, занимаются юридическими вопросами и чаще всего созываются клиром той или иной страны, чтобы законодательно оформить статус своей поместной Церкви. Но задуманный им форум должен был отличаться от других подобных собраний, как Ватикан II отличался от других Вселенских Соборов. Это будет пастырский синод, призванный передать священнослужителям и всем живущим в Краковской епархии опыт коллегиальной выработки решений по труднейшим проблемам, накопленный в ходе Второго Ватиканского Собора. Синоду предстояло заняться программными целями Краковской епархии, но главной его задачей являлось создание здесь подлинно христианского сообщества. Кардинал Войтыла стремился вдохнуть в Церковь Кракова дух святой жизни, превратив ее в новое апостольское движение. Это

и будет означать, что в Краков перенесена духовная атмосфера Второго Ватиканского Собора и люди начинают постигать ее. Причем это нисколько не противоречило историческим традициям Польской Католической Церкви, тысячелетие которой они только что отметили, а было напрямую связано с ними.

Во второй половине 1970 г. кардинал впервые обсудил идею созыва синода со своими ближайшими помощниками. Реакция была неоднозначной. Некоторые из участников совещания откровенно заявили, что не сомневаются в возможности проведения подобного форума. Знатоки церковных законов, в частности, напомнили, что созыв синода поместной Церкви невозможен по крайней мере до того, как Рим завершит работу над новым сводом канонических правил. Кардинал объяснил, что это не совсем так, поскольку синод будет рассматривать не юридические, а пастырские проблемы. Как обычно, он внимательно выслушал все выступления, в том числе и скептические. А именно скептических было в тот раз большинство. Но, видимо, не зря Станислав Смоленьский, духовный руководитель семинарии, в которой учился будущий кардинал, говорил, что Кароль Войтыла всегда отличался редкой способностью добиваться своего, несмотря ни на какие препятствия, в том числе и на те, «с которыми ранее никогда не сталкивался». После года подготовительной работы 8 мая 1972 г. в Вавельском соборе состоялось торжественное открытие синода, на который съехались представители всей Краковской епархии. Синод работал в течение семи лет под руководством Центральной комиссии во главе с епископом Станиславом Смоленьским. Кстати, в ее состав входил и упоминавшийся выше отец Тадеуш Перонек. Комиссия, ответственная за подготовку проектов решений синода, в перерывах между тринадцатью пленарными его заседаниями провела 119 встреч. Основные решения принимались, естественно, на пленарных заседаниях, в которых на равных участвовали делегации клириков и мирян епархии. По мере активизации работы синода начала действовать редакционная комиссия, которая корректировала проекты документов с учетом голосования на пленарных заседаниях. Система голосования была примерно такая же, как на Ватиканском Соборе. Участвующие в пленарных заседаниях имели право вынести следующие резолюции: «да», «нет», «да, но при условии внесения поправок». В отличие от Ватиканского Собора Центральная комиссия публично объясняла, почему в проект решения были внесены те или иные изменения, поправки или уточнения. Приня-

тые на Краковском синоде документы затрагивали практически все аспекты религиозной жизни епархии. Полная подборка документов занимала почти четыреста листов. Их было решено разделить на три раздела в соответствии с тремя ипостасями, в которых представал перед людьми Христос, — священник, пророк и царь. Эти же три ипостаси, согласно учению, изложенному в «Gaudium et Spes», должна воплощать в мире Церковь, являющаяся Телом Христовым. Воспользовавшись методом, опробованным Вторым Ватиканским Собором, организаторы Краковского синода смогли вовлечь в его работу тысячи католиков, живущих во всех уголках епархии. В отличие от других церковных форумов синод не стал начинать свою работу с подготовки проектов документов. Окончательных проектов не было даже два года спустя с момента его открытия. Зато было сформировано около пятисот групп по их выработке, которые для начала внимательно изучили решения Ватикана II и комментарии к ним, сделанные Войтылой в «Источниках обновления». Именно эти группы (кстати, участники почти пятидесяти из них продолжают встречаться до сих пор) стали сердцем и душой синода. Их численность и форма деятельности не регламентировались. Базой для некоторых стали монастыри, члены других собирались в Краковской семинарии, но большинство работало в своих приходах. В группах объединялись самые разные люди: священники и миряне, представители интеллигенции и рабочие, мужчины и женщины, молодежь и старики. Они просто собирались вместе, молились, изучали материалы Собора, сравнивали его решения с тем, с чем сами сталкивались в повседневной жизни, и предлагали пути их реализации в своей епархии. Результаты обсуждений делегаты доводили до сведения участников синода, рекомендуя принять соответствующие решения.

В принципе эти группы по изучению постановлений Ватикана II и были теми «communio», сообществами христиан, которые, по мнению отцов Собора, должны стать основой жизни Церкви. Именно благодаря деятельности таких групп учение Собора было доведено до всех католиков Краковского архиепископства, причем не как нечто отвлеченное, а как гармонично связанная с жизнью теория. Поэтому, когда в Риме было решено заняться разъяснением документов Ватикана II, в Краковское архиепископство не понадобилось приглашать экспертов со стороны. Живущие здесь католики к тому времени не только были хорошо знакомы с решениями Собора, но уже в течение нескольких лет

пытались применять их на практике в соответствии с местными условиями. Это было явной заслугой синода. Кроме того, именно благодаря проведению синода краковские верующие смогли избежать охвативших многие другие епархии трений и неурядиц, связанных с разногласиями в трактовке учений Собора. Здесь Собор был воспринят как религиозное явление, призванное усилить евангельские и апостольские начала жизни Церкви, а не как некое политическое событие, главным содержанием которого была борьба между различными группами церковных иерархов.

Кароль Войтыла покинул Краков до завершения синода (на заключительном его пленарном заседании 8 июня 1979 г. он председательствовал, уже будучи Папой Иоанном Павлом II). Но до отъезда в Рим он, как архиепископ Краковский, сделал все от него зависящее, чтобы его сограждане увидели Ватикан II в правильном свете, таким, каким задумывал его Иоанн XXIII, — новой Пятидесятницей, усиливающей веру и вдыхающей в Церковь силы, необходимые для решения стоящих перед современным миром задач. Доказательством тому может служить такой факт: в Краковском архиепископстве не нашли поддержки движения, направленные против решений Собора, такие, к примеру, как возглавляемое Марселем Лефевром движение традиционалистов. Не наблюдалось здесь, как в некоторых других странах, и расколов или надломов верующих, не сумевших правильно понять некоторые новые трактовки привычных для них понятий, данные Собором.

Очень многое дал синод верующим епархии и в плане гражданского самосознания. Они поняли, что в состоянии самостоятельно, без разрешения властей разработать и осуществить целую комплексную программу, включающую теоретические исследования и практические действия. Они поняли, что в любых условиях можно выработать независимое суждение о состоянии общества, в котором живешь. Священники и миряне, интеллигенты и фабричные рабочие убедились, что они могут успешно работать вместе. По сути, это и было то, что Ватикан II охарактеризовал понятием «communio», то, что антикоммунистически настроенные диссиденты государств Восточной и Центральной Европы позже назвали «гражданским обществом». Коммунистические аппаратчики практически ничего не могли противопоставить подобной форме интеллектуального сопротивления. То, что сотни людей могут добровольно собираться вместе только для того, чтобы обсудить какие-то церковные документы, и готовы тратить на это массу времени, просто не укладывалось в их головах.

СПОРЫ ВОКРУГ «HUMANAE VITAE»[1]

«Папская комиссия по изучению проблем семьи, народонаселения и уровня рождаемости» была создана Иоанном XXIII. Сменивший его на Престоле святого Петра Павел VI тоже ощущал потребность в советниках по этим запутанным вопросам и сохранил ее практически в том же составе и под тем же названием. Но большинство людей в мире называли ее «Папской комиссией по контролю над рождаемостью» и были убеждены, что создана она главным образом для того, чтобы разобраться, может или нет истинный католик «пользоваться противозачаточными средствами». В политизированной атмосфере, царившей в церковных структурах после окончания Ватикана II, этот вопрос превратился в своего рода лакмусовую бумажку, выявляющую «прогрессивно мыслящих» священников и «консерваторов». Высказываемые теми и другими аргументы все сильнее запутывали ситуацию, что негативно сказывалось на авторитете Папы. Не следует забывать, что происходило это в шестидесятые годы, когда западный мир ощутил зыбкость большинства привычных духовных и культурных ценностей. Новое поколение, подхваченное мощным течением сексуальной революции, бросало вызов всем прежним авторитетам. Проводить в такой обстановке дискуссию по моральным проблемам семейной жизни было крайне трудно, если вообще возможно. Тем не менее Павел VI посчитал своим долгом сформулировать точку зрения Церкви на столь злободневные вопросы. Сделать это он попытался в «Humanae Vitae», вошедшей в число энциклик, породивших наибольшее количество споров и разногласий за всю историю католической Церкви. В некоторых странах, прежде всего Северной Америки и Западной Европы, эти споры в дальнейшем привели даже к церковным расколам. Острая и противоречивая реакция на данный документ, видимо, была неизбежна. Но последствия, конечно же, могли быть не столь разрушительными, если бы Папа более внимательно прислушался к тому, что уже высказал по данной проблеме кардинал Войтыла.

По наиболее правдоподобной версии тех событий, клирики, назначенные Павлом VI в Папскую комиссию, практически сразу же разделились на два лагеря. Большинство доказывало, что классическая позиция католической Церкви, согласно которой

[1] Жизнь человека (*лат.*).

контрацепция изначально является аморальной, должна быть изменена. Меньшинство же выступало за незыблемость учения. В направленном Папе в мае 1966 г. меморандуме (с легкой руки журналистов он вошел в историю как «Доклад большинства») предлагалось рассматривать вопросы морали совместной жизни супругов, исходя из главного, для чего создается семья, а не превращать каждый половой акт в арифметическую проблему планирования. С этой точки зрения, использование как химических, так и механических противозачаточных средств было вполне допустимо, если семейная пара в принципе не отказывалась от детей. В альтернативном меморандуме, известном как «Доклад меньшинства», подчеркивалось, что любой отход от классических позиций католической Церкви недопустим. Использование каких бы то ни было противозачаточных средств, указывали его составители, есть попрание морали, ибо выводит на первый план в семейной жизни сексуальное удовлетворение, а не рождение детей. Составители этого меморандума настаивали, что, как учил Папа Пий XII, единственным нравственным способом ограничения рождаемости является так называемый «цикличный метод», основанный на приспособлении к естественным ритмам способности женщины забеременеть.

На протяжении почти двух лет Папа Павел VI пытался как-то сгладить противоречия двух противостоящих друг другу групп, каждая из которых прилагала массу усилий, чтобы перетянуть его на свою сторону. Считают, что именно с целью давления на Папу сторонники «Доклада большинства» намеренно допустили утечку информации. Уже в 1967 г. документ был опубликован прессой, и началось его обсуждение. «Прогрессисты» доказывали, что, если Церковь останется на позициях Пия XII, она окончательно лишится доверия молодых семейных пар, а затем и всего современного мира. Оппоненты, в свою очередь, утверждали, что «Доклад большинства» содержит массу на первый взгляд незаметных ошибок по ключевым понятиям морали, а потому его принятие в качестве основы религиозной доктрины может полностью подорвать авторитет католической Церкви. Самому Павлу VI тоже не очень нравились выводы «Доклада большинства» и взгляды на вопросы морали, который он отражал. Результаты его обнародования в конечном итоге оказались обратными ожидаемым. 25 июля 1968 г. Папа выпускает энциклику «Humanae Vitae», четырнадцатый раздел которой начинался так: ...исходя из первейших принципов гуманизма и христианской доктрины о браке, мы вновь

должны подчеркнуть, что такое начавшее распространяться явление, как прямое вмешательство в процесс зарождения новой жизни, не может быть оправдано стремлением регулировать количество детей в семье и должно быть категорически отвергнуто нами». Целый шквал критики, со всех сторон обрушившейся на эту энциклику, свидетельствовал, что точку зрения Папы на этот раз не разделяло беспрецедентно большое число католиков.

Зная архиепископа Краковского как автора работы «Любовь и ответственность», Павел VI ввел его в состав комиссии. Но присутствовать на июньском заседании, на котором была окончательно сформулирована выраженная в меморандуме точка зрения большинства ее членов, Войтыла не смог. Польские власти отказались выдать ему к этому времени заграничный паспорт, мотивируя тем, что официальный запрос о его получении подан слишком поздно. Войтыла тем не менее принял весьма активное участие в заочной дискуссии вокруг проблемы применения противозачаточных средств и внес целый ряд предложений в проект готовящейся «Humanae Vitae». Но вопрос их влияния на окончательный текст энциклики до сих пор вызывает массу споров.

В том же 1966 г. архиепископ Краковский создает собственную епархиальную комиссию по изучению вопросов, которыми занималась папская, и сам активно участвует в ее работе. Базой для экспертных оценок стал находящийся в стадии становления Институт изучения семьи. Итогом деятельности краковской комиссии стал подготовленный к февралю 1968 г. меморандум «Основы церковной доктрины о принципах семейной жизни». Ставший к тому времени кардиналом, Войтыла направил этот документ, переведенный на французский язык, Павлу VI как проект новой энциклики.

Как утверждает активно участвовавший в работе краковской комиссии отец Анджей Бардецкий, там рассматривались два проекта энциклики по вопросам семейной морали и регулирования рождаемости. Первый был подготовлен Святой канцелярией — официальным органом Ватикана, занимающимся вопросами церковной доктрины. Он сразу вызвал критику краковских теологов, ряд из которых прямо охарактеризовали его содержание как отражение позиций «упрямых консерваторов». Он представлял собой набор из множества папских высказываний по рассматриваемой проблеме, причем рассуждения Пия XII о возможности естественного регулирования семьи с помощью цикличного метода почти не упоминались. Альтернативный этому проект, подготовку ко-

торого, по мнению Бардецкого, инициировал немецкий кардинал Юлиус Депфнер, фактически целиком базировался на позициях составителей «Доклада большинства». С точки зрения краковской комиссии, в нем имелись серьезные теоретические ошибки в плане теологии морали. Так, доказывая необходимость комплексного подхода к семейным отношениям, когда каждая составляющая органична и неотделима от целого, а следовательно, моральна, немецкий проект, как и «Доклад большинства», даже не пытался разобраться в главном — зачем Господь дал людям сексуальное влечение? Таким образом, сам документ, подготовленный от имени Церкви, практически выносился за рамки христианской теологии.

Выбор предлагался довольно ограниченный: «упрямый консерватизм» или подрыв христианской теологии морали. Польских ученых-клерикалов не устраивало ни то ни другое. Меморандум краковской комиссии основывался на мыслях Кароля Войтылы, изложенных в работе «Любовь и ответственность». Это была попытка найти новый подход к проблемам морали семейных отношений и регулирования рождаемости в рамках классической позиции Церкви. Сделать это предлагалось на базе более полного философского осмысления христианского гуманизма, основные положения которого близки как верующим, так и неверующим.

Исходным пунктом в рассуждениях краковские теологи предложили самого человека — единственное существо, которому присуща мораль. При этом, как подчеркивалось в меморандуме, нельзя забывать о том, что мужчины и женщины не бесплотны, каждая человеческая личность представляет собой неразрывное единство души и тела. Никто не может сказать: «Моя душа — здесь, а тело — там». Любое обладающее свободой воли *Я* есть единство души и тела. Следовательно, и любые рассуждения о моральных аспектах жизни следует вести с учетом этого единства, непременно учитывая обе составляющие человеческой личности.

С этой точки зрения, в самом строении человеческого тела, в том числе и органов, ответственных за продолжение рода, заложен код, с помощью которого язык высших моральных правил переводится в понятия естественных механизмов природы. Человеку даны разум, с помощью которого он способен разгадать этот код, и воля, чтобы следовать заложенным свыше моральным заповедям. Понимание языка и правил морали человек проявляет во всем комплексе своих действий, включая соитие, которое слу-

жит и получению удовлетворения, и продолжению рода. Таким образом, сексуальность позволяет человеку одновременно выразить свою любовь и подарить жизнь другому человеку. Отрыв одного из этих аспектов от другого является нарушением заложенных в нас правил и вне зависимости от намерений мужчины или женщины приводит к унижению партнера, превращая его лишь в инструмент для получения удовольствия. Отсюда становится ясной роль верности и целомудрия. В них и проявляется добровольное дарение себя жены мужу, а мужа жене, в награду за которое им дается способность дать жизнь новому человеку.

К этой награде до́лжно и относиться соответствующим образом. Ни одно человеческое существо, призванное появиться на свет, никем не может быть лишено этого права. Но любящие муж и жена тем не менее могут договариваться о количестве детей. Регулирование рождаемости согласно меморандуму краковской комиссии в некоторых случаях является даже долгом супругов. Однако выполнять его они должны лишь с помощью методов, не унижающих человеческое достоинство как мужчины, так и женщины, в реализации которых они бы чувствовали себя партнерами, имеющими равную ответственность друг перед другом и Господом. Химические и механические средства прерывания беременности, равно как таблетки и различные приспособления, рассчитанные на долгосрочное предохранение от нее, прежде всего воздействуют на природу женщины и, следовательно, не отвечают этому критерию. Вопреки главному лозунгу сексуальной революции искусственная контрацепция освобождает только мужчину, позволяя ему смотреть на женщину свысока, а на физическую близость с ней — как на некую легкую игру, доставляющую ему удовольствие. Женщине же, чтобы «играть» в нее, приходится пользоваться различными не слишком приятными, а зачастую просто вредными «штучками». Единственным способом регулирования рождаемости, не унижающим человеческое достоинство ни одного из супругов и накладывающим на них равные обязанности, является, таким образом, метод использования естественных циклов женского организма.

Краковские ученые открыто признают в своем меморандуме, что воздержание, которое предполагает этот метод, является жертвой и даже «серьезным аскетическим усилием, направленным на подавление собственных потребностей». Поэтому в основу пропаганды необходимости периодического супружеского воздержания они предлагают поставить такие понятия, как «уважение к

любимому человеку и его телу, ответственное отношение к сексу». Молодым людям необходимо доказать, «что подлинное равноправие мужчин и женщин» может базироваться только на фундаменте «взаимной ответственности». При этом краковские теологи подчеркивают, что пастыри, стесняющиеся рассказывать молодым людям о возможности планировать количество детей в семье с помощью женских природных ритмов, по сути, нарушают свой долг, поскольку способствуют нездоровому ажиотажу вокруг сексуальных отношений, свойственному современному миру. Просто произносить даже самые горячие проповеди против половой распущенности и вседозволенности в наши дни уже недостаточно для исполнения пастырского долга в отношении молодежи. С другой стороны, призывы священника к целомудрию и супружескому воздержанию не будут услышаны, если не показать его неразрывную связь с исконными человеческими ценностями. А ведь именно эти ценности лежат в основе христианства, и донесение их до паствы является задачей пастыря. Конкретно в рассматриваемой сфере священнику как нигде могут помочь миряне — опытные, «прошедшие соответствующий инструктаж» семейные пары лучше любого клирика расскажут молодоженам о пользе периодического воздержания и объяснят, как правильно к нему подойти.

Отдельные элементы меморандума краковской комиссии вошли в «Humanae Vitae», но утверждение отца Бардецкого о том, что энциклика на шестьдесят процентов отвечает выводам польских теологов и самого Кароля Войтылы, выглядит явным преувеличением. «Humanae Vitae» затрагивает темы христианского персонализма, положительной составляющей сексуальной любви, чувства долга и персональной ответственности каждого из супругов в планировании семьи. Но энциклика не отражает концепцию подхода к проблеме отношений полов через личность человека в той полноте, в которой она представлена в меморандуме краковской комиссии. Отсутствие этого главного контекста привело к тому, что в «Humanae Vitae» упор делается не на человеческое достоинство и равенство мужчины и женщины как факторы, предопределяющие ответственность супругов за их сексуальную жизнь, а на юридические и биологические аспекты этой проблемы. Пастырю же в ней отводится роль некоего бесчувственного судии. Все это и дало основания для обвинений католической Церкви в том, что она так и не смогла до конца избавиться от влияния манихейской ереси с ее осуждением сексуальных отношений как таковых.

Предпринимались попытки доказать, что оба документа страдают одними и теми же пороками. Но если принимать во внимание то, что в энциклике отсутствует именно главное звено, вокруг которого строятся рассуждения краковских теологов, их вряд ли можно считать справедливыми. Ответы на специфический вопрос о приемлемых для католиков способах ограничения рождаемости, содержащиеся в «Humanae Vitae» и меморандуме краковской комиссии, действительно совпадают. Но меморандум дает куда более полное обоснование данной позиции, объясняя, что она базируется на уважении к личности человека, особенно к женщине.

Следует признать и то, что «Humanae Vitae» была обнародована в весьма неудачное время. 1968 г., характеризовавшийся нарастанием революционного энтузиазма, был не лучшим историческим периодом для спокойного и вдумчивого осмысления любых выступлений такого рода. Честно говоря, весьма сомнительно, что любое, даже самое удачное разъяснение классического учения Церкви о необходимости целомудрия в браке могло быть тогда услышано. В то же время призыв обратиться к естественным, «природным» методам ограничения рождаемости был сделан именно в тот момент, когда люди начали уделять повышенное внимание экологическим проблемам и понятия типа «природный», «натуральный», «естественный» начали приобретать в их сознании почти сакральный смысл. Теоретически «природные» способы планирования семьи должны были бы в этих условиях вызвать повышенный интерес. Но этого не произошло. Почему? Однозначного ответа не существует. Но представляется, что и здесь не последнюю роль сыграло отсутствие в «Humanae Vitae» четкого обращения к личности. Многие люди просто не смогли почувствовать, что предложенное учение касается непосредственно их.

Одним из бесспорных достоинств краковского меморандума является то, что предложенный им подход к этике брака адресовался не только католикам (тем более не только польским католикам), а людям вообще, вне зависимости от их религиозных убеждений. В «Humanae Vitae» выразить это не удалось. По сравнению с позицией «упрямых консерваторов» энциклика являлась, конечно, определенным шагом вперед, но очень маленьким шагом. В Кракове поняли, что изменения, произошедшие в самой культуре человечества, требуют новых форм объяснения людям необходимости классических принципов морали. В Риме не услышали этот вызов времени. В результате изложенные в «Humanae Vitae»

принципы были восприняты как слегка устаревшие, а то и вовсе как уже ненужные современному человеку.

Провал попытки привнести личностный аспект в католическую этику сексуальных отношений в сочетании с политизацией обсуждения этой проблемы после выхода энциклики серьезно ослабил усилия Церкви внедрить идеи христианского гуманизма в сознание современных людей. В своем первом после Ватикана II открытом столкновении с последствиями сексуальной революции, провозгласившей, что свобода есть полная независимость каждой отдельной личности от любой другой, Церковь заняла оборонительную позицию. Между тем, если бы «Humanae Vitae» полнее передала аргументацию краковского меморандума, действовать можно было бы более решительно. Предложенная Краковом позиция позволяла на равных вести разговор со светской интеллигенцией по самым животрепещущим вопросам.

КАРДИНАЛ — СТОРОННИК ДИАЛОГА

Генри Киссинджер считал «иллюзией то, что лидеры, набираясь опыта, становятся умнее». По его мнению, пребывание на высоком посту с его множеством ненужных представительских обязанностей скорее снижает интеллектуальный потенциал человека. Если правило Киссинджера и верно, то Кароль Войтыла представляет собой явное из него исключение. Возможно, потому, что, став в сорок два года капитулярным викарием Краковского архиепископства, он твердо решил не менее двух часов ежедневно посвящать интеллектуальной работе и с тех пор выполнял это решение неукоснительно. За время его епископского служения эти два часа, которые он проводил в одиночестве в своей молельне-кабинете, складывались в сутки и недели. Их результатом стали множество философских эссе и три книги, целый поток пастырских посланий и проповедей, а также несколько циклов стихов и пьеса. Кроме того, кардинал, имея крайне мало времени для встреч со студентами, с обязанностями профессора этики Люблинского католического университета не расстался.

Кароль Войтыла не соответствовал правилу Киссинджера еще и потому, что постоянно встречался и вел диалоги с самыми разными людьми.

Дискуссионные группы, которые он организовал, будучи еще молодым священником, продолжали регулярно собираться и тогда, когда он стал главой епархии. Ежи Янек курировал связи кардинала с медиками и другими представителями естественных наук, а через Ежи Цесельского и Станислава Рыбицкого поддерживались контакты с технической интеллигенцией. Все то время, пока Войтыла работал в Кракове, эти группы по 4–5 раз в год обязательно собирались в его резиденции. Встречи обычно продолжались весь вечер. Специальной программы не назначалось; как правило, их участники обсуждали последние события и привлекшие их внимание выступления прессы.

Особое внимание кардинал уделял историкам. Он обязательно встречался с ними в канун годовщин наиболее важных исторических событий, стараясь глубже понять их значение для Польши и Кракова. Тысячелетие принятия Польшей христианства стало поводом для проведения целой серии таких дискуссий. Не менее интересные исторические диспуты были организованы в связи с шестисотой годовщиной образования Ягеллонского университета и девятисотлетием пастырского служения в Кракове святого Станислава.

Тем более естественно, что архиепископ Краковский не прервал своих связей с философами, причем не только с преподавателями и студентами ЛКУ. Двери его дома всегда были открыты для представителей самых разных философских школ. Особое оживление в такие встречи вносила корреспонденция от Романа Ингардена, внимательно изучавшего все публикующееся на немецком языке по проблеме ответственности. Архиепископскую резиденцию на Францишканьской улице во времена пребывания в ней Войтылы постоянно посещали польские и зарубежные артисты, писатели и музыканты. Именно здесь останавливался во время работы над романом «Польша» автор бестселлеров американец Джеймс Миченер. Позже Войтылу попросили дать интервью для передачи, представляющей телесериал по этому произведению Миченера. Кардинал согласился. Более того, минут через сорок напряженной работы перед телекамерой он удивил всех присутствующих, неожиданно обратившись к автору:

— Ну как у меня получилось? Смогу я найти работу в Голливуде? Я ведь, да будет вам известно, в молодости учился на актера...

Литературой и театром Кароль Войтыла занимался постоянно. Когда власти в 1967 г. закрыли «Театр восторга», архиепископ

выступил с резким осуждением этого решения и потребовал у министерства культуры Польши его отмены. Поскольку протест остался без ответа, он помог Мечиславу Котларчику получить место преподавателя теории драматургии и искусства речи в Краковской семинарии и ЛКУ В 1974 г. Войтыла предоставляет свою резиденцию участникам научной конференции «Католицизм и романтизм в произведениях Зигмунда Красиньского».

— Проблемы, к которым обращался этот вызывающий столько споров бард польского романтизма, — подчеркнул кардинал, выступая перед ее участниками, — не потеряли своей остроты до сих пор.

Конечно же, мимо внимания собравшихся не могли пройти и слова Войтылы о самом главном произведении Красиньского — «Небожественной комедии» как о книге, заявляющей, что только христианская революция может избавить людей от чувства постоянной неудовлетворенности современностью.

Сотрудники редакций «Тыгодника повшехны» и «Знака», а также писатели, поэты и интеллектуалы, группировавшиеся вокруг этих изданий, тоже входили в круг людей, с которыми постоянно общался кардинал Войтыла. Польза от этого общения была взаимной.

— Я как друг Войтылы имею право утверждать, что «Тыгодник повшехны» оказал на него серьезное влияние, — говорил Ежи Турович.

Для Кароля Войтылы газета и журнал были инструментами, с помощью которых он мог донести до всех поляков свой взгляд на современную культуру и отношения, сложившиеся между Церковью и государством. Но при этом и «Тыгодник повшехны», и «Знак» были образцами абсолютно независимых изданий. Архиепископ встречался с их сотрудниками каждые два месяца и обстоятельно обсуждал все представляющие взаимный интерес вопросы. Позже, когда времени у него стало совсем немного, эти встречи стали менее регулярными, но проходили в прежней рабочей обстановке. Обычно сотрудники редакций приходили на Францишканьскую улицу к мессе, которую кардинал служил в часовне епархиального управления, и оставались там на обед. Разговоры затягивались надолго. Войтыла больше слушал, он вообще стремился прежде всего узнать, что думают другие, но в конце обязательно высказывал свои суждения по главным затронутым вопросам. Участники этих совещаний не помнят ни одного случая за все шестнадцать лет пребывания Кароля Войтылы на посту главы

епархии, когда бы он попросил их отменить публикацию какого-нибудь материала. «Не было даже намеков с его стороны, — подчеркивает редактор «Тыгодника повшехны» Турович. — Мы иногда просили совета, но сам кардинал никогда не пытался навязать свое мнение» относительно публикации материалов авторов или редакционных статей. Споры, безусловно, случались, но Войтыла обладал не так часто встречающейся у прелатов способностью работать с людьми, точку зрения которых разделял далеко не всегда. Например, он часто не соглашался с острой на язык Галиной Бортновской, которая, будучи сотрудницей «Тыгодника повшехны», постоянно критиковала консерватизм «церкви Вышыньского» — так в одной из статей она назвала объект своего пристального внимания. Войтыла был более высокого мнения о деятельности Примаса Польши, к тому же считал своим долгом соблюдать субординацию. Однако разногласия с молодой, серьезно интересующейся философией писательницей Бортновской не мешали дружескому к ней расположению. Лучшее тому подтверждение то, что именно ее он попросил отредактировать исправленное издание своего труда «Любовь и ответственность».

Затрагивались на совещаниях и политические вопросы. Поначалу редакторам, особенно Туровичу и Яцеку Возняковскому, было крайне трудно втянуть архиепископа в такие разговоры. Войтыла был убежден, что даже малейший намек на его вмешательство в проблемы местной политики может помешать пастырской деятельности. Комментарии по политическим вопросам, на его взгляд, являлись прерогативой Примаса Вышыньского. Возняковский и другие редакторы, в свою очередь, считали, что нельзя игнорировать такую важную сферу жизни епархии. Они доказывали, что, несмотря на засилье цензуры, архиепископ обязан просматривать местную прессу, хотя бы для того, чтобы понять, какую трактовку «новостей» и комментария к ним требуют власти. В конце концов Войтыла согласился и начал читать газеты. Возняковский вспоминает, что вскоре все были поражены, как быстро архиепископ, никогда прежде не интересовавшийся политическими проблемами, начал ухватывать их суть и запоминать основные аргументы и даже имена авторов. Через некоторое время он вновь отказался от чтения местных газет, довольно резонно посчитав, что все, что ему было нужно в них, он уже узнал. А вот стремление сотрудников «Тыгодника повшехны» познакомить его с современной литературой он всегда приветствовал. Более

того, перед летним отпуском архиепископ сам просил Туровского и его жену подобрать ему книги для чтения во время отдыха.

Несколько раз Каролю Войтыле пришлось выступать в качестве посредника, улаживающего разногласия между редакцией «Тыгодника повшехны» и кардиналом Вышыньским. Отстаивая право редакции на собственное независимое суждение, он одновременно призывал и сотрудников газеты попробовать взглянуть на проблему с точки зрения Примаса.

— Проблема эта — в разочаровании человека, поверившего в вашу любовь, — сказал он как-то во время одной из дискуссий по этому поводу. — «Тыгодник повшехны» горячо поддержал Вышыньского в 1953 году, и он, став Примасом, вообразил, что вы и впредь будете во всем следовать за ним. Но этого не случилось, и он, естественно, разочарован.

Возняковский позже отметил, что это был самый откровенный анализ столь щекотливой проблемы, который польский клирик когда-либо делал в разговоре с мирянами.

Властям «Тыгодник повшехны» был, как говорится, «будто кость поперек горла», а активное участие архиепископа в деятельности редакции вызывало еще большую злобу. Прямо предпринять что-либо против Войтылы коммунисты не могли, но его друзья иммунитетом против их мести, который дает высокий сан, не обладали и ощущали это довольно часто. Очередная кампания против «Тыгодника повшехны» началась в 1977 г. Поводом для нее стало то, что редакция осмелилась в неполном виде напечатать заявление тогдашнего польского партийного лидера Эдварда Герека после его встречи с Папой Павлом VI. Сотрудники «Тыгодника повшехны» ничего страшного в сокращении заявления не видели, резонно полагая, что раз оно уже опубликовано во всех официальных газетах, то им можно напечатать только наиболее важные части, сэкономив место для других материалов. Скоро выяснилось, что сами контролируемые коммунистами издания значительно сократили заявление Папы. Однако нападкам подвергся только «Тыгодник повшехны». В редакции начали опасаться, что истинная цель правительственной кампании не столько сама газета, сколько ее постоянный защитник Кароль Войтыла. Подтверждение этому не заставило себя долго ждать. Через несколько недель, 21 декабря 1977 г., отец Анджей Бардецкий, возвращаясь со встречи редакции «Тыгодника повшехны» и «Знака» с кардиналом, подвергся у самого дома нападению двух негодяев. Громилы, которые наверняка были подосланы службой безопас-

ности, если вообще не являлись ее штатными сотрудниками, ни с того ни с сего избили священника до бесчувствия. Кардинал Войтыла, навестивший его в больнице на следующее утро, сказал:

— Ты пострадал за меня. Это меня они хотели проучить, когда били тебя.

Очень важной составляющей интеллектуальной жизни кардинала Войтылы была работа в ЛКУ. Но недостаток времени ощущался все сильнее. Здесь тоже помогали друзья. К середине семидесятых текущими делами на кафедре этики и организацией семинаров для соискателей докторской степени занялись выдвиженцы Войтылы отцы Тадеуш Стышень и Ежи Галковский. Но будущие доктора регулярно приезжали в Краков на двухдневные семинары, которые вел кардинал-профессор. Расходы, связанные с подобными переездами студентов и преподавателей, оплачивались из созданного Войтылой фонда, куда он анонимно перечислял свое скромное профессорское жалованье.

16–17 декабря 1970 г. факультет философии ЛКУ организовал диспут по работе Войтылы «Личность и действие», который прошел очень бурно и привлек пристальное внимание польской интеллигенции. Дело в том, что многие коллеги Войтылы по факультету, в частности Мечислав Кронпек, Ежи Калиновский и Станислав Каминьский, выступили с критикой этой работы. Даже считавшийся первым учеником и последователем философской школы Войтылы Тадеуш Стышень не был уверен, следовало ли учителю целиком сосредоточиваться на проблеме нравственности, фактически не раскрывая методологию философского подхода к ней. В конце конференции кардинал дал устный ответ на прозвучавшую критику. Более развернутым и официальным ответом явилось его эссе «Личность: субъект и общество», опубликованное в 1976 г. Именно в нем он высказал предположение, что основу разногласий между ним и его коллегами, проявившихся в 1970 г. и сохраняющихся до сих пор, составляют не только философские вопросы. «Идеологические дебаты, которые не стихают в Польше вот уже двадцать лет, — писал Войтыла, — со всей очевидностью показали, что эпицентром их являются не вопросы космологии или философии природы. Острота дискуссии доказывает, что затронуты фундаментальные проблемы философской антропологии и этики, подходы к которым отражают различное понимание самой сущности человека».

Как бы то ни было, отношения между кардиналом и преподавателями и студентами ЛКУ всегда оставались самыми дружески-

ми. Когда заменивший Тадеуша Стышеня Ежи Галковский, ставший основным помощником Войтылы в преподавательской деятельности, решил жениться на Марии Браун (также бывшей студентке кардинала), вопросов о том, кто должен благословить их помолвку, у молодых не было. Конечно же, Кароль Войтыла. Он согласился с радостью. Проблема, однако, заключалась в том, что участие архиепископа в такой церемонии могло вызвать много ненужного шума. Решение было найдено довольно необычное. У родителей Марии была небольшая дача в местечке Свентокжиске, расположенном в районе горы Келце. Туда, слегка отклонившись от маршрута, и заехал архиепископ Краковский по пути в Варшаву на совещание польского епископата. В понедельник 6 июля 1964 г. он лично обвенчал молодых в маленькой церкви ближайшего селения Болимова. Хотя подобные «приключения, — как признал потом жених, — были совершенно не свойственны Каролю Войтыле». С тех пор кардинал обязательно навещал Галковских всякий раз, когда приезжал в Люблинский университет. Во время одного из таких визитов по-детски стеснительный маленький сынишка Галковских испугался священника и залез под стол. Войтыла не долго думая тут же присел к нему и ласково сказал:

— Что ж, если тебе нравится играть здесь, давай поиграем во что-нибудь.

Зная, что присвоение каждого нового научного звания требует утверждения в государственных инстанциях, отношения с которыми у него в семидесятые годы становились все более напряженными, Кароль Войтыла даже не пытался рассматривать свои новые работы как диссертации. Поэтому кафедру этики ЛКУ он возглавлял, будучи лишь доцентом, то есть имея низший ранг в преподавательской иерархии. Отец Кронпек, ставший в 1978 г. ректором университета, до этого был известен как главный критик работ Войтылы на факультете философии. Однако, несмотря на теоретические разногласия с кардиналом, он сразу же попытался что-то сделать в плане признания его научных заслуг. Именно Кронпеку удалось отыскать брешь в статусе университета — звание почетного профессора, решение о присвоении которого не требовало одобрения госорганов. Почетным профессором Люблинского католического университета и стал Кароль Войтыла. Кстати, формально он остается им и сейчас. Ведь, как выяснилось чуть позже, это звание имеет перед другими одно преимущество — оно является пожизненным.

Необходимо упомянуть и еще об одной сфере интересов Войтылы, где очень пригодилась его способность разговаривать и договариваться с самыми разными людьми. Это экуменизм — диалог между представителями различных ветвей христианства. Населенный в основном католиками Краков, правда, был не самым большим полем для экуменической деятельности. Тем не менее в городе имелись небольшие православная и лютеранская конгрегации и несколько общин маривитов — последователей небольшой группы раскольников, отделившихся в 1906 г. от католицизма. В январе 1963 г. епископ Войтыла принял участие в первой в Кракове экуменической службе в рамках «Кафедры Октавы единства» — восьми дней, с XII в. ежегодно выделяемых в ряде стран Запада для молитв за объединение всех христиан. Во время этой церемонии он произнес много добрых слов о монахах-протестантах из экуменической общины Тезе во Франции, с которыми он познакомился в Риме во время работы Второго Ватиканского Собора. Вечером того же дня в трапезной доминиканского монастыря, которая сохранилась почти в неизменном виде со времен средневековья, был организован ужин. На нем он сидел между лютеранским пастором и православным батюшкой, ни одному из которых до этого и в голову бы не пришло заглянуть в католическую обитель. В отличие от них приор монастыря чувствовал себя хозяином и, видимо, желая продемонстрировать свое «особое отношение к прибывшим братьям», начал приветственную речь с исторического экскурса.

— Вполне возможно, что за этим столом, — сказал он, — некогда сидели отцы-инквизиторы, а теперь здесь восседаем мы...

Епископ Войтыла, дождавшись, когда подадут цыпленка, решил немного подшутить над важным доминиканцем.

— Порою я с удовольствием ем цыпленка по-томистски, — произнес он, скопировав интонацию приора, — а порою с не меньшей радостью и экуменического...

Убежденность в необходимости христианского единства и терпимое отношение к представителям краковского протестантского меньшинства Войтыла проявлял не только во время официальных встреч, но и в повседневной жизни. Будучи молодым священником, а затем и епископом, он во время рождественских праздников хотя бы раз обязательно приходил на торжественный обед в дом Ежи Янека. Среди гостей, которые там собирались, всегда бывала пожилая лютеранка — первая преподавательница английского языка Янека. Она умерла в возрасте девяноста трех

лет, и Янек, узнав об этом, незамедлительно сообщил печальное известие всем, кто был знаком с ней, в том числе и Войтыле. Кардинал сразу же сказал, что хотел бы отслужить молебен за упокой души старой преподавательницы. Выяснив, когда будут похороны, он попросил Янека сходить на Гродскую улицу к протестантскому пастору и пригласить на мессу и его (сделать это лично Войтыла опасался, поскольку его появление на Гродской могло быть расценено как давление со стороны католической Церкви). Пастор пришел в архиепископскую часовню и сел на первую скамью вместе с членами семьи Янека. Вскоре появился Войтыла в полном кардинальском облачении. Но прежде чем идти к алтарю, он подошел к лютеранскому священнику и обнял его как брата во Христе.

ВУЕК ОСТАЕТСЯ ВУЕКОМ

«Шродовиско» по мере того, как развивалась церковная карьера Войтылы, не только не прекратило свое существование, а еще более расцвело, превратившись в часть его пастырской стратегии и живую традицию епархии. Всегда, когда это позволяли маршруты его поездок, архиепископ навещал друзей по «Шродовиско» и их семьи, служил для них мессы, произнося в заключение заранее подготовленные проповеди. Как минимум один день в году он отдыхал с этими людьми, приглашая их в рождественские каникулы к себе в резиденцию «вместе попеть песни». Друзья по «Шродовиско» приходили к нему посоветоваться по самым важным для них проблемам и при этом точно знали, что, если кардинал в Кракове, он обязательно их примет. А дружеская переписка велась непрерывно. Архиепископу сообщали о бедах и о радостях. Сохранилось трогательное письмо, написанное в начале шестидесятых годов Терезой Гейдель-Жичковской. Молодая женщина жалуется, что вот уже почти два года, с тех пор как родила близнецов, она практически не спит ночами. В ответе Войтылы чувствуется личная забота и ответственность пастыря:

> Дорогая Тереза,
> ты почему-то опасалась, что я не смогу прочитать твое письмо до конца. Так вот, я не только прочитал его, но и в течение нескольких дней постоянно думал о нем, не зная, что отве-

тить. Отрывочные мысли собрались в единое целое сегодня, когда я принимал обеты нескольких сестер. По письму я чувствую, что ты очень устала. И это, зная твои характер и нервную систему, неудивительно. Ведь ты по натуре рациональный человек, прежде всего стремящийся к четкому планированию своих действий. А в положении, в котором ты оказалась сейчас, энергии и навыков недостаточно. Требуется нечто иррациональное — обычные любовь и доброта. Тебе стоит попробовать смотреть на вещи проще, ведь многие проблемы в жизни разрешаются сами собой. Иногда человеку гораздо важнее просто отдохнуть, чем пытаться все время что-то делать. А малышам больше всего нужны любовь и забота матери. Тем более когда их двое. Вообще я понял, что за любовь всегда приходится чем-то расплачиваться. Но, с другой стороны, заплаченное ради любви обязательно возвращается нам сторицей. Это и есть доказательство того, что любовь неразрывно связана с Ним и Он живет в каждом ее проявлении.

Меня лично угнетает не столько повседневная работа, сколько то, что приходится порою делать много никому не нужных вещей. Жаль, что ты не сможешь участвовать в байдарочном походе. Но мы можем встретиться и поговорить в любое другое время.

Целую тебя, Мишеля и близнецов, доставляющих столько приятных хлопот родителям (особенно крепко — того проказника, который является моим тезкой). Вуек.

Ставшие традиционными еще на улице Канонича балы-утренники в канун Великого поста для детей участников «Шродовиско» устраивались и в резиденции архиепископа Краковского. Но когда малыши выросли, кардинал был первым, кто понял, что юношам и девушкам нужны уже настоящие вечеринки с танцами, и ежегодные детские балы «Шродовиско» «переехали» в дом Терезы Жичковской. После первого из них он написал в гостевой книге Жичковских: «Все так же, как тогда, когда в таком же возрасте были их родители. Другой стала только музыка. Вуек».

Старше становились, естественно, не только дети. В 1977 г. Юрек и Яся Янеки готовились отметить свою серебряную свадьбу. Войтыла обещал отслужить для них по этому поводу мессу в своей часовне. Но когда Янеки и несколько их близких друзей пришли в резиденцию архиепископа, их встретил расстроенный секретарь кардинала отец Дзивиш, объяснивший, что его патрон сильно простудился и у него сейчас высокая температура. Юрек, пожелав кардиналу скорейшего выздоровления, собрался было уходить, но Дзивиш остановил его:

— Нет-нет, вы меня неправильно поняли. Я хотел сказать, что месса будет отслужена не в часовне, а в личных апартаментах кардинала.

Когда они вошли в квартиру Войтылы, тот, уже соответствующим образом облаченный, поднялся с постели и начал читать молитвы. Отслужив мессу и благословив Янеков, он поздравил их, а затем сказал:

— А теперь извините, болезнь не позволяет мне дольше находиться с вами. Этот день мне придется провести в кровати.

Как-то само собой получилось, что с годами участники «Шродовиско» стали больше молиться и чаще разговаривать о серьезных вещах. Если раньше во время байдарочного похода они могли часами потешаться над юмористическими «Письмами баламута» К. С. Льюиса, то в 1975 г. возле костра велась серьезная дискуссия о природе зла и таинстве христианской жертвенности. В том году за очередной отказ участвовать в первомайской демонстрации был арестован «Гапа» Туровский. Прошедшие годы принесли много неприятностей и другим участникам «Шродовиско». Но, как ни странно, именно на фоне неприятностей сильнее ощущалась радость жизни. Поэтому много говорили и спорили о том, является ли жертва со стороны человека обязательной составляющей частью пути, предопределенного ему Господом.

Недовольство властей кардиналом Войтылой постепенно стало переноситься и на традиции летнего отдыха, зачинателем которых он был. В 1977 г., когда ежегодный байдарочный поход «Шродовиско» подходил к концу, в лагерь его участников неожиданно нагрянули сотрудники службы безопасности. Они появились практически сразу после отъезда Войтылы, начали проверять документы у всех присутствующих и задавали при этом один и тот же вопрос:

— Что это за большая машина только что уехала отсюда?

Ответы были столь же однообразны и звучали примерно так:

— Да, здесь была большая машина. Она приехала и уехала.

Никакой лжи, но одновременно и полное отсутствие информации. На следующий год, когда Вуек отправился в последний свой, как выяснилось потом, байдарочный поход, тактика, учитывая пристальное внимание властей, была еще более усовершенствована. Войтыла выехал на лимузине, за которым по пятам следовал «хвост» спецслужб. По главному шоссе шофер Войтылы ехал не спеша, усыпляя бдительность агентов. Но, подъезжая к заранее оговоренному месту, автомобиль кардинала резко увели-

чил скорость, оторвался от преследователей и свернул на одну из бесчисленных проселочных дорог, пересекавших раскинувшиеся вдоль шоссе поля. Неподалеку от поворота Вуек выпрыгнул и вместе с поджидавшим его Станиславом Рыбицким скрылся в ближайшей рощице. Через несколько минут лимузин кардинала вновь ехал по главному шоссе в сопровождении «хвоста», но уже в сторону Кракова. Почти такая же операция была проделана и в конце байдарочного похода «Шродовиско». И вновь сотрудники спецслужб ничего не заметили.

(Кстати, с блюстителями коммунистического режима происходили и более анекдотичные случаи. Например, однажды архиепископа Краковского, катавшегося на лыжах в Татрах неподалеку от границы с Чехословакией, остановил патруль. Войтыла, естественно, сразу же предъявил свои документы. Однако милиционер, просмотрев их, только усмехнулся.

— Да ты хоть знаешь, чьи документы украл? Идиот! — обругал он задержанного. — Их одних достаточно, чтобы надолго упрятать тебя в места не столь отдаленные.

Войтыла попробовал было протестовать, говоря, что он ни в чем не виновен и это его документы, но патрульный перебил его:

— Чтобы кардинал так катался на лыжах? Да ты за дурака меня принимаешь!

Войтыла, никак не ожидавший такого поворота в допросе, не нашел ничего лучшего, как заявить, что уж если кардинал решил покататься на лыжах, то делать это плохо ему совсем не пристало. Милиционер задумался, а пока он размышлял, подошел его начальник, и проблема была урегулирована.)

В 1970 г. Войтыла и его друзья по «Шродовиско» понесли тяжелую утрату. Ежи Цесельскому, занимавшему должность доцента Краковского политехнического института, неожиданно предложили читать курс лекций по инженерному делу в Хартумском университете, и он, естественно, согласился. Контракт был заключен на три года. 1969/70 учебный год он провел в Африке один, а в начале следующего привез в Судан жену Дануту и троих детей. В трагическую ночь с 9 на 10 октября 1970 г. туристическое судно, на котором он с детьми отправился в круиз, подходило к шестому каскаду Нила. Данута в это организованное для работавших в Судане иностранцев турне не поехала. Цесельский с двумя младшими отпрысками пошел спать в каюту, а старшая дочь Марыся осталась на палубе. Это и спасло ей жизнь. В результате ужасной катастрофы Цесельский, его сын и младшая дочь утону-

ли. Узнавшей об этом Дануте оставалось только ожидать, когда найдут их тела. Тем не менее мужественная женщина нашла в себе силы послать телеграммы друзьям в Краков, в которых просила поосторожнее сообщить страшную новость своему страдающему болезнью сердца отцу. Один из получивших телеграмму друзей Цесельских сообщил о гибели Ежи Войтыле, находившемуся в это время в Риме. После того как тела погибших были наконец найдены и кремированы, Данута и Марыся повезли прах хоронить на родину. Их путь лежал через Рим. Кардинал встретил женщин в аэропорту, предоставил машину с шофером, отслужил мессу за упокой погибших и попросил отложить похороны до его возвращения в Краков, чтобы он смог помочь в их организации. Данута согласилась, и останки Ежи Цесельского и его детей еще некоторое время находились на улице Францишканьской, 3. Захоронены они были на кладбище в Подгуже, неподалеку от Кракова. Во главе похоронной процессии шел сам кардинал, урны с прахом несли Станислав Рыбицкий, Здзислав Гейдель и другие друзья Ежи. Цесельского Войтыла называл «прирожденным учителем с задатками мистика». Этому человеку был всего сорок один год, когда он погиб. Войтыла лишился одного из самых близких своих друзей, и впереди его ожидало еще много таких потерь.

Кардинал Войтыла принял активное участие в подготовке подборки, посвященной памяти Ежи Цесельского, которая была опубликована в последнем номере «Тыгодника повшехны» за 1970 г. Он писал, что такие люди, как Цесельский, предвосхитили Ватикан II, поскольку их жизнь является примером повседневной святости, к которой призвали отцы Собора. Те качества, которые выделяли его среди многих других, имели своим источником веру. Вера была для него естественным мерилом поступков. Не случайно сам Ежи говорил, что «каждый человек должен стремиться к святости». В жизни его, подчеркивал кардинал, трудно найти моменты, когда он позволил бы себе «сделать перерыв» в исполнении вытекающих из этого правила обязанностей. Все, что ему приходилось делать, он старался делать во славу Господню, а приобретаемые опыт и знания рассматривались им прежде всего как элементы, которые смогут помочь избранному служению. Этот неординарный человек, любивший природу и бывший прекрасным спортсменом, обладал каким-то внутренним стержнем, ни при каких обстоятельствах не позволявшим ему отклоняться от правильного пути. Он никогда не сомневался, что семейная жизнь тоже является одной из форм служения. Наблюдение за тем, как

Ежи исполнял его и помогал исполнять другим, помогло Войтыле прийти к пониманию священной сути брачных отношений. Именно пример друга, Ежи Цесельского, вдохновлял архиепископа Краковского в работе над проблемами служения мирян, которой он уделил так много внимания на Ватикане II.

Не вызывает сомнений, что Войтыла мог бы стать таким же прекрасным главой семейства, как его отец. Но он избрал путь католического священника, а потому заложенный в нем родительский инстинкт мог реализоваться только каким-то особым способом. Это и произошло в организованном им «Шродовиско». По мере того как накапливался этот своеобразный опыт «отцовства», Войтыла почувствовал необходимость передать его другим с помощью поэтических и драматических образов. В результате появились его последняя пьеса «Сияние отцовства» (так и не опубликованная, пока он жил в Кракове) и поэтическое эссе «Размышления об отцовстве», вобравшее в концентрированном виде основные идеи этой пьесы. «Знак» напечатал эссе в мае 1964 г. под псевдонимом «А. J.» (Анджей Явень). По сути, пьеса и эссе представляли собой литературное и в то же время теологическое исследование феномена «Шродовиско».

Критики считают «Сияние отцовства» самой «технически» совершенной драмой Войтылы. Однако именно это делает ее довольно тяжелой для чтения. Автор наиболее полно реализует в ней свое давнее стремление соединить традиции европейских средневековых пьес-мистерий и «внутренний театр» Мечислава Котларчика. Сюжетная линяя играет в драме второстепенную роль, главное действие разворачивается в душах трех персонажей и выражается не столько их репликами, сколько пением хора.

В «Сиянии отцовства» Войтыла вновь обращается к своей излюбленной теме значения «закона дарения» в человеческом бытии. Путь главного героя — Адама к самопознанию превращается в мучительные поиски смысла своего существования. В конце концов он понимает, что, лишь позволив любви «завоевать себя» и став отцом, можно освободиться из «ужасного» плена эгоцентризма. Только «в сиянии отцовства» все предстает перед ним в истинном своем виде.

Как всегда, во «внутреннем театре» Войтылы присутствуют библейский и теологический аспекты. В пьесе «Сияние отцовства» выдвигается предположение о том, что Адам стал одиноким в Эдемском саду «по собственному свободному выбору». Этот акт ухода в себя, добровольное одиночество вместо того, чтобы да-

рить себя другому, и являются первородным грехом, груз которого остался в сердце каждого человека. Люди подсознательно понимают, что этот первородный грех не может стать основой истории человечества, и потому стремятся освободиться от груза одиночества. На выход из этой ситуации и указывает «сияние отцовства»: надо преодолеть сделанный нашим пращуром выбор, использовав данную нам свободу для того, чтобы подарить свою любовь, то есть себя, и тем самым стать другими. Мы должны преобразиться, утверждает своей пьесой глубоко верующий христианин Войтыла, подобно тому, как Бог воплотился в Христа. Сияние отцовства и продемонстрированное Господом воссоздание Себя в Сыне показывают нам путь к спасению от ужаса полного одиночества.

Самое противное человеку проявление одиночества — это смерть, о которой Войтыла также много размышлял. К семидесятым годам эти размышления о неизбежности кончины, видимо, вылились в нечто цельное, и он выражает их поэтически. На последнем этапе жизни — зрелости, пишет он, то, что было на поверхности, соединяется с тем, что хранилось в глубине, как воды моря соединяются с дном в единое целое. В зрелости душа доминирует над телом. На закате жизни мы ощущаем страх, но этот страх преодолевается любовью. Однако и в этом возрасте противоречия человеческой природы не исчезают:

И у того, чей возраст поздней осени сродни,
кто оказался на краю могилы,
Два чувства борются внутри, различные стремленья
порождая:
Зовет страх смерти обернуться к миру, тому, что было,
есть на этом свете,
Но есть еще любовь, она зовет к Нему, к Тому,
в ком есть спасенье,
В ком наша будущая жизнь.

Для верующего христианина смерть — это таинство Пасхи, кончины и Воскресения Христа. Одна сторона этого процесса нам хорошо знакома — каждый из нас видел переход от жизни к смерти. Но как происходит «обратный переход» от смерти к жизни? Это и есть тайна, записанная письменами, которые нам не дано прочесть до сих пор. Но Христос не только прочел их, но проверил их смысл на себе и вернулся из смерти к жизни. Да,

смерть означает исчезновение человека, но Человек Христос прошел через смерть и не исчез, и это дает каждому христианину надежду на то, что и он не растворится в небытии, а победит смерть. Эта надежда, живущая в душе каждого христианина, и предопределяет его образ жизни. И стихотворный цикл Войтылы, посвященный смерти, завершается молитвенным обращением к Богу:

Итак, с Тобою спаян я надеждой,
И без Тебя не мыслю бытия,
Ведь Ты даешь великую возможность спасти себя и в смерти.
Это значит благодаря Тебе я не исчезну,
А обрету лишь новое значенье,
И это все записано в Тебе...

МИРОВОЙ УРОВЕНЬ

В семидесятые годы Кароль Войтыла постепенно выдвигается в число лидеров международного католичества и становится одним из самых известных церковных деятелей в мире.

Его включение в коллегию кардиналов в 1967 г. предполагало более активное участие в международных делах католической Церкви, которыми он начал заниматься на Втором Ватиканском Соборе. Во время работы Собора его заметил Папа Павел VI. Многие считают, что уважение, которое вызвал у Папы молодой польский епископ, постепенно переросло в нечто подобное отцовской любви к нему. Это подтверждает и сам Войтыла; несколько раз он говорил, что Павел VI был для него «все равно что отец». 30 ноября 1964 г. архиепископ Краковский привез Папе альбом с фотографиями, снятыми во время церемонии коронации Богородицы Людзмежской. Павел VI, с интересом рассматривая фотографии, на которых было видно, как много людей собралось на этот праздник, тихо сказал стоявшему рядом секретарю:

— Да, это Польша! Такое могло состояться только там.

Незадолго до этого Папа послал в подарок для краковского костела Святого Флориана три колокола. Вначале они были задержаны на границе. Но потом, после переговоров с представителями Церкви, их все-таки разрешили ввезти, задекларировав как «музыкальные инструменты».

В середине шестидесятых польское правительство намекнуло Святому Престолу, что заинтересовано в появлении в Польше второго кардинала. В Ватикане понимали эту хитрость коммунистических дипломатов, за которой просматривается извечное стремление властвовать, разделяя. Власти надеялись, что сумеют вбить клин между новым кардиналом и Примасом Вышыньским, расколов тем самым единство Польской Католической Церкви. Представители коммунистического правительства к тому времени окончательно убедились, что молодой архиепископ Краковский «провел их», и, конечно же, не имели в виду его, поднимая в Риме вопрос о втором кардинале. Но у Павла VI имелось на этот счет собственное мнение, и новым членом коллегии кардиналов он назначает именно Войтылу. 29 мая 1967 г. об этом было объявлено официально. Но прежде чем отправиться к Престолу святого Петра, Войтыла принял участие в кампании протеста против закрытия «Театра восторга», дождался защиты докторских диссертаций студентов своего семинара и помощника в преподавательской деятельности Ежи Галковского и в течение нескольких дней молился в Кальварье Зебжидовской. В Рим он поехал через Вену, где навестил архиепископа австрийской столицы Франца Кёнига (того самого, который во время Ватикана II назвал его «умным мальчиком»).

Утром 28 июня в Сикстинской капелле Папа Павел VI вручил ему красную кардинальскую шапку. А днем Войтыла и его секретарь объездили весь Рим и его окрестности в бесплодных поисках другого необходимого атрибута гардероба князя Церкви — красных носков. В Краков новый кардинал вернулся 9 июля. Чтобы приветствовать его, у собора Святого Станислава собрались тысячи людей. Выступая перед ними, Войтыла подчеркнул, что рассматривает оказанную ему честь, как дар, посылаемый «Польской Церкви и прежде всего ее последователям, живущим в Кракове». Днем состоялся торжественный обед в епархиальном управлении. Тост за нового кардинала поднял профессор Адам Ветулани и при этом не удержался от того, чтобы повторить сказанное им девять лет назад. Он предложил выпить и за профессора Войтылу, которому «удалось собрать богатый урожай на ниве научной деятельности».

Кардиналы считались священниками Римской епархии, и за ними были закреплены «титульные» храмы. «Титульным» храмом Войтылы стала капелла Святого Чезаре в Палатио — небольшая церковь, расположенная в конце улицы Порта Латина. Кроме того,

кардиналы по должности являлись членами конгрегаций, или «советов» Римской Курии — подобия департаментов светских кабинетов министров. На заседания конгрегаций Войтыла в течение 1970 г. несколько раз приезжал в Рим. Но одним из самых известных представителей мировой католической иерархии периода после Ватикана II сделала его работа в Синоде епископов.

ВОЙТЫЛА И СИНОД ЕПИСКОПОВ

Создание Синода епископов было одной из мер, предпринятых Павлом VI для конкретного воплощения в жизнь теологических наработок Второго Ватиканского Собора. В «Догматическом уставе Церкви» было прямо записано, что католические епископы всего мира составляют «коллегию», членом и главой которой является епископ Рима. Войтыла был избран представителем польского епископата еще на первом заседании Синода, состоявшемся в 1967 г., но присутствовать на нем не смог по принципиальным соображениям. Дело в том, что польские власти, видимо, исходя все из той же своей политики «вбивания клиньев», не разрешили ехать в Рим кардиналу Вышыньскому, и Войтыла заявил, что не считает для себя возможным направиться туда без официального главы Польской Церкви. В 1969 г. членом первого «чрезвычайного», или «специального», заседания Синода кардинала Войтылу назначает уже сам Павел VI. На этом заседании предполагалось обсудить проблемы взаимоотношений Святого Престола и национальных конференций епископов, а также отношения между самими этими конференциями. Суть этих отношений в одном из своих выступлений на заседании лучше всех выразил именно Войтыла. Он подчеркнул, что принципы, на которых строится мировое сообщество епископов, следует искать в сакральной общине — communio. Такой общиной, а не подобием какого-то закрытого клуба для избранных, каковым считают его некоторые социологи, должно стать объединение епископов разных стран. В этой связи Войтыла выразил обеспокоенность тоном комментариев светской и даже католической прессы; их авторы искали в работе Синода политическую подоплеку, рассматривая его как инструмент, с помощью которого Рим собирается бороться с излишне независимыми национальными конференциями епископов. Такой подход не позволяет разглядеть суть Синода — то, что

он прежде всего отражает духовную реальность современной Церкви.

В повестку дня следующего заседания Синода в 1971 г. вошли два основных вопроса: роль священства и социальная справедливость. Выступая в дискуссии по вопросу о социальной справедливости, кардинал Войтыла настаивал на том, что она столь же немыслима без религиозных свобод, как и без решения проблемы нищеты населения. Он также заявил, что сам Синод допускает несправедливость, выслушивая выступления в основном только епископов западноевропейских и латиноамериканских церквей. Дискуссия по данному вопросу, предположил он, даст результаты только в том случае, если в ней примут участие представители всех регионов мира. Во время работы этого заседания Синода 17 октября Папа Павел VI объявил о беатификации Максимилиана Кольбе — францисканца, добровольно оставшегося в бункере Освенцима и умершего от голода вместе с другими узниками. 13 октября кардинал Войтыла провел пресс-конференцию на французском языке, в ходе которой объяснил, как он лично понимает значение пастырского подвига этого человека. Кольбе не просто пожертвовал жизнью ради братьев своих. Жертвуя собой, он доказал, что нет силы, способной сломить достоинство, данное человеку Богом, и тем самым придал мужества умереть достойно девятерым обреченным, находившимся рядом с ним. Дух христианского всепрощения и любви отца Кольбе разорвал, как сказал в заключение кардинал, дьявольские путы ненависти. На последнем заседании Синода 1971 г. Войтыла был избран в Синодальный совет — международный комитет, ответственный за выработку повестки дня следующей встречи епископов. Это свидетельствовало о безусловном признании авторитета кардинала Краковского и высокой оценке его деятельности братьями епископами.

Синод 1974 г. обсуждал проблему евангелизации в современном мире. Кардинал Войтыла, избранный представителем польского епископата, был назначен его «информатором», то есть ответственным за подготовку relatio — проекта заключительного доклада Синода, который предстояло вынести на голосование его участников. В ходе работы этого Синода, естественно, много говорилось о проблемах евангелизации в коммунистических странах и обществах, находящихся под сильным влиянием марксистских идей. Но основная дискуссия развернулась между западноевропейскими и латиноамериканскими епископами. Для тех и других

марксизм был, как говорил позже Войтыла, «занимательной абстракцией», а не «повседневной реальностью». Наивность их взглядов на обсуждаемую проблему и завела, по его убеждению, Синод в тупик. Готовя relatio, он попытался удовлетворить обе противоборствующие стороны. Но отцы Синода утвердить текст составленного на основе их же собственных выступлений документа отказались. Он был передан на доработку в специально созданную для этого комиссию. Та, бесплодно поработав некоторое время, в свою очередь, переадресовала материалы заседания Павлу VI, надеясь, что, возможно, хотя бы Папа сумеет что-то сделать. К удивлению многих, у Папы действительно получилось — подготовленное на основе материалов Синода апостольское обращение «Evangelii Nuntiandi» по праву считается одним из лучших документов, подписанных Павлом VI.

Неудача с подготовкой relatio не отразилась на авторитете Кароля Войтылы. Его переизбирают в Синодальный совет, в качестве члена которого он и приезжает в 1977 г. в Рим на заседание Синода по проблемам катехизации, или религиозного образования. В ходе его работы Войтыла делает несколько вызвавших серьезный общественный резонанс заявлений. Так, в одном из них кардинал Войтыла сообщил, что находящийся у власти в Польше режим стремится создать обстановку, в которой истинная катехизация стала бы невозможной. Причина в том, что коммунисты возводят атеизм в ранг новой государственной религии, а это в конечном итоге подразумевает полное отрицание религиозных свобод. В другой речи на этом Синоде кардинал Краковский коснулся роли личности проповедника религии. Он подчеркнул, что лучшими катехизаторами были и останутся святые, поскольку истинность религиозных идей они доказывают не столько словами, сколько собственной героической добродетелью.

Во время работы Синода 1977 г. резко ухудшилось состояние здоровья Павла VI, что не могло не отразиться на настроении участников заседаний. Иерархи Церкви понимали, что скоро им придется избирать нового понтифика. В течение четырех недель работы Синода и двухнедельного ad limina (паломнической поездки по апостольским местам, которую каждый епископ обязан совершать раз в пять лет) Войтыла в неофициальной обстановке говорил о будущем католической Церкви со многими из тех, кому предстояло избирать нового Папу, в том числе с кардиналами из Франции, Германии, Великобритании, Австралии, Италии, Со-

единенных Штатов и представителями Римской Курии. Епископы Синода в третий раз избрали его в том году членом Синодального совета. Такой чести удостаивается не каждый. Спустя десять лет после получения кардинальской шапки, в течение которых он спорил и договаривался со своими коллегами, Войтыла стал одним из самых уважаемых и известных католических иерархов мира.

ЗНАКОМСТВО С МИРОМ

Конец шестидесятых и семидесятые годы стали для Кароля Войтылы периодом интенсивного знакомства с теми частями света, где он ранее не бывал. В августе и сентябре 1969 г. он впервые посетил Канаду и США, чтобы воочию увидеть, как живут польские общины этих стран. Визит получился очень напряженным. 28 августа Войтыла прибыл в Монреаль, в течение последующего месяца посетил Квебек-Сити, Оттаву, Калгари, Эдмонтон, Виннипег, Торонто, Гамильтон, Лондон и Сент-Катаринс, затем пересек канадско-американскую границу в районе Ниагарского водопада и начал знакомство с Соединенными Штатами с Буффало и Нью-Йорка. Короткий отдых в Нью-Йорке — и вновь напряженное путешествие: за пятнадцать дней он посетил семинарию для американцев польского происхождения в Орчард-Лейк, штат Мичиган, побывал в Хартфорде, Новой Британии, Коннектикуте, Кливленде, Питтсбурге, Детройте, Бостоне, Вашингтоне, Балтиморе, Сент-Луисе, Чикаго, Филадельфии, Дойлстауне и Пенсильвании, которую назвал «американской Ченстоховой». Затем снова Нью-Йорк и перелет в Рим, где 2 октября должно было состояться заседание Совета кардиналов по вопросам отношений между священнослужителями и мирянами.

В Филадельфии Кароля Войтылу принимал американский кардинал польского происхождения Джон Крол. Войтыла имел возможность ближе познакомиться с ним в 1967 г., когда они почти одновременно получили кардинальские шапки и Кролу в связи с этим потребовалась помощь. Дело в том, что согласно польским обычаям каждый новый кардинал обязан посетить место, где он родился. Однако польские власти отказали Кролу в визе. Вместо него в отдаленную деревеньку Секерчина вызвался отправиться Войтыла. Причем добраться туда оказалось не так просто — дороги были занесены, и кардинал ехал в санях, кото-

рые тянула уставшая лошадь. Крол познакомил друга с учащимися Филадельфийской семинарии святого Карло Борромео. Архиепископ Краковский с особым интересом беседовал со студентами из афроамериканских семей, расспрашивая их об американском образе жизни, негритянских церквях США и о том, что привело их в католическую семинарию.

В феврале 1973 г. Войтыла отправляется в Австралию, представлять Польскую Церковь на Международном евхаристическом конгрессе, открывавшемся в Мельбурне. По пути он остановился в Маниле, где работал Международный евхаристический конгресс 1937 г., в котором участвовал его предшественник Адам Стефан Сапега. Войтыла был поражен великолепием филиппинской природы, которая, как он писал в опубликованном позже дневнике, каким-то странным образом напомнила ему родную Ченстохову. Еще три дня он провел в Новой Гвинее в гостях у живущих в этой стране польских миссионеров. В своем дневнике он сделал шутливое замечание о том, что «меланезийцы относятся к одежде совершенно не так, как мы, европейцы». Другое его замечание касается диалекта «пиджн инглиш». Людей, говорящих на нем, он впервые встретил в Новой Гвинее. Кардинал-полиглот признается, что никогда не думал, что можно говорить на этом странном наречии, всерьез полагая, что говоришь по-английски. Еще одно глубокое впечатление — танец, которым 9 февраля его приветствовали местные жители, после того как он отслужил мессу и пообедал с ними. «Эта своеобразная пантомима рассказывала о том, как на остров прибыл первый белый миссионер и как туземцы убили его». В Австралии Войтыла также не ограничился участием в работе Мельбурнского евхаристического конгресса. Он посетил польские общины Брисбена, Сиднея, Аделаиды, Перта, Канберры и Хобарта. Успел он съездить на три дня и в Новую Зеландию, где встретился с поляками, живущими в Веллингтоне. В каждом из этих городов он служил мессу, произносил проповедь для собравшихся на нее соотечественников, встречался с представителями властей, ветеранских организаций, польских культурных ассоциаций, посещал приюты, школы, больницы и монастыри. На одной из таких встреч в Канберре поляки — ветераны Второй мировой войны преподнесли ему в подарок стальную статую, которая потом была установлена в костеле в Новой Гуте. Часть стали была выплавлена из осколков, извлеченных из ран, полученных в боях дарителями. В Австралии Войтыла обнаружил ранее незнакомый ему мир, который очень понравился

ему своей открытостью, чистотой и тем, что в нем спокойно уживались вместе представители самых разных культур. В дневнике он признается, однако, что был несколько обескуражен здешним отношением к Церкви. Процедуре евхаристии здесь уделялось гораздо больше внимания, чем раскрытию значения Христа.

В апреле 1974 г. кардинал Войтыла едет в чешский город Литомержице на похороны кардинала Стефана Трохты, который десять лет провел в коммунистических застенках и восемь лет зарабатывал на жизнь в качестве простого рабочего. Церковь, в которой проводилось отпевание Трохты, была окружена плотным кольцом сотрудников чехословацкой секретной полиции. Войти в нее Каролю Войтыле и прибывшим вместе с ним кардиналам Берлинскому — Альфреду Бенгчу и Венскому — Францу Кёнигу разрешили, но их попытка принять участие в службе была категорически пресечена. В течение всей мессы Войтыла сидел на скамье вместе с другими, молча демонстрируя свое единство с чувствами прихожан, а в конце неожиданно подошел к гробу и произнес короткую, но проникновенную речь. Следящие за церемонией коммунисты были взбешены, но прервать кардинала не решились. Вечером Войтыла выехал в Рим, но в Вене сделал остановку и в посольстве Ватикана отслужил мессу об упокоении Трохты.

Войтыла не только много путешествовал, но и сам часто принимал гостей. Многие церковные лидеры стремились посетить Польшу прежде всего для того, чтобы встретиться именно с ним. В октябре 1973 г. в резиденции архиепископа Краковского гостил председатель Конференции епископов Германии кардинал Юлиус Депфнер, с которым Войтыла провел совместные молебны в Освенциме и Биркенау. На следующий год гостями Кароля Войтыла были кардиналы из Франции и Италии, а также епископы из Бельгии и Бурунди.

В 1976 г. международный аспект деятельности молодого польского кардинала еще более усилился — Павел VI пригласил его провести ежегодную церемонию вхождения в Пост (традиционное католическое мероприятие первой недели Великого поста) для Папы и членов Римской Курии. Времени на подготовку двадцати двух проповедей, или «конференций», которых требовало это приглашение, практически не оставалось. Дело в том, что Войтыла получил его в курортном местечке Закопане в польских Татрах, куда отправился покататься на лыжах. На базе отдыха он

находился с 9 по 15 февраля. 12 февраля к нему присоединился отец Тадеуш Стичен. С 20 по 25 февраля свои обязательные утренние часы в молельне Войтыла посвящает доработке речей, которые он подготовил в перерывах между лыжными прогулками в Закопане. 1 марта он уезжает в Рим, и там, уединившись в Польской коллегии, еще четыре дня работает над окончательной отшлифовкой текстов.

Собрания, посвященные вступлению в Пост, начались в Апостольском дворце 7 марта. Стоя у алтаря капеллы святой Матильды, кардинал Войтыла говорил перед высшими иерархами Римской Курии. Краем глаза он видел самого Папу, сидящего в маленькой комнатке за алтарем. Семидесятивосьмилетний Павел VI, несмотря на плохое самочувствие, и на этот раз не изменил своему обычаю носить под сутаной в дни Великого поста власяницу. Архиепископ Краковский начал выступление с напоминания о том, что он приехал из страны, где Церковь подвергается гонениям, но тем не менее в эти дни польские храмы не в состоянии вместить всех пришедших принять участие в церемонии вступления в Великий пост. Он рассказал о незабываемой атмосфере, царящей в молодежных лагерях отдыха движения «Оазис», выразив сожаление, что иерархи Церкви в силу возраста и других причин не бывали в подобных местах. Находясь рядом с этими юношами и девушками, использующими каникулы для того, «чтобы переосмыслить свою жизнь и сделать еще один шаг к пониманию Бога», начинаешь по-новому смотреть на то, что происходит в современном мире.

Готовясь к этим выступлениям в Риме, Войтыла постарался затронуть в них темы, обсуждавшиеся на Краковском синоде. В качестве отправного пункта рассуждений он избрал строки «Gaudium et Spes» 22, которые считал концентрированным выражением теологической концепции Ватикана II: «...и только через понимание таинств мира можно подойти к правильному пониманию тайны человека». Раскрыть эту мысль, составляющую основу христианского гуманизма, Кароль Войтыла решил, как и на Краковском синоде, через три аспекта земного служения Христа — как пророка, как пастыря и как царя духовного, которые продолжают исполнять и члены основанной Им Церкви. Кардинал Краковский показал, как эти составляющие жизни христианина трактуются в различных литературных памятниках: Старом и Новом Заветах, произведениях Отцов Церкви, современных философов,

теологов и литераторов. То, какую великую победу одерживает каждый человек, обращающийся к Христу, Кароль Войтыла проиллюстрировал цитатами свв. Иринея, Августина и Фомы Аквинского; Мартина Хайдеггера и Поля Рикура, Анри де Любака и Карла Ранера, Ганса Кюнга и Вальтера Каспера, строками из «Ночного полета» Сент-Экзюпери и «Потерянного рая» Милтона. Говорил он и о собственном опыте человека и пастыря, и о том, что узнал о «царском пути» и достоинстве человеческой личности, исповедуя своих прихожан.

— Как только осознавший себя грешным человек опускается на колени для исповеди, он уже становится более достойным как личность, — предположил кардинал. — Вне зависимости от того, какая тяжесть лежит на его душе и сколь сильно он унизил себя своими прегрешениями, сам акт нового обращения к Богу чудесным образом возвышает его. В этом великом преобразовании — духовном возвышении человека, в том, что ему единственному дано право личного общения с Господом, и заключается главный смысл исповеди.

Краковские друзья Войтылы вспоминают о сильнейшем впечатлении, которое произвела на польскую интеллигенцию эта проповедь, опубликованная позже в «Знаке». Художник Станислав Родзиньский, например, утверждает, что неожиданно обнаружил в ней четкое теологическое обоснование того, что он подсознательно пытался выразить в своих произведениях: трагедию современного мира, запутавшегося в попытках обрести гуманизм, не задумываясь об истинных причинах духовной жажды человека. Реакция некоторых членов Курии была совсем иной. Они понимали, что перед ними выступает обладающий даром слова пастырь, который смог бы вести разговор о христианстве с современным миром в форме двустороннего диалога. Они не исключали, что чувствительный к таким формам общения мир, возможно, захочет видеть на Престоле святого Петра именно такого человека. Однако они были уверены и в том, что последнее невозможно.

Спустя четыре месяца после церемонии вступления в Великий пост Кароль Войтыла совершил еще одно путешествие в Соединенные Штаты. На этот раз он отправился туда на шесть недель, чтобы принять участие в Международном евхаристическом конгрессе, проводимом в Филадельфии в рамках празднования двухсотлетия образования США. Первым пунктом его визита был

Бостон, где он должен был прочитать лекцию для слушателей ежегодно проводимых здесь семинаров Гарвардской летней школы. Войтыла уединился в расположенной под Бостоном школе святого Себастьяна, чтобы подготовиться и попрактиковаться в английском языке. Через несколько дней в переполненной аудитории огромного Эмерсон-холла он читает лекцию на тему «Участие или отстраненность». Директор Летней школы Томас Крук вспоминает, что был потрясен манерой изложения, продемонстрированной «этим блестящим человеком». После лекции он устроил в честь Войтылы прием в гарвардском Леман-холле. Крук приветствовал кардинала, стоя на лестнице, ведущей в здание. Повернувшись к нему, он сказал, что быть князем Церкви в коммунистической стране именно такому человеку — это большое счастье.

— Я согласен, — просто ответил Войтыла, видимо, вспомнив о возрастающей напряженности в своих отношениях с польским правительством.

Один из самых известных политологов Колумбийского университета и будущий помощник президента США Збигнев Бжезинский, который, по собственному признанию, «не считал, что в его должностные обязанности входит участие в приемах польских епископов», в это время отдыхал в Мэне. Однако «по каким-то причинам», которые, как он пишет, «не понятны ему до сих пор», он все-таки решил принять приглашение приехать «на чай с Войтылой» в Кембридж и не пожалел об этом. Архиепископ Краковский произвел на него неизгладимое впечатление сочетанием «интеллигентности и спокойной силы».

Еще три дня Войтыла провел в Вашингтоне, где выступил с серией лекций в Католическом университете Американской школы философии, и наконец прибыл в Филадельфию. На время работы евхаристического конгресса он вновь остановился в семинарии святого Карло Борромео. Те, кто находился там в это время, вспоминают, как кардинал, не обращая внимания на протокольные нормы, запросто расхаживал по коридорам семинарии и заходил к ее преподавателям, чтобы поговорить о религиозной ситуации в Соединенных Штатах. Для обсуждения на конгрессе был избран вопрос «Святое Причастие и духовная жажда человеческой семьи». 3 августа Войтылу попросили произнести проповедь на тему «Святое Причастие и человеческая жажда свободы». Он говорил о двухсотлетии независимости США, о том, что вклад в освобож-

дение Америки внесли и такие польские патриоты, как Тадеуш Костюшко и Казимир Пулаский. При этом кардинал подчеркнул, что свобода, на его взгляд, является не только даром, но и проверкой зрелости общества, которая воплощается в его готовности сосредоточить все свои усилия на поиске истинного добра. А истинное добро есть любовь. Такие рассуждения некоторыми из присутствующих были восприняты как критика, и позже они выражали недовольство выступлением архиепископа Краковского. К сожалению, это был не последний раз, когда американцы не поняли Кароля Войтылу.

Во время последовавшего за Международным евхаристическим конгрессом турне он все чаще испытывал чувство беспокойства за состояние американского общества. Эта поездка была непродолжительной, но очень насыщенной. Войтыла побывал в Чикаго; Стивенс-Пойнте, штат Висконсин; Балтиморе; Детройте; Орчард-Лейк, штат Мичиган; Грейт-Фоллсе и Гейзере, штат Монтана; Лос-Анджелесе и Сан-Франциско. Его друзья из «Тыгодника повшехны» вспоминают, что в рассказах Войтылы об этом турне чувствовалось «разочарование» американской культурой, особенно проявляющейся в ней тенденцией сводить свободу к позволению заниматься всякими пустяками. Возможно, его также возмущали свойственные американскому обществу в период после вьетнамской войны потеря интереса и даже полное безразличие к международным проблемам и угрозе стремлению человечества к свободе, которую заключала в себе агрессивная атеистическая идеология. Его мучил вопрос, понимают ли американцы и их лидеры, что главное направление в борьбе, которую ведет человечество за сохранение человечности в современном мире, определяется позицией Церкви и ее противников, последователями евангельского учения и теми, кто отрицает его? Войтыла никогда не сужал эту великую, проходящую на протяжении всей мировой истории борьбу, предопределенную, по его убеждению, Святым Провидением, до рамок противоборства коммунистов и сторонников демократии. Он понимал, что борьба между истинными и фальшивыми человеческими ценностями происходит и в демократическом обществе. Это, конечно, не означало отрицания того, что наиболее ярким проявлением кризиса, с которым столкнулась мировая цивилизация в XX в., является коммунизм. Данную истину он прочувствовал на собственном примере и имел возможность убедиться в ней в очередной раз сразу же по возвращении домой.

ЗАЩИТНИК

Вопреки мнению некоторых историков противоборство Церкви и коммунистических властей Польши носило характер не отдельных стычек, а тотальной войны, не прекращающейся ни на один день. Вопрос всегда стоял так: «мы или они?», «они нас или мы их?» Как позже заметил Папа Иоанн Павел II, дело было в том, что «коммунисты претендовали не только на политическую власть. Они хотели гораздо большего — стать единственными выразителями самого духа польского народа». Церковь была естественным и главным препятствием в осуществлении этой цели, и коммунистам ничего не оставалось, как «делать вид... будто ее вовсе не существует». Людям, живущим на Западе, привыкшим мыслить категориями общественных соглашений и компромиссов, крайне трудно понять суть этого противоборства. Речь шла не о каких-то отдельных расхождениях, которые можно урегулировать с помощью той или иной юридической процедуры. Развернувшаяся борьба могла завершиться либо полной победой, либо полным поражением.

Кароль Войтыла допускал, что в марксистской критике раннекапиталистического общества содержатся зерна истины. Он понимал, что многие коммунисты являются искренними патриотами Польши, пусть и со своеобразными взглядами. Но развитие ситуации в Кракове зависело не от таких членов партии. Диалог между христианством и марксизмом в Польше был невозможен прежде всего потому, что польские коммунисты никогда не были настолько уверены «в собственных принципах, а тем более в реакции своих советских хозяев, чтобы вступить в теоретический спор с кем-либо». С годами в своем стремлении удержаться у власти они все в большей и большей степени делали ставку «не на философов, а на полицейских». И проявлялось это в таких формах, которые для архиепископа Краковского, самого рьяного защитника религиозных свобод на Ватикане II, были совершенно неприемлемы. Выступая в 1977 г. в Риме на посвященном проблемам религиозного образования Синоде, он сказал:

— ...можно понять человека, который что-то ищет и не может найти; можно понять, что кто-то отрицает то, что считаем истиной мы; но не поддается пониманию то, что человек перестает верить только потому, что ему кем-то запрещено верить.

Середина семидесятых в Польше ознаменовалась усилением борьбы с инакомыслящими, которая велась как с помощью мел-

ких уколов, так и ничем не прикрытого давления. Польских учащихся заставляли зазубривать псевдопоэтические вирши, например, такие: «Единица — вздор, единица — ноль, один, даже если очень важный...»[1] Выборы в органы студенческого самоуправления стали напоминать игры родителей с малолетними детьми с поправкой на то, что родители должны были обязательно быть приемлемы для режима. Юбилеи мало кому понятных событий типа сорокалетия Общества советско-польской дружбы или создания участвовавших в гражданской войне в Испании интербригад стали проводить с необычайной пышностью, наподобие античных языческих торжеств. Любая некомпетентная, но политически выдержанная писанина заведомо получала более высокую оценку, чем что-то стоящее, но аполитичное. Многие способные молодые люди лишались возможности поступить в университеты только потому, что их родителей подозревали в каких-то политических прегрешениях. Естественно, нервозность и раздражение властей не могли не отразиться и на Церкви. Полицейские агенты постоянно пытались установить подслушивающие «жучки» в резиденции архиепископа на улице Францишканьской. Не успевала машина Войтылы выехать за ворота, как за ней тут же увязывался «хвост». Были и более явные предупреждающие сигналы, как, например, избиение агентами службы безопасности пожилого священника отца Бардецкого.

Обстановку, которая сложилась к тому времени в Польше, очень точно охарактеризовал Вацлав Гавел, назвав ее «культурой лжи». Этой лжи Кароль Войтыла противостоял уже в силу своего жизненного опыта и воспитания. Он жил в стране, заявляющей о себе как о «государстве рабочих». Но он сам не понаслышке знал, что значит зарабатывать хлеб своими руками, всегда интересовался жизнью рабочих и поддерживал связи с простыми людьми. Его любимым поэтом всегда оставался Норвид, который в своих стихах старался выразить духовный мир трудящегося человека. Дружеские отношения, сложившиеся за много лет с членами «Шродовиско», позволяли ему в мельчайших деталях знать, чем интересуются и живут изо дня в день самые обыкновенные граждане Польской Народной Республики. Это знание реальной жизни человека в обществе, основанном на лжи, заставляло его бросить вызов коммунистам, а свойственная ему активная позиция

[1] Цитата из поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин». — *Примеч. ред.*

предопределила его роль, как одного из организаторов культурного сопротивления режиму. Ни один противник не мог обвинить архиепископа Краковского в том, что тот плохо осведомлен о происходящем за стенами его резиденции. Кароль Войтыла слышал и видел больше, чем многие его оппоненты. Он почти физически ощущал то, что в письме к Анри де Любаку назвал «бедствием нашего времени», — непрестанное ущемление человеческого достоинства. Это зло, с которым он не мог смириться ни при каких обстоятельствах, было постоянной причиной его переживаний.

К тому же он ощущал себя хранителем и продолжателем традиций архиепископов Краковских, которые одной из своих главных задач всегда считали защиту всех живущих в епархии. Его занимающие высокие посты в правительственных структурах оппоненты могли считать это глупой мистикой и пустой болтовней. Но Войтыла жил этим, он следовал этим традициям, был воспитан на них родителями и Церковью. Уже одно это превращало его в своеобразный символ, заставляло живущих рядом людей выражать недовольство сложившимся между Церковью и властями странным статус-кво. Но были еще маленькие и большие дела, проведенные с разрешения властей и без оного демонстрации. Строительство новых церковных зданий и массовые религиозные процессии, организуемые архиепископом, стали реальным проявлением растущего духовного противостояния поляков попыткам коммунистов монополизировать не только политическую власть, но и право трактовать историю Польши. Эти акции поднимали тысячи людей на борьбу против действий режима, направленных на «измельчение уникальных ценностей, составляющих духовную основу каждой человеческой личности».

Но по мере нарастания этой борьбы Каролю Войтыле, как одному из ее лидеров, пришлось столкнуться с недовольством некоторых представителей Ватикана, обусловленным новыми дипломатическими инициативами Святого Престола.

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ПАПЫ ПАВЛА VI

Через четыре дня после открытия Ватикана II в Риме стало известно, что американский самолет-разведчик У-2 зафиксировал появление на расположенной в пятидесяти милях к югу от

Гаваны кубинской военной базе Сан-Кристобаль советских ракет среднего радиуса действия, способных нести ядерные боеголовки. На Папу Иоанна XXIII и являющегося де-факто «министром иностранных дел» Ватикана блестящего знатока дипломатической тактики Агостино Касароли кубинский «ракетный кризис» произвел шокирующее впечатление. Результатом этого стал форсированный пересмотр Восточной политики Ватикана и всего комплекса отношений Святого Престола с коммунистическими режимами Восточной и Центральной Европы. Когда Папой стал Павел VI, этот процесс пошел еще интенсивнее.

Позицию Иоанна XXIII, Павла VI и архиепископа Касароли не следует рассматривать исключительно как реакцию на текущие международные события. Все трое считали, что наложенный Папой Пием XII запрет на контакты с коммунистами уже давно начал утрачивать свою актуальность, поскольку значительно ограничивал возможности ватиканской дипломатии. Пробные попытки наладить диалог с Советским правительством предпринимались еще до кубинского кризиса. Святой Престол зондировал возможность получения разрешения на деятельность в СССР католических епископов, а делегация Русской Православной Церкви присутствовала на Втором Ватиканском Соборе. Призывающая к миру во всем мире энциклика «Pacem in Terris», выпущенная Иоанном XXIII в апреле 1963 г., встретила весьма положительную реакцию в странах советского блока. Вступивший на Престол святого Петра через несколько месяцев после этого Павел VI практически сразу продемонстрировал желание достроить фундамент диалога, заложенный его предшественником.

Первой серьезной проверкой новой Восточной политики Ватикана стало празднование в 1966 г. тысячелетия принятия Польшей христианства, точнее, попытка Папы Павла VI принять участие в организованных в связи с этим событием торжествах. Касароли инкогнито, в деловом костюме и галстуке прибыл в Польшу и провел переговоры о возможности организации визита Папы. Представители польского правительства, с которыми он встречался, напрямую не отказали, но поставили ряд практически невыполнимых условий. Так, Папе было предложено прибыть не в Варшаву, а во Вроцлав и тем самым как бы освятить новые границы между Польшей и Германией. Кроме того, польские власти настаивали, чтобы присутствие кардинала Вышыньского рядом с Папой в ходе визита было сведено к минимуму. Когда Касароли объяснил, что Папа не может на это согла-

ситься, было предложено ограничить визит 24 часами, в течение которых Папа посетил бы Ченстохову, отслужил бы там вечернюю мессу, а утром вылетел назад в Рим. По сути, это был практически неприкрытый отказ. Польское правительство блокировало инициативу Ватикана, и его посланец уехал ни с чем.

Но Касароли не был бы Касароли, если бы сказал окончательное «нет». В 1967 г., когда обстановка немного разрядилась, он вновь приезжает в Польшу, на этот раз официально — для консультаций с польскими епископами, в том числе с кардиналом Краковским Войтылой. Власти, резонно рассудив, что представитель Святого Престола должен услышать о происходящем в стране не только от Примаса Вышыньского, но и других иерархов Польской Церкви, такие контакты только приветствовали. Поговорив с польскими епископами, Касароли пришел к выводу, что мнение Святого Престола о ситуации в Польше, сложившееся на основе докладов Примаса, и точка зрения польского епископата «в целом совпадают», хотя «в некоторых аспектах анализа» имеются расхождения. Уяснив таким образом все, что было нужно, Касароли был готов предпринять новое дипломатическое наступление. Но начало его пришлось отложить — в 1968 г. войска социалистического лагеря вторглись в Чехословакию, в 1970-м произошли трагические события в Гданьске, вслед за которыми Гомулку на посту руководителя польского режима сменил Герек. Но уже в 1971 г. Касароли и его эмиссары совершают целую серию челночных поездок между Римом и Варшавой, стремясь выработать условия урегулирования отношений между Святым Престолом и Польской Народной Республикой. Поскольку переговоры приобрели официальный характер, они велись через кардинала Вышыньского, и с Войтылой Касароли встретился вновь лишь в 1974 г.

Новый подход Павла VI к Восточной политике Ватикана строился на анализе сложившейся ситуации и реальном прогнозе ее развития на ближайшее будущее, настойчиво подсказывавшем, что раздел Европы на два лагеря является объективной реальностью. Советский Союз превратился в державу, способную удерживать в своей сфере влияния часть Европы, и, пока она останется таковой, сохранится и Берлинская стена. Следовательно, Ватикан должен проводить более реальную политику, направленную на сглаживание идеологических разногласий в международных отношениях. Другими словами, по мнению Касароли, Ватикану следует строить свои отношения со странами Варшавского

блока так же, как делают это светские государства. Архиепископ Касароли исходил из того, что в сложившихся условиях реформы в коммунистических странах следует готовить исподволь, постепенно и условием для их подготовки является международная стабильность. Базой для новых отношений Святого Престола со странами Варшавского Договора должен был стать на ближайшие годы принцип невмешательства во внутренние дела — совместно выработанный статус-кво. В дальнейшем в результате постепенных реформ коммунистические режимы станут более либеральными, похожими на социал-демократические, что, возможно, и приведет к сближению с Западом.

Но на мирное сближение, судя по всему, уйдет не один десяток лет, в течение которых Церкви за «железным занавесом» необходимо было выжить, несмотря на постоянное давление. Павел VI и Касароли понимали это «выживание» прежде всего как сохранение духовной составляющей религиозной жизни и структур Церкви, включая не только рядовых священников, но и в обязательном порядке епископов. Поэтому среднесрочной стратегической задачей Восточной политики Ватикана стало достижение официальных договоренностей с правительствами стран Варшавского Договора о назначении в них католических епископов, причем по возможности быстрее, с минимумом предварительных консультаций. Разъясняя эту задачу, известную в итальянской формулировке как «salvare il salvabile» [«спасти то, что можно спасти»], Касароли говорил, что необходимо срочно создать «жизненное пространство» для Церкви. Для реализации этой стратегической задачи было решено пойти на ряд тактических уступок: снизить пафос критики коммунистов со стороны католических организаций, отделить Святой Престол от международной политики Запада и, возможно, отказаться от поддержки подпольных Церквей, созданных в Восточной и Центральной Европе в первые два десятилетия «холодной войны». Конкретное воплощение в жизнь последнего пункта на первом этапе вылилось в запрещение епископам официально не признанных Церквей возводить в сан новых священников. Практика такого пополнения рядов служителей Церкви особенно широко распространилась в Чехословакии и очень раздражала коммунистические власти этой страны.

Подобная позиция, естественно, вызвала критику, причем порою очень резкую, со стороны чехословацкого клира. Его представители говорили, что ватиканские дипломаты из-за слабого понимания реалий их страны практически превратились в пособ-

ников коммунистов, и предупреждали, что назначение епископов по согласованию с правительством приведет к превращению иерархов Церкви в игрушки, которыми будут манипулировать откровенные враги Церкви. Но католики Чехии и Словакии, жившие в стране, правительство которой занимало самую непримиримую позицию по отношению к Церкви за «железным занавесом», противопоставить новой линии Ватикана что-либо серьезное не имели возможностей. У поляков такая возможность была, и они ею воспользовались.

Кардинал Вышыньский руководствовался собственной стратегией выживания, но главными вытекающими из нее задачами считал восстановление и единство Церкви. В отличие от новой Восточной политики стратегия Примаса уже прошла проверку временем. Он осуществлял ее в течение двадцати лет и не без основания имел несколько иную точку зрения на общество «реального социализма», чем архиепископ Касароли. Вышыньский всерьез опасался, что недостаточный опыт Ватикана в дипломатическом общении с коммунистами может привести к возникновению проблем, которых ему удавалось до сих пор избегать. Не стоит думать, что Примас выстраивал стратегическую линию своего поведения исключительно на постоянной конфронтации с властями. В отличие от кардинала Будапештского Миндзенти, одной из ключевых фигур неудачного венгерского восстания 1956 г., он выдвигал только умеренные требования. Но зато в отстаивании их был непримирим. Собственно, Вышыньский добивался всего лишь уважения к верующим людям и предоставления Церкви хотя бы минимальных возможностей участвовать в жизни общества. Он считал, что, если Церкви будет разрешено стать полноправным участником строительства Польши и от верующих не станут требовать отказа от их убеждений, этого на данном этапе будет вполне достаточно. Венгерский прелат, выдвинув максимальные требования, вступил на путь прямой конфронтации с властями и проиграл. Вышыньский был не меньшим католиком и антикоммунистом, чем Миндзенти, он просто оказался более мудрым и дальновидным стратегом. Венгерская Церковь после смещения Миндзенти была вынуждена не просто пойти путем компромиссов с властями, а в прямом смысле сдаться на милость победителя.

Одним из требований, удовлетворения которых Вышыньскому удалось добиться благодаря своей стратегической линии, было то, что именно через него, и только через него, осуществлялись

официальные контакты с любыми католическими организациями, включая контакты Святого Престола и польского правительства. Это было очень важным элементом в выстроенной им системе отношений Церковь — государство, без которого великие мастера углублять самые малые противоречия в стане своих противников коммунисты немедленно получили бы преимущество. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы из-за стремления Святого Престола к компромиссу с польским правительством в этой сложившейся системе отношений произошел сбой. Касароли, в свою очередь, считал Примаса Польши настоящим «князем церкви» и «великим религиозным деятелем», обладающим огромным политическим опытом и редким чутьем, которое позволяло ему в противоборстве с властями балансировать на самом краю пропасти. Но при этом и Касароли, и сам Павел VI были убеждены, что новый, более комплексный и конструктивный курс Восточной политики, которому они решили следовать, предполагает заключение официального соглашения с Польшей, а следовательно, важны прежде всего контакты с правительством этой страны. Именно это и привело к взаимным обидам и трениям между Варшавой и Римом.

ВЫШЫНЬСКИЙ И ВОЙТЫЛА

Став архиепископом Краковским, Войтыла старался всем своим поведением подчеркнуть, что осознает, насколько Примас выше его в церковной иерархии. Получив кардинальскую шапку, он еще старательнее демонстрировал на публике, что считает себя вторым, а отнюдь не первым лидером Польской Церкви. При этом стиль практической деятельности двух кардиналов и подходы к анализу довольно существенно различались. Например, Вышыньского совершенно не интересовал марксизм, а Войтыла видел в нем серьезную теоретическую проблему, с которой необходимо разбираться. Но каких-либо более-менее серьезных столкновений между ними никогда не было. Открытым остается вопрос о том, можно ли считать кардинала Вышыньского наставником молодого епископа, которого он то ли случайно, то ли нет, некогда назвал поэтом.

Войтыла восхищался непоколебимой позицией Вышыньского, его неподкупностью, чувством долга и постоянной готовно-

стью в любой момент встать на защиту социальной справедливости. Войтыла, как верный продолжатель традиций Сапеги, не мог не увидеть в Вышыньском черты «отца народа», готового постоять за свою паству в трудные времена. В то же самое время Кароль Войтыла не сомневался в необходимости критики режима и даже прямых призывов к духовному сопротивлению, в частности через «Тыгодник повшехны», против чего очень часто выступал кардинал Вышыньский. Стремление Вышыньского укрепить фронт борьбы с коммунизмом предопределяло его молчаливое неодобрение тех, чьи воззрения не совпадали с его собственными. Войтыла, наоборот, инстинктивно стремился объединить людей самых различных взглядов. Вышыньский не доверял интеллигенции, считая, что истинными носителями национального духа являются простые верующие люди. Войтыла, который не хуже других знал, сколь сильно порою могут заблуждаться творческие личности, тем не менее постоянно убеждал польский клир, что в Церкви обязательно найдется место как для критически настроенных интеллектуалов, так и для всех благочестивых граждан. Но независимо от совпадений или расхождений взглядов двух польских кардиналов на ту или иную проблему во всех случаях, когда они появлялись вместе, Войтыла всегда старался держаться в тени Вышыньского. И это нисколько не мешало ему оставаться независимым и во многом не похожим на других епископов, с собственными взглядами на современную историю и оригинальной тактикой руководства возглавляемой им частью Польской Церкви. Удивительно, но у Касароли после встречи с архиепископом Краковским кардиналом Войтылой сложилось о нем мнение скорее как о «теоретике» борьбы «между коммунизмом и современным христианством». Ватиканскому дипломату архиепископ показался человеком «мало интересующимся конкретными политическими проблемами», и именно этим он объяснял первенство Примаса Вышыньского в отношениях между Церковью и государством в Польше. Касароли также отметил «скрытность» Войтылы, что, видимо, объясняется нежеланием Краковского кардинала говорить в сложившихся обстоятельствах о своем особом взгляде на взаимоотношения Церкви и мировых политиков.

Касароли вспоминает, в частности, что Войтыла за все время их разговора ни слова не сказал о первом секретаре Польской объединенной рабочей партии Эдварде Гереке, «обладающем реальной властью» в стране. Из этого он сделал вывод, что архиепископ Краковский не стремится стать «ключевым игроком»,

поскольку любой, кто ставит перед собой такую цель, невольно начинает сравнивать себя с другими «ключевыми игроками». На самом деле причину следует искать не в этом, а в том, что Войтыла имел совсем иную точку зрения на то, где следует искать «ключевых игроков» польской политической и исторической драмы. Поэтому в большей степени, чем коммунистические лидеры, вне зависимости от того, сколь бы высоко ни вознесла их судьба, его интересовали диссиденты КЗР, клубы католической интеллигенции, сотрудники редакций «Тыгодника повшехны» и «Знака», ведущие польские философы, поэты и музыканты. Тот же Касароли отметил, что Краковский кардинал «постоянно интересуется жизнью мирян и контактирует с ними». Это, по мнению Касароли, во многом и приучило Войтылу к «скрытности в разговорах о политике». Возможно, здесь он был отчасти прав: архиепископу Краковскому постоянно приходилось искать непростой компромисс между желаемым и действительностью.

Спустя годы кардинал Касароли, вспоминая о своей первой официальной поездке в Польшу, писал, что больше всего его тогда удивили три вещи. Первое то, что Польша оказалась единственной страной из всех, в которых он побывал, где епископы с грубоватой прямотой профессиональных политиков говорили об «интересах государства». Второе, связанное с первым, — признание кардинала Вышыньского в том, что его призыв к рабочим прекратить беспорядки после расстрела в Гданьске в 1970 г. был продиктован прежде всего опасением ввода в Польшу советских войск. И третье — то, что кардинал Войтыла, один из немногих, от кого он ждал подобных разговоров, говорил совсем о другом. Последнее, безусловно, не было случайностью. Войтыла в отличие от многих других просто не мог смотреть на политику сквозь призму реальности, если эта реальность была аморальной. Он был убежден, что политики не являются исключением из правила, согласно которому судить о любом человеке должно по тому, насколько моральны его поступки, ибо мораль и является главной характеристикой человеческой личности.

Что бы ни говорили о кардинале Вышыньском, все без исключения отмечают, что к Войтыле он относился с большим уважением, которое из года в год только усиливалось. Примас сразу же согласился со взятой на себя Войтылой ролью «наставника интеллигенции» и всячески поддерживал его в этом. Знал он, естественно, и о той ловкости, которую проявил молодой епископ при разрешении нескольких кризисных ситуаций в Кракове, что

не могло не вызвать одобрения. При этом Вышыньский, конечно же, видел, что подходы Войтылы ко многим проблемам отличаются от его собственных. Но воспринимал он это вполне нормально. Войтыла, в свою очередь, постоянно подтверждал как личную, так и политическую лояльность Примасу Польши. Первый, кому он нанес визит, узнав о своем назначении в коллегию кардиналов, был Вышыньский. Чуть позже, в том же году, Войтыла сорвал предпринятую коммунистическими чиновниками попытку поссорить двух польских кардиналов с помощью скорее всего ничего не подозревавшего Шарля де Голля. Когда де Голль в 1967 г. приехал в Польшу, представителям польских властей удалось под каким-то предлогом уговорить его исключить из программы официального визита встречу с Примасом. Краков в маршруте поездки, естественно, остался. Но, прибыв туда, члены французской делегации узнали, что кардинал Войтыла «чрезвычайно занят». Приветственную речь в честь Великого Шарля в Вавельском соборе произносил ризничий. Отношения между двумя кардиналами на протяжении всех десяти с лишним лет их совместного пребывания в Польше строились на принципе уважения младшего к старшему. Во время визита польских иерархов в Западную Германию в сентябре 1978 г., организация которого по праву считается одним из триумфов кардинала Вышыньского, кардинал Войтыла держался так скромно, что его практически невозможно найти на фотографиях, запечатлевших это историческое событие. Он даже подшучивал над собой по этому поводу. Так, на вопрос какого-то корреспондента о том, сколько кардиналов в Польше катаются на лыжах, Войтыла не задумываясь ответил:

— Сорок процентов.

— Но позвольте, Ваше преосвященство, в Польше же всего два кардинала, — удивился кто-то.

— Совершенно верно, — согласился архиепископ Краковский, — но мы в Польше считаем, что шестьдесят процентов — это кардинал Вышыньский.

На Западе о Вышыньском обычно пишут как о сторонниках «жесткого курса», в отличие от которого Войтыла стремился к компромиссам. Однако правда заключается в том, что в последние годы пребывания Войтылы на посту главы Краковской епархии коммунистические бонзы ненавидели и опасались его явно сильнее, чем Примаса. Это вовсе не значит, что Вышыньский стал более покладистым. Но со временем он и режим как бы при-

терпелись друг к другу. Противостояние продолжалось, но игра велась по заранее известным противникам правилам, что всегда удобнее. А вот каким будет следующий ход Войтылы, представители режима не знали никогда. Этот человек, который казался слишком заумным, чтобы быть понятым простыми людьми, неожиданно превратился в харизматического лидера краковских масс. Его выступления в защиту религиозных свобод били в самое больное место режима. Ведь именно защитниками свободы и интересов польского народа провозглашали себя коммунисты. Непостижимым для чиновников образом он притягивал к себе молодежь и тем самым превращался в препятствие для реализации молодежной политики властей. При этом он не разделял противников режима по религиозным убеждениям. В его резиденции на улице Францишканьской, 3 бывали не только диссиденты-католики, но и инакомыслящие, придерживающиеся самых различных религиозных и политических воззрений. Благодаря всему этому Войтыла оказался человеком, который вполне мог претворить в жизнь призыв известного польского диссидента Адама Михника к объединению противников режима, придерживающихся левых взглядов, с откровенными антикоммунистами и католической Церковью. А образование такого единого фронта было самым страшным для коммунистов.

Таким образом, представление о существовании в Польской Церкви двух политических направлений — «консервативного» и более «конформистского», представленных, соответственно, Вышыньским и Войтылой, только запутывает реальную картину отношений Церкви и государства в этой стране. Руководители польских спецслужб и их «старшие товарищи» из КГБ оценивали действительность гораздо правильнее. Рост влияния Войтылы беспокоил их очень серьезно. Аналитики спецслужб предупреждали, что, если Вышыньского на посту Примаса сменит Войтыла, это будет «страшным ударом».

ВОЙТЫЛА И ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ВАТИКАНА

Войтыла не верил в теорию конвергенции, утверждавшую, что две части разделенной в Ялте Европы постепенно сами собой воссоединятся. Для него Ялтинское соглашение являлось катастрофой, последствия которой необходимо было ликвидировать как

можно быстрее. Никакие компромиссы в отношении заведомо несправедливого деяния недопустимы, и об этом, по его мнению, не следовало забывать и Ватикану.

Кардинал Войтыла не сомневался в том, что, провозглашая новый курс в Восточной политике, Павел VI руководствовался самыми добрыми намерениями. Он понимал, какая мучительная борьба происходит в душе Папы между исходящим из сердца желанием защитить преследуемые Церкви и диктуемым рассудком призывом спасать прежде всего то, что еще можно спасти. В одной из бесед с архиепископом Касароли он прямо сказал, что курс, выраженный в лозунге «salvare il salvabile», никогда не сможет стать «политикой победы».

Архиепископ Краковский считал своей обязанностью помогать гонимым католикам, жившим в соседних странах, и прежде всего серьезно пострадавшей Чехословацкой Церкви. Тем более что за время, прошедшее с момента провозглашения новой Восточной политики Ватикана, ее положение значительно ухудшилось. Практической помощью и знаком солидарности стало возведение в священный сан священников из Чехословакии, которое Войтыла тайно осуществлял вместе с одним из своих епископов-помощников Юлиушем Гроблицким. Делалось это вопреки запрещению Святого Престола (а точнее — в связи с ним) епископам подпольной Чехословацкой Церкви рукополагать новых священнослужителей. В священный сан в Кракове возводились только те чехи и словаки, которые имели на то благословение своих непосредственных духовных начальников — епископов или, если речь шла о членах религиозных орденов, местных представителей орденских властей. Чтобы это правило соблюдалось неукоснительно, были предприняты строгие меры безопасности и конспирации. Так, для идентификации будущих отцов из Силезии использовали прием «разорванной карты»: грамота на возведение в сан человека разрезалась на две части, одну из которых он, тайно переходя границу, нес сам, а вторая пересылалась силезскими епископами через конспиративную курьерскую почту. И только тогда, когда обе половинки воссоединялись на Францишканьской, 3 в целое, в архиепископской часовне проводилась церемония рукоположения. Святой Престол Кароль Войтыла о своих действиях не информировал. Однако это не было актом протеста против новой Восточной политики. Он рассматривал рукоположение чехословацких священников исключительно в свете исполнения епископского долга помочь в окормлении лишен-

ных пастырей верующих. Кроме того, Войтыла, возможно, считал, что Римская Курия и лично Папа знают о происходящем в Кракове и, полагаясь на его рассудительность и чувство справедливости, предоставляют свободу действий. А секретность в сложившейся в Чехословакии почти безнадежной обстановке была просто необходима.

Ситуация в самой Польше к концу семидесятых могла бы показаться фантастической выдумкой, если бы не была столь реально жестокой. Рабочие тогда горько шутили: «Мы притворяемся, что работаем, а они — что платят нам». Но полиция, обрушивая на их спины удары дубинок, отнюдь не притворялась. Провозглашенный Гереком «практический материализм» провалился и канул в Лету вместе с правительством его основателя. Попытавшись улучшить ситуацию с потребительскими товарами за счет многомиллионных зарубежных займов, режим поставил польскую экономику на край полного коллапса. Среди этой «жестокой и ирреальной» жизни последних лет правления польских коммунистов кардинал Войтыла занимался вполне конкретным и полезным делом, создавая и расширяя базу эффективного сопротивления. Ему удалось убедить своих епископов-помощников в важности пропаганды христианского отношения к личности человека в качестве альтернативы псевдогуманистических ценностей коммунизма. Несомненно, именно под влиянием мыслей Войтылы они написали в своем пастырском послании 1978 г.: «...дух свободы создает необходимый для развития личности климат. Без свободы личность человека принижается, а вслед за этим постепенно прекращается всякое развитие общества». В том, что епископы подошли к этой мысли, сказалась не только сила интеллекта Войтылы. Чтобы воспринять подобные идеи, более консервативно настроенные коллеги непременно должны были сердцем почувствовать, что их архиепископ в не меньшей степени, чем они, заботится о благе Церкви и польского народа.

СЛУЖЕНИЕ ПРИСУТСТВИЕМ

Если смотреть на деятельность Кароля Войтылы сквозь призму теории управления, может показаться, что он был не самым лучшим руководителем Краковской епархии. Некоторые считают, например, что он уделял слишком много внимания переговорам с теми, кто мог помешать его планам. К тому же он не от-

носился к тем руководителям, которые просчитывают каждый направленный на реализацию поставленной цели шаг, детально распределяют задачи среди подчиненных, а затем бдительно следят за тем, как они выполняются. Его уважение к старшим и органическое неприятие «служебных разносов» нередко приводили к тому, что в епархиальном управлении продолжали работать люди, которых любой другой давно бы сместил. Более того, порою он покровительствовал людям, карьерный рост которых следовало бы прекратить раз и навсегда. Неизвестно ни одного случая, чтобы Войтыла наказал кого-то, кто пытался сопротивляться его начинаниям. Некоторые воспринимали эту черту как свидетельство слабости и продолжали мешать. В целом полезная привычка рассматривать каждое явление в его сути и развитии в конкретных делах тоже нередко создавала лишние проблемы — в нем постоянно боролись множество противоречивых чувств, мыслей; эмоции и ассоциации перехлестывали через край, так что его решения и поступки могли казаться непоследовательными.

Но, с другой стороны, как сказал отец Юзеф Тишнер, Войтыла — человек, рожденный для «больших дел, его идеи носят системообразующий характер». Хотя архиепископ Краковский не уделял ни малейшего внимания теории управления, его деятельность в целом была образцом того, что специалисты по менеджменту определяют как эффективность руководства: Войтыла ставил перед собой вполне определенные, четко сформулированные цели и не успокаивался, пока не достигал их. Весьма существенно и то, что он обладал талантом незаметно убеждать окружающих в важности задуманного, и в результате помощники, подчиненные — все, кому довелось с ним сотрудничать, начинали не за страх, а за совесть работать в нужном направлении.

Его присутствие ощущалось в Кракове повсюду. Представители всех слоев краковского общества были уверены, что, несмотря на расширение круга обязанностей и международную деятельность, их епископ остается их пастырем, что, где бы он ни был, он служит им и их городу. Как и его небесный покровитель святой Карло Борромео, он внес значительный вклад в укрепление единства верующих всего мира и на практике добивался этого единения в своей епархии. Есть все основания считать, что Кароль Войтыла с большой радостью служил бы своему «любимому Кракову» до конца дней. Небезосновательно и такое утверждение: именно из-за того, что в это служение он вкладывал все силы и душу, Каролю Войтыле не суждено было остаться архиепископом Краковским.

7

ПАПА ИЗ ДАЛЕКОЙ СТРАНЫ

Избрание Иоанна Павла II

17–24 апреля 1974 — кардинал Кароль Войтыла принимает участие в Международном томистском конгрессе, проходившем в Риме, Неаполе и Фоссануове.

27 июня 1977 — Папа Павел VI производит в кардиналы Джованни Бенелли из Флоренции, Бернардена Гантена из Бенина и Йозефа Ратцингера из Мюнхена.

6 августа 1978 — Павел VI умирает в Кастель-Гандольфо. 12 августа его хоронят в соборе Святого Петра.

25 августа 1978 — Коллегия кардиналов избирает Папой Альбино Лучани, который берет себе двойное имя Иоанн Павел I (беспрецедентный случай в истории католической Церкви) и отказывается надеть папскую тиару во время торжественной мессы по случаю вступления в должность (3 сентября).

28 сентября 1978 — кардинал Кароль Войтыла празднует со своими друзьями по «Шродовиско» 20-летнюю годовщину получения епископского сана.

28–29 сентября 1978 — ночью умирает папа Иоанн Павел I.

30 сентября — 2 октября 1978 — Кароль Войтыла пишет свое последнее стихотворение «Станислав».

8 октября 1978 — служа в Риме торжественную мессу в память Иоанна Павла I, кардинал Войтыла рассуждает о любви к Христу как непременной обязанности Папы.

13 октября 1978 — ближайшего друга Войтылы, римского епископа Анджея Дескура, разбивает паралич.

14 октября 1978 — открытие Второго конклава.

16 октября 1978 — Кароль Войтыла избран Папой. Он берет себе имя Иоанн Павел II и в нарушение традиции обращается к собравшимся на площади Святого Петра на итальянском языке.

* * *

Люблинский профессор Стефан Свежавский, специалист по истории философии, не будучи человеком импульсивным, все же чувствовал себя обязанным поделиться со своим другом кардиналом Каролем Войтылой мыслью, посетившей его во время мессы. Она явилась нежданно-негаданно, как некое озарение. Жена профессора решила, что муж сошел с ума.

— Если ты действительно хочешь рассказать Каролю эту глупость, — заявила она, — я отказываюсь идти с тобой.

Вот почему Свежавский, рассудительный человек, посвятивший свою жизнь изучению истории разума, отправился к другу один, чтобы высказать то, что никак нельзя было считать результатом стройного логического построения.

Дело происходило в апреле 1974 г. В то время Свежавские и Войтыла находились в аббатстве Фоссануова, старейшем цистерцианском учреждении Италии, расположенном к юго-востоку от Рима. Основанное в 1133 г. монахами знаменитого французского аббатства Сито, Фоссануова принимало гостей международного конгресса, посвященного 700-й годовщине со дня смерти Фомы Аквинского, который умер здесь в 1274 г. Доклад кардинала Войтылы под названием «Личный аспект свободного волеизъявления» произвел большое впечатление на его ученых коллег. Очаровал их и характер самого докладчика. В течение обеденного перерыва Войтыла непринужденно расхаживал по ресторану, порой присаживаясь на ручку кресла или похлопывая друзей по спине. Он сыпал шутками, задавал вопросы, и все это на родном языке того, к кому в данный момент обращался. Во время проведения конгресса одна из месс состоялась под крестовыми сводами аббатской церкви, построенной в бургундском стиле и освященной в 1208 г. Служил ее Кароль Войтыла.

Месса пришлась на Пасху, и кардинал посвятил ее двум людям, носившим одно и то же имя. Первый — апостол Фома, «Фома неверующий», который отказался поверить своим товарищам, когда те сказали ему, что в пасхальную ночь «видели Господа». Когда же Иисус явился апостолам во второй раз, Фома пал на колени, воскликнув: «Господь мой и Бог мой!» (Ин. 20.24–29). Второй — тот, в память кого собрался конгресс, — Фома Аквинский, мыслитель, в чьем внушительном творческом наследии отражена жизнь, прожитая на стыке веры и разума. В конце жизни Фоме явился Христос, и все, что было им написано до тех пор,

стало казаться ничтожным по сравнению с этим грандиозным событием. Вспышка мистического озарения, по мнению оратора, положила начало блаженному видению святого Фомы, была первым случаем его встречи с Господом «лицом к лицу», и в ее ослепительном свете померкло все остальное.

Слушая, как кардинал Войтыла вдохновенно, без бумажки проповедует на итальянском, расстилая перед собравшимися богатую ткань, вытканную собственным воображением, его старый друг Стефан Свежавский подумал... Точнее, мысль пришла к нему сама. Свежавский познакомился с кардиналом четверть века назад, когда молодой священник из костела Святого Флориана стал наставником и духовником его дочерей. Прочтя вступительную работу Войтылы, Свежавский уговорил молодого философа преподавать в Люблинском университете. Во время Второго Ватиканского Собора они работали вместе. И сейчас Стефан чувствовал себя «просто обязанным» высказать другу то, что неожиданно пришло ему в голову, когда он слушал проповедь Войтылы.

Профессор Свежавский нашел кардинала прохаживающимся среди небольших колонн романской аркады Фоссануовы, неподалеку от ризницы, где он переодевался после мессы. Больше на галерее никого не было. Подойдя к другу, профессор сказал:

— Ты станешь Папой.

Кароль Войтыла даже не поинтересовался, что заставило Свежавского высказать столь поразительную догадку. На мгновение их глаза встретились, и он, ни слова не говоря, пошел дальше, погруженный в молитву.

Четыре с половиной года спустя на адрес варшавской квартиры Свежавских пришел конверт с ватиканской маркой. Внутри находилось письмо, написанное от руки на простой не гербовой бумаге и датированное 21 октября 1978 г. В нем, в частности, говорилось:

> ...Твое письмо, дорогой Стефан, напомнило мне слова, произнесенные в Фоссануове во время конгресса памяти святого Фомы. Deus mirabilis! Благодарю за твою постоянную помощь, сопровождавшую меня долгие годы, начиная с поступления в университет. Я рассчитываю на нее и в будущем. Уверен, что очень скоро мне предстоят новые испытания — своего рода экзамены! Вручая себя в руки Господа, я надеюсь, что ты не забудешь меня в своих молитвах. Totus tuus! Сердечный привет жене, дочерям и внукам.

Внизу знакомым почерком было выведено имя, которое вскоре предстояло узнать всему миру, — имя человека, чью судьбу предсказал профессор Свежавский: Иоанн Павел II.

РАСТУЩЕЕ БРЕМЯ ВОЗРАСТА

В послании папы Павла VI от 1970 г. под названием «Ingravescentem Aetatem» содержались предложения по изменению Коллегии кардиналов и правил избрания Папы. Число выборщиков не должно было превышать 120, причем кардиналы, разменявшие девятый десяток, лишались права голоса. Название документа — «Растущее бремя возраста» — как нельзя лучше подходило для обозначения последнего периода 15-летнего первосвященства самого Павла VI.

Избранный в 1963 г., он взялся довести до конца Второй Ватиканский Собор, причем сделать это, не допустив раскола, — задача весьма амбициозная, если учесть дух непримиримости, сопутствовавший подобным мероприятиям и их результатам. Достижения Папы были поистине эпохальными. Ему не только удалось довести Собор до успешного завершения, но и осуществить то, что католики всего мира восприняли как главный его итог, — самый кардинальный пересмотр католического богослужения со времен Реформации. Латынь заменили живые языки; были введены новые благодарственные молитвы (например, «Канон», центральная молитва мессы); таинство причастия в измененном виде предусматривало, что обряд, веками известный как соборование, может происходить не только в последние часы жизни; таинство покаяния, которое отныне стали именовать таинством примирения, также подверглось пересмотру, и теперь католикам предоставлялось право самим выбирать форму исповеди; обряд посвящения взрослых в христианскую веру, в течение веков пребывавший в забвении, был возрожден и получил соответствующее литургическое оформление.

Значительные перемены произошли и в церковном руководстве. Впервые в истории католичества был учрежден Синод епископов. Павел VI упразднил папский суд, распустил дворцовую гвардию и папских жандармов, лишив папство большинства пышных атрибутов, сопутствовавших ему с эпохи Возрождения. Он реформировал Римскую Курию, сделав Государственный секре-

тариат средоточием деловой жизни папства, заменил Святую палату Конгрегацией доктрины веры и создал новые отделы: по работе с мирянами, по утверждению справедливости и мира, по ведению диалога с иудаизмом и другими мировыми религиями, а также по ведению диалога с неверующими. Назначив кардинала Жана Вийо, француза по происхождению, первым министром и министром иностранных дел (высший пост в новой администрации), а на другие ключевые посты — еще нескольких неитальянцев, Павел VI привнес в Курию оттенок интернационализма.

Были созданы десятки новых приходов, в основном в странах «третьего мира», во главе которых стали епископы — уроженцы Африки и Азии. Сам Папа активно путешествовал по свету. В 1964 г. он посетил Святую землю и Индию, в 1965 — Нью-Йорк и штаб-квартиру Организации Объединенных Наций, в 1967 — Португалию, святыню Фатимы, а в 1968 — Колумбию. В 1969 г. он участвовал в работе Всемирного совета церквей в Женеве и Уганде, а в 1970-м побывал в Гонконге, Австралии и на Филиппинах. Трижды Папа встречался с Афинагором, Вселенским православным Патриархом, подчеркивая тем самым свою приверженность экуменическому движению. Эту же цель преследовало паломничество в Уганду. Помолившись у могил 22 африканских мучеников-католиков, канонизированных в 1964 г., Папа отдал дань памяти 23 протестантам, тогда же пострадавшим от преследований. Во время его первосвященства был достигнут значительный прогресс в диалоге между католиками и последователями англиканской Церкви, а также между католиками и лютеранами. Общественные взгляды Папы были изложены в его энциклике 1967 г. «Populorum Progressio» [«Развитие народов»] и в послании 1971 г. «Octogesima Adveniens», посвященном 80-й годовщине знаменитой энциклики Папы Льва XIII «Rerum Novarum». В основном они касались проблем «третьего мира», в том числе экономического развития и революционного насилия.

Что и говорить, список дел весьма внушительный. И все же с середины 1970-х годов нельзя было отделаться от впечатления, что Святой Престол, утратив присущие ему динамизм и новаторство, дрейфует по воле волн, натыкаясь на все более серьезные проблемы. Теологические расхождения, ставшие очевидными на Втором Ватиканском Соборе, за 15 лет пребывания у власти Павла VI только углубились. Архиепископ Марсель Лефевр и его сторонники, раздосадованные тем, что на Соборе была принята «Декларация о религиозной свободе», и убежденные, что реформа

богослужения приближает католичество к протестантизму, поставили под сомнение авторитет Павла VI, руководствуясь собственным понятием о папской власти. Дошло до того, что в 1976 г. Папа отстранил архиепископа Лефевра от исполнения епископских обязанностей за то, что тот самовольно присваивал духовный сан лицам, обучавшимся в основанной им в Швейцарии семинарии. Находившаяся на другом конце теологического спектра «прогрессивная» партия, почувствовав свою силу еще на Соборе, продолжала настаивать на как можно более точном воплощении в жизнь его «духа», особенно в ответ на сексуальную революцию и политику 1960-х. Уничтожающим нападкам были подвергнуты «Humanae Vitae» за критику противозачаточных средств, папская энциклика 1967 г. «Sacerdotalis Coelibatus», защищавшая безбрачие священников, и заявление Конгрегации доктрины веры «Inter Intersigniores», в котором подтверждалось, что только Церковь имеет право присваивать священнический сан. Второй Ватиканский Собор призывал Церковь всемерно расширять свое влияние и служить миру, фракции же, образовавшиеся после закрытия Собора, продолжали бороться за верховенство.

Тем временем кризис в католической элите, вызванный волнениями 1960-х годов, сводил на нет решения Второго Ватиканского Собора. Все больше священников слагали с себя духовный сан, в развитых странах пустели мужские и женские монастыри, а также семинарии. Католические университеты делались похожими на светские. Церковь Голландии раздирали внутренние противоречия, не менее серьезные страсти бушевали во Франции и в США. Церковь в Латинской Америке разделилась по политическим мотивам. Одной части, солидаризировавшейся с официальной властью, бросала вызов другая, чья политика строилась на убеждении, что Карл Маркс мог бы сыграть для католической теологии XX в. ту же роль, какую Аристотель сыграл для Фомы Аквинского в XIII в.

Разделение Церкви часто воспринималось как политическое. Оно и в самом деле отражало разные экономические и политические позиции. Не отдавая себе в этом отчета, участники идеологических баталий, образовавшие два лагеря — «левых» и «правых» католиков, — порой углублялись в весьма сложные богословские вопросы.

За спорами по поводу коллегиальности, папской власти, безбрачия священников, будущего женских религиозных орденов и посвящения женщин в духовный сан угадывалась тревога за судь-

бу Церкви и ее роль в современном мире. Вопрос о том, в каком направлении идет развитие церковной доктрины, стал камнем преткновения между «лефевристами» и сторонниками религиозной свободы. Существуют ли абсолютные нравственные нормы, позволяющие считать те или иные действия однозначно греховными? Эта проблема трактовалась по-разному в «Докладе большинства» Папской комиссии, посвященном регулированию рождаемости, и в учении «Humanae Vitae». Подобные дискуссии наглядно свидетельствовали о том, что давно назревавшее столкновение с современной интеллектуальной жизнью Церковь безнадежно проигрывает.

Церковь, которую папа Иоанн XXIII стремился модернизировать в соответствии с изменившимися условиями, прилагала массу усилий, ведя своего рода церковную гражданскую войну. Происходило это в тот момент, когда Советский Союз, оплот воинствующего атеизма, начинал играть все более значительную роль на мировой арене. Церковникам, привыкшим мыслить категориями цивилизаций и национальных государств, мрачные предсказания относительно загнивания Запада в совокупности с расколом внутри мирового католицизма представлялись весьма тревожными.

Папа Павел VI был человеком глубоко верующим. Его характерными чертами были сострадание к людям и живой ум. Именно эти положительные личные качества помешали Папе твердой рукой управлять Церковью после Второго Ватиканского Собора. Еще в 1964 г. Папа произвел неизгладимое впечатление на архиепископа Войтылу, который назвал его «человеком, утомленным любовью». В последние годы первосвященства стали превалировать другие качества сложной натуры Павла VI.

«Безукоризненная вежливость» и неотразимое обаяние Джованни Баттисты Монтини ярко проявлялись в беседе с глазу на глаз. Но ему не хватало умения вести себя на публике. Появляясь перед большой аудиторией или телекамерами, он вел себя скованно, даже робко. Знакомый с трудами современных французских мыслителей, он тем не менее был серьезно обеспокоен проблемой смерти. Могучий ум Павла VI заставлял его рассматривать любой вопрос с разных точек зрения одновременно, и столкновение между истинами, усвоенными в период формирования его интеллекта, и противоречиями, сведения о которых он почерпнул из реальной жизни и прочитанной — весьма обширной — литературы, часто повергало Папу в мрачную бездну колебаний.

Стремясь принять наилучшее решение, он, по словам Венского кардинала Франца Кёнига, безнадежно запутывался и порой не принимал никакого.

Человек набожный, он, однако, не находил в молитве того утешения, которое позволяло бы ему справляться с его многотрудными обязанностями. Его ближайший помощник Агостино Касароли вспоминает, как «мучительны» были для Папы некоторые ситуации, требующие принятия решения. Он публично укорял Господа за то, что тот не прислушался к его молитвам и не уберег друга Папы, лидера итальянских христианских демократов Альдо Моро, от мести «красных бригад» в 1978 г. К концу жизни Павел VI беспокоился о том, что в своих суждениях был не всегда благоразумен. Это «очень его мучило», вспоминает кардинал Уильям Баум, поскольку он страстно и преданно любил Церковь и болезненно осознавал, что ему придется держать отчет о том, как он ею управлял. В числе прочего Папу заботила его Восточная политика — он считал, что не всегда последовательно защищал гонимых. Так или иначе, стратегия «salvare il salvabile» была не чем иным, как попыткой найти наилучший выход из непростой ситуации.

Иногда говорят, что Павел VI достиг бы больших успехов и претерпел бы меньше личных страданий, займи он свой пост вслед за Пием XII, а не Иоанном XXIII. Внутренняя порядочность и обостренная чувствительность делали Папу особенно восприимчивым к раздорам, терзавшим Церковь после Второго Ватиканского Собора. В иной исторический момент Павел VI мог бы заставить историю служить своим интересам, однако ему выпало быть Папой именно в это время, и история сама его поглотила. Осознавая этот факт, он считал, что как христианин обязан принести себя в жертву. С самого начала первосвященство было для Павла VI своеобразной Голгофой.

Пятнадцатилетнее пребывание Джованни Баттисты Монтини на Святом Престоле поставило в повестку дня вопрос, которому прежде не уделялось внимания. Может ли *кто-нибудь*, в особенности тот, кто сформировался как типичный Папа эпохи пост-Реформации, выполнять эту работу в исключительных внутренних и внешних обстоятельствах, характерных для католицизма конца XX века? С точки зрения итальянцев, в частности представителей Курии, Монтини идеально подходил на роль первосвященника. Выходец из старинной католической семьи, члены которой сохранили лояльность Святому Престолу после объединения

Италии, он прошел обучение на дипломатической службе Ватикана, был сведущ в делах Курии, имел разносторонние интеллектуальные и художественные интересы. В свое время Монтини исполнял обязанности архиепископа в крупнейшей итальянской епархии, и весьма успешно. Как выразился много лет спустя кардинал Кёниг, это был «более или менее нормальный путь» к тому, чтобы стать Папой. Таким образом, беспокойное первосвященство Павла VI заставило задуматься над тем, всегда ли «нормальный» путь приносит желаемые результаты.

К концу этого срока все больше представителей Церкви склонялись к отрицательному ответу на данный вопрос, считая, что следующему конклаву придется пересмотреть устоявшуюся «нормальную» процедуру. По их мнению, единственным человеком, чьи личные достоинства позволяли надеяться, что ему удастся вдохнуть в папство новую жизнь, был архиепископ Краковский Кароль Войтыла. К 1978 г. Войтыла, несмотря на относительно молодой возраст, снискал себе репутацию самого уважаемого духовного лидера католицизма. Он был известен как интеллектуал высшего порядка, стремившийся постичь современную культуру во всех ее проявлениях и сделать диалог между католицизмом и современностью улицей с двухсторонним движением. Понимая сложность и противоречивость реальной человеческой жизни лучше большинства академиков, Войтыла сумел за противоречивостью обнаружить новую, более тщательно обоснованную истину.

Он был не только интеллектуалом, но и воителем, причем удачливым. Долгие годы он жил под непрекращающимся давлением со стороны польского коммунистического режима. Опыт, приобретенный в путешествиях и за время пребывания в Синоде епископов, позволил Войтыле понять всю глубину противоречий внутри Церкви и осознать, какую угрозу несут христианскому гуманизму и другие, некоммунистические формы эксплуатации и распад культуры. Однако эти трудности не парализовали, а мобилизовали его волю, хотя порой казалось, что для их преодоления не хватит целой жизни. Как писал Войтыла своему другу Анри де Любаку в 1969 г., «мы никогда не переставали надеяться, что будем счастливы».

Истории не удалось поглотить этого человека — напротив, он был преисполнен решимости творить ее самостоятельно с помощью культуры. Убежденность Войтылы в том, что «мы будем счастливы», была актом воли, точнее, актом веры, совершенным через страдания, боль и унижение. Сочетание как нельзя более привле-

кательное — человек с богатым внутренним миром и острым интеллектом и одновременно выдающийся публичный политик. Но Папа?.. И в Ватикане, и в мировой прессе на этот счет существовало единое мнение: никогда! Пятидесятивосьмилетних польских епископов папами не выбирают.

«СЕНТЯБРЬСКОЕ ПАПСТВО» ИОАННА ПАВЛА I

Джованни Баттиста Монтини, он же Папа Павел VI, умер в летней папской резиденции Кастель-Гандольфо 6 августа 1978 г. В последний раз причастившись, он произнес свои последние слова на этой земле — молитву «Отче наш». В момент его смерти неожиданно зазвонил дешевый будильник, который отец Монтини привез из Польши в 1923 г. и с которым никогда не расставался.

Началась обычная процедура, сопровождающая события такого рода. Кардинал Вийо, по приказу Павла VI назначенный камерарием, официально удостоверил его смерть в присутствии трех свидетелей и папского церемониймейстера. Печать с изображением святого Петра и свинцовая печать, которой скреплялись наиболее важные документы, рассылаемые Курией, были сломаны, а папские апартаменты в Апостольском дворце опечатаны. Декан Коллегии кардиналов, 85-летний Карло Конфалоньери, бывший секретарь Пия XI, уведомил о кончине Папы остальных кардиналов и призвал их в Рим. Декан также сделал официальное уведомление представителям дипломатического корпуса, аккредитованным при Святом Престоле, и главам государств всего мира.

Тело Павла VI, облаченное в пурпурную ризу и бело-золотую митру, оставалось в Кастель-Гандольфо в течение трех дней. 9 августа в сопровождении кортежа автомобилей тело усопшего было перевезено в Рим в простом деревянном гробу. По пути кортеж сделал краткую остановку у собора святого Иоанна Латеранского, где покойный некогда служил в качестве епископа Рима. Кардинал Уго Полетти прочел молитву, стоя рядом с мэром города — коммунистом. Затем катафалк — черный «мерседес» — въехал на площадь Святого Петра и остановился как раз под обелиском — возможно, последним, что видел, умирая, святой Петр (молва гласит, что он был распят вверх ногами по приказу императора

Нерона). Двенадцать мужчин, при жизни носивших Папу на небольшом троне, которым он стал пользоваться после того, как артрит сделал невозможным его участие в длительных пешеходных процессиях, сняли гроб с катафалка и внесли в собор Святого Петра. Он был помещен на постамент рядом с гробницей Петра, расположенной перед главным папским престолом. За два последующих дня перед гробом прошли десятки тысяч скорбящих. 12 августа на площади Святого Петра состоялась траурная месса. На крышке кипарисового гроба лежало Евангелие. На церемонии присутствовали тринадцать межконфессиональных и экуменических делегаций, а также представители более ста стран и международных организаций. После окончания мессы кипарисовый гроб был помещен в свинцовую, а затем в дубовую оболочку и захоронен так, как того пожелал сам Папа, — не в саркофаге, а в земле, в крипте собора, в нескольких десятках метров от гробницы Петра.

В момент кончины Павла VI кардинал Кароль Войтыла был в отъезде и возвратился в Краков только 8 августа. Отбывая в Рим 11 августа, он написал отцу Анджею Шостеку, блестящему студенту философского факультета ЛКУ. В свое время Войтыла согласился дать отзыв на его докторскую диссертацию и в письме высоко отзывался об этой работе. Копия письма была направлена на философский факультет с просьбой, учитывая изменившиеся обстоятельства, позволить Войтыле не присутствовать на защите. 19 августа, в период «междуцарствия», отделявшего похороны и открытие конклава, кардинал Войтыла выступил по Ватиканскому радио с воспоминаниями о покойном Папе. В своей речи он, в частности, упомянул о большом интересе, проявленном Павлом VI к событиям вокруг костела в Новой Гуте, и о даре, пожалованном им этому храму, — камне из гробницы святого Петра. Лежа в гробу, сказал Войтыла, Павел VI находился «в другом измерении. Он предстал пред очами Господа».

Из-за преклонного возраста и слабого здоровья Папы его кончина не стала неожиданностью для Коллегии кардиналов. Слухи давно носились в воздухе, и в ходе почти двухнедельных ежедневных заседаний, или «конгрегаций», проходивших между похоронами и открытием конклава 25 августа, было достигнуто соглашение по поводу того, каким должен быть новый Папа. Хотя некоторые члены Коллегии считали Второй Ватиканский Собор серьезной ошибкой, подавляющее большинство полагали, что он был величайшим достижением, не оправдавшим всех возлагав-

шихся на него надежд из-за ошибок, допущенных в ходе воплощения в жизнь выработанных решений. Предстояло критически оценить сделанное и в дальнейшем внести необходимые коррективы. Дискуссии продолжались, и участники пришли к единому мнению еще в одном вопросе. Церкви нужен Папа, способный вести диалог, сильная личность, которая бы символизировала открытость католицизма для всего мира, человек, способный обозначить четкие приоритеты в области теологии и пастырской деятельности. Последнее соображение автоматически исключало из рассмотрения пожилых священнослужителей, с трудом приспосабливавшихся к требованиям, выдвигаемым постсоборной Церковью. Обсуждаемый вопрос представлял исключительный интерес для кардиналов из Африки, которые, по их собственному признанию, нуждались в четкой и последовательной католической доктрине, чтобы обращать в христианство новых верующих.

Один из новых кардиналов выступил с блестящим анализом положения дел за три последних года. Йозеф Ратцингер, родившийся в 1926 г., получил сан архиепископа Мюнхенского и Фрайзингского в мае 1977 г., а месяц спустя был произведен в кардиналы. Будучи советником по вопросам богословия при Кёльнском кардинале Фрингсе, Ратцингер участвовал в разработке основополагающих текстов Второго Ватиканского Собора, в том числе документа под названием «Догматическая конституция о Церкви». Он был убежден, что Собор добился многого, однако после его окончания Церковь стала «язвительной и агрессивной». Из дискуссий исчезла отличительная черта христианства — радость. Как это случилось?

Не все, что произошло после Второго Ватиканского Собора, случилось из-за него. По мнению Ратцингера, Церковь была застигнута врасплох «глобальным духовным кризисом всего человечества или по крайней мере западного мира». Она не сумела дать достойный отпор этому кризису, на что, очевидно, рассчитывали уважаемые участники Собора. Не попались ли они сами в ловушку, излишне оптимистично трактуя возможность диалога с современным миром? Ратцингер считал, что так оно и было. Когда эйфория шестидесятых относительно безграничных возможностей эволюционного развития сменилась разочарованием одних и революционным энтузиазмом других, Церковь, словно корабль без руля и ветрил, поплыла по течению.

Основным условием успешного воплощения в жизнь решений Собора и церковного служения миру Ратцингер считал не

реформирование церковной бюрократии на местном, национальном и международном уровнях. Главным, по его мнению, было то, «найдутся ли среди нас святые, готовые предложить нечто новое и жизнеспособное». Пока диалог Церкви с современностью не превратится во всеобщий призыв к святости, Церковь неизбежно будет лишь отражать дух эпохи, который в настоящий момент разрушительного кризиса гуманизма вряд ли достоин подражания.

До сих пор кардинал Ратцингер, самый молодой член конклава, никогда не встречался с Каролем Войтылой. В период «междуцарствия», отделявшего смерть Павла VI и официальное открытие конклава, 51-летний баварец и 58-летний поляк наконец встретились и обнаружили, что их взгляды на положение Церкви во многом схожи. Ратцингер, один из интеллектуальных отцов «Lumen Gentium» [«Догматической конституции о Церкви»], и Кароль Войтыла, один из архитекторов «Gaudium et Spes» [«Пастырской конституции о Церкви в современном мире»], сразу почувствовали то, что Ратцингер позже назвал «взаимной симпатией», поскольку каждый осознавал, насколько важно сохранить наследие Второго Ватиканского Собора. В сжатой форме идея сводилась к тому, чтобы перечитать «Gaudium et Spes» через призму «Lumen Gentium», — тогда Церковь могла бы обратиться к современному миру со своим собственным уникальным посланием. Как выразился Ратцингер, церковь должна еще раз «рискнуть принять, с открытым сердцем и в полном объеме, глупость истины». С этим Кароль Войтыла, который позже в беседе с французским писателем Андре Фроссаром назвал важнейшим словом Евангелия слово «истина», охотно согласился.

Большинство членов Коллегии, невзирая на любовь к Павлу VI, явно склонялись к тому, что колебания последних лет должны уступить место твердому курсу. Некоторые, в том числе Венский кардинал Кёниг, считали, что с этой задачей лучше всего может справиться неитальянец. Подобное мнение не встретило широкого одобрения. Один из кардиналов-итальянцев обратился к австрийцу с такими словами:

— Мы лучше знаем ситуацию, поскольку управляем ею уже в течение многих веков.

Как показало дальнейшее обсуждение, по этому пункту разногласий не было. Подавляющее большинство выборщиков, учитывая их внутренний консерватизм и осознание того, какие труд-

ности ожидают нового Папу, были вовсе не склонны экспериментировать.

Мало кто из кардиналов, съехавшихся в Рим в августе 1978 г., рассчитывал на то, что соглашения по вопросу о кандидате будет легко добиться. Разногласия, возникшие в Церкви после Второго Ватиканского Собора, представлялись слишком глубокими, чтобы ожидать скорого избрания, тем более что по правилам за нового Папу должны были проголосовать две трети плюс один кардинал-выборщик. Приходилось также учитывать многочисленность и пестроту Коллегии: в нее входили 111 кардиналов самых разных национальностей и с очень разным пастырским опытом, а это тоже не сулило быстрого исхода дела. Предвидя долгие дебаты, кардинал Войтыла предложил своему секретарю отцу Дзивишу, а также отцу Станиславу Рылко, краковскому священнику, только что получившему докторскую степень в Риме и помогавшему Дзивишу в подготовке конклава, немного отдохнуть. Сам Войтыла направился в душный, не оборудованный кондиционерами Апостольский дворец, где ему и другим кардиналам предстояло безвылазно сидеть до окончания выборов, а его молодые друзья уехали на побережье.

Кардиналы-выборщики торжественно поклялись держать в секрете все, что касалось работы конклава. Одни полагали, что обязаны хранить молчание обо всем, что произойдет в Апостольском дворце с того момента, как они там уединятся, и до того, как его покинут. Другие считали, что клятва относится лишь к самим выборам, а в остальном они вольны обсуждать происходящее с кем угодно. В свое время Павел VI требовал неукоснительного соблюдения клятвы, опасаясь, что в случае ее нарушения правительство может попытаться манипулировать выборами. Однако его собственное послание «Ingravescentam Aetatem» создало предпосылки для подобной информационной утечки. Кардиналы, сохранившие право выборщиков, чувствуя недовольство своих престарелых коллег (согласно посланию, кардиналы старше 80 лет лишались права голоса), держали их в курсе событий, а те, в свою очередь, не связанные клятвой молчания, рассказывали об услышанном своим друзьям и журналистам. Конклав 1978 г. получил беспрецедентно широкое освещение в прессе, и разобраться в том, какие из изобильно поступающих сведений заслуживают доверия, оказалось весьма непросто. Однако в общих чертах картина выглядела примерно так.

Великим выборщиком конклава августа 1978 г., то есть человеком, на котором лежала ответственность за подсчет голосов, был назначен кардинал Джованни Бенелли из Флоренции. Свой сан он получил лишь в июне 1977 г., но до этого в течение 10 лет был основным помощником Павла VI и фактически начальником его штаба, приобретя огромную власть в качестве заместителя главы усовершенствованного Государственного секретариата. Недовольство коллег таким быстрым возвышением, а также сравнительная молодость (в момент смерти папы ему было 57 лет) помешали Бенелли занять его место, однако этот человек обладал недюжинным даром убеждения и был чрезвычайно уверен в себе. К тому времени, как кардиналы вошли в Сикстинскую капеллу и за ними заперли двери (произошло это 25 августа в половине пятого пополудни), Бенелли, разделявший мнение большинства относительно того, каким надлежит быть новому Папе, успел убедить многих поддержать кандидатуру кардинала Альбино Лучани из Венеции, имя которого почти не упоминалось в жарких дебатах, предшествовавших открытию конклава.

Кардинал Лучани был избран с четвертой попытки в первый день голосования — 26 августа. Из его предшественников лишь один оказался столь же удачлив — папа Пий XII (Эудженио Пачелли), избранный также в первый день на конклаве 1939 г. Кардиналы блестяще справились со своей работой, а вот за пределами Апостольского дворца царило смятение. Несовершенная система объявления результатов выборов с помощью дыма, идущего из трубы Сикстинской капеллы, — белого в случае избрания нового Папы, черного, если голосование не принесло ожидаемых результатов, — дала осечку. Четыре разных сигнала неопределенного цвета появились между 18.22 и 18.51. Наконец тысячам недоумевающих граждан, собравшихся на площади Святого Петра, громкоговоритель возвестил, что им надлежит обратить свои взоры к центральной лоджии, соединяющей Зал благодарений с нартексом, или вестибюлем, собора. В 19.17 на лоджии появился старший кардинал-дьякон Перикле Феличи и произнес стандартную латинскую формулу:

— Annuntio vobis gaudium magnum: habemus Papam — Eminentissimum ac Reverendissimum Dominum Albinum, Sanctae Romanae Ecclesiae Cardinalem, Luciani, qui sibi nomen imposuit Ioannem Paulum Primum.

Услышав по радио эту новость, отец Дзивиш и отец Рылко поспешили вернуться в Рим.

Альбино Лучани был сыном функционера Социалистической партии, священником, придерживавшимся реформистской североитальянской традиции, заложенной Антонио Росмини, блестящим проповедником и катехизатором, чья книга по религиозному воспитанию «Крупицы катехизиса» выдержала шесть изданий. Будучи кардиналом — патриархом Венеции, Лучани опубликовал книгу под названием «Illustrissimi» — собрание изящных по форме и исполненных глубокого смысла писем, якобы написанных им таким известным историческим персонажам, реальным и вымышленным, как Марк Твен (любимый писатель нового Папы), Чарлз Диккенс, Г.К. Честертон, Пиноккио, австрийская эрцгерцогиня Мария Тереза и Иисус. Лучани снискал себе популярность, отменив обычай, согласно которому въезд нового патриарха в Венецию сопровождался пышной процессией гондол и других судов. Он избегал венецианского высшего света, а во время сбора средств на строительство медицинского центра для лечения умственно отсталых детей подал пример, пожертвовав на это благое дело нагрудный крест — подарок Иоанна XXIII. Лучани никогда не считал себя papabile (человеком с задатками Папы), а когда кто-нибудь заводил разговор на эту тему, отшучивался, приводя венецианскую поговорку: «Из такого теста блинчиков не испечешь».

И все же этот добродушный непритязательный человек, в котором блестящее знание катехизиса сочеталось с обаянием и скромностью, за 33 дня своего правления сумел снискать расположение и вызвать симпатию самой широкой публики. Во время аудиенций он всегда говорил о себе «я», избегая вычурного папского и королевского «мы». Он отказался от коронации, ограничившись простой церемонией вступления в должность, а на своем папском гербе сохранил в качестве девиза единственное слово, украшавшее еще его епископский герб: «Humilitas» («Смирение»). На первой пресс-конференции новый Папа непринужденно шутил с журналистами, а во время проповедей, желая проиллюстрировать то или иное положение, часто подзывал к себе детей. Цитируя Папу Григория Великого, он просил жителей Рима бросить ему спасательный круг молитвы, «иначе я утону». Поначалу он отказался пользоваться переносным троном, но потом вынужден был уступить, поскольку верующие жаловались, что не могут разглядеть низкорослого (5 футов 5 дюймов) Папу. Новый Папа, излучавший надежду и христианскую веру, был, казалось, именно тем, кого ждал мир.

Несмотря на жизнерадостный вид, Иоанн Павел I не был здоровым человеком. Он уже давно страдал нарушением кровообращения, о чем не было упомянуто на конклаве, а став Папой, вообще перестал обращаться к медикам. Новые обязанности давались ему нелегко. Незнакомый с тонкостями работы центральной церковной бюрократии, Иоанн Павел I испытывал большие трудности, а его помощники не всегда оказывали ему необходимую помощь. Первосвященство он считал актом подчинения Божией воле, выраженной через его коллег-кардиналов. Когда были оглашены результаты четвертого голосования и камерарий Жан Вийо спросил, как Лучани относится к своему избранию, тот поверг в смятение уважаемое собрание, сказав:

— Да простит вас Господь за то, что вы только что сделали.

Позже он пояснил, что ему неожиданно пришли на ум известные еще со школьной скамьи слова Бернара Клервоского, осудившего Коллегию кардиналов за то, что в 1145 г. они избрали скромного цистерцианского монаха папой Евгением III. Он вовсе не хотел обидеть кардиналов, однако, оглядываясь назад, эти слова можно счесть замечательно пророческими. Ни Лучани, ни кардиналы, считавшие, что, остановившись на его кандидатуре, они нашли выход из кризиса, в котором находилась Церковь после Ватикана II, тогда не знали, что официальный документ, удостоверявший избрание Папы, был, по сути, смертным приговором, который очень скоро будет приведен в исполнение.

Ранним утром 29 сентября 1978 г. одна из сестер-монахинь нашла Папу Иоанна Павла I в постели мертвым — ночью у него случился обширный инфаркт. «Сентябрьское папство» завершилось, а Церковь была снова ввергнута в пучину кризиса.

ОЧЕРЕДНОЕ «МЕЖДУЦАРСТВИЕ»

28 сентября 1978 г. кардинал Кароль Войтыла возвратился в Краков после посещения прихода Святого Иосифа в Бяльском воеводстве. В Вавельском соборе, перед алтарем Креста Господня Благословенной королевы Ядвиги, он отслужил вечернюю мессу. Был праздник Святого Венцеслава, и свою торжественную проповедь кардинал посвятил мученичеству. После мессы он отправился к друзьям, Габриелю и Божене Туровским, чтобы принять участие в вечеринке в честь двадцатилетия его пребывания в сане

епископа. Гостей встречал большой стенд с любительскими фотографиями, снятыми во время многочисленных лодочных и лыжных походов. Выше красовалась надпись: «Вуек останется Вуеком». Друзья шутливо интересовались, сколько голосов получил Войтыла на последнем конклаве, он же предпочитал говорить о недавнем отпуске, проведенном на байдарках. Виновник торжества был немного подавлен. Позже друзья вспоминали, что он старался поблагодарить каждого из присутствующих за многолетнюю дружбу.

На следующее утро, 29 сентября, кардинал завтракал в митрополичьей курии, когда зазвонил телефон. Кто-то из сотрудников снял трубку и через некоторое время вошел в комнату, где находился Войтыла, со скорбной вестью: ночью скончался Папа Иоанн Павел I. Войтыла тут же встал из-за стола и направился в часовню. Позже он присутствовал на заседании административного совета богословского факультета. Когда старый друг Войтылы, декан факультета отец Мариан Яворский, выразил ему соболезнования по поводу смерти Папы, тот ответил, что жизненные сюрпризы, как и все остальное, следует воспринимать «в духе истинной веры». Однако чувствовалось, что он сам потрясен печальной новостью.

Первого октября, служа поминальную мессу по усопшему в костеле на главной площади Кракова, Войтыла назвал Иоанна Павла I «яркой и оригинальной личностью» и напомнил, что тот был избран Папой в праздник Богоматери Ченстоховской. Сам Войтыла в тот день был «совершенно другим человеком», вспоминает отец Станислав Малысяк. Проработав с кардиналом долгие годы, Малысяк гордился тем, что умеет читать его мысли. То, что он сейчас слышал, было не просто панегириком покойному — это была речь человека, в душе которого происходила внутренняя борьба.

Перед отъездом в Рим кардинал позвонил Ежи Янеку и сказал, что семинар, который они планировали провести у Янека дома, придется отложить на пару недель. Тот пожелал другу счастливого пути и вдруг вспомнил, как много лет назад, когда они втроем — он, его жена и Войтыла — были в туристической поездке, Яся как-то спросила в шутку:

— А куда мы будем ездить, когда ты станешь Папой?

На что Войтыла без тени улыбки ответил:

— В Альпы или на Апеннины.

2 октября кардинал Войтыла отправился в Варшаву, чтобы принять участие в заседании Главного совета польского епископата, и таким образом разминулся с американским проповедником Билли Грэмом, которому было разрешено произнести проповедь в костеле Святой Анны. В Варшаве он остановился в монастыре урсулинок — по воспоминаниям сестер, кардинал выглядел очень серьезным. В Рим Войтыла отбыл на следующее утро в половине восьмого. Его сопровождал кардинал Вышыньский. В 11 часов 3 октября Примас Польши и архиепископ Краковский уже находились в соборе Святого Петра у гроба Иоанна Павла I.

В течение нескольких дней после кончины Иоанна Павла I Кароль Войтыла написал свое последнее стихотворение. Оно было озаглавлено одним словом — «Станислав», и в нем Войтыла, по его собственному признанию, хотел «выполнить свой долг перед Краковом». Стихотворение посвящалось мученичеству, которое рассматривалось как основа польской государственности и единства, а также как универсальный образец христианского служения.

Церковь, писал Войтыла, настолько неразрывно связана с Польшей, что эта связь «скреплена на небесах»; Церковь является основой, символизирующей для него и многих других поляков «связь прошлого и будущего». Одним из отцов, давших жизнь Польской Церкви, да и самой Польше, был предшественник Войтылы на посту главы по Краковской епархии епископ Станислав. Его мученическая смерть от меча короля Болеслава «окрестила нацию вновь, на этот раз кровью», и ей предстоит испытать «еще много крещений через ниспосланные свыше муки». Слово истины и кровь мучеников удобрили «почву человеческой свободы» в Польше, вспахал которую Дух Святой. Именно дух «соединит все: и слово... и... кровь», и если «не обратит слово, обратит кровь».

Польша — «страна нелегкой судьбы», «страна — заложница свободы каждого и всех». Как и столетие назад, «ее раздирают на части. Почти шесть поколений подряд нашу землю раздирали на картах мира! И как трагически отразился этот разрыв на судьбах ее сынов!» Однако благодаря этим мучениям, как и мученичеству епископа Станислава, Польша «едина в сердцах поляков, как никакая другая страна». Ее духовная сила и сила Святого Духа, начертанные в людских сердцах, являются непреложной исторической истиной.

Это было стихотворение-прощание. Пока Войтыла его писал, у него сломалось перо.

Краковский поэт Марек Скварницкий, член редакционной коллегии «Тыгодника повшехны», находился в Риме на заседании Папского совета по делам мирян, когда стало известно о кончине Иоанна Павла I. Во время похорон, глядя на Войтылу, сидевшего под дождем рядом с другими кардиналами у стен собора Святого Петра, Скварницкий вдруг подумал: «Господи, что будет, если выберут его?» Это была не безумная фантазия романтического поляка, утверждал позже сам Скварницкий, в то время подобная идея широко обсуждалась в Риме.

После похорон дискуссия о папе-неитальянце возобновилась. Скварницкий рассуждал на этот счет примерно так. Западноевропеец исключается: здешняя церковь после Второго Ватиканского Собора разделена на две фракции, и, выбрав представителя одной, рискуешь поссориться с другой. Папа из страны, относящейся к «третьему миру», — скажем, аргентинец Пиронио, итальянец по происхождению, — возможный вариант, но лишь в отдаленном будущем. Следовательно, искать надо в Европе. Войтыла — европеец, но «из другого мира». Когда вся Церковь пребывала в кризисе, Церковь Польши, «молящейся страны», была сильна, как никогда, хотя западные интеллектуалы брезгливо морщились от ее простонародной набожности. Польский католицизм в огромной степени был религией «народа Божьего». Войтылу знали и в Курии, и в мире. В свое время ему доверили деликатную миссию — быть посредником между польскими и немецкими епископами, — с которой он блестяще справился. Кардинал Венский Кёниг, близко знакомый с Войтылой, восхищался им. Кроме того, Войтыла заслуженно считался экспертом в вопросах коммунизма, представлявшего серьезную опасность для стран «третьего мира», где проживает половина всех католиков. Короче говоря, Войтыла был вполне papabile.

С другой стороны, Скварницкий понимал, что подобный поворот событий стал бы настоящим потрясением для кардинала. Поэт помнил, с какой радостью воспринял Войтыла избрание Лучани. Он наверняка не захочет покидать свой «любимый Краков» в тяжелый час. Вдохновенный проповедник, Войтыла старался не обращать внимания на бюрократическую сторону церковной организации. Дела Курии не составляли для него тайны, и он с трудом мог вообразить, что ему придется самому погрузиться в это хитросплетение интриг. Питомец польской культуры, Войтыла осознавал, насколько ему будет не хватать прежнего

тесного общения с поэтами, художниками, учеными и философами.

Подобные мысли одолевали Марека Скварницкого, когда 5 октября он шагал по римским улицам, направляясь на обед в Польский колледж. Это было за 9 дней до открытия конклава, назначенного на самую раннюю дату, какая только была возможна по церковным правилам. Среди гостей находился Ежи Турович, издатель «Тыгодника повшехны». Войтыла сидел за столом «с отсутствующим видом», и интуиция подсказала Скварницкому, что здесь что-то не так: обычно кардинал вел себя по-другому.

После обеда Войтыла пригласил Туровича и Скварницкого в гостиную, где, расположившись в удобных креслах, они любовались в окно римскими соснами. Кардинал стал расспрашивать краковского поэта о недавнем заседании Совета по делам мирян, но у Скварницкого сложилось впечатление, что вопреки обыкновению ответов он не слушал. Затем Скварницкий сообщил, что вскоре отбывает в Краков, но должен вернуться в Рим к 20 октября, так как на этот день назначено заседание Европейского совета по делам мирян. Войтыла повторил дату таким тоном, словно она относилась к какому-то очень отдаленному будущему.

Разговор перешел на предмет, занимавший ум каждого из присутствующих, — кончину Иоанна Павла I. Войтыла принялся рассказывать, что случилось с ним в день смерти Папы. Он тогда находился в отдаленном приходе, и во время мессы в горах разыгралась сильнейшая буря. Описывая это событие, кардинал был непривычно эмоционален. Друзья слушали его молча, не совсем понимая причину подобного волнения. Внезапно Войтыла умолк, как бы устыдясь собственной откровенности. Через несколько минут дверь приотворилась, и заглянувший в гостиную секретарь, отец Дзивиш, напомнил кардиналу, что его ожидают другие посетители. Скварницкий и Турович поспешно поднялись, и кардинал обнял их обоих. Для Туровича это было привычным, Скварницкий же немного удивился — их отношения с Войтылой не предполагали подобной близости. Объятия были такими порывистыми, что, как вспоминает поэт, они с Туровичем вышли от кардинала потрясенные. Они словно прощались с другом, причем не на несколько недель, а надолго. Провожая посетителей до двери, Дзивиш обратился к ним с неожиданной просьбой:

— Молитесь за кардинала Войтылу; молитесь, чтобы он вернулся в Краков.

Между тем сестра Эмилия Эрлих уже возносила такие молитвы. Монахиня-урсулинка, работавшая с кардиналом Войтылой еще в Кракове и, в частности, занимавшаяся с ним английским языком, она затем изучала Священное Писание в Папском библейском институте в Риме. Две монахини стояли рядом. Одна, итальянка, молилась о том, чтобы Папой избрали кардинала Бенелли. Сестра же Эмилия молилась, чтобы не избрали кардинала Войтылу.

Похоже, того же желал сам Войтыла. Отзвуки его молитвы отчетливо слышны в замечательной проповеди, произнесенной им 8 октября в церкви Святого Станислава в Риме во время заупокойной мессы по Иоанну Павлу I, которую они служили вместе с кардиналом Вышыньским. Основой проповеди послужила 21-я глава Евангелия от Иоанна, где воскресший Христос беседует с Петром на берегу Тивериадского озера.

> Думая о том, кто только что предстал пред очами Господа, — Папе Иоанне Павле I, мы должны мысленно вернуться к одному из первых призванных, Симону, кого Господь наш нарек Петром. Явившись ученикам своим при море Тивериадском, Иисус трижды спросил Петра: «Любишь ли ты Меня?» И трижды отвечал Петр: «Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя». Тогда Иисус спросил: «Любишь ли ты Меня *больше*, нежели они?»
>
> Непросто было ответить на такой вопрос. Наверное, Симон Петр лучше других апостолов понимал, что ответ выходит за пределы человеческих возможностей, и потому трепетал, отвечая. Он вручал себя любви Господа, когда сказал: «Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя».
>
> ...Призыв к папскому служению, уходящий корнями в ответ Петра, всегда содержит в себе требование высшей любви, любви особенной. И всегда, когда Иисус говорит человеку: «Иди за Мною», он словно спрашивает его, как некогда спрашивал Симона: «Любишь ли ты Меня *больше*, нежели они?» И тут сердце человека должно затрепетать. Трепетало сердце Симона, трепетало сердце Альбино Лучани, принявшего имя Иоанн Павел I. Человеческое сердце обязано трепетать, потому что в самом этом вопросе содержится требование. Ты должен любить! Ты должен любить больше, нежели другие, чтобы тебе вручили паству, чтобы наказ «Паси агнцев Моих, паси овец Моих» достиг пределов, которых он достигает в призвании и миссии Петра.
>
> Далее, говорится в Евангелии, Иисус произнес загадочные слова: «Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда соста-

реешься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь» (Ин. 21. 18). Таинственные, загадочные слова...

Призыв, с которым обратился к Петру Иисус после своего воскрешения, его слова «иди за Мною» имеют двоякий смысл. Это призыв к служению и призыв смертью прославить Бога...

Пять дней спустя, 13 октября, кардинал Войтыла пережил большую личную трагедию: епископа Анджея Дескура разбил паралич. Его отвезли в клинику Джемелли, и врачи опасались, что он не выживет. Дескур и Кароль Войтыла дружили с середины сороковых годов. Они вместе учились в семинарии, у них было много общих знакомых в Кракове. Юзеф, брат Анджея, был мужем одной из дочерей Стефана и Марии Свежавских. Анджей Дескур жил в Риме много лет, а затем, переехав в Ватикан, стал президентом Папской комиссии по связям с общественностью. Со времен Второго Ватиканского Собора Дескур, один из немногих поляков в Риме, был проводником Войтылы по ватиканскому лабиринту. После того как он занял высокий пост в Курии, его дом стал местом, где во время завтраков и обедов Войтыла встречался с членами Курии или мог в неофициальной обстановке побеседовать с приехавшими в Ватикан священниками. Узнав о несчастье, кардинал поспешил навестить друга, а на следующее утро, 14 октября, отслужил в Польском коллеже мессу за его здравие. Вечером он опять поехал в клинику. Дескур не мог пошевелиться и с трудом говорил.

От постели больного друга Кароль Войтыла направился в Ватикан. Кардиналы пропели «Veni, Creator Spiritus», и за ними заперли двери конклава.

А тем временем Марек Скварницкий возвратился в Краков и объявил коллегам, что собирается в Вадовице. Он был уверен, что Войтылу изберут Папой. Надо же кому-то заняться его биографией! Коллеги решили, что поэт малость повредился в уме.

«КТО-КТО?»

Информационная утечка, имевшая место в августе, вызвала недовольство кардинала Жана Вийо, папского камерария, ответственного за проведение второго конклава. Перед его открытием

он обратился к кардиналам с просьбой соблюдать клятву молчания. В результате детали избрания первого за 455 лет папы-неитальянца (и первого в истории католичества славянина) оказались скрыты от широкой публики. Известно, что Войтыла занимал в Апостольском дворце келью номер 91 и что, направляясь в Сикстинскую капеллу, он захватил с собой марксистский журнал по философии, чтобы скоротать время, пока шел утомительный процесс подсчета голосов. На язвительный вопрос одного из коллег: не кажется ли кардиналу подобное сочетание несколько вызывающим? — Войтыла с улыбкой ответил:

— Моя совесть чиста.

Уже в качестве Папы Иоанна Павла II он припомнил такую деталь: во время заседания к нему подошел кардинал Максимилиан де Фюрстенберг, с которым они были знакомы еще по Бельгийскому коллежу, и спросил, повторяя слова литургии, сопровождающей посвящение в сан: «Deus adest et vocat te?» [«Господь здесь и зовет тебя?»].

Вопрос вполне уместный, если учесть тупиковую ситуацию, сложившуюся 15 октября, в первый день голосования, когда присутствующие колебались, не зная, кому из кандидатов-итальянцев отдать предпочтение: кардиналу Джузеппе Сири из Генуи или главному действующему лицу первого конклава, кардиналу Джованни Бенелли. Не в силах разрешить эту альтернативу, члены конклава неожиданно сошлись на кандидатуре Кароля Войтылы, который, по словам кардинала Карло Конфалоньери, уже получил несколько голосов на августовском конклаве. 16 октября, к исходу второго дня, на восьмом голосовании Папа был избран. Происшедшее нельзя объяснить никакими иными, в том числе политическими, причинами. Всевозможные слухи и домыслы, исходившие от конклавских политиканов, не дают ответа на главный вопрос: почему кардиналы вдруг решили покончить с вековой традицией, да еще столь эксцентрично?

То, что папой был избран неитальянец, да к тому же поляк, вполне понятно, если встать на общечеловеческую точку зрения. После кончины Иоанна Павла I многие члены Коллегии находились в состоянии эмоционального шока. Считать кардинала Лучани «Божьим избранником» (так отозвался о нем по окончании первого конклава кардинал Безил Хьюм, и многие разделяли его точку зрения), а затем оказаться свидетелями того, как быстро он сошел со сцены, — все это невольно вызывало один вопрос: «Что Господь хочет этим сказать?» Смерть Иоанна Павла I, вспомина-

ет кардинал Йозеф Ратцингер, заставила членов Коллегии обратиться к своей совести: «Какова в данный момент Божья воля? Мы были убеждены, что избрание [Лучани] было исполнением воли Господа, а не простым человеческим актом... и если по прошествии месяца он умер, значит, Господь что-то хочет нам сказать». Кардинал Уильям Баум считает смерть Иоанна Павла I «посланием Господа, причем совершенно необычным... Вмешиваясь таким образом в земные события, Господь хотел научить нас чему-то». Смятение, в котором пребывали кардиналы, придало второму конклаву, выражаясь словами того же Баума, «чрезвычайно набожный и глубоко духовный характер» в отличие от первого, августовского, с его скоропалительным и безболезненным избранием Альбино Лучани. Потрясение, вызванное «сентябрьским папством», столь резко и неожиданно окончившимся, создало предпосылки для «совершения чего-то нового», убежден кардинал Ратцингер.

Невозможность выбрать одного из кандидатов-итальянцев послужила непосредственным поводом к тому, что до сих пор представлялось немыслимым. Невероятный итог второго конклава можно было бы объяснить тем, что он происходил в условиях, когда кардиналы чувствовали себя обязанными ответить на требование совершить нечто новое, нечто отличное, нечто смелое.

И тут возникает второй вопрос: а почему, собственно говоря, Кароль Войтыла?

Кардинал Франц Кёниг прибыл на заседание, более чем когда-либо преисполненный решимости настаивать на Папе-неитальянце. За день до открытия конклава в разговоре со своим старым другом, кардиналом Вышыньским, Кёниг спросил:

— Конклав откроется завтра. Кого вы считаете наиболее подходящим кандидатом?

Примас признался, что у него нет четкого ответа на этот вопрос. Кёниг продолжил:

— Может быть, Польша представит своего кандидата?

Вышыньский воскликнул:

— Господи, уж не хотите ли вы сказать, что в Рим должен отправиться я? Это было бы триумфом для коммунистов.

— Нет, не вы, — возразил Кёниг. — Но ведь есть и другой...

Примас прервал его:

— Нет-нет, он слишком молод, его никто не знает. Он никогда не будет Папой...

Доводы Примаса не убедили Кёнига. По его мнению, Вышыньский недооценивал тот факт, что Войтыла уже стал крупной фигурой международного масштаба в католической Церкви. Полагая, что избрание Папы — представителя страны, находящейся за «железным занавесом», поможет покончить с «менталитетом разделения», воцарившимся в мире после Второй мировой войны, австрийский кардинал был полон решимости убедить коллег в своей правоте. Поначалу реакция была весьма прохладной, но постепенно необычное предложение Кёнига стало казаться менее пугающим, чем тупик с двумя итальянцами. Что бы ни говорил польский Примас, Войтыла вовсе не был «темной лошадкой». Кое-кто из кардиналов до сих пор находился под впечатлением его размышлений «Знак противоречия», написанных в 1976 г. Кардиналы-африканцы, озабоченные отсутствием доктринальной четкости, видели в Войтыле страстного проповедника, последовательно отстаивавшего правоту решений Второго Ватиканского Собора. Он не был ставленником Курии, что представлялось весьма привлекательным тем, кто считал необходимым отход от традиционных методов церковного управления. Войтыла был сильной личностью с задатками публичного политика, и это нельзя было сбрасывать со счетов, если вспомнить положительную реакцию общественности на короткое папство Иоанна Павла I. И наконец, Восточная политика Павла VI. Ее дипломатические успехи были очень и очень призрачны, а архиепископ Краковский вообще сомневался в правильности выбранной стратегии. И все же именно Восточная политика, лишив Святой Престол его главного оружия — солидарности с Западом, что было характерной чертой всего послевоенного устройства, сделала возможным избрание Папы из-за «железного занавеса».

Самой сильной стороной Войтылы была его деятельность в качестве епископа. Как только психологический барьер, связанный с якобы неизбежным избранием итальянца, был преодолен, кардиналы обратили внимание на это достоинство Войтылы, и именно оно стало решающим фактором в его стремительном восхождении. Поляк как никто сумел доказать, что можно управлять паствой, несмотря на давление извне, а также смятение и раздоры, характерные для постсоборной церкви. По словам кардинала Кёнига, то, что Войтыла «имел богатый пастырский опыт», то, что он на своем примере показал, каким должен быть епископ в условиях, сложившихся после Второго Ватиканского Собора, — все это, вместе взятое, сделало его papabile.

Дело наконец сдвинулось с мертвой точки. Еще недавно сомневавшийся кардинал Вышыньский теперь с жаром отстаивал новую кандидатуру. Напомнив своим молодым коллегам слова Иисуса, адресованные покидающему Рим Петру (они приведены в романе Генрика Сенкевича «Камо грядеши»), Вышыньский обратился к Войтыле с лаконичной просьбой:

— Прими.

К началу последнего, четвертого голосования, состоявшегося 16 октября, его исход был предрешен. Приблизительно в четверть шестого пополудни членам Коллегии официально объявили то, что они, ведя собственные подсчеты, знали и так, — кардинал Кароль Войтыла, набрав необходимое количество голосов, избран Папой. В какой-то момент, пока шла утомительная процедура подсчета, Войтыла устало опустил голову на руки. Кардинал Хьюм вспоминает, что преисполнился тогда «невероятным сочувствием к этому человеку». Ежи Турович позже писал, что в момент своего избрания Кароль Войтыла был абсолютно одинок, поскольку понимал, что, став Папой, будет вынужден «отказаться от прежней жизни, причем навсегда». Кардинал Кёниг, более чем кто-либо ощущавший свою ответственность за происходящее — ведь это он выдвинул кандидатуру Войтылы, — «очень беспокоился, примет ли тот свое избрание».

Перед решающим голосованием кардинал Жан Вийо в своей проповеди «Pro elegendo Pontifice» [«Об избрании Папы»] напутствовал членов Коллегии такими словами:

— Вам предстоит избрать жениха для Церкви.

Теперь же он подошел к Войтыле и спросил:

— Acceptasne electionem? [Принимаешь ли ты избрание?]

Без малейших колебаний Кароль Войтыла, понимая серьезность момента и тяжесть возложенной на него ответственности, но вместе с тем усматривая в решении своих коллег волю Божию, встал и сказал:

— Перед лицом Господа нашего предаюсь Деве Марии и святой Церкви и, сознавая предстоящие мне великие испытания, accepto [принимаю].

На второй обязательный вопрос: какое имя он себе возьмет? — Войтыла ответил, что, глубоко уважая и почитая Павла VI и Иоанна Павла I, хотел бы именоваться Иоанном Павлом II. Это сообщение было встречено продолжительными аплодисментами, после чего новый Папа, спустившись по каменным ступенькам, очутился в небольшой гардеробной, примыкавшей к Сикстинской

капелле, где для него уже были приготовлены три белые сутаны — большая, средняя и малая. Гардеробную иногда называют «комнатой плача», поскольку нередки случаи, когда вновь избранного понтифика захлестывают эмоции. Что касается Папы Иоанна Павла II, все, какие только возможно, слезы были им уже пролиты. Переодевшись, он немедленно вернулся в Сикстинскую капеллу, где, по обычаю, кардиналы должны были засвидетельствовать ему свое почтение. И тут произошла первая неожиданность. Когда папский церемониймейстер напомнил, что во время церемонии понтифику надлежит сидеть перед алтарем, Иоанн Павел II возразил:

— Я приму своих братьев стоя...

Тем временем над площадью Святого Петра, где собрались тысячи людей, взошла огромная оранжевая луна. Лучи прожекторов перекрещивались, освещая толпу. В 18.15 из трубы на крыше Сикстинской капеллы появился дымок — явно белый. Скрипучий голос, усиленный громкоговорителем, произнес:

— Prova, prova, prova [Проверка, проверка, проверка], — затем послышался долгий кашель, и, наконец, последовало взволнованное сообщение: — E bianco, il fumo è bianco, è veramente bianco! [Белый, дым белый, он точно белый!].

В Сикстинской капелле продолжалась торжественная церемония представления. Когда очередь дошла до кардинала Вышыньского, он обратился к новому Папе со словами, что Господь удостоил его чести ввести Церковь в третье тысячелетие, — пророчество, которое Иоанн Павел II не раз потом вспоминал. На площадь прибывали все новые толпы людей после того, как весть об избрании была подтверждена телефонным звонком от членов конклава в ватиканскую пресс-службу, а сестра Эмилия Эрлих, тоже стоявшая в толпе, возносила страстную молитву о том, чтобы человек, которому вскоре предстояло появиться перед собравшимися, не был кардиналом Войтылой.

— Все молились за своего кардинала, я же молилась, чтобы не выбрали нашего.

По пути на лоджию кардинал Феличи, которому вновь предстояло публично объявить о результатах голосования, обернулся к кардиналу Кёнигу и спросил:

— Как пишется его имя?

Услышав ответ, он тщательно его записал, бормоча себе под нос:

— Что за варварский язык...

Как и несколько недель назад, кардинал вышел на лоджию и начал:

Annuntio vobis gaudium magnum: habemus Papam!

Толпа взревела и замерла. Феличи продолжил:

Eminentissimum ac reverendissimum Dominum Carolum... — и сделал паузу для пущей торжественности.

Полагая, что речь идет о 85-летнем Карло Конфалоньери, кто-то в толпе изумленно воскликнул:

— Да что они там, с ума посходили?

Недовольно покосившись на горлопана, Феличи сверился со своими записями и скороговоркой закончил:

— ...Sanctae Romanae Ecclesiae Cardinalem Wojtyla, qui sibi nomen imposuit Ioannem Paulum Secundum.

Услышав необычное имя, толпа возбужденно загомонила.

— Chi è? [Кто-кто?] — разом вырвалось из десятков тысяч глоток.

— E nero? [Он что, негр?] — спросил по-итальянски человек, стоявший рядом с Ежи Туровичем.

Кто-то предположил, что вновь избранный Папа — азиат. И только сестра Эмилия не нуждалась в дальнейших пояснениях. Она так побледнела, что ее сосед участливо поинтересовался:

— В чем дело? Он что, нехорош?

— В том-то и дело, — печально отозвалась монахиня, — что слишком хорош.

Атмосфера на площади резко отличалась от августовской, когда все присутствующие — в большинстве своем, разумеется, итальянцы — ликовали, узнав об избрании Альбино Лучани. Нынешнюю новость встретили настороженно. Кто он, этот straniero [чужестранец]? Кого кардиналы нам навязали?

Иоанн Павел II, ощущавший царившее на площади напряжение, вежливо отстранил суетливого церемониймейстера и подошел к одному из установленных на лоджии микрофонов. И снова традиция была нарушена — вместо того чтобы благословить собравшихся, используя стандартную латинскую формулу, только что избранный Папа обратился к ним на итальянском языке. Четким и звучным голосом он произнес:

Да будет благословен Господь наш Иисус Христос!
Дорогие братья и сестры...

Услышав родной язык, толпа начала подбадривать оратора громкими криками.

...Мы все еще скорбим по поводу кончины нашего возлюбленного Иоанна Павла I. Только что кардиналы избрали нового епископа Рима. Они призвали его из далекой страны; далекой, но одновременно близкой, поскольку ее объединяют с вами общность веры и христианской традиции...

Британский актер сэр Джон Гилгуд как-то заметил, что Папа Иоанн Павел II обладает изумительной способностью угадывать суть момента. Вот и сейчас, почувствовав, что толпа на его стороне, Папа решил предстать перед собравшимися как собрат-католик, связав врожденное почитание Девы Марии, свойственное итальянцам, с собственной набожностью:

...Я боялся принять это назначение, но делаю это, повинуясь воле Господа нашего Иисуса Христа и безоговорочно веруя в Богородицу, пресвятую Мадонну.

Не знаю, сумел ли я ясно выразить свои мысли на вашем... *нашем* итальянском языке. Если я оговорился, вы меня поправите...

Приветственные крики стали громче. Теперь, когда между оратором и слушателями установилось полное взаимопонимание, оставалось последнее — объявить курс, по которому пойдет Церковь. Никто из знавших Войтылу не сомневался, что это будет христианский гуманизм.

...Я предстал перед вами, чтобы подтвердить наши надежды и нашу общую веру в Богородицу и Церковь. С помощью Божией и человеческой мы открываем новую страницу в истории Церкви.

«ВУЕКА ТОЛЬКО ЧТО ВЫБРАЛИ ПАПОЙ!»

Польское телевидение, находившееся под контролем государства, в течение нескольких часов не объявляло об избрании Войтылы: необходимо было выработать официальную позицию партии по данному вопросу. Между тем новость стала известна в митрополичьей Курии в Кракове — туда позвонили из Рима, — и, как вспоминает отец Станислав Малысяк, «она мгновенно разошлась, словно круги по воде». В городе началось стихийное празднество.

Сперва зазвонили колокола костела Девы Марии, за ними — Вавельского собора, в том числе гигантский Сигизмундов колокол, которым пользовались лишь в дни важнейших религиозных и государственных праздников, а затем — все краковские колокола. Люди хлынули на улицы, неся в руках зажженные свечи и цветы. Они размахивали национальными флагами, плакали, обнимались. На рыночной площади, у постамента памятника Адаму Мицкевичу, поместили фотографию кардинала Войтылы, а у его дома на Францишканьской улице, 3, тут же выросла гора цветов. За час костел Девы Марии был забит до отказа. Спешно организовали мессу.

Станислав Рыбицкий в тот день был болен и лежал в постели. Его жена Данута задержалась в городе, а вернувшись, застала мужа в слезах.

— Не сердись, что я так поздно, — начала оправдываться она, но муж перебил ее.

— Вуека только что выбрали Папой, — сообщил он.

Супруги обнялись и заплакали, словно потеряли близкого родственника, потом достали бутылку вина, купленную в Чехословакии во время отпуска. Тогда им не повезло — их любимого сорта «Красный кардинал» в магазине не оказалось. И вот теперь, подняв тост в честь избрания Вуека, Рыбицкие выпили как нельзя более подходящий к случаю напиток — «Белый кардинал». Станислав Рыбицкий вспоминает, что, услышав потрясающую новость, невольно подумал: «Из байдарки прямо в лодку апостола Петра...

Тереза Жичковская тоже лежала дома с простудой. Ей позвонил дядя и сказал:

— Habemus Papam — Каролека!

— Глупости, — не поверила женщина.

Тогда ее муж включил радио. Новость подтвердилась. «Мы потеряли Вуека», — с грустью подумала потрясенная Тереза.

Возвратившись домой, люблинский преподаватель Ежи Галковский обнаружил у себя в квартире массу напропалую веселившихся людей. В ответ на его недоуменный вопрос: а что, собственно, здесь происходит? — ему охотно объяснили, что Люблинский университет только что подарил миру нового Папу. Галковский принес вино, и все с бокалами в руках устремились к телевизору, чтобы послушать, как преподнесет эту новость правительство. В устах коммунистических доктринеров избрание Папы

предстало ни больше ни меньше как польская национальная победа.

В двери варшавской квартиры Свежавских громко постучал старик священник. Мария Свежавская впустила гостя, и он, задыхаясь от волнения, выложил новости. Женщина закрыла лицо руками. При мысли о том, что ждет нового Папу, она только и могла, что повторять:

— Иисус Мария! Иисус Мария!

Отец Эдвард Захер, священник из Вадовице, молился в местном костеле, когда туда вбежал один из его молодых коллег и выпалил:

— У нас есть Папа!

— Кто же это? — поинтересовался пастырь.

— Лолек! — торжествующе доложил помощник.

Сердце Захера судорожно заколотилось.

— Слава Богу! — воскликнул он, затем стремглав бросился в дом, услышал, как по радио объявили о том же, и, не снижая темпа, вернулся обратно.

Вскоре зазвонили колокола. Люди высыпали на улицы, и в считанные минуты костел был переполнен. Отец Захер, некогда обучавший Лолека катехизису, попытался что-то сказать, но не смог — его душили эмоции. Официально объявил о случившемся один из его помощников. Немного овладев собой, отец Захер произнес с лукавой улыбкой:

— А ведь он не сдержал слова, нет, не сдержал.

Дело в том, что на праздновании 50-й годовщины крещения Войтылы Захер в пятый раз читал проповедь в честь своего бывшего ученика. Тогда же он сказал, что шестую прочтет, когда кардинала выберут Папой. Войтыла буркнул:

— Значит, шестой вообще не будет.

И вот теперь улыбающийся Захер повторял всем и каждому:

— А ведь он не сдержал слова — первый раз в жизни.

Потом старый священник достал крестильную книгу за 1920 г. В ней были кратко описаны основные вехи жизненного пути Кароля Войтылы как христианина: его крещение, конфирмация, посвящение в духовный сан, рукоположение в епископы, назначение архиепископом Краковским и избрание в Коллегию кардиналов. Ниже под именем «Каролус Юзеф Войтыла» отец Захер сделал еще одну запись: «Die 16.X.1978 in Summum Pontificem electus et sibi nomen Ioannem Paulum II imposuit».

Пражский священник отец Милослав Влк узнал новость в ночь на 17 октября от друзей. Со времени принятия сана в июне 1968 г., в последние недели «пражской весны» Александра Дубчека, отец Влк почти не имел возможности открыто осуществлять свою деятельность. Государство лишило его права проповедовать в церкви и вести службы. Чтобы избежать ареста в качестве лица без определенных занятий, Влк, как и многие другие чехословацкие священники, был вынужден заняться неквалифицированной работой — стать мойщиком окон. Теперь он днем мыл окна, а по ночам становился священником — службы происходили тайно у него дома. С избранием Войтылы у Влка, по его собственному признанию, «появилась надежда». Новый Папа тоже был славянином, превосходно изучившим лживую тактику коммунистов. На его помощь смело можно было рассчитывать.

Архиепископ Фрэнсис Аринзе, 45-летний нигериец, находился в Белфасте, административном центре Северной Ирландии, по приглашению Ирландского миссионерского союза. Священники, у которых он остановился, не знали, кто такой Войтыла. Аринзе, встречавшийся с ним на заседаниях Синода епископов, описал своим ирландским коллегам Войтылу как «жизнерадостного и счастливого человека, который всегда высказывается смело и четко».

— Теперь, — продолжал африканец, — у нас появится ясность. Мы наконец поймем, где находимся. Не впадая в агрессивность, мы сможем четко определить свою позицию.

Аринзе был убежден, что Иоанн Павел II сумеет вернуть католицизму «положительный» облик.

Отклики мировой прессы на избрание Войтылы в основном касались, да это и вполне понятно, национальности нового Папы. То, что он был неитальянцем, к тому же еще и поляком, чрезвычайно интересовало средства массовой информации. Толпы репортеров ринулись в Краков и Вадовице, стараясь раскопать как можно больше подробностей о питомце столь экзотической культуры, чья жизнь до избрания разительно отличалась от жизни его предшественников. Несмотря на широко распространившееся ошибочное представление об отношениях Войтылы с польской официальной властью (дескать, он был «умеренным», в то время как Вышыньский занимал жесткую позицию), наиболее проницательные журналисты начинали догадываться, что избрание Папы-славянина, поляка будет иметь непредсказуемые последствия в условиях «холодной войны». КГБ, разделявший эту точку

зрения, уже приступил к тщательному изучению обстоятельств и возможных последствий избрания Войтылы.

Это были незабываемые, волнующие дни. Появление «un Polacco» [поляка] на площади Святого Петра положило конец дискомфорту, который испытывали многие в последние годы папства Павла VI, и заставило приободриться тех, кто грустил об Иоанне Павле I. Предвкушение чего-то нового, что произойдет в ближайшем будущем, витало в воздухе. Миллионы людей во всем мире находили глубоко символичным, что многострадальная Польская Церковь, долго боровшаяся с превосходящим ее противником, получила наконец заслуженную награду.

Наиболее проницательный комментарий случившегося принадлежит перу Андре Фроссара, французского журналиста, принявшего католичество в знак отказа от модного атеизма интеллектуальной элиты. Осознавая кризис гуманизма, Фроссар, уже будучи взрослым, нашел выход из топкого болота циничного скептицизма в вере. Он был убежден, что человечество переживает «исключительный момент в своей истории, характеризующийся отсутствием разумности и каких бы то ни было моральных устоев; время переоценки ценностей и крушения идеологий, когда у того, кто хочет двигаться вперед, остается единственный выход... идти по водам».

Новый Папа, в котором Андре Фроссар угадал недюжинную духовную силу, побудил журналиста написать в парижской газете следующие строки: «Нынешний Папа пришел к нам не из Польши, а из Галилеи».

8

«НЕ БОЙТЕСЬ!»

Папа для всего мира

22 октября 1978 — Папа Иоанн Павел II торжественно принимает титул главы католической Церкви.

29 октября 1978 — Иоанн Павел посещает святыню Девы Марии в Менторелле.

Октябрь 1978 — КГБ и специально созданная комиссия Центрального Комитета КПСС анализируют возможные последствия избрания Кароля Войтылы Папой.

Ноябрь 1978 — создан Литовский католический комитет по защите прав верующих.

5 ноября 1978 — Иоанн Павел посещает гробницы наиболее почитаемых в Италии святых — Франциска Ассизского и Екатерины Сиенской.

12 ноября 1978 — Согласно обычаю римский собор Святого Иоанна Латеранского переходит в ведение Папы Иоанна Павла II.

20 ноября 1978 — Иоанн Павел встречается с кардиналом Иосифом Слипым, главой преследуемой на Украине Греко-Католической (униатской) Церкви.

3 декабря 1978 — Иоанн Павел II совершает первое посещение римского прихода.

11 декабря 1978 — По случаю 30-й годовщины Всеобщей декларации прав человека Иоанн Павел призывает к религиозной свободе для всех.

23 декабря 1978 — Иоанн Павел II призывает кардинала Антонио Самору, чтобы тот выступил посредником в споре между Аргентиной и Чили по поводу пролива Бигл.

29 декабря 1978 — Иоанн Павел назначает Францишека Махарского своим преемником в качестве архиепископа Кра-

ковского. Церемония рукоположения в епископы проходит 6 января 1979 г.

28 января 1979 — Иоанн Павел II обращается к участникам Третьей Генеральной конференции латиноамериканских епископов в Пуэбле (Мексика).

25 февраля 1979 — Иоанн Павел проводит свадебную церемонию для дочери римского дворника.

4 марта 1979 — «Redemptor Hominis», инаугурационная энциклика Иоанна Павла.

Церемония папской коронации берет начало из глубины веков. Некогда нового понтифика торжественно проносили в носилках по улицам Рима, заполненным жителями города и многочисленными паломниками. Инаугурация Иоанна Павла II, 264-го епископа Рима, началась 22 октября 1978 г. с того, что новый Папа молитвенно преклонил колени у гробницы апостола, расположенной в крипте собора Святого Петра.

Интерьер собора украшает надпись на латыни (каждая буква достигает в высоту шести футов): «Tu es Petrus et super hanc petram aedificabo ecclesiam meam et tibi dabo claves regni caelorum» [«И Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного» (Мф. 16.18–19)]. Закончив молитву у гробницы галилейского рыбака, Кароль Войтыла в сопровождении 112 кардиналов вышел на площадь перед собором. Здесь согласно простому, но от этого не менее величественному обряду Папе предстояло объяснить верующим, как в последней четверти последнего века второго тысячелетия христианства следует понимать обращенные к Петру слова Христа.

Вначале кардинал Перикле Феличи возложил на плечи Иоанна Павла II мантию, или паллий, — шкуру белого ягненка, украшенную шестью черными крестами, знак митрополичьей власти архиепископов. Таким образом Папе был вручен официальный символ власти, которую он обрел шесть дней назад, когда в Сикстинской капелле произнес:

— Принимаю.

Члены Коллегии кардиналов во главе с деканом Карло Конфалоньери выстроились в ряд, чтобы принести клятву верности новому Папе. После того как декан, преклонив колени перед сидящим Папой, поклялся ему в верности, традиция в очередной раз была нарушена. Следующим оказался не ближайший по стар-

шинству член Коллегии, а Примас Польши Стефан Вышыньский. Он начал было опускаться на колени, но тут Иоанн Павел II встал, подошел к старому другу и заключил его в объятия.

После этой процедуры началась инаугурационная месса. Первая часть, на английском, была взята из 52-й главы пророка Исайи, в которой описывается ликование народа при въезде Иисуса в Иерусалим. Затем на польском была прочитана часть Первого соборного послания святого апостола Петра, призывающая служителей церкви руководствоваться в своих действиях любовью и «подавать пример стаду». Была также зачитана 21-я глава Евангелия от Иоанна, причем призыв Иисуса, обращенный к Петру: «Паси овец Моих», — был оглашен на латыни и греческом, чтобы подчеркнуть универсальность Церкви.

Затем Иоанн Павел II, облаченный в бело-золотые одежды и с белой митрой на голове, сел на переносной трон лицом к верующим. К тому времени их уже собралось около 300 тысяч, и люди, не вместившиеся на площади Святого Петра, растеклись по виа делла Кончилиационе. Красные и белые гладиолусы, символизирующие цвета национального флага Польши, окружали престол. Справа от Папы находились 300 епископов, слева — 800 высокопоставленных лиц из всех стран мира, представители светской власти. Папа спокойно оглядел толпу, над которой развевались польские флаги. Замерла гигантская теле- и радиоаудитория, включая несколько миллионов соотечественников Иоанна Павла II, — впервые в истории мессу должны были транслировать по польскому государственному телевидению. Воцарилась тишина. Все ждали, что скажет этот необычный во всех отношениях Папа.

Он начал с символа, повторив слова человека, у гроба которого молился меньше часа назад: «Ты — Христос, Сын Бога живого» (Мф. 16.16).

Каждый, кто занимает место Петра в Церкви, продолжал Иоанн Павел, должен начинать именно с этого. Вера, символ которой был провозглашен Петром по дороге в страны Кесарии Филипповой, родилась из его «глубокого внутреннего убеждения», но не была лишь актом его воли. Вера — это дар, и недаром Иисус называет Петра блаженным, «потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах» (Мф. 16.17). Последователи Петра могут начать свое служение «с этого дня и с этого места», только повторив вслед за ним слова: «Ты — Христос, Сын Бога живого».

История спасения, продолжал Папа, не равнозначна истории человечества. Это скорее история человечества, прочитанная в подлинной глубине, на фоне ее истинного предназначения. Поскольку Церковь погружена в историю как свидетель этой истины, важно понимать, что признание Петра не касается только Петра и Иисуса. Это начало Церкви, и в символе Петровой веры история спасения приобретает новое, «экклезиастическое измерение». Хроника Церкви, этого пилигрима в истории, является правильно понятой хроникой *человечества*.

Христос подвел человечество к пониманию «тайны живого Бога». Никто не мог этого сделать, кроме Сына Божьего, и он сделал это, как сделал бы любой из нас. Христос, Сын Бога живого, не только рассказал нам о Своем небесном Отце, но и открыл «конечную и безусловную истину» о нас самих. Иисус Христос, по словам Иоанна Павла, — это истина о человеке. Вот что Церковь должна объяснить всему миру: верующим и ищущим, скептикам и сомневающимся, предваряя проповедь просьбой: «Пожалуйста, послушайте еще раз...»

Чтобы возвестить истину о Боге и человечестве, Петр был призван в Рим. «Возможно, — рассуждал Иоанн Павел, — рыбак из Галилеи не хотел идти туда. Возможно, он предпочел бы остаться там, где находился, — на берегу Геннисаретского озера, со своими сетями и лодкой». Но, покорный воле Господа, он пришел, и его послушание граничило с мученичеством, наивысшей точкой христианского свидетельства. А сейчас новый епископ Рима пришел в город. Возможно, он тоже предпочел бы остаться в другом месте, но он пришел, «исполненный трепета, осознавая собственную ничтожность», чтобы выполнить возложенную на него миссию — до конца дней своих разъяснять людям, что, искупленные Христом, они гораздо величественнее, чем сами думают.

Новый епископ Рима — «сын Польши». Но «с этого момента он тоже становится римлянином. Да, римлянином», причем не только в силу своей должности, но и потому, что в определенном смысле всегда был им. Он — «сын народа... всегда остававшегося верным Святой римской Церкви». Возможно, миру покажется странным, что епископом Рима стал поляк. Церковь же не видит здесь ничего необычного.

Новый епископ Рима не будет коронован triregnum — папской тиарой. Справедливо это или нет, отметил Иоанн Павел, но тиара стала восприниматься как символ временной папской власти. Сегодня, после Второго Ватиканского Собора, Церковь уже

не является Церковью власти. Она — Церковь евангелического свидетельства. Тиара может выражать и нечто другое: тройственную сущность Христа как проповедника, пророка и царя, перенесенную Им на служителей Церкви; Тело Христово во времени и истории. Папство и вся церковная власть существуют именно для служения, их единственная цель — «сделать так, чтобы весь народ Божий осознал тройственную миссию Христа и всегда оставался во власти Господа». «Тайна Распятия и Воскресения» — единственная власть, которой обладает Церковь, и другой ей не нужно: «абсолютная и всемилостивейшая власть Господа», которая «проникает в самую сокровенную глубину человека, обращается к благороднейшим устремлениям его разума, сердца и воли». Язык ясности и истины, а не язык силы — вот оружие Церкви.

Новый епископ Рима намеревался быть слугой и поэтому перед лицом всего мира обращался к Христу с такой молитвой: «Помоги мне стать и остаться слугой Твоей особой власти, слугой Твоей всемилостивейшей власти, слугой власти, которая не имеет конца. Сделай меня слугой — слугой Твоих слуг».

Основой послания этого «слуги слуг Господних» к верующим стал призыв Христа к Его ученикам: *«Не бойтесь!»*

> Не бойтесь приветствовать Христа и принять Его власть. Помогите Папе и всем, кто желает служить Христу, а через власть Христову служить человеку и всему человечеству.
>
> Не бойтесь. Широко откройте двери перед Христом. Перед Его спасительной силой откройте границы государств, экономические и политические системы, широкие пределы культуры, цивилизации и развития.
>
> Не бойтесь. Христос знает, «что заложено в человеке». Только Он знает это.

Мир, рассуждал Папа, страшится себя и своего будущего. Ко всем, кто боится, ко всем, кто ощущает величайшее одиночество в современном мире, «я обращаюсь с просьбой... я молю — позвольте Христу говорить [с вами]. Он единственный знает слова жизни, слова вечной жизни».

Новый епископ Рима поблагодарил всех, кто пришел разделить с ним сегодняшнее торжество: представителей зарубежных государств, церковных иерархов, священников, сотни тысяч паломников, а также всех, кто в данную минуту следил за происходящим, сидя у экрана телевизора или около радиоприемника. Затем

Папа поприветствовал собравшихся на английском, французском, немецком, испанском, португальском, русском, чешском, украинском и литовском языках. Самыми проникновенными были его слова, произнесенные по-польски, — Иоанн Павел цитировал великого Мицкевича, певца польской свободы:

> Мои дорогие соотечественники... Все сказанное мною не выражает и сотой доли того, что в данную минуту я ощущаю в своем сердце, а вы — в ваших сердцах. Так что давайте оставим слова. Пусть воцарится великая тишина перед Господом, тишина, которая станет молитвой. Я прошу: будьте со мной в Ясной Гуре и везде. Не оставляйте Папу, который молится словами поэта: «О Матерь Божия, Ты светишь в Острой Браме, / Твой чудотворный лик и в Ченстохове с нами...»[1]

Вначале Иоанн Павел обратился к своим братьям по вере, католикам, затем — к христианам вообще и, наконец, ко всему миру. Кое-кто полагает, что Папа существует только для Церкви. Сам Папа так о себе не думает и потому взывает ко всему человечеству: «Молитесь за меня. Помогите мне стать достойным слугой вам. Аминь».

Когда в час пополудни трехчасовая месса закончилась, Иоанн Павел II не вернулся в собор. В очередной раз нарушив традицию, он в одиночестве направился к толпе, поприветствовал и благословил увечных, прибывших на мессу в инвалидных колясках. Какой-то малыш прорвался сквозь ограждение, чтобы вручить Папе цветы. Его попытались отогнать, но Иоанн Павел II поднял ребенка на руки и обнял. Весь мир он обнять не мог, но мог его поприветствовать. Взяв обеими руками огромный папский серебряный посох, он потряс им над ликующей толпой, словно это был духовный меч, освобожденный из каменных ножен.

После этого он направился в свои апартаменты, но с площади по-прежнему доносились приветственные возгласы, и ему пришлось несколько раз подойти к окну и помахать в ответ. Толпа разошлась, только когда Иоанн Павел II с улыбкой произнес:

— Всем пора обедать, даже Папе.

---

[1] Мицкевич Адам. Пан Тадеуш: Кн. первая / Пер. С. Мар (Аксеновой). — В кн.: Мицкевич Адам. Стихотворения. Поэмы. — М.: Художественная литература, 1968. — С. 441.

ПРИЗВАННЫЙ ВЕСТИ

Первосвященство отличается от всех других должностей на свете не только в силу давности своего существования. Папу называют «верховным понтификом». Слово это происходит от латинского «pontifex», что значит «мостостроитель». Но мост всегда соединяет что-то с чем-то. А что соединяет верховный понтифик? Он служит связующим звеном между Господом и людьми; между Римско-Католической Церковью и другими христианскими церквами и церковными сообществами; между Римско-Католической Церковью и иудаизмом; между Римско-Католической Церковью и остальными мировыми религиями; между Римско-Католической Церковью и политической, экономической и культурной властью; между центром церковного единства и Коллегией епископов, рассеянных по всему миру в местных церквах. Будучи хранителем авторитарной традиции вероучения, Папа согласно католической теологии является также своеобразным «мостом», благодаря которому человечество постигает свое истинное происхождение, природу и предназначение.

Быть Папой — значит взять на себя задачу, которая, если строго следовать теологическому определению, является невыполнимой. Подобно любой другой церковной должности, первосвященство имеет целью достижение святости. Но должность существует во времени и пространстве, святость же вечна. Ни один папа, каким бы святым он ни был, не может полностью удовлетворять требованиям, предъявляемым его должностью. А вот сама она, согласно церковному вероучению, является выражением воли Божией и в этом смысле непогрешима, хотя каждый, кто ее занимает, далек от идеала. Это различие между должностью и человеком, ее занимающим, служит утешением любому Папе. В то же время осознавать свое несовершенство, по выражению одного выдающегося теолога, «невыносимо грустно». Первосвященство отражает единство человека и мессии в Иисусе Христе, а Папа является его викарием на земле. Каждый Папа, будь он святым или негодяем, «занимает изначально трагическое место», потому что не может полностью соответствовать тем требованиям, которые к нему предъявляются. Если он попытается это сделать, то самонадеянно уподобится самому Господу. Если же, легко примирившись с недостижимостью цели, вообще оставит всякие попытки, то неизбежно потерпит неудачу в главном, что от него

требуется, — любви. Здесь уместно вспомнить слова Иисуса, обращенные к Петру, о том, что из-за глубины его любви к Богу его поведут туда, куда он не хочет (см. Ин. 21.18).

Руководить Римско-Католической Церковью и присутствовать во всех остальных церковных сообществах, для которых папа служит «мостом», — задача невероятно сложная. Ее изначальная сложность увеличивается еще и потому, что, несмотря на попытки представить дело иначе, первосвященник не обладает властью абсолютного монарха. Во время Второго Ватиканского Собора Павел VI предложил было включить в «Догматическую конституцию Церкви» фразу о том, что папа «отчитывается только перед Господом». Это предложение было отвергнуто Теологической комиссией собора, отметившей, что «римский понтифик связан Богооткровением, фундаментальным устройством Церкви, обрядами, определениями, данными на предыдущих Соборах, и другими обязательствами, которые было бы слишком долго перечислять». Среди последних — обязанность придерживаться истины, что также накладывает ограничения на власть Папы. Один выдающийся философ, считавший себя ортодоксальным католиком, как-то заметил: «Если Папа скажет, что дважды два — пять, я ему поверю». Другой известный философ, не менее приверженный папству, высказался на этот счет так: «Если Святой отец скажет, что дважды два — пять, я во всеуслышание заявлю: «Очевидно, я неправильно понял его святейшество», — а оставшись один, буду молиться, чтобы Господь вернул ему разум». Папа — не *авторитарная* фигура, принимающая произвольные решения, руководствуясь лишь собственной волей. Он — хранитель *авторитарной* традиции вероучения, magisterium, определяющий границы Церкви. Он — ее слуга, а не хозяин.

Для Кароля Войтылы, который всегда был убежден в освободительном духе истины, «ограничения», накладываемые на папство, вовсе не были таковыми. Истина, связующая и освобождающая одновременно, по его мнению, была инструментом, позволяющим понтифику осуществлять свои функции, служа человеческой свободе. И он намеревался выполнять эти функции, руководствуясь формулой, данной в Евангелии от Луки (22.32), где Иисус, обращаясь к Петру, говорит: «...утверди братьев твоих» (имея в виду апостолов).

В первые же дни первосвященства Иоанна Павла II многие отметили, что он, казалось, «всю жизнь только этим и занимался». Один из тех, кто способствовал его избранию, кардинал Уиль-

ям Баум, замечательный знаток церковной истории, сказал годы спустя: «Не могу представить себе человека, который более годился бы [на роль первосвященника], чем кардинал Войтыла». Кардинал Агостино Касароли, имевший все основания опасаться будущего, поскольку трудно было представить, как поведет себя новый Папа, признался, уходя в отставку, что «Польша — слишком маленькая страна для такой могучей личности, как кардинал Войтыла... [которому] больше приличествует быть Папой». Подобное мнение высказывали не только «собратья по цеху». Краковский физик Ежи Янек, давно знавший Кароля Войтылу и друживший с ним, считал, что тот «с самого начала был фигурой мирового масштаба». С Янеком соглашался и пресс-секретарь папства, испанец Хоакин Наварро-Валлс, не имевший священнического сана: Иоанн Павел II с первого дня своего первосвященства «не ощущал никакого неудобства».

Хотя подобную легкость кое-кто склонен был приписать мастерству талантливого актера, быстро привыкшего к новой роли, сам Иоанн Павел II придерживался на этот счет иного мнения. Его переход от должности архиепископа Краковского к должности епископа Рима совершился так плавно потому, что он «верил в мудрость Святого Духа, призвавшего на Петров престол кардинала именно с этим опытом», из этого следовало: «такой опыт может быть полезен для всей Церкви». Новый Папа не считал, что нуждается в чьем-то совете по поводу того, как ему выполнять свои новые функции: ведь он в течение 20 лет был епископом, а в течение 14 — возглавлял архиепископство, имеющее давние исторические традиции. И сейчас новый Папа был преисполнен решимости продемонстрировать всему миру неразрывную связь двух своих должностей, даже если для этого потребуется в очередной раз нарушить традицию.

Архиепископ Бруно Хайм, признанный авторитет в области церковной геральдики, изготовил для Иоанна Павла семь вариантов герба. Новый Папа отклонил их все, оставив тот, что носил, будучи архиепископом Краковским: прописная буква «М», над ней крест, что должно было символизировать Деву Марию у креста, на котором распяли Иисуса, и девиз святого Луи Монфора: «Totus Tuus». Архиепископ Хайм презрительно заметил, что «практика использования инициалов полностью противоречит истинной геральдической традиции и напоминает рекламу или торговую марку». Епископ Жак Мартен, пре-

фект папского двора, тоже считавшийся экспертом в этом вопросе, жаловался с обидой:

— Герб поляка, возможно, выразителен в духовном смысле, но абсолютно не соответствует требованиям геральдики.

На первый взгляд дело казалось незначительным, но оно ясно свидетельствовало о стремлении нового Папы к независимости. Войтыла был убежден — для истории важен тот факт, что на престол святого Петра он взошел, оставив престол святого Станислава. Каждая структура Ватикана, созданная или преобразованная в период первосвященства Иоанна Павла, отныне должна была носить вызывающе необычный герб архиепископа Краковского.

Переживший глубокое эмоциональное потрясение до открытия и во время работы избравшего его конклава, Кароль Войтыла осознавал, какой непомерной тяжести груз взваливает на свои плечи. С того момента как он ответил кардиналу Вийо «Принимаю», он был преисполнен решимости вести, то есть продолжать делать то, что делал вот уже 20 лет — с тех пор как стал епископом.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В КУРИИ

Если Иоанн Павел II с самого начала своего первосвященства чувствовал себя вполне комфортно в новой должности, то некоторые его сотрудники явно ощущали беспокойство. Уподобив восхождение Кароля Войтылы на Святой Престол terremoto — землетрясению, можно сказать, что эпицентр его находился в центральной церковной администрации — Римской Курии. Мировая пресса, руководство Советского Союза, Коллегия кардиналов — все были шокированы, каждый по-своему, избранием Иоанна Павла II. Но наиболее болезненно это событие восприняли итальянские священники, епископы и кардиналы Курии.

Строго говоря, Рим является итальянской епархией. До сих пор это слово не несло в себе никаких политических коннотаций, поскольку папством и так управляли итальянцы. В то же время мысль о том, что римский епископат является «итальянской» прерогативой, имела громадное культурно-лингвистическое значение для деятельности Римской Курии. Двадцатисемивековая история Рима, тот факт, что Святой Престол устоял, когда сам город переживал не лучшие времена, были историческими

реалиями, позволяющими понять причины сегодняшнего господствующего положения католической Церкви. «Мы мыслим в масштабе веков» — исходящая от Курии классическая формулировка, которой не грех руководствоваться в наш бурный, стремительный век.

С другой стороны, Курия, и особенно ее итальянские члены, привыкли «управлять» папами. Этот собственнический инстинкт постепенно распространился до того, что управляли уже всей Церковью, так что местные церкви становились чем-то вроде региональных отделений могущественной фирмы «Римско-Католическая Церковь инкорпорейтед». В свете решений Второго Ватиканского Собора о коллегиальности епископов подобное положение нельзя было терпеть дальше. Тот, кто привык «мыслить в масштабе веков», рискует не заметить происходящие перемены.

В последние годы первосвященства Павла VI среди журналистов стало модным представлять Курию как сборище в лучшем случае своекорыстных мелких плутишек, а в худшем — честолюбивых негодяев. Ни тот ни другой образ не соответствует действительности. Один из ближайших помощников Иоанна Павла как-то обмолвился, что из нескольких сотен людей, с которыми ему довелось иметь дело в Римской Курии, лишь одного или двух можно было назвать негодяями — соотношение, которым не стыдно похвастаться любой организации. Главная проблема, с которой в октябре 1978 г., став Папой, столкнулся Иоанн Павел II, заключалась не в том, что члены Курии были мошенниками, а в их отношении к делу. Безоговорочная, хотя вполне исторически объяснимая приверженность тому, чтобы все «оставалось, как было», многими кардиналами-итальянцами рассматривалась чуть ли не как исполнение воли Божией. Gli stranieri [иностранцы] сюда совершенно не вписываются, заявил однажды, нимало не смущаясь, высокопоставленный сотрудник Курии. Папа, имевший собственное представление о том, как надо поступать, проверивший истинность своих идей на практике, то есть в непосредственном пастырском служении, неизбежно должен был чувствовать себя чужеродным телом в подобном окружении. Если прибавить к этому естественное разочарование членов Курии, вынужденных уступить Святой Престол «иностранцу», то проблема, с которой столкнулся Иоанн Павел II в самом начале своего первосвященства, станет совершенно очевидной.

С самого начала новый Папа недвусмысленно дал понять, что он не тот человек, которым можно «управлять». На первой же пресс-конференции в Зале благословений он снова нарушил традицию, смешавшись с толпой журналистов, атаковавших его самыми неожиданными вопросами на английском, итальянском, французском, польском и немецком языках. Когда один из «дирижеров» происходящего действа попытался помешать Папе сойти с возвышения, Иоанн Павел просто отодвинул его в сторону. Кто-то спросил, поедет ли он в Польшу. «Если они мне позволят», — был лаконичный ответ. Другой репортер поинтересовался, намерен ли понтифик продолжать занятия лыжным спортом. «Если они мне позволят», — снова ответил Иоанн Павел. В обоих случаях всем было ясно, о ком идет речь. Зная о трениях, существовавших между его непосредственным предшественником и некоторыми членами Курии, новый Папа твердо решил не дать «им» вмешиваться в его жизнь, а тем более отравлять ее.

Как показали годы, проведенные в Кракове, Кароль Войтыла был не из тех начальников, которые склонны по мелочам опекать подчиненных или избавляться от людей, мнение которых не совпадает с его собственным. Он на личном опыте убедился, что для епископа гораздо важнее определить приоритеты и следовать им, чем бороться с бюрократией. Он сам мог мыслить в масштабе веков и был убежден, что кое-какие замшелые традиции Курии со временем отпадут, как раковины, налипшие на лодку Петра. Так зачем тратить энергию и обижать людей, настаивая на переменах, если раковины не мешают плавному ходу лодки? Поскольку Папу совершенно не интересовали бюрократические интриги и тому подобные пустяки, он мог себе позволить просто-напросто игнорировать многое из того, что занимало умы некоторых его коллег.

Заняв высокий пост, Кароль Войтыла оказался перед выбором: стать подлинным главой Церкви, продемонстрировав всему миру убедительный пример нового первосвященника, пастыря и проповедника, или потратить время, отпущенное ему историей, на борьбу с Римской Курией. Он выбрал первое и мало-помалу начал добиваться своего, вначале с помощью нововведений, а затем — и новых назначений. В то же время было совершенно ясно, кто же на самом деле является хозяином положения. Папа ни у кого не спрашивал разрешения, когда на престоле Петровом продолжал делать то, что начал в приходе святого Станислава, так же как без всякого разрешения сразу после окончания второго конклава от-

правился в больницу навестить своего друга, епископа Дескура. Дескур, некогда проводник Кароля Войтылы по ватиканскому лабиринту, сказал, что теперь его роль несколько изменилась.

— Отныне моя обязанность состоит в том, — заявил он, — чтобы своими страданиями поддерживать его святейшество.

НЕУТОМИМЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Еще до официального вступления в должность Иоанн Павел II начал словами и делами обозначать основные направления своей деятельности на ближайшие годы.

Сразу после избрания, вечером 16 октября, он обратился к кардиналам с просьбой не покидать конклава. Проведя ночь в своей старой келье номер 91, Папа на следующее утро отслужил мессу и, обращаясь к собравшимся, кратко объяснил, что собирается делать на посту главы католической Церкви.

Главной своей задачей и «непреложной обязанностью» новый Папа считал воплощение в жизнь решений Второго Ватиканского Собора, «события исключительной важности в почти двухтысячелетней истории Церкви». При этом руководители Церкви должны «еще раз взять в руки основную хартию Собора, Догматическую конституцию «Lumen Gentium», чтобы поразмышлять о природе и назначении Церкви и с удвоенной энергией претворять задуманное в жизнь». Эту проблему Кароль Войтыла обсуждал с кардиналом Ратцингером еще до открытия первого конклава. По его мнению, если Церковь хочет выполнить свою уникальную историческую миссию, она должна предложить миру собственную позицию, недвусмысленно католическую и христианскую. Провозгласив приверженность решению Собора о коллегиальности Синода епископов, Иоанн Павел объявил, что намерен посвятить свое пребывание на посту первосвященника благородной цели христианского единства, а также, выполняя миссию Церкви в современном мире, способствовать укреплению мира и справедливости в отношениях между народами, уделяя особое внимание религиозной свободе.

19 октября понтифик, вновь встретившись с членами Коллегии кардиналов — это была первая официальная папская аудиенция, — отметил, что им потребовалось «большое мужество», чтобы провозгласить его епископом Рима. Напомнив, что каждый

новый кардинал клянется хранить верность Христу «до последней капли крови», Папа отдал должное тем бесчисленным безвестным христианам во всем мире, «которые до сих пор терпят муки и унижение во имя Господа нашего». Это было второе упоминание о преследованиях за веру, сделанное Папой в течение последних трех дней. По окончании аудиенции еще одна традиция была нарушена. Благословив кардиналов, Папа предложил, чтобы теперь они вместе с ним благословили всех верующих, продемонстрировав тем самым братство и церковное единение.

20 октября Иоанн Павел II принял членов дипломатического корпуса, аккредитованных при Святом Престоле. Он подчеркнул, что люди, с которыми он сегодня беседует, являются «представителями не только правительств, но и народов», живущих как в давно существующих государствах с многовековой историей, так и во вновь образовавшихся странах, еще не до конца раскрывших свои возможности. Церковь считает «богатое разнообразие... культур, языков и истории», часть которых сформировалась под ее влиянием, непременным условием развития человечества. В истории Польши насчитывается немало трагических страниц, и именно они, по словам Папы, научили его «уважать и ценить каждый народ с его уникальными традициями, существующий на равных среди других наций и народов». Святой Престол не претендует на власть в светском понимании этого слова. Его цель — способствовать «прежде всего пробуждению совести», и для достижения этой цели Церковь не нуждается ни в каких особых привилегиях. Однако справедливость требует религиозной свободы для всех, включая право исповедовать любую религию и право верующих «принимать активное участие в общественной жизни». Речь Иоанна Павла II, хоть и краткая, четко обозначила подход нового Папы к международной политике, его убеждение в том, что сближение культур должно стать главным приоритетом, а религиозная свобода, эта лакмусовая бумага справедливого общества, является правом любого человека, не подлежащим обсуждению.

На следующий день, 21 октября, состоялась пресс-конференция. Папа поблагодарил журналистов за подробное освещение «поистине исторических заслуг великого Папы Павла VI», за то, что благодаря им «приветливое лицо и неутомимая деятельность моего непосредственного предшественника, Иоанна Павла I, стали известны широкой публике», а также за «благожелательное освещение» событий, сопутствовавших его избранию. «Всегда трудно, —

заметил понтифик, — правильно трактовать события, еще труднее донести эту трактовку до других». Он искренне надеется, что журналисты получат «необходимую помощь со стороны компетентных» церковных органов. Журналистика, продолжал Иоанн Павел, — это призвание, «служение, к которому Церковь и человечество относятся с глубоким уважением». Тем больше оснований ценить свободу, в условиях которой работают некоторые журналисты: «Подумайте, как вам повезло!» Так в очередной раз исподволь и без всякого ехидства Папа сделал намек руководителям той страны, откуда приехал.

А эти самые руководители были, мягко говоря, не в восторге от происходящего. Партийная установка, выраженная по телевидению и в поздравительной телеграмме, присланной коммунистическими боссами, заключалась в том, что избрание Папы явилось великой победой польского народа. В ответной телеграмме, направленной 21 октября на имя председателя Польской объединенной рабочей партии Эдварда Герека, говорилось, что история польского народа «в течение тысячелетия неразрывно связана с католической Церковью». Правящий режим, по его собственным меркам, проявил неслыханную щедрость, выдавая заграничные паспорта полякам, желавшим посетить инаугурацию, которая должна была состояться 22 октября в Риме. Но даже это выдающееся событие власти использовали для мелкого шпионажа, сведения счетов и запугивания граждан. Яцеку Возняковскому и Тадеушу Мазовецкому, выдающимся религиозным писателям и друзьям нового Папы, в паспортах было отказано. Сыну одного из старинных друзей Иоанна Павла II предложили выдать паспорт и даже оплатить проезд, если он согласится информировать службу безопасности о том, что происходит по месту его работы — в краковском Ягеллонском университете. Польское телевидение собиралось выделить три часа на трансляцию мессы, и Папа постарался уложиться точно в отпущенное время. Ему хотелось, чтобы последним, что увидят его соотечественники на экране, был он сам, благословляющий собравшихся папским посохом, а не физиономия аккредитованного в Риме польского комментатора, трактующего происходящее в прокоммунистическом духе.

...На следующий после вступления в должность день, 23 октября, Иоанн Павел II дал прощальную аудиенцию польским паломникам. Она состоялась в новом ватиканском зале для аудиенций и прошла чрезвычайно эмоционально. Уезжая на родину, польские священнослужители получили от Папы два письма.

Первое было вручено Примасу Польши с просьбой, чтобы он и епископы распространили его содержание по всей стране. В письме Папа признавался соотечественникам, что, оставляя престол святого Станислава ради Рима, он «не может думать и говорить об этом без волнения. Кажется, человеческое сердце, а сердце поляка в особенности, не способно вместить такие эмоции». В результате Второй мировой войны и последовавших за ней репрессий со стороны коммунистического режима Польская Церковь приобрела «особый статус». Без осознания этого факта «невозможно понять, почему сегодня к вам обращается Папа-поляк». Разве могли произойти подобные события, спрашивал Папа, — избрание Иоанна Павла I в праздник Богоматери Ченстоховской, его внезапная смерть, призвание польского кардинала на Петров престол и признание его Церковью, — если бы за всем этим не просматривалась воля Божия?

Затем понтифик обратился к кардиналу Вышыньскому:

— Досточтимый и возлюбленный Примас, позвольте мне высказать свои мысли по этому поводу. Папа-поляк, который сегодня, исполненный страха перед Богом, но и великой веры, начинает свое первосвященство, никогда не утвердился бы на Петровом престоле, если бы не Ваша несгибаемая вера, которую не смогли сломить никакие страдания...

В ответ на это Вышыньский снова попытался встать на колени перед Папой и поцеловать его кольцо, а Иоанн Павел снова подошел к старому другу и заключил его в объятия.

Отдав должное Примасу как первому в церковной иерархии, Папа не забыл и о других соотечественниках, в том числе о польских коммунистах, внесших свой вклад в историю, ход которой, по мнению понтифика, определен Божественным Провидением. То, что сейчас испытывают поляки, продолжал Папа, является наивысшим проявлением патриотизма, «не имеющего ничего общего с национализмом или шовинизмом». Эти чувства проистекают «из глубины человеческого сердца» и свидетельствуют о благородстве человеческого духа, подвергшегося «многократным испытаниям в ходе нашей непростой истории».

Расставание было тяжелым, и Папа не собирался этого отрицать.

— Но если такова воля Господа, надо ее принять, и я принимаю ее.

Попросив поляков молиться за него, понтифик закончил аудиенцию благословением, особо подчеркнув, что «делает это не только по обязанности епископа и Папы, но и по велению собствен-

ного сердца». Во втором письме, адресованном в его «любимый Краков» через помощника епископа Юлиуша Гроблицкого, Папа уверял прихожан, что, «отправляясь в Рим на заседание конклава, не имел другого желания, кроме как вернуться назад, к вам... но Господь распорядился иначе». Возможно, он приедет на юбилейные торжества, посвященные святому Станиславу и закрытию архиерейского синода.

Четыре дня спустя — шла вторая неделя первосвященства Иоанна Павла II — он отправил письмо своей кузине Фелиции Вядровской (ее мать, Мария, и мать Войтылы были родными сестрами). В нем тоже чувствуется горечь разлуки.

> Дорогая Луся!
>
> Господь распорядился так, чтобы я остался в Риме. Поистине необычный эдикт святого Провидения! В эти дни я много думал о своих родителях, Мундеке и часто вспоминал твоих отца и мать, которые всегда были добры ко мне... Ты — моя единственная близкая родственница... Иоанн Павел II.

Аудиенции членам Коллегии кардиналов и представителям дипломатического корпуса, аккредитованным при Святом Престоле, а также встречи нового Папы со старыми друзьями и коллегами были вполне обычным явлением. Однако ватиканским «управителям» приходилось привыкать к тому, что у нового понтифика весьма разнообразный круг знакомых и он не собирается прерывать с ними связь. Так, Иоанн Павел II пригласил к себе в гости бывшего одноклассника Ежи Клюгера с женой и детьми. Визит был назначен на 23 октября, а несколькими днями раньше сотрудники Курии впервые узнали о существовании сестры Эмилии Эрлих. Успокоив свою подругу-монахиню, страстно желавшую избрания кардинала Бенелли: «Она плакала, потому что не выбрали ее кардинала, а я — потому что выбрали моего», — сестра Эмилия вернулась к прерванным занятиям в Папском библейском институте. В четверг, уже после избрания Войтылы, служащий институтской канцелярии подошел к монахине и сказал:

— Ничего не понимаю. Нам позвонили и передали, что вас хочет видеть Папа.

Сестра Эмилия села в автобус и вскоре оказалась у ворот Святой Анны — служебного входа в Ватикан.

— Все были в шоке. Ко мне приставили двух швейцарских гвардейцев, словно я была преступницей, и чуть не под конвоем привели к его святейшеству.

Увидев Папу, сестра Эмилия, по ее собственному признанию, «испытала настоящее потрясение: он появился весь в белом, а я никогда его таким не видела». Некоторое время они молча стояли и смотрели друг на друга. Вдруг сестра Эмилия расплакалась.

— Ну-ну, успокойтесь, — мягко обратился к ней Папа и объяснил, что ему нужна помощь: многочисленные издательства буквально атакуют его просьбами предоставить им право опубликовать его стихотворения, и справиться с этой лавиной писем он просто не в состоянии. Иоанн Павел попросил монахиню взять дело в свои руки и посоветовал обратиться в секретариат. Не зная, где находится данное учреждение, сестра Эмилия все же отыскала его, к немалому изумлению служителей Курии.

После инаугурационной мессы Иоанн Павел II не раз покидал золоченую клетку, ставшую отныне его домом и местом службы. 29 октября он отправился на вертолете в Менторелла, чтобы посетить святыню Марии, находившуюся в ведении Святых отцов воскресения, религиозной группы, создание которой еще в прошлом веке вдохновил сам Адам Мицкевич. Узнав о предстоящем визите, тысячи верующих из окрестных деревень начали стекаться в Менторелла. Извинившись перед местными властями за причиненные неудобства, Папа объяснил причину своего приезда. По его словам, Менторелла была тем местом, которое «помогало мне молиться во время моих прежних визитов в Рим». Теперь, переселившись в этот город, он снова захотел посетить святыню, ибо «молитва... [является] наипервейшей обязанностью Папы, а также непременным условием его служения Церкви и миру».

Через неделю, в воскресенье 5 ноября, Иоанн Павел в качестве нового Примаса Италии предстал перед верующими у гробниц святых покровителей страны, Франциска Ассизского и Екатерины Сиенской. Прилетев в Ассизи, Папа объявил многочисленной пастве, собравшейся в соборе, что, «не будучи рожден на вашей земле, я более чем кто-либо чувствую себя обязанным обрести здесь духовное рождение». С этой целью он и прибыл в Ассизи, где святой Франциск «проповедовал Христово Евангелие, навсегда запечатлев его в сердцах своих современников». В тот же вечер понтифик возвратился в Рим и направился в храм Санта-Мария сопра Минерва, где покоятся останки Екатерины Сиенской. Стоя у гроба этой «исправительницы пап» — женщины, своим влиянием заставившей Папу Григория XI в 1376 г. вернуться в Рим из «авиньонского пленения», — Иоанн Павел отметил «выдающую-

ся роль женщин в истории Церкви» и пообещал в будущем «обязательно развить эту тему».

В четверг, 9 ноября, Иоанн Павел II встретился с римскими священниками в Зале благодарений. В ближайшее воскресенье, 12 ноября, в его ведение в качества епископа Рима перешел собор Святого Иоанна Латеранского. Точнее говоря, Папа пришел просить прихожан принять его:

— Подобно тому, как на протяжении веков вы приветствовали моих предшественников... я смиренно прошу принять и меня. — Папа обратился к римлянам, жителям города, где дух католицизма был не всегда достаточно силен, еще с одной просьбой: — Последуйте мысленно на берега Иордана, где проповедовал Иоанн Креститель — тот самый, в честь кого назван этот собор. Вслушайтесь еще раз в его слова: «Узрите Агнца Божьего. Он есть умилостивление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира. ...Уверуйте с новой силой... в Христа, Спасителя мира!»

29 ноября, во время встречи с 13 тысячами подростков, Иоанн Павел попросил их «рассказать сверстникам, что Папа очень рассчитывает на молодежь». Воскресенье 3 декабря было первым свободным днем в его расписании, и Папа отправился в Гарбателло — в тамошней церкви он работал, будучи студентом. В следующее воскресенье он служил мессу в храме Святой Анны, «приходской» церкви Ватикана, где начал свою проповедь словами Блаженного Августина:

— Vobis sum... episcopus, vobiscum sum christianus [Для вас я епископ, с вами я христианин].

На следующий день, 11 декабря, в 30-ю годовщину принятия Всеобщей декларации прав человека, Иоанн Павел II призвал к тому, чтобы «религиозная свобода каждого отдельного человека и всех людей на земле уважалась всегда и везде». К этой же теме он обратился в своей проповеди, произнесенной во время полуночной мессы в рождественский сочельник, в послании от 1 января по случаю Всемирного дня мира и в новогоднем обращении к представителям дипломатического корпуса 12 января 1979 г. За первые два месяца пребывания на посту первосвященника Иоанн Павел II сделал для утверждения религиозной свободы, пожалуй, больше, чем было сделано за все предыдущие 13 лет — с того момента, как Второй Ватиканский Собор принял «Dignitatis Humanae».

За два дня до Рождества новый понтифик предпринял первые дипломатические шаги — отправил кардинала Антонио Самору в

Чили и Аргентину, чтобы тот выступил посредником в споре этих стран по поводу пролива Бигл, грозившем перерасти в открытую войну. Святой Престол не выступал в качестве международного посредника с 1885 г., когда вмешался в спор между Испанией и Германией по поводу Каролинских островов. Наиболее осторожные сотрудники Курии пытались удержать Папу от этого шага, полагая, что престиж Ватикана может пострадать, если миссия кардинала Саморы потерпит неудачу. Иоанн Павел придерживался на этот счет другого мнения. Когда один из аккредитованных в Ватикане дипломатов выразил восхищение мужеством Папы, тот возразил:

— Неужели Вы думаете, что, находясь на своем посту, я буду безучастно наблюдать за тем, как две католические страны скатываются к войне?

«Челночная дипломатия» Саморы (ему приходилось постоянно курсировать между Буэнос-Айресом и Сантьяго) увенчалась успехом. 9 января 1979 г. обе страны обратились к Святому Престолу с официальной просьбой выступить посредником в урегулировании пограничного конфликта и пообещали воздерживаться от использования военной силы на время урегулирования. Лишь прямое личное вмешательство Иоанна Павла II предотвратило возникновение локальной, но жестокой войны.

Между тем римляне все больше утверждались во мнении, что им нравится новый епископ. В рождественском послании «Urbi et Orbi» [«Городу и миру»] Папа отметил, что Рождество — это «праздник человека». «Каждому человеческому существу... уникальному и неповторимому» дана возможность стать сыном Божиим, поскольку Господь, появившись на свет в яслях Вифлеема и тем самым вмешавшись в человеческую историю, наделил человеческую натуру величайшим достоинством. На следующий день сотни римлян пришли на площадь Святого Петра. Был четверг. Никаких торжеств в этот день не предполагалось, однако люди стали хлопать в ладоши и вызывать Папу. Незадолго до полудня он подошел к окну, прочитал вместе с собравшимися Богородичную молитву («Angelus») и шутливо проговорил:

— Я радуюсь вместе с вами, но в то же время задаюсь вопросом — для чего вы пришли сюда? Вначале я подумал, что вы решили проверить, дома ли Папа во второй день Рождества. Потом мне пришло в голову, что сегодня прекрасный день и вам захотелось прогуляться. Но Папа всегда должен быть дома, потому что неизвестно, когда люди надумают прочесть «Angelus». — С

улицы продолжали доноситься крики. — Я не слышу, что вы говорите — к сожалению, там нет микрофонов. Но я понимаю, что вы любите Папу. Благодарю вас всех и счастливого Рождества... Да будет благословенно имя Господне.

Спустя несколько недель была нарушена еще одна традиция. Обычно папы не присутствуют на свадьбах. Нынешний понтифик и в этом отношении отличался от своих предшественников. Во время праздничной недели, когда он посещал рождественские ясли, установленные неподалеку от Ватикана, Виттория Джанни, дочь римского дворника, спросила, не согласится ли Папа провести для нее свадебную церемонию. Иоанн Павел II с улыбкой дал свое согласие. Виттория Джанни и Марио Мальтезе поженились 25 февраля в капелле Паолина в Ватикане. Мессу служил Папа. Через четыре дня Иоанн Павел встречался с 13 тысячами военных. Перед телевизионными камерами он появился в украшенном плюмажем шлеме берсальеров[1] и процитировал слова Паскаля: «Без Иисуса Христа мы не знаем, что есть наша жизнь, наша смерть, Господь и мы сами». Два дня спустя Папа провел первую субботнюю литургию, которую радио Ватикана транслировало на весь мир. Обычно представители католического духовенства ограничивались получасовой молитвой. Упомянутое выше изменение произошло по требованию слушателей.

В праздник Богоявления (Крещения), 6 января 1979 г., Иоанн Павел II рукоположил в епископы человека, которого он назвал своим преемником на посту архиепископа Краковского, — Францишека Махарского, старого друга и однокашника, одного из руководителей Краковского синода. После церемонии, проходившей в соборе Святого Петра, состоялась встреча понтифика с новым архиепископом и другими священнослужителями, вместе с ним прибывшими в Рим из Кракова. Вручая своему преемнику золотой нагрудный крест, подаренный в 1911 г. папой Пием X Адаму Стефану Сапеге (его в течение 14 лет, будучи архиепископом, носил сам Кароль Войтыла), понтифик сказал:

— Эта вещь принадлежит архиепископу Краковскому.

Зная, как Папа дорожит этой реликвией, Махарский попросил изготовить точную ее копию и несколько месяцев спустя вручил Иоанну Павлу II. С тех пор Папа не расставался с ней.

За четыре месяца со дня своего избрания не знающий устали Папа вдохнул новую жизнь в самое древнее на свете служение.

---

[1] Берсальеры — стрелки итальянской пехоты.

Словами и делами он дал понять всему миру, что считает обращение новичков и возвращение заблудших в лоно Церкви своей непреложной пастырской обязанностью. Он убедительно продемонстрировал, что в отличие от своих итальянских предшественников воспринимает титулы епископа Рима и Примаса Италии буквально. Обращаясь к молодежи, он сказал, что возлагает на нее большие надежды. Он продемонстрировал свою приверженность браку и семье. Он умело использовал дипломатические рычаги, которыми традиционно располагала Курия, понемногу расставляя новые акценты во взаимодействии Церкви с властью. Его страстные выступления в защиту религиозной свободы не оставляли сомнений ни у кого, в том числе и у коммунистических лидеров, что новый Папа не намерен связывать себя привычными правилами и не побоится прибегнуть к помощи общественного мнения в благородном деле отстаивания прав человека.

ИЗМЕНЯЯ ПРИВЫЧНЫЙ ПОРЯДОК

Мало того, что Иоанн Павел II делал то, чего до него не делал ни один Папа, — все это совершалось с головокружительной скоростью, прежде немыслимой в тихой ватиканской заводи.

Он вставал в половине шестого («с некоторым трудом», как сам однажды признался), одевался и шел в часовню. Здесь проходила лучшая часть его дня. Опустившись на колени перед современным распятием и старинной иконой с изображением Черной Мадонны, понтифик молился в течение часа, а то и больше. «География» этих молитв (его собственное выражение) простиралась далеко за пределы мировых кризисов и нужд местных церквей. В свою утреннюю молитву Папа включал сотни личных просьб, с которыми к нему обращались люди. Монахини, обрабатывавшие его корреспонденцию, перепечатывали эти просьбы на листочках бумаги и клали на аналой. В половине восьмого Папа вместе со своим секретарем и другими священниками служил мессу, на которой обычно присутствовали его гости, а также монахини, отвечавшие за содержание папских апартаментов. В половине девятого понтифик завтракал, зачастую вместе с гостями, пожелавшими остаться после мессы.

С половины десятого до одиннадцати Папа писал. В Кракове Войтыла обычно делал это в часовне перед Святым Причастием и

на всю жизнь сохранил привычку предварять каждую страницу молитвой. Именно в это время он работал над энцикликами, апостольскими посланиями и проповедями. В наиболее важных случаях он делал лишь наброски, а затем отсылал их своим ученым коллегам, чтобы те внесли замечания. Иногда, наоборот, Папа использовал черновик, подготовленный сотрудниками Курии или консультантами. В одиннадцать начинались официальные встречи, в том числе аудиенции, длившиеся два с половиной часа. В половине второго он шел на ленч вместе с гостями. Самая обильная трапеза дня, ленч состоял из пасты, мясного или рыбного блюда с разнообразным овощным гарниром, сладкого (по отзывам гостей, Папа очень до него охоч) и свежих фруктов, подававшихся с вином и минеральной водой. Ленч обычно кончался около трех, после чего Папа в течение десяти минут отдыхал, а затем шел прогуляться, как правило, по ватиканскому саду, пока Курия и весь остальной Рим предавались более длительной послеполуденной дремоте. Во время прогулки он молился, перебирая четки.

В три часа пополудни из секретариата поступала запечатанная сумка с официальными документами и письмами. Секретари сортировали бумаги, отбирая те, что требовали подписи или решения Папы. Иногда резолюция была такова: «Вопрос требует дальнейшего изучения». Во второй половине дня деловые встречи возобновлялись. Официальной аудиенции удостаивались кардинал — Государственный секретарь, кардинал-префект, возглавляющий Конгрегацию доктрины веры, кардинал-префект, возглавляющий Конгрегацию епископов, Sostituto (заместитель Государственного секретаря и практически начальник папского штаба), «министр иностранных дел» — руководитель Отдела внешних сношений. Эти встречи происходили по крайней мере раз в неделю, а когда надо — и чаще.

Обед начинался в половине восьмого вечера (на нем обычно присутствовали гости) и кончался в девять. К этому времени из секретариата поступала новая порция документов. Остаток вечера Иоанн Павел посвящал чтению, беседам с сотрудниками, иногда писал, позднее, с появлением электронной техники, просматривал поступившие факсы. В одиннадцать он шел спать.

В качестве отдыха Иоанн Павел II музыке и кино предпочитал философию, хотя иногда с удовольствием смотрел фильмы, считая их важным стимулом для «творческой работы». Многочисленные новые обязанности делали систематическое чтение

почти невозможным, но человек, который, уезжая в Рим, оставил на ночном столике только что вышедший томик Хайдеггера, старался не отстать от времени и, если выдавалась свободная минута, хотя бы просматривал тот или иной философский труд.

Роскошь Апостольского дворца с его рафаэлевскими фресками, позолотой, великолепными гобеленами и непременным мрамором резко контрастировала с простотой папских апартаментов, больше похожих на жилье представителя среднего класса. «Официальную» часть этих апартаментов: часовню, столовую и две приемные, большую и малую, — от личных покоев Папы отделял кабинет, где работали два его секретаря. К нему примыкал личный кабинет понтифика, где висела большая икона с изображением «Черной Мадонны». Спальню разделяла пополам старинная ширма. По одну ее сторону помещался небольшой письменный стол, а с другой находилась собственно спальня, где стояли широкая кровать, застеленная простым белым покрывалом, комод и большой стол с фотоальбомами, которые Иоанн Павел любил иногда просматривать. На дальней стене висела карта Римской епархии; со временем на ней будут отмечены те приходы, которые посетит Папа. В личных покоях Иоанна Павла имелось всего две фотографии: небольшой портрет князя-кардинала Адама Стефана Сапеги, стоявший на письменном столе в кабинете, и заключенное в серебряную рамку свадебное фото родителей понтифика — на столе в его спальне.

Папа старался сделать свои апартаменты родным домом для всех, кто там жил. В 1982 г. его вторым секретарем стал заирский священник, отец Эмери Кабонго, который вскоре отметил, что Иоанн Павел II вел себя «не как большой начальник», а как «человек, с которым легко ужиться». В день прибытия Кабонго первый секретарь решил показать новому сослуживцу место его будущей работы. Они находились в кабинете, когда туда зашел Иоанн Павел. Поприветствовав и благословив новичка, Папа лично провел его на кухню, где познакомил с сестрами-монахинями, сказал, что теперь Кабонго стал «членом семьи», и предложил считать «Станислава [Дзивиша, первого секретаря] своим братом». За все шесть лет работы у Иоанна Павла II Кабонго ни разу не слышал, чтобы тот поучал его, как и что нужно делать. Папа никогда не раздражался, натыкаясь на сбои в ходе бюрократической машины; редкие приступы его гнева вызывали лишь случаи, когда кто-нибудь отрицал истину католической веры. Заирец также заметил, что Папа старался организовать свою жизнь так, чтобы

иметь как можно больше контактов с людьми. При этом он вел себя с ненапускной естественностью. Человек безукоризненной, поистине королевской вежливости, Иоанн Павел не заставлял посетителей целовать свое кольцо, как того требовал обычай, но и не смущал отказом тех, кто хотел оказать ему этот знак уважения. Гости чувствовали себя легко в его обществе, не в последнюю очередь потому, что почти с каждым понтифик говорил на его родном языке.

Каждый день Иоанна Павла, по отзывам тех, кто с ним работал, был пронизан молитвой. Он молился не только в часовне во время мессы или литургии (им он уделял особое внимание), а постоянно — между встречами, по пути на аудиенцию, в машине, в вертолете, даже на крыше. При Павле VI на крыше Апостольского дворца был сооружен солярий, к которому по просьбе Иоанна Павла II пристроили лестницу, ступени которой символизировали остановки Христа на крестном пути. Здесь Папа молился каждую пятницу в течение года, а во время Великого поста — ежедневно. Раз в неделю он совершал таинство покаяния и исповедовался у польского священника. Однажды отец Джон Мэджи, секретарь Павла VI и Иоанна Павла I, теперь перешедший на службу к новому Папе, искал понтифика в его апартаментах и нигде не мог найти. Ему посоветовали заглянуть в часовню. Он так и сделал, но Папы не обнаружил. Тогда ему предложили опять пойти в часовню, но на этот раз посмотреть... вниз. Действительно, Иоанн Павел II распростерся перед дарохранительницей. Как сказал один из высокопоставленных сотрудников Курии, какое бы дело ни предстояло Папе, он принимал «все важные решения... преклонив колени перед Святым Причастием».

Ежедневно Иоанну Павлу II доставляли обзор ведущих газет мира, подготовленный в секретариате на итальянском языке. Он установил такой порядок: вначале просматривал заголовки, а затем читал заинтересовавшие его статьи или хронику новостей. Как и в Кракове, он узнавал гораздо больше, общаясь с людьми, чем штудируя то, что, по мнению окружающих, было «новостями». Когда Папа только начал рассылать личные приглашения к утренней мессе, завтраку, ленчу и обеду, сотрудники Курии пришли в ужас: до сих пор этим ведали секретариат и канцелярия. Один из старожилов Курии, встревоженный потоком никому не известных личностей, хлынувших в Апостольский дворец для того,

чтобы получить аудиенцию у понтифика или разделить с ним трапезу, жаловался:

— Некогда эти залы были символом респектабельности и хорошего вкуса. Теперь же они превратились в Кампо де Фьори (крупнейший открытый рынок в Риме).

Услышь Иоанн Павел этот отзыв, он бы остался доволен. Для него Церковь была прежде всего местом осуществления пастырской деятельности, где, как и на рынке, множество событий происходит одновременно.

Дав понять, что считает дом Петра домом Церкви, Иоанн Павел II был полон решимости сохранить круг личных знакомств. В который раз нарушив традицию, он утвердился в роли хозяина собственных часовни и стола, тем самым создав условия для частной переписки с друзьями и интеллектуальными собеседниками, разбросанными по всему миру. Это была выработанная еще в Кракове стратегия «добычи фактов», ныне противопоставленная бюрократической инерции. Папа не спрашивал разрешения, когда ему хотелось лично или письменно пообщаться с кем-то, — он просто обходил секретариат. Он также не стал испрашивать разрешения, когда ему захотелось пригласить в свою летнюю резиденцию, Кастель-Гандольфо, Ежи Янека с семьей. Приглашение было послано, и Янеки приехали.

Человеком, который некогда был помощником Кароля Войтылы на посту архиепископа Краковского, а теперь помогал ему справляться с обязанностями Папы, был его бессменный секретарь Станислав Дзивиш. Он родился в 1939 г. в Раба-Выжне, небольшой деревушке в окрестностях города Новы-Тарг. Неподалеку находился известный лыжный курорт Закопане, и Дзивиш, с детства увлекшись этим видом спорта, вскоре добился больших успехов. Приняв в 1963 г. священнический сан, он два года прослужил в приходе к югу от Кракова, в 1966 г. стал вторым секретарем, или «капелланом», архиепископа Войтылы, а вскоре — его основным секретарем. Позднее, уже находясь на службе в качестве папского секретаря, Дзивиш окончил богословский факультет.

Отношения этих двух людей напоминали отношения отца с сыном, причем любовь и почтительность младшего не омрачали ни страх, ни подобострастие. Дзивиш, обладавший своеобразным чувством юмора, острым умом и рассудительностью, был неутомимым тружеником. Его ни в коем случае нельзя было назвать точной копией Войтылы: они происходили из разных социальных

слоев (Дзивиш родился в многодетной крестьянской семье), имели разные интересы и вкусы, а порой по-разному реагировали на одну и ту же ситуацию. Переезжая в Ватикан, к новому месту службы, Дзивиш так сформулировал свою задачу — исполнять желания его святейшества.

У папских секретарей незавидная судьба — им часто приходится говорить «нет» важным людям, в том числе и священнослужителям, и неудовольствие, вызываемое подобным отказом, вполне объяснимо. И все же Станиславу Дзивишу в отличие от некоторых его предшественников удалось избежать гнева и неудовольствия высокопоставленных служителей Церкви. Отчасти это можно объяснить тем, что отпрыск крестьянской семьи сумел стать настоящим джентльменом, чью самоотверженность уважают даже те, кому он вынужден отказывать.

За несколько недель со времени избрания на пост главы католической Церкви Иоанн Павел II благодаря моложавости, энергии и спокойной решимости выполнить свое предназначение стал восприниматься многими как Папа новой формации. Казалось, из первых веков христианства вернулось благородное понятие епископства, когда, как выразился один ученый муж, «многие святые отцы были одновременно епископами, проповедниками, пастырями человеческих душ, богословами и духовными лидерами, а порой даже мистиками... Каждая грань их личности взаимодействовала с остальными, взаимно обогащая одна другую». Если вспомнить богатый опыт «управляемых» Пап, проповеднически-апостольский подход Иоанна Павла выглядит как радикальная перемена. С его же точки зрения, он просто был таким, каким надлежало быть епископу в соответствии с древней традицией, возрожденной Вторым Ватиканским Собором.

ШТОРМОВЫЕ СИГНАЛЫ ИЗ МОСКВЫ

Однако не все было подвластно его воле. Иоанн Павел II считал, что свое первое Рождество в качестве Папы обязан провести в Вифлееме. Эта идея вызвала смятение в секретариате. Дело в том, что Вифлеем расположен на западном берегу реки Иордан, то есть на территории, оспариваемой арабскими странами и Израилем со времен войны 1967 г. Святой Престол не имел налаженных дипломатических отношений ни с одним из втянутых в

конфликт государств, и это приходилось учитывать, планируя визит в столь сложный регион, как Ближний Восток. Не мог же Папа прибыть в Вифлеем как простой паломник! В конце концов Иоанн Павел II отказался от этой идеи, хотя упомянул о своем намерении побывать в Вифлееме в проповеди, прочитанной в Риме в канун Рождества. Желание посетить Святую Землю, о котором Папа потом не раз говорил в беседе с самыми разными людьми, с годами лишь укреплялось.

Экстравагантная мысль о поездке на Ближний Восток лишний раз свидетельствовала о том, что Иоанн Павел II придерживался иных взглядов на позицию папства в мировой политике, чем его предшественники.

Он понимал, что уникальный статус Святого Престола в международном праве и дипломатической практике — одно из неоспоримых преимуществ Церкви. Этот статус предоставлял ей место в международных правовых и политических организациях и давал возможность высказывать собственную точку зрения по морально-этическим вопросам. Одновременно суверенитет Ватикана, этого микрогосударства, позволял папству не зависеть от любой государственной власти. Город-государство Ватикан гарантировал свободу Церкви и в этом смысле служил воплощением религиозной свободы. Однако для Иоанна Павла II международный правовой статус Святого Престола и независимость государства, в котором он являлся высшим должностным лицом, были ценны не сами по себе, а как средство для достижения реальной цели Петрова служения, то есть для проповеди Евангелия и укрепления братии. Правила игры, принятые в международной политике, не должны были мешать осуществлению этой проповеднически-апостольской миссии. Начиная с Льва XIII все папы так или иначе рассматривали международные дела сквозь призму морального аспекта своей должности. Иоанн Павел II пошел еще дальше. Дистанцируясь от светской власти, он по существу еще раз провозгласил независимость церкви и ее стремление играть свою уникальную духовную роль в международных делах, не ведая страха и сомнения.

Подпав под несомненное обаяние необычного Папы, представители средств массовой информации часто упускали из виду глубинные причины и особенно последствия того, что сами же окрестили terremoto [землетрясением], то есть избрания Иоанна Павла II. А вот советское руководство, во всяком случае наиболее дальновидные его члены, понимало, что имеет дело не с незначи-

тельным эпизодом взрыва религиозного восторга экзальтированных поляков, а с чем-то неизмеримо большим.

Первоначально новость об избрании Кароля Войтылы была воспринята в Советском Союзе довольно благосклонно, хотя и сдержанно. Еженедельник «Новое время» писал, что новый Папа будет продолжать политику Иоанна XXIII и Павла VI. «Печальный опыт Пия XII убедительно продемонстрировал, что антикоммунизм является тупиком для Церкви», а избрание Войтылы следует рассматривать как поражение итальянских кардиналов, не спешивших с воплощением в жизнь решений Второго Ватиканского Собора.

Такова была версия для широкой публики. На самом же деле советское руководство пребывало в шоке. Один известный итальянский журналист, не раз бывавший в СССР, как-то признался Ежи Туровичу, что «Советы предпочли бы видеть Александра Солженицына на посту Генерального секретаря ООН, чем поляка в качестве Папы». Председатель КГБ Юрий Андропов понимал, что времена изменились — радикально и, по его мнению, к худшему. Так же как в свое время он понял, какую угрозу для советского режима представляет Солженицын, так и теперь глава всемогущего ведомства не сомневался, что избрание Кароля Войтылы чревато серьезными проблемами для Советского Союза и его сателлитов.

Пока Андропов изучал вопрос по своим каналам, Центральный Комитет КПСС заказал собственный анализ политических последствий избрания Войтылы. В отчете, подготовленном директором Института экономики мировой социалистической системы Олегом Богомоловым менее чем за три недели, бывший архиепископ Краковский характеризовался как «правый», который, избегая прямых нападок на коммунизм, тем не менее доставил немало хлопот польским товарищам. Богомолов верно нащупал одну из возможных проблем: избрание Войтылы позволит Ватикану усилить давление на страны, входящие в Варшавский Договор, чтобы добиться уступок в вопросе религиозной свободы. В качестве одной из возможных контрмер предлагалось мягко предупредить Святой Престол: мол, «враждебная» кампания в защиту прав человека негативно скажется на положении религиозных организаций в Центральной и Восточной Европе. По мнению Богомолова, «следует изучить возможность улучшения отношений с католическим духовенством Литвы, Украины и Белоруссии», чтобы во всеоружии встретить моральную (по советской

терминологии — идеологическую) атаку, которую наверняка предпримет Войтыла.

Предложение Богомолова свидетельствовало о том, что беспокойство Кремля по поводу избрания Иоанна Павла II не ограничивалось возможным подрывом советских позиций в Польше. Польша была географической осью Варшавского Договора, поскольку служила сухопутным мостом между СССР и Восточной Германией, самой важной стратегической точкой внешней Советской империи. Но если Польша была осью *внешней* империи, то Украина была осью империи *внутренней*, созданной Лениным и Сталиным на обломках царской России. Оплотом украинского национализма, особенно в Западной Украине (Галиции), служила Греко-Католическая (униатская) Церковь, подвергавшаяся жесточайшим преследованиям начиная со времен Сталина. Ничто не пугало хозяев Кремля больше, чем возможное возрождение украинского национализма, и ни одна организация не годилась на роль вдохновителя этого возрождения больше, чем униатская церковь. Симпатии Войтылы к украинским последователям этой церкви были хорошо известны. Его встреча с находящимся в изгнании кардиналом Иосифом Слипым (она произошла 20 ноября 1978 г., причем беседовали они на украинском языке) не осталась незамеченной.

Другим мощным католическим анклавом была Литва, где Церковь также подвергалась преследованиям с 1940 г. — времени насильственного присоединения республики к Советскому Союзу. Тайное посвящение в сан, широкая сеть нелегально действующих священников и монахинь, а также публикующаяся с 1972 г. «Хроника католической Церкви Литвы» (одна из первых книг самиздата) позволили Церкви выжить, несмотря на религиозные преследования и насильственную русификацию. И вот появился Папа, знающий литовский язык, продолжатель идей польско-литовской унии, который вскоре после избрания тайно переправил свою красную кардинальскую шапку в Вильнюс, к гробнице Марии Острабрамской. Не прошло и нескольких месяцев после избрания Иоанна Павла, как Совет по делам религий получил донесение о том, что «экстремистски настроенные священники» ведут в Литовской Советской Социалистической Республике активную работу, направленную на создание Католического комитета по защите прав верующих. Вскоре некоторые из этих людей были сосланы в Сибирь, а другие погибли в спровоцированной властями дорожной катастрофе.

Сформировавшиеся в эпоху сталинских репрессий, люди, управлявшие Советским Союзом во времена Брежнева, уже не так ревностно относились к тончайшим идеологическим нюансам, как их предшественники в 1920–1930-х годах. Однако марксизм-ленинизм оставался господствующей идеологией, оправдывавшей их власть в многонациональном Советском Союзе и влияние на его сателлитов. Это было учение во имя поступательного движения истории, которое в соответствии с брежневской доктриной, созданной, чтобы оправдать ввод советских танков в Чехословакию для подавления Пражской весны 1968 г., ни в коем случае не могло быть пересмотрено. Именно в этом контексте советское руководство размышляло о своих взаимоотношениях с Римско-Католической Церковью и анализировало «за» и «против» Восточной политики Павла VI. Люди вроде Леонида Брежнева, Андрея Громыко и Юрия Андропова не верили в историческую конвергенцию коммунистического мира, впитывавшего либеральные ценности, и Запада, все больше воспринимавшего социал-демократические идеи. Они ценили Восточную политику за то, что она, снижая накал общественной конфронтации между католической Церковью и коммунизмом, не препятствовала упрочению советских позиций во внутренней и внешней империях и одновременно ослабляла институт, традиционно считавшийся непримиримым историческим противником.

Став главой Римско-Католической Церкви, Кароль Войтыла вовсе не стремился к разрушению Советского Союза и его внешней империи. Ему и в голову не приходило рассматривать свои возможности под этим углом зрения. Он был полон решимости донести до общественного сознания правду о человеке, запечатленную в Христовом Евангелии, а в этом смысле проповеднически-апостольское первосвященство должно было неизбежно прийти в столкновение с прямо противоположными взглядами на человеческую природу, общество и судьбу, провозглашаемыми коммунизмом.

Отказ Иоанна Павла II принять устройство Европы, зафиксированное на Ялтинской конференции, явился прямым вызовом послевоенной советской стратегии. По советским меркам это само по себе было ужасно. Мало того — Папа-славянин, имеющий возможность обращаться к каждому из непокорных народов внешней и внутренней советских империй на их родном языке, был настоящим кошмаром для кремлевских хозяев, который мог им привидеться разве что в дурном сне. Причем все это Папа

проделывал очень тонко. Как и во времена, когда он был архиепископом Краковским, Кароль Войтыла избегал прямых нападок на марксизм-ленинизм, что дало бы возможность его противникам обвинить понтифика в пособничестве Западу. Однако, уделяя большое внимание правам человека, и прежде всего праву на свободу вероисповедания, Иоанн Павел II разил неприятеля в самое сердце — ведь основой коммунистической доктрины была претензия на то, что только коммунизм воплощает подлинный гуманизм и является истинным освободителем человечества в XX веке.

Надежды, которые Кремль возлагал на Восточную политику Ватикана в конце 1960 — начале 1970-х гг., пошли прахом. Новый Папа представлял серьезную угрозу не только для Варшавского Договора, но и для Советского Союза в целом именно потому, что был не политиком, а проповедником.

ПУЭБЛА И ХРИСТИАНСКОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Встречаясь с членами Коллегии кардиналов накануне Рождества, 22 декабря 1978 г., Иоанн Павел II объявил о своем желании в следующем месяце поехать в Мексику, чтобы посетить святыню Богоматери Гуадалупской, расположенную близ Мехико, и принять участие в Третьей Генеральной ассамблее Совета конференций латиноамериканских епископов (CELAM).

В ходе первого заграничного паломничества новый Папа оказался в центре наиострейшей проблемы современного католицизма, связанной с положением Церкви в Мексике. Жестоко преследуемая мексиканскими революционерами в первой половине нынешнего столетия, Церковь после Второй мировой войны постепенно приспособилась к жизни в этих условиях. Однако официально, по конституции, государство оставалось антиклерикальным, его отношения с Церковью были весьма напряженными, а в общественной жизни «Церкви просто не существовало», как выразился позднее один мексиканский священник. Когда мексиканские епископы пригласили Иоанна Павла посетить их страну и принять участие в Генеральной ассамблее CELAM в Пуэбле-де-Лос-Ангелес, ватиканский секретариат, естественно, занервничал. Святой Престол не имел дипломатических отношений с мексиканским правительством, а оно не присылало Папе официально-

го приглашения. Проблему удалось урегулировать с помощью искусной «личной» дипломатии.

Мать и сестры президента Хосе Лопеса Портильо, все как одна ревностные католички, жили вместе с ним в резиденции, расположенной в президентском квартале Мехико, а одна из сестер была его личным секретарем. Отец Марсиаль Масиель, основатель организации «Христовы легионеры», нового движения в защиту священников, убедил своих прихожанок в том, что они просто обязаны уговорить президента пригласить Папу. Напор энергичных дам увенчался успехом. Невзирая на протесты своего антиклерикально настроенного министра внутренних дел, Лопес Портильо направил приглашение, оговорив лишь, что Папа будет встречен как частное лицо, а не как глава государства и что ему следует получить визу. Может быть, эти оговорки заставили поморщиться ватиканских дипломатов, что же касается Иоанна Павла II, то он остался вполне доволен.

После мессы и ночлега в Доминиканской Республике понтифик 26 января 1979 г. прибыл в Мехико на самолете итальянской авиакомпании «Алиталия». Опустившись на колени, он поцеловал землю, а поднявшись, обнаружил, что к нему направляется президент республики. Ощущая растущий энтузиазм народа по поводу предстоящего визита, Лопес Портильо решил все-таки приехать в аэропорт для «неофициального» приветствия. К Папе он обратился со словами:

— Добро пожаловать домой.

Кортеж автомобилей добирался до столицы целый час, хотя ее отделяло от аэропорта менее пяти миль. Миллионы мексиканцев выстроились вдоль всего пути, забрасывая цветами машину Папы. Сотни священников и монахинь нарушили многовековой запрет, подтвержденный мексиканской конституцией, и появились в общественном месте в одежде, не оставлявшей сомнения в роде их занятий. Отслужив мессу в соборе, Папа обратился к 300 тысячам мексиканцев, собравшимся на площади Конституции. В тот же день понтифик посетил резиденцию Лопеса Портильо и познакомился с его матерью и сестрами. Они побеседовали в течение получаса, а затем Иоанн Павел освятил небольшую часовню, устроенную прямо в доме.

Возможно, кому-то из тех, кто в эти дни — 26 и 27 января — встречался с Папой в Мехико и Гуадалупе, он показался слишком задумчивым, погруженным в свои мысли. На то имелись веские причины. На следующий день, 28 января, обращаясь к участ-

никам Генеральной ассамблеи CELAM, Папа коснется вопроса о том, какой надлежит быть католической Церкви в Латинской Америке после Второго Ватиканского Собора. Этот вопрос был ключевым в острых дебатах по поводу «теологии освобождения», и от его решения зависела судьба половины католиков, проживающих в мире.

Сам термин до некоторой степени вводил в заблуждение, поскольку к концу семидесятых годов существовало несколько подобных теорий. Различаясь методом анализа и целями, все они имели и нечто общее. Преуменьшая реформистский дух Второго Ватиканского Собора, предусматривавшего постепенную трансформацию социально-экономических и политических структур в результате взаимодействия христианского гуманизма с современностью, «теология освобождения» склонялась в пользу более революционной стратегии, основанной на марксистских категориях социально-экономического анализа. «Греховную социальную структуру» существующего порядка следовало свергнуть в результате классовой борьбы. В ходе этой борьбы Церковь, всегдашняя защитница угнетенных, должна была организовать небольшие христианские «общины» для бедных. Осознав свое зависимое положение и вдохновленные образом Христа-освободителя, бедняки взяли бы на себя переустройство общества. Если бы в ходе осуществления этой задачи понадобилось прибегнуть к насилию, такое «вторичное насилие» могло быть оправдано как самозащита бедных слоев населения от «первичного насилия» «господствующих» социальных структур.

Воспринимаемое как типично латиноамериканский феномен, «теология освобождения» было в основном разработано теологами — уроженцами этого континента, которые, пройдя обучение в Европе, вернулись на родину, обогащенные «марксистскими идеями», столь модными в то время в Старом Свете. Церковь в Латинской Америке традиционно была союзницей социально-экономической, военной и политической власти. Подобная модель отношений Церкви и общества подверглась резкой критике на Втором Ватиканском Соборе. В принятом на нем документе «Dignitatis Humanae» союз алтаря и хунты характеризовался как недостойный Церкви, а декларация «Gaudium et Spes» призывала католицизм к более активной поддержке свободы, мира и справедливости. Вопрос состоял не в том, должна ли латиноамериканская Церковь помогать беднякам, а в том, как она может это сделать.

«Теология освобождения» открыто выступала за «пристрастную Церковь». По мнению сторонников этой теории, Церковь не столько союз верующих, где люди, собираясь вместе, пытаются понять друг друга, обмениваются идеями по поводу переустройства общества и совершают обряды в знак связи более тесной, чем политика. Нет, Церковь — это скорее активная деятельница, которая, приняв классовую борьбу в качестве движущей силы истории, должна выступать «на стороне одних и против других», как выразился один из главных идеологов «теологии освобождения». Если для этого придется противопоставить «народную церковь» «церкви иерархической», значит, того требует справедливость. «Теология освобождения» явилась закономерным результатом противоречий, раздиравших Второй Ватиканский Собор и в конце концов приведших к его политизации. «Gaudium et Spes», прочитанный с позиций «марксистского анализа», породил в итоге более ограниченную, менее избирательную, классово ангажированную церковь, чем ограниченная и классово ангажированная церковь, которую справедливо критиковали сторонники «теологии освобождения».

К их чести следует отметить, что они совершили и нечто позитивное. На протяжении веков верная союзница олигархии, латиноамериканская церковь утратила роль защитницы бедняков. Идеологи «теологии освобождения» были правы, полагая, что обновление церкви должно начаться с низов и что самый эффективный способ разбудить энергию масс — это возвратить Библию народу. Сделать богослужение и отправление церковных обрядов частью повседневной жизни людей — такую цель преследовали богословы — сторонники освобождения. Но подобный призыв звучал и до открытия Второго Ватиканского Собора, и на нем самом. Перед Иоанном Павлом II стояла непростая задача — отделить то положительное, что внесли сторонники «теологии освобождения» в интерпретацию идей Собора, от высказываемых ими неверных и даже еретических взглядов. Причем сделать это предстояло не только с учетом противоречий, терзавших латиноамериканскую церковную иерархию, но и пытаясь сгладить эти противоречия.

Пуэбла — город, где проходило совещание CELAM, располагается примерно в 80 милях от Мехико. Дорога там весьма живописна. С нее видны вулканы Истаксиуатль и Попокатепетль, а также горный перевал, которым воспользовался Кортес, знаменитый завоеватель древней столицы ацтеков. Все эти достопри-

мечательности были показаны Папе, пока он добирался из Мехико в Пуэблу. По пути его встречали более миллиона мексиканцев. Индейцы в национальных костюмах, а также делегации различных приходов с крестами и переносными алтарями, собаками, лошадьми и осликами расположились лагерем вдоль всей дороги. Кортеж сделал краткие остановки в Сан-Мартине, Техмелукане и Сан-Мигель-Хохтле, во время которых Папа обратился к верующим с импровизированной речью на испанском языке.

Пуэбла восторженно встретила понтифика. В воздухе плавали гигантские воздушные шары, город был расцвечен огнями, а над всем этим великолепием парил миниатюрный аэроплан, откуда через громкоговорители доносилась хоральная оратория Генделя «Аллилуйя». На улицах яблоку негде было упасть. Люди размахивали мексиканскими и польскими флагами, а также флагами Ватикана. В царивший вокруг невообразимый шум вносили свою лепту многочисленные оркестры и беспрерывно звонившие церковные колокола. Иоанн Павел отслужил мессу, стоя на возвышении, пристроенном к стене местной семинарии. Толпа скандировала:

— Puebla, Puebla, Puebla ama Papa! [Пуэбла, Пуэбла, Пуэбла любит Папу!].

После мессы Иоанн Павел II обратился с речью к латиноамериканским епископам. Заседание было закрытым для публики и прессы. Эта речь, самая важная за время его пребывания в должности, была итогом размышлений человека, с ранней юности пытавшегося решить для себя моральную проблему — оправдано ли революционное насилие в ответ на социальную несправедливость. В глубоко личном, проникнутом церковным духом обращении Иоанн Павел II остановился на некоторых аспектах «теологии освобождения», которых уже касался ранее в своей пьесе «Брат Господа нашего», но на этот раз взглянул на них с точки зрения идей христианского гуманизма, развитых на Втором Ватиканском Соборе.

— Я пришел к вам, — начал понтифик, — как брат к возлюбленным братьям.

Его восхищают, продолжал он, успехи, которых латиноамериканским епископам удалось добиться на двух предыдущих ассамблеях: в Рио-де-Жанейро в 1958 г. и в Медельине (Колумбия) в 1968-м. Величайшее преимущество священнослужителей состоит в том, что они приехали в Пуэблу «не как эксперты, политики или ученые, а как... церковные пастыри». И в качестве таковых

они прежде всего должны стать «учителями истины», ибо истина является основой всех человеческих действий, ведущих к подлинному освобождению.

Вверенная епископам истина — это «истина об Иисусе Христе», и именно она станет основой «нового проповедничества» и предметом рассмотрения конференции в Пуэбле. Истина об Иисусе Христе — это не теологическая абстракция. Из нее проистекает «выбор ценностей, отношений и способов поведения», которые создадут «новых людей и... новое человечество» через возвращение к подлинно христианской жизни. Главная истина об Иисусе Христе заключена в словах Петра: «Ты — Христос, Сын Бога живого». Вот чему учит Церковь, вот каково «единственное Евангелие», а его «вторичные прочтения» на основе идеологии делают невозможным истинно христианское освобождение. Среди этих «вторичных прочтений» — и то, что появилось относительно недавно. В нем Иисус предстает «как политический деятель, человек, боровшийся с властью римлян, участник классовой борьбы. Но подобный образ Христа — политика, революционера, разрушителя из Назарета не соответствует церковному учению... В Евангелии ясно сказано, что... Иисусу... была чужда позиция тех, кто смешивал служение Богу с политикой (см. Мф. 22.21, Мк. 12.17). Он безоговорочно осуждал насилие и ко всем обращал свою проповедь...

Истинное освобождение можно обрести только в спасении, предлагаемом Христом, мессианском спасении, даруемом «преобразующей, миротворящей, прощающей и примиряющей любовью». Такая вера способствовала формированию Латинской Америки, ее «религиозной практики и народной набожности», и она же должна продолжать «динамично определять будущее [Латинской Америки]». Любое другое «вторичное прочтение» церковного вероучения выхолостит Евангелие и лишит церковь ее уникального статуса. «Царство Божие» нельзя свести к «простому переустройству» общественных структур, поскольку в таком политизированном, светском царстве обесценится свобода, которую ищет каждый человек.

Марксизм не может служить для христианской теологии тем, чем послужило учение Аристотеля для Фомы Аквинского потому, что марксистское понимание человека изначально порочно и эта «антропологическая ошибка» пронизывает всю совокупность политических и экономических взглядов марксизма. В отличие от сугубо материалистического взгляда на гуманизм, исповедуе-

мого сторонниками марксизма, Церковь считает, что «человек создан по Божьему подобию и не является ни простым явлением природы, ни безымянным элементом человечества». Христианский гуманизм, «совершенная правда о человеке» — это основа социальной доктрины Церкви, в которой мужчины и женщины предстают не как объект действия слепых исторических и экономических сил, а как творцы общества, экономики и политики.

Задача епископов — пастырей и учителей истины — состоит в том, чтобы «защищать человеческое достоинство как ценность, провозглашенную в Евангелии, которую нельзя принизить, не нанеся тем самым величайшую обиду Создателю». Защищая религиозную свободу, протестуя против насилия и преследований, отстаивая право на участие в общественной жизни, Церковь «не нуждается в поддержке какой бы то ни было идеологической системы, чтобы любить, защищать и способствовать освобождению человека». Ей достаточно обратиться к Христу. Всеобъемлющее освобождение человеческой семьи — дело Церкви, потому что оно было делом Христа.

Будущее, как всегда, находится в руках Господа. Но, призывая «к новому проповедничеству», Господь вверил будущее и епископам. Свою речь Иоанн Павел закончил словами Евангелия: «Итак, идите, научите все народы» (Мф. 28.19).

Возвратившись в Мехико вечером 28 января, Папа имел телефонный разговор с кардиналом Себастьяно Баджо, префектом ватиканской Конгрегации епископов, который председательствовал на совещании CELAM. Баджо сообщил, что речь понтифика получила полное одобрение епископов. Прежнюю задумчивость Иоанна Павла как рукой сняло. Поднимаясь к себе в спальню, он даже насвистывал. Обычное бодрое настроение не покидало понтифика до окончания мексиканского визита, что не замедлили отметить его спутники.

На следующий день, 29 января, Папа прибыл в Куилапан, где выступил перед полумиллионом индейцев, съехавшихся туда из Оахаки и провинции Чьяпас. Некоторые из них уже в течение нескольких дней стояли лагерем близ развалин старинного монастыря колониальных времен. Папа спустился к ним на вертолете. Индейцы, одетые в колоритные национальные костюмы, танцевали и пели для понтифика, осыпали его подарками, водрузили ему на плечи множество красочных вышитых шерстяных накидок, а в довершение подарили головной убор вождя. Папа был явно тронут. Он обнимал и целовал всех, кто подходил к нему с

подарками, и старался найти время, чтобы побеседовать с каждым.

На фоне выжженного, лишенного растительности плато Иоанн Павел II обратился к собравшимся с проникновенными словами. Он сказал, что хотел бы «быть вашим голосом, голосом тех, кто не может или не смеет говорить», чтобы «помочь наверстать упущенное время, время многовековых страданий и несбывшихся надежд». Его голос звенел от волнения, когда он говорил о несправедливости, искалечившей жизнь латиноамериканских бедняков, и клеймил тех, кто повинен в непрекращающемся угнетении неимущих.

— Униженный крестьянин, труженик, в поте лица добывающий свой хлеб, больше не может ждать, когда за ним признают право на человеческое достоинство — право, которое он заслужил ничуть не меньше, чем остальные члены общества, — убежденно говорил Иоанн Павел. — Его надо уважать, а не отнимать то немногое, что у него есть, да еще порой методами, мало чем отличающимися от грабежа... Он имеет право на реальную помощь, что вовсе не означает благотворительности или жалких подачек, которая даст ему возможность жить достойно, как положено человеку и сыну Божьему... Настала пора решительных изменений... [и] смелых реформ, которые больше нельзя откладывать.

Комментаторы не замедлили противопоставить выступления в Пуэбле и Куилапане. По их мнению, в первом случае Иоанн Павел предстал в роли «теологического консерватора», а во втором — как «социально-политический либерал». За этими журналистскими клише нетрудно усмотреть то, что позже стало называться «плохим Иоанном Павлом» Пуэблы и «хорошим Иоанном Павлом» Куилапана. Подобное противопоставление практически лишено смысла. То, что Папа сказал в защиту бедных в Куилапане, уже содержалось в сжатом виде в его речи о христианском освобождении, произнесенной в Пуэбле, причем он не высказывал свои личные взгляды, а развивал идеи, провозглашенные на Втором Ватиканском Соборе.

Важные, порой критические и даже радикальные предложения по поводу изменения социально-экономической и политической ситуации объяснялись тем, что Иоанн Павел II как страстный проповедник искренне верил в то, что истина о человеке была впервые открыта Иисусом Христом. Попытка оценить выступления понтифика «извне» оторвала их от их автора — мысль, впервые прозвучавшая после Пуэблы и Куилапана и затем не раз

повторенная. На самом деле мексиканские обращения послужили первым признаком того, что Иоанна Павла II и его первосвященство можно правильно воспринять только «изнутри». При этом богословию отдавался приоритет, а политика, культура и экономика были той ареной, на которой выступали богословские истины. Подобный подход оказался в новинку журналистам, привыкшим считать политику чем-то «реальным», а богословие делом личного вкуса.

Изрядно загоревший Иоанн Павел II вернулся в Рим вечером 1 февраля и сразу направился в собор Святого Петра, чтобы отслужить благодарственный молебен. Кароль Войтыла уже давно пришел к выводу, что не является хозяином собственной судьбы, и, приняв решение, не сожалел о несбывшемся. И все же во время первого международного испытания своего первосвященства он невольно задумывался над тем, сможет ли стать таким, каким, по его мнению, надлежало быть Папе, а также о том, как окружающие воспримут на этом посту поляка. Его тревожило и то, как пройдет конференция, ибо на совещании в Пуэбле на карту была поставлена судьба решений Второго Ватиканского Собора в Латинской Америке. И вот ответы на все вопросы получены. Многие латиноамериканские епископы с благодарностью восприняли обращение понтифика, а прием, устроенный ему простым народом, превзошел все ожидания. Улетая из Мехико, Папа видел, что весь город искрит и переливается огнями, — это миллионы мексиканцев с помощью зеркал ловили солнечные лучи и направляли их в его сторону. Возможность проповеднически-апостольского первосвященства — «живая энциклика слова и дела», по выражению Марека Скварницкого, — была с успехом доказана в исключительно трудных обстоятельствах.

Приступая к работе над своей первой энцикликой, Папа намеревался объяснить, что он понимает под христианским гуманизмом, которому предстояло стать основой всего его первосвященства.

ПРОГРАММА БУДУЩЕГО ПЕРВОСВЯЩЕНСТВА

Как свидетельствует двадцать одно послание, содержащееся в Новом Завете, духовные лидеры христианства считали письма действенным инструментом распространения вероучения еще в

те времена, когда Церковь только зарождалась. Ученые возводят современную традицию папских энциклик — писем, адресованных группе епископов или всему мировому епископату, — к посланию Папы Бенедикта XIV «Ubi Primum» от 1740 г., хотя впервые термин «энциклика» применительно к таким документам ввел Григорий XVI в начале XIX в. До Первого Ватиканского Собора энциклики носили в основном назидательный характер и были направлены против того или иного отклонения от истинного вероучения. Папа Лев XIII, уже после Первого Ватиканского Собора, рассматривал в энцикликах различные богословские вопросы и рассуждал о связи Церкви с современной социально-политической, экономической и интеллектуальной жизнью. Его традицию продолжили Пий XI, Пий XII, Иоанн XXIII и Павел VI. Бенедикт XV в своей вступительной энциклике призвал отказаться от споров по поводу современности, наносивших ущерб католическому богословию и всему церковному сообществу. Вступительная энциклика Павла VI «Ecclesiam Suam» дала понять, что основной темой его первосвященства станет экклезиология, то есть понимание Церковью своей роли и миссии.

Работу над посланием, адресованным верующим и вообще всем людям доброй воли, Иоанн Павел II, по его собственному признанию, начал «немедленно» после избрания. Подобно Павлу VI он хотел объявить и детально объяснить великую тему своего первосвященства в главном документе, обладающем доктринальным авторитетом, а христианский гуманизм «был предметом, который я привез с собой» в Рим. Так появилась первая энциклика, посвященная христианской антропологии.

Ставшая достоянием широкой публики 15 марта 1979 г., энциклика «Redemptor Hominis» [«Искупитель человечества»] подводила итог 30-летним размышлениям Кароля Войтылы о современном состоянии человека. Это был «гимн великой радости по поводу того, что, искупив страдания человека, Христос спас его душу и тело». Войтыла был убежден, что это спасение неразрывно связано с человеческим достоинством. Целью «Redemptor Hominis» было «объединить миссию Церкви и служение человеку в его непостижимой тайне».

Энциклика начиналась на торжественной ноте. По мнению Папы, и Церковь, и весь мир переживают «новое пришествие», «время ожиданий» на пороге 2000 г. Это будет годовщина, исполненная глобального смысла, ибо, явив миру лик Божий, Христос открыл истину о человеке. «Воплотившись в Христе, — продол-

жал Иоанн Павел, — Господь придал человеческой жизни то измерение, которое предназначалось человеку с самого начала».

В энциклике Папа напоминал Церкви и всему миру, что воплощение Божества в Христе позволяет нам понять Господа и нас самих. Эту мысль он потом неоднократно повторял на протяжении своего первосвященства. Рождение Сына Божьего как человека, открывая нам всю глубину Господней любви, служит подтверждением «величия, достоинства и ценности» человечества, ибо «человек не может жить без любви. Он остается... непонятен самому себе, его жизнь лишена смысла, если ему не открыта любовь, если он не встречается с любовью, если не испытывает любви и не делает ее своей, если сам не участвует в ней». Любовь сильнее греха, отчуждения, любой человеческой слабости и несовершенства, потому что «Бог есть любовь» (1 Ин. 4.8). Эту замечательную истину, евангелие, то есть «благую весть», христианство обязано сообщить миру.

Любовь Господа, дарующая миру жизнь и поддерживающая его, может быть обретена только в свободе. Чтобы выполнить свою миссию, Церковь должна быть «хранителем» человеческой свободы. Подлинная человеческая свобода ищет истину и связана с ней. Любовь, познаваемая через свободу, и свобода, направляемая к познанию истины, — вот суть христианского гуманизма. Искупительная, всепобеждающая любовь Господа является неиссякаемой основой миссии Церкви — нести подлинное освобождение.

В современном мире, продолжал понтифик, эта миссия постоянно сталкивается с угрозой, перед которой человечество оказывается в силу своих собственных достижений. Современный мир «живет в постоянно усиливающемся страхе», и самая большая грозящая ему опасность — это опасность «саморазрушения, перед которой меркнут все катаклизмы и катастрофы, известные нам из истории». Разрыв между материальными возможностями и моралью приобрел в современном мире угрожающий характер, отчего некоторые пришли к выводу об изначальной абсурдности самой жизни. Церковь отвечает на это так: Господь дал человечеству «царство» и «власть», которые выше существующего порядка. Люди смогут обуздать плоды собственного творения, если поймут, что подлинное развитие предполагает «становление личности», а не «материальное преуспеяние».

Избавиться от страха можно, вспомнив, что человеческая натура имеет не только материальную, но и духовную сторону. Этой

древней истине Иоанн Павел придал отчетливо современное звучание, приведя в качестве убедительного примера человеческой «души» движение в защиту прав человека, охватившее весь мир. Отстаивание и защита прав человека, по мнению Церкви, является ответом на многие опасности, превратившие XX век в столетие страха и братоубийства: извращенную идеологию, тоталитарные режимы, распад семьи, терроризм.

Теме прав человека Иоанн Павел уделил особое внимание. На его взгляд, религиозная свобода является наипервейшим из «объективно существующих неотъемлемых прав» каждого. Причем это не схоластическое рассуждение, а вывод, к которому в состоянии прийти самостоятельно каждая здравомыслящая личность, если даст себе труд поразмышлять о человеческом достоинстве. Не называя имен — да в этом и не было необходимости, — Иоанн Павел II бросал вызов тому миру, откуда пришел сам, — миру за «железным занавесом»:

> Ущемление религиозной свободы отдельного человека и целых сообществ губительно не только само себе, но и потому, что оно является атакой на человеческое достоинство... [Это] величайшая несправедливость по отношению к самой сути человека, к тому, что присуще только ему... [А]теизм как явление может быть понят только в сопоставлении с религией и верой. Вот почему трудно... принять позицию, согласно которой только атеизм наделяется правами гражданства в общественной жизни, а верующих... еле терпят, с ними обращаются как с гражданами второго сорта и даже — а такое уже случалось — полностью лишают их гражданских прав.

Вступительная энциклика Иоанна Павла заканчивалась знаменитой цитатой из «Исповеди» Блаженного Августина: «Ты создал нас для Себя, о Господи, и наше сердце не знает покоя, пока не упокоится в Тебе». Вот где, по мнению понтифика, таится ключ к пониманию беспокойства, страха и «неудовлетворенности», присущих современному материализму. Обновленная решениями Второго Ватиканского Собора, Церковь имеет что предложить миру. Можно успокоить мятущиеся сердца, утолить духовный голод и развеять страхи, одолевающие современный мир, если мужчины и женщины проникнутся проповеднической, пастырской и величественной миссией Христа, то есть свободно постигнут истину, будут свободно поклоняться истине и свободно служить друг другу и всему миру в истине.

Энциклика «Redemptor Hominis» предлагала миру Церковь, исполненную любви к человечеству, ибо — это было самым весомым аргументом — Бог «так возлюбил мир» (Ин. 3.16), что отдал Сына Своего Единородного для искупления человеческих грехов. Современность взирает на историю весьма серьезно. Так же поступает и Церковь, причем уважение к истории сочетается у нее с убеждением в том, что существует лишь одна человеческая история — история, наполненная присутствием Бога и обещанием искупления. В этом обещании, считал Иоанн Павел, надо искать ответ на страхи, преследующие человечество в конце двадцатого столетия, и ответ этот состоит в служении всему миру.

9

«СКОЛЬКО У ПАПЫ ДИВИЗИЙ?»

Конфронтация с «империей лжи»

24 января 1979 — министр иностранных дел СССР Андрей Громыко встречается в Ватикане с Папой Иоанном Павлом II.

2 марта 1979 — Папа стремится поддержать чехословацкий католицизм в своем письме о религиозном сопротивлении тирании.

19 марта 1979 — в письме Папы, адресованном украинскому кардиналу Иосифу Слипому, говорится о предстоящем в 1988 г. праздновании тысячелетия крещения Киевской Руси и провозглашается принцип религиозной свободы для всех.

30 апреля 1979 — архиепископ Агостино Касароли назначен заместителем Государственного секретаря Святого Престола.

2–10 июня 1979 — первая после избрания поездка Иоанна Павла II в Польшу.

14–31 августа 1980 — в результате забастовки на гданьской судоверфи появляются профсоюз и движение «Солидарность».

В 1966 г. польские коммунистические правители уже предпринимали попытку соперничать с Церковью — попытку на редкость неудачную. Тогда страна готовилась торжественно отметить тысячелетие польского христианства. Улицы пестрели официальными транспарантами типа «Tysiąclecie Państwa Polskiego» [«Тысячелетие польского государства»], а в каждом костеле красовалось внушительное полотнище со словами «Sacrum Poloniae Millennium 966–1966» [«Священное тысячелетие Польши 966–1966»]. Церковному лозунгу «Deo et Patriae» [«За Бога и Родину»] режим мог противопоставить лишь неубедительное «Socjalizm I

Ojczyzna» [«Социализм и Отчизна»]. Церковь провозглашала: «Naród z Kościolem» [«Народ с Церковью»], власть отвечала: «Partia z Narodem» [«Партия с народом»]. Гордая клятва Церкви «Polonia Semper Fidelis» [«Польша в вере тверда»] не шла ни в какое сравнение с казенной фразой из партийного обихода «Socjalizm Gwarancja Pokoju i Granic» [«Социализм — гарантия мира и границ»].

От подготовки к встрече Иоанна Павла II (его первый после избрания визит на родину должен быть состояться в июне 1979 г.) власти благоразумно самоустранились заранее, отдав все на откуп Церкви. Площадь Победы, место проведения помпезных коммунистических торжеств, была превращена в гигантскую сцену для папской мессы. Отсюда Иоанну Павлу предстояло напрямик обратиться к миллиону своих соотечественников, а десятки миллионов людей во всем мире следили бы за происходящим по радио и телевидению. В центре алтарного помоста высился пятидесятифутовый крест, задрапированный огромной епитрахилью, напоминая присутствующим, что представленное их взору зрелище символизирует страдания Христа на Голгофе. Внизу, под крестом, где некогда стояла верная Дева Мария, была установлена копия иконы Черной Мадонны Ченстоховской.

Ни один герой польской истории — ни король Ян III Собеский, ни Тадеуш Костюшко, ни Юзеф Пилсудский — не въезжал в Варшаву так торжественно, как это сделал 2 июня 1979 г. Иоанн Павел II.

Возрожденная после войны Варшава представляла собой мрачноватое зрелище. Архитектурной доминантой столицы служил Дворец культуры и науки, безвкусное здание в стиле коммунистического барокко[1], построенное по приказу Сталина. Унылость города часто воздействовала и на настроение его жителей. Теперь же, ради Папы, Варшава преобразилась внешне и воспрянула духом. Тысячи паломников, прибывших в польскую столицу, находили радушный прием в домах незнакомых им варшавян. Все городские костелы не закрывались даже ночью, чтобы приютить тех, кто не нашел себе места в гостинице или частном доме. На пути из международного аэропорта Окенце в старую часть города плотными рядами стояли сотни тысяч мужчин, женщин и детей,

[1] Архитектурный стиль варшавского Дворца культуры и науки правильнее было бы называть имперским классицизмом. — *Примеч. ред.*

размахивавшие флагами Польши и Ватикана. Несмотря на обилие людей, никакого беспорядка не наблюдалось, поскольку собравшиеся четко придерживались отведенных им мест.

Город буквально преобразился. Окна и двери мрачных домов, мимо которых должен был проехать Иоанн Павел, усилиями варшавян превратились в алтари, украшенные цветами, флагами и фотографиями Папы. Пока автомобильный кортеж медленно двигался по улицам, на мостовую летели многочисленные букеты. Люди пели, кричали от радости, а порой не могли сдержать слез. Многие опускались на колени, а улыбающийся Иоанн Павел II, стоя в открытом автомобиле и беспрестанно поворачиваясь то направо, то налево, благословлял собравшихся. 2 июня 1979 г. 3 миллиона поляков — в два раза больше, чем в то время жило в Варшаве, — пришли посмотреть на своего соотечественника Кароля Войтылу, уроженца Вадовице, епископа Кракова и Рима.

На мессу было продано 230 тысяч билетов, однако на площади Победы собралось более 300 тысяч человек. Еще примерно 750 тысяч заполнили соседние улицы. Стоял ослепительно солнечный, жаркий летний день. Под звуки папского гимна, а также церковного гимна «Gaude Mater Polonia» [«Возрадуйся, мать Польша»] Папа и Примас Вышыньский медленным шагом направились к могиле Неизвестного солдата. Молодой человек и девушка подали Папе букет, который он возложил на могилу, а потом опустился перед ней на колени в безмолвной молитве. Поцеловав гранитную плиту, Папа расписался в Книге памяти («Неизвестному солдату Польши — Иоанн Павел II») и пошел переодеваться к мессе.

Месса, на которой присутствовали аккредитованные в Варшаве дипломаты, а также представители лютеранской, реформатской, православной, методистской и баптистской церквей, началась с приветствия Примаса. По его мнению, национальное единство, о котором так любят говорить коммунистические пропагандисты, фактически достигнуто:

— Святой отец, столица сегодня объединилась в молитве, ведомая главой Римско-Католической Церкви... викарием Христа на земле, проповедником Христова Евангелия, посланником истины и любви, сыном Польши и избранником Божиим...

После вступительного слова Примаса на площади воцарилась звенящая тишина. Лидер Польской объединенной рабочей партии Эдвард Герек, заметно нервничая, наблюдал за происходящим из

гостиницы, окна которой выходили на площадь Победы. Его, как и всех собравшихся, интересовал один вопрос: что скажет Папа?

Окинув взором море обращенных к нему лиц, Кароль Войтыла сделал паузу, а затем произнес, пожалуй, главную проповедь в своей жизни.

Сегодня, начал он, ему хочется «пропеть благодарственный гимн Божественному Провидению», которое дало ему возможность вернуться домой «в качестве паломника». Делая это, он выполняет волю Папы Павла VI, который так «страстно желал ступить на польскую землю», что это желание переросло «границы его понтификата». Как только его, поляка, избрали Папой, продолжал Иоанн Павел, он «мгновенно понял», почему это произошло: он призван выполнить то, что Папе Павлу помешали сделать в 1966 г., во время празднования тысячелетия польского христианства.

Его нынешний приезд является своеобразным продолжением тех, прошедших, празднеств, поскольку совпадает с годовщиной мученической смерти святого Станислава — эпохального события 1079 г., возможность которого предвосхитило крещение Польши в 966 году. Жизнь святого Станислава, его противоборство тирании государственной власти стали «знаком той особой роли, которую мы, поляки, всегда играли в истории Церкви». Он сам, папа Иоанн Павел II, является символом этого национального духовного пути и его отличительной особенности — религиозной свободы.

Почему поляк был призван на Петров престол? Не потому ли, что сегодняшняя Польша, пройдя через неимоверные страдания XX века, превратилась в *«страну исключительно ответственного свидетельства»*?

Поляки, продолжал Папа, имеют все основания считать, «не забывая о смирении, но преисполненные убежденности», что только в Польше «человек может... по-новому воспринять историю Его страданий на кресте и последующего Воскресения». Однако это вовсе не причина для хвастовства. «Согласившись с тем, что я только что осмелился утверждать, понимаем ли мы, какие великие обязанности это на нас накладывает? Готовы ли мы их выполнить?»

Толпа начала нараспев:

— Мы хотим Бога, мы хотим Бога...

Сегодня, в канун праздника Пятидесятницы, продолжал Иоанн Павел, давайте мысленно перенесемся в Иерусалим, где в верх-

ней горнице апостолы и Дева Мария ожидали Святого Духа, чтобы, став свидетелями воскресения Христа, разнести эту благую весть по всему свету. Пятидесятница, день, когда Святой Дух снизошел на землю, явилась *«также днем рождения Веры и Церкви на нашей польской земле»*. Подобно апостолам, которые, преисполнившись Святого Духа, стали проповедовать Евангелие на разных языках, Пятидесятница знаменует собой «провозглашение могущественных творений Господа на польском языке». И самым могущественным из этих творений является человек, грехи которого искупил своими страданиями Христос. «Вот почему Христос не может быть исключен из человеческой истории в любом месте земного шара, на любой географической долготе и широте. Исключение Христа из истории человечества — это акт, направленный против человека. Без Христа невозможно представить себе историю Польши, в особенности историю народа, жившего и живущего на этой земле...» Даже те, кто, «казалось бы, пребывает на расстоянии, вне Церкви», те, кто «сомневается или находится в оппозиции», немыслимы вне христианского контекста польской истории и культуры. Любой, кто попытается отрицать этот факт, нанесет ущерб польской нации, ибо Польша и ее история «от Станислава в Скалке до Максимилиана Кольбе в Освенциме» не могут быть поняты без обращения к Иисусу Христу. Для этого Папа и приехал в Польшу: подтвердить... что «Христос не перестал учить великой истине о человеке», потому что Христос — это «вечно живая Книга о человеке, его достоинстве и его правах...» Сегодня здесь, на площади Победы, он, Папа, и его соотечественники вместе возносят молитву о том, *«чтобы Христос никогда не перестал быть для нас открытой Книгой Жизни будущего* — будущего нашей Польши».

Могила Неизвестного солдата служит молчаливым подтверждением истины, за которую отдали жизнь миллионы поляков: «Не может быть справедливой Европы без независимой Польши, нанесенной на ее карту!» Польские солдаты пали на полях сражений «за нашу и вашу свободу». Неужели история столь абсурдна? Нет. Этот дух жертвенности символизирует пророческие слова: «Зерно, упавшее в землю и погибшее, даст всходы. Этим зерном может быть кровь солдата, пролитая в бою, или страдания узников концентрационных лагерей и тюрем. Это может быть зерно ежедневной тяжкой работы... на поле, в мастерской, в шахте или на заводе. Это может быть зерно родительской любви, когда супруги не отказываются дать жизнь новому человеку и берут на

себя трудную задачу воспитать его. Это может быть зерно творческого труда в университете, институте, лаборатории и в других местах, где создается национальная культура. Это может быть зерно молитвы, служения страждущим, больным и отверженным — всего, из чего состоит Польша».

Все вышеперечисленное, сказал в заключение Папа, находится в руках Богоматери, которая «стояла у подножия креста на Голгофе и присутствовала в верхней горнице в канун Пятидесятницы». Все страдания Польши и ее триумф; всю историю народов, когда-либо живших на этой земле, «включая те сотни тысяч, что умерли в стенах Варшавского гетто»; все это он, «как сын этой земли... и как Папа Иоанн Павел II», вручает Господу в качестве искупительной жертвы.

> ...И я взываю из глубины нынешнего столетия, взываю накануне Пятидесятницы:
> «Да снизойдет Дух Твой.
> Да снизойдет Дух Твой
> И обновит лик мира,
> Лик этой земли».
> Амен.

Во время папской проповеди собравшиеся периодически скандировали:

— Мы хотим Бога, мы хотим Бога, мы хотим Бога в семье, мы хотим Бога в школах, мы хотим Бога в книгах, мы хотим Бога, мы хотим Бога...

Не прошло и семи часов с момента прибытия Папы, как выяснилась сакраментальная истина, убедительным доказательством которой послужила реакция миллионов поляков на вдохновенную проповедь Иоанна Павла: Польша — не коммунистическая, а католическая страна, стреноженная коммунистическим режимом.

«Второе крещение» Польши, которому было суждено коренным образом изменить историю двадцатого столетия, началось.

ПАПА ПОСТ-КОНСТАНТИНОВОЙ ЭПОХИ

Современные дипломаты Святого Престола — это священники, которые, получив новое назначение, первым делом спрашивают: «Так где мы должны завтра служить мессу?» В то же время

эти священники-дипломаты гордятся собственным реализмом. Свою задачу они понимают так: маневрировать в пределах возможного, защищая интересы Церкви. А интересы эти довольно своеобразны, поскольку Церковь должна быть свободна во внутренних делах, чтобы выполнять троякую миссию: обращать в истинную веру, отправлять религиозные обряды и вести службы. Однако ватиканская дипломатия, возникшая в то время, когда Святой Престол обладал и светской властью, привыкла смотреть на эти своеобразные интересы почти так же, как национальные государства смотрят на свои экономические и политические интересы, — как на предмет переговоров между суверенными державами, результаты которых фиксируются в юридически обязывающих договорах.

Восточная политика Папы Павла VI и его «министра иностранных дел», архиепископа Агостино Касароли, возникнув в русле этой освященной веками традиции, была затем приспособлена к требованиям второй половины XX в. Что бы ни говорили самые ярые ее противники — антикоммунисты, Восточная политика была направлена прежде всего на защиту Церкви, ее людей и интересов. Но и Павел VI, и Агостино Касароли, оба искушенные дипломаты, смотрели на историю и на то, что на Втором Ватиканском Соборе было названо «приметами времени», через призму обыкновенного реализма.

Восточная политика Ватикана, да и вся папская дипломатия в целом радикально изменились 16 октября 1978 г., когда Кароль Войтыла стал Папой Иоанном Павлом II. Изменения коснулись не только тактики (хотя и ее тоже), но прежде всего подходов. Взойдя на Престол святого Петра, Войтыла принес с собой собственное понимание истории. В сочетании с тезисом «Церковь в современном мире», выработке которого он сам способствовал, участвуя в работе Второго Ватиканского Собора, это понимание помогло сформировать новую модель папской дипломатии.

Кароль Войтыла, будучи «реалистом» в философии, верил, что человеческий разум в состоянии постичь суть вещей и дать подробный отчет о том, что он постиг. Но этот философский «реализм» не перерастал в «реалистический» взгляд на международные отношения, согласно которому движущей силой истории является экономическая и военная сила. С этим Войтыла не мог согласиться ни как христианин, ни как знаток истории. Как христианин он был убежден, что в Евангелии содержится истина о

человечестве и его судьбе и что Бог отвечает за ход истории, а это дает Церкви право играть в ней особую роль. Как поляк, много размышлявший над тем, почему польскому народу удавалось выжить даже во времена, когда уничтожалось польское государство, Войтыла пришел к выводу, что в конечном счете историей движет культура. Реалисты не правы не потому, что военная и экономическая сила не важна, а потому, что культура гораздо важнее. И самым важным компонентом культуры является культ, или религия.

Согласно реалистическому взгляду на международные отношения история представала царством безнравственности, «скотобойней», по выражению Гегеля. С этим Войтыла тоже не мог согласиться. На его взгляд, взгляд христианина и поляка, историю следовало воспринимать посредством морального анализа, и с этой точки зрения подавление народов во внешней и внутренней империях Сталина являлось моральной катастрофой. Восстановление справедливости было непременным условием мира и того, что Павел VI назвал «развитием народов».

Подобный взгляд на историю ни в коем случае не был «этническим». Он напрямую вытекал из решений Второго Ватиканского Собора. Как выразился друг Войтылы, профессор Стефан Свежавский, Собор означал «конец Константиновой[1] эпохи», когда Церковь обладала реальной властью наряду с другими политическими силами. В принятых на Соборе документах «Dignitatis Humanae» и «Gaudium et Spes» говорилось, что справедливое государство — это государство с ограниченными правами, определенными в конституции. По мнению Свежавского, упразднение Папской области в 1870 г., а также тезис Второго Ватиканского Собора о справедливом государстве привели к возникновению новых, «пост-Константиновых» отношений между Церковью и миром политики. Того же взгляда придерживался и Кароль Войтыла.

Это вовсе не означало возвращения в катакомбы. Церковь как хранительница истины о человеке, имеющей общественные последствия, не могла прекратить свою дипломатию. Однако, как

---

[1] Имеется в виду Константин I Великий (ок. 285–337), римский император с 306 г. Последовательно проводил централизацию государственного аппарата, поддерживал христианскую церковь, сохраняя также языческие культы.

считал Войтыла, воздействовать на мир она должна через культуру, то есть неустанно защищая основные права человека и права народов. Свидетельствуя истину о неотъемлемом достоинстве и правах человеческой личности, Церковь «пост-Константиновой» эпохи воплотила бы в жизнь решения Второго Ватиканского Собора.

Восточная политика Святого Престола изменилась с приходом Папы Иоанна Павла II еще и потому, что он, уроженец Восточной Европы, знакомый с местными языками и культурой, как никто представлял себе положение Церкви за «железным занавесом». Для него также не было тайной коренное отличие коммунистических режимов от демократически устроенных государств — отличие, которое не в полной мере приняли во внимание ватиканские дипломаты, формировавшие и осуществлявшие Восточную политику Павла VI. Любое государство время от времени совершает преступные деяния, коммунистические же режимы являются преступными по своей природе. «Право закона» при таком режиме — фикция; без актов насилия и гигантского репрессивного аппарата он просто немыслим. Террор в государстве, где у власти стоят коммунисты, — это обычный способ поддержания порядка, создающий у правителей иллюзию непобедимости. Нынешнему Папе были хорошо известны и сильные стороны, и слабости коммунизма. Он понимал, что культурное противодействие может стать эффективным средством расшатывания, казалось бы, незыблемых устоев преступного государства.

Новый Папа верил, что вся его жизнь была подготовкой к тому, чтобы занять Престол святого Петра и «утвердить братьев» своих (см. Лк. 22.32). Это не было самонадеянностью — ведь он не искал того места, на которое его избрали. Однако готовность, с которой Кароль Войтыла принял сан первосвященника, свидетельствовала о его спокойной убежденности, основанной на нерушимой как скала вере в то, что «утвердить братьев» означает, помимо прочего, и пересмотреть Восточную политику Святого Престола.

Первые же месяцы пребывания на новом посту продемонстрировали это «Войтылово отличие».

Его инаугурационная проповедь с двумя основными темами — «Не бойтесь!» и «Откройте двери Христу!» недвусмысленно призывала подвергавшуюся преследованиям Церковь за «железным занавесом» вооружиться иным оружием. Той же цели служили

неоднократные упоминания о религиозной свободе, прозвучавшие в первых же публичных выступлениях нового Папы, и его рождественское послание краковской Церкви, в котором он обращался к польскому народу и польским властям. Святой Станислав, писал Папа, был «хранителем нравственных устоев в нашей стране». Он защитил общество от угрожавшего ему зла «и не побоялся открыто выступить против правителя, когда защита нравственных устоев того потребовала». Коммунистические цензоры исключили из послания всякое упоминание о святом мученике и приказали Ежи Туровичу напечатать этот искаженный вариант в «Тыгоднике повшехны». Турович отказался. Полный текст послания, который так и не был опубликован, прозвучал со всех амвонов епархии.

Смелые выступления Иоанна Павла в защиту гонимых не ограничивались лишь Польской Церковью. Не менее рьяно он ринулся на помощь Чехословацкой Церкви, наиболее жестоко преследуемой католической общине во внешней Советской империи. Приветствуя Пражского кардинала Франтишека Томашека в Сикстинской капелле во время церемонии представления кардиналов сразу после своего избрания, Папа обнял 79-летнего прелата и сказал:

— Мы уже очень близки друг к другу, а станем еще ближе, поскольку теперь я несу ответственность за вас.

Об этом «особом чувстве близости» с Чехословацкой Церковью понтифик упомянул и в рождественском послании кардиналу Томашеку в конце 1978 г., и в письме, датированном 2 марта 1979 г. и посвященном 250-й годовщине канонизации святого Иоганна Непомука, замученного в 1393 г. по приказу чешского короля Вацлава IV. Иоанн Павел призывал чехов и словаков уподобиться своему святому покровителю «в вере, живой, как обжигающее пламя... [которая], вселяя в нас решимость, позволяет нам бесстрашно следовать установлениям нашей религии». Прозрачно намекая на священников, входивших в пользовавшуюся благосклонностью властей организацию «Pacem in Terris» (в Чехословакии их презрительно именовали пакс-терьерами), понтифик приводил слова Евангелия о добром пастыре, который, «в отличие от наймита», заботится обо всех вверенных ему овцах, помогая им переносить жизненные тяготы.

Результаты деятельности Иоанна Павла были весьма впечатляющими. В течение последующего десятилетия кардинал Тома-

шек, прежде робкий в отношениях с властями и выступавший против участия католиков в движении за поддержку Хартии-77 о правах человека, превратился в одного из самых ярых и непримиримых критиков коммунистического режима Чехословакии. На протяжении 1980-х годов чехи и словаки были изумленными свидетелями «уникального зрелища: [разменявший девятый десяток] кардинал, старея, становился все тверже».

Новый Папа не забыл и об Иосифе Слипом, который тоже очень давно подвергался преследованиям. В письме от 19 марта 1979 г., направленном украинскому кардиналу, речь шла о предстоящем в 1988 г. праздновании тысячелетия крещения Киевской Руси, положившего начало христианизации восточных славян. Иоанн Павел напоминал украинцам, которые были ему «особенно дороги», что это событие произошло в то время, когда христиане, позже разделившиеся на римских католиков и православных, были еще объединены общностью вероучения и Церкви. Заканчивалось послание цитатой из Всеобщей декларации прав человека, где провозглашается «принцип религиозной свободы» — право, которого явно лишена Греко-Католическая Церковь в Украинской Советской Социалистической Республике.

24 января 1979 г. министр иностранных дел СССР Андрей Громыко прибыл в Ватикан, чтобы лично оценить нового Папу. Действуя в русле внешнеполитической доктрины Советского правительства, согласно которой «Ватикан ни в коем случае нельзя рассматривать вне мировой политики», Громыко уже встречался ранее с Иоанном XXIII и Павлом VI. С последним состоялось целых пять встреч, на которых «главной темой были вопросы войны и мира». Примечателен рассказ Громыко о его беседе с Иоанном Павлом II:

> Поприветствовав нас, [Папа] сказал:
>
> — Я хотел бы подчеркнуть важность подобных контактов для укрепления мира на земле.
>
> Я, разумеется, согласился с ним и принялся рассказывать о недавних широкомасштабных советских инициативах, предпринятых именно с этой целью.
>
> — Насколько я могу судить, — отметил я в заключение, — католическая Церковь уделяет большое внимание вопросам укрепления мира, разоружения и ликвидации оружия массового уничтожения. Советское правительство очень ценит такую позицию. Что же касается идеологических и религиозных раз-

ногласий, то они не должны мешать сотрудничеству в этом благородном деле.

Папа затронул проблему свободы совести.

— Похоже, что препятствия к достижению религиозной свободы устранены еще не везде. — Он сделал паузу. — По сообщениям некоторых источников, нечто подобное происходит в СССР.

Такое обвинение нам приходилось выслушивать неоднократно.

— Не все сообщения заслуживают внимания, — ответил я. — Запад усиленно распространяет всякого рода дезинформацию о положении Церкви в Советском Союзе, однако правда заключается в том, что с первого дня своего существования Советское государство гарантировало своим гражданам свободу вероисповедания... У нас есть верующие, но это не создает проблем ни им самим, ни советскому обществу.

Папа и Касароли выслушали меня очень внимательно, а потом Папа задумчиво проговорил:

— Нечто подобное мы и предполагали.

Больше этой темы мы в беседе не касались.

Первая моя встреча с Иоанном Павлом II состоялась накануне известных событий в Польше начала 1980-х годов, в отношении которых Ватикан занял позицию, положившую конец былому разделению политики и религии...

У Иоанна Павла II остались несколько иные впечатления о знакомстве с Громыко. Стоило мне затронуть вопрос о свободе совести, вспоминал понтифик, как Громыко немедленно заявил, ссылаясь на свой опыт депутата Верховного Совета СССР от Белоруссии, что храмы в этой республике не пустуют. О чем, собственно говоря, Папа так беспокоится? Иоанн Павел, зная мнение советского министра иностранных дел, что Церковь «всеми правдами и неправдами... пытается достичь идеологического единства с правящими классами», не счел возможным продолжать беседу с таким отъявленным лицемером. На следующий день он признался журналистам, что эта аудиенция была «самой утомительной» из всех, которые он дал будучи Папой.

Однако понтифик высказал свою точку зрения, и это не осталось незамеченным. Как бы ни анализировали (и ни искажали) эту проблему в Советском Союзе, исходя из собственных идеологических установок, там не могли не понять, что имеют дело с Папой нового типа.

РАЗВОРАЧИВАЯ РЯДЫ

Кардинал Жан Вийо, Государственный секретарь Святого Престола, скончался 9 марта 1979 г. На вершине центральной церковной бюрократии открылась вакансия, что дало Иоанну Павлу возможность коренным образом изменить высшее руководство Римской Курии. Эта возможность превратилась в реальность семь недель спустя, 30 апреля 1979 г., когда Агостино Касароли был назначен Государственным секретарем и ему были приданы два заместителя. Архиепископ Эдуардо Мартинес Сомало, испанец по происхождению, до этого занимавший должность Папского нунция в Колумбии, получил пост Sostituto, или заместителя Государственного секретаря по «обычным» делам, то есть непосредственно связанным с внутрицерковным управлением, а монсеньор Ачилле Сильвестрини, еще один ватиканский дипломат-ветеран, заменил Касароли на посту «министра иностранных дел» (фактически секретаря Совета по общественным делам церкви). Монсеньор Аудрис Бачкис, уроженец Литвы, выросший в эмиграции, был назначен помощником Сильвестрини, номинально ставшего архиепископом.

Учитывая взгляды нового Папы, а также роль Касароли как архитектора Восточной политики Павла VI, его назначение Государственным секретарем на первый взгляд вызывало недоумение. В действительности же этот шаг мог служить прекрасной иллюстрацией того, как Иоанн Павел II, искусно разворачивая «боевые ряды» Курии, добивался нужных ему результатов.

Понтифик и его новый Государственный секретарь расходились во мнениях относительно положения Церкви в странах Восточной Европы. Кроме того, Касароли наверняка считал взгляды Иоанна Павла II на роль Церкви в современном мире противоречащими его собственному традиционному подходу к тому, как следует вершить дипломатию Святого Престола. Однако два этих человека прекрасно сработались, поскольку Касароли был прекрасным исполнителем, а Иоанн Павел II находил много преимуществ в том, что старожил Курии, да еще итальянец, занял высший пост в церковной бюрократической структуре.

Назначение Касароли помогло смягчить напряженность, которую испытывали многие сотрудники Курии после избрания папы-поляка. Итальянец был широко известен как самый способный дипломат Святого Престола, и его продвижение явилось

несомненным реверансом в сторону его сверстников и давних коллег. Вдобавок ко всему он был добрым священником, посвящавшим все свое свободное время работе с малолетними римскими преступниками. Иоанн Павел II, не имея намерения лично вникать в детали внутрицерковных дел, мог смело положиться на Касароли: будучи плоть от плоти системы, итальянец наверняка заставил бы каждый винтик бюрократической машины крутиться в соответствии с политической стратегией, в общих чертах определенной понтификом.

Назначение Касароли осложнило положение Советского Союза и его сателлитов. Теперь, когда главный архитектор Восточной политики получил столь высокий пост, утверждения о том, что Святой Престол якобы забыл о своих намерениях вести диалог с коммунистическими странами, звучали неубедительно. Именно благодаря Касароли Ватикан в 1975 г. присоединился к Хельсинкскому Заключительному акту. Советский Союз, которому хотелось законодательно закрепить итоги Ялтинской конференции относительно послевоенного устройства Европы, очень настаивал на принятии этого документа, и ради этого ему пришлось нехотя смириться с тем, что в Заключительный акт по требованию Касароли и его сторонников было внесено положение о гарантиях прав человека.

Пока Касароли и Сильвестрини продолжали неспешный диалог с представителями коммунистических режимов, пестуя результаты, достигнутые за десятилетие сближения, Папа выступал куда более решительно против преследования Церкви и в защиту прав человека, делая особый упор на свободе совести. Понтифик, убежденный в том, что «нормализация» отношений может служить лишь инструментом трансформации коммунистического мира, умело использовал своих подчиненных, веривших в «нормализацию» как в самоцель. Иоанн Павел II, которого часто упрекали в недостаточном интересе к администрированию, в действительности прекрасно умел делать нечто отличное от того, что делали его предшественники, и достигать иных, чем они, целей с помощью тех же самых людей.

Кардинал Касароли труднее, чем Иоанн Павел II, привыкал к новому порядку. Однажды итальянец признался:

— Я бы с радостью помогал новому Папе гораздо больше, но мы с ним так непохожи.

Они и в самом деле были очень разными, эти двое: искушенный церковный бюрократ и человек, который с момента приня-

тия священнического сана всегда находился в первых рядах борцов за религиозную свободу. Если Иоанн Павел II верил, что должен стать голосом тех, кто лишен права голоса, то Касароли считал, что все вопросы можно келейно урегулировать с властями, не обращаясь к «безгласным». И все же кардинал Касароли стал неоценимым помощником Иоанна Павла II, который, отдавая должное богатому опыту своего Государственного секретаря, часто использовал этот опыт, уверенный в лояльности Касароли.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКА

Визит Иоанна Павла II в Польшу планировался давно, однако претворение задуманного в жизнь оказалось весьма непростым делом.

Обращаясь к полякам, присутствовавшим на его инаугурации в Риме, новый Папа сказал, что хотел бы приехать на родину к 900-й годовщине смерти святого Станислава, что по времени совпало бы с закрытием Краковского синода. Польские епископы подняли этот вопрос еще раньше. В обращении, распространенном на следующий день после избрания Войтылы, представители епископата выражали восторженную надежду, что их бывший коллега побывает в Польше не только в 1979 г., на юбилейных торжествах, посвященных святому Станиславу, но и в 1982 г., когда будет отмечаться 600-летие прибытия иконы Черной Мадонны в Ченстохову. Хотя переговоры между Варшавой и Ватиканом о визите уже начались, польское правительство пока не обнародовало своего отношения к данному вопросу, что отчасти объяснялось расхождениями во взглядах коммунистов на этот счет. Партийное руководство ратовало за пышный прием. Функционеры среднего и низшего звена, лучше осведомленные о настроениях населения, выражали тревогу по поводу возможных последствий визита. 11 января 1979 г. Иоанн Павел II взял дело в свои руки. Он фактически сам себя пригласил, объявив польским властям, что считает своим «долгом» принять участие в торжествах, посвященных годовщине мученической смерти святого Станислава.

Представители партийной верхушки и правительства поняли, что у них не остается иного выбора, кроме как согласиться на визит. Но они не были вольны в своих действиях, а союзни-

ки по коммунистическому блоку отнюдь не разделяли энтузиазма поляков. Кардинал Вышыньский и помощник Касароли, архиепископ Луиджи Поджи, уговаривали руководителя Польской объединенной рабочей партии Эдварда Герека устроить Папе официальный прием, но в то же время на Герека давили из Москвы.

С грехом пополам Брежнева удалось умиротворить, и теперь можно было считать, что визиту ничто не угрожает. Между Польской Церковью и правительством начались переговоры относительно даты. Согласно польскому церковному календарю, праздник святого Станислава отмечается 8 мая. Допустить, чтобы визит Папы, носящий недвусмысленный оттенок религиозного сопротивления государственной власти, пришелся именно на этот день, правящий режим оказался просто не в состоянии. После нескольких месяцев переговоров компромисс все же был найден. Вместо двухдневного визита в мае, как планировалось вначале, решили, что Иоанн Павел II прибудет на родину в июне, проведет здесь девять дней и посетит шесть городов, а не только Варшаву и Краков.

Объявляя об этом решении 2 марта 1979 г., подконтрольные правительству средства массовой информации предостерегали от «иллюзий», будто бы предстоящий визит означает изменение ведущей роли партии в обществе или «исключительно светского» характера Польской Народной Республики. Коммунисты могли сколько угодно убеждать себя, что, перенеся визит с традиционной даты, одержали внушительную победу. На деле это было поражением. Иоанн Павел с радостью уступил, в итоге получив в свое распоряжение девять дней и шесть городов вместо двух дней и двух городов. Более того, перенос визита с мая на июнь еще глубже насыщал его религиозной символикой. Прибыв в Польшу, понтифик отслужил бы свою первую мессу на родине в канун Пятидесятницы, великого праздника, знаменующего сошествие Святого Духа на апостолов в форме «языков... огненных» (Деян. 2.1–4). Что же касается годовщины мученической смерти святого Станислава и закрытия Краковского синода, польский епископат просто продлил юбилейные торжества еще на месяц (их кульминация пришлась на 10 июня), а в епархии епископа Краковского было решено приурочить закрытие синода к визиту Папы. Мнимый триумф коммунистов в битве за святого Станислава на деле оказался пирровой победой.

По поводу предполагаемого маршрута тоже возникли разногласия. Коммунисты отказывались пускать Папу в Силезию, где он намеревался посетить святыню Девы Марии в Пекарях — паломничество, которое он часто совершал в свою бытность архиепископом Краковским. Дело в том, что Силезия была политической вотчиной Эдварда Герека, и партийный босс, в целом благосклонно взиравший на визит Папы, не собирался пускать соперника в свои угодья. Подобный запрет коснулся и Новой Гуты, что лишний раз свидетельствовало о том, насколько задела коммунистов история с тамошней церковью и то, что им пришлось уступить в вопросе о Местжейовице. Однако даже невзирая на эти ограничения, Папе предстояло обширное турне. В конце концов было решено, что он побывает в столице страны Варшаве; в городе Гнезно, колыбели польского католицизма, где ныне размещалась епархия Примаса; посетит Ченстохову с ее знаменитой иконой Черной Мадонны; Краков и его окрестности: Кальварью Зебжидовску, Вадовице, Освенцим; расположенный в горах городок Новы-Тарг и цистерцианский монастырь неподалеку от Новой Гуты.

Церковь и правительство схлестнулись также в вопросе о том, как средствам массовой информации следует освещать визит Папы. В течение 30 лет коммунистические власти упорно отказывались допустить Церковь на радио и телевидение. Представители польского епископата, тяжело переживавшие это вынужденное отлучение от жизни страны, доказывали, что приезд понтифика на родину вызовет огромный интерес в обществе, а потому его следует освещать как можно шире. На польское правительство оказывали давление коллеги из соседних стран, опасавшиеся, что их граждане станут свидетелями происходящего в Польше, настроившись на нужную радиоволну или телеканал. Литва даже направила в Варшаву специальную делегацию с просьбой максимально ограничить масштаб показа. Сообразив, что если телевидение будет транслировать те или иные события с участием Папы, то многие потенциальные зрители предпочтут остаться дома и наблюдать за ними на экране, польское правительство в конце концов согласилось показать церемонию прибытия, посещение понтификом (совместно с официальными представителями светской власти) дворца Бельведер в Варшаве, мессу на площади Победы, поездку в Освенцим и тамошнюю мессу, а также церемонию отъезда из Кракова. Что касается поездок Папы в Ченстохову и Гнезно, то их освещение возлагалось лишь на региональное

радио и телевидение. Согласование деталей телетрансляции шло до самой последней минуты.

Организационная сторона визита, в том числе грандиозная задача поддержания порядка во время массовых мероприятий, была отдана на откуп Церкви — еще одна стратегическая ошибка режима. Люди, которым в течение 30 лет внушали, что они неспособны организовать себя сами, без государственного и партийного руководства, теперь получили возможность проверить истинность этого сомнительного утверждения на практике. И подобная проверка шла полным ходом в тысячах костелов и частных домов, где стряпали еду для многочисленных паломников, готовили украшения, обучали распорядителей, которым предстояло управлять толпой. За несколько недель до прибытия Иоанна Павла граждане Польши блестяще опровергли тезис о том, что только «передовой отряд» общества может должным образом это самое общество организовать.

ПОДГОТОВКА СЦЕНЫ

Польские власти могли сколько угодно радоваться тому, что им удалось оттянуть визит Иоанна Павла до июня, — и Церковь, и сам понтифик были полны решимости отметить годовщину мученической смерти святого Станислава в соответствии с древним обычаем. 8 мая, в день памяти святого, Иоанн Павел II направил апостольское послание «Rutilans Agmen» кардиналу Вышыньскому, архиепископу Махарскому и всей Польской Церкви. Страдания епископа Краковского, одного из «блестящей плеяды» тех, в ком Церковь на протяжении веков черпала свою силу, по-прежнему «определяют дела и помыслы» польского народа, писал понтифик. Польша, находящаяся ныне в «особом положении», должна «напомнить себе» об этом нетленном наследии. Подобным напоминанием стали шесть тысяч поляков, рассеянных по всему миру, которые во главе с кардиналом Вышыньским прибыли 16 мая в Рим, где в ватиканском Зале для аудиенций состоялись торжества в честь святого Станислава. В своем вступительном слове кардинал особо подчеркнул, что предстоящий визит Папы начнется с поклонения мощам святого Адальберта в Гнезно и закончится в Кракове, где Иоанн Павел II поклонится мощам святого Станислава, а связующим звеном между этими

двумя событиями станет визит в Ченстохову, к иконе Черной Мадонны. Таким образом, маршрут Папы не минует ни одной из трех святынь, символизирующих тесную связь польского народа с католицизмом.

Через два дня, 18 мая, Иоанн Павел и Примас отслужили поминальную мессу в честь 35-й годовщины битвы при Монте-Кассино, сражения Второй мировой войны, в котором отличились воины польской армии (в том числе однокашник Папы Ежи Клюгер). Польша, сказал Иоанн Павел, продолжает «жить в орбите последствий» этого конфликта — прозрачный намек на послевоенное устройство Европы, закрепленное решениями Ялтинской конференции. Главный урок, который преподала нам война, заключается в том, что «только на основе уважения прав отдельного человека и целых народов — всемерного уважения!» может быть построен мир в Европе. Это означает право народа на «общественную жизнь в соответствии с его национальными и религиозными убеждениями и традициями, а также право его суверенитета на собственной территории». Излишне было добавлять, что суверенитет Польши был нарушен, когда страна примкнула к искусственному «союзу», призванному защитить режим, намеренно созданный вопреки убеждениям и традициям поляков.

Между тем в Польше этот режим пытался нанести превентивный удар. В марте Польская объединенная рабочая партия разослала школьным учителям секретные инструкции, которые позже были опубликованы в подпольно издаваемом журнале. Эти инструкции позволяют представить умонастроения, царившие в партийных рядах в преддверии визита Папы:

> Папа — наш враг... Он опасен в силу своего обаяния и несомненного чувства юмора, что позволяет ему очаровывать всех, особенно журналистов. Кроме того, он любит заигрывать с народом: надевает чью-нибудь экзотическую шляпу, пожимает всем руки, целует детей и так далее... Все это скопировано с американской предвыборной президентской кампании...
>
> Он опасен, поскольку попытается представить святого Станислава покровителем сопротивления властям и защитником прав человека. К счастью, нам удалось перенести визит с 8 мая на более поздний срок... В связи с активизацией Польской Церкви наши усилия по атеистическому воспитанию молодежи не только нельзя сворачивать, но напротив, следует всемерно умножать... Для этого хороши все средства, а ненужные сантименты надо отбросить.

Справедливости ради следует отметить, что власти тоже не сидели сложа руки. Они спешно привели в порядок места, которые намеревался посетить Папа, вместе со священнослужителями разработали маршрут поездки и организовали медицинскую помощь в местах предполагаемого скопления людей. Правительство также обеспечило представителей мировой прессы необходимыми средствами связи. Не доверяя собственным журналистам, власти сочинили для них подробные директивы о том, что и как следует писать, которые немедленно просочились в подпольные издания.

Пока шли все эти приготовления от имени польского государства, польский народ по-своему готовился встретить своего выдающегося сына. Варшавские студенты водрузили на здание общежития огромный транспарант со словами Папы, адресованными молодежи: «Вы — надежда мира, надежда Церкви, моя надежда». Коменданту пришлось самому снимать полотнище — студенты наотрез отказались это сделать. Позднее, отвечая на вопрос о том, чей приказ он выполнял, комендант признался:

— Какого-то пожилого человека из советского посольства.

В Кракове люди по собственной инициативе украшали флагами Польши и Ватикана бывший дом Кароля Войтылы на Францишканьской улице, 3. Они трудились в большой спешке на импровизированных лесах. В ночь накануне приезда понтифика работа еще была в самом разгаре, когда внезапно погас уличный фонарь. Позднее один из участников тогдашних событий выразился так:

— Мы сразу поняли, что дело не в электричестве, — во всем квартале фонари горели. Не было света только рядом с этим домом.

В доказательство того, что «мы» можем быть не менее изобретательны, чем «они», водители припарковали свои автомобили напротив дома Войтылы и направили на него лучи фар. Характерно, что потом никто не жаловался на разряженные аккумуляторы.

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ ИЗМЕНИЛИ МИР

Идея паломничества, то есть путешествия к святым местам для молитвы, покаяния и раздачи милостыни, глубоко укоренилась в религиозном сознании людей. В библейские времена па-

ломничества в Иерусалим, приуроченные к Празднику кущей, Пасхе и Пятидесятнице, были обычным явлением. В эпоху раннего христианства паломники посещали Святую Землю. По мере распространения христианства в Средиземноморье возникали и другие святые места, часто связанные с находящимися там мощами апостолов.

Традиция паломничества, выражающая уверенность Церкви в том, что Господь действительно существовал в определенное время и странствовал в определенных, вполне конкретных местах, была легко перенесена на другие культуры по мере того, как они впитывали христианство. Польша в этом отношении не является исключением. Свидетельствами о великих паломничествах к иконе Черной Мадонны Ченстоховской и в Кальварью Зебжидовску пронизана вся многовековая история Польской Церкви. Еще ребенком Кароль Войтыла отдал дань этой древней традиции. И вот теперь он готовился совершить то, что один журналист позднее назвал «самым фантастическим паломничеством в истории современной Европы».

Объявляя о предстоящем визите понтифика в специальном коммюнике от 4 мая 1979 г., польские епископы особо подчеркивали, что Папа прибудет по их приглашению и что «путешествие Святого отца будет иметь характер религиозного паломничества на родину в год 900-й годовщины мученической смерти святого Станислава, епископа Краковского. Паломничество охватит все места, освященные кровью мучеников». Называя предстоящие события паломничеством, епископы вовсе не хотели насолить властям — просто это слово наилучшим образом отражало отношение самого Иоанна Павла II к своим путешествиям по планете. С момента вступления в должность он решил, что его визиты в качестве главы Римско-Католической Церкви должны носить пастырский характер.

«Модель» зарубежных поездок Папы, апробированная во время посещения Доминиканской Республики и Мексики в январе 1979 г., с тех пор не менялась. Прибывая в ту или иную страну, понтифик первым делом опускался на колени и целовал землю, чтобы продемонстрировать свою убежденность в том, что Господь присутствует именно в этом месте, рядом с этими людьми. Во время встреч Папы с главой государства и другими официальными лицами страны дипломатические формальности обычно бывали сведены к минимуму. Разъезжая по стране в своем «папа-

мобиле», понтифик никогда не брал с собой политических деятелей, а только местного епископа или главу национальной конференции епископов, поскольку считалось, что он находится у них в гостях. Главные события любой поездки носили литургический, а не политический характер. Говоря о значении своего визита для общественной жизни страны, Иоанн Павел II любил повторять, что оно определяется ее гражданами, религиозными лидерами и — это он подчеркивал особо — Святым Духом.

2 ИЮНЯ — ВАРШАВА

В субботу 2 июня 1979 г., в 10 часов 7 минут утра, Иоанн Павел II сошел с трапа самолета «Citta di Bergamo» авиакомпании «Алиталия», опустился на колени и поцеловал польскую землю. По всей стране зазвонили церковные колокола, возвещая о начале исторического события. Президент Польши Генрик Яблоньский[1] и Примас Вышыньский выступили с краткими приветственными речами. Ответ понтифика четко определил атмосферу предстоящих девяти дней: папа-поляк приехал на родину, чтобы вернуть своему народу его подлинную историю и культуру.

Однако не следовало забывать и о формальностях. Иоанн Павел поблагодарил президента Яблоньского за любезный прием и выразил надежду, что его визит послужит «великому делу сближения и сотрудничества народов». Обращаясь к кардиналу Вышыньскому, понтифик добавил, что программа предстоящих дней будет его ответом на приветствие Примаса.

Затем Папа обратился к своим «возлюбленным братьям и сестрам», «дорогим соотечественникам», которых он хотел бы в этот знаменательный день поприветствовать «теми же словами, которыми 16 октября прошлого года приветствовал собравшихся на площади Святого Петра: "Да будет благословен Господь наш Иисус Христос!"»

Именно так он обращался к полякам прежде, с этими же словами пришел к ним теперь. Пять лет нацистской оккупации и 33 года коммунистического правления лишили Польшу ее истории

---

[1] Г. Яблоньский занимал пост председателя Государственного совета ПНР. — *Примеч. ред.*

и культуры. Ныне он, сын Польши, вернет своему народу то, что принадлежит ему по праву.

После триумфального въезда в столицу — его путь пролегал по улицам, запруженным сотнями тысяч людей, — Иоанн Павел направился в Старый город. Первая остановка произошла у собора Святого Иоанна, жестоко пострадавшего во время Варшавского восстания 1944 г., когда воины польской армии сражались не на жизнь, а на смерть с солдатами вермахта, и отстроенного заново. И снова Папа начал словами:

— Да будет благословен Господь наш Иисус Христос!

И снова он воззвал к исторической памяти людей, чье присутствие в соборе подтверждает «освященное веками право гражданства, которое Церковь и по сей день имеет в жизни столицы, нации, государства». Находясь в этом восстановленном соборе, продолжал понтифик, он вспомнил то, «что однажды сказал Христос: «Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его» (Ин. 2.19). История спасения принадлежит не только прошлому — она является тем драматическим контекстом, в котором жила и продолжает жить Польша. Разве не сказал некогда королю Болеславу святой Станислав, годовщину мученической смерти которого он, Папа, приехал почтить в Польшу: «Разрушьте эту церковь, *и Христос в течение веков восстановит ее*»? Именно в контексте этой истории, отмеченной знаками Божьей воли, он встречается сегодня со своими соотечественниками — «первый Папа с польской кровью, на пороге второго тысячелетия крещения народа и его истории».

В подобном же духе выражался понтифик и во дворце Бельведер, официальной резиденции Президента Польши, где Иоанн Павел и кардинал Вышыньский встречались с президентом Яблоньским и коммунистическим лидером Эдвардом Гереком. Папа был вежлив, но тверд. По его словам, он приехал по приглашению польского епископата, «выражающего волю католиков моей родины». Он благодарен руководителям Польской Народной Республики, которые «также открыли мне двери моей родной земли». С уважением отметив титанический труд, благодаря которому удалось залечить раны, нанесенные столице и королевскому дворцу войной, понтифик подверг резкой критике моральные устои тоталитарной системы.

Поляки знают, что государство само по себе не является конечной целью. Напротив, *«смысл его существования — это обеспе-*

чение суверенитета общества, народа, родины». Именно в этом заключается «жестокий урок», преподанный польской историей XIX в., в результате чего после Первой мировой войны страна превратилась «в новую кузницу патриотизма». Нынешнее польское государство не раз провозглашало свою приверженность политике «мирного сосуществования», ставшую неким коммунистическим заклинанием. Однако эта приверженность, по убеждению Иоанна Павла, имеет *«глубинное этическое значение»*, поскольку исходит из *«объективно существующих прав народа»*, включающих право «на собственную культуру и цивилизацию». В подлинной истории польской культуры нет места навязанным идеологическим догматам.

Что касается международного положения, то, по мнению понтифика, «мирное сосуществование» возможно только в том случае, если будет положен конец «всем формам экономического и культурного колониализма». Это означает, что любой союз, в который вступает государство, должен базироваться на «добровольном сотрудничестве». Варшавский Договор не был упомянут, да в этом и не было нужды. Церковь не «ищет привилегий» — ей нужна только свобода в осуществлении своей проповеднической и моральной миссии. Именно такой была на протяжении 30 лет деятельность «человека редких качеств, кардинала Стефана Вышыньского, Примаса Польши». Он, Кароль Войтыла, разделял убеждения Примаса, будучи архиепископом Краковским, продолжает разделять их и теперь. Апеллируя к чувству «ответственности», которая ложится на плечи каждого из пригласивших его коммунистов «перед лицом истории и перед вашей собственной совестью», понтифик — «сын той же родины», как он себя назвал, — недвусмысленно дал понять, что будет пристально наблюдать за событиями, происходящими в его стране: «Позвольте мне продолжать считать благо [Польши] своим благом и чувствовать, что я причастен ко всему происходящему, словно продолжаю жить на этой земле и остаюсь ее гражданином... Позвольте мне продолжать так думать, чувствовать, надеяться и молиться об этом».

Это была надежда и вместе с тем предостережение, адресованное не только варшавским, но и московским властям. Вне всякого сомнения, оно дошло до адресата.

К концу дня огромный крест на площади Победы уже разобрали.

3 ИЮНЯ — ГНЕЗНО

Переночевав в резиденции Примаса, Иоанн Павел на следующее утро, в воскресенье, отслужил мессу в честь праздника Пятидесятницы для десятков тысяч варшавских студентов, многие из которых еще с ночи стали занимать места в университетском костеле Святой Анны и на соседней площади. Обращаясь к присутствующим, понтифик предложил своим «юным друзьям» задуматься над тем, что есть человек. Этот основной, по мнению Иоанна Павла, жизненный вопрос логически влечет за собой другой, гораздо более сложный: «Что должно стать мерилом человеческой ценности?» Физические возможности человека? Его знания? Священное Писание в той части, где говорится о сегодняшнем празднике — празднике сошествия Святого Духа, предлагает другой ответ: истинным мерилом человеческого сердца и души является «мера совести», «мера открытости души перед Богом». Молодые граждане Польши знают, что их страна живет в ожидании, но чего? Польша ждет, напомнил собравшимся Папа, как в свое время святой Петр напомнил римлянам, что в них «откроется Сын Божий». Она ждет от будущих «врачей, инженеров, юристов, профессоров... что в них до некоторой степени воплотится сам Господь Бог».

Из столицы Иоанн Павел на вертолете отправился в Гнезно, город, где находятся останки святого Адальберта, первого миссионера, побывавшего в Польше. Именно здесь по-настоящему началось паломничество Папы «по историческому пути народа» — из Гнезно в Ченстохову, а затем в Краков, к мощам святого Станислава.

Население Гнезно составляет всего 60 тысяч человек, однако на обширной равнине в окрестностях города, где тысячу лет назад состоялось крещение страны, собралось не менее миллиона поляков. Прямо в аэропорту Папа, обращаясь к сельским жителям, подчеркнул важность религиозного воспитания детей, которые, как он надеется, будут «легче общаться с Христом». Те же, кто отказывает им в этом праве, подобны тем, кого «сурово» осудил Иисус, когда сказал, что лучше бы мельничный жернов повесили им на шею и бросили их в море, нежели соблазнять малых сих (см. Лк. 17.2).

— Давайте все задумаемся над этими словами, — предложил Иоанн Павел, спускаясь с помоста и направляясь к ожидавшей

его толпе. Он пожимал руки, благословлял, целовал детей, которых протягивали к нему родители.

В полдень на главной площади Гнезно, перед знаменитым кафедральным собором X в., состоялась месса. Повсюду, насколько хватало глаз, плотными рядами стояли люди. Вначале Иоанн Павел поздравил Польшу с тем, что «таинствами крещения и конфирмации она причислена к тайнам Божественной жизни». Подобно апостолам «в верхней горнице», продолжал понтифик, мы собрались здесь, чтобы еще раз вспомнить «торжественную дату... от которой начался отсчет истории нашей родины и Церкви, ее неотъемлемой части, — истории Польши, "твердой в вере"». Согласно Новому Завету Пятидесятница была днем лингвистических чудес. В Священном Писании говорится, что в этот день апостолы начали проповедовать в Иерусалиме на разных языках, так что их понимали все народы Средиземноморья. Вот и сегодня, продолжал Иоанн Павел, Польша переживает нечто подобное, причем это касается всего славянского мира и его недавней истории — и ставит под сомнение итоги послевоенного раздела Европы.

То, что Святой Дух продолжает говорить на всех языках мира, подтверждено тысячелетним опытом славянских народов, у каждого из которых имеется свое, отличное от других наречие. Возможно, рассуждал понтифик, именно поэтому Святой Дух привел его к первосвященству: чтобы «ввести в церковный обиход слова и языки, которые по-прежнему кажутся странными для слуха, привыкшего к романским, германским и кельтским наречиям». Не было ли то волей Христа, «чтобы Папа-поляк, Папа-славянин именно в этот момент стал символом единства европейской Церкви», явившегося результатом «неустанного созидания Святого Духа?»

— Да, — отвечал сам себе Папа, — такова воля Христа, к этому призывает и Дух Святой... Мы не вернемся в прошлое! *Мы пойдем вперед, к будущему!* «Примите Духа Святого!» (Ин. 20.22). Амен!

Во время этой вдохновенной проповеди Иоанн Павел заметил над толпой транспарант: «Святой отец, не забудьте ваших чешских братьев». Папа специально прервал свою речь, чтобы уверить этих многострадальных людей, а также всех тех, чей голос намеренно не хотят услышать, что он никогда о них не забывает.

В тот же день вечером Иоанн Павел, выступая с балкона резиденции архиепископа, высказался в защиту духовной незави-

симости польской культуры. «Христианское вдохновение, — сказал он, — продолжает быть главным источником творчества польских художников и вообще людей искусства», и именно в нем «отражена душа нации». Свою речь Папа закончил шуткой, предметом которой стала небывалая для этой поры погода:

— В июне тридцатиградусная жара в 150 милях к западу от Варшавы — такое же обычное явление, как понтифик-поляк.

4–6 ИЮНЯ: ЧЕНСТОХОВА

Ясная Гура, храм Черной Мадонны Ченстоховской возведен на вершине известнякового холма, возвышающегося над плоской силезской равниной. Более миллиона поляков собралось здесь 4 июня, чтобы послушать Иоанна Павла, которому предстояло обратиться к собравшимся со стены монастыря, где в 1655 г. было остановлено шведское нашествие. Свою проповедь понтифик начал словами из поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш», в постановке которой в «Театре восторга» когда-то сам принимал участие: «О Матерь Божия, Ты светишь в Острой Браме, / Твой чудотворный лик и в Ченстохове с нами...» Эти вдохновенные строки «выражают то, что билось тогда и бьется до сих пор в сердцах всех поляков». Именно к Ясной Гуре каждый поляк приходит или обращается мысленно в «решающие, самые ответственные моменты» своей жизни, прося совета у Мадонны.

Звенящим от волнения голосом Иоанн Павел говорил о том, что невозможно себе представить, чтобы первый Папа-поляк не посетил Ясную Гуру. Как мог он не побывать у «этого храма великой надежды», где «я так часто шепотом молился» пред образом Девы Марии? Как мог он не прийти сюда и не «услышать, как бьется сердце Церкви и Родины, сливаясь с биением сердца Богоматери»?

Ясная Гура — это «национальная святыня». Именно здесь каждый человек узнает, что представляют собой на самом деле Польша и поляки. Каждый, кто хочет «узнать, как... преломляется история в сердцах поляков... должен прийти сюда» и услышать «эхо жизни целого народа, отраженное в сердце его Матери и Королевы».

Тринадцать лет назад, в разгар торжеств, посвященных тысячелетию польского христианства и началу новой эпохи, ознаме-

нованной Вторым Ватиканским Собором, польский народ вновь вверил свою судьбу Деве Марии, умоляя «о свободе Церкви во всем мире и в Польше». И теперь Папа просит согласия своих соотечественников, «чтобы я как преемник святого Петра, находящийся сегодня здесь, с вами, доверил Богородице всю Церковь с той же живой верой, с той же смелой надеждой», как это было сделано тринадцать лет назад.

— Позвольте мне *доверить* все это Деве Марии. Позвольте, и я доверю ей это по-новому и торжественно.

— Я, — заключил понтифик, — человек великой веры. И этому я научился здесь.

Во время проповеди Папа неожиданно отвлекся, позволив себе порассуждать о том, что говорят о нем его коллеги — итальянские прелаты: «Что нам делать с этим поляком, этим славянином? Да и можем ли мы что-нибудь сделать?» На что толпа ответила не смолкавшими в течение 10 минут «громовыми аплодисментами и восторженными криками».

Вечером, помолившись в одиночестве у иконы Черной Мадонны, Иоанн Павел встретился с представителями Ченстоховской епархии и с болящими, собравшимися в окрестностях монастыря. Сколько бы он ни беседовал со страждущими, признался понтифик, еще в свою бытность простым священником, а потом епископом, он всегда чувствовал, что слов утешения тут недостаточно. Но существует «единственная реальность, где человеческие страдания преображаются»: крест Христов. На этом кресте Сын Божий искупил людские страдания. И именно поэтому «крест, возложенный на чьи-то плечи, приобретает свойства, непостижимые человеческим разумом». Глубже проникая в тайну Креста, страдание облагораживается. И потому он, Папа, обращается к болящим с такой просьбой:

— Вы, слабые и страждущие, станьте источником силы для своих братьев и отцов, которые сердцем и в молитве находятся рядом с вами.

Отслужив мессу для шести тысяч монахинь, названных им «живым свидетельством... человечности, [которому] нет цены», Иоанн Павел принял участие в пленарной ассамблее польского епископата, состоявшейся в Ясногурском монастыре. На этом форуме перед Папой был поставлен непростой вопрос. За четыре дня он проявил себя как выразитель дум и чаяний всего польского народа, о чем недвусмысленно свидетельствует реакция на его выступления со стороны широких масс. Однако менее чем через

неделю понтифик покидает Польшу, а 78 остающимся на родине епископам, в том числе кардиналу Вышыньскому, предстоит нести тяжелое бремя — ежедневно защищать ту свободу, которую он создал. Продолжая выступать от имени Польши, не ставит ли Папа под удар своих братьев-епископов и Примаса? Имеет ли он на это право в момент, который является чрезвычайно ответственным и эмоциональным для него и для его бывших коллег?

Отвечая на эти нелегкие вопросы, Иоанн Павел подтвердил глубокую приверженность стратегии, на которой в течение более 30 лет настаивал Вышыньский. Свое официальное выступление понтифик начал с того, что заметил:

— Качество, особенно характерное для конференции польских епископов, — единство, источник духовной силы.

Это единство позволило обществу «справедливо и заслуженно» доверять Церкви и польскому епископату. Воплощением же этого единства и этого доверия является Примас. Сегодня Папа как глава Римско-Католической Церкви хотел бы повторить своим братьям — польским епископам то, что уже говорил польским паломникам в Риме и польским властям в Варшаве: кардинал Стефан Вышыньский — это «человек, ниспосланный самим Провидением для нашей Церкви и Родины».

Работа в качестве епископа, продолжал Иоанн Павел, «позволила мне детально изучить проблемы современной церкви в их универсальном измерении». Кое-кто склонен считать положение в Польше исключением из общего правила; он же видит в нем отражение общего кризиса современности. Вместе с тем в Польше конца XX в. есть и нечто уникальное. В ответ на острейший кризис гуманизма страна укрепила свою христианскую веру, и этот урок резонансом откликнулся далеко за пределами польских границ.

Во времена прежних кризисов польские иерархи поддерживали, а порой и спасали польскую нацию — факт, который трудно осознать современным противникам церковной иерархии. Для поляков же «это просто часть подлинной истории их родины», и именно об этой истине он, Папа, хотел бы напомнить людям. Как написано в его последнем стихотворении, подтверждением этой истины служат не споры, а кровь, «наследие святых мучеников, епископов Войцеха [Адальберта] и Станислава».

Иоанн Павел напомнил собравшимся, что согласно принятой на Втором Ватиканском Соборе «Догматической конституции о Церкви» иерархи являются слугами Церкви, осуществляю-

щими ее миссию. Отношения Церкви и государства в Польше должны восприниматься именно в этом евангелическом контексте. «Нормальной» в понимании Иоанна Павла II как одного из участников Собора следует считать общественную ситуацию, описанную в принятой на Втором Ватиканском Соборе «Декларации о религиозной свободе», положения которой, не без ехидства добавил понтифик, «полностью совпадают с принципами, заложенными в основополагающих государственных и международных документах, в том числе и в Конституции Польской Народной Республики». Речь идет о свободном праве гражданина при выборе вероисповедания руководствоваться требованиями своей совести, свободном праве Церкви выполнять свою евангелическую миссию, а также свободном праве отдельных верующих и Церкви в целом служить общественным интересам. Только этого просит Церковь — не больше, но и не меньше. Своей просьбой она напоминает государству, что существует для служения обществу, а не наоборот.

Жизнь святого Станислава, его проповедническая деятельность и мученическая смерть в результате столкновения с деспотичной государственной властью сделали достоянием польской истории и культуры великую истину, продолжал Иоанн Павел: законы, провозглашаемые государством, должны подчиняться моральному закону, предписанному Богом для природы и людских сердец. Моральный закон «накладывает обязательства на всех — правителей и их подданных». Только осознав этот моральный закон, можно преодолеть кризис современности. Только в этом случае «достоинство человеческой личности будет уважаться повсеместно».

Годовщина смерти святого Станислава, сказал понтифик в заключение, дает полякам повод поразмыслить о себе и своей стране «в европейском контексте». Можно с полным основанием говорить о «Западной Европе» и «Восточной Европе», но не следует разделять их «железным занавесом». «Несмотря на разные традиции, существующие в западной и восточной частях Европы, и там и здесь живет христианство, берущее начало от одного и того же Христа, принимающее одно и то же Слово Божие и связанное с одними и теми же 12 апостолами». Именно эта «духовная генеалогия» делает Европу Европой. Единство польского епископата, давно служащего нации и ее единству, теперь должно быть поставлено на службу еще более ответственным целям, ибо «христианство обязано вновь посвятить себя формированию духовно-

го единства Европы. Одних экономических и политических мотивов недостаточно, чтобы решить эту задачу. Мы должны пойти глубже: обратиться к этическим мотивам».

В тот же день вечером Иоанн Павел рассуждал о единстве, достигаемом через примирение народов, на мессе, которую он отслужил для миллиона паломников из Нижней Силезии. Однако для варшавских и московских властей выступление Папы, в котором религиозная свобода и национальная целостность Польши связывались с европейским единством, означало только одно. Даже не упоминая слова «Ялта», Иоанн Павел II от своего имени и от имени Церкви выступил против послевоенного раздела Европы. Стало ясно, что этот человек представляет угрозу всему коммунистическому строю прежде всего потому, что использует оружие, в отношении которого коммунисты особенно уязвимы.

Навязшие в зубах лозунги «Партия для народа» по-прежнему украшали здания по всей стране. И лишь к одному из них кто-то тайком приписал: ...а народ для Папы».

6–10 ИЮНЯ: КРАКОВ

6 июня, в последний день своего пребывания в Ченстохове, Иоанн Павел отслужил мессу для семинаристов и послушников религиозных орденов, встретился с тысячами священников и орденских братьев, напомнив им о польских священнослужителях, замученных в концентрационных лагерях во время Второй мировой войны, и отслужил еще одну мессу для сотен тысяч шахтеров и рабочих Верхней Силезии. Стоя на той же монастырской стене, откуда три века назад приор Кордецкий бросил вызов вторгшимся в страну шведам, Иоанн Павел видел перед собой широкую панораму Ченстоховы и ее окрестностей, в том числе сталелитейный завод имени Болеслава Берута и окружающие его шахты Силезского угольного бассейна. Шахтерам не дали выходного, но они все равно пришли, одетые в традиционные — черные с золотыми пуговицами — сюртуки, принадлежность их профессии, и черные шляпы, украшенные белым пером. В своей проповеди Папа призвал рабочих всегда помнить слова поэта Норвида («Труд существует... для возрождения») и не дать «соблазнить себя утверждением, будто человек может полностью раскрыться, отрицая Господа, исключив молитву из своей жизни и сосредоточив-

шись только на работе, тем самым поддаваясь иллюзии, будто плоды его труда могут удовлетворить все потребности человеческого сердца. «Не хлебом одним будет жить человек» (Мф. 44)».

Вечером 6 июня Иоанн Павел II вылетел в свой «возлюбленный Краков».

— Он уезжал с сумкой, зубной щеткой и парой булочек, — разоткровенничался с иностранными журналистами швейцар гостиницы. — А посмотрите, как приехал.

Это было поистине триумфальное возвращение. Гигантская толпа, стоя на бульваре под проливным дождем, ждала Папу. Казалось, из дальних странствий в лоно большой семьи вернулся один из ее членов. Он чувствует себя «еще ближе ко всем вам», признался понтифик, из-за того, что «Господь, призвав меня на Петров престол, вынужденно разлучил нас». В ближайшие дни, закончил свою речь Папа, он собирается делать «то же, что делал всегда: говорить «о великих делах Божиих» (Деян. 2.11), свидетельствовать Евангелие и служить во имя достоинства человека, как это делал святой Станислав много веков назад».

Иоанн Павел II ехал по городу в открытом автомобиле и видел вокруг восторженные лица мужчин, женщин и детей, которых он в свое время крестил, конфирмовал и исповедовал; супружеские пары, чей союз он благословил и чьих родителей когда-то проводил в последний путь. Заметив в толпе знакомое лицо, Папа окликал этого человека и махал ему рукой. Прибыв в Вавельский собор, понтифик вслух подивился «неисповедимым путям» Провидения, которое столь неожиданным образом привело его домой, чтобы отметить закрытие Краковского синода. Ночь Иоанн Павел провел в своей старой спальне на Францишканьской, 3. Если не считать вазы со свежими цветами, здесь все осталось так же, как было 2 октября, в день его отъезда в Варшаву и далее — в Рим.

В эту ночь, как и в последующие три, улицы, прилегающие к резиденции архиепископа, и крыши соседних домов были оккупированы молодыми людьми: школьниками старших классов, студентами университета, рабочими, устроившими, к вящему неудовольствию властей, нечто вроде импровизированного праздника в честь приезда понтифика. В первую ночь Иоанн Павел вышел на балкон и удивленно спросил:

— Кто это так шумит? Последний раз я слышал нечто подобное в Мексике, где люди кричали: «El Papa, El Papa»...

Молодые люди восприняли это как намек и тут же принялись скандировать нараспев: «El Papa, Sto lat, El Papa, Sto lat!» [«Сто лет жизни папе!»], потом потребовали, чтобы понтифик произнес речь. Иоанн Павел отказался, сославшись на больное горло. Тогда молодежь начала петь (кстати, это повторялось и в последующие три ночи). Местных жителей, осведомленных об энциклопедических познаниях Кароля Войтылы в области польского песенного творчества, не удивило то, что вскоре он сам присоединился к пению. Но одна реплика бывшего архиепископа показалась краковцам особенно трогательной. В какой-то момент Папа откровенно признался:

— А вот эту песню я не знаю — должно быть, она совсем новая.

Когда Иоанн Павел, разбуженный восторженными криками и непрекращающимся пением, в первый раз вышел к толпе, ему пришлось встать на подоконник, чтобы его было лучше видно. Тут же чья-то заботливая рука ухватила Святого отца за сутану, чтобы он не упал.

— Когда я был архиепископом, — с улыбкой заметил понтифик, — мне не приходилось скакать по подоконникам, а если случалось выглянуть в окно, никто меня не придерживал.

Позднее он шутливо жаловался:

— Быть Папой в Риме довольно плохо, но еще хуже быть им в Кракове — приходится всю ночь, не смыкая глаз, стоять у окна. Даже подумать некогда!

Наконец в полночь Иоанну Павлу все же удалось уговорить толпу разойтись.

— Вы просили сказать хотя бы два слова, — обратился он к собравшимся. — Вот они: спокойной ночи!

Утром следующего дня, 7 июня, Иоанн Павел совершил паломничество в Кальварью Зебжидовску. Здесь, признался понтифик, он «нашел ответы» почти на все вопросы, с которыми сталкивался в свою бытность архиепископом, и произошло это не в результате умозрительных заключений, а в молитве, среди «великой тайны веры, которую содержит в себе Кальварья». Благодаря пролегающим здесь путям Иисуса и Марии, а также своим холмам, оврагам и ручейкам эта великая святыня «олицетворяет собой символ нашего земного паломничества», которое ведет из тьмы к свету через воплощение Бога в Его Сыне. Из лесов Кальварьи Папа хотел бы обратиться ко всем, кто его слышит, с «простой, но имеющей фундаментальное значение просьбой: моли-

тесь». Особенно молитесь, уточнил понтифик, «за того из паломников Кальварьи, кого Христос призвал теми же словами, что некогда сказал Симону Петру: «Паси агнцев Моих... Паси овец Моих» (Ин. 21.15–17). Молитесь за меня, пока я жив, и после моей смерти».

Из Кальварьи Папа отправился на вертолете в свой родной город Вадовице. Добравшись до места, он устремил взор на видневшиеся на горизонте горные вершины Бескид и начал называть их одну за другой, а в конце спросил, не забыл ли он какую-нибудь. Оказалось, что нет. Тридцать тысяч человек — вдвое больше обычного населения города — ожидали Папу на футбольном поле, где он когда-то играл как голкипер, и на площади, где Кароль Войтыла и Ежи Клюгер подшутили над местным полицейским, офицером Цьвенком, и чуть не угодили в участок. Окруженный земляками, Папа пожимал руки, благословлял детей, а когда местный оркестр заиграл «Польша в вере тверда», начал подпевать.

— Наше Вадовице всегда славилось хорошими музыкантами, — растроганно произнес понтифик. — До войны это был оркестр 12-го пехотного полка. Хотя молодежь вряд ли его помнит...

Понтифик был официально принят своим старым учителем, монсеньором Эдвардом Захером, который до сих пор исполнял обязанности городского пастыря. Приветствуя Папу, отец Захер обратился к присутствующим со словами, которые восемь месяцев назад произнес в Риме кардинал Феличи: «Annuntio vobis gaudium magnum: habemus Papam!» В ответ Папа сказал, что хотел бы помолиться за всех дорогих ему людей, «начиная с моих родителей, брата и сестры, память о которых неразрывно связана для меня с этим городом». Больше всего, продолжал понтифик, он хотел бы поблагодарить за свое крещение 20 июня 1920 г. Перед тем как обратиться к толпе, Папа зашел в костел, опустился на колени и поцеловал купель, в которой его крестили.

От жизни к смерти, от проявлений добра к величайшему воплощению современного зла пролегло паломничество Иоанна Павла, когда он на вертолете отправился в Освенцим, где в годы Второй мировой войны располагался печально знаменитый нацистский концентрационный лагерь. Выйдя из вертолета в окрестностях города, Папа на лимузине подъехал к воротам концлагеря. Его автомобиль медленно двигался мимо полумиллиона поляков, бросавших Папе букеты цветов. Однако ни место, ни время не располагало к улыбкам. Иоанн Павел вошел в железные ворота с

циничной надписью «Arbeit Macht Frei» [«Труд сделает тебя свободным»] и по усыпанной гравием дорожке, проложенной между красными кирпичными бараками, направился к бараку номер 11. В подвале этого здания, в 18-й камере, нашел мученическую смерть Максимилиан Кольбе. Опустившись на колени, понтифик прочел молитву, поцеловал цементный пол, на котором корчился в агонии несчастный страдалец, и возложил на это место букет красно-белых цветов и пасхальную свечу, привезенную из Рима. За бараком находилась «Стена смерти», у которой расстреливали узников. Перед тем как помолиться за упокой их души вместе с кардиналом Германом Фольком, приехавшим из Западной Германии, понтифик тепло обнял 78-летнего Францишека Гайовничека, ради спасения которого отец Кольбе пожертвовал своей жизнью.

Короткое путешествие на вертолете, и вот Папа уже в Биркенау, на месте второго концентрационного лагеря, где менее 35 лет назад шла массовая бойня с применением самых изощренных средств уничтожения. Будущих жертв привозили сюда по железной дороге в вагонах или на открытых платформах, чтобы затем отправить кого сразу в газовую камеру или крематорий, а кого — в грубо сколоченную деревянную лачугу, где они должны были ожидать своей участи. Сейчас одна из платформ превращена в своеобразный алтарь. Крест на ней «увенчан» колючей проволокой. С него свисает клок полосатой материи, из которой шили робы для узников.

Иоанн Павел II медленно, склонив голову, двигался по этому скорбному месту. У памятника жертвам нацизма, имена которых высечены на каменных плитах на 20 языках, понтифик остановился. Задержавшись дольше всего у плиты с еврейскими, русскими и польскими фамилиями, Папа снова прошел мимо бараков, останавливаясь всякий раз, когда видел бывшего узника в характерной полосатой лагерной робе, а затем направился к алтарю, где отслужил мессу, на которую собралось более миллиона человек. Ему помогали священники и епископы, которые в годы войны сами были узниками концлагерей. В своей проповеди Иоанн Павел назвал Освенцим «современной Голгофой». Он говорил о том, что отцу Кольбе удалось одержать «победу благодаря его вере и любви» в месте, специально «построенном для отрицания веры — веры в Бога и человека». Это место предназначалось для того, чтобы «растоптать не только любовь, но само человеческое достоинство и человечность», место, «возведенное на ненависти и

презрении к человеку во имя безумной идеологии». Возможно, некоторые удивятся: зачем Папа пришел сюда, где все «замешано на ненависти»? Он хотел бы напомнить, что «начал свою первую энциклику словами «Redemptor Hominis» и посвятил ее защите человека, его достоинства и неотъемлемых прав, предостерегая от опасностей, угрожающих ему...» Вот почему, «будучи Папой, я не мог не побывать здесь».

И он пришел сюда как простой паломник, чтобы помолиться.

> Я склоняю голову перед памятью жертв Освенцима, имена которых одно за другим высечены здесь на самых разных языках: польском, английском, болгарском, цыганском, чешском, датском, французском, греческом, иврите, идише, испанском, фламандском, сербскохорватском, немецком, норвежском, русском, румынском, венгерском и итальянском.
>
> Я особо останавливаюсь... перед надписями на иврите, ибо они напоминают о народе, чьи сыновья и дочери подвергались самому беспощадному уничтожению. Этот народ происходит от Авраама, нашего отца в вере (см. Рим. 4.12). Тот самый народ, который воспринял от Бога заповедь «Не убий», как никакой другой испытал на себе, что значит убийство. Никто не может пройти мимо этих надписей равнодушно...

Помнить об Освенциме, сказал в заключение Папа, означает взять на себя обязательство строго придерживаться принципов, закрепленных Всеобщей декларацией прав человека, а именно: всемерно уважать и чтить права каждого человека, а также законное право каждого народа на собственный язык, культуру, свободу и развитие. То, что произошло в Освенциме, никогда не должно повториться. «Никому не позволено добиваться своих целей за счет других, ценой порабощения народов, ценой подавления, насилия, эксплуатации и уничтожения... Боже, да святится имя Твое! Боже святый и всемогущий! Боже святый и бессмертный! От чумы, голода, огня и войны избави нас, Господи. Амен».

На следующий день, в пятницу, Папа, так и не долечив горло, отправился в небольшой городок Новы-Тарг, расположенный в предгорьях Карпат, где ему предстояло встретиться с местными жителями. И снова собралось более миллиона человек. Верные своему пристрастию к ярким национальным костюмам, собравшиеся горцы представляли собой чрезвычайно колоритное зрелище. Посмотреть на Папу явились не только верующие из окрест-

ных приходов, но и жители Чехословакии и Венгрии, не поленившиеся ради такого случая перевалить через горы. Алтарное возвышение было сооружено в местном стиле — из грубо обтесанного дерева — и венчалось деревянной статуей Мадонны Людмежской, особо почитаемой в Татрах. Сегодняшняя атмосфера разительно отличалась от той, что царила накануне. Понтифик, по обыкновению, шутил с собравшимися, причем выяснилось, что он блестяще владеет местным диалектом. Его проповедь была хвалебной песнью «этой прекрасной земле», любви к труду, которая на протяжении веков воодушевляла поляков, и польской семье. Папа призвал молодых людей стать «свидетелями Христа», напомнив, что слово «мученик» происходит от греческого слова «свидетель». Представители движения «Свет и жизнь» принесли с собой огромные хлебные корзины, только на этот раз в них лежали не буханки, а Библии. Понтифик помог раздать книги, а затем предложил молодым людям поклясться на Библии, что они будут неустанно бороться за «избавление от рабской приверженности алкоголизму и наркомании, лжи и страху». После мессы была исполнена серенада в честь Папы. Ее пропел хор в составе ста горцев, выступавших под аккомпанемент скрипок, гобоев и волынок. Пока понтифик ехал в аэропорт, под колеса его автомобиля летели красочные горские шляпы — так местные жители выражали гостю свое уважение.

В тот же день Иоанн Павел председательствовал на торжественном закрытии Краковского синода в Вавельском соборе. Месса началась с процессии, в которой приняли участие 1500 членов Синода, после чего архиепископ Махарский вручил своему предшественнику документы Синода и памятную медаль. Свою речь Иоанн Павел начал с откровенного признания: «Сегодня осуществилось самое горячее желание моего сердца». Синод, созванный им для реализации в Кракове решений Второго Ватиканского Собора, а также для осознания связи между деятельностью Иоанна XXIII и подвижническим служением святого Станислава, закончил свою работу. В знак уважения к епископу-мученику понтифик возложил на его саркофаг документы Синода.

Пока Папа присутствовал на закрытии Краковского синода в Вавельском соборе, десятки тысяч молодых рабочих и студентов собрались у костела Святого Михаила в Скалке, чтобы встретиться с Иоанном Павлом. Встреча была назначена на вечер того же дня. После краткой молитвы в костеле — именно здесь принял

мученическую смерть святой Станислав — понтифик вышел на площадь, чтобы обратиться к молодежи. Все были очень взволнованы и возбуждены. Волна эмоций, непрестанно нараставшая в течение всей недели, наконец достигла пика, вылившись в лихорадочный юношеский энтузиазм. На Папу снова обрушились букеты цветов и нескончаемые серенады под аккомпанемент струнного оркестра, труб, гитар и медных духовых инструментов. Молодые люди так долго и так громко кричали Sto lat, sto lat, что Иоанн Павел, не выдержав, спросил шутливо:

— Как может Папа прожить сто лет, если вы его совсем оглушили? Дайте же мне хоть слово сказать! — Когда некое подобие порядка было наконец восстановлено, понтифик произнес всего четыре слова: — Я люблю вас всех.

Для этой встречи Папа заготовил официальную речь, в которой хотел обратиться к собравшимся с простой просьбой:

— Не отгораживайтесь от Христа... Бойтесь только беспечности и малодушия.

Однако, опасаясь, что до крайности наэлектризованные юнцы, чье поведение грозило вот-вот выйти из-под контроля, превратят собрание в политическую демонстрацию и дадут властям повод применить силу, Иоанн Павел объявил, что не будет читать подготовленный текст, во-первых, потому что у него все еще болит горло, а во-вторых, потому что «текст, который я подготовил, не годится для данного случая», и добавил:

— По-польски я пока могу говорить и без бумажки.

Одобрительный смех в ответ на эту шутку позволил несколько разрядить атмосферу, и понтифик перешел к воспоминаниям молодости.

— Когда мне объявили, что скоро я буду епископом, я спросил Примаса, не помешает ли мне это ездить в Татры. Он ответил, что нет. Теперь, когда я стал епископом Рима, до Татр добраться куда сложнее...

— Так оставайтесь с нами! — предложил чей-то задорный голос, и все подхватили:

— Оставайтесь, оставайтесь!

— Ах, вот вы как заговорили, — не остался в долгу Иоанн Павел. — А где же вы были 16 октября [в день его избрания]? Тогда никто и не подумал защитить меня. Впрочем, это типично для поляков — закрывать дверь сарая, когда лошадь уже сбежала.

Толпа снова разразилась смехом. Обмен шуточками продолжался до половины одиннадцатого. Время от времени молодые

люди принимались петь и скандировать, а Папа, улучив подходящий момент, давал им вполне серьезные советы. Постепенно напряжение спало: чувствовалось, что молодые люди размышляют над услышанным, хотя еще недавно казалось, что ничто не сможет удержать толпу от стихийной демонстрации. И вдруг несколько юношей взметнули ввысь двенадцатифутовый крест, а десятки тысяч собравшихся подняли маленькие кресты, которые прежде прятали. «Это было фантастическое, незабываемое зрелище, — писал позднее один из иностранных журналистов. — Молодые лица, кресты над ними, и все это озарено светом уличных фонарей». Одного слова из уст Папы, одного еле уловимого сигнала от человека, которому верили безоговорочно, оказалось бы достаточно, чтобы прямо здесь начались беспорядки.

Однако Иоанн Павел II произнес совсем другие слова:

— Уже поздно, друзья мои. Давайте спокойно разойдемся по домам.

Его послушались беспрекословно. Пока лимузин вез Папу на Францишканьскую к дому номер 3, гитары играли прощальную песню. А сидевший в машине человек в белом плакал, закрыв лицо руками.

На следующее утро понтифик встретился в своей бывшей резиденции со студентами и преподавателями Папского теологического факультета, после чего отправился на вертолете в окрестности Новой Гуты, в цистерцианский монастырь, расположенный в местечке Могила. Поскольку власти не позволили ему посетить храм в Новой Гуте, Иоанн Павел ограничился тем, что, пролетая над ним, сбросил вниз букет цветов. Сотни тысяч жителей города собрались на встречу с человеком, который в свою бытность епископом так ревностно защищал их религиозную свободу. Прихожане хотели, чтобы Папа освятил статую Девы Марии для их многострадального храма; когда же власти вычеркнули Новую Гуту из маршрута понтифика, люди решили принести статую в цистерцианский монастырь. В своей проповеди Иоанн Павел напомнил присутствующим о драматической борьбе, развернувшейся вокруг костела в Новой Гуте, и сказал, что возвращается «сердцем и в молитве к блаженной памяти отцу Юзефу [Курзее]», усилия которого по строительству костела стоили ему жизни. Находясь среди рабочих Новогутского сталелитейного завода, понтифик особо подчеркнул, что «Христос ни в коем случае не позволит, чтобы человека считали или он сам считал себя... простым средством производства или чтобы его уважали и ценили только в

соответствии с этим принципом. Христос никогда этого не одобрит». Крест, воздвигнутый на месте, где ныне стоит новогутский костел, символизирует тот факт, что Христос и христиане осуждают «унижение человека в любой форме». Однако строительство костела, величайшее достижение само по себе, — это всего лишь начало.

— Вы построили храм, — сказал понтифик в заключение. — Теперь постройте свою жизнь в соответствии с Евангелием.

Во время проповеди из толпы раздался голос:

— Да здравствует Папа, который знает, что делает!

После короткого отдыха в доме на Францишканьской Иоанн Павел помолился у могил своих родителей и брата на кладбище в Раковице, встретился с монахинями костела Девы Марии на рыночной площади Старого города, принял в своей старой резиденции почетных гостей, в том числе епископов, специально приехавших по этому случаю, и побывал на концерте во францисканском костеле, где ему так часто приходилось говорить о крестном пути Христа. Предстояла премьера сочинения Генрика Гурецкого «Beatus Vir» [«Блаженный муж»], причем дирижировать должен был сам композитор. Латинский текст псалмов для своей оратории Гурецкий почерпнул из молитвенника Петра Малецкого, давнего знакомого Кароля Войтылы и первого его прислужника в костеле Святого Флориана. Этот молитвенник Войтыла подарил Малецкому еще в пятидесятых годах. Проходившая незадолго до премьеры генеральная репетиция «Beatus Vir», над которым Гурецкий трудился буквально до последней минуты, была внезапно прервана — музыканты в едином порыве бросились к окну, чтобы поприветствовать проезжавшего мимо Иоанна Павла. Кардинал Касароли и архиепископ Пауль Марцинкус, сопровождавшие Папу во время паломничества, в один голос заявили, что в костеле ему надо сесть не впереди, как он намеревался, а сзади. По окончании концерта Гурецкий, с трудом преодолев 80-метровый центральный проход (он был хром), подошел к Папе и, едва сдерживая слезы, обнял его.

10 июня — последний день паломничества начался с мессы на главной краковской площади, где присутствовало рекордное число людей — по разным оценкам, от 2 до 3 миллионов. Месса знаменовала собой официальное закрытие юбилейных торжеств в честь святого Станислава, и евангелическим текстом, легшим в ее основу, послужило обращение Христа к апостолам: «И, приблизившись, Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на небе и

на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Амен» (Мф. 28.18–20). В этих словах, сказал Иоанн Павел, скрыта «величайшая тайна в истории человечества и в истории каждого человека».

Время служит ритмом, организующим человеческую жизнь, но чтобы стать истинно человечным, оно должно быть направлено на достижение определенной цели, иначе человек рискует исчезнуть в пучине прошлого. Только что прочитанные слова Евангелия помогают людям преодолеть хрупкость времени и придают истории благородство, принадлежащее ей по праву. Христос остается со своими последователями во времени и в истории, погружая их в мир «Бога живого» и подготавливая к вечной жизни в единении с Богом, «для которой земная жизнь служит лишь предисловием, прологом». Цель человеческой жизни следует искать в «мире Бога». Только так люди смогут достичь «полноты жизни и своего предназначения».

Чтобы выполнить это предназначение, требуется внутренняя свобода, помогающая нам искать истину и свободно ее придерживаться. Мужчины и женщины, собравшиеся здесь, — не странники, блуждающие в современном мире. Они — наследники традиции, составляющей «бесценное сокровище, духовное богатство... величайшее общее благо». Разве можно отбросить эти ценности? «Можно ли отринуть Христа и все то, что Он привнес в историю?»

Почти каждый, кто стоит сейчас перед ним, продолжал Иоанн Павел, в юности прошел через таинство конфирмации. И сегодня, в годовщину мученической смерти святого Станислава, эти люди переживают «великую «Конфирмацию истории», новое причащение Святым Духом, знаменующее тысячелетие крещения Польши. Перед тем как покинуть «этот Краков, где мне дорог каждый камень», «мою Польшу», принявшую его так, как она не принимала ни одного из своих сыновей за тысячу лет, папа хотел бы обратиться к собравшимся с такой просьбой:

> Вы должны быть сильными, дорогие братья и сестры... Вы должны быть сильны силой *веры*... Сегодня эта сила нужна вам более, чем когда-либо. Вы должны быть сильны силой *надежды* — надежды, доставляющей самую большую радость в жизни и не позволяющей нам скорбеть о Святом Духе.
>
> Вы должны быть сильны *любовью*, которая сильнее смерти... и которая помогает нам вести величайший диалог на све-

те — диалог между человеком и миром, диалог с самим Богом — Отцом, воплощенным в Его Сыне через Святого Духа, диалог спасения...

Если мы сильны верой в Святого Духа, мы также сильны и верой в человека... А потому нам нечего бояться...

Итак... я призываю вас: никогда не теряйте веры, не падайте духом, не сдавайтесь... Я призываю вас: верьте и... всегда ищите духовной силы в Нем, памятуя о том, что бесчисленные поколения наших предшественников уже нашли ее там. Никогда не отделяйте себя от Него. Никогда не теряйте своей духовной свободы... Никогда не отвергайте милосердия, этой величайшей добродетели, проявляемой у Его креста...

Обо всем этом я умоляю вас в память о Пресвятой Мадонне и чудесах, сотворенных ею в Ясной Гуре и других святынях польской земли; в память о святом Адальберте, принявшем смерть за Христа у Балтийского моря; в память о святом Станиславе, павшем от королевского меча в Скалке.

К этому я призываю вас.

Амен.

УРОК ДОСТОИНСТВА

10 июня, накануне отъезда из Польши, Иоанн Павел встретился с журналистами, освещавшими в мировой прессе его паломничество. Заканчивая официальную речь на французском языке, понтифик, с трудом сдерживая слезы, дрожащим голосом произнес:

— Надеюсь, надеюсь, надеюсь снова встретиться с вами в этой стране. Надеюсь...

В последний раз автомобильный кортеж проехал по переполненным краковским улицам, увозя Папу в Балице. В аэропорту президент Яблоньский попытался несколько скорректировать общий тон визита, заявив, что некритическое отношение к культурно-историческому наследию вряд ли послужит благу современной Польши. Внимательно выслушав Яблоньского, Иоанн Павел отметил, что согласие правительства на его визит было «актом мужества», — замечание, окрашенное явной иронией, возможно, непредумышленной. Во время слов Примаса Вышыньского:

— Вы пролили бальзам на наши сердца вашей живой верой... — было видно, как понтифик смахивает слезы. Затем, поцеловав

«землю, связь с которой всегда жива в моем сердце», Иоанн Павел поднялся по трапу в лайнер польской авиакомпании LOT и вылетел в Рим.

Тринадцать миллионов поляков — больше трети всего населения страны — воочию видели Папу. Остальные наблюдали за ним по телевидению и слушали его выступления по радио. За девять дней страна пережила то, что политолог Богдан Шайковский назвал «психологическим потрясением, способствовавшим массовому политическому катарсису». То, во что люди верили и в чем за последние три с лишним десятилетия не смели открыто признаться, выразил Иоанн Павел. Он даже говорил по-другому — «на ясном, звучном польском языке, столь отличном от закостенелого казенного языка коммунистической Польши». Сам понтифик не переставал повторять, что его визит — это паломничество, главные результаты которого с наибольшей очевидностью проявятся в царстве человеческого духа.

Так оно и случилось.

Люди ощутили перемены еще до того, как сумели понять, что же с ними произошло. Сами того не сознавая, они стали вести себя по-другому. Как писал Адам Михник, один из самых известных в стране диссидентов (кстати, не католик), «те же люди, которые еще недавно ругались и ссорились в очередях, превратились в некое радостное и счастливое сообщество, в народ, преисполненный достоинства... Везде царил образцовый порядок». Коммунизм, провозглашавший солидарность народов, породил лишь отчуждение, озлобленность и недоверие. Иоанн Павел II воплотил в жизнь то, что обещали, но не сумели воплотить «товарищи», и начал с успехом залечивать нанесенные ими раны.

До июня 1979 г. было понятно, кто такие «они»: представители власти, мелкие партийные чиновники и сотрудники службы госбезопасности. А вот кто такие «мы», сколько «нас» и можем ли «мы» доверять друг другу, оставалось неясным. Десятки миллионов поляков в результате визита Папы получили однозначный ответ на данный вопрос: «мы» — это все общество, и страна принадлежит нам, а «они» — это некое искусственное образование. Напомнив людям об их личном достоинстве и коллективной власти, Иоанн Павел II тем самым одержал величайшую победу, благодаря которой возврат к старому стал невозможен. Он начал изгонять страх, беззаконие, чувство безнадежности, которые прежде мешали «нам» объединиться.

Для 25-летнего студента-физика Мацея Зенбы паломничество Папы стало тем моментом, когда «искусственный мир вокруг нас», мир лжи, созданный коммунистами, попросту обрушился. Вслушиваясь в слова Иоанна Павла II, произнесенные им на площади Победы:

— Да снизойдет Дух Твой и обновит лик мира, лик этой земли, — Зенба понимал: что-то должно измениться. И это изменение надо начинать с себя. «Возможно, нам придется жить и умереть при коммунизме. Но с сегодняшнего дня единственное мое желание — перестать лгать».

По мнению отца Юзефа Тишнера, старого друга и коллеги Иоанна Павла, слова Зенбы могли бы повторить многие. Во время папского паломничества люди решили для себя главное: «Надо прекратить лгать». Пока это решение было чисто умозрительным, концептуальным, однако, по убеждению Тишнера, оно базировалось на массовом внутреннем осознании того, что без «нашего» морального обновления нельзя бросить серьезный вызов «им».

У этого всепоглощающего чувства, вызванного визитом Папы, была и другая, куда более простая и прозаическая причина. Ее грубовато, но точно сформулировал один польский шахтер, который на вопрос: зачем надо быть верующим в коммунистическом государстве? — ответил: «Чтобы славить Богородицу и презирать этих ублюдков». Нет сомнения, что именно это и происходило в июне 1979 г. И все же во фразе, произнесенной Иоанном Павлом в Кракове: «Будущее Польши зависит от того, сколько людей окажутся достаточно зрелыми, чтобы уйти от конформизма», ключевым стало слово «зрелые». На самом деле не было никакого противоречия между стремлением «презирать этих ублюдков» и призывом Иоанна Павла к зрелости, что подтвердило достойное поведение миллионов людей во время его паломничества. Лидер с другой харизмой легко мог бы превратить массовое недовольство режимом в открытое неповиновение, однако миролюбивый характер паломничества был сохранен, а его результатом явился не кровавый катаклизм, а чрезвычайно важный опыт проявления социальной солидарности и чувства общности.

Осознание того, что такое «мы», было поразительным, и немалую роль тут сыграла наиболее часто упоминаемая черта Иоанна Павла, продемонстрированная им во время пребывания на родине: его сверхъестественная способность разговаривать с людьми так, что у каждого создавалось впечатление, будто понтифик обращается лично к нему. На мессе в Ченстохове среди миллиона

поляков присутствовали два шахтера. Когда один попытался во время проповеди заговорить с приятелем, тот его оборвал:

— Черт побери! Помолчи, когда со мной говорит Папа.

Известный писатель и богослов Тадеуш Мазовецкий вспоминает аналогичный случай. Окна квартиры его друга выходили на Новосвятский проспект, по которому должен был проехать автомобильный кортеж Папы, и Мазовецкий попросил, чтобы приятель позволил его тетушке с балкона наблюдать за процессией. Позже престарелая дама утверждала, что Папа остановился у этого дома специально, чтобы благословить ее. Порой это замечательное чувство единения охватывало огромное множество людей. Когда Иоанн Павел сказал на площади Победы, что поляки имеют право думать о своей родине как о «стране исключительно ответственного свидетельства», каждый воспринял эти слова как адресованные лично ему и задался вопросом: «А всегда ли я соответствовал столь высокой миссии?»

Словом, подытоживал Адам Михник, это был великий «урок достоинства».

Правительство, писал Михник, «вздохнуло с облегчением», когда Иоанн Павел наконец улетел. Однако лошадь уже сбежала из сарая — слова Папы, произнесенные им в Скалке совсем по другому поводу, как нельзя лучше подходили к данному случаю. Власти выполнили свое обещание относительно телетрансляции наиболее значимых событий визита, однако сделали это в типичной для коммунистов манере: кусочек площади, кусочек толпы — и нигде не видно самого Папы. По мнению одного французского журналиста, это напоминало телерепортаж с футбольного матча, когда в объектив попадает все, кроме мяча. Столь же избирательно камеры фиксировали людей, собиравшихся, чтобы послушать проповеди понтифика: например, после репортажа из Гнезно создалось впечатление, что мессе внимала лишь горстка пенсионеров и монахинь.

По сравнению с предыдущими десятилетиями правительство вело себя довольно разумно. Коммунистическая риторика была сведена к минимуму, но отказаться от нее совсем партийным вождям оказалось не под силу, поэтому встреча во дворце Бельведер оставила жалкое впечатление: Герек упорно твердил о Леониде Брежневе, а Иоанн Павел вдохновенно рассуждал о Боге. Не было массовых арестов диссидентов, хотя лидера КЗР Яцека Куроня, человека, досье которого в службе госбезопасности даже превосходило досье Иоанна Павла, фактически продержали под домаш-

ним арестом в течение всего визита — очевидно, чтобы оградить от контактов с мировой прессой. Подконтрольные государству печатные средства массовой информации публиковали тексты проповедей и выступлений Папы с минимальной цензурной правкой. Отдельные жалобы на якобы политические выпады понтифика исходили в основном от коммунистических руководителей низшего звена и мелких чиновников. На официальном же уровне было объявлено, что партия и правительство «в целом удовлетворены» визитом. Это была стратегия «хорошей мины при плохой игре», порожденная извращенным миром коммунистической лжи. Власти «пытались делать вид, будто миллионы сияющих лиц вокруг Иоанна Павла II не означают убедительного провала их собственного 30-летнего господства и тем самым не лишают их морального права претендовать на управление страной».

Западная пресса широко освещала визит. В целом его восприняли благосклонно, хотя в некоторых публикациях почему-то утверждалось, что понтифик способствует разрядке напряженности в отношениях с коммунистами. Адам Михник, выступая от лица левых некатоликов, полагал, что на Западе слишком увлекаются тем, что, по мнению польских диссидентов, было весьма смелой аналогией, а именно: проводят параллель между возвращением Папы в Польшу и возвращением аятоллы Хомейни в Иран. «Более чудовищную ошибку трудно себе представить», — писал Михник. Однако потом пресса еще не раз возвращалась к этой аналогии, настойчиво ища сходство между «белым муллой» и «черными муллами».

Больше всего Адама Михника поразила способность Папы обращаться к сознанию как верующих, так и неверующих. Осуждая «постыдный образ жизни», понтифик напоминал о древней польской культурной традиции, выхолощенной коммунизмом, — «духе самопожертвования, под знаменем которого наши отцы и деды никогда не прекращали бороться за национальное и человеческое достоинство». Это был призыв к моральному обновлению, обращенный к каждому, и Иоанн Павел сумел донести его, не бросая камень в своих противников, ибо на самом деле ими были не коммунисты, а собственная лень поляков, с чьего открытого или молчаливого согласия началось и продолжало осуществляться насильственное навязывание стране чуждой ей формы правления.

Это были мысли, изложенные в «Личности и действии», однако на сей раз приспособленные к массовой аудитории. Соли-

дарность и противостояние являются главными движущими силами полноценной человеческой жизни, а свобода мыслить самостоятельно неизбежно приводит к служению на благо другим. Один особенно дотошный западный корреспондент сформулировал это так: «Как ни поверни, но самое подходящее слово здесь — любовь. [Папа] пользуется любовью всего народа, которая доставалась в истории лишь великим освободителям и диктаторам, но ему каким-то образом удается возвратить этот опасный подарок, оставляя по одну сторону человека в его целостности, а по другую — миллионы людей, которые уходят домой, преисполнившись уважения к самим себе».

Иоанн Павел, ни разу не прибегнув к политическим аргументам или маневрам, фактически провел своеобразный народный референдум, результаты которого не вызывали сомнений еще до начала паломничества.

Революция духа стала неизбежной.

ОТ СОЛИДАРНОСТИ К «СОЛИДАРНОСТИ»

Спустя 448 дней после того, как Иоанн Павел II покинул краковский аэропорт Балице, бывший безработный электрик по имени Лех Валенса гигантской сувенирной ручкой с портретом улыбающегося Папы — память о визите понтифика в Польшу в июне 1979 г., — подписал на гданьской судоверфи имени Ленина соглашение с польским правительством, где признавалась законность первого в коммунистическом мире независимого самоуправляемого профсоюза. Его назвали «Солидарность». Не способствовала ли солидарность, проявленная поляками во время девятидневного пребывания Иоанна Павла на родине в июне 1979 г., созданию одноименного профсоюза в августе 1980-го?

Провозглашенная Эдвардом Гереком стратегия «практического материализма» была на самом деле, по определению Галины Бортновской, бывшей ученицы Кароля Войтылы, экономической фантазией, которая грозила рано или поздно окончиться крахом. Пытаясь спасти то, что спасти было невозможно, Герек в июле 1980 г. поднял цены, однако этим лишь ускорил неизбежное. По всей стране начались массовые выступления рабочих, кульминацией которых стала знаменитая августовская забастовка на гданьской судоверфи — и создание «Солидарности». Однако мораль-

ная атмосфера, в которой происходили события августа 1980-го, — вновь обретенное рабочими чувство собственного достоинства, их терпение, неожиданная способность создавать коалицию с диссидентами-интеллектуалами, миролюбие, призыв к моральному обновлению нации, наконец, широкая поддержка населения, — все это было принципиально новым в истории рабочих волнений коммунистической Польши. Как считают участники тех событий, а также те, кто позднее пытался осмыслить происшедшее, ничего бы этого не случилось, если бы не девятидневное паломничество Иоанна Павла II в июне 1979 г. *Тогдашняя* моральная революция заложила основу будущей социально-политической революции.

Новое чувство собственной значимости, новое осознание личного достоинства, решительное противостояние попыткам запугивания со стороны «власти» были эхом папского визита, равно отозвавшимся в сердцах как верующих, так и неверующих. Если, как утверждает историк Норман Дэвис, до «Солидарности» «суть происходящего в Польше можно было охарактеризовать одним словом — унижение», то именно Иоанну Павлу II удалось снять с людей это бремя, благодаря чему стало возможно широкое ненасильственное движение общественной самозащиты.

Когда «Солидарность» только создавалась, Юзеф Тишнер назвал ее «гигантским лесом, посаженным разбуженной совестью». Основы этой совести закладывались в чрезвычайно трудных обстоятельствах неустанным трудом родителей, духовных наставников и священнослужителей. Как выразился старый друг Папы Мечислав Малиньский, участники гданьской забастовки когда-то были детьми, которым он и многие другие польские священники давали первые религиозные и моральные наставления в промерзших церквах во времена Великой Новены кардинала Вышиньского. Разбуженная совесть членов «Солидарности» своим пробуждением была обязана многим, однако именно Иоанн Павел II в июне 1979 г. обострил это чувство до такой степени, что оно приобрело целенаправленность и позволило людям открыто заявить о своих правах. Французский политолог Ален Безансон очень точно обозначил это чувство, когда сказал, что в «Солидарности» народ Польши вновь «обрел голос» и этот голос во всеуслышание заявил о твердом намерении жить по законам истины.

Приверженность совести помогает понять, почему члены «Солидарности» предпочитали ненасильственные методы борьбы,

ставшие их самой яркой отличительной чертой. За 16 месяцев свободы не пострадал ни один человек — поистине уникальное явление для современных революций. Если учесть, что власти располагали всеми видами оружия, приходится признать, что для «Солидарности» это был не вопрос тактики, а вопрос принципа. Члены движения прекрасно сознавали справедливость утверждения, несколько лет спустя изящно сформулированного Адамом Михником, который сказал, что те, кто начинал с разрушения бастилий, кончили тем, что стали строить свои. Революция, вдохновителем которой явился Иоанн Павел II, положила конец кровавой модели социальных катаклизмов, утвердившейся в Европе с 1789 г. и принесшей ее народам неисчислимые страдания.

Александр Солженицын, еще один славянин — убежденный противник коммунизма, в 1970 г. в своей лекции по случаю вручения ему Нобелевской премии заявил, что пропагандируемые коммунизмом культура лжи и насилие связаны между собой настолько тесно, что стоит развеять ложь, как насилие «исчезнет само собой». В июне 1979 г. Иоанн Павел II развеял ложь, и в результате стало возможным то, что казалось немыслимым в послевоенной Восточной Европе: жители Польши превратились в настоящих граждан, способных создать свою независимую организацию, само существование которой доказывало обреченность коммунистической системы, вынужденной прибегать к насилию ради собственного выживания.

10

ПУТИ СВОБОДЫ

Истины личные и общественные

8 апреля 1979 — обращение «Великий Четверг...» Иоанна Павла II — письмо к католическим священникам всего мира.

30 июня 1979 — на первой при Иоанне Павле II консистории избраны 14 новых кардиналов.

5 сентября 1979 — Папа начинает рассчитанную на четыре года серию обращений к верующим, посвященную «теологии тела».

29 сентября — 1 октября 1979 — Первый в истории визит понтифика в Ирландию.

1–7 октября 1979 — Папа совершает первую паломническую поездку в Соединенные Штаты.

2 октября 1979 — Иоанн Павел II выступает на 34-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

5 ноября 1979 — Папа собирает Коллегию кардиналов на первое за 400 лет консультативное совещание.

10 ноября 1979 — Иоанн Павел призывает Церковь и науку пересмотреть дело Галилея.

13 ноября 1979 — советское руководство одобряет план действий «по борьбе с политикой Ватикана в отношении социалистических стран».

26 ноября 1979 — Мехмет Али Агджа грозится убить Иоанна Павла II.

29–30 ноября 1979 — Иоанн Павел II наносит визит Вселенскому Патриарху Димитриосу I в Стамбуле.

15 декабря 1979 — Конгрегация доктрины веры постановляет, что отец Ханс Кюнг не может считаться католическим богословом; Иоанн Павел II выступает в Папском григорианском

университете, где говорит о роли теологии в осуществлении проповеднической миссии Церкви.

28 декабря 1979 — Иоанн Павел назначает Карло Марию Мартини, ректора Папского григорианского университета, архиепископом Миланским.

Отец Ян Шотте был встревожен.

Утром 2 октября 1979 г. самолет Иоанна Павла II «Пастырь-1» летел из Бостона в Нью-Йорк, а находившийся на его борту Шотте, бывший бельгийский миссионер, ныне сотрудник ватиканского Государственного секретариата, просматривал в это время обращение, с которым Папа намеревался выступить на Генеральной Ассамблее ООН. Поскольку весь документ был слишком длинен, существовало два его варианта: устный, в котором часть абзацев были заключены в скобки (предполагалось, что они будут опущены во время выступления), и полный официальный текст, который позднее будет опубликован в мировой прессе.

Проблема состояла в том, что кардинал Агостино Касароли при подготовке устного варианта исключил из речи понтифика почти все, что могло быть истолковано как критика в адрес Советского Союза и других коммунистических держав, в том числе и ряд замечаний по поводу прав человека и религиозной свободы. Касароли полагал, что эти вопросы следует решать осторожно, при встречах дипломатов один на один, а не на широкой публике. Шотте, участвовавший в составлении документа, придерживался иного мнения. На его взгляд, защита прав человека и вызов тоталитаризму составляли основу обращения понтифика. Если исключить эти места из устного варианта, он потеряет всю свою остроту. Однако младшие сотрудники Государственного секретариата редко осмеливались спорить с кардиналом Касароли, главным советником Папы.

Во время перелета Иоанн Павел II работал в своем кабинете; туда-то и направился Шотте. Показав Папе искромсанный, на его взгляд, документ, бельгиец начал объяснять, что изъятие этих мест из текста выхолостит его смысл и что, соглашаясь на предложение Государственного секретаря, понтифик рискует впасть в серьезную ошибку. Затем Шотте показал обведенные кружком фразы, которые, по его мнению, просто необходимо было произнести с трибуны, поскольку именно в них заключался главный смысл папского обращения. Иоанн Павел внимательно прочел документ, подумал и в конце концов согласился с Шотте. Он

решил, что не примет предложений Касароли, а будет смело обсуждать на Генеральной Ассамблее нравственную основу мира — права человека.

По традиции личный секретарь папы, монсеньор Станислав Дзивиш, передавал ему текст речи, когда тот поднимался на трибуну, — мелочь, составлявшая одну из привилегий секретаря. Пока в штаб-квартире ООН улаживались последние формальности, Дзивиш отозвал отца Шотте в сторонку и сказал:

— Святой отец просит, чтобы текст ему передали вы.

Бельгиец был потрясен. Когда он появился на трибуне с листками в руках, все члены ватиканской делегации не преминули отметить этот факт. Своим жестом Иоанн Павел II не только выражал признательность отцу Шотте, но и намеревался донести до сверхчувствительных членов Римской Курии простую истину: любой, самый смелый совет будет внимательно выслушан и принят с благодарностью, если он направлен на защиту прав человека и религиозной свободы.

НОВОВВЕДЕНИЯ

Еще до своего исторического паломничества в Польшу в июне 1979 г. Иоанн Павел II начал обновление папства, старейшего из существующих в мире институтов.

31 марта 1979 г. понтифик обратился к 10 тысячам энергичных юнцов — членов организации «Comunione e Liberazione» [«Общность и освобождение»], которых он поддерживал еще в Польше и которые, как он надеялся, могли бы стать инструментом морального обновления итальянской политики, в особенности ее Христианско-демократической партии. Поблагодарив молодежь за ее «благородный энтузиазм» и «самопожертвование», с которыми она отстаивает свои идеалы, Папа сказал, что и Церковь, и мир в целом возлагают большие надежды на их веру в Христа. Когда официальная часть встречи была закончена, молодые люди не отпускали Папу до тех пор, пока он не спел с ними несколько песен и не обменялся шутками.

8 апреля Иоанн Павел направил письмо всем священникам мира. Оно было написано в Великий Четверг — день, когда в церквах совершается ежегодная епархиальная Месса помазания, во время которой священники подтверждают свои обеты перед

епископом, а также благословляется миро для крещения, конфирмации и соборования умирающих. Письмо явилось еще одним шагом Папы по укреплению морального духа священников всего мира.

Потрясения, затронувшие католическое духовенство после Второго Ватиканского Собора, почти не коснулись Польши, но уже в первые полгода своего пребывания на посту первосвященника Иоанн Павел вплотную столкнулся с этой проблемой. Папа Павел VI удовлетворил более 32 тысяч прошений, поступивших от священников, желавших сложить с себя духовный сан, — столь массового исхода Церковь не знала со времен Реформации. Вскоре после избрания Иоанн Павел положил конец этой практике «секуляризации». Своим письмом он хотел возродить в братьях-священниках чувство ответственности за свое призвание.

Священство, утверждал Иоанн Павел, — это призвание, а не карьера. Священство святых орденов существует для того, чтобы помочь другим пережить священническое измерение их христианской жизни, стать жертвой живой, «святой, благоугодной Богу» (Рим. 12.1). Священство — это дар Христа Церкви и каждому отдельному священнику, который выступает «in persona Christi», «от лица Христа», доброго пастыря. «Секуляризация» священнического призвания и образа жизни лишает их уникальной формы свидетельства: исключительной способности пастыря проникнуть в драму жизни человека и привести его к Богу.

Существование только «для других», «для Царства Божьего» является также основанием для безбрачия, которое Иоанн Павел назвал своеобразным подобием родительства. «Священник, отказываясь от отцовства, приличествующего женатым мужчинам, ищет иного отцовства и даже в каком-то смысле иного материнства, если вспомнить слова апостола [Павла] о детях, порожденных им в страдании. Это дети его духа, люди, порученные его попечению добрым пастырем, [и их] гораздо больше, чем может вместить обычная человеческая семья». Брачующиеся, давая обет перед алтарем, вправе ожидать, что священники будут так же верны своим обетам. Эта верность помогает духовному братству создавать Церковь.

В конце послания Иоанн Павел предлагал всем священникам, в особенности «тем, кто сомневается в значении своего призвания или в ценности своего служения», представить себе места, лишенные пастыря:

...подумайте, как страстно люди ждут там священника, как, в течение многих лет ощущая его отсутствие, они не перестают надеяться, что он у них будет. Порой случается, что они собираются в каком-нибудь заброшенном храме, покрывают алтарь епитрахилью, бережно ими сохраненной, и произносят все молитвы благодарственной литургии; а затем, в момент, когда должно бы состояться пресуществление, наступает глубокая тишина, иногда прерываемая чьим-то плачем... так страстно они жаждут услышать слова, которые могут произнести лишь губы священнослужителя. Как страстно они желают приобщиться Святых Тайн, но это невозможно без посредства пастыря, как хотят они услышать Божественные слова: «Ego te absolvo a peccatis tuis» [«Ныне отпускаю грехи твои»]. Так что если кто-то из вас сомневается в значении священства, если кому-то оно кажется «социально» бесполезным или бессмысленным, подумайте о том, что я сказал!

15 мая все епископы Италии съехались в Рим на свою ежегодную встречу, первую с момента избрания Папы. И снова перед Иоанном Павлом II встала деликатная задача.

Согласно древнему обычаю, Иоанн Павел в качестве епископа Рима становился также «архиепископом и митрополитом Римской провинции» и «Примасом Италии». Впервые за последние 455 лет эти титулы принадлежали неитальянцу. Из Польши, страны живого католицизма, Папа переехал в Италию, где католические обряды исполнялись гораздо небрежнее. Со времени объединения Италии в 1870 г. каждый папа неизменно сохранял под своим неослабным контролем все дела Итальянской Церкви, как внутренние, так и в отношениях с итальянским правительством. У Иоанна Павла был иной взгляд на суть первосвященства, а также на отношения Церкви и государства. Понтифику предстояло продемонстрировать всем свою озабоченность делами местной Церкви, во главе которой он теперь стоял, одновременно намекнув, что он не собирается ограничивать ее самостоятельность во внутренних делах.

Свои взгляды он вначале обосновал теологически. Это произошло во время мессы в Сикстинской капелле, где присутствовал весь итальянский епископат. Свою проповедь понтифик начал с размышлений о парадоксе христианской жизни, а затем искусно перевел разговор на сегодняшние проблемы, в частности на самоуспокоенность епископов. Хотя Христос обещал своим последователям мир и призывал их не тревожиться, ибо Он все-

гда будет с ними, Церковь Христова выросла и окрепла, лишь пройдя через многие испытания, страдания и мученичество. Так обстояло дело с Итальянской Церковью: именно Христос, Глава Церкви, направил Петра и Павла в Рим, где за свои проповеди они заплатили жизнью. Это не просто факт древней истории — это объясняет, почему сегодня епископы находятся в Риме. Все, кто сейчас его слушает, подчеркнул понтифик, являются участниками драматической истории спасения — пьесы, написанной Божественным Автором.

Затем Иоанн Павел дал понять присутствующим, что именно они отвечают за состояние Церкви в стране, и если у них возникают «какие-то проблемы», они вольны обращаться за советом к нему. На Втором Ватиканском Соборе было подтверждено, что Церковь исторически несет ответственность «за спасение человека», происходящее в реальных конкретных местах. Папа предложил разделить с епископами эту ответственность «в духе *коллегиальности*».

Через три дня, 18 мая 1979 г., Иоанн Павел продемонстрировал на практике, что означает коллегиальность в его понимании. Президент Конференции итальянских епископов, кардинал Антонио Пома из Болоньи, занимавший этот пост в течение 10 лет, обращался с просьбой об отставке и к Павлу VI, и к Иоанну Павлу I. Уговорив Пому не покидать своего поста хотя бы первые несколько месяцев, пока новый папа войдет в курс дела, Иоанн Павел II в конце концов согласился на уход кардинала, но это решение, как признался понтифик своим итальянским собратьям, поставило его «перед серьезной проблемой». Согласно статуту Конференции, разработанному в период первосвященства Павла VI, папа сам назначает ее президента. Блестяще продемонстрировав, что, когда обстоятельства того требуют, он может изъясняться не менее уклончиво, чем уроженцы Апеннинского полуострова, Иоанн Павел заметил, что выполнение требований статута возлагает на него «труднейшую задачу», поскольку он сам «не принадлежит к кругу итальянских епископов», о чем сами эти епископы были прекрасно осведомлены, а некоторые уже заранее противились тому, чтобы президента им навязывал поляк. В то же время, продолжал понтифик, он не хотел бы «идти вразрез с нормой закона», что могло бы показаться критикой Павла VI. Как же быть? Он посоветовался с главами региональных конференций итальянских епископов, и большинство рекомендовали назначить новым президентом национальной конференции архиепископа Ана-

стазио Баллестреро из Турина. Подтверждая согласно букве статута это решение, папа хотел бы подчеркнуть, что местные итальянские епископы не должны считать себя послушными исполнителями воли Римской Курии. Примас Италии намерен исполнять свои обязанности как проповедник, а не быть директором-распорядителем итальянского католицизма.

30 июня Иоанн Павел II провел свою первую консисторию, на которой в Коллегию кардиналов были избраны 14 новых членов, в том числе новый Государственный секретарь Агостино Касароли; бывший Sostituto Джузеппе Каприо; новый президент Конференции Анастазио Баллестреро; Марко Се, преемник Альбино Лучани на посту Патриарха Венеции; а также два поляка: Францишек Махарский, преемник Иоанна Павла в Кракове, и Владислав Рубин, Генеральный секретарь Синода епископов. Жозеф Мари Трин Ван Чан, архиепископ Ханойский, получил красную биретту, как и архиепископ Марселя Роже Эчегарай, которому через пять лет предстояло вернуться в Рим в качестве президента Папского совета за справедливость и мир и стать личным помощником папы по улаживанию дипломатических конфликтов. Имя одного из назначенных кардиналов осталось тайной. (Только через 12 лет, на пятой консистории, он был назван. Им оказался Игнатий Гун Пиньмэй, епископ Шанхайский, отбывавший пожизненное тюремное заключение в коммунистическом Китае.)

22 июля новый Папа встретился с представителями сантэгидской общины, что явилось частью его плана по поддержке активного католицизма в Италии. Основанная в 1968 г. по инициативе студентов Римского университета, эта организация провозгласила своими главными целями возвращение города в лоно Церкви и благотворительную помощь обездоленным. Центром деятельности общины была избрана приходская церковь Сант-Эгидио, расположенная в римском квартале Трастевере. Именно там во время Пасхи прошла встреча Папы с римскими студентами — обычай, который понтифик перенес в Рим из Кракова. Позднее община немало способствовала урегулированию гражданских конфликтов в странах «третьего мира». В этой связи небезынтересно вспомнить слова Иоанна Павла, обращенные к 600 членам сантэгидской общины, собравшимся в папской летней резиденции Кастель-Гандольфо.

— Я слышал, — сказал понтифик, — что церковь Сант-Эгидио становится для вас слишком мала. Надеюсь, что, оставаясь

верными своей родной церкви, вы расширите свою деятельность настолько, что весь Рим покажется вам мал.

Встречи с представителями организации «Comunione e Liberazione», традиционно ассоциируемой с консерваторами, а затем с членами сантэгидской общины, не менее традиционно отождествляемой с итальянскими «левыми» католиками, обозначили принцип, которому Иоанн Павел II намеревался твердо следовать в течение всего периода своего первосвященства. Если движение мирян провозглашает своей целью подлинно христианское служение, его политические взгляды никого не касаются. Еще на Втором Ватиканском Соборе Кароль Войтыла отстаивал тезис об апостольской миссии мирян. Будучи архиепископом Краковским, он не раз повторял, что у социальной доктрины Церкви нет единого политического выражения и что инициативы мирян — это дело их, а не церковников. Было очевидно, что, став епископом Рима, понтифик не собирается менять своих убеждений.

Точно так же, как не собирается отказываться от порой неожиданных или необычных поступков. Однажды в апреле во время аудиенции беременная женщина попросила Папу окрестить ее будущего ребенка. Иоанн Павел с радостью согласился, и церемония состоялась в Кастель-Гандольфо 11 августа. В конце того же месяца Папа встретился с представителями стран Европы, Африки и Средиземноморья — участниками 33-го чемпионата по водным лыжам, проходившего неподалеку от папской резиденции, на озере Альбано. В прошлом заядлый байдарочник, волею судеб ставший главой католической Церкви, наверняка украдкой вздохнул при мысли о том, что в этом году в традиционный поход друзья по «Шродовиско» отправятся без него. Спортсменам же он сказал, что «спорт является замечательной школой подлинного человеческого мужества».

Приближалась первая годовщина первосвященства Иоанна Павла II. Если бы этот человек, привыкший смотреть в будущее, оглянулся назад, на прошедший год, то мог бы с удовлетворением отметить, что ему удалось вдохнуть в папство новую жизнь. Он не изменил своему намерению оставаться самим собой даже на новом высоком посту. В первое лето понтифик пригласил к себе в Кастель-Гандольфо старых друзей по «Шродовиско», в том числе Ежи Янека с семьей. Янеки приехали из Кракова по приглашению Папы, ожидая, как позднее признался глава семьи, что им вряд ли удастся часто видеться с Иоанном Павлом. «Оптими-

стично настроенные члены нашей семьи полагали, что нас примут два раза — в начале и в конце визита, пессимисты считали, что не больше одного». Очутившись в небольшом городке среди холмов в окрестностях Рима, профессор Янек представился гвардейцу, охранявшему вход на виллу, и на вопрос, что привело сюда его и его спутников, ответил просто:

— Мы приехали повидаться с Папой.

Гвардеец позвал монахиню, которая отвела путешественников во флигель, отстоявший на несколько сотен ярдов от ворот, и сказала, чтобы они ждали «дальнейших распоряжений». Через два часа туда позвонил Папа:

— Юрек, я был в саду, когда вы приехали. Сейчас же поднимайся ко мне с Ясей и девочками.

Иоанн Павел провел гостей по всей вилле:

— Давайте я покажу вам, как живу. Вот моя спальня — на этой кровати умер Павел VI. Вот часовня...

Когда экскурсия была окончена, понтифик спросил:

— Ну, какие у вас планы? Где бы вы хотели еще побывать?

Янек, памятуя о занятости Папы, ответил, что, вероятно, им придется ограничиться этим свиданием. Они посмотрят Рим и поедут домой. Но Иоанн Павел и слышать об этом не захотел:

— Нет-нет, Рим можно посмотреть и в другой раз. Раз уж вы здесь, мы будем встречаться часто, а главное — разговаривать[1].

За несколько месяцев до приезда Янеков Иоанн Павел затеял строительство плавательного бассейна в своей летней резиденции. Кто-то спросил, во что это обойдется. Понтифик ответил, что нужно же ему иногда размяться, а что касается стоимости, то бассейн обойдется намного дешевле, чем проведение очередного конклава.

Как бы ни морщили нос сторонники традиций, привыкшие «манипулировать папами», новый стиль поведения понтифика завоевывал все большую популярность. В Римском совете по туризму подсчитали, что за первые полгода своего первосвященства Иоанн Павел II привлек в город более 5 миллионов гостей. Весной 1979 г., когда позволяла погода, еженедельные обраще-

[1] Среди прочего обсуждалась, в частности, возможность продолжения семинаров с участием физиков и представителей других точных наук, которые Янек в течение 25 лет организовывал для Кароля Войтылы. Теперь семинары были перенесены в Кастель-Гандольфо, где и прошли летом 1980, 1982, 1984, 1986, 1988, 1990, 1993, 1995 и 1997 гг. — *Примеч. авт.*

ния папы к верующим (так называемые общие аудиенции) происходили на открытом воздухе, и тогда вокруг площади Святого Петра возникали транспортные пробки, поскольку порой до 800 туристских автобусов пытались одновременно высадить там своих пассажиров. Вряд ли такая популярность объяснялась лишь необычным стилем поведения нового Папы. Решая давно назревшую проблему необходимости религиозного руководства, Иоанн Павел сумел зарядить папство новой энергией, хотя некоторые полагали, что оно уже неспособно быть центром духовной силы.

За первый год своего первосвященства Иоанн Павел II внес значительные изменения в традиционный способ общения между папством, с одной стороны, и миром политики и властью — с другой. Дотошные обозреватели, среди которых были не только сторонники, но и противники понтифика, сразу поняли, что его триумфальное турне по Польше знаменует появление на мировой арене новой — непредсказуемой и чрезвычайно мощной силы. И все же вряд ли кто возьмется оспаривать утверждение, что самым значительным событием первого года первосвященства Иоанна Павла II, в огромной степени определившим облик Церкви и всего мира в XXI в., была серия еженедельных обращений к верующим по вопросам катехизиса, начатая в Риме в среду, 5 сентября 1979 г., во время очередной общей аудиенции.

ЯЗЫК ТЕЛА И БОЖЕСТВЕННАЯ БЕСЕДА

Когда в 1870 г. Италия завершила свое объединение, ликвидировав Папскую (Церковную) область, тогдашний Папа Пий IX объявил себя «пленником Ватикана» и отказался выходить за Львиную стену, огораживавшую папские владения близ собора Святого Петра. Чтобы не прерывать контакта с людьми, мимо которых он еще недавно свободно проезжал в карете, Пий ввел в обычай «общие аудиенции». Во время них Папа встречался и беседовал с большими группами паломников, что отличало эти встречи от «частных аудиенций», которыми понтифик удостаивал отдельных посетителей, дипломатов, высокопоставленных священнослужителей и так далее. В этом отношении общие аудиенции явились первой попыткой установления общественных связей, предпринятой главой Ватикана в то время, когда общественное мнение только начинало приобретать вес.

Общие аудиенции также возрождали древнюю традицию, согласно которой епископ выступал в качестве учителя. В первые века существования Церкви епископы чаще всего были не администраторами (эти функции возлагались на дьяконов), а проповедниками, учителями, богословами и духовными вождями. Такие выдающиеся мыслители, как Амвросий Медиоланский, епископ Миланский, Августин, епископ североафриканского города Гиппон, и Иоанн Златоуст, епископ Константинопольский, разработали свои теологические системы, выступая в качестве проповедников и учителей перед большими собраниями христиан. Именно эту традицию возрождали нынешние общие аудиенции, хотя Пий IX и его последователи не считали их подходящим местом для вдохновенных богословских пассажей, ограничиваясь рассуждениями на знакомые публике темы.

Иоанн Павел II, однако, имел в виду нечто совсем иное. В сентябре 1979 г., начиная цикл еженедельных общих аудиенций, которые транслировались на весь мир по ватиканскому радио и публиковались в выходившем на шести языках еженедельном приложении к ватиканской газете «Оссерваторе Романо», он рассматривал их как форум, трибуна которого позволяла создавать чрезвычайно сложные теологические конструкции, отталкиваясь от одной основной темы. Сама идея «тематических аудиенций» была новшеством, заставившим кое-кого в Римской Курии удивленно поднять брови: это еще что такое? А уж тема показалась и вовсе скандальной. Начиная с 5 сентября 1979 г. Иоанн Павел II в течение четырех лет развивал на общих аудиенциях идею, впервые предложенную им в «Любви и ответственности», а именно: идею о том, что человеческая плотская любовь является символом внутренней жизни Бога и Святой Троицы.

ОДИН АКТ ИЛИ ДВА?

Драму первосвященства Иоанна Павла II принято делить на два акта. В первом Папа боролся против коммунизма, и его правоту подтвердили революции 1989 г., произошедшие в Восточной Европе, а также распад Советского Союза в 1991 г. Во втором акте Папа отверг многие аспекты религиозной свободы, становлению которой он сам же способствовал, причем наивысшего накала конфронтация достигла во время Всемирной конферен-

ции по вопросам народонаселения и развития, состоявшейся в Каире в 1994 г. В подобных рассуждениях есть доля истины. Действительно, в первые 13 лет своего первосвященства Иоанн Павел II уделял делам Восточноевропейской Церкви гораздо больше внимания, чем в последующие годы. Однако это пресловутое деление на два акта в конечном итоге оказывается несостоятельным, поскольку в таком случае первосвященство воспринимается через призму его влияния на мировую политику, что для Иоанна Павла всегда было соображением второстепенным. Более того, подобное деление несправедливо оставляет за скобками многочисленные публичные инициативы, предпринятые Иоанном Павлом II в 1980-х гг., которые имели глобальный характер и впрямую не касались его родины. Но самое главное заключается в том, что теория «двухактного» первосвященства не принимает во внимание исключительную роль воображения, которым отмечены все поступки Кароля Войтылы на посту главы католической Церкви.

В письме Анри де Любаку от 1968 г. Войтыла отмечал, что, по его мнению, кризис современности означает «деградацию, более того... распыление основополагающей уникальности каждого отдельного человека». Коммунизм наряду с нацизмом и фашизмом является наиболее очевидным, опасным и мощным проявлением этого кризиса. Но дегуманизация человеческой личности может происходить другими путями, в том числе и в свободном обществе. Там, где личностью начинают манипулировать — не важно, кто это делает: управляющий фирмой, мастер в цехе, ученый, политик или любимый человек, — немедленно возникает «распыление основополагающей уникальности каждого отдельного человека». Еще одной угрозой будущему человечества Войтыла считал «утилитаризм», когда «полезность для меня» становится единственным критерием человеческих взаимоотношений. Эта угроза никак не связана с применением ядерного оружия, ужасами тайной полиции или архипелага ГУЛАГ, но она не менее опасна — отчасти потому, что не так очевидна.

Борьба с тем, что способствует «распылению» уникального достоинства каждого отдельного человека, является лейтмотивом всего первосвященства Иоанна Павла II, связывающим его в единое целое. Оно было одноактной драмой, хотя по ходу действия противники главного героя, появляясь на авансцене, порой завладевали вниманием публики. А вот драматическая коллизия ос-

тавалась неизменной: борьба между многочисленными псевдогуманистическими теориями, на словах возводящими человека на пьедестал, а на деле его унижающими, и подлинным гуманизмом, мощным свидетельством которого служит библейское представление о человеке.

Развивая идею о том, что самоотверженная плотская любовь является символом внутренней жизни Бога, Иоанн Павел исходил из концепции достоинства и свободы человека, с помощью которой он бросал вызов восточноевропейскому коммунизму. На его взгляд, все это было взаимосвязано.

ОПЯТЬ ГАЛИЛЕЙ?

Уже в момент своего избрания Кароль Войтыла осознавал, что последняя попытка Церкви обратиться к теме сексуальной революции и ее связи с добродетельной жизнью, предпринятая в 1968 г. в энциклике Папы Павла VI «Humanae Vitae», оказалась крайне неудачной в пастырском и катехизическом смысле, хотя в ней верно трактовались отдельные вопросы, касающиеся морально приемлемых методов регулирования рождаемости. Предлагаемый в «Humanae Vitae» взгляд на эту проблему был отвергнут большинством католиков мира. Многие из тех, кто его отверг, полагая, что их опыт сексуальной жизни был игнорирован или принижен религиозными лидерами, приходили к выводу, что Церковь в принципе не способна последовательно трактовать любой аспект человеческой сексуальности.

Павел VI, глубоко верующий человек, вовсе не имел намерения принизить институт брака. Однако после появления «энциклики о контроле над рождаемостью» сложилась ситуация, при которой любое высказывание Церкви по вопросам секса воспринималось с подозрением, а кое-кем — например, представителями западной элиты — и с открытой враждебностью. Поскольку сексуальная революция до предела обострила конфронтацию, а само определение «свободы» стало своеобразным пугалом для развитого мира, возникшие противоречия во взглядах грозили обернуться небывалым кризисом Церкви. Появилось новое «дело Галилея», только на этот раз оно было связано не с отвлеченными космологическими рассуждениями, а с самой интимной стороной человеческой жизни.

Иоанн Павел II был убежден, что пришла пора перевести дискуссию в иную плоскость.

До сих пор Церковь не нашла в себе мужества ответить на вызов, брошенный ей сексуальной революцией. Иоанн Павел полагал, что он и его коллеги из Люблина и Кракова начали делать это, предложив свое понимание человеческой сексуальности, которое нашло отражение в «Любви и ответственности» и в работе епархиального отдела по вопросам семейной жизни, руководимого Каролем Войтылой. Теперь настало время углубить этот анализ на основе текстов Священного Писания и предложить его мировой аудитории. Так родились 130 обращений, произнесенных за четыре года во время общих аудиенций, которые позднее составили труд Иоанна Павла II «Теология тела».

Обращения были объединены в четыре цикла. Первый, названный «Изначальное единство мужчины и женщины» и состоявший из 23 лекций, начался 5 сентября 1979 г. и окончился 2 апреля 1980 г. Основанный на словах Христа, сказанных им в ответ на вопрос фарисеев, позволителен ли развод: «Не читали ли вы, что Сотворивший в начале мужчину и женщину сотворил их?» (Быт. 1.27), этот цикл исследовал самые глубинные личные аспекты человеческого существования на примере истории Адама и Евы, изложенной в первых трех главах «Книги Бытия». Второй цикл, «Блаженны чистые сердцем», начатый 16 апреля 1980 г. и законченный 6 мая 1981 г., включал в себя 41 обращение. Как явствует из названия, он основывался на Нагорной проповеди. Пытаясь понять, что значит «чистота сердца», Иоанн Павел подробно анализировал слова Христа, что «всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5.28), — ключевое, хотя зачастую неверно толкуемое выражение, отвергающее сексуальный утилитаризм, согласно которому один человек превращается в объект манипуляций другого.

Третий цикл Иоанн Павел начал 11 ноября 1981 г. В него вошли 50 обращений, объединенных под названием «Теология брака и безбрачия». Библейской основой этого цикла, завершившегося 4 июля 1984 г., стал диспут между Христом и саддукеями о воскресении. Как, спрашивал Иоанн Павел, идея «воскресения тела» на небесах, когда «не будут ни жениться, ни замуж выходить» (Мк. 12.25), помогает нам понять наше сексуальное воплощение в качестве мужчин и женщин здесь и сейчас? Последний, четвертый цикл обращений под названием «Размышления по по-

воду «Humanae Vitae» начался 11 июля 1984 г. и завершился в том же году 28 ноября.

Сто тридцать текстов, вошедших в «Теологию тела», нелегко воспринимать на слух или зрительно. Это чрезвычайно насыщенные 15-минутные богословские и философские лекции, в которые Иоанн Павел II стремился вместить как можно больше материала. Однако, невзирая на эти трудности, обращения достойны внимательного и подробного изучения, поскольку в них понтифик, часто представляемый как «несгибаемый консерватор», предложил одно из самых смелых за последние несколько веков прочтений католической теологии.

«ИЗНАЧАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ»

Мысли, которые впоследствии легли в основу «Теологии тела», посещали Кароля Войтылу еще в Кракове. По его собственным воспоминаниям, в августе 1978 г. он привез на конклав, где был избран Папа Иоанн Павел I, наброски с результатами своих рассуждений и продолжал работать над ними в Риме. Исправно исполняя пастырские обязанности, Войтыла-философ не переставал ломать голову над завораживающей интеллектуальной загадкой: почему Бог, создавая человечество, разделил его на мужчин и женщин? Это само по себе было «интересной проблемой», как выразился однажды бывший архиепископ Краковский. Как понятие человечества, выражающего себя через мужественность и женственность, может помочь нам понять человека вообще, а также мужчин и женщин в частности? Затем появилась «Humanae Vitae», вызвавшая смятение в рядах священнослужителей. Необходимо было что-то делать, чтобы более убедительно объяснить точку зрения Церкви на этику сексуальной жизни. В конце концов Войтыла решил написать об этом книгу. Так заметки, над которыми он работал на конклаве 1978 г., неожиданно стали основой его общих аудиенций.

Цикл «Изначальное единство мужчины и женщины» начался со спора между Иисусом и фарисеями по поводу развода. Почему, спрашивал Иоанн Павел, Христос, отвергая Моисеев закон о разводе, придает столь большое значение тому, что Господь сотворил людей мужчинами и женщинами «в начале» — словосочетание, повторенное им дважды (Мф. 19.3–12)? Это заставило

понтифика обратиться к истории творения, изложенной в «Книге Бытия», где, как он считал, содержатся чрезвычайно глубокие рассуждения и непреходящие истины о человеке, переданные через мифические предания о происхождении человечества. Первое из этих рассуждений, утверждал Иоанн Павел, связывает загадку сотворения человека как «подобия Божия» с людской способностью производить потомство («Плодитесь и размножайтесь...»). Второе, акцентируя внимание на способности человека осознавать самого себя и делать моральный выбор, служит «субъективным» двойником «объективной» истины, содержащейся в первом рассуждении, а именно: мы являемся подобием Божиим также в наших мыслях и выборе. Под разным углом зрения эти два рассуждения свидетельствуют о человеческом достоинстве, где тесно переплетены сексуальность, воспроизведение и моральный выбор.

Иоанну Павлу всегда нравилось философствовать, ставя себя на место Адама в Эдемском саду: пытаться взглянуть на только зарождающийся мир, воссоздавать чувство удивления и восхищения, которое, по убеждению Аристотеля, служит началом философии. В «Изначальном единстве» понтифик рассуждает об испытываемом Адамом чувстве одиночества, позволяющем понять нечто очень важное о человеке вообще. «Изначальное одиночество» Адама имеет двойной смысл. Во-первых, он одинок потому, что не является ни животным, ни Богом, и это чувство он разделяет с Евой и любым другим человеком на протяжении истории. Поразмыслив над этой стороной одиночества, мы сумеем осознать себя *личностями.* В отличие от объектов природы мы являемся ее субъектами, ибо можем мыслить, выбирать, действовать. Уразумев этот факт, мы переходим к понятию свободной воли, то есть способности решать, *как* мы должны действовать. На глубинном уровне это означает выбор между добром и злом, жизнью и смертью. Совершая подобный выбор, мы начинаем осознавать свою *телесность*, поскольку без тела невозможны человеческий выбор и действие. Тело не механизм, в который мы вселяемся волей случая. С его помощью мы выражаем свою сущность и воплощаем в жизнь наши решения.

Во-вторых, Адам ощущает себя одиноким потому, что в мире нет другого человеческого существа, подобного ему. Вот почему, считал Иоанн Павел, «полное и окончательное сотворение человека» происходит, только когда Господь создает Еву, а Адам узнает в ней человеческое существо, родственное ему, хотя и от-

личное. Его радость при этом открытии показывает, как «изначальное одиночество» уступает место чудесному осознанию подлинной связи с другим человеком, отчего собственная личность человека не только не страдает, но, напротив, ее ценность приумножается.

Вот что, по мнению Иоанна Павла, означает «творение», а это, в свою очередь, позволяет нам понять нечто важное о Богетворце. Мужчины и женщины являются подобием Божиим не только благодаря интеллекту и свободной воле, но прежде всего потому, что «с самого начала мужчина и женщина образуют некое единство... Человек становится подобием Божиим... в момент единения». Стремление отдать себя и получить другого, которое символизируют слова, сказанные Адамом о Еве: «плоть от плоти моей», является основой человечества. «С самого начала» оно несет в себе благословенную способность плодородия, еще одно доказательство того, что человек является подобием Божиим, поскольку воспроизведение рода повторяет загадку сотворения мира.

Итак, «с самого начала» сотворение нас в качестве людей, имеющих тело, и в качестве мужчин и женщин есть *священная* реальность, символ жизни Бога. Тело делает видимым невидимое, духовное и божественное. В «Книге Бытия» мы встречаемся с необычной стороной обыденного, на этот раз через нашу телесность и сексуальность.

Но если сексуальность придана нам «изначально», почему Адам и Ева устыдились своей наготы? Иоанн Павел предполагал, что «изначальная нагота» наряду с «изначальным одиночеством» и «изначальным единством» являются тремя частями загадки, кем же мы были «с самого начала». «Стыд» — это, по сути своей, страх, который мы испытываем перед человеком, когда начинаем воспринимать его как объект. Адам и Ева не стыдились своей наготы, пока жили общностью самоотдачи, связанные, по существу, брачными отношениями, выраженными их телесным воплощением в качестве мужчины и женщины. Они не испытывали стыда, когда свободно отдавали себя. «Первородный грех», нарушая присущий нам закон дарения, заставляет превращать другого человека в объект, в вещь, которую можно использовать. Это действительно грех, и не только потому, что Бог однозначно провозглашает его таковым, но и потому, что подобные действия идут вразрез с истиной человеческого существования, запечатленной в нас как в мужчинах и женщинах.

Если внимательно вчитаться в историю сотворения мира, изложенную в «Книге Бытия», то становится ясно, что процветание человечества зависит от самоотдачи, а не от самоутверждения. Взаимная самоотдача в плотской любви, возможность которой определяется нашим телесным воплощением в качестве мужчин и женщин, есть символ этой великой моральной истины.

«БЛАЖЕННЫ ЧИСТЫЕ СЕРДЦЕМ»

Второй цикл своих общих аудиенций Иоанн Павел начал еще одним эпизодом из Евангелия. Во время Нагорной проповеди Иисус, излагая моральные основы блаженной жизни — жизни, предполагающей «чистоту сердца», — говорит: «Вы слышали, что сказано древним: «не прелюбодействуй». А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5.27–28). В течение веков эти слова воспринимались как труднодостижимый или вовсе недостижимый идеал. Однако для Иоанна Павла они в такой же мере являются «ключом» к пониманию теологии тела, как и напоминание Христа о том, что мы были сотворены мужчинами и женщинами «в начале».

Грех, развивал свою мысль понтифик, входя в мир, искажает истинную самоотдачу, продиктованную любовью. Когда самоотдача воспринимается как ограничение, а не как высшее проявление любви, любовь превращается в вожделение, и образ сотворенного добра (и самого Творца), «изначально» воплощенный в плотской любви, разрушается. Люди теряют свою «изначальную уверенность» в том, что мир добр и что мы можем жить в нем в единении с другими. Различие между мужчиной и женщиной, некогда служившее источником этого единения, становится причиной конфронтации. «Мир» превращается в место страха и тяжкого труда, разрывая прежнюю взаимосвязь между творением и Творцом. Человеческое сердце становится ареной борьбы между любовью и вожделением, между самообладанием и самоутверждением, между свободой отдавать и свободой брать — борьбы, от которой чаще всего страдает женщина, уточнял Иоанн Павел. Возвращаясь к «Книге Бытия», можно сказать, что все вышеизложенное происходит в результате уступки сатанинскому соблазну переосмыслить суть человечества, заложенную в нас как в муж-

чинах и женщинах. При таком понимании библейского текста «змий» в «Книге Бытия» предстает главным и наиболее опасным проводником идей ложного гуманизма.

Слова Христа о том, что можно «прелюбодействовать в сердце», теперь становятся яснее. Вожделение, по мнению Папы, является полной противоположностью подлинному влечению. Испытывая подлинное влечение, человек стремится делать добро другому, отдавая ему всего себя; когда он охвачен вожделением, он ищет лишь преходящего удовольствия, используя другого, порой весьма цинично. Женщина, на которую мужчина взирает с вожделением, перестает быть личностью и превращается в объект, а секс в этом случае сводится к низменной цели удовлетворить «желание». «Прелюбодействовать в сердце» можно, и состоя в браке. Когда объектом вожделения мужчины становится другая женщина, а не его жена, нарушается единение двух людей, а несчастная жена превращается в объект.

Предположение о возможности прелюбодеяния в браке вызвало бурю в мировых средствах массовой информации, которая нисколько не улеглась после того, как в ватиканской газете «Оссерваторе Романо» была напечатана язвительная статья, где утверждалось, что хулители Папы просто не обладают «достаточной культурой», чтобы понять, что имел в виду Иоанн Павел. В действительности рассуждение о возможности прелюбодеяния в браке перекликалось с широко известными взглядами феминисток и было явно навеяно теологией тела, над которой Папа работал не один год. Всякому, кто на основании этого рассуждения поспешил объявить Иоанна Павла II сторонником манихейства[1], которое считает половую жизнь отвратительной и греховной, пришлось бы признать, что понтифик выбрал весьма своеобразную форму для выражения своих комплексов. Тем же, кто всерьез воспринял постулат о том, что секс в браке является символом внутренней жизни Бога, поскольку выражает единение двух людей, вышеприведенное утверждение представлялось вполне логичным.

Сексуальная этика христианства, продолжал Иоанн Павел, избавляет сексуальность от опасности угодить в ловушку вожде-

---

[1] Манихейство — религиозное учение, основанное в III в. н.э. Мани, который, по преданию, проповедовал в Персии, Средней Азии, Индии. В основе манихейства лежит дуалистическое учение о борьбе добра и зла, света и тьмы как изначальных и равноправных принципов бытия.

ления. Она не только не запрещает эрос, но, напротив, придает ему «полноту и зрелость», при которой «извечное влечение» полов воплощается во взаимной самоотдаче и взаимном уважении достоинства партнера. «Новая этика», нашедшая отражение в Нагорной проповеди и в учении Христа о блаженстве «чистых сердцем», — это этика «искупления тела», новое историческое осознание самоотдачи как истины о человеке, существующей «с самого начала».

Эта этика не изгоняет желание — скорее она пытается направить его в нужное русло, чтобы наши желания воплощались как должно — через единение людей, являющихся подобием Бога. «Чистота сердца» — это талант, добродетель, способность обратить желание в стремление к самовыражению «в святости и чести». Плотская любовь, соединенная с «чистотой сердца», приводит к святости, которой завершается единение двух людей. Понтифик предполагал, что христиане имеют особые причины для восприятия сексуальности именно таким образом, поскольку человеческое тело послужило сосудом, благодаря которому Бог стал человеком, а Христос искупил грехи мира.

Созданные мужчинами и женщинами, мы наделены благородством и достоинством, потому что самоотдача мужчины и женщины в плотской любви есть зримое воплощение внутренней моральной «структуры» человеческой личности. Псевдогуманистические теории представляют человека бесконечно податливым и уступчивым. Подлинный же гуманизм, как и подлинная свобода, признает, что, поскольку некие истины даны человеку изначально, его процветание зависит от их осознания. К ним, утверждал Иоанн Павел, относится и сексуальность.

«ТЕОЛОГИЯ БРАКА И БЕЗБРАЧИЯ»

В Евангелии от Марка говорится, что саддукеи, отрицая воскресение и намеренно пытаясь довести этот вопрос до абсурда, однажды пришли к Иисусу и рассказали о таком случае: было семь братьев. Первый взял жену и, умирая, не оставил детей, затем ее же взял второй, третий, и так все семеро. После них умерла и жена. «Итак в воскресении, — спрашивали саддукеи, — когда воскреснут, которого из них будет она женою? ибо семеро имели ее женою. Иисус сказал им в ответ: ...когда из мертвых воскрес-

нут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как Ангелы на небесах» (Мк. 12.23–25). Если воскресение дает мужчинам и женщинам полноту жизни, обещанную Богом «в начале», не означает ли ответ Иисуса принижение ценности брака и сексуальности? В третьей части «Теологии тела» Иоанн Павел утверждал, что верно как раз обратное.

Жизнь в Царстве Божием — это жизнь, исполненная совершенной самоотдачи и совершенного приятия. Это жизнь «изнутри» внутренней жизни Бога, если можно так выразиться, тройственная сущность людей, вечно отдающих и вечно принимающих. «Отдавать» в Царстве Божием — значит постоянно приносить себя в дар Богу и получать взамен Его дар, выраженный в воскресших телах мужчин и женщин. «Воскресение» не означает потери наших тел, что было бы негуманным. В некотором смысле его можно назвать их обожествлением, поскольку мы начинаем походить на воскресшего Христа, Который остается Богом и человеком. Это «обожествление» людей завершает брачное предназначение человеческого тела, являясь символом закона дарения, возникшего в момент творения как отражение внутреннего динамизма собственной жизни Бога.

Безбрачие ради «будущего Царства» исторически предвосхищает жизнь в Царстве Божием, в котором «совершенный дар» возможен и без брака. Брак, изначально неся в себе элемент исключительности, не существует на небесах, где все воскресшие будут жить, по выражению Папы, в «совершенной межсубъективности» — современное философское понятие, возникшее на основе того, что в христианстве традиционно именовалось «общностью святых». На протяжении всей истории брак является своеобразной школой, где мы готовимся к жизни в Царстве Божием, учась полностью отдавать себя другому. Тот, кто не вступает в брак, тоже должен учиться этому, готовясь к будущей жизни. Однако безбрачие должно быть плодотворным, подводя к духовному отцовству и материнству, что в браке происходит через воспроизведение рода и воспитание детей. Брак и безбрачие являются двумя взаимодополняющими с «матримониальной» точки зрения способами вести жизнь христианина. Безбрачие в ожидании будущего воскресения позволяет понять, что ожидает всех верующих в Царстве Божием, тогда как брак является символом супружеской любви Господа к своему Народу, народу Израиля, и к Церкви.

Брак, продолжал Иоанн Павел, в некотором смысле «древнейшее таинство», поскольку «с самого начала» именно в обыденной реальности необычный факт творения представал актом самоотверженной любви. Заключая брачный союз, мужчина и женщина несут на себе Божью благодать, а «язык тела» в супружеской любви — это способ, с помощью которого супруги ведут «матримониальный диалог», приличествующий браку как призванию. Для христианина супружеская любовь является также символом искупления, поскольку уже в Новом Завете любовь между мужем и женой уподобляется любви Христа к его невесте — Церкви. Брак обогащается новым смыслом, если воспринимать его как реальность человеческой жизни, наилучшим образом отображающую взаимосвязь между искупителем-Христом и людьми, чьи грехи Он искупил. Сотворение и искупление равно представлены в браке, что помогает прояснить вопрос о разводе, дебатируемый на всем протяжении истории христианства. Если священный брак, символ животворной и искупляющей любви Господа, нерушим, то равно нерушима любовь Господа к миру и любовь Христа к Церкви[1].

«Теология брака и безбрачия» заканчивалась вдохновенным панегириком супружеской любви. Плотская любовь, делал вывод Иоанн Павел, — это акт поклонения. «Брачная жизнь приобретает... литургический оттенок», когда «язык тела» становится средством достижения через священный опыт того, что Бог «с самого начала» желал для мира и человечества. Свободно даря себя и свободно получая ответный дар, люди, связанные узами брака, получают возможность освятить весь мир.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ «HUMANAE VITAE»

В четвертом цикле общих обращений, составивших «Теологию тела», Иоанн Павел задавался вопросом: может ли плотская любовь способствовать счастью человека? Как придать ей *чистоту*? Ответ понтифика таков: ограничив сексуальность четырьмя основными добродетелями, то есть благоразумием, справедливо-

[1] Вышеприведенное рассуждение, разумеется, не дает ответа на вопрос, что есть священный и, следовательно, нерушимый брак, однако позволяет понять всю серьезность затронутой проблемы. — *Примеч. авт.*

стью, мужеством и сдержанностью, мы сумеем наслаждаться плотской любовью так, как подобает человеку.

Рассуждая об этих сложных предметах, авторы «Humanae Vitae» придавали супружеской чистоте несколько негативный оттенок, призывая к «терпению». «Теология тела» рассматривает эту проблему в совершенно иной плоскости. Задаваясь вопросом, как разные способы плотской любви соответствуют иконографии брака, Иоанн Павел отвечал, что, ведя половую жизнь, мы следуем нашей телесной воплощенности в качестве мужчин и женщин, а плотская любовь в браке становится, таким образом, наивысшим из возможных символов самоотдачи.

Вначале Папа напоминал, что все супружеские пары обязаны стремиться к «ответственному родительству», но это не означает, что они должны «избегать рождения». Семью следует строить, исходя из принципов благоразумия. Решить, сколько в семье будет детей, должны сами супруги «перед Господом» и перед своей совестью. Что касается «регулирования рождаемости» — на взгляд понтифика, это более удачное словосочетание, нежели «контроль над рождаемостью», — то и здесь решение остается за супругами. Не может быть «моральных оснований» для ограничения рождаемости, а если учесть катастрофическое ее снижение в некоторых странах, то, напротив, есть все основания, в том числе и моральные, стремиться к большой семье.

Если планирование семьи является важной моральной ответственностью каждого вступившего в брак, то возникает следующий вопрос: *как* регулировать рождаемость и выполнять родительские обязанности, сохраняя человеческое достоинство супругов и уважая иконографию брачной жизни в качестве взаимной самоотдачи? Иоанн Павел убежден, что негуманно переносить механические и химические методы, характеризующие власть человека над природой, на плотскую любовь. Периодическое воздержание от сексуальной активности, когда в качестве средства регулирования рождаемости используются естественные ритмы человеческого тела, представляется наиболее гуманным способом добиться чистоты супружеской любви и ответственного исполнения родительских обязанностей. Воздержание также соответствует сакраментальному характеру брака, поскольку телесно воплощает тот факт, что супружеские пары являются «исполнителями Божьего замысла» относительно воспроизведения рода. Добиваясь чистоты в супружестве, муж и жена облагораживают

факт рождения потомства, становясь, с христианской точки зрения, сосудом благодати.

Иоанн Павел полагал, что только «естественное» наилучшим образом соотносится с человеческим достоинством, с природой человека как разумного существа, стремящегося к зрелости через самообладание. При перенесении дискуссии о сексуальной морали в более широкие рамки подлинного гуманизма извечный моральный вопрос: «Что мне запрещено?» приобретает иное звучание: «Как мне вести половую жизнь, чтобы не утратить своего человеческого достоинства?» Даже в таком контексте некоторые вещи остаются за гранью допустимого, но это происходит потому, что в противном случае принижается наша человеческая сущность и подрывается единение людей, которое призвана укрепить плотская любовь.

Достичь зрелости путем самообладания непросто. Блюсти чистоту в супружестве означает смотреть на брак как на служение, к чему должна стремиться каждая пара, наслаждаясь любовью, «пролитой в [их] сердца даром Святого Духа». Взросление супружеской пары как союза двух людей предполагает сексуальное выражение и сексуальное воздержание, восторг и аскетизм. Убрать этот накал из супружеской жизни — значит лишить ее внутреннего драматизма и человечности. Истина и любовь неотделимы от загадочного, восторженного, аскетичного «языка тела».

ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОМБА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ?

Пройдет немало лет, прежде чем католические богословы полностью осознают значение 130 всеобщих обращений Иоанна Павла II. Если отнестись к «Теологии тела» с той серьезностью, какой она заслуживает, то придется признать, что этот фундаментальный труд сыграл решающую роль в изгнании демона манихейства с его пренебрежением к человеческой сексуальности из католических богословских учений о морали. Мало кто из теологов воспринимал наше телесное воплощение в качестве мужчин и женщин так серьезно, как Иоанн Павел II. Мало кто решался трактовать основополагающие аспекты католических таинств — невидимое, выражаемое в видимом, необычное, находящееся по другую сторону от обыденного, — так смело, как это делал Иоанн Павел, говоря, что самоотверженная плотская лю-

бовь является символом внутренней жизни Бога. Мало кто осмеливался возвестить на весь мир: «Человеческая сексуальность гораздо величественнее, чем вы себе представляете». Мало кому удавалось столь убедительно продемонстрировать, как возрождение драматической структуры праведной жизни придает новый импульс этике добродетели и выводит нас далеко за узкие рамки зашоренной морали, склонной делить всех на «прогрессистов» и «консерваторов».

«Теология тела» заставляет нас осознать сущность человека через его сексуальную жизнь, а затем перейти к размышлениям о Божественном. Содержащееся в труде Иоанна Павла напоминание о том, что «с самого начала» мы были телесно воплощены в мужчин и женщин, позволяет проникнуть в суть действий и целей Творца. Анджело Скола, ректор Папского латеранского университета в Риме, считает, что практически любое понятие: Господь, Христос, Троица, Благодать, Церковь, Таинства — может предстать в новом свете, если богословы в полной мере осознают глубину внимания к человеку, предложенную Иоанном Павлом II в его теологии тела.

Мало кто из современных теологов откликнулся на этот призыв. Еще меньше священников касаются данных тем в своих проповедях. И уж совсем ничтожное число — буквально микроскопический процент — живущих в мире католиков вообще догадывается о существовании теологии тела. Почему так? Немалую роль здесь играет насыщенность материала. Необходим «перевод» мыслей Иоанна Павла на более доступный массам язык. «Каноническое» представление средствами массовой информации церковных разногласий, касающихся контроля над рождаемостью, абортов, развода, женщин-священников, также мешает правильному восприятию рассуждений Иоанна Павла. «Теология тела» явно не вписывается в наш век, стремящийся — не без помощи масс-медиа — повесить на любую идею ярлык «либеральной» или «консервативной». Возможно, теология тела будет оценена по достоинству, лишь когда ее создатель сойдет с исторической сцены. 130 катехизических обращений в совокупности представляют собой своего рода теологическую бомбу замедленного действия, которая сработает в третьем тысячелетии существования Церкви, что будет иметь грандиозные последствия.

Это может случиться уже в XXI в., и тогда, вероятно, «Теология тела» предстанет как эпохальное событие не только в католическом богословии, но и в истории современной мысли вообще.

В течение 350 лет западная философия настаивала на первичности человека — думающего субъекта. Кароль Войтыла воспринял этот «поворот к субъекту» со всей серьезностью, как философ; Иоанн Павел II не менее серьезно отнесся к этому повороту как богослов, утверждая, что телесное воплощение человека является исключительно важным для его самосознания и отношений с миром. Блестяще продемонстрировав, как достоинство человека может быть «выведено» из его телесного воплощения, Иоанн Павел обогатил современное понимание свободы и плотской любви, соотнеся их между собой.

ЗАЩИТНИК ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

2 октября 1979 г., четыре недели спустя после начала катехизических обращений, посвященных теологии тела, Иоанн Павел II произнес самую пламенную речь за все время своего первосвященства. Произошло это на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций в штаб-квартире ООН, расположенной в Нью-Йорке. Точка зрения понтифика относительно прав человека разительно отличалась от того, как многие государства — члены ООН смотрели на международную политику и проблемы достижения мира.

В СТРАНЕ СВЯТОГО ПАТРИКА

По пути в Нью-Йорк Иоанн Павел на два с половиной дня остановился в Ирландии. В этой некогда строго католической стране, в последнее время явно отходившей от исторических корней христианства, уже на протяжении многих лет велась яростная гражданская война якобы во имя идеалов католицизма или протестантизма. Формальным поводом для визита стало желание понтифика посетить графство Мейо, где в 1879 г. верующим явилась Дева Мария. Иоанн Павел хотел напомнить ирландцам, что их история и культура, подобно истории и культуре поляков, немыслимы вне церковного контекста, а также высказать свои соображения по поводу насилия, чинимого во имя христианства.

Папа прибыл в Дублин 29 сентября. День выдался необычно солнечным. Во время официальной церемонии приветствия в аэро-

порту Иоанн Павел выразил свою радость от пребывания на Изумрудном острове молитвой под названием «Нагрудник святого Патрика». Обращаясь к ирландцам, он сказал:

— Я счастлив, что нахожусь среди вас, следуя по стопам святого Патрика и по пути Евангелия, которое он оставил вам как великое наследие. Я убежден, что Христос находится именно здесь: «Христос предо мною, Христос позади меня... Христос в сердце каждого, кто думает обо мне, Христос на устах каждого, кто говорит со мной».

Первая в истории Ирландии месса, проведенная главой католической Церкви, состоялась в тот же день в Феникс-парке, в месте, называемом «Пятнадцать акров». Общественный транспорт не работал, однако более 1,2 миллиона человек сумели добраться до парка, где перед шеренгой из 60 флагштоков, на которых развевались красно-белые папские знамена, был установлен гигантский 120-футовый крест. В своей проповеди Иоанн Павел призвал ирландцев, давших миру сотни тысяч миссионеров, вновь обратиться к вере.

Проехав по улицам Дублина, Папа на вертолете отправился в Дроэду, расположенную примерно в 30 милях от границы, отделяющей Ирландскую Республику от Северной Ирландии, входящей в Соединенное Королевство. Первоначально предполагалось, что понтифик по приглашению англиканского архиепископа Джорджа Симса посетит древнюю епархию Примаса в Арме (Северная Ирландия). Однако, опасаясь беспорядков, устроители визита изменили планы, и остановка была сделана в Дроэде, не менее достославном историческом месте. Именно здесь в 1649 г. Оливер Кромвель учинил самое кровавое побоище за всю ирландскую историю. В Дроэде также находятся мощи святого Оливера Планкетта, архиепископа Армского, повешенного и четвертованного в 1681 г. на лондонском Тайбернском холме. Около 300 тысяч человек, в основном жители Северной Ирландии, собрались, чтобы увидеть и послушать Папу, который обратился к присутствующим со страстным призывом положить конец религиозной ненависти и насилию.

Святой Оливер Планкетт, сказал понтифик, не является символом мести, поскольку он словом и делом проповедовал «любовь Христа ко всем людям... Будучи защитником угнетенных и поборником справедливости, он тем не менее никогда бы не одобрил насилие... Умирая, он простил всех своих врагов». Иоанн Павел публично поблагодарил англиканского Примаса за приглашение,

к которому «присоединились... лидеры и рядовые члены других церквей, в том числе североирландских».

Эти приглашения доказывают, что вопреки расхожему мнению, усиленно насаждаемому средствами массовой информации, «беспорядки» на севере страны не являются «религиозной войной, битвой между католиками и протестантами». По мнению Иоанна Павла II, это скорее борьба между ненавистниками, а Церковь осуждает ненависть. Несправедливость должна быть устранена, но христианство решительно выступает против того, чтобы искать «выход из проблемных ситуаций через ненависть, убийство беззащитных людей, терроризм... Заповедь «Не убий» должна свято соблюдаться всеми, если мы не хотим повторить трагическую судьбу Каина».

К «каинам», которые, возможно, сейчас его слушают, Папа обратился с самой страстной мольбой: «На коленях умоляю вас свернуть с тропы насилия и вернуться на путь мира... насилие уничтожает справедливость... Если насилие в Ирландии продолжится, это будет означать крушение страны, которую вы любите, и ценностей, которые для вас святы...» Развитие событий показало, что многие, к кому обращался в тот день понтифик, остались глухи к его призывам. Но в обнадеживающих знаках мира, появившихся десятилетия спустя, чувствовалось несомненное влияние той памятной речи. Как и во многих других случаях, ценность произнесенных Иоанном Павлом слов невозможно измерить их непосредственным воздействием, однако рано или поздно они находят дорогу к сердцам тех, кому были адресованы, ибо в этих словах содержится истина.

Тридцатого сентября Иоанну Павлу предстояло встретиться с молодыми ирландцами, но по пути в Голуэй понтифик сделал краткую остановку в Клуайнмокку, величайшем центре учености в мрачные времена средневековья, откуда сотни тысяч миссионеров отправлялись в Европу. Стоя в одиночестве на величественных руинах монастырского города, Папа помолился у гробницы одного из местных святых, после чего вылетел в Баллибрит, где его ожидали 300 тысяч молодых людей. Он сказал им то же, что некогда говорил молодым жителям Кракова, когда был архиепископом этого города:

— Всем сердцем, всею силой моего убеждения я верю в молодежь.

После проникновенных слов Иоанна Павла:

— Иногда нам кажется, что, не выдержав тяжелейших исторических испытаний, любовь утратила свою силу... И все же в конце концов любовь всегда побеждает. Молодые люди Ирландии, я люблю вас, — раздался шквал аплодисментов. Овации, приветственные крики и пение не смолкали в течение четверти часа. Присутствующие угомонились, лишь когда местный священник призвал всех успокоиться, чтобы можно было продолжить мессу.

В Ноке Папа навестил 3000 страждущих, освятил камни, которым предстояло лечь в основание 34 новых церквей по всей стране, и отслужил мессу для полумиллиона ирландцев. Он говорил о том, что именно здесь согласно местному преданию Дева Мария в сопровождении святого Иосифа и Иоанна Богослова явилась группе крестьян.

> Появление Девы Марии в Ноке — событие уникальное и вместе с тем сугубо ирландское... Мадонна предстала не перед ребенком или группой детей, а перед людьми самых разных возрастов... В стране, где все древние святыни лежали в руинах или находились в руках ирландской [англиканской] Церкви, она не просила нового храма. В стране, жители которой прошли через невероятные испытания и угнетение... она не просила покаяния. В стране ревностного служения Церкви она не требовала процессий или паломничества. Фактически она не просила ни о чем. В стране, где, как известно, любят поговорить, она — и это поразительно! — не сказала ничего. Но она пришла... Когда казалось, что все уезжают — кто в Австралию, кто в Бостон, кто в Нью-Йорк, мать Иисуса пришла сюда. Будучи настоящей дамой, она появилась в стране, где глубоко чтят женщину, брак и священнослужителей, в сопровождении своего супруга, святого Иосифа, и Иоанна Богослова, одетого прелатом. Ни тот, ни другой также не промолвили ни слова. Кстати, явились они в дождь.

После встречи с ирландскими епископами, семинаристами, священниками и монахинями, состоявшейся в национальной семинарии в Мейнуте, Иоанн Павел отслужил свою последнюю публичную мессу на ирландской земле. Это произошло утром 1 октября на ипподроме «Грин-парк» в Лимерике, где собралось 250 тысяч человек. Затем из ближайшего аэропорта «Шеннон» понтифик на самолете «Aer Lingus-747» вылетел в Бостон, куда прибыл в тот же день вечером. В аэропорту его встречали супруга

Президента Розалин Картер и помощник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский, который, возможно, в этот момент вспоминал, как летом 1976 г., повинуясь внезапному порыву, посетил лекцию в Гарвардском университете, которую читал заезжий польский кардинал. Погода была не слишком благоприятной, однако проливной дождь и порывистый ветер не помешали 2 миллионам бостонцев собраться на папскую мессу. Если учесть, что при этом также присутствовало несколько сот тысяч некатоликов, мессу можно назвать величайшей экуменической службой за всю историю христианства. Пока понтифик шел к алтарю, в небо взмыли тысячи красно-белых воздушных шаров — так бостонские ирландцы выражали свое уважение польскому гостю.

Перед мессой Иоанн Павел встретился в бостонском соборе Креста Господня с несколькими тысячами священников и монахинь. Покидая собор, понтифик заметил прикованную к инвалидному креслу 26-летнюю Джейн де Мартино, пострадавшую в результате автомобильной аварии. Понтифик подошел к девушке, взял ее за руку, наклонившись, что-то прошептал ей на ухо, поцеловал и подарил маленькую шкатулку с бело-золотыми четками. Стоявший неподалеку бостонский полицейский даже прослезился.

— Надо бы почаще ходить в церковь, — сказал он и тут же зашел в собор.

ПРАВДУ ВЛАСТЯМ В ЛИЦО

На следующее утро Иоанн Павел вылетел в Нью-Йорк. После шутливого обмена репликами с мэром Эдвардом Кохом (мэр: «Ваше преосвященство, я здешний мэр». Папа: «Постараюсь вести себя как добропорядочный гражданин») кортеж понтифика проследовал из аэропорта в штаб-квартиру ООН на Ист-ривер, где гостя приветствовал Генеральный секретарь Курт Вальдхайм. Иоанн Павел II вошел в здание Секретариата, как будто проделывал это каждый день — излучая энергию, силу и спокойную уверенность человека, который ощущает себя комфортно в любой ситуации. Улыбающийся, вежливый, он олицетворял силу — не столько физическую, сколько мощь пытливого ума. Это был добродушный человек, нечувствительный к лести и дипломати-

ческим тонкостям. Когда настала его очередь выступать, Папа так же уютно почувствовал себя и на трибуне. Он обращался к делегатам, гостям и прессе, словно перед ним сидели его люблинские студенты: не смущаясь, менял позу, опирался на руку, подчеркивая важность того, что в этот момент произносил, коротким жестом призывал к вниманию, как будто говоря: «Послушайте, что я вам сейчас скажу...»

Иоанн Павел поднялся на трибуну Организации Объединенных Наций в тревожное время: во всем мире нарастало беспокойство по поводу непрерывного наращивания ядерных вооружений, в котором Восток соревновался с Западом. Переговоры по ОСВ-2 зашли в тупик. Демонстрации против гонки ядерных вооружений набирали силу как в Соединенных Штатах, так и в Европе, а движение за «ядерное замораживание» начинало все сильнее влиять на американское общественное мнение. И дипломаты на переговорах, и уличные демонстранты, казалось, в равной степени были убеждены в том, что ядерное оружие следует вынести за скобки политического противостояния НАТО и Варшавского Договора и что, проявив должную волю, можно решить спорные вопросы в области вооружений и достичь мира, даже если идеологические разногласия останутся неразрешенными. Война ведется с помощью оружия, мир означает отсутствие войны, предотвратить войну можно путем контроля над вооружением. Как бы ни разнились методы работы дипломатов и демонстрантов, и те и другие молчаливо сходились на вышеприведенном «реалистическом» прочтении гонки вооружений.

Иоанн Павел II имел совершенно иное мнение по поводу того, какой должна быть мировая политика в конце XX в., и свою точку зрения намеревался высказать со всей прямотой.

Его часовое выступление на Генеральной Ассамблее началось с обычной для представителя Ватикана констатации важности ООН и роли Святого Престола в международных делах. Затем Папа напомнил слушателям, что Христос, представ перед римским наместником Иудеи Понтием Пилатом, сказал, что «пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине» (Ин. 18.37). То же самое намерен делать он сам как викарий Христа на земле. Он обращается к присутствующим не как очередной дипломат, изъясняющийся на языке власти в соответствии с некими корпоративными правилами, а как свидетель истины о «человеке во всей его целостности и полноте, во всем богатом многообразии его духовного и материального существования».

Политика, напомнил понтифик, имеет дело с людьми. *Их* благополучие и ничто другое является движущей силой политики, «как национальной, так и международной», поскольку любая легитимная политика всегда «исходит *от человека*, осуществляется *человеком*, существует *для человека*». Любая политика, не принимающая во внимание этот важнейший гуманистический критерий, теряет право называться таковой, ибо «вступает в противоречие с человечностью».

Прогресс следует оценивать не только с позиций науки и техники, но «также — и это главное — с точки зрения того, *стоят ли духовные ценности на первом месте* и есть ли *прогресс в добродетельной жизни*». В царстве совести мир человека проявляет себя наиболее человечно. Там, где отрицаются требования совести и моральной истины, наука и техника используются для того, чтобы превратить мир в бойню. Вот почему «основополагающим документом» ООН, документом, составляющим нравственный смысл ее существования, является не Устав, а Всеобщая декларация прав человека 1948 г., «краеугольный камень на долгом и тернистом пути человечества». Способствовать миру можно, только «если мы определим, обозначим и будем всемерно уважать неотъемлемые права личности и всех народов».

Уважение к правам человека предполагает уважение достоинства и ценности каждой личности. Следовательно, как только одерживает верх политика, характерной чертой которой является «безудержная жажда власти», мир находится под угрозой. Такое может происходить как внутри одной нации, так и между ними. Если национальные «интересы» становятся единственным критерием международной политики, а само понятие «интересов» лишается морального содержания, дипломатия перестает быть честной. Достичь мира можно, принимая во внимание не только интересы, но и обязанности.

Перейдя к вопросу гонки вооружений, Иоанн Павел решительно отверг тезис о том, что опасность ядерной войны можно рассматривать отдельно от конфликта между коммунизмом и его противниками. Угроза войны в современном мире исходит не от оружия как такового, а от всех форм несправедливости, порой сознательно насаждаемой государствами, которые пренебрегают правами человека, подрывают устои общества и, следовательно, ставят под угрозу весь международный порядок.

В настоящее время мировое сообщество пытается определить «хотя бы некоторые из неотъемлемых прав человека», и Иоанн

Павел хотел бы внести свою лепту в эту дискуссию, обозначив те права, которые, по его мнению, абсолютно необходимо зафиксировать на международном уровне. В первую очередь это «право на свободу мысли, совести и религии, право на отправление религиозного культа индивидуально или в составе общины, публично или частным образом». Это очень важно, поскольку «ценности [человеческого] духа» являются главной движущей силой «развития цивилизации» и стремления к миру, когда «человек получит беспрепятственный доступ к истине, а также полную возможность морально развиваться и наслаждаться благами культуры, которую он унаследовал и обогатил своим собственным творчеством».

Несправедливости, чинимые в экономике и духовной сфере, представляют собой величайшую угрозу миру, а потому так важен «гуманистический критерий» при оценке социально-экономических и политических систем. Ликвидация эксплуатации и свободное участие каждого в экономической и политической жизни — вот те стандарты, по которым можно судить о той или иной системе. Экономические, политические и социальные устройства, систематически нарушающие этот «гуманистический принцип», по своей природе представляют угрозу миру, равно как и несправедливости, творимые в духовной сфере, которые «наносят смертельный удар по внутренним отношениям человека с истиной, по его совести, глубоко личным убеждениям, по его взглядам на мир, религиозным воззрениям, словом, по всему тому, что мы называем гражданскими свободами». Цивилизация веками стремилась к такому политическому устройству, «где были бы в полной мере защищены объективные права духа, совести человека и его творческих способностей, в том числе отношений человека с Богом», и сегодняшние политические лидеры обязаны учитывать эту историческую динамику.

Чтобы не осталось непонимания относительно того, кто именно постоянно чинит «несправедливость в сфере духа», Иоанн Павел назвал угрозой миру существование систем, которые, подписывая международные соглашения по правам человека, одновременно создают такие формы «общественной жизни... при которых практическое осуществление этих свобод низводит человека... до положения гражданина второго или третьего сорта, ставит под удар... его профессиональную карьеру, лишает его доступа к ответственным постам и даже не оставляет возможности свободно воспитывать своих детей». С трибуны Генеральной Ассамблеи ООН к миру

обращался верховный понтифик Римско-Католической Церкви, но его устами говорил и архиепископ Краковский Кароль Войтыла, свидетельствуя о тех страданиях, которые пришлось претерпеть Яцеку Возняковскому, Станиславу и Дануте Рыбицким, Генрику Гурецкому, Станиславу Родзинскому и многим другим полякам, поплатившимся карьерой за свои убеждения.

В конце своей речи Иоанн Павел вновь обратился к теме религиозной свободы как ключевому понятию борьбы за мир. На Втором Ватиканском Соборе было провозглашено, что лишение человека права на свободный поиск истины и следование ей является в высшей степени негуманным, поскольку стремление к истине изначально присуще человечеству. Верующие, агностики и даже атеисты должны согласиться с этим тезисом, составляющим основу общегуманистического мировоззрения. Вопрос о религиозной свободе ни в коем случае нельзя отнести к сугубо церковным.

Выступление Иоанна Павла II на Генеральной Ассамблее ООН было историческим по нескольким причинам. В нем содержался глубокий анализ кризиса современности, который не исчерпывался конфликтом между Востоком и Западом, между капитализмом и социализмом, между богатыми и бедными. Этот кризис поразил душу человечества, и бороться с ним следовало духовными и моральными методами.

Хотя в выступлении ни разу не прозвучали слова «коммунизм» или «марксизм-ленинизм», оно явилось вызовом всей советской системе и было воспринято как таковое. Вот что сказал бывший представитель США при ООН Дэниел Патрик Мойнихен, присутствовавший на заседании:

— Я могу подтвердить, поскольку видел это своими глазами, что делегаты от Советского Союза и стран Восточной Европы прекрасно поняли, о чем говорил Иоанн Павел. Впервые в этих стенах они выглядели испуганными, а не скучающими.

Однако, следуя духу гуманизма, речь Папы также ставила под сомнение идею о том, что политика является лишь совокупностью технических приемов, — идею, имевшую весьма влиятельных сторонников на Западе.

Обращение понтифика было историческим и в том смысле, что католическая Церковь впервые недвусмысленно заявила о своей приверженности делу свободы и защиты основных прав человека как главной цели деятельности Ватикана на международной арене. Эта приверженность просматривалась уже в эн-

циклике Иоанна XXIII от 1963 г. «Pacem in Terris» и в «Декларации о религиозной свободе», принятой на Втором Ватиканском Соборе. Однако Иоанн Павел II заявил об этом во всеуслышание, а его поездка в Мексику в январе 1979 г. и паломничество в Польшу в июне того же года подтвердили, что эта приверженность будет носить политический оттенок. Церковь намерена защищать права человека на основе гуманизма, чьи преимущества будут по достоинству оценены всеми людьми доброй воли.

Обращение также бросало вызов привычным представлениям о мире. Стоя на трибуне ООН, Иоанн Павел убеждал собравшихся, что, для того чтобы избежать войны, недостаточно сократить вооружения, хотя это само по себе благо, или посвятить себя миротворчеству и благотворительной деятельности подобно матери Терезе, которая позднее в том же году была награждена Нобелевской премией мира. Нет, мир скорее является результатом моральной приверженности делу свободы человека, воплощенной в справедливых политических структурах на национальном и международном уровнях. Мир и права человека неразделимы. С точки зрения Иоанна Павла, Церковь тогда наилучшим образом способствует миру, когда смело встает на защиту прав человека, главным из которых является религиозная свобода.

Пока понтифик произносил свою речь, в аудитории стояла мертвая тишина. Никто не ходил по залу, что порой случается на заседаниях Генеральной Ассамблеи. Как бы представители власти ни истолковали обращение Иоанна Павла, они поняли, что он олицетворяет собой силу, с которой им отныне придется считаться.

ТРА-ЛЯ-ЛЯ!

Пятидневное турне по Соединенным Штатам, совершенное в октябре 1979 г. человеком, которого журнал «Тайм» окрестил «Иоанн Павел-суперзвезда», представляло собой калейдоскоп событий, широко освещавшихся в прессе и оставивших после себя неизгладимые воспоминания.

Выступив на Генеральной Ассамблее ООН, Иоанн Павел вечером того же дня отслужил мессу для 75 тысяч человек, собравшихся на стадионе «Янки». В проповеди он призвал американцев, гордящихся открытостью своего общества, задуматься над самим понятием открытости: «Христос призывает к открытости,

которая означает нечто большее, чем просто благосклонное внимание, символические акции или мало что стоящие действия, в результате которых бедные остаются такими же обездоленными, как и были, а порой впадают в еще большую нищету». По пути на стадион Иоанн Павел сделал краткую остановку в приходе святого Карло Борромео в Гарлеме и обратился к небольшой группе жителей Южного Бронкса:

— Умоляю вас: не предавайтесь отчаянию... И не забывайте о том, что Господь заботится о вас. Он всегда с вами и зовет вас к добру, к новым свершениям.

Утром 3 октября десятки тысяч подростков ожидали Иоанна Павла в «Мэдисон-сквер-гарден». То, что там произошло, не имеет аналогов в истории папства. «Папамобиль» (изготовленный по специальному заказу «форд-бронко») медленно двигался вдоль арены. В это время оркестр бруклинской начальной школы имени святого Франциска наигрывал мелодии из «Rocky» и «Battlestar Galactica», а Папа пожимал руки экзальтированным юнцам, напиравшим на железное ограждение. В какой-то момент Иоанн Павел начал жестами изображать игру на барабане, а потом, обернувшись к толпе, поднял вверх большие пальцы, как бы одобряя происходящее. Молодые люди подарили понтифику синие джинсы, футболку с надписью «"Большое яблоко"[1] приветствует Иоанна Павла II» и гитару. Шум стоял невообразимый. Ни одна рок-группа, выступавшая на знаменитом стадионе, не производила такого фурора. Исчерпав названия католических молодежных организаций и местных школ — всем им были провозглашены здравицы, — молодые люди принялись скандировать под музыку:

— Иоанн Павел II, мы любим вас!

Понтифик рассмеялся, взял в руки микрофон и в той же манере пропел:

— Тра-ля-ля, Иоанн Павел II тоже вас любит!

Когда ажиотаж немного улегся, наступило время для более серьезных вещей. Обращаясь к собравшимся, Папа заговорил о зрелости. Каждый из вас, сказал он, «приближается к такому моменту в своей жизни, когда вы должны взять на себя личную ответственность за собственную судьбу». Принимая это решение, «обратитесь к Христу. Пытаясь разгадать тайну своего предназначения, обратитесь к Христу, который наполнит вашу жизнь смыслом. Задумываясь над тем, что значит быть зрелым человеком,

[1] «Большое яблоко» (*разг.*) — Нью-Йорк.

обратитесь к Христу, который является наиболее полным воплощением человечества». В конце, как обычно во время разговоров с молодежью, понтифик упомянул о вере:

— Церковь нуждается в вас. Мир нуждается в вас, поскольку он нуждается в Христе, а вы принадлежите Христу...

На следующий день Иоанн Павел отслужил мессу в филадельфийском «Логан-серкл», где собралось более миллиона человек. В своей проповеди, навеянной образом Колокола свободы, хранящегося в Зале независимости, понтифик призвал американцев к углубленному пониманию свободы. Свобода облагораживается, когда свободный человек делает мудрый выбор. Свобода, связанная с истиной, и свобода, направленная на процветание человека, неотделимы в общественной жизни и личных взаимоотношениях, в том числе и в отношениях между полами. В этом и заключается ценность моральных норм, призывающих к чистоте в супружеской жизни, — благодаря им истинная свобода способствует успеху брака.

Выступая перед председателями приходских советов всех епархий Соединенных Штатов, Иоанн Павел напомнил о том, что «быть священником — это не просто работа... [а] призвание, зов, к которому надо прислушиваться вновь и вновь». После этого он вылетел в Айову. Город Де-Мойн первоначально не значился в планах понтифика, но незадолго до визита он получил написанное от руки письмо от фермера по имени Джо Хейс, в котором тот приглашал Папу посетить сельскохозяйственный центр страны. Иоанн Павел принял приглашение, и в Де-Мойне начались лихорадочные приготовления, длившиеся целых пять недель. Перед квадратным десятифутовым полотнищем, игравшим роль задника (над ним в течение двух недель трудились 15 женщин-добровольцев, расшивая его темно-оранжевыми, синими, зелеными и красными нитями), поместили алтарное возвышение. Обращаясь к величайшей в истории Айовы толпе, собравшейся под необъятным небом Среднего Запада, Иоанн Павел произнес самую трогательную проповедь за время своего американского паломничества, выбрав в качестве отправного пункта щедрость земли, а от нее перейдя к щедрости Христа, утоляющего голод человечества Святым Причастием.

> Повсеместно крестьяне растят хлеб для всех, но лишь Христос является Хлебом Жизни... Даже если утолить физический голод всего мира, даже если каждый, кто голоден, будет на-

кормлен благодаря собственному труду или щедрости ближних, глубочайший голод человека по-прежнему будет существовать... Вот почему я призываю вас: «Придите к Христу. Он — Хлеб Жизни. Придите к Христу, и вы больше никогда не будете голодны...»

Прослушав проповедь, протестантский священник из Грейнджера одобрительно заметил, обращаясь к стоявшему рядом с ним Джо Хейсу:

— Похоже, ваш Папа умеет папствовать.

Затем Иоанн Павел отправился в Чикаго. Где бы он ни появился, десятки тысяч этнических поляков тут же принимались скандировать:

— Sto lat!

— Если так пойдет и дальше, — пошутил понтифик, — люди начнут думать, что это польский государственный гимн.

Выступая в Городе на ветрах[1], перед епископами Соединенных Штатов, Иоанн Павел напомнил, что благочестие должно стать «нашим первейшим жизненным и служебным долгом». Выполняя этот долг, епископ обязан говорить правду, в том числе и своим противникам. Именно так, подчеркнул Папа, всегда поступали американские епископы, осуждая расизм в своих публичных речах и в документах, принятых на конференциях; отвергая развод; защищая право на жизнь еще не рожденных, увечных и больных; бросая вызов сексуальной революции и призывая американский народ не отступать от идеалов истинной свободы и равенства для всех. Иоанн Павел также посоветовал епископам возродить таинство исповеди и наполнить новым благоговейным смыслом литургию, которая является «прежде всего «почитанием Божественного Величества».

Отслужив в Грант-парке мессу для полумиллиона собравшихся и побывав на концерте Чикагского симфонического оркестра, который состоялся в соборе Святого Имени, Иоанн Павел 6 октября вылетел в Вашингтон, округ Колумбия, последний пункт своего американского маршрута. Здесь, на авиабазе Эндрюс, его встречал вице-президент США Уолтер Мондейл. Посетив собор Святого Матфея, Иоанн Павел направился в Белый дом. На Северной лужайке он встретился с президентом Джимми Картером, который приветствовал Папу по-польски: «Niech będzie Bóg pochwalony» [«Благословен Бог»]. Президент и понтифик уже в

[1] Популярное название Чикаго.

течение некоторого времени вели частную переписку, и, хотя маловероятно, чтобы она могла повлиять на политику Ватикана или США, сам факт ее существования лишний раз доказывает, насколько первые же месяцы пребывания Иоанна Павла II на посту главы Римско-Католической Церкви изменили стиль папства. После часовой беседы Папа и президент вышли к 6 тысячам гостей, собравшимся на Южной лужайке Белого дома, и здесь произошло то, что журнал «Тайм» позже назвал «одним из самых трогательных моментов президентства» Картера. Обращаясь к польскому католику, баптист из Джорджии сказал:

— Поскольку мы оба, каждый по-своему, работаем ради справедливости в настоящем и стремимся построить будущее на основе мира и любви, нам надо чаще встречаться. Добро пожаловать в нашу страну, наш новый друг.

После чего понтифик обнял президента, а гости разразились продолжительными аплодисментами.

В тот же день Иоанн Павел провел несколько часов в ватиканском посольстве в Вашингтоне, обсуждая международное положение с помощником Картера по национальной безопасности Збигневом Бжезинским. Эта встреча не была запланирована заранее. В ответ на приглашение Папы Бжезинский заметил, что, поскольку речь идет об уик-энде, ему бы не хотелось оставлять семью. Тогда Иоанн Павел предложил будущему собеседнику привести с собой жену и детей. Прощаясь, Бжезинский признался, что порой, разговаривая с президентом Картером, он не может отделаться от ощущения, что перед ним религиозный лидер, а во время беседы с Иоанном Павлом II ему постоянно казалось, что он разговаривает с государственным деятелем международного масштаба. Услышав такую характеристику, понтифик рассмеялся.

Воскресное утро 7 октября Иоанн Павел провел в Католическом университете Америки. Перед встречей с экуменическими лидерами и ректорами католических колледжей и университетов он отслужил утреннюю мессу в храме Непорочного Зачатия, где присутствовали несколько тысяч американских монахинь. Обращаясь к понтифику от имени монашеской организации, известной своим воинствующим феминизмом, ее президент, сестра Тереза Кейн, сказала, что женщины должны быть «представлены на всех церковных постах», явно намекая на возможность возведения представительниц слабого пола в духовный сан. Кое-кто из

присутствующих посчитал речь сестры Терезы актом мужества, кое-кто — проявлением дурного тона. Папа внимательно слушал, не произнося ни слова. Сестра Тереза, одетая в деловой костюм, подошла к нему, преклонила колени и поцеловала его кольцо. Посчитав такой поступок выражением слабости, несколько монахинь молча встали в знак протеста. В ответном слове Иоанн Павел заговорил о монашеской жизни, освященной религией и наполненной любовью к Христу.

> Две главные силы управляют вашей жизнью: ваша любовь к Христу — а через него ко всем, кто ему принадлежит, — и Его любовь к вам.
>
> Вот почему каждая из вас нуждается в живом общении с Господом, глубочайшем любовном союзе с Христом, вашим небесным Супругом...
>
> Но любовь Христа к вам гораздо важнее вашей любви к Христу. Он призвал вас, сделал частицей Своего воинства, осенил вашу жизнь благодатью евангелического служения, так что теперь все вы принимаете участие в осуществлении величайшей миссии, возложенной Христом на Церковь, — миссии спасения...
>
> Ваше служение Церкви — это продолжение служения Христу, которому вы посвятили свою жизнь... И потому ваша жизнь отныне вам не принадлежит. Вы должны быть готовы по первому зову отправиться туда, куда пошлет вас Церковь, публично свидетельствовать о Христе, которого вы любите...

То, что произошло в храме Непорочного Зачатия, в особенности речь сестры Терезы, по понятным причинам привлекло всеобщее внимание и широко освещалось в прессе, однако встреча Папы с лидерами других христианских конфессий, состоявшаяся в часовне колледжа Святой Троицы, расположенной через улицу от знаменитого храма, также не прошла незамеченной. Обращаясь к собравшимся, Иоанн Павел подчеркнул, что их должны волновать не только вопросы веры, но и проблемы общественной морали и добродетельной супружеской жизни.

— Добродетельная жизнь и жизнь, исполненная веры, — указал понтифик, — так тесно переплетены, что их невозможно разделить.

Речь Папы вызвала оживленную дискуссию в экуменических кругах, и к ней еще не раз обращались впоследствии.

Визит Иоанна Павла в Вашингтон закончился вечером того же дня мессой на Эспланаде[1], где присутствовало 200 тысяч человек. Зеленое папское облачение шелестело на прохладном осеннем ветру, а сам он напоследок вдохновенно рассуждал о том, с чего Томас Джефферсон в свое время начал Декларацию независимости, — о неотъемлемом праве на жизнь. «Ничто, — убежденно говорил Иоанн Павел, — не может сравниться с величием и достоинством человеческой личности», а потому Церковь «встает на защиту человеческой жизни всякий раз, когда ей угрожает опасность», будь то аборты, жестокое обращение с детьми, экономическая несправедливость, любая форма эксплуатации, пренебрежение к больным, старикам и так далее. Поступая таким образом, продолжал понтифик, католическая Церковь служит идеалам, провозглашенным одним из благороднейших деятелей американской истории. Разве не Джефферсон говорил о том, что «забота о жизни человека и его счастье, а не их разрушение является справедливой и единственно законной целью хорошего правительства»? Первый Папа, которому довелось проповедовать под сенью памятника Вашингтону, рядом с Капитолием и мемориалом Линкольна, заключил свою речь словами благодарности всем тем американцам — представителям «других христианских церквей, всем мужчинам и женщинам, воспитанным в иудейско-христианской традиции, а также всем людям доброй воли», которых объединяет «приверженность благородному делу защиты жизни во всей ее полноте и отстаивания прав человека».

АВТОРИТАРИЗМ ИЛИ АВТОРИТЕТ?

Американское паломничество Иоанна Павла II широко освещалось в прессе. Тон публикациям задал броский заголовок в журнале «Тайм» — «Иоанн Павел-суперзвезда», высветивший один из важнейших аспектов этой во всех отношениях замечательной недели, а именно: магнетическое воздействие понтифика на публику. Однако некоторые из его выступлений подняли вопрос, который беспокоил многих комментаторов со времени избрания Кароля Войтылы на пост главы Ватикана. Как может этот страстный поборник и убежденный защитник прав человека быть та-

[1] Часть музейно-парковой зоны между Капитолием и мемориалом Линкольна.

ким «доктринером» в подходе к проблемам, которые, по мнению представителей масс-медиа, были самыми животрепещущими для современного римского католицизма: контроль над рождаемостью, аборты, развод, посвящение женщин в духовный сан? «Тайм» выразил чувства многих, когда утверждал в своей обзорной статье, что речь Папы перед епископами явилась еще одним доказательством «того, что христианство — это скорее совокупность застарелых догматов, нежели вера, которую надлежит приспособить к требованиям современности».

Сам Иоанн Павел II считал такое противопоставление ложным. Если говорить кратко, в основе христианства стоит личность Иисуса Христа. Церковь, свидетельствуя о Христе, исходит из того, что представление главных истин веры должно учитывать особенности эпохи и культуры, в которых оно происходит. Речь понтифика в ООН служит прекрасным примером подобного сочетания доктрины и культуры. Незыблемая библейская истина о достоинстве человеческой личности, помещенная в контекст современной философии и политической теории, дала начало новой форме христианского гуманизма с его защитой прав человека.

Однако гибкость церковной доктрины не бесконечна. Церковь является хранительницей истин — ее еще традиционно называют «сокровищницей веры», — но она перестанет быть таковой, если начнет кромсать эти истины в угоду кому-то. Другими словами, есть определенные пределы, которые важны не только сами по себе, но и для развития вероучения, ибо, если таких пределов не будет, как узнать, является ли то или иное предлагаемое изменение подлинно христианским или нет? В то же время не может быть никаких пределов щедрости Церкви, когда она проповедует истины, хранительницей которых является. Как сказал понтифик, обращаясь к епископам в Чикаго, истина всегда должна проповедоваться с любовью.

Защищать истины веры не значит быть «доктринером». Это означает серьезное отношение к вопросам вероучения. Провозглашая эти истины в качестве епископа Рима, Иоанн Павел обнародовал не личные воззрения Кароля Войтылы на католицизм. Он изложил суть традиции, для которой был не хозяином, а слугой. В данном случае он выступал не как авторитарный диктатор, а как рупор авторитетной традиции.

Тонкость подобного различия было нелегко уловить в культурной атмосфере Соединенных Штатов, где доктринальные рас-

хождения как внутри различных религиозных общин, так и между ними зачастую считаются делом личного выбора, а не вопросом истины. Еще труднее было это сделать в окружении средств массовой информации, для которых вознесение политиков на пьедестал и их низвержение давно стали общим местом, а практически любое утверждение можно оспорить. Однако, не уяснив разницу между *авторитаризмом* и *авторитетом*, невозможно понять отношение Иоанна Павла II к своей должности и к той ответственности, которую она на него возлагает.

НЕЗАВЕРШЕННОЕ ДЕЛО

Миновала первая годовщина избрания Иоанна Павла, а уже через три недели он приступил к очередному эксперименту по управлению Церковью.

Хотя Коллегию кардиналов порой называют церковным сенатом, на протяжении многих веков она собиралась в полном составе только для избрания Папы. Большинство кардиналов присутствовали также при назначении в Коллегию новых членов. Но подобные назначения являются прерогативой Папы, а Коллегия лишь формально одобряет их. Иоанн Павел намеревался использовать этот орган значительно чаще. Подобная идея уже обсуждалась кардиналами на их встречах перед конклавами 1978 г. По мнению понтифика, Коллегия кардиналов разделяет с ним sollicitudo omnium ecclesiarum [заботу обо всех (местных) церквах], а также о Церкви вообще. Быть кардиналом — это не личная привилегия, а корпоративная ответственность за Церковь в целом, которую кардиналы несут вместе с Папой и под его руководством. Итак, 5 ноября 1979 г. Иоанн Павел созвал кардиналов на первое «пленарное заседание», на котором присутствовали 120 человек. Впервые за 400 лет Коллегия собралась не по поводу избрания Папы.

Во вступительном слове Иоанн Павел сказал, что хотел бы посоветоваться с кардиналами по нескольким вопросам, и предложил им в дальнейшем самим выбирать темы для дискуссий, причем уточнил, что будут рассматриваться как устные, так и письменные предложения. Понтифик остановился на ряде проблем, периодически возникающих при воплощении в жизнь решений Второго Ватиканского Собора, что «остается главной за-

дачей Святого Престола». Одна из этих проблем — правильное понимание свободы Церкви, которая всегда считалась «свободой для», а не «свободой от». Необходимо также возродить «солидарность» внутри Церкви, которую слишком часто раздирают противоречия. Эта солидарность, предполагая более эффективный обмен ресурсами между «богатой и свободной» Церковью и Церковью «бедной и униженной», должна послужить стимулом для нового понимания евангелизма, к чему в свое время призвал и Второй Ватиканский Собор. Пришло время возродить энтузиазм и страсть проповедничества — еще одна заповедь Собора.

Иоанн Павел просил у кардиналов совета по трем конкретным вопросам: реструктуризация Римской Курии, возрождение Папской академии наук и плачевное состояние финансов Ватикана. По третьему, наиболее щекотливому вопросу Папа высказался обиняками: необходимо, сказал он, «обратить внимание на экономические ресурсы». Дело в том, что начиная с 1970 г. бюджет Святого Престола имел постоянно увеличивающийся дефицит и надо было что-то делать, чтобы привести расходы в соответствие с доходами.

Ни один из предложенных вопросов — ни мелкий, ни крупный — так и не был решен в ходе четырехдневного заседания, однако важно было создать прецедент подобных консультаций. Вновь образованному органу — Комиссии кардиналов — предписывалось выработать рекомендации по выходу из финансовых затруднений.

Пять дней спустя, 10 ноября, Папская академия наук торжественно отметила столетие со дня рождения Альберта Эйнштейна. Обращение Иоанна Павла II, приуроченное к этому событию, явилось первой попыткой преодолеть веками существовавшую пропасть между Церковью и наукой. Поскольку дело Галилея символизировало начало этого противостояния, Иоанн Павел не побоялся высоко оценить «величие Галилея» и признать, что тот «немало пострадал... от рук священнослужителей и от действий церковных институтов». Понтифик выразил надежду, что «богословы, ученые и историки, вдохновленные идеей сотрудничества, глубже изучат дело Галилея и, откровенно признав несправедливости, с какой бы стороны они ни исходили, положат конец недоверию, которое по-прежнему существует в сознании многих и мешает плодотворному взаимодействию науки и веры...»

Через неделю после того, как он в присутствии ученых подтвердил, что истина, каков бы ни был ее источник, не перестает

быть истиной, Иоанн Павел продолжил рассуждения о разуме и вере в своей римской альма-матер, ныне официально именуемой Папским университетом святого Фомы Аквинского, но оставшейся для всех, как и прежде, «Angelicum'ом». Понтифик говорил о непреходящем значении для философии и богословия Фомы Аквинского, «который был глубоко человечен, поскольку был глубоко верующим христианином, и именно потому, что он был глубоко верующим христианином, он был глубоко человечен». По мнению Иоанна Павла, открытость Фомы Аквинского для восприятия «реальности во всей ее полноте, во всех проявлениях и формах» чрезвычайно важна для сегодняшних студентов, воспитанных в разреженном культурном климате. Подобная открытость в восприятии целостной реальности, отметил Папа, «является существенной отличительной чертой христианской веры».

Меньше месяца спустя, 15 декабря, вопрос о церковном понимании истины встал вновь, когда Конгрегация доктрины веры решила выяснить кое-какие доктринальные тонкости с одним из наиболее известных католиков-диссидентов, швейцарским богословом Хансом Кюнгом, долгое время занимавшим пост профессора католической теологии в Тюбингенском университете (Западная Германия). Красавец и прекрасный оратор, Кюнг олицетворял собой новое явление в католической Церкви после Второго Ватиканского Собора — диссидентствующий богослов и одновременно звезда мировых средств массовой информации. В свое время Кюнг проделал огромную работу, заранее оповестив католиков всего мира о том, какие вопросы будут обсуждаться на Соборе. Его докторская диссертация, в которой говорилось о сходстве, чуть ли не тождестве, католического понятия «оправдания» и теологии Карла Барта, выдающегося протестантского богослова нынешнего столетия, явилась несомненным новаторством в экуменической теологии. Однако, по мнению некоторых коллег Кюнга, его интеллектуальное детище с годами утратило свой блеск. Других беспокоило то, что швейцарец, избалованный вниманием средств массовой информации, ныне больше склонен делать сенсационные заявления, нежели заниматься повседневной внутрицерковной работой. Сам Кюнг никогда не скрывал своей позиции. По некоторым вопросам, в том числе относительно того, может ли Церковь выступать с обязывающими и неизменяемыми доктринальными определениями, руководствуясь принципом папской непогрешимости, Кюнг имел иное мнение и не соби-

рался проповедовать в качестве истины то, что не совпадало с его убеждениями, даже если католическая Церковь выдавала это за истину.

Пятнадцатого декабря 1979 г. Конгрегация доктрины веры вынесла официальное решение по делу Ханса Кюнга. Поскольку Кюнг не учит тому, чему учит Церковь, он «не может считаться католическим богословом». Его звание профессора католической теологии было аннулировано.

Дело Кюнга получило скандальную огласку во всем католическом мире, особенно в богословских кругах. Естественно, что прессу в основном занимало несогласие Кюнга с принципом папской непогрешимости, провозглашенным на Первом Ватиканском Соборе. Как писали германские епископы, выступившие в защиту решения Конгрегации доктрины веры, главным здесь был древний догмат о том, что Святой Дух охраняет Церковь и не дает ей впасть в существенную ошибку. В целом с этим был согласен и Кюнг, однако он считал, что это не мешает Церкви совершать «конкретные ошибки в определениях, касающихся веры», даже в том случае, когда «церковные магистры объявляют [эти определения] истиной в последней инстанции». Конгрегация доктрины веры не могла принять подобный тезис, поскольку он ставил под сомнение фундаментальное положение христианства, основанное на вере в Святого Духа, о том, что Церковь следует истине, которую сама же авторитетно провозглашает. Германские епископы, которых вряд ли можно было обвинить в богословском обскурантизме, согласились с решением Конгрегации.

Ханса Кюнга не отлучили от Церкви и даже не лишили духовного сана. Он продолжал преподавать в Тюбингенском университете, но уже не в качестве профессора католической теологии. Со временем интерес к нему со стороны средств массовой информации угас. Теперь, когда Кюнг перестал быть официально признанным католическим богословом, его расхождения с Церковью по вопросам вероучения уже никого не занимали.

В день, когда Конгрегация выносила свое решение, Иоанн Павел II отправился на пьяцца делла Пилотта близ Пантеона, чтобы встретиться со студентами и преподавателями Папского григорианского университета, основанного в 1551 г. Святым Игнатием Лойолой. В своем выступлении понтифик намеревался остановиться на особом вкладе, вносимом теологией в осуществление проповеднической миссии Церкви, которая является свидетелем истины о человеке.

Он начал с того, что высоко оценил заслуги иезуитов — основателей университета, которым удалось найти «союзников» богословия в лице представителей искусства и науки. С тех пор наука значительно продвинулась по пути специализации, однако «основополагающее требование — принимать во внимание ее успехи в том, что касается человека и его жизни», и по сей день остается в силе, и им должна руководствоваться практическая теология.

Современная теология продолжает искать союзников и в других интеллектуальных сферах, в том числе в философии. Сегодня богословие нуждается в диалоге с современной философией, а не только с великими мыслителями и системами прошлого. «Не надо бояться, — призвал Иоанн Павел, — величайших достижений современной мысли». То, что углубляет наше понимание «истины» о человеке, углубляет и наше понимание Христа-искупителя. Конечно, не каждая современная философия может стать союзницей богословия. Некоторые философские течения «настолько слабы или ограниченны», что любой диалог с ними попросту невозможен. Сегодня богословы должны взять на вооружение принцип, который два тысячелетия назад предложил святой апостол Павел в послании к фессалоникийцам: «Все испытывайте, хорошего держитесь» (1 Фес. 5.21).

Теология, продолжал Иоанн Павел, — это не умозрительные религиозные штудии, существующие вне Церкви, которые можно уподобить бесстрастному естествоиспытателю, изучающему интересный природный феномен. Теология — это «духовная наука», которая «произрастает внутри Церкви и служит ее целям». Следовательно, ее развитие, несомненно предполагающее проницательную критическую оценку сделанного, должно базироваться на «ответственном осмыслении наследия» христианской мудрости. Настоящее теологическое образование, развивал далее свою мысль понтифик, начинается не с критического ниспровержения традиции, а с ее изучения.

Теология также неразрывно связана с благочестием. Истинная теология — это встреча с Христом, а истинное богословское учение является способом «передать молодежи его живой опыт». Теология существует не для себя, а для Церкви и для «формирования христиан». Богословам следует «работать ради истины мужественно и открыто, избегая предубежденности и узости мысли». Как писал Фома Аквинский, богословы должны стремиться к «совершенству истины», а не к совершенствованию собственных навыков.

Менее двух недель спустя, 28 декабря, Иоанн Павел II назначил отца Карло Марию Мартини, ректора Папского григорианского университета, архиепископом Миланским — пост, считавшийся самым престижным в итальянской иерархии. Дело Кюнга породило слухи о том, что Папа якобы начал войну против теологов. Выступление Иоанна Павла в Григорианском университете и назначение Мартини, всемирно признанного ученого, возглавлявшего одно из ведущих теологических заведений, должны были продемонстрировать, что подобные слухи абсолютно беспочвенны.

ПЕТР И АНДРЕЙ

Вскоре после избрания Иоанн Павел II вызвал к себе кардинала Йоханнеса Виллебранда, президента Секретариата содействия христианскому единству, и попросил начать подготовку визита в Константинопольскую епархию, к Вселенскому православному Патриарху Димитриосу I. После Второго Ватиканского Собора римско-католические и православные делегации обменивались регулярными визитами, приуроченными к праздникам святых покровителей Римской и Константинопольской (ныне Стамбульской) епархий. Для католиков это 29 июня, день святых апостолов Петра и Павла, а для православных — 30 ноября, день святого Андрея Первозванного, кровного брата Петра. По желанию Иоанна Павла его паломничество к Патриарху Димитриосу должно было состояться в конце ноября 1979 г.

Еще в момент избрания Кароля Войтылы на пост главы католической Церкви искренность его экуменических пристрастий вызывала недоверие. Первый же год первосвященства развеял все сомнения. По настоянию понтифика экуменические встречи и совместные службы стали неотъемлемой частью его заграничных поездок. Энциклика Папы «Redemptor Hominis» подтвердила приверженность экуменизму, провозглашенную на Втором Ватиканском Соборе. Халкидонский архиепископ Мелитон, представлявший Патриарха Димитриоса, был тепло принят в Риме 29 июня, в день святых Петра и Павла. Своим кратким визитом в Стамбул Иоанн Павел II намеревался недвусмысленно ориентировать римский католицизм на Восток.

Поляк по происхождению, понтифик вырос на границе католицизма и православия. Он изучал старославянский, традицион-

ный язык богослужения православных славян, послуживший основой многих современных славянских языков. В отличие от большинства польских священнослужителей Кароль Войтыла всегда с глубоким уважением относился к православию с его выразительной литургией и уникальной духовностью. Рассматривая Европу как культурное единство, нынешний понтифик часто сравнивал ее с организмом, который дышит двумя легкими — восточным и западным, причем под «Востоком» и «Западом» в данном случае подразумевались два отличных друг от друга выражения одной культуры, а не два противоборствующих политических лагеря.

Необходимость положить конец противостоянию Римско-Католической Церкви и ее православных сестер Папа ощущал острее некоторых своих коллег-католиков и большинства представителей православия, с которыми ему доводилось беседовать. Его первосвященство пришлось на период перехода от второго к третьему тысячелетию истории христианства. Первое тысячелетие, когда величайшие вопросы христианского вероучения решались Востоком и Западом совместно, было тысячелетием христианского единства. Второе оказалось временем раскола христианства: в 1054 г. Восток и Запад разошлись в вопросах веры, а в XVI в. произошел дальнейший распад западного христианства. Удастся ли на пороге третьего тысячелетия преодолеть хотя бы один из этих барьеров — разногласия между Константинополем и Римом?

На протяжении всего первосвященства это оставалось главной задачей Иоанна Павла. Ради ее осуществления он терпел душевные страдания, глотал насмешки и оскорбления, выслушивал обвинения в наивности и предательстве от своих же коллег, которые не были заинтересованы в «диалоге любви» с Православной Церковью, чьи лидеры были их главными гонителями в период коммунистического правления в России и странах Восточной Европы. Однако ни одно из этих препятствий не смогло поколебать решимости Папы. Он считал своей обязанностью покончить с расколом между Римом и Востоком.

Активное осуществление этой великой мечты началось 28 ноября 1979 г. Иоанн Павел летел в столицу Турции Анкару, где по требованию турецких властей предстояло уладить кое-какие дипломатические формальности, прежде чем состоится его встреча с Димитриосом. На следующее утро понтифик вылетел в Стамбул. В аэропорту его встречал Вселенский Патриарх. Духовные лидеры обнялись, и Папа улыбнулся, не в силах скрыть своего

удовлетворения. В соборе Святого Георгия в Фанаре (квартал Стамбула, где располагается Вселенский Патриархат) Иоанн Павел напомнил собравшимся, что, несмотря на значительные доктринальные расхождения, «две наши церкви-сестры были едины в течение первого тысячелетия христианской истории» и «сохранили величайшую живую традицию» единства. В русле «этой общей апостолической веры» они встречаются сейчас, чтобы «вместе идти к полному единству, нарушенному силой исторических обстоятельств». В ответ Патриарх Димитриос заметил, что их с понтификом встреча «предназначена для будущего — будущего, в котором возродятся живое единство, общая вера, полное единение в Божественном Святом Причастии».

Вечером, после встречи с армянскими католиками и православными, Иоанн Павел отслужил торжественную мессу в стамбульском католическом храме Святого Духа, на которой присутствовали Патриарх Димитриос с синодом, а также другие христианские лидеры. События последних лет, сказал в своей проповеди Папа, «побудили нас вновь обратиться к братству наших церквей и их общности, пусть несовершенной». На завтрашнем празднике в честь святого Андрея «мы не сможем вместе вести богослужение». Но общность в молитве «рано или поздно приведет нас к общности Причастия. Смею надеяться, что этот день близок. Мне бы очень хотелось, чтобы он был близок».

На следующий день Патриарх провел Божественную литургию в честь праздника святого Андрея. Присутствовавший при этом Иоанн Павел вновь подтвердил свою убежденность в том, что «полная общность с Православной церковью является непременным условием дальнейшего прогресса всего экуменического движения». В конце второго тысячелетия, вопрошал папа, «не пора ли ускорить процесс братского примирения», чтобы эффективнее наставлять в христианской вере? В ответ Патриарх Димитриос высоко оценил «талант к свободе», которым обладает Иоанн Павел, и объявил о конкретных результатах своих бесед с Папой: положено начало официальному богословскому диалогу между римским католицизмом и православием на международном уровне.

В тот же вечер Иоанн Павел вылетел в Рим, преисполненный «волнующих чувств», как он сам признался в римском аэропорту. Наместник Петра вместе с наместником Андрея благословили паству по окончании литургии в честь святого Андрея, проведенной согласно ритуалу католической Церкви. Епископ Рима обме-

нялся поцелуем мира с Вселенским Патриархом на православной литургии в честь того же праздника, состоявшейся на следующий день. Это не было полным единением, и замечание Патриарха относительно возможности такового в будущем можно было трактовать по-разному. Однако Иоанн Павел недвусмысленно дал понять, что сам он стремится к полному единению, причем чем скорее, тем лучше.

ЦАРСТВО ТЕНЕЙ

Кремлевские обитатели с ястребиным взором, вероятно, не слишком интересовались взглядами Иоанна Павла на богословские разногласия между римскими католиками и православными христианами или его усилиями по обновлению основ сексуальной этики католицизма. А вот что их действительно интересовало и даже пугало, так это возрастающая роль Йоанна Павла II на международной арене, в особенности его влияние на положение дел во внутренней и внешней сталинских империях — Советском Союзе и странах Варшавского Договора. В одном из официальных советских документов с тревогой отмечалось, что Ватикан начал «использовать религию в идеологической борьбе против стран социализма», что, разумеется, рассматривалось как «агрессия» в отношениях между церковью и коммунистическими властями.

Необходимо было что-то делать. 13 ноября 1979 г. секретариат ЦК КПСС одобрил проект постановления «О борьбе с политикой Ватикана в отношении социалистических стран». Документ был плодом коллективного творчества нескольких авторов, в число которых входил и заместитель председателя КГБ Виктор Чебриков. Среди тех, кто одобрил этот план, были Михаил Суслов, хранитель коммунистического идеологического огня, и два человека, каждому из которых вскоре предстояло стать Генеральным секретарем ЦК КПСС, а фактически — главой Советского Союза: Константин Черненко и Михаил Горбачев.

Контрнаступление включало в себя шесть компонентов. Коммунистические партии советских республик со значительным католическим населением: Литвы, Латвии, Белоруссии и Украины, а также государственное телевидение, Академия наук СССР, ТАСС и «другие организации... Советского государства» должны были

развернуть широкую «пропаганду против политики Ватикана». Коммунистическим партиям Западной Европы и Латинской Америки предписывалось предоставлять как можно больше информации об активизации католицизма в их странах, явившейся результатом деятельности Иоанна Павла II, и одновременно вести собственную антиватиканскую кампанию. Третьим объектом было католическое движение за мир, все увереннее заявлявшее о себе в Северной Америке и Западной Европе. Министру иностранных дел следовало «войти в контакт с представителями католической Церкви, координирующими это движение», с тем чтобы «разъяснить им суть политики Советского Союза, направленной на достижение мира во всем мире».

Четвертый пункт кремлевского плана действий был самым зловещим как в силу неопределенности цели, так и по выбору учреждения, которому предстояло его осуществить. Не только Министерству иностранных дел, но и КГБ предписывалось «повысить качество борьбы с новой восточноевропейской политикой Ватикана». Пункт пятый также касался КГБ: «используя особые каналы» на Западе и подконтрольные средства массовой информации в странах коммунистического блока, КГБ должен был «доказать, что руководство Ватикана в лице нового папы Иоанна Павла II представляет собой опасность для католической Церкви». Между тем Академии наук СССР поручалось тщательно изучать деятельность Церкви во всем мире, обращая особое внимание на «пропаганду научного атеизма».

Через две недели после того, как высшее руководство Советского Союза фактически объявило войну Иоанну Павлу II, Мехмет Али Агджа, молодой турецкий террорист, только что бежавший из тюрьмы, направил письмо в стамбульскую газету «Миллиет». В нем он утверждал, что его глубоко оскорбляет предстоящее паломничество папы в Турцию, которое он рассматривает как попытку «империалистов Запада» развязать «крестовый поход» против «Турции и братских мусульманских государств». «Если этот визит... не будет отменен, — писал в заключение Агджа, — я без малейших колебаний убью верховного понтифика. Таков единственный мотив, заставивший меня бежать из тюрьмы...»

Тени в призрачном царстве вокруг Ватикана начали обретать вполне реальные очертания.

11

ПЕТР СРЕДИ НАС

Вселенский пастырь как апостолический свидетель

16 октября 1979 — апостольское послание «Catechesi Trandendae» завершает работу Синода епископов 1979 г.

14–31 января 1980 — специальное собрание Синода епископов, посвященное Голландии.

24 февраля 1980 — апостольское послание Иоанна Павла II о Евхаристии «Dominicae Cenae».

24–27 марта 1980 — в Риме собирается Синод украинских греко-католических епископов.

5 апреля 1980 — в Польше начинается ежемесячное издание «Оссерваторе Романо».

1 мая 1980 — Иоанн Павел II обращается к Венгерской Церкви с требованием более настойчиво утверждать идеи католицизма.

2–12 мая 1980 — первый визит Иоанна Павла II в Африку.

30 мая — 12 июня 1980 — первый пастырский визит Папы во Францию.

2 июня 1980 — Иоанн Павел II обращается к 109-й сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО.

30 июня — 12 июля 1980 — первый пастырский визит Иоанна Павла II в Бразилию.

16–19 августа 1980 — первый семинар в Кастель-Гандольфо для физиков.

1 сентября 1980 — Иоанн Павел II утверждает приоритет религиозной свободы в послании участникам Совещания по

безопасности и сотрудничеству в Европе, проводившемуся в Мадриде.

26 сентября — 25 октября 1980 — Международный Синод епископов рассматривает роль христианской семьи в современном мире. Иоанн Павел II завершает работу Синода 21 ноября 1980 г. апостольской проповедью «Familiaris Consortio».

15–19 ноября 1980 — первый пастырский визит Иоанна Павла II в Западную Германию.

30 ноября 1980 — вторая энциклика Иоанна Павла II «Dives in Misericordia».

31 января 1981 — Иоанн Павел II назначает Жана Мари Люстиже епископом Парижским.

16–17 февраля 1981 — первый визит Иоанна Павла II в Азию.

В ноябре 1980 г. самолет итальянской авиакомпании «Алиталия» пересек Альпы и направился дальше на север в сторону Кёльна. На границе с Германией самолет Иоанна Павла II был окружен эскортом истребителей «Люфтваффе». Со времени бомбардировок Кракова германской авиацией и следования с толпой беженцев по дороге на Тарнув Кароль Войтыла, вероятно, впервые увидел самолеты с черными рыцарскими крестами. Еще задолго до первого пастырского визита Папы в Западную Германию многие поляки считали, что любому поляку, даже такому знаменитому, как Кароль Войтыла, негоже целовать германскую землю. Историческая память все еще будоражила их души, но, помимо всего прочего, были проблемы более современные, свежие, как новости утренних газет. В Германии насчитывалось немало католиков, совершенно равнодушных к предстоящему визиту «реакционного», по их мнению, Папы; некоторые из них, в том числе и ряд известных германских теологов, и вовсе открыто демонстрировали свою враждебность к нему. Не отличались особым энтузиазмом и протестанты, а наиболее радикальные студенты даже изрисовали стены кёльнских домов надписями «Визит Папы? Нет, спасибо».

Благополучно прибыв в аэропорт, Иоанн Павел II спустился по трапу под проливным дождем, преклонил колени и поцеловал землю Германии.

Однако интерес населения к этому визиту оказался гораздо больше, чем ожидалось. Немецкое телевидение, освещавшее визит Папы по восемь часов в течение пяти дней, отмечало, что количество желающих посмотреть на приезд Папы побило все

предыдущие рекорды. Телекамеры часто выхватывали лицо понтифика крупным планом, и многие немцы увидели то, чего никак не ожидали. Они опасались увидеть самодовольное и самоуверенное лицо высшего церковного иерарха, а им предстало лицо человека, погруженного в мистическое озарение даже во время довольно длительной мессы. Углубившись в молитву, этот человек, казалось, пребывал в каком-то ином измерении, которое просто невозможно описать словами. Словом, немцы увидели перед собой лицо мистика, чего представить себе не могли.

Но меньше всего они ожидали наличия у него чувства юмора. Когда школьники возле кёльнского аэропорта кричали ему с балконов:

— Amo te! Amo te! — Папа добродушно рассмеялся и спросил:

— И это вся ваша латынь?

А после церковной службы в Кёльне все прихожане разразились громкими аплодисментами, когда Папа удачно завершил службу словами святого Павла.

— Я благодарю вас от имени святого Павла, — последовал ответ.

От прежнего недоверия не осталось и следа. Все прихожане поняли, что перед ними не фанатичный сторонник жесткой церковной дисциплины, от которого слова нормального не услышишь, а самый что ни на есть обычный человек.

Кроме того, ограниченный и замкнутый в себе церковный иерарх никогда не позволил бы себе заявить высшему руководству Евангелической церкви, а также лютеранам, что он приехал сюда, желая «припасть к неувядающему духовному наследию Мартина Лютера» и что «мы все грешны» в разрыве уз христианского единства. Любой реакционер, в том числе и польского происхождения, ни за что на свете не признал бы христианский долг перед детьми Авраама, заявив при этом лидерам западногерманской еврейской общины, что никому не дано постичь Христа, отвергая одновременно иудаизм. И какой же вывод сделали «антибуржуазные» радикалы из его заявления перед старейшинами, которых он назвал ценностью, постоянно демонстрирующей ту истину, что «смысл жизни заключается вовсе не в том, чтобы накапливать и тратить деньги»?

На многих германских теологов подобное заявление не произвело абсолютно никакого впечатления, однако некоторые светские оппоненты Папы были слегка шокированы. Президент баварского «Клуба Вольтера» заявил корреспонденту радиостанции

«Свободная Европа», что Иоанн Павел II заметно расширил уже существующий раскол между христианами:

— Я бы предпочел, чтобы этот Папа был менее симпатичным и менее благородным как личность. Его харизма затрудняет наш диалог.

Что же до остальных, то они были гораздо менее деликатны в своих высказываниях. Какой-то голландец, изображая адвоката дьявола, постоянно спрашивал, отчего это Папа, который работает по шестнадцать часов в сутки, никогда при этом не снисходит до физического труда. Внимание публики старалась привлечь также какая-то девушка в костюме Жанны д'Арк и с петлей на шее, которая постоянно повторяла, что она из числа феминисток и что «Церковь, главный враг женщин, очень хотела бы сжечь нас всех на костре инквизиции». Был замечен и какой-то оппозиционно настроенный священнослужитель из Оснабрюка, который то и дело кричал в мегафон, что «нам недостаточно красивых слов, медалей и священных молитв!»

И все же, несмотря на ужасную погоду, по всему пути следования Папы выстраивались огромные толпы народа. И никто из этих людей, и прежде всего сам Иоанн Павел, не считал, что он пытается одним махом разрешить кризис католицизма в Германии или кризис немецкой культуры. Но какие-то потаенные струны германской души ему все-таки удалось затронуть.

За сто десять часов своего визита Иоанну Павлу II удалось преодолеть почти 1800 миль по территории Западной Германии, отслужить семь месс, произнести двадцать четыре обращения к верующим, непосредственно пообщаться с миллионами людей и с еще большим количеством благодаря телевидению. Вероятно, самое запоминающееся событие для Папы-поляка на германской земле произошло в городке Брюль. После встречи с известными общественными деятелями во дворце Шлосс Аугустусбург Иоанн Павел направился в освещенный факелами двор, сопровождаемый президентом страны Карлом Карстенсом и канцлером ФРГ Гельмутом Шмидтом. По обеим сторонам длинной ковровой дорожки, украшенной вазами с желтыми хризантемами, стояли навытяжку бравые музыканты военного оркестра, облаченные в столь знакомые для поколения Папы военные мундиры и характерные военные каски. После исполнения французских, итальянских и английских военных маршей они вдруг заиграли польский национальный гимн, который начинается словами «Польша еще не погибла...»

Иоанн Павел II, медленно шествуя по ковровой дорожке к «папамобилю» «мерседес», на мгновение остановился и с легкой дрожью в голосе шепнул сопровождающим по-польски:

— Какой трогательный момент. Она не погибла! Она действительно не погибла!

ПЕТР И АПОСТОЛЫ

В течение первых двух лет своего понтификата Иоанн Павел II не только стремился к всемерному укреплению роли папства в международной политике, но и старался объяснить, почему Папу принято считать апостолом Петром среди всех епископов католической Церкви.

В «Annuario Pontificio» за 1979 г., толстом ватиканском ежегоднике в красном переплете, отмечалось, что день 22 октября 1978 г. является днем «официальной инаугурации» Иоанна Павла в качестве вселенского пастыря Церкви. У некоторых критиков само название церемонии вызвало чувство раздражения. Не означает ли это, думали они, что у Церкви есть лишь один пастырь — Папа, а все остальные епископы являются всего лишь его заместителями или даже просто управляющими местными отделениями Церкви? Однако первые годы деятельности Иоанна Павла II наглядно продемонстрировали, что он воспринимает свое служение в качестве «вселенского пастыря» через призму Евангелия от Луки, где Христос заповедал Петру: «утверди братьев твоих» (Лк. 22.32). По мнению Иоанна Павла II, эти слова следует интерпретировать в буквальном и в евангелическом смысле. У Папы есть обязанность перед Христом представлять народ Божий, где бы люди ни находились. Эту обязанность традиционное папство стало понимать в конце XX в. как «заботу [Папы] обо всех церквах» (sollicitudo omnium ecclesiarum). Но это отнюдь не означало, что Папа является главным исполнительным чиновником корпорации под названием Римско-Католическая Церковь, при котором все остальные епископы выглядели просто как управляющие ее местными отделениями.

Во всем мире действительно нет ни одной организации, которая могла бы служить аналогией взаимоотношений епископа Рима с Коллегией епископов. Американская правительственная модель — исполнительная власть (Папа) и законодательная власть

(Коллегия или Синод епископов) — совершенно не подходит для этого случая. Не годится также и так называемая Вестминстерская модель: премьер-министр (Папа) и парламент (Коллегия или Синод епископов, а также регулярно собираемый Экуменический совет). Не подходит и модель традиционной корпорации: председатель совета директоров (Папа) плюс определенное количество младших чиновников (епископов). Впрочем, в последнем случае сходство отсутствует практически полностью. Примерно то же самое можно сказать и о моделях так называемого коллективного руководства при авторитарных режимах: первый среди равных (Папа), который не может действовать без согласия или разрешения политбюро или хунты (епископов). Ни одна из вышеуказанных аналогий не может пролить свет на тайну взаимоотношений Папы и епископов, закрепленную в решениях Ватикана II.

Собор подтвердил, что в соответствии с волей Христа Церковь управляется единоначалием Папы и коллегиальной ответственностью епископов. Он указал также, что Папа и находящиеся с ним в согласии епископы в равной степени делят ответственность за всю Церковь, хотя сама Коллегия епископов не может осуществлять свою власть без ее главы — епископа Рима. В этом смысле Папа, являясь епископом Рима, должен воплощать в себе «заботу обо всех церквах», а епископы в точном соответствии со своими обязанностями и в тесном взаимодействии с епископом Рима — проявлять заботу о Вселенской Церкви далеко за пределами их местной юрисдикции. И поскольку Церковь не является политической организацией, единоначалие папы и коллегиальность епископов отнюдь не являются игрой вничью, когда усиление власти епископов неизбежно приводит к умалению власти Папы. Более того, взаимодействие единоначалия и коллегиальности навсегда останется основополагающим началом в жизни Церкви.

Суть Церкви воплощает в себе теологический термин «община». При этом Церковь выполняет много других функций: административные, законотворческие и даже судебные. Однако ее главная сущность заключается все же в общине — объединении братьев и сестер во Христе. Взаимоотношения людей в этом сообществе разительным образом отличаются от всех других взаимоотношений, в которые им приходится вступать в своей частной жизни, так как они основаны на идее Христа, Сына Божия и Спасителя мира. Мужей и жен, родителей и детей, священников и прихожан

объединяют глубокое религиозное чувство и стремление жить в общине себе подобных по законам своей веры.

Папе и епископам надлежит строить свои взаимоотношения на основе коллегиальности. Во всяком случае, теория подобного сосуществования разработана достаточно ясно и в полном соответствии с принципами разума. Епископы, наследники апостолов, образуют некую «коллегию или постоянно действующее сообщество» во главе с апостолом Петром. Христос же возжелал, чтобы как коллегия, так и ее глава стали надежными составляющими неизменной структуры Церкви. И обе эти части, каждая по-своему, несут на себе ответственность «за все церкви». Возникает вопрос: как именно должен осуществляться принцип коллегиальности?

В отличие от многих других епископов — участников Ватикана II — польские церковные иерархи со времен Второй мировой войны приобрели действительно важный опыт коллегиальности. Это был уникальный опыт, воплотивший не только насущные политические реалии, но и безоговорочный авторитет Примаса, кардинала Вышыньского. И тем не менее это был опыт истинной коллегиальности. Польские епископы ежегодно проводили конференции, создали координационный комитет, который руководил работой епископов и принимал ответственные решения между конференциями, и даже образовали особый секретариат в то время, когда в других странах о подобных вещах даже мечтать не могли. Сами же конференции представляли собой собрание весьма авторитетных деятелей, представляющих самые разнообразные сферы жизни: работа с молодежью, студенческое самоуправление, проблемы семейного воспитания и многое другое. Это был по-настоящему полезный обмен мнениями и опытом повседневной жизни людей, сопровождавшийся горячими дебатами. А когда прения, которые, кстати сказать, всегда проходили за закрытыми дверями, заканчивались, наступал период полного и совершенно искреннего единства.

Именно такой опыт коллегиальности Кароль Войтыла принес с собой в Ватикан. Братья епископы, работая совместно, активно обсуждали стратегию церковной жизни и ее самые злободневные проблемы, принимали соответствующие решения, а потом поддерживали друг друга в их практической реализации. Словом, это была та самая коллегиальность, которая укрепляла позиции епископов, Примаса, а заодно и всей церковной общины данного региона. Одной из главнейших обязанностей «вселенского па-

стыря» в понимании Иоанна Павла II было распространение подобной коллегиальности на другие национальные епископаты и в конечном итоге на весь Святой Престол.

И он без устали работал над выполнением этой задачи в течение более двадцати лет. Итоги этого непосильного труда были весьма неоднозначными, но только не по причине отсутствия воли или недостатка усилий с его стороны.

КОЛЛЕГИАЛЬНОСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ В КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ

В январе 1980 г. Иоанн Павел II попытался найти коллегиальное решение одной из наиболее сложных проблем католицизма после Ватикана II — католической Церкви в Нидерландах.

Вплоть до Второй мировой войны голландский католицизм был одним из самых сильных и действенных в мире. Фашистская оккупация страны заставила непримиримых некогда католиков и протестантов позабыть о былых противоречиях и посмотреть друг на друга как на граждан единой страны, которые избавились от прежних предрассудков и готовы жить в мире. Однако подобное примирение неизбежно ослабило столь характерное для голландских католиков чувство идентичности с институциональной Церковью.

А затем наступило время Второго Ватиканского Собора. Голландские епископы приняли самое активное участие в его работе, а после окончания Собора в 1965 г. вернулись домой с неистребимой жаждой проведения всех необходимых реформ. Но их опыт внедрения Соборных решений в корне отличался от того, что делал в это время в Кракове Кароль Войтыла. Решения Собора были немедленно донесены до всех церковных иерархов, однако претворение их в жизнь оказалось в руках людей, которые, несмотря на все свое желание и добрую волю, так и не смогли осознать их истинную глубину. Кроме того, попытки внедрения в жизнь решений Собора совпали по времени с культурными потрясениями второй половины шестидесятых годов, с особенной силой поразившими Нидерланды.

Более того, в некогда спокойной Голландии стали проводиться невиданные ранее радикальные литургические эксперименты, а

так называемый «Новый катехизис» был признан Конгрегацией доктрины веры в Риме как не соответствующий канонам Церкви. В 1970 и в начале 1972 г. назначение двух новых епископов, подвергавших критике тенденции либерализации, посеяло еще более глубокую рознь в и без того поляризованной Голландской Церкви и в особенности в отношениях голландских католиков с Римом. Подобная радикализация и поляризация в церковной общине Нидерландов после Собора шла рука об руку с быстрым оттоком прихожан из местных церквей. И тем не менее проблемы религиозной жизни по-прежнему оставались в поле зрения людей и вызывали неослабный интерес голландцев, страстно обсуждавших их в прессе.

В 1975 г. по настоянию Папы Павла VI Примасом Нидерландов становится кардинал Йоханнес Виллебранд, президент Секретариата по вопросам укрепления христианского единства. Папа возложил на него обязанность содействовать ослаблению противоречий между различными фракциями и прежде всего улучшению отношений между голландскими католиками и Римом. Однако Вилленбранду так и не удалось решить эту задачу, поскольку все это время он разрывался между своими непосредственными обязанностями в Ватикане и престолом Примаса в Утрехте. Таким образом, ко времени смерти Папы Павла VI Голландская Католическая Церковь оказалась в глубоком кризисе, а церковный раскол усилился, к сожалению, даже среди самих епископов. Некоторые из них стали поговаривать даже о схизме — то есть об окончательном отходе от Рима.

В начале осени 1979 г. Иоанн Павел II проживал в Торре Джованни, башне XIX в., которая одновременно служила гостиницей Ватикана, в то время как апартаменты папы в Апостольском дворце подвергались тщательной реконструкции. Однажды вечером он созвал экстренное собрание, посвященное ситуации в Нидерландах. Среди приглашенных были кардинал Касароли, кардинал Виллебранд, архиепископ Мартинес Сомало, епископ Йозеф Томко (словак по национальности и бывший сотрудник Конгрегации по делам епископов, назначенный в июле 1979 г. Генеральным секретарем Синода епископов), а также преподобный отец Ян Шотте. После того как присутствующие несколько раз возвращались к вопросу о том, что можно сделать для оказания помощи Церкви Нидерландов, Папа неожиданно предложил:

— А почему бы нам не созвать Синод?

Разрабатывая законодательную базу для проведения синодов епископов, Павел VI специально зарезервировал возможность «особого собрания», хотя подобная практика ни разу не применялась по отношению к той или иной местной Церкви. И вот теперь группа священнослужителей пришла к выводу, что это тот самый инструмент, который просто необходим им в данный момент: коллегиальная дискуссия с участием голландских епископов и соответствующих официальных лиц Курии во главе с Папой. Именно в такой дискуссии можно было бы обсудить проблемы раскола Голландской Церкви и в то же самое время избежать одностороннего навязывания Нидерландам воли Рима. Папа Иоанн Павел II, который всегда считал, что Святой Дух обретается посредством Синода, очень надеялся, что подобное коллегиальное творчество высших иерархов Церкви поможет залечить раны персонального раздора между голландскими епископами и снова заставит их работать в режиме единой команды.

Собрание епископов, вошедшее в историю под названием «Партикулярный Синод Голландии», проходило в Ватикане с 14 по 31 января 1980 г. В повестку дня Синода были включены наиболее острые вопросы, касающиеся не только голландских епископов, но и всей Голландской Католической Церкви: литургия, религиозное образование, деятельность семинарий и священнослужителей, посвящение в сан и проблемы экуменизма. Что же до самого Синода, то с лингвистической точки зрения это был самый настоящий кошмар. На нем присутствовали семь голландских епископов, не имевших единого языка общения. Кроме того, было столько же чиновников Курии, которые не понимали по-голландски, а один из них, кардинал Джеймс Нокс, не говорил даже по-итальянски. Поэтому отцу Шотту приходилось переводить все и всем. (Однажды во время затянувшейся дискуссии Иоанн Павел II наклонился к нему и прошептал: «Иногда ваш перевод представляется мне более ясным и четким, чем то, о чем говорит этот парень...»)

Более двух недель продолжались напряженные дискуссии и молитвы, после чего торжественной мессой в Сикстинской капелле Синод завершил свою работу. Каждый голландский епископ подписал итоговый документ встречи, включавший сорок шесть положений Синода. И все внезапно осознали, что между ними что-то произошло. После заключительной торжественной мессы два голландских епископа подошли к отцу Шотту и со слезами на глазах сказали ему:

— Почему мы не сделали этого раньше?

Кроме того, голландские епископы решили учредить специальный Совет Синода, который будет ежегодно собираться в Риме под руководством Генерального секретариата Синода епископов для совместного обсуждения своих проблем и претворения в жизнь решений, принятых Голландским синодом. Работа этого Совета не прерывалась в течение всего периода понтификата Иоанна Павла II.

Синод, таким образом, создал своеобразный механизм сотрудничества епископов в рамках конференции для решения важнейших задач их пастырской деятельности. Утверждать, что он добился чего-то большего, было бы явным преувеличением. Когда епископы вернулись домой, оказалось, что претворение в жизнь ранее принятых на Синоде решений происходит в разных епархиях по-разному, а расхождения во взглядах на роль Церкви и ее отношение к современному обществу не исчезли, как, впрочем, не исчезли и различия в семинарском образовании. И все же епископы, которые с тех пор постоянно общались друг с другом, весьма серьезно относились к принципу коллегиальности. В ряде случаев подобная коллегиальность действительно способствовала достижению заметных успехов при решении кризисных ситуаций.

Еще одним серьезным кризисом местного масштаба, с которым Папа Иоанн Павел II столкнулся самым непосредственным образом, было положение в Украинской Греко-Католической Церкви. Правда, здесь ему предстояло решить совершенно иной набор проблем.

Чтобы избежать осложнений накануне предстоящего визита Папы в Польшу в июне 1979 г., его письмо украинскому кардиналу Иосифу Слипому от 19 марта 1979 г. было опубликовано лишь по возвращении Папы в Ватикан. В этом письме он защищал Брестскую унию 1596 г., во время которой украинцы изъявили желание присоединиться к Риму и одновременно сохранить свою восточную обрядность. Кроме того, Папа выражал сочувствие миллионам верующих, «которые терпят лишения и несправедливости ради Христа» и тем не менее «демонстрируют верность святому Кресту и Церкви». В таком же духе Папа призывал всячески противодействовать попыткам Советской власти уничтожить Греко-Католическую Церковь, доказывая, что такая политика Кремля и Русской Православной Церкви, формально отделенной от государства, но на деле находящейся от него в полной

зависимости, противоречит основным положениям Всеобщей декларации прав человека. Многие сотрудники Секретариата по укреплению христианского единства, пытаясь избежать конфликта с руководством Русской Православной Церкви, считали подобное отношение ошибочным.

Протест православной Патриархии (и, вероятно, Кремля) был выражен незамедлительно и состоял в отмене совместного теологического коллоквиума между представителями Римско-Католической и Русской Православной Церквей, который должен был пройти в Одессе. А митрополит Ювеналий, представитель отдела внешних сношений Патриархии, направил кардиналу Виллебранду, президенту Секретариата по укреплению Христианского единства, послание, в котором настоятельно просил разъяснить «истинный смысл» папского письма и обещал выступить с «публичной критикой» в том случае, если он и его коллеги не будут удовлетворены ответом.

Папа, однако, был преисполнен решимости во что бы то ни стало взять под защиту право украинцев на религиозную свободу. Он знал, что они ощущают себя преданными Восточной политикой Павла VI и его экуменическими попытками найти общий язык с руководством Русской Православной Церкви, и всячески стремился подчеркнуть, что не пожертвует принципом религиозной свободы ради абстрактного экуменического диалога, который к тому же постоянно осложнялся весьма запутанными отношениями между Московской Патриархией и кремлевской властью. Одним из наиболее ярких примеров такой обеспокоенности было письмо Папы кардиналу Слипому, датированное мартом 1979 г. Подобные настроения были высказаны и во время Синода греко-католических епископов, которые по инициативе Папы собрались в Ватикане 24 марта 1980 г. со всего мира и представляли интересы многочисленной украинской диаспоры.

Поскольку кардиналу Слипому было уже далеко за восемьдесят, особое внимание на этом Синоде было уделено его будущему преемнику, который смог бы обеспечить в обозримом будущем преемственность власти в Украинской Греко-Католической Церкви, даже если ее представители все еще находятся в изгнании (в основном в Северной Америке и Австралии). Кроме того, было немало и других важных проблем, обсуждение которых не терпело отлагательства: продолжающаяся борьба украинцев за право называть епископа Львовского Патриархом, противоречия, связанные с допуском женатых мужчин к сану священников в укра-

инской диаспоре, насущные императивы экуменического движения и прежде всего обеспечение поддержки подпольной деятельности Греко-Католической Церкви в самой Украине.

Синод продолжал работу четыре дня. На заключительном заседании Иоанн Павел II подтвердил сделанный ранее выбор Синода и согласился назначить преемником кардинала Слипого Мирослава Ивана кардинала Любачивского, которого он еще в прошлом сентябре утвердил в качестве греко-католического архиепископа Филадельфийского. Это означало, что Любачивский унаследует пост архиепископа Львовского после смерти кардинала Слипого. Таким образом историческая преемственность власти в Украинской Греко-Католической Церкви была обеспечена, однако все другие важные вопросы решить не удалось. Выразив намерение всячески защищать религиозные права греко-католиков, Папа тем не менее подтвердил свое желание содействовать по мере сил и возможностей развитию и укреплению экуменических отношений с Русской Православной Церковью — самой крупной православной организацией в мире. Выполнение этих двух весьма противоречивых задач, осложненных как нетерпимостью и страстностью украинских епископов, так и давлением сторонников более тесных связей с Русской Православной Церковью, явилось одной из самых деликатных и противоречивых проблем понтификата Папы Иоанна Павла II.

Два месяца спустя, 29 мая 1980 г., Иоанн Павел во второй раз встретился с участниками ежегодной Конференции итальянских епископов. За семнадцать месяцев своего папства он осуществил двадцать девять пастырских визитов в церковные приходы Рима и посетил в общей сложности большее количество городов — Ассизи, Монте-Кассино, Канале-Адордо и Беллуно, Тревисо, Неттуно, Лоретто, Анкону, Помецию, Помпеи, Неаполь, Норчию и Турин, — чем все его итальянские предшественники, включая Иоанна XXIII и Павла VI. Словом, он был сейчас в гораздо лучшем положении, которое позволяло ему анализировать сложившуюся ситуацию в Церкви и предлагать некоторые рекомендации по ее улучшению.

И пусть итальянский католицизм многим кажется упадочным, пусть высокая итальянская культура неравнодушна к марксизму, пусть политическая жизнь страны насквозь пронизана коррупцией и парализована городским терроризмом и бандитизмом. Хотя в такой ситуации итальянские католики и их пастыри, возможно, заразились чувством собственной маргинальности, Папа Иоанн

Павел предложил совершенно другую точку зрения на их жизнь. Итальянцы, неустанно твердил он, выступая перед епископами, являются народом «религиозным, католичество пустило глубокие корни в их душах, и этот неизгладимый след постоянно проявляется в повседневной жизни, в семейных традициях, в каждодневных пристрастиях, в их гражданском обществе, в высокой и глубоко нравственной деятельности благотворительных институтов, как, впрочем, и в религиозной архитектуре, в изящных искусствах и утонченной литературе».

Именно это он видел в своих многочисленных поездках и именно поэтому хотел, чтобы епископы стремились к реевангелизации страны.

— Вы, — говорил он им, — ...несете ответственность за состояние Церкви в своей стране независимо от национального происхождения Папы.

Особое внимание при этом Иоанн Павел уделял социальной активности католиков, их религиозному образованию и воспитанию, семейной жизни, проблемам молодежи, считая все это важнейшей частью пастырского служения народу. Это был в высшей степени откровенный и страстный разговор со своими духовными коллегами, предназначенный для широкого круга людей, и в то же самое время очередная попытка Иоанна Павла подтолкнуть епископов к более праведному и более евангелическому пониманию своей роли в современном обществе.

Две недели спустя, 13 июня, Иоанн Павел отправил Итальянской Церкви апостольское послание «Amantissima Providentia» [«Исполненное любви Провидение Бога»], посвященное шестисотлетию со дня смерти Екатерины Сиенской — одной из наиболее почитаемых в Италии покровительниц страны, женщины, которая всеми силами старалась заставить епископов исполнять свой священный долг.

В августе и сентябре того же года Папа отправился в пастырскую поездку по ряду регионов страны — область Абруцци, в Веллетри и Фраскати, в Сиену, Кассино, Отранто и Камповерано. А в ноябре, когда южные районы страны постигло ужасное землетрясение, Папа Иоанн Павел отправился туда, чтобы засвидетельствовать свою солидарность с жителями пострадавших районов, включая селение Бальвано, где под развалинами местной церкви были погребены почти все члены этого прихода, и в том числе много детей, пришедших туда на воскресную службу.

Примас Италии, который совсем недавно призывал братьев во Христе, итальянских епископов, к реевангелизации страны, стремился словом и делом внести посильный вклад в это благородное дело и не упустил такой возможности даже во время встречи с Итальянским союзом парикмахеров 16 июня.

У себя на родине Иоанн Павел продолжал наращивать усилия по укреплению Церкви, начало которым было положено еще во время его первого визита в июне 1979 г. С 5 апреля 1980 г. в Польше стала ежемесячно выходить ватиканская газета «Оссерваторе Романо», главным издателем которой стал известный польский священник преподобный Адам Бонецкий. Это был еще один важный инструмент в борьбе за влияние в Польше. Газета подробно информировала соотечественников Папы о его деятельности и взглядах на важнейшие проблемы католицизма. Как и в еженедельных изданиях в Англии, Франции, Германии, Испании и Португалии, там публиковались важнейшие папские послания, проповеди и другие документы Церкви.

Если поляки издавна были правоверными католиками, то с Венгерской Католической Церковью дела обстояли намного хуже. С тех пор как ярый антикоммунист кардинал Миндченти в результате Восточной политики Павла VI оставил Будапешт, крупнейшие церковные иерархи Венгрии все больше приспосабливались к правящему режиму, и в конце концов Церковь оказалась в ужасающем положении. Несмотря на то что почти шестьдесят процентов жителей страны являлись крещеными католиками, в лучшем случае около четверти из них изредка посещали церковь, и только третья часть этих «активных католиков» принимала регулярное участие в богослужениях. Партийно-государственный аппарат Венгрии контролировал все религиозные учреждения страны, вмешивался в религиозное образование, подвергал цензуре религиозные издания и даже влиял на назначение приходских священнослужителей. В 1976 г. средний возраст католических священников равнялся примерно шестидесяти семи годам, а в некоторых приходах миряне не видели новых священников в течение многих лет.

В декабре 1978 г., то есть вскоре после своего избрания Папой, Иоанн Павел попытался вдохнуть жизнь в деятельность венгерских епископов и обратился к ним со специальным посланием. Четыре месяца спустя, во время торжественного празднования 400-летия Венгерской католической коллегии, он встретился в Риме с Примасом Венгрии кардиналом Ласло Лекаи, лидером

той самой партии, которая выступала за сотрудничество с властями. Вскоре после этого Ватикан посетили и некоторые другие венгерские епископы. В ходе этих встреч Иоанн Павел наконец-то получил возможность утвердить четырех новых епископов на освободившиеся престолы в этой стране. И вот теперь он решил, что настало время еще раз обратиться ко всем верующим католикам Венгрии с особым посланием, посвященным проблемам развития религиозного образования. Это послание, датированное 1 мая 1980 г., начиналось с напоминания о том, что «каждый должен ознакомиться с катехизисом», а далее в письме содержался настойчивый призыв к епископам и священнослужителям Венгрии относиться к религиозному образованию с соответствующей ответственностью и всячески ему содействовать. Это была серьезная попытка собрать воедино всю Венгерскую Католическую Церковь и не допустить ее дальнейшей маргинализации. Правда, для этого требовалось совершенно новое и в высшей степени энергичное руководство. Когда Иоанна Павла спросили о возможном пастырском визите в эту страну, он сказал:

— Папа посетит Венгрию только тогда, когда ее кардинал научится громко стучать кулаком по столу.

МОЛОДЫЕ ЦЕРКВИ

Одновременно с усилиями по активизации деятельности голландских, украинских, итальянских и венгерских епископов Иоанн Павел обратил свой взор на юг, в сторону Африки, куда собирался нанести в ближайшее время первый пастырский визит. Никто из лидеров мирового масштаба за последние двадцать лет двадцатого века не уделял столь пристального внимания Африке, как Иоанн Павел II. После непродолжительного воодушевления в связи с завершившейся недавно деколонизацией и неожиданно возникшими противоречиями по поводу системы апартеида Африка стала постепенно превращаться в забытый континент. Единственным мировым институтом, который продолжал настаивать на том, что Африка с ее 450-миллионным населением не должна оказаться на задворках всемирной истории, была Римско-Католическая Церковь.

Духовенство африканских церквей с энтузиазмом восприняло избрание Иоанна Павла, что еще раз подтвердило вселенское

значение католицизма и в особенности присутствие в нем новых мирян, каковыми они себя сами считали. «Поскольку африканцы являются новыми почитателями Христа, — заявил однажды нигерийский кардинал Фрэнсис Аринзе, — за исключением, разумеется, египтян и эфиопов, это приятное чувство принадлежности к великой Церкви и к тому же не в качестве второсортных граждан является чрезвычайно важным. В особенности если учесть, что в мировой политике Африку считают даже не второсортным, а третьесортным членом». Кардинал Аринзе выразил убеждение, что Папа Иоанн Павел приехал в Африку прежде всего для того, чтобы «помочь людям осознать тот важный факт, что человек должен привлекать к себе внимание не только из-за своей принадлежности к христианству, а просто из-за того, что все люди находятся в доме своего Отца». Благообразный облик Папы стал мгновенно известен по всему континенту, а все находящиеся там поляки стали вдруг замечать, что к ним обращаются со словами «Ндуйю йд Папа» [«брат Папы»].

Первый африканский вояж Иоанна Павла начался 2 мая, когда его самолет «ДС-10» компании «Алиталия» после семичасового перелета из Рима благополучно приземлился в аэропорту Нджили, что неподалеку от Киншасы, столицы Заира. Папу встречал многолетний диктатор этой страны Мобуту-Сесе-Секо. А рядом с ним находилась его законная супруга, с которой он сочетался браком за день до прибытия Папы. В честь этого визита Мобуту позволил своему народу двухдневные празднества, и поэтому дорога в Киншасу была запружена огромными толпами встречающих, приветливо помахивающих маленькими бело-желтыми папскими флажками. Припав губами к земле Африки, Иоанн Павел обратился к народу с простыми и доступными для всех словами:

— Я прибыл к вам как пастырь, верный слуга Иисуса Христа и преемник Святого Петра. Прибыл как человек веры и посланник мира и надежды.

А в кафедральном соборе Киншасы его приветствовал кардинал Джозеф Малула, который еще в 1978 г. заявил журналу «Тайм» перед вторым конклавом: «Все это имперское убранство, вся эта таинственная изоляция Папы, все эти средневековые пережитки, заставляющие европейцев считать свою Церковь исключительно западным явлением, — все это не дает им возможности понять, что молодым странам, к которым принадлежу и я, нужно нечто другое. Нам нужна простота. Нам нужен Иисус Христос. А все эти пережитки прошлого должны измениться».

И вот теперь он слышит, как Папа, которого сам избирал некоторое время назад, обращается к нему и к его африканским братьям-епископам со словами Петра и заверяет их, что готов обменяться с ними свидетельствами веры. В тот же вечер Иоанн Павел нанес президенту страны Мобуту и другим членам правительства визит, в ходе которого еще раз подчеркнул свою убежденность в том, что религиозная свобода чрезвычайно важна для социального развития Заира. Затем он отправил послание в Кремль, в котором выразил уверенность в том, что «если все проблемы Африки будут решаться без какого бы то ни было вмешательства извне, то этот в высшей степени положительный опыт может оказаться весьма эффективным и на других континентах». Поздно вечером того же дня в посольстве Ватикана в Киншасе Папа имел продолжительную беседу с шестью заирскими епископами и в конце концов впервые отужинал на Африканском континенте. На стол были поданы блюда из морского окуня, креветок и местных фруктов, приготовленные единственным в столице итальянским ресторатором.

Папская месса в церкви Святого Петра в Киншасе, которую он отслужил на следующее утро, была типичной для подобного рода литургии и неоднократно проводилась в последующие дни визита. Началась она на французском, потом сопровождалась гимнами на суахили и других местных наречиях и наконец завершилась молитвой Господу на латыни. В своей проповеди Иоанн Павел решительно оспорил мнение о том, что моногамия, которая всегда была большой проблемой для привыкших к полигамии традиционных обществ, имеет исключительно «западное происхождение». Он напомнил прихожанам, что она всегда была в основе гуманистической традиции «божественного вдохновения», вполне приложимого ко всем без исключения культурам и конкретным обстоятельствам жизни. В то же время он воздал хвалу чисто африканским традициям супружеского постоянства, уважения к матери и детям, социальной солидарности и почитания предков, что само по себе способствует укреплению семейных уз. Кроме того, он призвал местное духовенство превратить подготовку к браку в важнейшую часть пастырского служения в Африке. После встречи с епископатом Заира и посещения кармелитского монастыря Иоанн Павел направился в столичную больницу для больных проказой, где благословил каждого из несчастных пациентов.

В воскресное утро 4 мая миллион жителей Заира и других государств Африканского континента заполнили площадь перед

Народным дворцом Киншасы, где Иоанн Павел торжественно возвел в сан восемь новых епископов Африки — четырех представителей Заира, одного из Джибути, двоих граждан Бурунди и одного суданца. После продолжавшейся почти все утро торжественной церемонии Папа встретился с африканскими студентами и представителями интеллектуальной элиты, однако ему пришлось отменить «культурный вечер», организованный в его честь. Свой поступок он объяснил соболезнованием по поводу невероятной давки перед входом на площадь, в результате которой восемь человек были затоптаны насмерть, а еще восемьдесят получили серьезные увечья. Папа ничего не знал о случившемся до тех пор, пока сам президент Мобуту не сообщил ему об ужасной трагедии.

Затем последовала встреча Папы с польскими миссионерами в Заире, во время которой он еще раз подчеркнул, что считает процесс рождения молодой нации и связанное с ним «волнующее чувство начала» явлением «в высшей степени замечательным». И в этой связи он вынужден был ответить, хотя и не напрямую, своим критикам в Риме:

— Многие думают, что Папе вовсе не следует так часто путешествовать. Что ему нужно сидеть в Риме, как в прежние времена. Я часто слышу подобные советы или читаю их в газетах. Но здешние жители постоянно говорят мне: «Слава Богу, что вы приехали к нам, поскольку только так вы могли узнать о нашем существовании. Как вы можете быть нашим пастырем, ничего не зная о нашей жизни? Не подозревая о том, кто мы такие, как живем и через какой исторический период времени проходим в данный момент?» Это еще больше укрепляет во мне веру в то, что для епископа Рима настало время... быть преемником не только Петра, но также и святого Павла, который, как нам хорошо известно, никогда не сидел на одном месте и постоянно находился в движении.

Он оставил им образ Богоматери из Ченстоховы, чтобы «у вас, на вашем черном континенте, было некое подобие нашей Черной Мадонны. Она, правда, не такая черная, как африканки, но все же темнокожая. И мне кажется, что именно благодаря вашей вере и вашим чернокожим прихожанам она всегда будет напоминать вам о темнокожей Матери Христа».

После четырехдневного визита в Заир, где лучшее время было проведено в Киншасе, дальнейшее пребывание в Африке Папа Иоанн Павел продолжил в ускоренном темпе. На 5 мая был запланирован его визит в Браззавиль, столицу Конго, рассчитан-

ный на полдня. Официально исповедовавшее марксизм правительство этой страны тем не менее устроило Папе грандиозную встречу и даже позволило отслужить мессу на открытом воздухе, температура которого достигала ста градусов по Фаренгейту. А когда Папа проезжал по улицам Браззавиля, следуя к гробнице принявшего мученическую кончину кардинала Эмиля Байенда, казалось, все население страны высыпало на улицы, чтобы приветствовать дорогого гостя. После этого Папа снова вернулся в северо-восточную часть Заира, в город Кисангани, с ответным визитом к архиепископу Августину Фатаки Улуэке, который посетил его в Кракове в 1978 г. Там он остановился на ночь в здании местной миссии, а на следующее утро отслужил торжественную мессу для сотен тысяч заирцев, благословив деятельность многочисленных миссионеров, мужчин и женщин, мученически погибших в 1964 г. в Кисангани и других местах.

В полдень того же дня Папа отправился в Восточную Африку и прибыл в Найроби в 4 часа дня. Там он выслушал приветствие президента страны Даниэля Мои на английском и суахили, которое закончилось национальным гимном Кении «Да благословит Господь нашу страну и нацию». А когда Папа повторил эти слова на суахили, огромная толпа народа взорвалась возгласом одобрения. Следующий день, 7 мая, принес самые незабываемые впечатления тем, кто созерцал главу Римско-Католической Церкви и внимал его проникновенным словам. Месса в Ухара-парке собрала более миллиона кенийцев, а после этого Папу в буквальном смысле завалили подарками, среди которых был даже живой козел, почтительно внимавший словам Папы во время службы, как сообщила читателям газета «Тыгодник повшехны». Однако самое яркое впечатление Иоанн Павел произвел, когда он, облачившись в национальный кенийский головной убор со страусовыми перьями, со щитом в одной руке и копьем в другой, восседал на огромном барабане из шкуры леопарда. Его обращение к народу Кении было простым и вместе с тем четко отражавшим человеческую, то есть христианско-гуманистическую, сущность самого Иоанна Павла: «Христос не просто и не только Бог, но также и Человек. И в качестве простого человеческого существа Он вполне может быть африканцем». В этот момент огромная толпа народа взорвалась аплодисментами, после чего Иоанн Павел добавил лишь одну фразу:

— Во время следующего визита в Кению я непременно произнесу молитву на суахили.

На другой день Папа пересек на самолете весь континент и приземлился в Аккре, столице Ганы. Его прощание с многолюдной толпой в Найроби, которая собралась в 8 часов утра, было очень трогательным и печальным. Люди пели песни и танцевали в течение нескольких часов, а потом упали на колени и молча наблюдали, как самолет Папы поднимался в воздух. А когда лайнер исчез за горизонтом, они все еще молились, не обращая внимания на попытки местной полиции разогнать их по домам.

В каждой поездке Иоанн Павел II настойчиво добивался организации экуменических встреч. Например, в Аккре состоялась самая настоящая международная встреча, так как именно в это время в Гане находился архиепископ Кентерберийский Роберт Рансай. Епископ Рима и глава англиканской Церкви встретились в посольстве Ватикана, где и подписали совместное коммюнике, в котором подчеркивалось, что «времени осталось слишком мало, а безотлагательных проблем слишком много, чтобы тратить энергию христиан на разрешение старых противоречий». Это заявление имело особый смысл, так как самым непосредственным образом касалось деятельности африканской миссии.

После Ганы Папа Иоанн Павел посетил Верхнюю Вольту (которая позже получила название Буркина-Фасо), а также Берег Слоновой Кости (ныне — Кот-д'Ивуар, где он впервые за время своей поездки имел продолжительную встречу с большой исламской общиной) и после этого вернулся в Рим 12 мая.

За время своего десятидневного вояжа Папа провел около пятидесяти выступлений перед мирянами и предоставил многочисленным репортерам и верующим возможность еще долго восхищаться его обаянием и поразительной простотой в общении. Так, например, в самый разгар путешествия корреспондент западногерманской «Дойче прессе агентур» отослал домой срочное сообщение под заголовком «Папа держится до конца». «Некоторые римские прелаты, — отмечалось в нем, — кажется, находятся на «пределе возможностей» после пяти дней пребывания в Африке; журналисты же просто валятся с ног от усталости и невыносимой жары. Папа — единственный, кто не выказывает абсолютно никаких признаков усталости. Когда он вышел из приземлившегося в Кисангани почти посреди зеленого океана джунглей самолета, то выглядел таким свежим, как будто только что покинул Рим».

Наблюдательный германский корреспондент считал, что в личных качествах Папы Иоанна Павла и его привычках он обна-

ружил секрет необыкновенной живучести папства. Он смог уловить редкое обаяние Папы, не покидавшее его даже во время весьма продолжительных церемоний, и его уникальную способность восстанавливать силы с помощью того, что можно описать как внутренний источник энергии. «В таких случаях его глаза устремлялись куда-то вдаль, как будто в какой-то другой неведомый мир, откуда он черпал неистощимую живительную силу». Верующие называют подобное явление «неиссякаемой силой молитвы». Иоанн Павел действительно в такие минуты отрешенности пребывал в состоянии молитвы и словно подзаряжался для следующих встреч, выступлений или богослужений.

Он на самом деле получал огромную радость от посещения Африки, был тронут до глубины души искренней верой африканцев и необыкновенно воодушевлялся подсознательной радостью этих новых христиан. Иоанн Павел никогда не подтрунивал над теми, кто, казалось, не поспевал за его глубочайшей верой и убежденностью в своей правоте. Однажды он приветливо помахал команде германских телерепортеров и спросил:

— Ну как вы там, парни, еще живы?

А потом обратился к своим куриальным коллегам и тоже попытался подбодрить их:

— Не волнуйтесь, для разнообразия мы встретим Рождество на снегу в Терминилло.

Это был весьма популярный горнолыжный курорт в Абруцци. Однако прелатов Церкви, давно уже привыкших к сумасшедшему ритму Ватикана, это нисколько не утешило.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К МАРСОВУ ХОЛМУ

Евангелическая свобода, которую спонтанно исповедуют африканские христиане, заметно контрастирует с настроением западноевропейских католиков, которые давно уже пребывают в убеждении, что это не имеет отношения к современной жизни. Через две с половиной недели после вылета из Абиджана Иоанн Павел предпринял очередную попытку вдохнуть жизнь во французский католицизм, пребывающий с некоторых пор в состоянии упадка.

Поводом для первого пастырского визита к «старшей дочери Церкви» послужило приглашение выступить на Исполнительном

совете ЮНЕСКО, Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, штаб-квартира которой находится в Париже. Это была возможность обратиться ко всему мировому сообществу с проблемой, которая с некоторых пор стала доминирующей в понтификате Иоанна Павла — приоритет культуры в формировании общечеловеческого будущего. И в то же самое время обращение Папы к ЮНЕСКО должно было представлять собой пастырское послание, и Иоанн Павел с нетерпением ждал момента, когда он сможет обратиться к стране, чьей культурой он всегда восхищался и чьи католические корни стали постепенно утрачиваться. Таким образом, обращение Папы к ЮНЕСКО было сделано в промежутке между пастырским визитом в Париж и посещением кармелитского монастыря «Маленький цветок», носящего имя святой Терезы — вероятно, самой популярной из современных католических святых.

За три дня до начала визита Папа обратился к французам по радио и телевидению со словами, что сложившаяся во французском католицизме после Второго Ватиканского Собора «особая ситуация» может рассматриваться как вызывающая растущее беспокойство и «неутихающую боль». Это предположение должно было быть проверено во Франции с еще большей тщательностью, чем ситуация в Африке. Иоанн Павел прибыл в Париж рано утром в пятницу 30 мая 1980 г. и до конца понедельника двадцать восемь раз выступил практически перед всеми слоями французских католиков. Помимо этого, он встречался с главным раввином Парижа и видными представителями еврейской общины Франции, с мусульманскими лидерами и официальными лицами, включая, разумеется, Президента Франции Валери Жискар д'Эстена, премьер-министра страны Раймона Барра и мэра Парижа Жака Ширака.

И во время всех этих встреч Иоанн Павел постоянно возвращался к своей главной мысли о том, что французские католики должны избавиться от чувства маргинальности, возродить былое достоинство и неустанно гордиться христианским наследием, которое внесло огромный вклад в формирование так называемого «французского гения». А главную цель своей миссии он определил 30 мая в ответном слове на приветствие президента страны Жискар д'Эстена. Он подчеркнул, что приехал сюда, чтобы передать послание веры:

— Веры в Господа, конечно, но также... и веры в простого человека, веры в чудесные возможности, которые даны ему Бо-

гом и которыми он должен пользоваться сообразно своему разуму, ради всеобщего блага и во славу Творца.

1 июня подобное послание получили от Папы и французские епископы. У них больше не было возможности уйти в свой спасительный бункер солипсизма и зализывать там кровоточащие раны последних веков. Разумеется, современное общество охвачено чувством отчаяния, но разве епископы не являются носителями «Духа и святости, которые всегда были свойственны французским католикам?» Разве христианство не является имманентно присущим «гению вашей нации»? Разве не остается Франция до сего времени «старшей дочерью Церкви»? А на торжественной мессе в аэропорту Ле Бурже в тот же день Папа высказался с еще большей определенностью, спросив 350 тысяч присутствующих мирян и еще большее количество следящих за визитом с помощью радио и телевидения, об их верности Богу:

— Позвольте мне... задать вам один вопрос: Франция, старшая дочь Церкви, ты по-прежнему верна заветам крещения? Позвольте мне спросить вас: Франция, дочь Церкви и учительница народа, ты по-прежнему привержена человеческой доброте, по-прежнему связана тесными узами с вечной мудростью?

Четыре дня проповедей Иоанна Павла, естественно, не могли радикальным образом изменить негативные тенденции, нараставшие около двух столетий. Не мог он также залечить язвы раздора между «левыми» и «правыми» в Католической Церкви Франции. Восемь месяцев спустя после паломничества в эту страну Папа, абсолютно убежденный в необходимости смены руководства всей Католической Церкви Франции, предпринимает смелую попытку назначения новых епископов, чтобы наконец-то изменить курс современной истории французского католицизма.

Папа Иоанн Павел II отнесся к выступлению на форуме ЮНЕСКО 2 июня как к одному из самых важных в своей жизни. В основном оно было создано самим Каролем Войтылой, философом культуры, и включало несколько экскурсов в область философского языка, что, вероятно, озадачило тех делегатов форума, которые не были сильны в этой области. В какой-то момент Иоанн Павел, говоря по-французски, попытался описать человеческую личность как «единственный онтологический субъект культуры» и сделал вывод, что, поскольку мы судим о культуре по ее конечным продуктам, она сама «содержит в себе возможность отступления назад, в противоположном направлении, к своей казуальной зависимости». Однако вслед за тем он стал весьма

страстно защищать человеческий дух и его творческий потенциал, что и описал с помощью понятия «Ареопаг» или «Марсов холм современного» мира.

Иоанн Павел начал с оценки ситуации, в которой оказались его слушатели, как в свое время Святой Павел поступил на ареопаге в Афинах (см. Деян. 17. 16–34). Растущая неуверенность людей относительно будущих перспектив человечества опустошает современную жизнь, лишая ее «радости и жизнеутверждающей силы», столь важной для поддержания творческих способностей. Пути преодоления этого кризиса, предположил Папа, могут быть найдены только в глубине человеческой души, в мире культуры, так как она воплощает в себе все те продукты человеческого творчества, которые делают нас более человечными и вносят вклад в наше существование в большей степени, чем в наше обладание вещами. Культура содержит некое духовное ядро и не может быть понята в качестве исключительно сопутствующего продукта различных экономических сил, как понимают ее марксисты. Следовательно, Папа прибыл на форум ЮНЕСКО, чтобы «провозгласить свое восхищение перед творческим богатством человеческого духа, перед его беспрерывными усилиями, направленными на познание и укрепление человеческой индивидуальности».

Защита человеческой личности, которую нужно любить не за ее утилитарную ценность, но исключительно за величие «индивидуального достоинства», связала воедино послание Христа и Его Церкви с современными требованиями человеческого достоинства и свободы. Нельзя считать правдой, настойчиво доказывал Иоанн Павел, что религиозная вера свела человеческое существование к условиям малодушной зависимости от Бога. И доказательства того, что религиозный импульс стал сущностью «цельного человека», были у них перед глазами: несмотря на тотальное подавление религиозной веры и религиозных институтов, в результате которого верующих насильно превратили во второсортных граждан, религиозные идеи и произведения искусства неизменно возрождались. И правда об этом «цельном человеке» должна быть выражена соответствующим образом.

То же самое можно сказать и о национальных культурах. Несмотря на все усилия угнетателей, «суверенитет общества, который сам по себе есть проявление культуры», не может быть окончательно уничтожен, так как именно суверенная культура является той питательной средой, через которую проявляется суверенность человеческой личности.

Таким образом, речь Папы в ЮНЕСКО была нацелена на защиту фундаментального духовного суверенитета человеческой личности, которая выражает себя посредством индивидуального творчества и национальных культур. Делегаты должны противостоять «колониализму» во всех его проявлениях, так как с его помощью любая более мощная в материальном отношении сила пытается подавить и подчинить себе духовный суверенитет культуры. Возможность выступить перед руководством ЮНЕСКО, заключил понтифик, осуществила «одно из глубочайших желаний моего сердца». Ему хотелось оставить в их памяти «крик, исходящий из самых глубин моей души. Да, будущее современного человека всецело зависит от культуры! Да, мир на земле всецело зависит от первичности духа! Да, мирное будущее человечества всецело зависит от любви...

А Жан Мари Люстиже, епископ Орлеанский, прислушиваясь к словам Иоанна Павла на форуме ЮНЕСКО, думал про себя: «С коммунизмом покончено». Наконец-то нашелся человек, громогласно заявивший, что миром правит не экономика, а культура, которая и является самым что ни на есть настоящим двигателем истории.

СЛОЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: БРАЗИЛИЯ И ЗАПАДНАЯ ГЕРМАНИЯ

27 июня 1980 г. Иоанн Павел II предпринял ряд очередных перемен в Курии, одна из которых имела самые серьезные последствия для жизни католиков в Соединенных Штатах. Умер кардинал Серджио Пиньедоли, чья кандидатура на должность Папы была широко разрекламирована по всему миру в 1978 г., но это оказалось чистой воды выдумкой досужих журналистов. В качестве его преемника на посту президента Ватиканского секретариата по работе с нехристианами Иоанн Павел назначил архиепископа Жана Жадо, бельгийского клирика, апостольского делегата в Соединенных Штатах с 1973 г. Жадо, в свою очередь, был заменен в Вашингтоне архиепископом Пио Лаги, который, находясь в Аргентине в качестве нунция, помог организовать в этой стране участие Святого Престола в диспуте по поводу пролива Бигл. А в прощальном обращении к аудитории Лаги Иоанн

Павел не удержался и высказал своим новым представителям озабоченность положением католической Церкви в Соединенных Штатах: проблемами эффективного продвижения духовного песнопения, включая празднование святых дней и религиозное образование, назначением епископов и положением дел в монастырях и обителях, а также воспитанием священников в духовных семинариях.

Тогда же кардинал Владислав Рубин был назначен префектом Конгрегации восточных церквей, кардинал Пьетро Палаццини, человек с репутацией борца с римской бюрократией, был назначен префектом Конгрегации по делам канонизации, в которую Папа давно уже хотел вдохнуть жизнь, а епископ Поль Пупар, ректор Парижского католического института, был призван в Рим, чтобы возглавить Секретариат по делам неверующих. Кроме того, отец Ян Шотте, который завоевал доверие Папы еще в первый год его понтификата, был назначен секретарем комиссии понтификата «Справедливость и мир».

На следующий день Иоанн Павел принял православного архиепископа Мелитона Халкидонского и делегацию из Вселенского Патриархата в Константинополе, которая прибыла в Рим по случаю торжественного празднования дня святых Петра и Павла. Потом, 30 июня того же года, Иоанн Павел осуществил очередной визит в Бразилию — современную столицу наиболее многочисленной католической общины мира, где провел двенадцать дней, всемерно расширяя и развивая значение уже заслуженно приобретенного звания «вселенского пастыря».

«ИОАНН БОЖИЙ»

Это паломничество было сопряжено с большими трудностями. Бразильское правительство, многие высшие должностные лица которого были католиками, находилось в конфликте с руководством католической Церкви, поводом для которого послужили медленные темпы демократизации, продолжающееся содержание в тюрьмах политических противников и вопиющее неравенство граждан страны в доходах и уровне жизни. Правительство постоянно жаловалось папскому нунцию, что руководство Церкви так и не осудило насильственные действия «левых», а епископы, в свою очередь, отвечали, что правительство ровным счетом ниче-

го не предпринимает для облегчения положения обездоленных. Бразильские епископы были весьма недовольны тем, как их деятельность преподносится Ватикану, и из-за этого в Риме стали думать, что бразильские епископы совершенно перестали заниматься теологической и общественной работой. Споры возникли даже из-за того, откуда должно начаться паломничество Папы. Бразильцы предложили Форталезу, самый бедный район страны, где Папа мог бы открыть национальный Евхаристический конгресс, а Секретариат Ватикана настаивал на городе Бразилиа, чтобы не обидеть правительство.

Однако все это не могло омрачить очередной триумф Папы. За каких-то двенадцать дней Иоанну Павлу, который в течение нескольких месяцев специально изучал португальский язык и говорил на нем в Бразилии, каким-то образом удалось воссоздать былое единство в разделенной Церкви и разделенном обществе. Более двадцати миллионов людей видели Папу собственными глазами и еще десятки миллионов внимательно следили за его визитом по телевидению. А самым важным ключевым словом всего паломничества стало слово «равновесие», наполненное поистине евангелическим смыслом.

В первый день своего визита Папа встретился с президентом страны Жуаном Батистой Фигейредо, присутствовал на официальном приеме в свою честь, куда пришли около двух тысяч представителей элиты бразильского общества, а затем провел полчаса в одной из местных тюрем, где пообщался с заключенными. Во время торжественной мессы в Белу-Оризонти, собравшей почти полмиллиона прихожан преимущественно из числа местной молодежи, Папа вряд ли мог видеть с алтаря дальний край этого огромного моря людей, растянувшегося до самого конца долины. Далее Папа причастил слепого мальчика, парализованную девочку, двух прокаженных, польскую монахиню, двух студентов университета, нескольких рабочих и пожилую супружескую пару, отметившую шестьдесят восьмую годовщину совместной жизни. И в этот момент молодые люди в толпе стали громко выкрикивать:

— Иоанн Божий! Наш Владыка!

Вскоре эти слова были подхвачены всеми остальными мирянами по всей огромной стране и звучали до тех пор, пока Папа не встретился со 150 тысячами рабочих в Сан-Паулу, которые тотчас же изменили этот клич, преобразовав его в «Иоанн Божий — наш брат!» Тогда же Папа решительно отверг «пропасть» между горст-

кой богатых и «огромным большинством живущих в нищете», а в своей молитве еще раз подчеркнул, что «классовая борьба, вдохновляемая материалистической идеологией, не может принести людям счастья — оно может быть достигнуто только посредством христианской социальной справедливости». Иоанн Павел принял меморандум о репрессиях против рабочих, подготовленный делегацией христианских профсоюзов и адресованный «нашему товарищу по труду Иоанну Павлу II, нашему коллеге, трудящемуся во имя Христа».

В Рио-де-Жанейро, когда Папа прошелся по фавеле, пораженный ужасающей бедностью, люди приветствовали его специально придуманной по этому поводу самбой. Иоанн Павел был так растроган, что снял с пальца кольцо и отдал его местному бедняку. Это было то самое кольцо, которое он получил во время своего назначения кардиналом из рук Папы Павла VI. А в городе Сан-Сальвадор-да-Баия в самом бедном районе Папа потребовал от всех, кто имеет хоть какое-то влияние в бразильском обществе — профессионалов, предпринимателей, политиков, рабочих лидеров и учителей, — создания «социального порядка, основанного на справедливости», а также общества, в котором вопросы этики и морали будут признаны главенствующими по сравнению с технологией, а жизнь людей будет считаться более ценной, чем вещи.

В дебрях Амазонки Папа встретился с вождями местных индейских племен и с большой горечью выслушал их обвинения в геноциде индейцев, адресованные бразильскому правительству. При этом местные власти хотели, чтобы индейцы исполнили свой традиционный танец, но те решительно отказались, сославшись на то, что они не актеры, а их встреча с Папой не является развлечением. Папа Иоанн Павел попросил их представить свои требования в письменной форме, что они незамедлительно и сделали.

В Ресифи Папа публично обнял архиепископа Хелдера Камару, одного из самых несговорчивых прелатов Бразилии. Однако он отметил, что бразильские епископы должны помнить о своей уникальной миссии и высоком предназначении, о чем Иоанн Павел еще раз заявил в обращении к Конференции епископов, проходившей при закрытых дверях. Его выступление было отражением характера всей Церкви как религиозной общины, католической социальной доктрины и необходимости всемерного укрепления католического единства. Церковь должна быть вовлеченной в мирские дела, но не партийной; Церковь должна проявлять забо-

ту о бедных, но при этом не подстрекать верующих к классовой борьбе; это должна быть Церковь народа и для народа, но непременно с доктриной и авторитетным руководством. Духовенство должно быть страстным в вопросах социальной справедливости, но при этом не превращаться в клерикальных политиков или революционеров. Попросту говоря, Церковь после Второго Ватиканского Собора должна отличаться полнотой бытия, и именно такую Церковь Иоанн Павел призвал своих епископов создавать в Бразилии. Как и ожидалось, кое-кто расценил подобное обращение как «консервативное», но более точным термином было бы слово «евангелическое».

НА ЗЕМЛЕ ЛЮТЕРА

Католицизм в Западной Германии был еще одним трудным случаем в деятельности Иоанна Павла II, который впервые посетил эту страну 15–19 ноября 1980 г.

Немецкие теологи оказали необычайно глубокое влияние на деятельность Второго Ватиканского Собора, который иногда называют Собором, во время которого Рейн влился в Тибр. И тем не менее в последующие годы германская теология раскололась, а бывшие друзья неожиданно стали противниками, желчно реагирующими друг на друга. Страна же тем временем по-прежнему оставалась в высшей степени секуляризованной. Очень немногие западногерманские католики регулярно посещали мессу, хотя их католическая Церковь, по мнению многих специалистов, являлась самой богатой в мире, по крайней мере по размерам принадлежащего ей имущества. «Церковный налог», автоматически изымаемый государством в пользу Церкви, позволил западногерманской католической Церкви создать огромные финансовые ресурсы. Это, в свою очередь, значительно повысило авторитет католических миссионерских организаций в странах «третьего мира», где многие епископы напрямую зависели от финансовой поддержки своих пастырских программ. Однако, несмотря на всю свою интеллектуальную мощь, немецкий католицизм продолжал бороться с глубоко укоренившимся и практически неистребимым комплексом культурной неполноценности. Давние шрамы от пресловутого «культуркампфа» Бисмарка, который долго и упорно старался вне-

дрить в массовое сознание мысль о том, что только протестант может быть добропорядочным немцем, так и не были до конца излечены. А после Второй мировой войны зародилась новая волна агрессивного секуляризма, на сей раз тесно связанного с философией, литературой, искусством, а сама война оставила невыносимо тяжкое бремя стыда.

Многие считали, что пятидневный визит Иоанна Павла в Западную Германию будет чем-то вроде катастрофы. Однако они ошиблись. Это был очередной личный триумф Папы, поскольку даже самые упрямые скептики и откровенные противники визита оказались прикованными к телевизорам и как загипнотизированные следили за действиями и словами Папы-поляка, который с самого начала заявил, что хотел своим визитом засвидетельствовать «честь и достоинство великой германской нации». Экуменисты были довольны тем, что Иоанн Павел отошел от привычной линии поведения и упомянул в своем выступлении о 450-летней годовщине Аугсбургского исповедания, канонического документа лютеранской Реформации. Это было поводом, как он подчеркнул, чтобы наполнить христианскую молитву словами Евангелия: «Да будут все едино» (Ин. 17.21).

Защита Папой брачных отношений и церковной сексуальной этики носила скорее не авторитарный, а гуманистический характер. Как не может быть нормальной «жизни по решению суда» и «смерти по решению суда», так не может быть и «любви по решению суда» или брака по той же причине, так как человек не может любить только по чужому решению и в течение определенного периода времени. Обращение Папы к шести тысячам немецких профессоров и студентов в Кёльне было своего рода хвалебной песнью христианской науке и взаимному обогащению веры и разума. Он призвал немецких епископов всемерно укреплять церковное единство, неустанно помогая тем, кого так часто называют «прогрессивными», чтобы они могли преодолеть фальшивую дихотомию, часто навязываемую понятиям авторитета религиозной традиции и человеческой свободы. Кроме того, они должны помочь отчужденным от Церкви людям понять ту простую истину, что «Церковь после Второго Ватиканского Собора, как, впрочем, и Церковь образца Первого Ватиканского Собора, Тридентского Собора и вообще первых Соборов, является одной и той же».

Старый друг и издатель Иоанна Павла Ежи Турович, сообщая о визите Папы в краковскую газету «Тыгодник повшехны», пи-

сал: «Визит Папы смел старые стереотипы и изменил представление о папстве и о католической Церкви». Это было вполне понятное и простительное преувеличение со стороны человека, который жаждал польско-германского примирения и хотел видеть Папу Римского в качестве умиротворителя. Отчасти эти надежды оправдались. Население Западной Германии собственными глазами увидело перед собой человека с совершенно прозрачной верой, который продемонстрировал способность быть «вселенским пастырем» на фоне омраченных и весьма болезненных исторических воспоминаний. Первый вояж Иоанна Павла в Западную Германию не привел к драматическим коллизиям среди мирян Федеративной Республики, хотя ему и не удалось в полной мере снизить уровень напряженности в отношениях между католическими интеллектуалами Германии и Римом. В течение его понтификата это напряжение постепенно спадало, однако главные противоречия так и не были разрешены окончательно. Говорящий на немецком языке католический мир (в Австрии и Швейцарии помимо самой Германии) все еще продолжал оказывать спорадическое сопротивление учению Иоанна Павла II.

СЕМЕЙНЫЙ СОЮЗ

Ответственность Церкви по отношению к семье и семейной жизни была одним из главных вопросов на первой Генеральной Ассамблее Синода епископов, проходившей под руководством Иоанна Павла II. Незадолго до открытия Синода 26 сентября 1989 г. Папа совершил еще одно важное вторжение в область мировой политики в своем стремлении оградить права человека.

ПРИОРИТЕТ РЕЛИГИОЗНОЙ СВОБОДЫ

Поводом для этого послужило Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), которое было проведено в Мадриде. Хельсинкский Заключительный акт, подписанный в 1975 г., предусматривал периодическое проведение подобных совещаний для мониторингового контроля за выполнением принятых решений. Именно поэтому Мадридская встреча 1980–1981 г. стала важ-

ным международным форумом, целью которого было заставить Советский Союз и его сателлитов по Варшавскому Договору выполнять в полном объеме принятые на себя в Хельсинки обязательства по соблюдению прав человека. Ситуация с соблюдением прав человека в европейских коммунистических странах ничуть не улучшилась с момента подписания Заключительного акта. Более того, она значительно ухудшилась.

1 сентября 1980 г. Папа разослал послание главам государств тридцати восьми наций, подписавших Заключительный акт в Хельсинки, которые вскоре должны были встретиться в Мадриде. С самого начала этот документ мало напоминал обычную дипломатическую переписку. Иоанн Павел сразу же перешел к сути дела: права человека все больше признаются в современном мире в качестве важнейшего компонента политики по сохранению мира, и мадридская встреча должна самым серьезным образом «изучить сложившуюся ситуацию» со свободой в Европе, уделив при этом особое внимание свободе религиозной.

В послании Папы содержался своеобразный проверочный список, по которому делегаты мадридского форума могли бы определить, выполняется ли на практике требование соблюдения религиозной свободы. Свободны ли люди в своих правах верить в Бога и приобщаться к соответствующему религиозному сообществу? Имеют ли они возможность молиться индивидуально и коллективно, а также есть ли у них для этого соответствующие места? Свободны ли родители в выборе религиозного образования для своих детей и религиозных школ без опасения подвергнуться тому или иному наказанию? Имеют ли священнослужители реальную возможность исполнять свои обязанности в различных общественных учреждениях — больницах, армейских подразделениях и тюрьмах? Имеют ли мужчины и женщины полную свободу в выборе веры и исполнении религиозных обрядов без опасения подвергнуться наказанию со стороны государственных органов? Могут ли религиозные институты свободно избирать руководство, управлять своими собственными делами и обучать своих служителей? Могут ли священнослужители свободно и беспрепятственно исполнять свои обязанности перед мирянами? Имеют ли религиозные общины право и возможность свободно распространять веру посредством устного и печатного слова? Могут ли они свободно публиковать и получать уже опубликованные материалы и использовать средства массовой информации? Имеют ли они возможность свободно проводить благотворительную

деятельность в обществе? Могут ли они свободно поддерживать контакты с другими религиозными институтами и верующими в других странах? Ни одна из коммунистических стран даже близко не подошла к более или менее удовлетворительному выполнению этих конкретных критериев религиозной свободы.

Послание Иоанна Павла II участникам СБСЕ в Мадриде было еще одним безошибочным вызовом Ялтинской системе и той идеологии, которая оправдывала ее в глазах Советского Союза. А тот факт, что оно было отправлено на следующий день после принципиального согласия правительства Польши на разрешение деятельности свободных профсоюзов в Гданьске, с советской точки зрения лишь усугублял эту проблему. Неделю спустя Иоанн Павел предпринял еще один шаг в этом направлении, сформулировав тему своего ежегодного послания по случаю Всемирного дня Мира, проводящемуся 1 января, следующим образом: «Служить миру, уважать свободу». Советская точка зрения, что соблюдение всеобщего мира может быть обеспечено без каких бы то ни было ссылок на права человека, весьма деликатно выраженная Андреем Громыко в его обращении к Иоанну Павлу в январе 1979 г., подверглась жесткой критике с самых разных сторон.

СИНОД О СЕМЬЕ

Синод епископов, созданный Павлом VI во время Второго Ватиканского Собора, преодолел за первые десять лет своего существования много бюрократических и теологических проблем. Синод не был ни своеобразным продолжением Собора, ни мини-Собором, хотя многим казалось, что он будет действовать именно таким образом. Всемирный епископат вместе с епископом Рима и под его непосредственным руководством осуществляет всю полноту власти над Вселенской Церковью, и эта власть не может быть делегирована какой-то одной части всемирного епископата. Небольшая часть епископов, какой бы представительной и авторитетной она ни была, не может принимать ответственных решений за других епископов и даже простых верующих Церкви. Они имеют право говорить только от своего собственного имени, и, если их мнение имеет для Церкви большое значение, оно все равно не может быть определено в терминах всеобщей доктрины или обязательной для всех практики. Все решения Синода долж-

ны непременно подкрепляться авторитетом Папы и только после его безусловного одобрения выходить в свет в качестве официальных.

Синод не представлял собой своеобразный законодательный орган, но вместе с тем обладал определенным весом в качестве выразителя коллективной воли Коллегии епископов. Поэтому с самого начала важнейшей организационной проблемой в деятельности Синода стал вопрос о том, как заставить его епископов конкретно и правильно отражать специфический характер религиозной общины. Первая же попытка предоставить Синод самому себе породила целый ряд серьезных проблем. Документ Синода от 1971 г. под названием «Справедливость в мире» погрузился в темные воды мрачных теологических споров и сопровождался попытками уравнять политическую активность с евангелизмом и церковными таинствами, которые воспринимались бы в качестве «конституционных основ» Церкви. А Синод 1974 г. по вопросам евангелизации зашел в тупик и даже не смог достичь консенсуса по итоговому заявлению.

Иоанн Павел II попытался внести ясность в некоторые процедуры Синода и таким образом защитить его права в системе римской бюрократии, назначив 14 июля 1979 г. словацкого епископа Йозефа Томко Генеральным секретарем Синода епископов. Томко был весьма опытным куриальным сановником, который прекрасно понимал, каким образом можно усилить присутствие Синода во внутренней бюрократической структуре Ватикана. Кроме того, у Томко было еще два серьезных преимущества перед другими: он был известен как человек самого Папы, а тот, в свою очередь, не скрывал намерения оживить деятельность Синода и не только во время его регулярных заседаний, но в течение всего длительного процесса подготовки встреч, выработки решений и претворения их в жизнь.

Синод 1980 г., посвященный роли христианской семьи в современном мире, был первым в ряду тех, которые готовились, проводились и завершались при непосредственном участии Иоанна Павла и Томко. Он же послужил своего рода образцом активного участия Папы в работе Синода в течение последующих лет его понтификата. Он аккуратно посещал все генеральные заседания, внимательно слушал выступающих, никогда ничего не говорил, но при этом тщательно фиксировал на бумаге все происходящее. Кроме того, он приглашал на

обед или ужин в свои апартаменты каждого члена Синода и служил мессу в начале и в конце Синода.

Дискуссии на заседании Синода 1980 г. продемонстрировали, что пятнадцать лет, прошедших со времени выхода энциклики «Gaudium et Spes», и двенадцать лет после «Humanae Vitae» так и не привели к согласию между епископами всего мира по поводу кризиса семейной жизни в современном мире или по проблемам церковной этики брачных отношений. Одни епископы полагали, что во время разработки «предложений», которые Синод должен был представить Папе, чтобы тот подготовил соответствующее послание всей Церкви по вопросам семьи и брака, они подвергаются манипуляции со стороны римских чиновников. Другие же считали, что епископам, оказывавшим давление ради пересмотра сексуальной этики, защищаемой энцикликой «Humanae Vitae», так и не удалось в полной мере оценить пророческую позицию Папы Павла VI против агрессивного натиска сексуальной революции на брачные отношения. Были также и те, кто думал, будто все эти дискуссии не оказывали сколько-нибудь серьезного влияния на современную семейную жизнь. Если все синоды, как выразители определенной коллегиальности, должны были способствовать укреплению единства всего мирового епископата, то Синод 1980 г. по вопросам семьи явно не соответствовал этой задаче.

Зашедший в тупик Синод 1974 г. по проблемам евангелизации завершился первым «постсинодальным» апостольским призывом Папы Павла VI «Evangelii Nuntiandi», обнародованным в 1975 г. Иоанн Павел II решил перенять этот метод завершения Синода соответствующим апостольским документом — совершенно новой формой воздействия Папы. 16 октября 1979 г. он издает «Catechesi Trandendae», чтобы тем самым отметить завершение в октябре 1977 г. деятельности Синода по вопросам религиозного образования и катехизиса. Однако следует признать, что есть некоторая разница между апостольским посланием Папы — главным документом вероучения, выходящим в качестве заключительного документа Синода, и теми дискуссиями, которые велись в течение всего периода его работы. Все согласны с тем, что эти дискуссии должны играть важную роль в жизни Церкви. Но их реальный вес вне зависимости от того, как полно и точно они отражены в апостольском послании Папы, явно преуменьшается самим фактом издаваемого Папой итогового документа, напоминающего Церкви о работе Синода.

Как бы то ни было, метод, использованный в таких энцикликах, как «Evangelii Nuntiandi» и «Catechesi Trandendae», был применен к Синоду, посвященному семье. Новое апостольское послание под названием «Familiaris Consortio» [«Семейный союз»] было подписано 21 ноября 1981 г. Этот документ, который Папа считал одним из наиболее важных в течение всего своего понтификата, остается выдающимся вкладом в решение проблем современной семьи.

«Familiaris Consortio» связывает современные проблемы семейной жизни с тем, что давно уже стало ключевой темой понтификата Иоанна Павла, — с истинным значением свободы. Позитивные «знаки времени» — все большее значение личной свободы при вступлении в брак, высокая ценность межличностных отношений, диктуемая современной культурой, защита достоинства женщины, всемирное значение образования — все это является современным требованием свободы, достойной человеческого существования. Нависшие над современной семьей «тени» — вызов естественной власти родителей, государственное, социальное и культурное вторжение в права родителей как главных воспитателей, отрицание благословенного характера продолжения рода, эксплуатация женщин со стороны мужчин, одержимых «комплексом мачо», — все это отражает искаженные представления о свободе. Подобные тенденции создали неправильные представления о семье как о случайной связи индивидуумов, которые проживают вместе только потому, что это соответствует их эгоистическим интересам. Все эти случайные связи имеют весьма незначительную силу взаимного притяжения и могут быть разорваны по собственному усмотрению.

В противоположность тихой хитроумной концепции семейной жизни и брака Иоанн Павел учит, что брачные узы не могут строиться только на взаимной договоренности, как, впрочем, они не могут быть основаны исключительно на утилитарном удобстве. Поскольку человеческие существа созданы «для любви» и «посредством любви», а сама любовь является «фундаментальным и врожденным свойством каждого человека, именно это свойство есть сердцевина брака и ядро семьи. Для христиан искупительная и жертвенная любовь Христа лишь подтверждает, что потребность и обязательства семейной жизни освобождают человека», а не ограничивают его.

В своей миссии «защищать, обнаруживать и передавать любовь», миссии, которая является «частью любви Господа Бога к

человеку и безграничной любви Христа к Церкви», христианская семья предстает в качестве «домашней Церкви» — специфическом образе жизни для всех последователей Христа. И в этом смысле Папа Иоанн Павел всеми силами защищает «равное достоинство и равную ответственность мужчин и женщин», отстаивая в то же самое время точку зрения, что «истинное развитие женщины требует четкого и ясного понимания ценности материнства и ее высокой роли в семейных отношениях по сравнению с другими общественными и профессиональными обязанностями». Мужчины же, со своей стороны, призваны бережно хранить свое отцовство как икону «отцовства самого Бога».

В этом же сакраментальном контексте «Familiaris Consortio» пытается переосмыслить дебаты по поводу контрацепции, отстаивая ту точку зрения, что упор на контрацепцию в сексе неизбежно нарушает святость брака, лишая его ощущения плодотворности любви и создавая «объективно противоречивый язык общения... препятствующий полной отдаче друг другу». Так же решительно Иоанн Павел берет под защиту «неотъемлемые» права родителей на первичное воспитание детей и доказывает, что все остальные образовательные учреждения должны быть только помощниками родителей и семьи. Причем это в равной степени касается как демократических стран, так и коммунистических. Сделав соответствующий вывод из дискуссии на заседании Синода, Иоанн Павел набросал схему основных «прав семьи», которые были предложены участниками Синода и которые он обещал тщательно изучить, а потом и опубликовать в виде «Хартии прав семьи».

«Familiaris Consortio» разочаровала тех, кто надеялся или ожидал, что Папа Иоанн Павел провозгласит доктринальные изменения в церковной этике сексуальных отношений или по крайней мере предложит новый подход к таким важнейшим проблемам, как разведенные или разделенные семьи католиков или их сожительство в гражданском браке. Подобные ожидания позволяли совершенно неправильно истолковывать природу развития церковной доктрины в жизни Церкви. Папы не могут так просто объявить доктринальные изменения, как будто речь идет о произвольном изменении того, что кем-то когда-то было произвольно принято.

В микрокосмосе брачных и семейных отношений все ценности имеют ту же природу, что и в борьбе за свободу от политической тирании, и именно это породило самый главный вопрос: вопрос о «распылении» человеческой личности. С этой точки зре-

ния Синод 1980 г. и энциклика «Familiaris Consortio» дали весьма авторитетное толкование учения Второго Ватиканского Собора по вопросам семьи и брака и поставили эти два базисных института — жертвенную любовь и правильно понимаемую свободу — в самый центр пастырской повестки дня служителей Церкви.

ОТЦОВСТВО И МИЛОСЕРДИЕ

Начав писать свою инаугурационную энциклику «Redemptor Hominis», Папа Иоанн Павел не думал тогда, что она станет первой частью своеобразного триптиха, состоящего из трех частей отражения Бога как Святой Троицы. Гуманизм, в центре которого неизменно находился Христос, стал главенствующей темой его понтификата, а первая энциклика «Redemptor Hominis» [«Искупитель человечества»] должна была во всеуслышание заявить об этом Церкви и всему миру. Размышления о достоинстве человеческой личности, спасенной Христом, естественным образом подводили к размышлениям о самом Господе Боге, который послал своего Сына для спасения человеческого мира. А это, в свою очередь, неизбежно приводило к размышлениям о Святом Духе, ниспосланном Отцом и Сыном для завершения начатого Христом спасения мира и освящения его работы. Таким образом, энциклика «Redemptor Hominis» привела к появлению двух других: «Dives in Misericordia» [«Богат в милосердии»], посвященную Богу Отцу и опубликованную 30 ноября 1980 г., и «Dominum et Vivificantem» [«Божественный и Животворящий»], в которой рассматривается Бог Дух Святой, опубликованную 18 мая 1986 г.

Энциклика «Dives in Misericordia» была одной из наиболее насыщенных в теологическом плане и также отражала два важнейших измерения духовной жизни Папы Иоанна Павла II.

Краков был центром религиозного движения Божественного милосердия, возникшего по инициативе сестры Фаустины Ковальской, молодой, мистически настроенной польки, умершей в 1938 г. в возрасте тридцати восьми лет. Благодаря обретенному мистическому опыту сестра Фаустина уверовала в то, что она призвана обновить преданность католиков милосердию Господа Бога, а это, в свою очередь, должно способствовать обновлению всей духовной жизни католической Церкви. Важными элементами созданного ею движения Божественного милосердия стали празд-

нование первого воскресенья после Пасхи как Воскресения Божественного милосердия, венки и гирлянды Божественного милосердия, набор молитв, в которых обращена просьба к Богу ниспослать милосердие на католическую Церковь и весь мир в целом, а также проведение священного часа в память об искупительной смерти Христа, сопровождаемого непрерывными молитвами во славу Господа и Евхаристией. Главной иконой этого обряда стала икона Христа милостивого и милосердного — образ облаченного в белые одежды Христа, из груди которого исходят два ярких луча. Именно таким увидела его сестра Фаустина 22 февраля 1931 г. Кроме того, она записала свое мистическое прозрение в тайный дневник, который начала за четыре года до своей смерти. После того как обряд Божественного милосердия распространился по всей стране и встал вопрос о канонизации сестры Фаустины в качестве святой, этот дневник стал предметом тщательного богословского изучения отцом Игнацием Ружицким, бывшим учителем Кароля Войтылы, его соседом по улице Канонича и научным руководителем его дипломной работы, посвященной деятельности Макса Шелера.

В качестве архиепископа Кароль Войтыла всячески защищал сестру Фаустину, когда его стали расспрашивать в Риме, основываясь на очень плохом переводе дневника с польского на итальянский, а потом всеми силами отстаивал идею причисления ее к лику святых. Иоанн Павел II неоднократно отмечал, что духовно он очень близок к мистике сестры Фаустины и очень много думал о ней во время написания энциклики «Dives in Misericordia». Это чувство духовной близости со временем углубилось и заметно усилилось его вторым личностным элементом, который отчетливо проявился при написании этой энциклики.

Папа Иоанн Павел много размышлял над природой отцовства. Жизнь с отцом и благотворное влияние близкого ему по духу кардинала Сапеги дали Папе бесценный опыт как семейного, так и духовного отцовства. Он даже к своей церковнослужительской деятельности относился как к своеобразной форме патриархального отцовства. А когда интуитивное понимание отцовства усилилось, Кароль Войтыла счел возможным выразить его в своем поэтическом эссе «Размышление об отцовстве». «Все на свете окажется несущественным и незначительным, кроме следующего: отец, ребенок, любовь. И тогда, глядя на самые простые вещи, все мы скажем: разве мы не знали всего этого много лет назад? Разве все это не лежит в основе всего сущего?».

Именно отцовство, а не электроны, не протоны, не нейтроны или какие либо другие элементарные частицы, лежит в «основе всего сущего». Неустанно работая над энцикликой «Dives in Misericordia» и развивая свою поэтическую интуицию для постижения реальности, Папа Иоанн Павел открыл для себя совершенно новые грани понимания классических библейских текстов.

Сюжеты из Ветхого Завета обогатили размышления Иоанна Павла по поводу милосердия Христа и его отражения в Евангелии, а также послужили иллюстрацией убежденности Папы в том, что христианство может быть правильно понято только через иудаизм и его уникальную роль в религиозной истории. В то время как спасительная любовь Бога зарождается «в самой тайне создания», пишет Иоанн Павел, опыт народа Израиля обнаруживает, что «милосердие означает особую силу любви», достаточно крепкую, чтобы преобладать над «грехом и неверностью». И хотя Ветхий Завет постоянно напоминает о том, что Бог есть прежде всего Бог справедливости, в нем также говорится о том, что «любовь есть нечто большее, чем справедливость, причем это «большее» следует понимать в том смысле, что оно первично и фундаментально в своей основе». А для христиан это учение завершается тайной Страстей Христовых, Его искупительной смертью и Воскресением, что само по себе является наиболее наглядным примером милосердия Отца. Следовательно, милосердие здесь сильнее не только греха, но и самой смерти.

Притча о блудном сыне (Лк. 15. 14–32) является, по мнению Иоанна Павла, синтезом библейской теологии милосердия и демонстрирует, как вопрос об истинном гуманизме неизбежно влечет за собой вопрос о Господе Боге. В анализе Иоанна Павла этой проникновенной притчи Нового Завета блудный сын выступает в качестве всеобщего человека, обремененного трагедией человеческого существования, которое, в свою очередь, есть «осознание расточительного сыновства» потерявшего достоинство человека. Всепрощающий отец, оставаясь верным своему отцовскому долгу и превосходя общепринятые нормы справедливости, принимает сына и возрождает в его глазах истину о себе самом, что и есть, собственно, утраченное достоинство сыновнего долга. Милосердие, таким образом, никак не ослабляет и не унижает того, на кого оно направлено. Оно просто утверждает его в собственном достоинстве.

Милосердие имеет также и корпоративное, или социальное, измерение. В условиях бессилия или отчужденной гуманности,

говорит Иоанн Павел, что само по себе является следствием технического прогресса, Ветхий и Новый Завет становятся важным источником истины. «Одна только справедливость совершенно недостаточна, если к ней не прилагается более мощная сила — сила любви. Именно она должна формировать человеческую жизнь в многочисленных ее проявлениях». Единственный путь, преодолевающий современные трудности, заключается в построении такого общества, в котором справедливость открыта любви и милосердию, и именно в этом состоит воплощение человеческого духа.

Энциклика «Dives in Misericordia» привлекла к себе значительно меньше внимания, чем «Redemptor Hominis», которая оказалась более востребованной и информативной в силу своего программного характера и стилистической доступности для простого читателя. Однако в мире существует много видов информативности. От всех остальных энциклик «Dives in Misericordia» отличается прежде всего тем, что она явилась выражением пастырской души Иоанна Павла II и вместе с тем важнейшим показателем того, как эта душа формировалась опытом Кароля Войтылы и его пониманием отцовства.

ПЕРЕВОРАЧИВАНИЕ С ГОЛОВЫ НА НОГИ

Еще до своего паломничества протяженностью в 21 тысячу миль в страны Азии Папа Иоанн Павел осуществил, как тогда говорили, самое дерзкое предприятие за весь период своего понтификата.

Арон Люстиже родился в Париже в 1926 г. и был сыном польского еврея, который в начале века эмигрировал во Францию. В течение первого года Второй мировой войны юный Арон, воспитанник французской католической семьи в Орлеане, не получивший абсолютно никакого еврейского образования, перешел в католицизм и был крещен 25 августа 1940 г., приняв христианское имя Жан Мари. Его мать была депортирована из Франции и умерла в Освенциме в 1943 г. Пройдя курс изучения литературы, философии и теологии в Сорбонне, Жан Мари Люстиже был в 1954 г. рукоположен в сан священника и в течение последующих пятнадцати лет служил в чине капеллана родного университета. В 1969 г. он был назначен пастырем парижского прихода Святой

Жанны Шантальской. Предыдущая работа со студентами помогла ему привлечь к себе внимание многих местных интеллектуалов и тем самым заметно расширить приход.

В 1979 году парижский кардинал Франсуа Марти стал готовить себе преемника и обратился к священникам своей епархии с просьбой составить список качеств, необходимых для нового архиепископа. Небольшая группа его коллег пришла к отцу Люстиже и фактически посадила его под домашний арест со словами: «Напишите нам, что вы думаете по этому поводу». Люстиже подготовил весьма пространный и достаточно подробный отчет о состоянии католицизма во Франции, а также не преминул изложить свой стратегический план относительно его улучшения.

Из этих записей следовало, что до Французской революции католическая Церковь во Франции была «Церковью власти», непосредственным образом связанной с установившимся политическим порядком, и в известном смысле зависела от него. Затем наступил 1789 г. и последовавший за ним период террора, в результате которого Французская Церковь понесла самый ранний (и самый тяжелый до начала XX в.) урон со стороны секулярист-ской модернизации. Не выдержав такого страшного удара, Церковь в конце концов окончательно раскололась. Сторонники реставрации искали любую возможность, чтобы вернуться к прежнему режиму, причем сперва они выступали за его полное восстановление, а потом, когда подобный исход оказался совершенно невозможен с политической точки зрения, стали ратовать за реставрацию культурных ценностей Церкви. Со временем это течение в католицизме произвело на свет экстремистов из организации «Аксьон франсез», группу сторонников маршала Петена в годы Второй мировой войны и в конце концов раскольников архиепископа Марселя Лефевра, которые стали напрочь отрицать решения Ватикана II. В качестве противоположного по духу течения выступили сторонники примирения с секуляризмом и левыми политическими партиями, что вскоре привело к рождению оппозиционного «христианского марксизма». Огорчительные стычки между этими двумя лагерями раскололи французских католиков почти на сто пятьдесят лет и начисто лишили Французскую Церковь ее живительного евангелического духа.

Творческая ценность анализа Люстиже заключалась прежде всего в том, что он сумел разглядеть в этих двух течениях различные вариации одного и того же ложного выбора — нацеленность на статус «Церкви власти». Они отличаются друг от друга выбо-

ром предпочтительной политической силы, которая могла бы стать партнером Церкви. Оба течения сходятся в одном, хотя никогда и не признаются в этом публично: быть Церковью во Франции означает прежде всего быть «Церковью власти».

А Люстиже не согласился с этим. Именно связь Церкви с властью, по его мнению, сделала ее уязвимой для светской модернизации. Что же до пастырской стратегии, то совершенно невозможно отыскать удовлетворяющую всех середину между сторонниками реставрации и модернизации. Первые относятся к принятой на Втором Ватиканском Соборе «Декларации о религиозной свободе» как к ереси, в то время как вторые ошибочно восприняли принцип открытости модернизации, изложенный в «Пастырской конституции о Церкви в современном мире», как предложение к сотрудничеству с марксизмом и чуть позже с деконструктивизмом, хотя оба эти течения так или иначе ведут к крушению христианской ортодоксии. В этих условиях, пишет Люстиже, единственно правильным выбором может быть только выбор евангелический. Церковь должна отбросить все свои прежние притязания на власть, отказаться от сотрудничества с любой политической силой и приступить к реевангелизации Франции, не вовлекаясь в политические интриги, а способствуя возрождению культуры. Это означало, что законы Евангелия должны быть взяты на вооружение всеми, кто так или иначе формирует и создает высокую культуру Франции, то есть прежде всего глубоко секуляризованной французской интеллигенцией. Причем начинать нужно с самых сложных проблем, а саму Францию следует «перевернуть с головы на ноги».

Позже Люстиже говорил о своем меморандуме как об «очень, очень радикальном». На самом же деле он представляет собой явную параллель с пониманием первостепенной роли культуры в истории Иоанном Павлом II. Они никогда прежде не встречались, но их незаурядные интеллектуальные интересы воплотились в деятельности Ежи (Джорджа) Калиновского. Бывший люблинский коллега Кароля Войтылы проповедовал на французском языке и в свое время познакомил Люстиже и руководителей «Коммунио», издающегося во Франции ежеквартального теологического журнала, с работой Войтылы «Источник обновления» и другими работами польского кардинала середины 1970-х годов. Таким образом, Люстиже и молодые французские интеллектуалы из журнала «Коммунио» имели благодаря Калиновскому весьма неплохое представление о взглядах польского кардинала Войтылы на

проблемы французского католицизма в момент избрания его Папой Римским. С одной стороны, Войтыла восхищался французским католицизмом, а с другой — подвергал резкой критике. И это причудливое сочетание восхищения и критики было в полной мере продемонстрировано Папой в Париже с 30 мая по 2 июня 1980 года.

Люстиже не совсем в этом уверен, но вполне вероятно, что его меморандум кардиналу Марти все-таки нашел дорогу в Рим. Во всяком случае, 10 ноября 1979 г. Жан Мари Люстиже был утвержден епископом Орлеанским. В течение всего 1980 г. продолжались поиски возможного преемника кардинала Марти. Иоанн Павел, очевидно, никак не мог принять окончательного решения и постоянно испытывал душевные терзания по этому поводу. Он прекрасно понимал, что его решение будет иметь важные последствия для Франции. Было совершенно ясно, что этой стране требуется новое церковное руководство, которое могло бы проложить новый курс и дать новое направление французскому католицизму. Однако любое назначение так или иначе будет связано с тем или иным течением в Церкви.

Самый вероятный внешний кандидат на этот пост Поль Грамон, аббат монастыря Ле Бек-Хеллоуин, сразу же предупредил, что в возрасте шестидесяти девяти лет он вряд ли сможет принять подобное предложение. Исключением из современной французской иерархии был только Люстиже, но он стал епископом всего лишь несколько месяцев назад, и его назначение в Орлеан могло бы вызвать недовольство тех французских епископов, которые увидели бы в нем удачливого конкурента в церковных делах. Кроме того, в подобном назначении имелись определенные биографические сложности. Может ли сын польского еврея быть архиепископом Парижским?

Иоанн Павел решал эту проблему, преклонив колени в часовне в своих ватиканских апартаментах. Наконец-то решение было принято. Епископ Люстиже, получив известие о своем назначении в Париж, был просто ошеломлен. Ему казалось, что Папа идет на ужасный риск и просит его сделать то же самое. Ознакомившись с письмом, он тотчас же написал Папе, «напомнив о том, кто я такой и кем были мои родители». Но Иоанн Павел остался непреклонен. Он пошел на риск, назначив его епископом, и теперь был готов рискнуть, назначая архиепископом. Трижды монсеньор Дзивиш, секретарь Папы, повторил одну и ту же фразу:

— Ваше назначение — результат долгой молитвы Папы.

Это обстоятельство немного успокоило Люстиже. Позже он скажет, что, если бы не был уверен в том, что его назначение является результатом молитвы Папы, он ни за что на свете не принял бы его. Только молитва Иоанна Павла могла хоть как-то сгладить противоречивое отношение других к подобному назначению.

Католическая Франция застыла в изумлении. Папа Иоанн Павел совершил неслыханную вещь. Причем волна критики понеслась не только со стороны католиков, но и со стороны евреев, которые были явно не в восторге от того, что их соплеменник резко пошел вверх по церковной лестнице, хотя до этого постоянно повторял, что все еще считает себя сыном еврейского народа. Люстиже довольно болезненно относился к подобной критике, отчаянно доказывал свою правоту и часто организовывал встречи с коллегами по иерархии, где пытался развеять их сомнения. А между тем он продолжал напряженно работать над решением проблемы реевангелизации, а в некоторых случаях и просто евангелизации французских католиков. Словом, он всячески старался перевернуть Францию «с головы на ноги», не прекращая своих проповедей перед студентами и интеллигенцией в кафедральном соборе Нотр-Дам и трудясь в поте лица над серией популярных книг.

ПАЛОМНИЧЕСТВО В АЗИЮ

Иоанн Павел II продолжил укрепление своей репутации «вселенского пастыря», отправившись в феврале 1981 г. в очередной двенадцатидневный вояж в Пакистан, на Филиппины, в Гуам, Японию и на Аляску.

Восточная Азия стала величайшим евангелическим провалом Церкви за всю двухтысячелетнюю историю, если, конечно, не считать Филиппины — наиболее преданную католицизму страну в мире. Христиане всех направлений составляют в Восточной Азии примерно один процент населения, а в Японии, например, количество католиков в 1981 г. практически не изменилось по сравнению с 1945-м, и это несмотря на быстрый послевоенный рост населения. Паломничество Папы изначально задумывалось ради причисления к лику блаженных Лоренцо Руица, филиппинского

миссионера, жестоко убитого в Японии, и имело две главные цели. Во-первых, Иоанн Павел хотел продемонстрировать свое уважение к древним культурам Восточной Азии. А во-вторых, он по примеру апостола Петра решил укрепить дух братьев, отдаленных от него географически (Лк. 22. 32). Во время подготовки к этой поездке Папа решил спешным порядком пройти курс японского языка и языка тагальского, на котором говорят коренные филиппинцы. Он занимался языками по два часа в день в течение нескольких недель перед поездкой.

16 февраля Иоанн Павел вылетел на своем самолете «Луиджи Пиранделло» авиакомпании «Алиталия». По пути в Манилу была сделана «техническая остановка» для заправки горючим в пакистанском городе Карачи. Этот эвфемизм был использован для того, чтобы отвлечь внимание наиболее ревностных мусульман от того прискорбного для них факта, что на их землю ступила нога Папы Римского. «Техническая остановка» продолжалась около четырех часов. В аэропорту Папу встречал сам президент Пакистана Зия-Уль-Хак, а потом его провезли по шумным улицам, заполненным телегами с деревянными колесами и одетыми в белое стариками, крутившими педали своих велосипедов. Папа вскоре обнаружил, что многие из них направлялись на местный стадион, где он должен был отслужить торжественную мессу для 100 тысяч пакистанских католиков. Папа поблагодарил президента страны и напомнил ему:

— Одной из главных черт характера Авраама, патриарха, признанного не только христианами, но и мусульманами и иудеями, было его гостеприимство.

Филиппинский кардинал с довольно странной для католика фамилией Хайме Син[1], крупный и пышущий здоровьем этнический китаец, архиепископ Манилы с 1974 г., предложил организаторам папского вояжа три возможных маршрута. Иоанн Павел выбрал тот из них, который показался ему наиболее целесообразным.

— Ну что ж, — тяжело вздохнул кардинал Син, — будем надеяться, что репортеры смогут угнаться за лидером в белом.

Кардинал имел и другие, более серьезные причины для беспокойства. Для него не было секретом, что глава государства Фердинанд Маркос и его супруга полны решимости использовать визит Папы в целях укрепления своих личных политических

[1] Син по-английски — «грех».

позиций. Имельда Маркос уже попыталась заручиться поддержкой со стороны общественного мнения страны за приглашение Папы и отступила от своего плана только тогда, когда кардинал Син пригрозил прочитать во всех церквах пастырское послание и объяснить верующим, что Папа приезжает в страну исключительно по приглашению епископов, а Маркосы все врут. По этой же причине незадолго до приезда Папы президент Маркос отменил в стране военное положение, которое он ввел еще в 1972 г. Однако на таких людей, как кардинал Син, это не произвело никакого впечатления.

— Несмотря на все законотворческие попытки Маркоса приукрасить свой режим и придать ему вид вполне респектабельной демократии, на самом деле это чистейшей воды диктаторское правление.

Первая супружеская пара Филиппин вела себя во время визита Папы довольно комично. Почти все, что они предпринимали, чтобы произвести на Папу благоприятное впечатление, неизбежно приводило к противоположному результату. Так, например, они устроили ему грандиозную встречу в аэропорту Манилы с почетным караулом, продолжительным артиллерийским салютом, показательными полетами военной авиации и многочисленными школьниками, одетыми в военную форму. А торжественный прием в честь Папы, устроенный в президентском дворце Малаканьянг, поражал воображение своей роскошью и богатством. По этому случаю резиденция главы государства была превращена в огромную филиппинскую деревню, что, естественно, потребовало колоссальных расходов, а богатые гости щеголяли в национальных костюмах. Первая леди страны на своем персональном самолете специально вылетала заранее во все те места, которые по плану должен был посетить Папа Римский, и создавала там впечатление, что именно она принимает Папу. Ко времени третьей остановки в городе Давао Иоанн Павел, долготерпение и врожденная деликатность которого стали уже легендарными, не выдержал подобной опеки и стал обращаться к местным жителям, словно не замечая присутствия вездесущей супруги президента. А контролируемое семьей Маркоса филиппинское телевидение всегда старалось держать Папу на втором плане, повсеместно выпячивая на первый миссис Маркос, окруженную, как это часто повторялось, «любящими гражданами страны».

Замечания Иоанна Павла по поводу филиппинской политической элиты показывают, что он испытал определенное влияние

кардинала Сина и демократически настроенных филиппинских епископов. Во время приема в президентском дворце Папа решительно осудил военное положение в стране, недавняя официальная отмена которого никак не оправдывала действия правительства в предыдущий период. Любые конфликты между интересами национальной безопасности и соблюдением прав человека, заявил он, должны решаться с точки зрения общепринятого факта, что государство существует для того, чтобы служить интересам народа и его неотъемлемым правам. И если государство систематически нарушает эти права, то это никак не может служить интересам всеобщего блага.

Несмотря на то что внимание средств массовой информации полностью сфокусировалось на драматическом конфликте между семейством Маркос и отстаиванием Папой прав человека, сам Иоанн Павел главное внимание уделил положению в Филиппинской Католической Церкви — самой сильной католической Церкви в Восточной Азии. Его послание к этой Церкви было во многом сходным с тем посланием, которое он адресовал Бразильской Церкви: защита религиозной свободы и других прав человека; утверждение принципов социальной справедливости, но при этом без привлечения политики и без принесения евангелических принципов в жертву сиюминутным политическим интересам. Епископы и священнослужители должны трудиться во благо всего общества, но не посредством революционной борьбы, а руководя католиками в соответствии с теми моральными нормами, которые в свое время были зафиксированы в социальных доктринах Церкви — теми самыми нормами, которые отражены в энцикликах, но не в силу своего приказного характера, а в силу правильного понимания решений Второго Ватиканского Собора, когда социальная активность католиков воспринимается в качестве одного из важнейших элементов всеобщего призыва к святости. До этого визита никогда прежде Папа Иоанн Павел II не подчеркивал такой важной евангелической роли мирян и их ответственности за соблюдение основ веры их соседями.

Центральной частью филиппинского вояжа Папы стала беатификация 18 февраля Лоренцо Руица и его соратников — последняя ступень перед причислением их к лику святых. Это была первая подобная церемония, когда-либо проводившаяся за пределами Рима или Авиньона. Кардинал Син выразил пожелание, чтобы беатификация этого филиппинца и его миссионеров, невинно убиенных в Нагасаки в XVII в., была проведена в Маниле, с чем

Папа охотно согласился. На эту церемонию в Лунета-парк пришло около миллиона филиппинцев, а к самому Папе присоединились епископы из Австралии, Бангладеш, Гонконга, Индии, Индонезии, Японии, Южной Кореи, Макао, Шри-Ланки и Тайваня. Перейдя с английского на тагальский, Иоанн Павел напомнил огромной толпе собравшихся на самом грандиозном мероприятии католической Церкви в истории Азии слова приговоренного к смерти мученика за веру, которые тот произнес перед японским судом: «Даже если бы мое смертное тело имело тысячу жизней, я бы без колебаний отдал их за то, чтобы не отвернуться от Христа». Этот человек, будучи сыном китайца и филиппинки, уже сам ставший мужем и отцом, «напоминает нам всем, что жизнь человека должна всецело и полностью принадлежать Христу». Особое значение этого акта заключается в том, что «беатификация впервые проводится в Восточной Азии, которая должна пробудить жизнь всех христиан Дальнего Востока... ради распространения слова Господа по всему миру». Для филиппинцев приглашение Папы имело символическое значение, так как они получили возможность «глубоко укрепиться в своей вере и вдохнуть новую надежду» из примера жизни своих мучеников. То, что они так радостно праздновали в Лунета-парке, было «истинной любовью к Иисусу Христу, который воспринимается верующими как Свет современного мира». Именно такое представление о католиках филиппинцы должны привнести в страны Азии.

График поездки был, как всегда, крайне жестким — шестнадцать часов в день без каких бы то ни было перерывов. Папа Римский встречался с семьями простых людей, с духовенством, семинаристами, монахами, прокаженными, студентами университетов. Он посетил самые бедные районы страны, а также лагерь беженцев, где в ужасающей нищете ютились вьетнамцы. Кстати сказать, всего за несколько часов до приезда Папы к беженцам правительство распорядилось убрать оттуда колючую проволоку. Однажды во время остановки какая-то девочка решила преподнести Папе букет цветов. Папа уже протянул было руку, но она вдруг передумала и спрятала цветы за спину. Сопровождавшие его монахини чуть в обморок не упали от смущения, а Папа лишь рассмеялся. Посетив 21 февраля католическую радиостанцию «Веритас», он передал сообщение всем странам Азии: «Христос и Его Церковь не могут быть чужими для любого человека, любой нации и любой культуры. Слово Христа по праву принадлежит всем и адресовано всем... Церковь в Азии, как, впрочем, и во всем

мире, хочет быть знаком всемилостивой любви Бога, нашего общего Отца». Это радиообращение Папы преследовало несколько целей, в том числе и проникновение в Китай. И оно оказалось далеко не последним.

После остановки на ночь в Гуаме 23 февраля Иоанн Павел прибыл в Японию. Нынешняя напряженность в отношениях между традиционными японцами и японцами-католиками имеет более чем 400-летнюю историю и уходит корнями в XVII в., когда волна кровавых погромов пронеслась по всей стране и привела к уничтожению большинства католических общин. Именно поэтому визит Папы в Японию представлял собой современную попытку возобновить давно забытый разговор на эту тему.

Император Японии Хирохито проявил к визиту понтифика исключительное внимание и лично встретил Папу на пороге императорского дворца. Никогда раньше император, чей религиозный статус в Японии и ее культуре приближается к статусу монарха божественного происхождения, не встречал подобным образом ни одного представителя какой бы то ни было религиозной конфессии. В тот день Иоанна Павла приветствовали тысячи японских подростков и молодых людей, причем далеко не все они были христианами. После ставших обычными в таких поездках Папы песен и танцев Иоанн Павел долго беседовал с японской молодежью, наиболее активные представители которой задавали ему массу вопросов и спрашивали обо всем, начиная от основ веры и кончая проблемами современного мира. Однако наиболее трогательным событием того же самого дня стал визит Папы к брату Зено, францисканскому миссионеру польского происхождения, который прибыл в Японию вместе с Максимилианом Кольбе еще в 1930-х годах. После войны брат Зено стал защитником изгоев и беспризорных. Он днями бродил по улицам Токио, подбирал на помойках остатки еды и приносил их своим подопечным. Больной, девяностолетний брат Зено едва слышал. Когда Иоанн Павел наклонился над ним, старик спросил его, правда ли, что тот действительно является Папой-поляком. Иоанн Павел ответил утвердительно, и по морщинистым щекам старика покатились слезы. А когда Папа сердечно обнял старого франциканца и нежно погладил его по голове, никто из собравшихся в комнате не смог сдержать слезы. Японские газеты много лет писали о том, что брату Зено, чьи святые дела давно уже завоевали ему огромное уважение среди местных жителей, даже несмотря на его западное происхождение, «не хватает времени, чтобы

умереть». И вот теперь еще один «брат Господа нашего», как драматург Войтыла назвал когда-то отличившегося небывалым самопожертвованием брата Альберта Хмеловского, мог спокойно умереть счастливым человеком.

25 февраля Папа прибыл на мемориал Мира в Хиросиму, где выступил перед собравшимися на японском, английском, французском, испанском, португальском, польском, китайском, немецком и русском языках. Это обращение повторялось три раза и содержало такие слова: «Помнить прошлое — значит, думать о будущем». Человечество, подчеркнул Иоанн Павел, «не обречено судьбой на самоуничтожение», а антиподом угрозы новой войны должна стать «система законов, которые будут регулировать международные отношения и служить делу сохранения мира». Он завершил выступление молитвой на японском языке, попросив «Создателя всего сущего, Творца человека, истины и красоты утвердить в сердцах людей мудрость, справедливость и радость человеческого общения».

После выступления перед учеными и студентами Университета Объединенных наций Иоанн Павел отбыл в Нагасаки — центр современного японского католицизма, который встретил его ледяным ветром и снегом. Там он посетил Холм мучеников, где были распяты Лоренцо Руиц и его собратья, а также дом, в котором в 1930-е годы жил Максимилиан Кольбе, больше известный местным епископам по прозвищу Сумасшедший Макс из-за своей нетерпимости по отношению к японцам, которые с трудом воспринимали его проповеди. Во время мессы в кафедральном соборе Нагасаки понтифик в первый же день посвятил в духовный сан пятнадцать священников, а на следующий день во время торжественной мессы на стадионе Матсуяма им был совершен обряд крещения семидесяти семи мужчин и женщин, стоявших под непрерывно падающим на головы снегом.

Обратный путь домой пролегал через полюс, самолет Иоанна Павла сделал остановку для дозаправки горючим на Аляске, в Анкоридже, где погода была намного лучше, что позволило 50 тысячам жителей посетить мессу на открытом воздухе в Делани-Парк-Стрип. Это было самое грандиозное собрание людей за всю историю малозаселенного штата. Какой-то американец польского происхождения преодолел 600 миль на санях с собачьей упряжкой с единственной целью повидать Папу Римского. К несчастью, у него не было билета на мессу, и его поначалу не пускали на стадион. Однако собаки подняли такой шум, что охранники

сочли за благо впустить его и не создавать себе тем самым лишних проблем.

В своем приветственном обращении архиепископ Фрэнсис Т. Харли отметил, что «никогда в будущем ни один Папа ни за что на свете не отправится севернее Вечного города, если у него не будет личного космического корабля, — это вызов, который, несомненно, может оказаться весьма заманчивым для его высокопреосвященства». В аэропорту, отправляясь в Рим, Иоанн Павел проделал последние сто футов до трапа на собачьей упряжке.

— Это было великолепно, — сказал он и поблагодарил погонщика и девять его собак.

На пути к Аляске самолет Папы перелетел из восточного полушария в западное, и все пассажиры таким образом получили в свое распоряжение еще один день.

— Теперь нам предстоит решить, — подытожил Папа с озорным блеском в глазах, — что делать с этим лишним днем, который был нам так великодушно подарен.

Содержание

Пролог
Апостол . 5

1. Сын свободы
Польша «Semper Fidelis» 27

2. Из подполья
«Третий рейх» против «Царства правды» 66

3. «Называйте меня Вуек»
Быть священником 133

4. Видеть вещи такими, как они есть
Становление философа 182

5. Новая пятидесятница
Ватикан II и кризис гуманизма 217

6. Наследник святого Станислава
Бенефиции Собора в Кракове 276

7. Папа из далекой страны
Избрание Иоанна Павла II 368

8. «Не бойтесь!»
Папа для всего мира 402

9. «Сколько у Папы дивизий?»
Конфронтация с «империей лжи» 446

10. Пути свободы
Истины личные и общественные 495

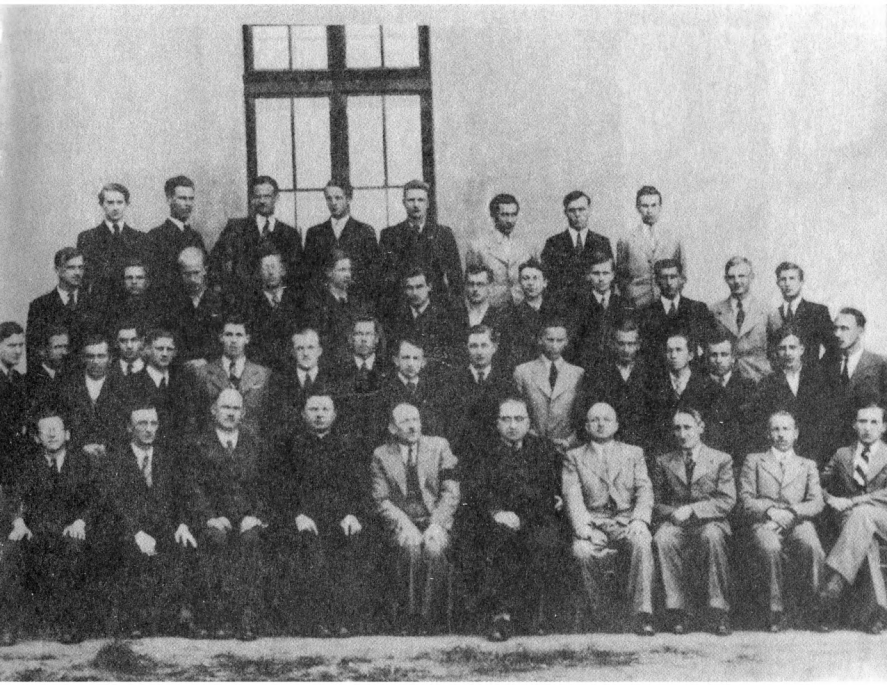
11. Петр среди нас
Вселенский пастырь как апостолический свидетель 547

Кароль Войтыла и Эмилия Качоровская в день свадьбы. 1904 г. *Музей Иоанна Павла II в Вадовице. Фото Адама Буяка.*

Лолек с матерью. 1920 г. *Музей Иоанна Павла II в Вадовице.*

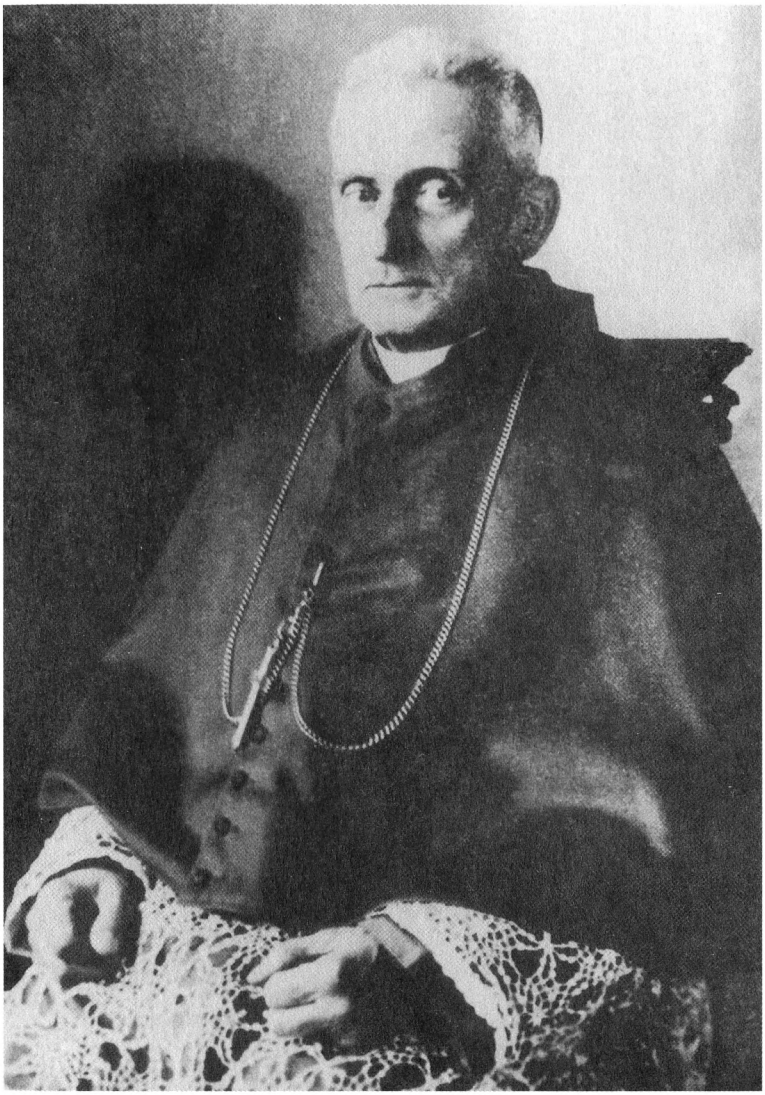
Выпускники Вадовицкой средней школы 1938 г. со своими учителями. Кароль Войтыла — крайний слева во втором ряду. Четвертый слева в том же ряду — Ежи Клюгер. *Музей Иоанна Павла II в Вадовице.*

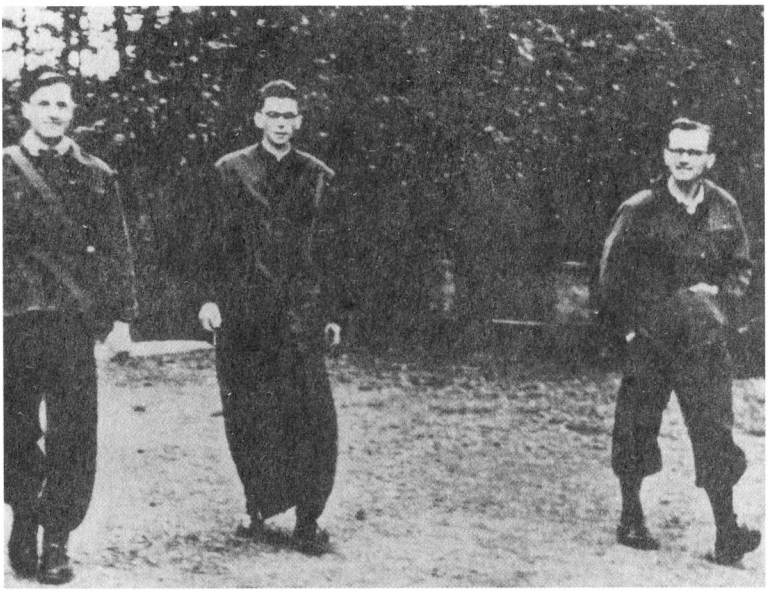
Кароль Войтыла с одним из своих юных друзей в квартире на Тынецкой, 10, во время немецкой оккупации. 1941 г. *Музей Иоанна Павла II в Вадовице.*

Карьер Закржувек. *Фото Адама Буяка.*

«Непокоренный князь», кардинал Адам Стефан Сапега. *Архив Краковского архиепископства.*

Дальняя пешая прогулка в июле 1953 г. Справа — Кароль Войтыла. *Музей Иоанна Павла II в Вадовице.*

Епископ Войтыла во время посещения одного из приходов епархии. 1962 г. *Архив Краковского архиепископства.*

Примас Польши кардинал Стефан Вышыньский. 1966 г. *Фото Адама Буяка.*

Процессия, следующая из Вавельского собора к Скалке, у места, где мучили святого Станислава. Краков, 1966 г. В центре — архиепископ Войтыла. *Фото Адама Буяка.*

Архиепископ Войтыла возводит в сан нового священника во время празднования тысячелетия принятия Польшей христианства. 1966 г. *Архив Краковского архиепископства.*

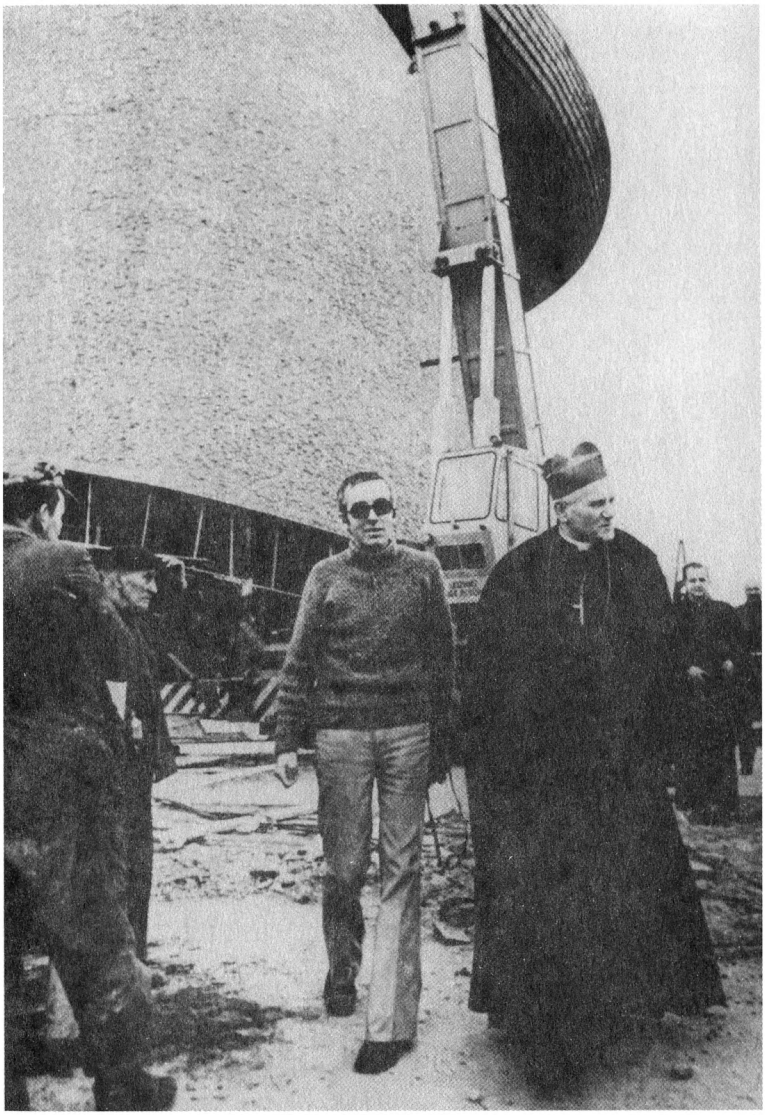
Архиепископ Войтыла сразу после получения известия о назначении его членом Коллегии кардиналов. 1967 г. *Фото Адама Буяка.*

Кардинал Войтыла служит мессу в Кальварье Зебжидовской. 1969 г. *Фото Адама Буяка.*

Кардинал Войтыла благословляет младенца у Вавельского собора. *Фото Адама Буяка.*

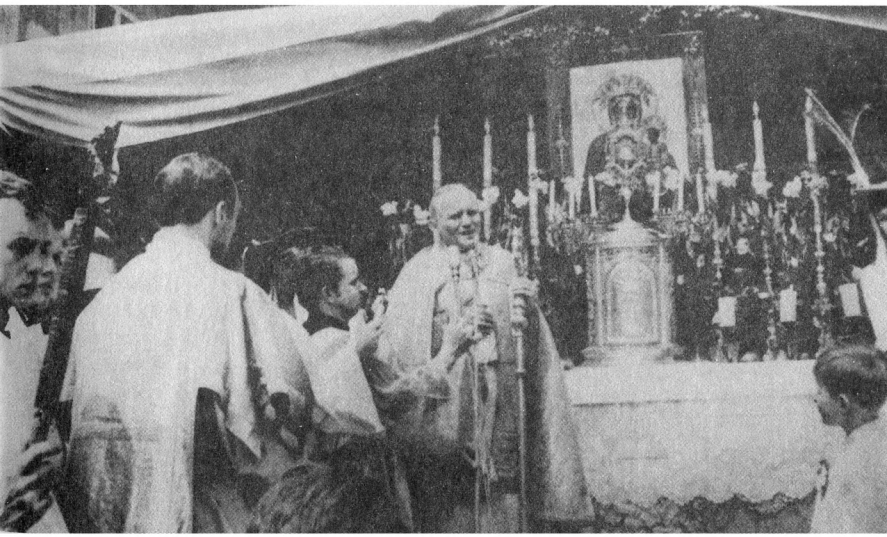
У строящегося костела в Новой Гуте. *Архив Краковского архиепископства.*

Во время пастырской поездки по приходам епархии. 1969 г.
Архив Краковского архиепископства.

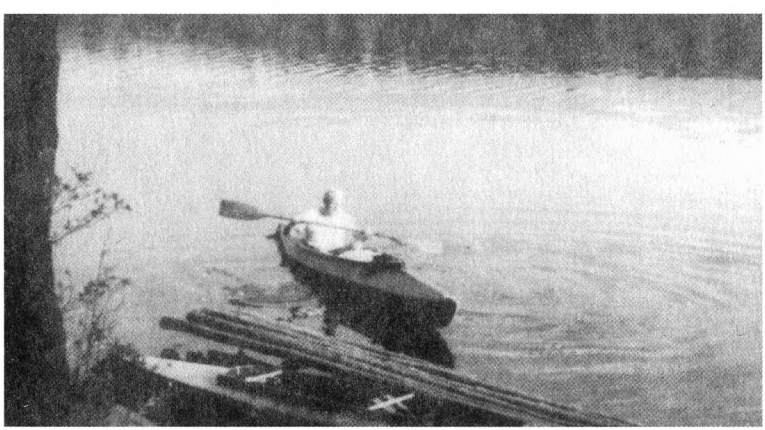
Войтыла и его секретарь отец Станислав Дзивиш в одном из приходов. *Архив Краковского архиепископства.*

Кардинал Войтыла произносит проповедь во время процессии Тела Христова. Краков, 1971 г. *Архив Краковского архиепископства.*

Войтыла с Габрелем Туровским во время последнего байдарочного похода «Шродовиско», в котором он участвовал. 1978 г. *Музей Иоанна Павла II в Вадовице.*

Кардинал Войтыла в своей байдарке. 1978 г. *Фото Гжегожа Рыбицкого.*

Научно-популярное издание

Вейгел Джордж

СВИДЕТЕЛЬ НАДЕЖДЫ
Иоанн Павел II

В 2 книгах
Книга 1

Редактор Е.М. Кострова
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: Ю.Ю. Миронова
Младший редактор А.С. Рычкова

Подписано в печать с готовых диапозитивов 17.04.2001.
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 31,92. Тираж 5100 экз. Заказ 1208.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.01.
220040, Минск, ул. М. Богдановича, 155 — 1204.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.650.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79. Заказ 1730.

Республиканское унитарное предприятие
«Полиграфический комбинат им. Я. Коласа». 220600, Минск, ул. Красная, 23.

Вейгел Д.

В26 Свидетель надежды: Иоанн Павел II. В 2-х кн. Кн. 1: Пер. с англ. / Д. Вейгел. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. — 608 с., [16 л. ил.] — (Историческая библиотека).

ISBN 5-17-005695-8

Иоанн Павел II. Первый неитальянец на Святом Престоле с шестнадцатого века. Последний Папа Римский минувшего столетия, отметивший в 1998 году двадцатилетие своего понтификата. Папа, который на протяжении всей своей церковной карьеры неуклонно разрушает стереотипы, представая перед паствой не символом былой славы, но живым человеком. Глава более миллиарда католиков, стремящийся, по его собственным словам, быть «Папой для всех»...

Личная популярность этого человека поразительна — только за последние годы вышло более ста его биографий на разных языках. Эта книга отличается от многих.

Перед вами не просто биография, не просто перечень дат, событий и фактов, но — многоуровневый, детальный психологический портрет одного из самых известных людей нашего времени.

УДК 940.2
ББК 63.05(2)

Иоанн Павел II. Первый неитальянец на Святом Престоле с шестнадцатого века. Последний Папа Римский минувшего столетия, отметивший в 1998 году двадцатилетие своего понтификата. Папа, который на протяжении всей своей церковной карьеры неуклонно разрушает стереотипы, представая перед паствой не символом былой славы, но живым человеком. Глава более миллиарда католиков, стремящийся, по его собственным словам, быть «Папой для всех»...

Личная популярность этого человека поразительна — только за последние годы вышло более ста его биографий на разных языках. Эта книга отличается от многих.

Перед вами не просто биография, не просто перечень дат, событий и фактов, но — многоуровневый, детальный психологический портрет одного из самых известных людей нашего времени.

Историческая библиотека